Ю. Ю. МОРГУНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ ЗЕМЛИ

(Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович)

Российская академия наук
Институт археологии

Ю. Ю. МОРГУНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ ЗЕМЛИ

(Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович)

Вологда
Древности Севера
2019

УДК 94(47).025/027
ББК 63.3(2)41
М 79

Утверждено к печати
Ученым советом ИА РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-19-00161,
не подлежит продаже.

Ответственный редактор:
доктор исторических наук А. А. Медынцева.

Рецензенты:
кандидат исторических наук В. Ю. Коваль,
доктор исторических наук А. Е. Леонтьев.

Моргунов Ю. Ю.

М 79 Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович) / Ю. Ю. Моргунов ; [отв. ред. А. А. Медынцева] ; Рос. акад. наук, Ин-т археологии. – Вологда : Древности Севера, 2019. – 375 с.: ил.

ISBN 978-5-93061-131-1

Монография посвящена изучению исторической географии основной (южной) части Переяславской земли на протяжении второй половины X в. – 1132 г. – это время сложения, оборонительного и политического расцвета земли-княжения. Исследование основано на комплексном анализе летописных и археологических источников на фоне детализированной ландшафтной характеристики региона. Основным источником работы являются остатки крепостных сооружений: это позволяет во многом уточнить ход формирования земли-княжения, динамику ее развития и локализацию населенных пунктов. Вниманием не обделены важнейшие военные и торговые пути, ход христианизации юго-восточной окраины Руси и характер изменения внутренних и внешних границ Переяславской земли.

Для историков, географов, археологов, музейных работников, краеведов и студентов.

УДК 94(47).025/027
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-93061-131-1

© Моргунов Ю. Ю., 2019
© Институт археологии РАН, 2019
© Оформление. ООО «Древности Севера», 2019

Введение

Историческая география развивалась как область исторического знания и пользовалась системой гуманитарных и социальных методов исследования. Она занималась изучением вопросов, имеющих для истории хоть и немаловажное, но вспомогательное значение. Долгое время ее источниковую базу составляли письменные памятники и топонимика, периодически ее пополняли отрывочные сведения о недостаточно или вовсе не датированных следах древних укреплений.

На фоне высокой степени изученности письменных источников в последний полувековой отрезок историко-географический анализ уже не может обойтись без учета археологических памятников. А с углублением их датирующих возможностей остатки древних укрепленных и открытых поселений, а также могильников порой составляют единственный комплекс источников, способный донести многообразную информацию о различных сторонах жизнедеятельности древнего населения. Поэтому на новом уровне развития археологическая составляющая становится едва ли не наиболее значимым элементом историко-географических исследований. Этому способствует общность их основополагающих методических принципов – временному и пространственному подходам (Вампилова, 2008, с. 42). Поэтому, согласно общему мнению, в настоящее время обновленная таким образом наука постепенно становится интегрированной, закрепившейся на стыке истории и географии в общих рамках изучения исторического процесса.

Действительно, в основе археологических исследований лежит изучение материальной канвы в рамках сопредельных хронологических периодов, близким историко-географическим срезам, применяющимся для анализа материалов конкретных эпох. Не менее существенно и обозначение географических пределов изучаемой территории. Важность этого принципа трудно переоценить. Он предусматривает возможность сопоставления полученных выводов с данными сопредельных территориальных образований в соответствии с едиными единицами историко-географического районирования. Отсюда происходит и необходимость привлечения к анализу естественно-научных данных, позволяющих реконструировать древние физико-географические ландшафты. Порой это позволяет уточнять полноту заселения отдельных микрорегионов или, наоборот, понять причины неполного освоения иных территорий.

Так, высшей единицей районирования считается историко-географическая область, территория, отличающаяся общностью исторического развития и определенными хозяйственно-культурными особенностями (Жекулин, 1982, с. 80 – 84). Области состояли из несколько обособленных, но взаимосвязанных крупных историко-географических регионов, изучению которых будет отведен один из разделов этой работы. На основании изучения исторически сложившихся скоплений укрепленных и открытых поселений, а также обширных курганных могильников, разделенных естественными рубежами или незаселенными поясами, внутри историко-географических районов порой удается выделить микрорайоны (или микрорегионы), формирующиеся вокруг культурно-хозяйственных поселенческих центров. Это своеобразные «ядра» освоения и развития конкрет-

ной территории в ее естественных или политически организованных пределах (Жекулин, 1982, с. 92–96). В археологической литературе нередко их идентифицируют с летописными волостями в узком понимании этого термина.

В предлагаемом исследовании рассматривается лесостепная юго-восточная область Руси – Переяславская земля-княжение периода ее сложения и апогея ее особой защитной и политической значимости. Судя по контексту летописных источников, Переяславское княжение задумывалось в качестве защитного барьера киевского поселенческого средоточия от кочевнических вторжений с юго-востока. Первый, может быть, отчасти стихийный (или интуитивный?) этап этого процесса состоял в необходимости отодвинуть внешние пределы государства от столицы. А приближение половецкой экспансии заставило перейти к сложению полноценного оборонительного региона.

С успехом этой акции значимость территории для безопасности южных земель неоднократно подчеркивалась хотя бы тем фактом, что княжение на Трубеже нередко было пробным камнем, на котором проверялась пригодность кандидатов на великокняжеский стол. Это могло было связано с немаловажным для метрополии умением князя организовать защитные мероприятия на рубеже оседлого расселения. Не последнюю роль играли и разные формы контроля претендента и его родственников над более благополучными землями, которые материальными и воинскими ресурсами поддерживали жизнеспособность разоряемой кочевниками окраины (Ляскоронский, 1903, с. 50–53; Кучера, 1975, с. 126, 127; Коринный, 1992, с. 55–58; Моргунов, 1998). Поэтому хронологический диапазон исследования ограничен периодом конца X – первой четверти XII вв., что соответствует времени сложения и расцвета земли-княжения: после смерти Мстислава Владимировича Великого в 1132 г. начался распад Руси на самостоятельные княжества.

Основной целью исследования является основанное на комплексном единстве летописных и археологических источников изучение исторической географии Переяславской земли на фоне детализированной ландшафтной характеристики региона. Не менее важна задача показать не только историю и территориальные особенности уже сложившегося княжества, но и его предтечу – начало заселения левобережных лесостепных владений Киевом, которое исподволь началось еще при Святославе Игоревиче.

Логически основной единицей археологической составляющей должны были бы служить «открытые», т. е. неукрепленные поселения, но они картографируются крайне неполно. Прежде исследователи не обращали на них должного внимания, зачастую лишь вскользь отмечая наличие селищ, сопровождавших укрепленные поселения. Да и сейчас примеры сплошного обследования более или менее обширных участков территории крайне редки, поэтому основным источником работы стали крепостные сооружения. Они позволяют лучше оценить особенности сложения региона, локализацию летописных пунктов и направление важнейших путевых трасс. В значительной степени они позволяют определить формы заселенности и динамику ее развития в целом, так как сложение защитной системы пограничного со степью княжения как нельзя лучше отражает процесс формирования поселенческих структур. Не останутся без внимания важнейшие военные и торговые пути, а также ход христианизации юго-восточной окраины Руси. В итоге все это позволит уточнить характер изменения внутренних и внешних границ Переяславской земли.

Несмотря на то, что исследователи последних десятилетий всё чаще обращаются к археологическим источникам, в памяти свежи ставшие хрестоматийными

выводы, основанные на мелкомасштабном картографировании и даже на «слепых» картах. В современной литературе бытуют и оставшиеся от прошлого отождествления, основанные лишь на созвучии современных топонимов с именами летописных пунктов. Отсюда происходят порой ныне не объяснимые разночтения в исторических интерпретациях. Поэтому методической основой этой работы является максимально полное привлечение к анализу городищенских материалов в пределах их обоснованных датировок. К этому призывает возможность их отождествления с летописными городами. Сопоставление археологических материалов с информацией летописных источников дает возможность более жестко очертить хронологические рамки отдельных этапов территории, связать их с конкретно-исторической обстановкой и выявить причины неравномерности и различной интенсивности оборонительного строительства.

Представленные городищами остатки укрепленных поселений занимают особое место в изучении древнего расселения: в одних примерах они размещались среди сложившихся поселенческих средоточий, становясь их экономическим эпицентром, оплотом их безопасности и связующим звеном на торговых и внешних путях. В других же их появление вызывало зарождение нового расселения, нуждавшегося в защите от внешнего натиска. Кроме того, как центры поселенческих скоплений разных категорий остатки укрепленных поселений фиксируют пределы территориальных образований разного уровня, а порой и внутреннюю структуру крупнейших из них.

Эта работа не претендует на решение всех историко-географических проблем: скорее она призвана служить примером того, насколько глубже могут их осветить археологические методы исследований. Вдумчивые критики, несомненно, обнаружат в этой работе недостатки, ошибки и пробелы, но хочется надеяться, что она несколько освежит интерес к этой тематике. Следует подчеркнуть, что узкоспециальные вопросы и более подробные описания памятников вынесены в примечания, помещенные в конец крупных разделов: так они не будут отвлекать внимание читателей от особенностей археологического анализа и разнообразных побочных наблюдений.

Пользуясь случаем, хочется выразить искреннюю признательность многим коллегам, помогавшим мне существенными замечаниями и рядом мудрых советов: боюсь, что всех перечислить трудно. И все же не могу не упомянуть постоянную поддержку и рекомендации В. Ю. Коваля, А. Е. Леонтьева и А. В. Чернецова. Особой благодарности заслуживает и множество украинских коллег, предоставляющих для ознакомления свои новейшие публикации, а также сборники статей, с трудом осваивающие российское историографическое пространство. В этом плане, пожалуй, ведущее место принадлежит удивительной по охвату материалов публикационной деятельности полтавского исследователя и организатора А. Б. Супруненко. Без подобной поддержки я рисковал лишиться наиболее значимого для данной тематики массива современной литературы. Нельзя признательно не упомянуть и столь необходимые консультации по новейшим материалам, которые мне любезно предоставляли Ф. С. Гавриленко, М. Б. Иванов, Е. Н. Осадчий, В. В. Приймак, А. О. Прядко, В. В. Шерстюк и другие специалисты. Надеюсь, что это общение было паритетным и принесло взаимную пользу.

Источники и историография

Письменные источники

Базовым источником исследования являются древнерусские летописи. Из них основными для рассматриваемой темы являются древнейшие – Лаврентьевская и Ипатьевская. Они содержат обстоятельные сведения о политических событиях и дают наиболее достоверные факты для их географической локализации. Оба летописных свода начинаются Повестью временных лет (далее – ПВЛ), неравномерно раскрывающей события интересующей нас территории. Довольно кратко сведения о Переяславской земле были представлены в основной части ПВЛ, Древнейшем киевском своде, вышедшем из среды, близкой Ярославу Мудрому. Еще А. Н. Насоновым были подмечены трудности в понимании, насколько полно дошел до нас этот свод в обработке позднейших редакторов. Исследователь показал, что сохранившиеся фрагменты носят «печать ограниченности, характер местной, киевской, "областной истории"» (Насонов, 1969, с. 43–46). Это отрицательно сказалось на полноте освещения событий левобережной части «Русской земли».

В свою очередь, Начальный свод в составе ПВЛ содержал оценку политических событий, довольно независимую от мнения киевских князей. Такие суждения отцов Киево-Печерского монастыря сложились в определенный идеал киевского князя и княжеского единства Рюриковичей. Неизвестный нам автор, печерский черноризец, писал о трагических условиях половецких вторжений первой половины 1190-х гг., что обостряло акценты сведений о борьбе с кочевниками. Кроме Древнейшего свода, этот монах использовал довольно широкий круг источников. Благодаря этому в Начальном своде, в частности, появилась первая точная датировка половецкого рейда 1061 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 63; Насонов, 1969, с. 47–57). В целостном виде ПВЛ сформировалась в том же монастыре приблизительно через 15 лет после Начального свода, в 1111 г., во время развернутого наступления Руси на Половецкую степь. Применительно же к X в. киевское летописание не пополнилось существенными сведениями о борьбе с кочевниками. Они имели легендарный характер, как, к примеру, сюжет о поединке отрока с печенегом на Трубеже или о белгородском «киселе» (Шахматов, 1916, с. 155–157, 161–163). Скупо освещен известиями об интересующей нас территории и XI век, но с 1094 г. левобережные события начали упоминаться чаще. В этом плане исключительный интерес представляет включенное в Лаврентьевскую летопись (далее – ЛЛ) уникальное «Поучение» Мономаха, содержащее множество новых сведений, не нашедших отражения в основном тексте ПВЛ.

Для XII в. мы располагаем фрагментами переяславского свода, сохранившимися в ЛЛ На его базе начиналось Владимиро-Суздальское летописание, первая часть которого была представлена в ПВЛ и продолжена сокращенной в Переяславле редакцией киевского летописания с дополнением местных записей. Они велись при епископской церкви св. Михаила. Менее полно переяславская традиция отразилась в так называемом Киевском своде 1198 г. Концептуально структура ПВЛ была разработана А. А. Шахматовым (2001), соотношение предшествовавших ей текстов тщательно анализировалось и А. Н. Насоновым (1969, с. 80–111).

Некоторые из утраченных сводчиками сведений иногда восстанавливаются сравнением с Новгородской первой летописью (далее – НПЛ). Подчас уникальные подробности событий содержатся в «Истории Российской» В. Н. Татищева (1963, 1964). Часть исследователей уверена в том, что в ее основе лежал не дошедший до нашего времени летописный свод. Тем не менее наличие неизвестных по другим сводам сообщений и принадлежащих перу великого историка вольных трактовок событий заставляет осторожно пользоваться этим источником, сравнивая содержание двух редакций этого труда (Добрушкин, Лурье, 1970, с. 219–224; Добрушкин, 1977, с. 76–97).

Летописные источники использованы в репринтном воспроизведении классических выпусков 1–3 томов Полного собрания русских летописей (далее – ПСРЛ). При отсутствии существенных для темы разночтений и вариантов в других текстах ПВЛ ниже цитируется по Лаврентьевскому списку.

Археологические источники

Типологическое разнообразие археологических памятников предоставляет универсальные возможности для изучения исторических процессов. Отсюда следует их незаменимость и в историко-географических исследованиях в качестве пространственно-хронологического фактора. Так, погребальные древности позволяют проследить этническую историю и содержат информацию по христианизации населения, но их подавляющее большинство исчезло, активно они уничтожаются и сейчас. А выявление и картографирование «открытых» поселений – селищ, как упоминалось выше, является задачей далекого будущего. Поэтому на передний план исследовательской работы выдвигаются городища – руинированные остатки укрепленных поселений. Корни этого термина восходят к летописной лексике: в письменных источниках «город» – это обобщенное понятие о существующем населенном пункте порой неопределенного политического и поселенческого содержания, обнесенном укреплениями разной сложности. «Городищем» же именовали разрушенное или сожженное укрепление (ПСРЛ, т. 2, с. 839). Но в любом случае обе категории отличаются от открытых поселений или селищ наличием остатков внешних оборонительных атрибутов – валов (руин крепостных стен) и рвов.

Компоненты крепостного комплекса лучше распознаются на местности, поэтому всегда привлекали внимание и фиксировались не в пример чаще открытых поселений. Но и сейчас их уничтожают при застройке и хозяйственном использовании земель, а культурные напластования вычищаются «черными копателями» при помощи металлодетекторов. Тем не менее они более доступны для картографирования при помощи старых топографических карт и аэрофотосъемки; в последние годы стало популярным и привлечение материалов спутниковых съемок. Но воистину бесценным остается многолетний опыт проведения раскопок как в ныне не заселенной местности, так и в условиях городской застройки. Таким образом, за исключением поросших лесами земель, можно предполагать об удовлетворительной полноте современных представлений о количестве и размещении подавляющего большинства укрепленных поселений.

На этом фоне постепенно увеличивается и количество городищ, подвергшихся хотя бы разведочным обследованиям: порой и они позволяют существенно уточнять время возникновения тех крепостей, которые прежде связывали лишь

с их первыми упоминаниями в письменных источниках. Таким образом, не подлежит сомнению, что укрепленные поселения маркировали внешние пределы оседлого расселения и сопредельных территориальных образований, древние военные и торговые трассы, а их скопления указывают на особую концентрацию сельского населения. Следовательно, этот вид источников применим для широких обобщений.

В дальнейшем к термину «городище» придется обращаться почти на каждой странице. Поэтому ниже будут нередко применяться и расширительные эквиваленты его первоначального именования: «оборонительное сооружение», «укрепленный населенный пункт», «крепость» и даже «форпост». Другими словами, все то, что связано с защищенными стенами поселениями, вне зависимости от их социально-экономического и функционального назначения. Надеюсь, что это не будет воспринято как ошибка: социально-историческая интерпретация остатков укрепленных поселений лишь немногим касается тематики этой работы, поскольку материалов для этого пока недостаточно.

Переходя к истории введения городищ в научный оборот, следует подчеркнуть, что подобные обзоры уже публиковались уважаемыми предшественниками (Куза, 1989, с. 14–29; Коринный, 1992, с. 6–19; Куза, 1996, с. 7–15; Колибенко, 2005; Колибенко, 2010; Комар, 2012). Они посвящены не только анализу обобщающих работ и оценке исследований важнейших памятников, но и подробному описанию отдельных объектов, информация о которых содержится только в полевых отчетах. Это позволяет ниже ограничиться оценкой лишь ключевых вопросов, оказавших наиболее существенное влияние на развитие этой тематики.

Не останавливаясь на эпохе зарождения интереса к изучению городищ, необходимо подчеркнуть переломный момент, вызванный монографией Д. Я. Самоквасова «Древние города России» (1873) и его инициативой по анкетированию сведений о древних укреплениях (Щавелев, 1992, с. 255–264). Эта книга не только вызвала массовый интерес к поиску и изучению древностей, но сделала первый шаг в признании городищ в качестве нового исторического источника. Применительно к изучаемой территории его достойным последователем стал историк и нумизмат В. Г. Ляскоронский, совершавший сплошные объезды памятников поречья Сулы, а затем и всего Левобережья Среднего Днепра (1901, 1907 а, 1911). Не умея определять время существования укреплений, В. Г. Ляскоронский датировал их, исходя из намеченных Д. Я. Самоквасовым закономерностей плановой структуры. Особую ценность в работах В. Г. Ляскоронского представляют на тот момент достаточно точные, а часто и единственно уцелевшие глазомерные планы городищ, тщательность описаний оборонительных сооружений и нередкие указания на характер подъемного материала.

В Полтавской губернии анкетирование городищ продолжил статистик, член полтавской Ученой архивной комиссии Л. В. Падалка (1905, 1914). Позже Н. Е. Макаренко переписал и издал материалы анкетирования Центрального статистического комитета 1873 г., относящиеся к Полтавской губернии и хранившиеся в Археологической комиссии (1917). Вслед за начатым Д. Я. Самоквасовым полевым изучением курганных древностей Переяслава в 1914 г. эта работа была продолжена В. М. Щербаковским (Щербаківський, 1925, с. 339–348; Бузян, Колибенко, 1993; Лесман, 2008).

Исключительным стал научный вклад археолога и искусствоведа Н. Е. Макаренко, он начал изучение городищ роменской культуры и осмысление культурно-исторического места нового археологического массива в целом (1906, с. 119, 120;

1907, с. 38–90; 1925; 1927). Под его непосредственным влиянием целенаправленные разведки и небольшие раскопки древнерусских памятников продолжила плеяда талантливых музейных работников и краеведов, среди которых выделяются имена М. Д. Ренского (1925), М. М. Семенчика (1927) и М. Рудинского (1928). Но неконтролируемая инициативность местной интеллигенции повсеместно кардинально пресекалась властями. После вызванного этим перерыва новые исследования были проведены Н. Кузнецовым в г. Лубны лишь в 1939 г. Но и они не были закончены, а полевые дневники были опубликованы почти через 10 лет (Кузнєцов, 1948).

Исследования Левобережья продолжились сразу по окончании войны. К этому времени скопился значительный фонд литературных и краеведческих наблюдений; сборы подъемного материала, итоги шурфовок и случайные находки осели в музеях; в значительной мере была изучена культурно-хронологическая принадлежность большинства укреплений.

Но поначалу качество полевых исследований не улучшилось. Так, обследовавший городища Посулья Ф. Б. Копылов в 1945–1947 гг. в подавляющем большинстве лишь собирал подъемный материал, реже занимался шурфовкой и создавал глазомерные планы (Копилов, 1947; 1949; 1952; 1953–1954). Более высоким уровнем отличались исследования И. И. Ляпушкина в 1947–1948 гг. Они открыли качественно новый этап комплексного подхода к изучению остатков крепостей: кроме скрупулезно проведенных полевых работ им был обобщен громадный литературный материал, описывались и вводились в научный оборот музейные коллекции. Исследователь впервые разработал подробную культурную и социально-экономическую характеристику городищ роменской культуры (1958, 1961, 1968). Но в разведочном отношении исследования И. И. Ляпушкина отличались скорее широтой охвата, нежели углублением методических возможностей. Они ценны лишь общими датировками городищенских напластований, которые и поныне дублируются многими последователями. Исследователь не задавался целью уточнения датировок, к примеру, древнерусских этапов существования укреплений: время для этого еще не наступило.

В послевоенные годы началось и проведение стационарных раскопок. В Переяславле их начал в 1945 г. Б. А. Рыбаков, в 1949–1956 гг. они были продолжены под руководством М. К. Каргера. Со временем были выявлены остатки почти всех известных по летописям памятников каменного зодчества (Каргер, 1954, с. 271 –296). В 1959–1963 гг. комплексная экспедиция под руководством Р. А. Юры исследовала остатки епископского дворца, Епископских ворот, ряд других сооружений XI–XII вв. (Асеев и др., 1962, с. 57–61; Асеев и др., 1967, с. 199–214). Серия раскопочных работ этого времени стала своеобразным полигоном, совершенствовавшим научное мастерство таких исследователей, как П. А. Раппопорт, М. Ю. Брайчевский, И. И. Ляпушкин, Р. А. Юра. А затем раскопки города на Трубеже много лет продолжал коллектив Переяслав-Хмельницкого государственного исторического музея под руководством М. И. Сикорского.

В 1956–1959 гг. Кременчугской экспедицией ИА АН УССР проводились широкомасштабные раскопки подлежавших затоплению остатков летописного г. Воиня (Довженок и др., 1966). Эта крепость-гавань и поныне остается наиболее изученным укреплением на территории Переяславской земли. В процессе раскопок сформировались научные интересы известного исследователя древнерусских укреплений М. П. Кучеры: он был первым изыскателем и публикатором многих десятков городищ Украины. Многие годы он был единственным, кто неизменно сопровож-

дал разведочные работы изготовлением глазомерных планов, хотя нередко и ограничивался традиционным сбором подъемного материала (1976, 1978).

Несмотря на скромный объем левобережных работ, исследования П. А. Раппопорта буквально совершили переворот в полевой методике ведения разведок. Применявшаяся им частичная прорезка валов позволяла уже на стадии разведок отделить «догородищенские» напластования от культурного слоя, образовавшегося после возведения крепостных стен. Им был отработан и прогрессивный способ датировки напластований по сочетанию типологических групп круговой керамики (1954 а). Эти новации во многом опередили свое время и не сразу были оценены современниками. Более широкую известность получила его разработка типологической классификации городищ различных историко-географических областей Руси. И в конечном итоге топографическое положение и планировка укреплений стали самостоятельным и надежным руслом изучения укрепленных поселений. Эти обобщающие исследования по праву стали новым этапом осмысления археологических материалов и не устарели по настоящее время (Раппопорт, 1956, 1961, 1967).

Итоги изучения памятников юго-восточной окраины Руси были подведены Б. А. Шрамко, наметившего и дальнейшие пути исследования этого региона (1962). А после проведенного В. А. Богусевичем обобщения материалов летописного Остёрского Городка его исследования были возобновлены почти тридцатилетием позже (Богусевич, 1962; Козаков и др., 1989).

В 1971 г. М. П. Кучера и О. В. Сухобоков совершили подобный ляпушкинскому грандиозный объезд роменских и древнерусских городищ Левобережья (Кучера, Сухобоков, отчет 1971 г.). Его материалы легли в основу сводного издания «Древнерусские поселения Среднего Поднепровья», где описания левобережных объектов были сделаны О. В. Сухобоковым (1984). Несмотря на некоторые неточности и недостаток иллюстраций, эта публикация стала заметной вехой в изучении городищенских древностей. Она оказалась более удачной, нежели печально известные поверхностностью и непроверенной информацией «Короткий список» (1966), справочник по археологии Полтавской области (Довідник, 1982) и новейший энциклопедический словарь. В археологической части последнего издания наряду с достоверными сведениями об археологических объектах и понятиях нередкой оказалась и сильно устаревшая информация (Полтавщина, 1992).

С начала 70-х годов материалы известных городищ Руси собирались и осмысливались А. В. Кузой. Последовательно соблюдая принцип историзма, он блестяще раскрыл уникальные возможности работы с этим сложным и противоречивым источником (1983, 1985, 1989). В 1996 г. посмертно вышел в свет его законченный еще в 1981 г. свод «Древнерусские городища X–XIII вв.», являвшийся источниковой и методической основой его последующих публикаций. В монографии не только показана связь изменения размеров укреплений по мере их развития, но и преобразование их функциональной нагрузки и роли в сложении государственной территории.

Эта работа указала на недостаточную изученность городищ и необходимость новых полевых изысканий. Поэтому в 1972 г. по инициативе Б. А. Рыбакова и под руководством А. В. Кузы автором этой работы началось новое разведочное изучение посульских городищ. Инициатор разведок предполагал, что новый сбор подъемного материала и уточнение планировки укреплений подтвердят его схему расширения восточных пределов Переяславской земли. Он желал убедиться в том, что посульская оборонительная линия в довольно целостном виде возникла

на рубеже X–XI вв., поречье Псла укреплялось в XI в., а на Ворсклу границу отодвинули в XII в. Но А. В. Куза настаивал на том, что новации П. А. Раппопорта показали непригодность подъемного материала для определения времени строительства оборонительных сооружений.

Поэтому основой разведочной методики стала прорезка внутренних склонов городищенских валов: они показали, что под руинами стен содержались напластования предшествовавших открытых поселений. Кроме того, даже стационарные раскопки не всегда достоверно позволяют разделить обнаруженные сооружения на возникшие ранее и существовавшие после появления городских стен. Первым итогом стал вывод о создании в конце X в. на Нижней Суле обширных открытых поселений, сопровождавших Змиевы валы. Затем инструментальная фиксация больших серий подъемной керамики на планах поселений и их аэрофотосъемке очертила датированные пределы расширения территории поселений (Моргунов, 1996; 1998). В 1982–1989 гг. мной раскапывались городище и посад летописного г. Снепорода у с. Мацковцы Лубенского района Полтавской обл. Украины (Моргунов, 2012), а в 1990–1992 – городище и селище Сампсониев Остров близ г. Лохвицы (Моргунов, 2003). На более широком материале они подтвердили действенность выбранной методики.

Тем временем М. П. Кучера проводил многолетние полевые исследования Змиевых валов Среднего Поднепровья: их направление кропотливо фиксировалось, обязательными стали и разрезы сооружений. Публикация полученных результатов – это буквально революционный вклад исследователя в изучение древнерусской фортификации. Признавая Змиевы валы руинами древо-земляных стен, автор фактически ввел в научный оборот новый археологический источник. Несмотря на критические замечания (Толочко, 1999, с. 66, 67), эти сооружения закрыли лакуну в древнерусской фортификации (Кучера, 1987).

Параллельно А. П. Моця занимался исследованиями курганных и городищенских древностей поречий Псла и Ворсклы (Сухобоков, Моця, 1987; Моця, 1998; Приймак, 1998; Берест, 2003). Правда, порой он невольно связывал датировки крепостей с изменениями погребального обряда соседних могильников. Ниже этому интересному феномену будет отведено особое место.

Заметным явлением стал выход в свет монографии О. В. Сухобокова о древностях Левобережья VIII–XIII вв. (1992). В первой части работы автор вернулся к написанному им в «северянском» труде 1975 г. А вторая является более или менее подробной сводкой раскопочных материалов множества древнерусских памятников, исследованных автором за почти сорокалетнюю полевую деятельность. Кроме этого, исследователь множества археологических памятников не особо утруждал себя подробными публикациями раскопанных материалов: его научное наследие в значительной мере представлено в тезисной форме, где не оставалось места для обоснования выводов.

В конце столетия в научный оборот было введено множество новых археологических материалов. Существенную информационную роль сыграло возобновление ежегодника «Археологічні відкриття в Україні», где краткие сообщения сменились обобщающими статьями и публикациями архивных материалов. В 1997 г. известный полтавский археолог А. Б. Супруненко начал выпускать «Археологическую летопись Левобережной Украины» (АЛЛУ). Кроме обзоров археологических изысканий, в ней встречаются теоретические и концептуальные статьи. По содержанию и качеству, пожалуй, это было лучшее периодическое региональное научное издание. Благодаря А. Б. Супруненко и созданному им Центру охраны

и исследований памятников археологии развернулись широкие раскопки летописной Лтавы и других объектов (Григор'єв, Кулатова, 1999; Супруненко, 1998 а; Супруненко, 1999 а; Супруненко, 1999 б). На этом исследователь не остановился: следующим этапом его деятельности стало серийное издание «Древности (Старожитності) Левобережного Поднепровья», а также отдельных левобережных регионов и, конечно, полная публикация итогов изучения древностей Полтавы.

Результатам раскопок в бассейне Северского Донца посвящены работа Б. А. Шрамко (1991) и обобщающие труды А. Г. Дьяченко (1983, 1990, 1993, 2005, 2008). Эталонным примером изучения и публикации памятников обширного региона является монография В. А. Петрашенко и В. К. Козюбы о городищах, поселениях и могильниках побережья Каневского водохранилища (1999). Кроме итогов полевых изысканий, авторы систематизировали, иллюстрировали и подробно картографировали разновременные сведения, разбросанные по архивам и малоизвестным изданиям.

Вышла в свет и монография М. П. Кучеры, в которой автор собрал и подробно обобщил сведения почти о 700 городищах территории Украины (1999). В книге тщательно проанализированы топография и планировка городищ, конструкции стен, типы застройки укреплений и типологическая классификация крепостей. А. В. Кашкиным был создан уникальный по охвату справочник археологических объектов Курской области (Кашкин, 1998, 2000). В г. Переяславе-Хмельницком сложилась достойная плеяда последователей М. И. Сикорского. Так, экспедиции Национального историко-этнографического заповедника (НІЕЗ) «Переяслав» и Государственного педуниверситета им. Г. Сковороды продолжают изучение не только древнего Переяславля, но и всей западной части Переяславской земли (Роздобудько, Тетеря, 1996; Бузян и др., 2001). Среди них особо интересно научное творчество А. В. Колыбенко: всесторонним изучением письменных и археологических источников его статьи напоминают лучшие образцы работ дореволюционных исследователей (Колибенко, 2002; 2005; 2007; Колибенко О., Колибенко О., 2002, 2004 и т.д.). Не менее познавательна и серия его статей о церковном строительстве древнего Переяславля (Набок, Колибенко, 2007 а).

Непосредственное отношение к изучению городищенских древностей имеют предложенные А. В. Коробейниковым любопытные новации по методике их исследований, апробированных на материалах древнеудмуртских городищ бассейна р. Камы (Коробейников, 2005, с. 60–72). Предметом исследования является историко-культурное реконструирование и моделирование процесса строительства и боевой службы оборонительных сооружений. На этом пути исследователь ввел в литературу понятие об уровне защиты укреплений, который логически слагался из оборонительных свойств местности и защитных качеств сооружений. Тем не менее в литературе высказывались критические замечания об этом исследовании (Носов, 2013, с. 265, 266). Хочется добавить, что приоритет в оборонительной значимости древних укреплений автор оставляет за рельефом местности, что вызвало его критику типологий П. А. Раппопорта и А. В. Кузы. Значительное число страниц новой версии отведено оценке угрозы поражения поселенцев при обстреле врагом из луков от подошвы мыса и с соседних мысов. Это противоречит планам приведенных в работе укрепленных поселений, содержащим по три напольных вала. Казалось бы, этим фортификаторы указывали на направление наибольшей опасности, исходящей для обитателей крепости, но количество руин крепостных стен введено автором в перечень второстепенных защитных критериев. Неожиданным является и за-

ключение о том, что склоны валов и мысов крутизной 45° являлись действенным препятствием как для пеших воинов, так и для всадников.

Свежий вклад кропотливой новгородской полевой методики в археологию Посеймья внесли раскопки Липинского укрепления П. И. Засурцевым и Н. К. Лисицыной (1968), но поначалу исследования местных древностей были не особо интенсивными (Узянов и др., 1979; Сухобоков, 1988 б; 1988 в; 1988 д; Приймак, 1994). На современный уровень изучение древностей курского Посеймья было выведено в 90-е годы В. В. и О. Н. Енуковыми (Енуков, 1998; 2008 а; 2008 б; Енуков, Енукова, 1999; 2011). Их многолетние раскопки известного Липинского комплекса и Курска увенчались интересными обобщающими работами (Енуков, 1998; Енуков, 2005; Енуков, 2008 а; Енуков, Енукова, 1999). Впрочем, на Липине изучалось лишь заполнение углубленных в материк котлованов сооружений: владельцы карьера загодя счистили культурные напластования. Не столь радужными были и работы в Курске; ниже их оценке будет отведено особое место. Изучение городищ Посеймья продолжил А. В. Зорин (2003). В Гочеве исследования проводились Г. Ю. Стародубцевым (2006, 2008; Стародубцев, Зорин, 2008). Нельзя не упомянуть и монографию О. В. Сухобокова, которая подвела итоги многолетних исследований археологического комплекса Каменное на р. Псёл (2012).

В 2009 г. вышла в свет монография, посвященная изучению древо-земляных укреплений Южной Руси X–XIII веков (Моргунов, 2009). Основное место в ней уделялось конструктивным особенностям городищ. В частности, я пытался на широком материале показать, что на раннем этапе развития древнерусского оборонительного строительства намеренная насыпка валов для создания на их гребнях крепостных стен не являлась самоцелью или фортификационным каноном. Это происходило спонтанно: со временем ветшавшие укрепления осыпались и обращались в валы, а лишь позже использовалась возможность возобновления стен поверх возвышавшихся над местностью грядообразных оснований. Не стану уверять, что эти наблюдения были широко одобрены в литературе, хотя и нашли последователей. Так, известный исследователь позднесредневековых крепостей К. С. Носов включил в диапазон своих изысканий домонгольский период, что сделало монографию еще более интересной. В ней исследователь не только мастерски «отточил» основную аргументацию проблемы взаимоотношений валов и стен, но и пополнил ее новыми наблюдениями (Носов, 2013, с. 28–31).

Пожалуй, на этом можно было бы закончить перечень работ, в которых изучению древнерусских укреплений Переяславской земли отводилось достойное место. Но обзор был бы неполным без упоминания имен молодых исследователей: они успешно продолжают изучение городищ этой территории (Прядко, 2013–2016; Шерстюк, 2008; Шерстюк, Прядко, 2016). Заметным явлением стали и работы сумских коллег А. В. Короти и Е. Н. Осадчего, изготовивших подробные топографические планы большинства городищ Сумской области и ее ближайшей округи (Коротя, Осадчий, 2010; Осадчий, 2016). Нельзя не упомянуть и любезно предоставленные для этой публикации фотографии многих памятников, сделанные при помощи квадрокоптеров известными мастерами Ф. С. Гавриленко, М. Б. Ивановым.

В результате совокупности накопленных уважаемыми предшественниками наработок сложилась довольно устойчивая периодизация защитного градостроительства Левобережья. На этом фоне оригинальным явлением стала статья В. В. Колоды о пользе картографирования городищ для определения основных вех славяно-кочевнических отношений (2010, с. 178–197). В ее основу легли большей частью табличные и во многом устаревшие сведения о памятниках, взятых из мо-

нографий О. В. Сухобокова (1975), А. В. Кузы, законченной еще в 1981 г. (1996), и М. П. Кучеры (1999). Они были наложены на авторские хронологические наработки о слишком широких для этой тематики диапазонах отношений Руси со Степью. Это привело к противоречиям выводов с летописной хронологией этих взаимоотношений и периодизацией русского крепостного строительства.

В качестве примера можно привести заключения исследователя о посульском регионе: получалось, что уже в VIII–IX вв. там существовали летописные города Ромен, Песочен, Синец, Кснятин, Лубен, Воинь, а восточнее – Лтава и Донец. Это не вписывается в то обстоятельство, что для VIII–IX вв. там существовали безымянные укрепления-убежища летописного племени северян. Даже Воинь возник не ранее второй половины – конца X в. Так же вольно автор обошелся с «русско-печенежско-половецким» XI веком. От него ускользнуло, что для первой половины–середины этого столетия сведений о левобережных крепостях также нет: появление приведенной им серии летописных городов датируется второй половиной – концом XI в.

Далее автор утверждает, что летописный Кснятин якобы непрерывно существовал с середины VIII – IX до середины XIV в. (Колода, 2010, с. 179–184, 186, 189, рис. 2–4). Этому противоречит накопившийся довольно представительный массив керамики, найденной там разными исследователями. Он указывает на единичность находок лепной роменской посуды и поселенческую лакуну между позднесеверянскими и древнерусскими отложениями. Археологи не находили там и материалов, заходивших за середину XIII в., а новая волна заселения появилась там не ранее XVI–XVII вв. (Моргунов, 1991 а, рис. 2, 3; 1996, рис. 23; Супруненко, 2000, с. 239, 240). Таким образом, автору не удалось, как он выразился, «не вдаваясь в подробности», получить искомую реальную картину славяно-кочевнических отношений.

Поскольку данное исследование охватывает значительный хронологический период, изысканиям по частным вопросам будет отведено особое место в русле изучения конкретных проблем. Это позволит на практических примерах и, следовательно, более полно оценить накопившиеся по каждому вопросу наработки множества не названных выше исследователей.

Изучение памятников летописных северян

Эта исследовательская волна не случайно стала отдельным разделом: ныне «северянская» линия существует несколько обособленно в общем русле изучения древнерусских памятников в широком понимании этого термина.

В настоящее время в литературе накопилось несколько обобщающих и историографических обзоров разного объема и качества, связанных с этой проблематикой. Кроме монографии О. В. Сухобокова (1975) следует упомянуть раздел в монографии В. В. Седова (1982, с. 133–139). Значительный вклад в изучение северянской тематики принадлежит А. В. Григорьеву (1988, 1990, 1991, 1993, 2000, с. 6–12) и В. В. Приймаку (1993, 1997, 1999 б, 2006, 2007). Анализ памятников курского Посеймья проводился В. В. Енуковым (2003, 2005). Это позволяет ниже ограничиться беглым упоминанием основных этапов изучения одной из самых значительных археологических культур днепровского Левобережья.

Выборочное изучение курганных северянских древностей началось еще в середине XIX в.: в большей степени оно коснулось северной половины ареала роменской культуры. Особый вклад и важнейшие итоги исследований принадлежали Д. Я. Самоквасову (1908). Как упоминалось выше, начало археологического

изучения укрепленных поселений было положено Н. Е. Макаренко раскопками городища Монастырище в г. Ромны. Со свойственной ему научной осторожностью исследователь не торопился датировать обнаруженные им памятники и их культурную принадлежность. Ныне хорошо изученная археологическая культура, в общих пределах датирующаяся VIII–X вв., получила имя роменской и была связана с летописными северянами.

Следующая фаза ее изучения началась с широко развернувшихся полевых исследований и интерпретаций послевоенного времени. Наибольший вклад в эту проблематику принадлежит И. И. Ляпушкину. На основании обширного выявленного и введенного им в научный оборот материала он установил геграфические пределы распространения культуры, уточнил ее датировку и создал не устаревающие до сих пор своды памятников (1961, 1968). Почти параллельно Д. Т. Березовец обнаружил в поречье Сейма первые открытые поселения волынцевской культуры. Автор раскопок полагал, что это был предшествовавший роменской культуре отдельный культурно-хронологический пласт (Березовец, 1953; 1975). В итоге в литературе образовалось два ярко выраженных течения: часть исследователей принимала роменскую культуру за единый культурно-хронологический круг, в котором волынцевские древности являлись подверженным хазарскому влиянию ранним этапом. Основанием для этого послужило использование носителями этой культуры круговой («салтоидной») посуды и позже вышедшего из обихода привозного инвентаря. Другие ученые принимают этот этап за самостоятельную культуру, тем не менее обе точки зрения и по сей день имеют своих сторонников.

Итоги изучения древностей летописных северян в 1975 г. были подведены О. В. Сухобоковым. В этом довольно поверхностном исследовании содержится немало неточностей, что вызвало в литературе справедливую реакцию (Григорьев, 2000, с. 10, 11). И все же нельзя отрицать весомый вклад автора в изучение северянской проблематики: это была первая монография, основанная на археологическом материале.

Исследования Большого Горнальского городища А. В. Кузой отличала тщательность раскопок, а значимые стратиграфические новации позволили значительно углубить разработку хронологии северянских древностей (Башилов, Куза, 1977, с. 17–23; Куза, 1981). Большие исследования проводились А. А. Узяновым, но монографическое исследование лепной горнальской керамики полностью так и не было опубликовано (1982, 1990). Крайне интересны полевые исследования коллектива московских и киевских ученых в Новгороде-Северском (Куза, 1989 б; Куза и др., 1996) и на поселении у с. Горбово, что также значительно расширило информативность памятников этого типа (Григорьев, 1983, 1988, 2006).

В изучении погребальных древностей Левобережья значительных успехов достиг Е. А. Шинаков, которому удалось преодолеть традиционные источниковедческие рамки в анализе курганных материалов и резко поднять уровень знаний о хронологии освоения государством племенных земель. В этом значительную роль сыграло его знакомство с материалами, в изобилии хранящимися в районных краеведческих музеях России и Украины, а также умелое использование вычислительной техники (1982, 1991).

Время подведения предварительных итогов изучения северянских древностей пришлось на конец 90-х годов (Приймак, 1997 а; 1997 б; 1999 б). Разработкой ключевых вопросов изучения этой культуры плодотворно занимался А. В. Григорьев (2000). Следует отметить и примечательную работу Е. М. Осадчего о Зелёном Гае (2003). А. Б. Супруненко и его соратниками в Полтаве и ее окрестностях

значительное место уделялось проблеме перерастания северянской культуры в общерусскую. Результаты были обобщены в многотомном издании (Супруненко и др., 2001; 2008; 2009 а; 2009 б, 2009 в). Привлечением археологических сведений о племенных и общерусских городищах выгодно отличается новейшая монография И. Б. Михайловой (2010), посвященная изучению малых городов Южной Руси. К сожалению, исследовательница пользовалась материалами, опубликованными до 90-х годов минувшего века, поэтому многие страницы книги изрядно устарели.

Ниже северянскому периоду истории Левобережья будет отведено особое и вполне заслуженное место. И все же в завершение этого краткого обзора нельзя не упомянуть о сыгравшей отрицательную роль апологетике «мирного» врастания северян в состав государства. Ярким примером этого стала ухудшавшая качество исследований политическая составляющая: она позволяла с опорой на раскопки или даже без них устраивать празднования годовщин современных городов, якобы существовавших непрерывно на основе городищ роменской культуры (Раздорский, 2015, с. 191, 192). Так, упоминание в Украинской советской энциклопедии в большей степени, нежели скромные раскопки, позволило О. В. Сухобокову подготовить документы ИА АН УССР (ныне ИА НАН Украины), и в 1988 г. в г. Лубны отметили 1000-летнюю годовщину со дня их основания (Сухобоков, 1988 а, с. 4; 1992, с. 149). Пробел в доказательной базе 1000-летия г. Путивля тот же мастер восполнил гипотезой о заведомой последовательности «списка рек»: в нем Сейм якобы «должен быть» последним по счету, но за давностью лет он был упущен летописцем (Сухобоков, 1990, с. 148; 1991, с. 74, 76). И наконец, после мало что доказавших его же раскопок 1992 и 1999 гг. в 2002 г. и г. Ромны пышно отпраздновал свое 1100-летие (Сухобоков, 2002, с. 26; Сухобоков, 2004, с. 72).

Историко-географическое изучение Переяславской земли

В последние десятилетия в литературе появился ряд подробных историографических обзоров, посвященных ходу историко-географического изучения лесостепной территории Левобережья Днепра. С ним связана весьма основательная глава в монографии Н. Н. Коринного (1992, с. 6–16). Известен и ряд более скромных обзоров (Моргунов, 1996, с. 6–9; Моргунов, 1998, с. 10–15; Приймак, 2007, с. 8–22). На этом фоне высоким качеством отличается обстоятельная работа, связанная с изучением сопредельного Черниговского княжества (Зайцев, 1975, с. 57–60; 1976, с. 15–32). Это позволяет ниже ограничиться обзором лишь наиболее значительных вех современной историографии. Меньше внимания будет уделено анализу дореволюционной историографии: она во многом стала основой современных представлений и неоднократно служила предметом изучения. Поэтому ее наработки ниже рассматриваются лишь в качестве приоритетных при рассмотрении частных примеров.

Тем не менее здесь нельзя не упомянуть применение отдельных археологических памятников в исследованиях Н. П. Барсова (1885), открывших первую страницу в становлении науки. В те времена Переяславской земле не уделялось специального внимания: она рассматривалась как часть земель черниговских северян (Голубовский, 1881; Багалей, 1882). Но почти каждое общеисторическое

изыскание по истории Южной Руси содержало множество наблюдений о населенных пунктах и политических событиях на этой территории.

Особое внимание изучаемой территории уделил лишь упоминавшийся выше историк и нумизмат В. Г. Ляскоронский: результатом его обследований стала выдержавшая два издания монография по истории Переяславского княжества (1897, 1903). В ней были обобщены результаты предшествовавших наработок и использованы известные на то время письменные и археологические источники; книга стала заметным событием в научной жизни России. Вместе с тем, она не была лишена недостатков, свойственных научной литературе того времени: чрезмерное увлечение некритичными описаниями политических событий и заметная противоречивость собственных суждений. В итоге многие ключевые вопросы остались им не раскрыты.

Венцом дореволюционной историко-географической мысли, пожалуй, можно считать труды М. С. Грушевского, тонко интерпретировавшего наработки историков предшествующего времени, а также использовавшего достижения ученых сопредельных специальностей. Для нас особый интерес представляют его очерки о княжествах Юго-Восточной Руси (1992). Исследователь тщательно изучил историю формирования территории и границы Переяславщины, внутреннюю и внешнюю политику местных князей, условия колонизации земли и раскрыл причины, обусловившие длительные и прочные связи Переяславской земли с Северо-Восточной Русью.

После 1917 г. исторические изыскания несколько затормозились, вероятно, по причине дефицита новых археологических материалов. Из новых работ следует упомянуть довольно краткое, но во многом не устаревшее исследование А. М. Андрияшева (1931). В нем отразились оригинальные взгляды автора на размещение населения края, а ретроспективный и сравнительно-исторический методы позволили ему уточнить многие летописные локализации. Зеркальным отражением новых веяний стала и изданная в 1940 г. монография В. В. Мавродина об истории Левобережной Украины (2002). В ней были заново проанализированы итоги дореволюционных исследований на основе складывавшейся марксистско-ленинской методологии. Тем не менее автор, находившийся под сильным влиянием работ П. В. Голубовского, по-прежнему рассматривал Переяславскую территорию как часть северянских земель. Думается, что в настоящее время эта работа может служить лишь историографическим справочником.

Качественно новой ступенью стала фундаментальная работа М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», впервые изданная в 1946 г. Автор подсчитал по данным письменных источников количество русских городов до середины XIII в., проследил их географическое размещение, собрал сведения о городской экономике, наметил проблематику социальных категорий городского населения. Исследователь подметил закономерность размещения укрепленных поселений городов в наиболее густо населенных районах. По его мнению, именно там сельское хозяйство остро ощущало потребность в высококачественных изделиях специализированного городского ремесла.

Много интересных наблюдений по истории южнорусского пограничья содержал сборник очерков К. В. Кудряшова (1948). Перу Б. А. Рыбакова (1951) принадлежит карта населенных пунктов Руси, упомянутых в письменных источниках до середины XIII в., – фактически это первое, но недостаточно подробное картографирование летописных городов. Другие работы исследователя сыграли не последнюю роль в научной разработке вопросов, связанных с феодаль-

ной раздробленностью на Руси и в дискуссии о периодизации ее истории, которая усилилась в 50-х годах минувшего столетия. В итоге распад единой Руси на земли-княжения в XII в. был поставлен в прямую связь с развитием феодальных отношений в восточнославянском обществе: он справедливо расценивался как закономерный и исторически прогрессивный процесс (1948, 1952, 1964). Таким образом, к концу 50-х годов выкристаллизовались и современные научные представления о древнерусском городе – центре развитого ремесла и торговли. А в 60–70-е годы на фоне подъема полевых изысканий изучение порубежных городищ выделилось в самостоятельное направление (Рыбаков, 1965; Довженок, 1967, 1968). В виде «оборонительных линий» в литературу вернулся термин П. В. Голубовского «боевые линии» (1884, с. 125). Под ними понимались цепочки из «застав богатырских» с «мужами лучшими», построенные при Владимире Святославиче на упомянутых в ПВЛ водных рубежах (так называемому летописному «списку рек»). Начало нового этапа изучения важнейших торговых путей было положено Б. А. Рыбаковым (1969). Эта историко-географическая линия успешно развивалась в работе А. П. Моци и А. Х. Халикова (1997, 2010), направление другого древнего пути конкретизировалось В. В. Приймаком и В. О. Порядневой (2002).

Ярчайшим выражением историко-географических достижений стала монография А. Н. Насонова «"Русская земля" и образование территории древнерусского государства» (1951), в которой автор подвел итоги изучения в том числе и левобережных княжеств; в работе были заново критически проанализированы и уточнены местоположения летописных топонимов и границ земель-княжений. Кроме того, на основе строго научной методологии А. Н. Насоновым в общих чертах успешно решалась и проблема формирования государственной территории Руси.

Исследователь понимал ее как разделенную по административному признаку территорию, население которой в интересах господствующего класса было подчинено публичной власти, имеющей особый аппарат насилия, творящей суд и устанавливающей разного рода поборы-налоги. На основании тщательного анализа письменных источников ученый показал, что территория Древнерусского государства складывалась в результате внутреннего процесса, с развитием нового способа производства и с распадом родоплеменных связей. Сложение государственной территории он рассматривал как результат борьбы господствующего класса за расширение власти и доходов, что проявляется в распространении из «Русской земли» (политического и территориального ядра Древнерусского государства) княжеской дани и суда (аппарата насилия). Формирование государственной территории было закономерно связано с развитием феодального способа производства и выступает как одно из важных проявлений процесса феодализации (Насонов, 1951, с. 3–9, 24). Такой подход к изучаемой проблеме позволил историко-географическому исследованию занять существенное место в изучении социально-экономического развития Руси как государства (Зайцев, 1976, с. 9, 10).

Значительным явлением в литературе того времени стал сборник статей «Древнерусские княжества X–XIII вв.» (1975). Видное место в нем заняла статья А. К. Зайцева об исторической географии Черниговского княжества (1975): она аккумулировала предшествующие достижения относительно молодой науки и подняла ее на новый этап. Проведенный исследователем скрупулезный анализ хронологии летописных событий, связавший в единую нить сложную событийную канву летописных источников, был плотно увязан автором с новейшими достижениями археологических и топонимических исследований. В итоге было впервые получено представление о структурном делении княжества на отдельные тер-

риториальные элементы-волости, намечены их границы и определено их политико-административное соподчинение на разных этапах развития. Все это значительно раздвинуло рамки наработок А. Н. Насонова и сделало работы А. К. Зайцева без преувеличения эталоном и настольным справочником для многих археологов, применявших методы исторической географии. Научные изыскания автора в значительной степени стимулировали вспышку интереса к угасавшему в археологической среде научному направлению (Бородин, Моргунов, 2003, с. 75, 76).

В этом же сборнике нашла место содержательная статья М. П. Кучеры по исторической географии Переяславской земли. Привлекая данные археологии, ученый по-своему трактовал локализации отдельных населенных пунктов. Довольно кратко автор остановился на вопросах историографии, этнического и социального развития княжества, преимущественно сосредоточив внимание на его политической истории. Следует отметить, что в этой работе решение наиболее острых вопросов нередко подменялось иллюстративными описаниями результатов раскопок и «слепыми» картами, недостаточно точно отражавшими современные представления.

В 80–90-х годах проявилось стремление археологов и историков к широким обобщающим работам. Среди них нельзя не отметить непосредственно связанные с достижениями исторической географии блестящие работы Б. А. Рыбакова (1982) и П. П. Толочко (1980, 1987, 1989), которые раскрыли широту проблематики изучения домонгольских городов: их происхождение, хозяйственную жизнь, социально-топографическую структуру, социальную типологию – и подняли вопросы их демографии. Анализу проблем изучения населения Среднего Поднепровья IX–XIII вв. были посвящены фундаментальные работы А. П. Моци, основанные на изучении погребальных древностей (1987 а, 1990, 1993).

Значительной вехой в систематизации накопившихся знаний о южнорусских археологических древностях стал третий том второго издания коллективной монографии «Археология Украинской ССР» (1986). В частности, в ней на современном научном уровне были осмыслены итоги многолетнего изучения известных летописных городов.

Множество наработок содержит обширное исследование Н. Н. Коринного по истории Переяславской земли (1992). Его не портят возврат автора к устаревшим представлениям об уличах как этнической подоснове северян и непроверенные сведения о Змиевых валах и городищах. В работе слабо аргументировано представление автора о переяславо-черниговском пограничье, хотя оно было детально изучено А. К. Зайцевым еще в 1975 г. Тем не менее нельзя забывать, что это первая современная монография по истории Переяславской земли, зеркально отразившая уровень науки своего времени.

Заметным явлением стала обширная статья В. А. Кучкина, ставшая очередной ступенью в изучении древней «Русской земли» (1995). В ней автор уточнил пределы этого древнего территориального образования, а также подробно, с привлечением новых материалов, пересмотрел многие устоявшиеся локализации летописных пунктов. Эта тематика была развита автором в более поздней работе (2003). К проблематике этого древнейшего государственного образования обращался и А. П. Моця (2007). Он также заострил внимание на его границах, рассмотрел его заселенность, состав населения и вновь поднял вопрос о происхождении древнерусской народности. К оригинальным региональным исследованиям относится работа В. В. Приймака, подводящая итоги его многолетних наработок (2007). Она посвящена сквозному анализу заселенности и территориальной структуры Пу-

тивльского княжества на пути от волынцевской культуры до монгольского нашествия (VIII–XIII вв.). В ней показана обоснованность применения археологических источников для историко-географических исследований, заново пересматривались вопросы о ресурсных зонах древних поселений. Серия обширных статей А. В. Комара посвящена периоду сложения государственной территории Южной Руси. Эти своевременные исследования свели воедино и обобщили современные представления о накопленных за последние десятилетия исторических и археологических материалах (2012, а – г).

Приведенные заметки не претендуют на исчерпывающую полноту: далее найдет свое место разбор множества историографических наблюдений по конкретным вопросам. И все же видно, что историко-географические исследования территории Левобережной Руси прошли долгий путь, прежде чем археологические источники заняли в них достойное место.

Физико-географическая характеристика региона

Для рассмотрения данной проблематики необходимо знание физической географии региона: она является пространственным каркасом в том числе и для понимания сути и особенностей дальнейших наработок.

Речная сеть рассматриваемой территории имеет особенности, сыгравшие положительную роль для сложения военно-оборонительной структуры. Течения Днепра и Десны с Сеймом в плане образовывали фигуру, близкую к неправильному треугольнику с острием, обращенным к Киеву. Восточнее через треугольник протекали почти меридионально ориентированные реки Сула, Псёл и Ворскла, между которыми размещались почти параллельные полосы, фронтально обращенные к оси кочевнических путей на Русь. Правые берега этих рек высокие, с крутыми склонами к руслам с быстрым течением, а левые берега пологие, далеко просматриваемые с правобережных круч. Реки извилисты, с многочисленными рукавами и старицами, протекающими среди заболоченных пойм, затруднявших форсирование потоков. Так, система стока Сулы является наиболее заболоченной среди левобережных притоков Среднего Днепра (Чижов, 1961, с. 72). **Рис. 1.**

Рис. 1. Географическое положение Переяславской земли.
А – сложившееся в литературе представление о внешних пределах Переяславской земли в пору ее расцвета; Б – границы ландшафтных зон; В – рубеж между Приднепровской низменностью и отрогами Среднерусской возвышенности

Средние и верхние части этих рек содержат лесные массивы и множество труднопроходимых притоков, а низовья их почти лишены и снабжены надпойменными переходами, что облегчало их форсирование. Широтно протекающая р. Сейм относится к быстрым потокам, ее пойма также содержит обширные болота и торфяники. Реки западной части этой территории, наоборот, имеют слабое течение, сильно заболочены, их береговой рельеф сглаженный. Особо этим отличается протекающая в широтном направлении и впадающая в Десну р. Остёр: в его долине много пойменных озер и болот; торфяники занимают 4,5 % всей территории водостока.

Современное физико-географическое районирование во многом основано на изучении особенностей рельефа, почвенного покрова и сочетания лесной и степной растительности. Это и понятно: разделение обширных территорий на отдельные участки вызвано необходимостью применения для каждого из них оптимальных методов хозяйственного использования. Так, на качественных почвах экономически целесообразно зерновое пашенное земледелие, в худших условиях более эффективным являются выращивание технических культур или занятие скотоводством.

В рельефном отношении Переяславская историко-географическая область делится на две части: восточная представляет собой юго-западные отроги Среднерусской возвышенности, западная расположена в Приднепровской низменности. Последняя, в свою очередь, делится на равнинную восточную часть и низменную западную. В целом же, согласно современному районированию, весь регион является Левобережной лесостепной провинцией в пределах Днепровско-Донецкой впадины.

Вдоль левого берега Днепра широкой полосой протянулась надпойменная приднепровская аллювиальная низина шириной до 30 км. Она содержит заливные луга с кустарником и перелесками на пойменных всхолмлениях; местами простираются обширные песчанистые массивы.

Западную часть Приднепровской низменности занимает яготинская слабо расчлененная равнина (в исторической литературе ее порой именуют «супойским плато»). Северная часть междуречья Днепра и Трубежа относится к зоне широколиственных лесов, прочая территория запада Приднепровской низменности покрыта лугами и отличается значительным распространением слабозасоленных почв с галофильной растительностью, на которые приходится до 20 % пахотных земель. Сплошная распашка этой равнины началась только с появлением мощной гусеничной техники. На низких речных водоразделах истоки водотоков нередко объединены бифуркациями. Последние представляют собой обширные болота, из которых в весенние периоды вода течет в противоположных направлениях: это на 1–2 месяца создает временную лодочную связь между сопредельными речными системами. Для плоскодонных средств передвижения этот срок несколько более длителен. Известны бифуркации Трубеж – Остёр, Торговица (приток Большого Ромена) – Куколка (приток Сейма), Малый Ромен (приток Большого Ромена) – Борзна (приток Сейма), Локня (верховья Вира, притока Сейма) – Курица (ответвление Терна, притока Сулы) и др. Заболоченность особо обширных бифуркаций в безморозную пору затрудняла их переход пехотой и конницей, да и зимой ледовый покров не отличается прочностью. Поэтому нередко они становились звеньями устойчивых границ между сопредельными поселенческими структурами.

Южная часть этой равнины представляет собой обширную малодренированную низменность. На повышенных участках там доминируют глубокие черноземы, в низинах обильно представлены массивы солончаков, солончаковых «блюдец» и солонцов. Центральную часть исследуемой территории занимает ро-

менско-миргородская слабо расчлененная равнина. Ее фоновыми ландшафтами являются разделенные густой овражно-балочной сетью луговые равнины с глубокими малогумусными черноземами. Существенно, что вдоль высоких правых берегов Сулы, Псла и Ворсклы размещены протяженные полосы ныне распаханных оподзоленных черноземов; с ними соприкасаются остатки более обширных в древности широколиственных лесов.

С востока к ней примыкает полтавско-карловская слабо расчлененная лессовая равнина, разделенная на две неравные части. Рельеф и ландшафты правобережья р. Ворсклы более близки к вышеописанному региону с его луговыми степями, развитой овражно-балочной сетью и остатками лесных массивов на оподзоленных черноземах. Левобережье Ворсклы практически безлесное. В ландшафтном покрове преобладают пологие возвышенные равнины с распаханными среднегумусными черноземами и солончаками; не менее выразительна и овражно-балочная расчлененность рельефа.

Северо-восточный элемент Переяславской историко-географической области занимает юго-западную часть Среднерусской возвышенности – пониженные отроги юго-западного склона ее воронежского массива. Для нее характерен сильно расчлененный холмистый рельеф и более континентальный климат. На фоне луговой растительности на обычных и глубоких черноземах здесь широко распространены оподзоленные черноземы, серые и темно-серые почвы – да и сейчас леса там сохранились в большом объеме.

По характеру ландшафтной структуры и в связи со значительной протяженностью эту провинцию делят на два физико-географических уровня. Сумская область западных отрогов Среднерусской возвышенности простирается от новгород-северского Полесья до долины Ворсклы. В рельефе хорошо выражены водоразделы, расчлененные склоны, террасы, овраги и балки. В прошлом область была занята преимущественно широколиственными лесами, ныне их больше в северной половине, где они занимают 11 % территории. Сейчас на их месте сохранились лессовые равнины с малогумусными и оподзоленными черноземами с остатками дубовых и дубово-липовых лесов.

Северо-донецкая (харьковская) область отличается преобладанием среднегумусных и оподзоленных черноземов, темно-серых почв, а в прошлом – восточного варианта луговых степей. В ландшафтной структуре основное место принадлежит расчлененным останцово-холмистым возвышенностям с остатками кленово-липовых дубрав, оврагов и балок, врезанных в меловые породы (Маринич, 1982, с. 122–128; Чижов, 1961, с. 175–179; Щербань, 1982, с. 142– 148). Эта лесистая окраина славянского расселения клином врезана в степную равнину: в литературе ее порой именуют «донецким выступом». Юго–восточный край донецкого кряжа высотой до 150–200 м круто обрывается к долине Северского Донца. Его вид из Приоскольской степи, куда уходили русские войска, подобен мощной крепостной стене. Не исключено, что это и есть «шеломень» «Слова о полку Игореве»: именно такой вид аномальной возвышенности согласуется с контекстом поэмы.

Как показано выше, широтное направление перемещения войск и грузов в «треугольник» Переяславской земли затрудняли заболоченные поймы рек. Узловые точки их пересечения воссоздаются сведениями о твердых бродах в условиях близости древней и современной климатической обстановки. Небольшие изменения русел малых рек не приводят к тотальному исчезновению подобных переходов, на что указывает концентрация близ них поселений различных эпох. Возникновение новых русел и стариц происходило на обмелевших участках водо-

токов, и поблизости появлялись новые переправы, куда с незначительным изменением маршрутов выходили старые проторенные дороги.

Правда, в позднем Средневековье и начале Нового времени активному заболачиванию пойм способствовало устройство запруд с мельницами. Но уточнению древних реалий способствуют геологические и почвоведческие исследования, а также актовые упоминания о дорогах XVII–XVIII вв. Незаменимым подспорьем служат и сведения переиздававшейся вплоть до 1920 г. трехверстной Военно-топографической карты Российской империи, созданной в 1846–1863 гг. под редакцией Ф. Ф. Шуберта и П. А. Тучкова. В эту реальность укладываются и археологические обследования окрестностей древнерусских городищ, размещенных на правобережных кручах левых притоков Днепра. В подавляющем большинстве они обнаруживают расположенные неподалеку следы переходов через поймы, использовавшиеся поныне или вплоть до недавнего времени. Ядро Переяславской земли было тесно связано с Правобережьем: на это указывают днепровские броды и перевозы, в том числе известные по летописным источникам.

К реконструкции древних ландшафтов

Забегая вперед, напомню, что первые защитные мероприятия на Левобережье проводились князьями для защиты оседлого расселения и, в первую очередь, Киевской земли от набегов кочевников с востока и юго-востока. По мере расширения государственной территории решение этой проблемы было возложено на постепенно формировавшееся Переяславское княжество, благо природная обстановка его территории обладала наилучшими природными условиями для проведения защитных мероприятий. Форсирование рек с заболоченными поймами замедляло скорость движения, дробило силы нападавших и ослабляло их мощь. Поэтому хорошо организованная защита переправ нависавшими над ними крепостями позволяла даже малым силам задерживать и останавливать двигавшегося с востока противника.

В обширных заболоченных поймах рек топкие трясины чередовались с невысокими надпойменными останцами, покрытыми густыми зарослями высоких тростниково-камышовых и осоковых популяций, кустарника и деревьев с преобладанием тополя, вербы, ясеня и вяза. Естественно, местным жителям были известны броды и извилистые тропы через поймы, но оседлое население избегало контактов с пришлыми людьми. Не будет большим преувеличением считать надпойменные поселения неолита или эпохи бронзы древнейшими естественными крепостями: в безморозную пору года они были практически неприступны. В более поздние времена стали возводить и реальные надпойменные укрепления («болотные» городища).

Третьим естественным защитным элементом служили высокие правые берега левобережных рек, обращенные против низких безлесных пространств. Недаром с глубокой древности укрепления возводили на естественных речных мысах, снабженных крутыми склонами. Даже простейшие фортификационные сооружения придавали рельефу особую труднодоступность. Немаловажно и то, что береговые высоты значительно расширяли обзор окружающей местности: это лишало пришлых людей внезапности и позволяло защитникам заранее подготовиться к осаде или запросить помощь. Пример Сулы показывает, что ее правый берег можно рассматривать как взаимосвязанную систему доминирующих высот, пригодную для создания фортифицированной пограничной линии. Устроенные напротив бродов соседние крепостные сооружения могли объединяться

визуальной (огневой, дымовой) сигнализацией, а форсирование рек нападающими происходило в непосредственной близости, на виду защитников.

Комплексное использование в фортификации естественных защитных элементов считается высокоэффективной защитной формой: недаром ее массово применяли вплоть до Второй мировой войны.

В этом ряду особое место занимает изучение распространения древней лесной растительности, которая предоставляла оседлому населению строительные материалы для возведения крепостных сооружений, устройства жилья и продукты охоты и собирательства. Кроме того, в случае внешней угрозы леса служили надежным укрытием для людей и скота: кочевники старались их избегать или обходить. Простейшей формой усиления защитных свойств лесов служили засеки, использовавшиеся вплоть до начала XX в. (Моргунов, 2009, с. 199, 200).

Современное состояние древостоя не отражает его древней распространенности, поскольку лесистость этой территории была сильно сокращена многовековой хозяйственной эксплуатацией. Тем не менее размещение древних лесов в лесостепи реконструируется специальными методами, которые стали доступными в результате развития палеоботаники и почвоведения, подкрепленных археологическими методами.

Огромная историография этого вопроса сокращенно может быть изложена следующим образом. Основоположником направления был В. В. Докучаев, заложивший основы генетического почвоведения. Согласно его исследованиям, общий абрис границы леса и степи под влиянием климатических изменений и воздействия человеческой деятельности испытывал определенные колебания. Объективно состояние древней растительности отражается в особенностях почвенного покрова: черноземы являются важнейшими показателями и продуктом степей, а под лесами слагался серый подзолистый почвенный горизонт. При длительной распашке вырубленных лесов серые почвы постепенно видоизменялись, приближаясь к разновидностям черноземовидных грунтов. Тем не менее эти почвы не содержат кротовин, и на них никогда не встречаются «степные» курганы (Докучаев, 1889, с. 31; 1953, с. 109, 110, 130). На протяжении 1889–1892 гг. учениками В. В. Докучаева было подробно изучено состояние почв Полтавской губернии. В процессе исследований описывалась и картографировалась плотная сеть полевых маршрутов, проводились химические анализы тысяч полученных образцов, а итоги этой уникальной работы подробно издавались (Материалы, 1889–1892).

В дальнейшем эти исследования получили развитие в работах В. И. Талиева, П. Н. Крылова и др. Весомое научное подкрепление было получено и в процессе детального сельскохозяйственного районирования: в 1927–1930 гг. в СССР производилось массовое составление почвенных карт для практических нужд сельского хозяйства. Это вызвало приток нового фактического материала и активизировало бурный всплеск научного интереса к вопросам почвоведения. Множество появившихся в 30-е годы исследований как детализировало, так и обобщало сложившуюся к этому времени картину. Итогом этой работы стала «Карта восстановленной растительности», помещенная в Большой советский атлас мира (1939). В послевоенное время изучение вопросов взаимоотношений леса и степи под влиянием антропогенного фактора продолжалось на основе более современных аналитических методик, поэтому полученные выводы считаются достаточно достоверными.

Новое поколение почвоведов и историко-географов вновь подтвердило мнение В. В. Докучаева о том, что почвенные карты могут и должны служить основой для гипотетической реконструкции былого распространения лесов. В несколько

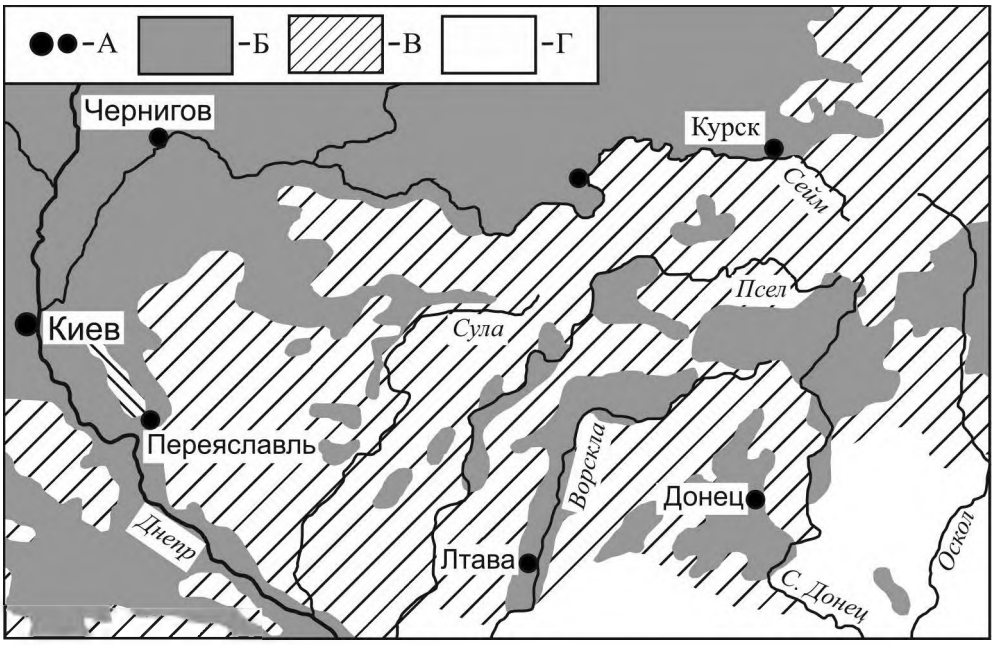

Рис. 2. Южные границы Киевской Руси перед татаро-монгольским нашествием (по А. М. Семеновой-Тян-Шанской). А – столица Руси и летописные города; Б – восстановленные по почвенным данным пределы древних широколиственных лесов; В – луговые степи; Г – типчаково-полынные степи

упрощенном виде эту точку зрения можно интерпретировать следующим образом. В лесостепной зоне распространены реградированные черноземы, которые образовались на водоразделах на месте широколиственных лесов; оподзоленные черноземы более свойственны для севера лесостепи, где их сложению изначально способствовали разреженные грабово-дубовые леса. Другими словами, на месте сведенных лесов оподзоленность современных черноземов сохраняется многие сотни лет (Мильков, 1947, с. 85; 1952, с. 444; Вернандер и др., 1951, с. 115; Жекулин, 1972, 1982; Ланько, Шищенко, 1982, с. 71; Чендеев, Шатохин, 1990, с. 97). В частности, этот метод удачно, хотя для нашей темы слишком обобщенно, использовался А. М. Семеновой-Тян-Шанской для анализа пределов Южной Руси накануне монгольского разорения (1957, с. 1401). **Рис. 2**.

Применительно к украинской лесостепи эти вопросы были своеобразно решены в «Атласе Украинской ССР и Молдавской ССР» (1962): размещению оподзоленных черноземов (с. 23, 24) на карте растительности соответствовало обозначение «сельскохозяйственные угодья на месте древних широколиственных лесов» (с. 26, 27). К сожалению, эти карты имели слишком мелкие генерализованные масштабы (1:3 000 000), что сильно затрудняло использование этих материалов. Тем не менее они позволили в значительной мере уточнить особенности системы древней обороны Посулья от кочевников (Моргунов, 1983, с. 75; 1988 а, с. 194; 1998, с. 8, 23).

К сожалению, крупномасштабные картографические материалы тех лет были доступны только для визуального ознакомления, а их аналитическое ис-

пользование для широких исследовательских целей, а тем более с выходом на публикационный уровень, было недоступно. Только в последние годы для реконструирования древних пределов лесов стали доступны более подробные карты, такие как Государственная почвенная карта СССР масштаба 1: 500 000 (1954) и Карта почв Украинской ССР масштаба 1: 750 000 (1973).

Этот обзор показывает, что благодаря почти 150-летним изысканиям была обоснована возможность использования двух методов восстановления пределов древних лесов. Наиболее точно это делается на основе значительных серий почвенных анализов, что для археологов в значительных объемах не всегда доступно. Менее точным является гипотетическое создание древней ландшафтной картины на основе изучения крупномасштабных почвенных карт. Безусловному восприятию второго метода серьезно препятствуют трудности датировки реконструированных пределов древнего лесостоя. Они связаны с количественной оценкой антропогенных изменений древних ландшафтов, т.е. вырубкой лесов, и динамическими процессами изменения климата, на определенных этапах способствовавшего естественному восстановлению былых лесных массивов.

Так, одно время считалось, что массовые порубки древостоя в лесостепи начались еще в скифскую эпоху, но в настоящее время этот вывод ставится под сомнение из-за незначительной заселенности территории в тот исторический период. В IX – начале XI в. днепровское Левобережье было более плотно заселено носителями роменской культуры летописных северян, которые, согласно недатированным летописным сведениям, «живяху в лѣсѣх» (ПСРЛ, т. 1, с. 13; т. 2, с. 10). Это подтверждает картографирование известных на сегодняшний день северянских поселенческих скоплений, наложенных на карту гипотетически реконструированных лесных массивов.

Как известно, Средневековье приурочивают к середине субатлантической климатической эпохи. Приблизительно на 1000 – 1300 гг. приходилась теплая и влажная аномалия современного климата – «климатический оптимум Средневековья» (Шнитников, 1957, с. 182; Борисенков, Пасецкий, 1983, с. 23; Раунер, 1985, с. 160, 165; Демкин, 1997, с. 158). Согласно новейшим исследованиям С. А. Сычёвой, более тепло-влажная климатическая фаза распространялась и на VIII–IX вв. (Сычева, 2002, с. 87–97; Кашкин, 2005, с. 121). Считается, что такие климатические условия были благоприятны для распространения лесов, что во многом могло компенсировать относительно небольшую вырубку лесов для устройства жилья и его отопления, строительства небольших северянских городков. Кроме того, в своих сельскохозяйственных занятиях северяне использовали не подсечное, а переложное земледелие с двух- и трехпольем, что не вело к массовой вырубке лесов, а позволяло им вновь возвращаться на восстановившие плодородие старые пашни (Горбаненко, 2007, с. 29, 86–88, 94, 97; Пуголовок, 2010, с. 221).

Несколько забегая вперед, следует отметить, что «окняжение» Древнерусским государством племенной северянской территории также не сопровождалось уничтожением значительного количества леса – крепостное строительство там возобновилось лишь в конце XI в. Нам неизвестно, насколько бережно к защищавшим их лесам относились местное население и княжеские власти. В сходных условиях при Алексее Михайловиче рубка лесов в засеках и пограничных «заповедных» лесах была запрещена (Шелгунов, 1857, с. 21). Подобную заботу о естественном дубовом лесостое проявляли и польские власти на Правобережье Днепра (Алеппский, 1897, с. 29). По Боплану, около приграничных сел население строго следило за сохранностью ближайших лесов, пригодных для устройства убежищ (1990, с. 77). Не исклю-

чено, что схожие меры принимались и вдоль южнорусских рубежей в домонгольское время: к этому склоняет хотя бы та продуманная систематичность, с которой производилось фортификационное строительство.

В середине XIII в., в связи с монгольским нашествием, пашни и окультуренные земли лесостепи превратились в «дикое поле», а граница земледелия отодвинулась далеко на север и запад. Это послужило причиной новой длительной фазы облесения южных земель (Ахтырцев, 1968, с. 16; Ахтырцев, Щетинина, 1969, с. 21), но уже в условиях похолодания и увлажнения климата (Шнитников, 1985, с. 5–22; Максимов, 1990, с. 105–129).

Массовое заселение рассматриваемой части лесостепи вновь началось в XVI в. Вероятно, первые вырубки лесов не были сплошными: опасность татарских вторжений сохранялась. Активное сведение древостоя началось со второго десятилетия XVII в. для производства селитры, смольчуга и поташа на экспорт. Несколько позже поташное производство даже угрожало целостности Белгородской линии. В XVIII в. наибольшие вырубки пришлись на середину столетия, причем больше леса сводили в малолесных, более населенных губерниях. В XIX в. леса сильно пострадали после освобождения крестьян, часто получавших их для распашки (Мильков, 1950, с. 142; Турчанович, 1950, с. 97; Цветков, 1957, с. 27; Сидоренко, 1991, с. 101–103).

Это лишь краткий обзор литературы, посвященной сложностям, подстерегающим исследователя на пути реконструкции распространения древних лесов. Тем не менее из него выходит, что на Левобережье существовало три всплеска заселенности с различной интенсивностью вырубки лесов, разделенных продолжительными периодами естественного восстановления части лесостоя.

В целом, по мнению специалистов, для гипотетической реконструкции пределов древних лесных массивов метод картографического сопоставления почв своего значения не утратил. Он особо востребован для оценки лесистости широких географических пространств, не требующей пошаговой точности. В таких случаях допуски в площадях древнего лесостоя и времени вырубки лесов в значительных пределах компенсируются точным нанесением археологических объектов (Демкин, 1997, с. 20, 21).

Для проверки этого тезиса древнерусские городища мной накладывались на почвенную картографическую основу. В итоге в северной части древней Переяславщины отчетливо наметились следы хорошо известного по летописным сведениям «степного коридора» между левым берегом Сейма и верховьями Сулы с Пслом (**рис. 3: *1***). Этой традиционной для XII–XIII вв. дорогой половецкие войска неоднократно приходили на Русь, но раньше о ней судили лишь гипотетически (Рыбаков, 1971, с. 164). В сужении этого «коридора» были обнаружены обустроенные городищами «полю ворота» «Слова о полку Игореве». Обоснованной оказалась и гипотеза об отождествлении летописной «Ратьмире дубровы за Вырем» с одним из ныне вырубленных лесных островков верховий р. Криги (Моргунов, 1983, с. 79; 1985, с. 247, 248).

Не случайным выглядит и совпадение распределения пограничных городищ Сулы с гипотетическими ландшафтными характеристиками ее правого берега. Так, в черноземных безлесных низовьях городища располагались на расстоянии 5–7 км друг от друга (**рис. 3: *2***). А на распаханных оподзоленных черноземах промежутки между укреплениями (Попаш–Ромен, Ромен–Глинск, Глинск–Свиридовка, Свиридовка–Лохвица) насчитывают около 30 км (**рис. 3: *5***). Это свидетельствует об умелом использовании защитных свойств леса создателями пограничного рубежа (Моргунов, 1988 а, с. 202).

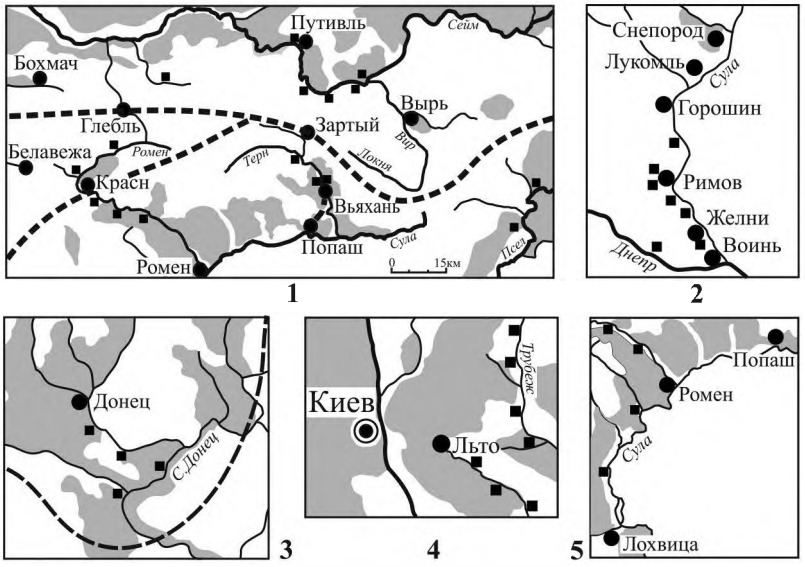

Рис. 3. Примеры совпадения пределов восстановленных лесов с особенностями размещения древнерусских городищ.
1 – степной коридор и «полю ворота»;
2 – плотное размещение оборонительных сооружений на степном правом берегу Нижней Сулы; 3 – размещение укреплений «донецкого выступа»;
4 – сужение лесного массива между Киевом и Льто;
5 – разреженное размещение городищ на залесенном берегу Верхней Сулы

Картографирование городищ уточняет и ландшафтную характеристику упоминавшегося выше лесистого кряжа «донецкого выступа», с трех сторон окруженного типчаково-полынной степью (**рис. 3:** ***3***). В междуречье Днепра и Трубежа такое же совпадение наблюдается на примере летописного «Летского поля». По почвенным данным оно реконструируется как громадный степной клин, с востока врезанный в глухие (частично сохранившиеся и поныне) дебри, вдвое сокращавший опасную лесную дорогу на Киев (**рис. 3:** ***4***). Археологически этот степной клин маркировался цепочкой древнерусских городищ, а на его острие размещалось урочище Льто, на котором позже был возведен летописный город (Моргунов, 1998, с. 34; 2009, с. 181, рис. 87). Сходную картину можно отыскать и на Правобережье Днепра. Так, С. А. Плетнёвой был выделен «бужский степной коридор», которым половцы из степей поднимались в междуречье Стугны и Роси (1975, с. 282). В преддверии Поросья в летописях он упомянут как «Ростиславля дорога», которая заканчивалась безлесным 20-километровым проходом (летописные «Воротца») между р. Унавой и г. Юрьевом (Моргунов, 2009, с. 189, рис. 88).

Эти наблюдения нельзя оставлять без внимания: гипотетически намеченное распространение древних лесов по-новому объясняет особенности размещения укрепленных поселений и пути следования войск. Следовательно, приведенная реконструкция близка к реальному существованию лесов конца XI – середины XIII в. на месте оподзоленных черноземов. Ниже карты гипотетически восстановленных древних лесных массивов пригодятся при нанесении на них городищ – остатков древних укреплений.

Среднее Поднепровье в эпоху Святослава Игоревича

О характере сложения древнерусского заселения Левобережья Днепра, на основе которого позже возникла Переяславская земля, более или менее уверенно можно судить, начиная с середины – третьей четверти X в. К этому времени повышается информативность письменных источников, точнее определяется хронология бытования многих категорий находок. Это позволяет определить время существования летописных городов и других памятников киевского территориального узла – основы «Русской земли» в узком понимании этого термина.

Киевское ядро во времена Святослава

Согласно событиям, описанным в недатированной части ПВЛ, около 862 г. Киев был небольшим городком на правом берегу Днепра. В те времена «бяше около града [Києва] лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяше звѣрь». Действительно, и в настоящее время севернее Киева начинаются «полесские» ландшафты с хвойно-широколиственным древостоем (летописный «бор»). Южнее простиралась широколиственная растительность, соответствовавшая летописному «лесу» (ПСРЛ, т. 1, с. 9, 20; Сагайдак, 1989, с. 125).

Новейшие исследования показали, что «град Киев» X в. состоял из четырех укреплений, размещенных на соседних выступах киевского плато. Это Замковая гора, Старокиевская крепость и окруженные рвами Детинка и Кудрявец (Комар, 2012 а, с. 319–321). Из трактата Константина Багрянородного также известно о существовании в середине X в. Чернигова, Любеча, Вышгорода и Витичева (Константин, 1989, с. 45, 47). **Рис. 4.**

Из них расположенный в 15 км к северу от Киева «Вышегородъ градъ Вользинъ» упоминался и в ПВЛ под 946 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 60). Сорока четырьмя километрами южнее столицы исследовалось трехчастное городище Витичева, содержавшее материалы X–XI вв. (Рыбаков, 1965; Петрашенко, Козюба, 1999, с. 27–29; Комар, 2012 а, с. 325). Ближе к столице размещалось устроенное южнее его поселение Китаево с напластованиями VIII–X вв. Его курганный могильник содержал трупосожжения, срубные гробницы и инвентарь X в. По уточненным данным, в середине X в. там существовало лишь селище со рвом (?), предшествовавшим укреплениям конца X в. Отсутствие датированных этим временем крепостных стен не позволяет отождествить ранний Китаев с летописным г. Пересечном, упомянутым в письменных источниках под 922 и 940 гг. (ПСРЛ, т. 1, с. 24; НПЛ, с. 109, 110; Толочко, 1980, с. 140; Мовчан, 1989; 1993, с. 137–157; Комар, 2012 а, с. 310, 325). К ближайшей округе Киева, вероятно, относился и дружинный лагерь раннего периода существования летописного г. Белгорода на р. Ирпень, располагавшийся в 23 км к западу от столицы. На это указывают отдельные находки и могильник с ранними трупосожжениями и погребением в ладье (Мезенцева, 1986, с. 318; Куза, 1996, с. 171). Согласно летописной легенде, Владимир Святославич еще до начала

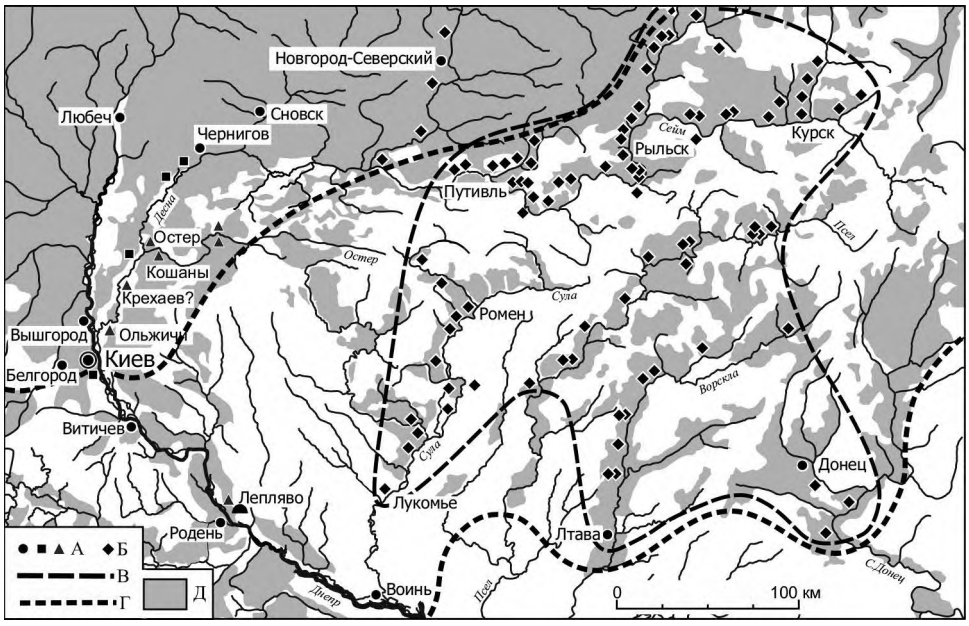

Рис. 4. Археологические памятники эпохи Святослава.
А – древнерусские летописные города, городища и открытые поселения;
Б – городища летописных северян; В – пределы распространения лесостепных памятников заключительного этапа существования роменской культуры;
Г – границы ландшафтных зон; Д – древние лесные массивы

крещения и начала градостроительной деятельности содержал там часть наложниц (ПСРЛ, т. 1, с. 80).

Судя по этой картине, пределы центральной части киевского территориального ядра вдоль Днепра могли простираться на 60 км и углубляться на правобережное плато на 23 км. Впрочем, это лишь приблизительные прикидки: вычислять площадь этой территории было бы крайне преждевременно. Несомненно, там существовали и неизвестные или недостаточно изученные неукрепленные поселения, которые могли бы уточнить эту поселенческую ситуацию.

Кроме «ближнего круга», поселения этого времени были и на левом берегу Днепра. В недатированной части ПВЛ под 947 упомянуто о существовании «доселе» села Ольжичи. Судя по летописному контексту сюжетов 1149–1183 гг., Ольжичи размещались напротив Вышгорода, на скрещении значимых дорог из Киева в Чернигов, далее следовавших как по правому, так и по левому берегам Десны (ПСРЛ, т. 1, с. 60; т. 2, с. 310, 457, 512, 628). «Селище Ольжичи» встречалось и в письменных источниках середины XVI в. Летописным сведениям более соответствует его расположение на левых берегах Десны и ее притока Рудицы между ныне вошедшими в пределы Киева селами Выгуровщиной и Троещиной (Погодин, 1850, с. 221; Александрович, 1881, с. 3, 13; Махновець, 1989, с. 536). Отдельные находки этого времени прежде встречались в современном г. Остёре на р. Остёр, в Кошанах левого берега этой реки, некоторые северные аналогии находкам из Крехаева, что на правом берегу Десны, также датируются X веком.

В 50 км к северу от Вышгорода и Ольжичей и непосредственно напротив г. Остра, на правом берегу Десны, начиналась цепочка археологических памятников этого времени, которые тяготели к Чернигову. По первому впечатлению, эта заселенность была едва ли не более значительной, нежели киевская, но ее изученность оставляет желать лучшего: за исключением Чернигова, к сооружениям крепостного типа из них, пожалуй, пока можно отнести только знаменитую Шестовицу и городище Выползов.

На юге левобережной части киевских владений археологических памятников этого времени также немного. Возможно, к ним можно отнести возникновение упомянутой в источниках столетием позже крепости-гавани Воинь. Поскольку среди заполнения рва второго строительного периода там были обнаружены обломки сырцовой кладки, принято считать, что это укрепление было возведено при Владимире Святославиче. Однако в культурном слое Воиня были встречены и находки X в.: красноглиняный кувшин салтовского типа, обломки лепной керамики облика Луки Райковецкой и роменской культур. Оттуда также происходят: восходящий к венгерским прототипам бронзовый ременной наконечник, серебряная одноштифтовая бляшка; в X в. там сформировался и комплекс изделий из стекла (Довженок и др., 1966, с. 98; Щапова, 1966, с. 113; Юра, Кучера, 1986, с. 329–334; Приймак, 2007, с. 79, 80).

На более раннее возникновение первоначального Воиня указывает и структура укреплений первого строительного периода: они состояли из разделенных рвом двух параллельных линий защитных стен (Довженок и др., 1966, с. 26; Куза, 1985, с. 55, 59; 1989, с. 76). Это не характерно для древнерусской фортификации: укрепления подобной защитной структуры встречаются среди городищ Волжской Болгарии и северных окраин Хазарии (Моргунов, 2009, с. 172, 173). Более того, топографически крепость-гавань принципиально обособлена от созданного позже Владимиром Святославичем ограждения его территории – более определенна ее связь с процветавшей при Святославе международной торговлей.

Построенный при устье Сулы, Воинь был крепостью, на 200 км удаленной от Киева и хорошо защищенной пойменными низинами и протоками. Экономическое значение этой гавани в допустимых пределах раскрывается сообщением Константина Багрянородного о вывозе плодов полюдья в Византию. Там могли найти отдых и ремонтную базу связанные с южной торговлей караваны судов. Кроме того, Воинь располагался всего в 60 км по прямой от Лукомья, самой южной посульской крепости летописных северян: оттуда эта своеобразная фактория могла пополняться продуктами торговли и обмена с носителями роменской культуры, а также лесом для ремонта и строительства судов. В этой функции Воинь схож с Витичевым, расположенным близ устья Стугны, в 44 км южнее столицы. Кроме того, подтвержденные близкой к современности картографией позднейшие события показывают, что из степей к Воиню выводил стабильный переход через заболоченную пойму реки, которым неоднократно пользовались кочевники.

На половине пути от Воиня к столице размещено поселение и могильник в приднепровском с. Лепляво. Его удаленность от киевского поселенческого ядра исчисляется сотней километров от Киева и шестьюдесятью – от Витичева. Раскопками могильника и сборами подъемного материала в свое время там было получено множество изделий, датировка некоторых не выходит за пределы X в. Среди них есть артефакты разноэтничного происхождения и предметы торгово-дружинного быта (в том числе скандинавского облика), находящие

аналогии в Шестовице, Седневе и Гнёздове, а 75 % захоронений являются камерными. Таким образом, Лепляво можно сравнить с открытыми поселениями, созданными по образу дружинных лагерей-станов (Щербаківський, 1925, с. 339–348; Выезжев, 1954, с. 33–38; Моргунов, 1999, с. 70, 71; Петрашенко, Козюба, 1999, с. 273–275; Шинаков, 2002, с. 240, 246; 2004, с. 301–310, рис. 1). Расположенное близ каневского брода Лепляво является точной ситуационной аналогией летописных Ольжичей, неоднократно служивших местом концентрации русских войск. А семнадцатью километрами северо-западнее пролегал золотоношско-гельмязовский отрезок приднепровской трассы печенежского пути на Киев, что позволяло высылать туда конные дозоры.

В литературе бытует представление о том, что и городище Лепляво также существовало во второй половине X в. (Щавелев А. С., 2002 б, с. 258; Фетисов, 2004, с. 51, 52). Это недоразумение: дружинные лагеря не обязательно окружали укреплениями. Кроме того, подобные леплявскому крепостные сооружения округлых очертаний появились на Левобережье не ранее второй половины XI в. (Моргунов, 1986; Куза, 1996, с. 175). Такую трактовку подтверждают немногочисленные, но достаточно убедительные керамические серии, происходящие из фондов Национального музея истории Украины, коллекции разведок И. И. Ляпушкина и раскопок Р. И. Выезжева. Они указывают на хронологическую лакуну между активным существованием раннего открытого поселения и возобновлением поселенческой динамики в связи с появлением крепости во второй половине – конце XI в.

Столь удаленное расположение двух последних памятников объясняется тем, что между нижними течениями Остра и Сулы лишь в Лепляво, Воине, Столпягах (уроч. Горелое) и Циблях (Церковь) встречено немного обломков посуды типа Луки Райковецкой VIII–X вв., оставленной выходцами с Правобережья Днепра. Других поселений времени княжения Святослава на этих землях пока не обнаружено: ближайшие памятники роменской культуры летописных северян IX–X вв. известны лишь в низовьях р. Удай и на среднем течении Сулы.

Следует упомянуть и о том, что особенностью ранних поселений являются следы присутствия выходцев из центральных и северных областей Руси. Это неудивительно: еще при Аскольде и Дире «многи Варяги скуписта [съвокуписта] и начаста владѣ [княжити] Польскою [Полотьскою] землею». Согласно тонкому наблюдению Д. С. Лихачева (1950, с. 253), «варягами» в то время могли называть и дружинников по их профессиональному признаку, но контекст сказания вовсе не исключает их северного происхождения. Затем около 882 г. северных переселенцев («варяги, чюдь, словѣни, мерю и всѣ кривичи») на юг привел князь Олег. Следующая волна переселений связана с князем Игорем: в его царьградских походах также участвовали не миновавшие Киева варяги, словени, кривичи, меря и радимичи (ПСРЛ, т. 1, с. 21–24, 29, 45).

Для составителей ПВЛ эти события были настолько глубокой историей, что в окончательном тексте ПВЛ некоторые легендарные сведения могли дублироваться. Но даже если перед нами литературные гиперболы, киевское территориальное ядро всё же действительно пополнялось значительным количеством переселенцев. Они были необходимы для дальних походов и укрепления княжеской власти на новоприобретенных землях. Княжеская дружина была структурной основой аппарата принуждения: свою задачу она лучше исполняла при отсутствии местных корней. Но это не означает, что ее представители затем не смешивались с аборигенным населением.

Некоторое отношение к вопросу освоенности Левобережья могут иметь детали летописного сюжета ПВЛ под 968 г. об осаде печенегами Киева.

Как известно, князь Святослав Игоревич основное внимание уделял внешней политике: дальние походы и международная торговля подпитывали экономику Руси. В письменных источниках содержатся сведения о его походах на Хазарский каганат, о русско-византийской войне, вторжении в Дунайскую Болгарию и захвате Преслава. В ПВЛ имеется сообщение о намерении князя осесть на Дунае. Следуя этой цели, он раздал свои владения сыновьям: Ярополка оставил в Киеве, Олега посадил в древлянской земле, а Владимиру отдал Новгород (ПСРЛ. 1, с. 69). Фактически этим он лишил себя возможности вернуться на Русь. Внутренние проблемы интересовали его меньше: на Оке он дважды пытался присоединить к Руси вятичей и по пути в Хазарию начал освоение восточной окраины северянской территории.

В отсутствие Святослава левобережный воевода Претич снял печенежскую осаду столицы и освободил княгиню Ольгу с внуками. Его зависимость от киевского князя выражена прямой речью воеводы: «Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ» (ПСРЛ, т. 1, с. 66, 67).

Эта летописная повесть содержит ряд противоречивых сведений. Так, сначала Ольга с внуками и «людьми» взошла на ладьи Претича, а позже вернувшийся Святослав вновь обнаружил ее в столице. При виде дружины Претича печенеги бежали от Киева, но позже оказалось, что вплоть до прибытия Святослава осада не была снята. Далее, сначала осада была столь плотной, что «не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати», а после загадочного исчезновения из текста имени Претича киевляне всё же послали за Святославом. Необъяснима и скорость движения Святослава из дунайского похода «вборзѣ». Еще до прихода Претича киевляне уже настолько изнемогали от голода и безводья, что были готовы сдаться. Но после, должно быть, длительной поездки вестника князь с дружиной слишком быстро оказался в столице. И наконец, вернувшись, князь собрал войско и прогнал кочевников, хотя набрать ополчение вполне могли Ольга или Претич.

Истолкование фактологии и структуры летописной повести вызвало сложение ветвистого историографического шлейфа, о важнейшей части которого нельзя не упомянуть.

Так, А. А. Шахматов считал, что статья 968 г. не является цельным рассказом. По его мнению, составитель Древнейшего киевского свода 1039 г. ограничился краткой передачей легенды об осаде печенегами Киева, оставшегося без князя, и возвращении Святослава из Переяславца. В свою очередь, составитель Начального киевского свода 1095 г. дополнил рассказ вставкой предания о юноше и Претиче, не обратив внимания на противоречия, которые внесла эта поправка. Такой подход объясняет множество неясных мест летописной повести, а другие, к примеру, исчезновение имени воеводы из повествования об освобождении Киева Святославом, соответствуют самой цели введения в летописную статью первого сюжета. Впрочем, неточностью исследователь считал и то обстоятельство, что печенеги ожидали прихода Святослава не конным путем с юга, а на ладьях с юго-востока, от низовья Днепра, поэтому появление Претича оттуда же их не удивило. Исследователь также предположил, что в то время князь воевал на востоке против хазар, ясов и касогов, хотя в реконструкции Древнейшего киевского свода упоминание о ясах и касогах обозначено как вставка позднейшего редактора (Шахматов, 2001, с. 11, 95, 96, 393). Ученый, видимо, не обратил внимания, что князь мог вернуться водным путем: тем самым, который он выбрал перед смертью, в таком случае и этот пассаж вполне логичен.

Эта реконструкция вызвала критические замечания, итоги которых подвел А. Н. Насонов: он частично согласился с критиками и отнес летописный рассказ целиком к древнейшим, лишенным позднейших вставок. Ученый также заметил, что, испугавшись звуков труб Претича, печенеги бежали от Киева на запад или юго-запад от города (Насонов, 1951, с. 62; 1969, с. 15). В данном примере предпочтителен был западный путь мимо Белгорода: недаром в конце X в. следовавшие за ним безлесные верховья Здвижа были перегорожены мощными протяженными укреплениями – Змиевыми валами.

В свою очередь, А. С. Королев в целом принял версию А. А. Шахматова как компиляцию из двух независимых источников о двукратном освобождении Киева. Что же касается противоречий, он считал более правдоподобной версию о спасении Киева Претичем (2000, с. 200, 201).

Действительно, в отличие от варианта со слишком скорым появлением Святослава и сбором им (в осажденном городе?) нового войска взамен оставшегося на Дунае, сюжет о Претиче более логичен и, вероятно, содержит древние реалии. Так, печенеги не приняли бы рядовое ополчение за авангард Святослава: очевидно, по качеству вооружения и доспехов дружина Прятича походила на профессиональных воинов. Для номадов было естественным и появление дружины на ладьях с юго-востока: это направление возвращения Святослава речным путем от Черного моря. Реален и тактический расчет Претича: с немногочисленной дружиной он не надеялся освободить готовый к сдаче город, однако хотел исполнить важнейшую обязанность перед Святославом: «…княгиню и княжичѣ оумчимъ на сю страну».

Значительный интерес в литературе вызвал вопрос о происхождении Претича и его дружины. До относительно недавнего времени синхронные осаде Киева поселения на Левобережье были неизвестны. Поэтому воеводу считали северянским князьком, черниговским князем, а его дружину даже «общесеверянским ополчением (Мавродин, 2002, с. 145; Булкин, Дубов, Лебедев, 1978, с. 15; Моця, 2000, с. 503; Щавелев А. С., 2002 б, с. 258; Михайлова, 2010, с. 74). Новейший исследователь принял Претича за князя-воеводу (или наместника) северянского княжества (?) и воеводу одного из черниговских «династов» (Шинаков, 2002, с. 219).

Об «общесеверянском ополчении» говорить рано: в литературе прочно закрепилось мнение о том, что князь Олег присоединил к Чернигову только «западных» северян, которых привлекал к участию в походе на Византию (под 884 и 907 гг.: ПСРЛ, т. 2, с. 24, 29). Как подробнее будет показано ниже, Святослав в процессе восточных походов (под 965: там же, с. 65) мог затронуть «окняжением» лишь незначительную часть восточных северян. Действительно, еще А. Н. Насонов справедливо отмечал, что этот летописный рассказ не дает оснований предполагать существование в Чернигове княжеского стола или племенного князя. Поэтому Претич скорее был левобережным военачальником (Насонов, 1951, с. 62), т. е. воеводой Святослава (Королев, 2000, с. 199, 202). Этим объясняется и его появление отнюдь не со стороны Чернигова.

Не исключено, что дружина Претича дислоцировалась на месте археологического комплекса Лепляво (Шинаков, 2002, с. 241; Щавелев А. С., 2002 б, с. 258), который входил в левобережные владения Киева. В этом плане примечательна одна ремарка сказания об осаде Киева. Она констатирует, что еще до прихода Претича «собрашася людьє оноя страны Днѣпра в лодьяхъ». Именно это левобережное население в начале осады могло оповестить Претича: вниз по течению в ладье под парусом и с веслами стокилометровое расстояние можно было преодолеть менее чем за световой день (Ср.: Леонтьев, Носов, 2012, с. 395).

Итак, ко времени вокняжения Владимира Святославича ближайшие левобережные владения Киева еще не стали сколько-нибудь весомым территориальным образованием. В это время прослеживается существование лишь двух значимых центров: киевского территориального узла и черниговского средоточия в междуречье Днепра и Десны. К востоку и северо-востоку простирались земли летописного племени северян, которые киевским князьям еще предстояло освоить.

Расселение летописных северян

Летописная информация о северянах весьма скупа. Кроме сведений об их проживании по Десне, Сейму и Суле, в недатированной части ПВЛ вкратце описаны их обычаи и ландшафтное окружение: «...радимичи и вятичи, и сѣверъ одинъ [Т.: одиныи] обычаи имяху: живяху в лѣсѣх, яко же [и] всякии звѣрь...». Согласно летописной статье 859 г., они платили дань хазарам «по бѣлѣи вѣвериць от дыма». Под 884 г. (через два года после захвата Любеча князем Олегом) в ПВЛ рассказывается о его походе: «...и побѣди сѣверяны, и възложи на нь [Т.: на нихъ] дань легъку. И не дасть [даеть] имъ козаромъ дани платити». А под следующим годом обозначено, что к 885 г. Олег уже «обладал» обитателями племенных земель, в том числе и северянами (ПСРЛ, т. 1, с. 13, 19, 24). По Константину Багрянородному (1989, с. 51), в середине X в. северяне являлись «пактиотами» Руси: в полюдье «росы» в течение всей зимы «кормились» в том числе и у северян. После длительной лакуны в 1024 г. они уже стали частью войска черниговского князя Мстислава Владимировича во время Лиственской битвы (ПСРЛ, т. 1, с. 29, 148, 149).

В литературе бытует мнение, что «северяне» или «север» – это своеобразная и устойчивая диалектно-этнографическая общность древнерусской периферии, заметно отличавшаяся от населения Киева и Чернигова (Хабургаев, 1979, с. 206, 207). Археологически северяне трактуются как носители роменской культуры; ее происхождение, ведущие признаки и хронология существования изучены достаточно полно.

Распространение северянских памятников подтверждает точность летописной характеристики их размещением среди гипотетически реконструированных древних лесных массивов. Судя по археологическим данным, эта культурная общность также распространялась на верхние и средние поречья Псла и Ворсклы; известны они и в верховьях Северского Донца. **Рис. 5.**

На западе северянский массив был отделен от русского междуречья Днепра и Нижней Десны 50-километровой незаселенной полосой. Ареал носителей роменской культуры не был монолитным: в отличие от северян лесной зоны Подесенья, юго-восточный поселенческий массив большей частью занимал лесостепную зону. Между ними прослеживается 45-километровая «нейтральная» полоса, отделявшая между подесенским Шабалиновым и посеймским Спасским «лесостепных» северян от «лесных». Таким образом, не исключено, что географическая оценка размещения северян по ПВЛ и археологически прослеженные поречные россыпи городищ восходят к делению северянского союза на два малых племени.

Следовательно, русское «обладание» северянами (885 г.) и «полюдье» Константина Багрянородного могло относиться к западной ветви северянского ареала, а легендарные сведения о хазарской дани и запрете Олега ее платить (859 и 884 гг.) относились к северянам «восточным» (Зайцев, 1975, с. 65, 67). Именно окраина последних плотно соприкасалась с землями лесостепного вари-

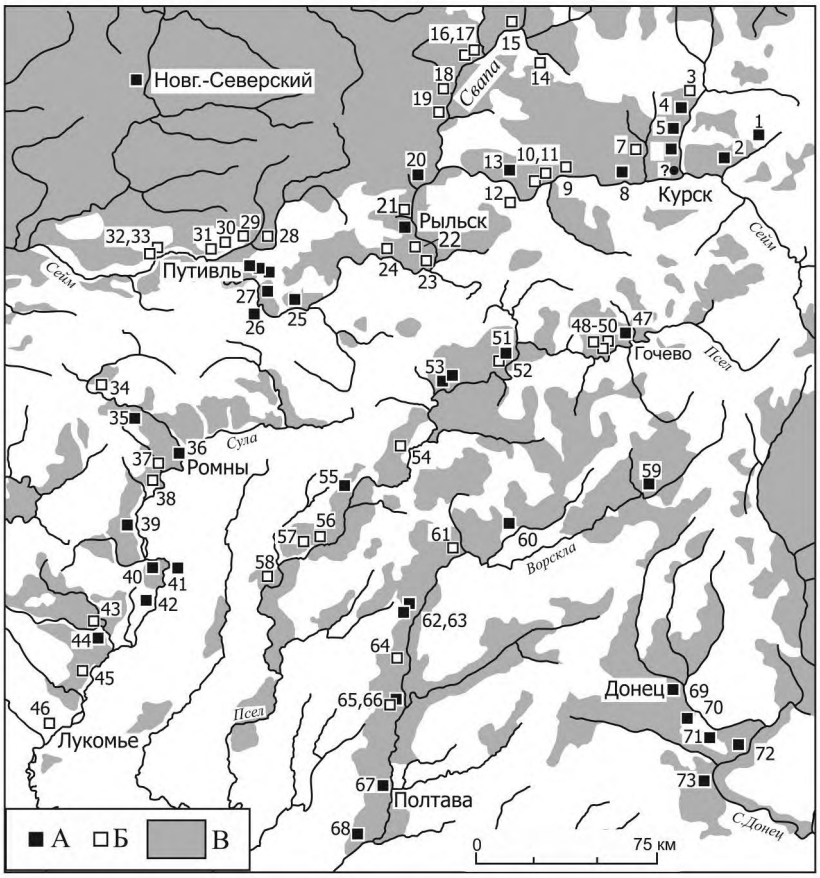

Рис. 5. Информативность городищ роменской культуры.
А – информативный тип 1; Б – условно пригодный к анализу тип 2; В – древние леса.

Посеймье: *1 – Титово; 2 – Беседино; 3 – Свобода; 4 – Переверзево-2; 5 – Мешково-2; 6 – Шуклинка; 7 – Гнездилово; 8 – Липино; 9 – Дроняево-2; 10-11 – Погореловка-1 и 2; 12 – Сугрово; 13 – Люшинка; 14 – Жидеевка; 15 – Гнань; 16, 17 – Ратманово-1 и 2; 18 – Старый Город; 19 – Арбузово; 20 – Капыстичи; 21 – Пригородная Слободка; 22 – Тимохино; 23 – Артюшково; 24 – Лещиновка; 25 – Волынцево; 26 – Лухтовка; 27 – Латышевка; 28 – Ховзовка; 29 – Волокитино; 30 – Воргол; 31 – Литвиновичи; 32, 33 – Божок-1 и 2.*

Посулье: *34 – Красный Колядин; 35 – Медвежье; 36 – Монастырище; 37 – Шумск; 38 – Глинск; 39 – Свиридовка; 40 – Гаевщина; 41 – Бодаква; 42 – Васильки; 43 – Городище; 44 – Хитцы; 45 – Лубны; 46 – Лукомье.*

Псёл: *47 – Гочево; 48–50 – Долгий Колодезь 1, 2, 5; 51 – Большой Горналь; 52 – Горналь (Фагор); 53 – Зелёный Гай; 54 – Ворожба; 55 – Каменное; 56 – Кнышевка; 57 – Броварки; 58 – Сары.*

Ворскла: *59 – Хотмыжск; 60 – Ницаха; 61 – Заречное-2 (Кукуево); 62, 63 – Журавное 1 и 2; 64 – Куземин; 65, 66 – Глинск 1 и 2; 67 – Полтава; 68 – Решетники.*

Северский Донец: *69 – Карачевка; 70 – Хорошево; 71 – Водяное; 72 – Мохнач; 73 – Коробовы Хутора*

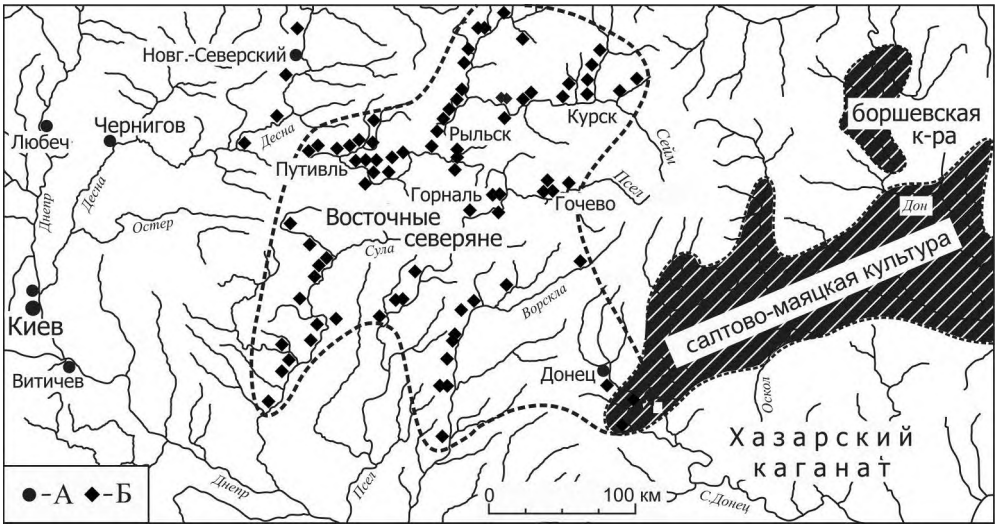

Рис. 6. Географическое сочетание восточных северян с лесостепным вариантом салтово-маяцкой культуры (по Г. Е. Афанасьеву) и Хазарией. А – летописные города; Б – северянские городища

анта салтово-маяцкой культуры Подонья – алано-болгарами или летописными «ясами» северной окраины Хазарии (Афанасьев, 1987, с. 11, рис. 1). **Рис. 6**.

В какой-то мере это подтверждается распространением продукции древнерусского круга: в западносеверянском Среднем Подесенье, поблизости от дружинных центров, качественная круговая посуда общерусского облика составляла более половины керамического комплекса, а по мере удаления от мест производства ее доля резко уменьшалась. В западном регионе на роменских поселениях известны и предметы скандинавского стиля второй половины X в. (Григорьев, 2012 б, с. 112; Комар, 2012 г, с. 361). Не исключено, что из западных северян Олег набирал северянское ополчение для похода 907 г. на греков, а юго-восточная половина племенного союза сохранила независимость и долго продолжала самостоятельное развитие. В пользу подобного толкования говорит и раннее включение Нижнего Подесенья в орбиту Руси (Комар, 2012 в, с. 157).

Об относительно мирных отношениях восточных северян с Хазарией, исключавших вероятность военных столкновений, в свое время писал еще В. Г. Ляскоронский (1903, с. 221), и его мнение было поддержано новейшими исследователями. Археологически на это указывает бытование салтово-маяцкого инвентаря на поселениях и в погребениях носителей раннего этапа существования роменской культуры, а также ощутимый алано-болгарский компонент в краниологических сериях из курганных погребений (Сухобоков, 1988 д, с. 53; Сухобоков, Юренко, 1999, с. 289; Покас, 1993, с. 47; 1994, с. 49; Комар, 2012 д, с. 339, 343).

Эта близость особенно ощутима в верховьях Северского Донца, где северянское расселение плотно примыкало к алано-болгарским землям. Более того, в этой зоне соприкосновения северяне создавали собственные укрепления на городищах раннего железного века (Горбаненко и др., 2009, с. 82–92; Гречко, Свистун, 2004, с. 112–114; Колода, 2005, с. 72–82; Колода, 2007, с. 9–13; Колода В. В., Колода Т. А., 2005–2009, с. 250, 251). Поскольку в целом по ряду технологических

показателей Хазария опережала славянский мир, длительная стабильность салтово-роменских взаимоотношений позитивно влияла на материальную культуру не только обитателей «донецкого выступа», но и всех восточных северян.

Стремление Руси к расширению своей территории не могло остаться незамеченным ее ближайшими соседями. Кроме похода 883 г. Олега на древлян, войны 885 г. с уличами и тиверцами, похода на земли радимичей, особый резонанс могли вызвать захват Любеча и присоединение западных северян. Эти тревожные симптомы спровоцировали отток беженцев на север и к юго-востоку. Поэтому появление первых крепостных сооружений (Большого Горнальского, Новотроицкого и Опошни) можно связать с возникшими опасениями о дальнейшей эскалации русской экспансии и стремлением защититься от нее. Судя по данным археологии, в конце IX в. в Горнале произошли существенные перемены: были реконструированы оборонительные сооружения, среди сделанных здесь находок резко увеличилось количество предметов вооружения, на могильнике появились курганы с кремациями на стороне, помещенные в лепные горшки роменской культуры (Куза, 1981, с. 30, 31, 38; Моця, Халиков, 1997, с. 124; Приймак, 2007, с. 61). В Посеймье конца IX – начала X в. началось быстрое освоение поречья р. Тускари, которое становилось плотно заселенной территорией (Узянов, 1983, с. 81). Одновременно фиксируется резкое увеличение количества племенных укреплений во всем восточносеверянском регионе (Григорьев, 2012 б, с. 116; Комар, 2012 г, с. 365). Синхронно укреплялись и пределы Хазарии: в конце IX в. реконструировались укрепления Саркела, создавались крепости Карнаухово и Семикаракорское (Плетнёва, 2003, с. 72, 76, 78).

На северо-западе ареала восточных северян размещение памятников Среднего Сейма и Свапы практически совпадает с южной границей лесов. На северо-востоке этот ареал охватывал верховья Сейма, по течению Сулы самым южным памятником стала замыкавшая предстепье крепость Лукомье. На Псле предел распространения городищ роменской культуры волнообразно отодвинулся севернее, к городищу Сары, а по Ворскле – вновь опустился до Полтавы. Столь же дугообразно от Полтавы южный предел ареала проследовал к верховьям Северского Донца: эта линия, охватывавшая лесные массивы, здесь совпала с границей лесостепной и степной растительности.

Из общей территории распространения северян, раскинувшейся между средним течением Десны и Северским Донцом, которая, по мнению О. В. Сухобокова, насчитывала от 100 до 140 тыс. км^2 (2012, с. 269), по моим подсчетам, восточносеверянский массив охватывал площадь около 37 тыс. км^2.

В поречье Сейма ведущей формой расселения считают открытые поселения надпойменных всхолмлений и нижних речных террас (Узянов, 1983; 1988; Узянов, Кашкин, 1989; Узянов, Кашкин, 1990; Григорьев, 2000, с. 54; Енуков, 2005, с. 85–91; Комар, 2012 в, с. 154). Возможно, это соответствует древним реалиям части регионов, скажем, течения Тускари. Но если судить о Посеймье в целом, не следует упускать из виду, что там насчитывают до 60 по-разному изученных городищ (Енуков, 2005, с. 63). Это может составлять 2/3 от всех известных северянских укреплений. Следовательно, структурное лицо региона всё же определял оборонительный фактор.

На сопредельных территориях сплошные обследования производились как исключение, да и лесистые ландшафты не всегда позволяли выявить отдельно размещавшиеся селища. Поэтому для поречий Сулы, Псла и Ворсклы за основную поселенческую форму принимали племенные крепости-убежища, иногда с несколькими открытыми поселениями. В верховьях Северского Донца основным типом поселений считают городища (Кучера, 1999, с. 114; Сухобоков, 2010, с. 565;

Супруненко и др., 2009 б, с. 12; Комар, 2012 в, с. 152, 155). Поэтому обобщенное с учетом всех малых племен соотношение памятников и всего северянского союза позволяет оставить остатки укреплений в качестве ведущего элемента поселенческой структуры и основного источника для изучения северянского расселения (Узянов, 1987, с. 256; Енуков, 2005, с. 63, 64, 178). В любом случае только северянские «городки» отражают особенности сложившейся поселенческой структуры.

В объеме всего северянского ареала М. П. Кучера и О. В. Сухобоков учитывали около 90 городищ (Сухобоков, 1975, с. 19; Кучера, 1999, с. 114). А. В. Комару известно около 250 пунктов, но в их число вошли могильные древности и древнерусские памятники с отдельными роменскими комплексами. А. В. Григорьев расширил исследовательскую географию расселения северян за счет верховьев Оки, Дона и «памятников "роменского типа"». По его мнению, на сегодняшний день точно оценить их количество сложно. Он согласился с А. В. Кашкиным в том, что состояние материала практически исключает использование количественного критерия для сравнительного анализа заселенности различных областей: сопоставления возможны лишь для сравнения небольших территорий. Тем не менее применительно к расширенному ареалу он насчитал около 1000 объектов (Комар, 2012 в, с. 154; Григорьев, 2012 а, с. 368; Кашкин, 2006 а, с. 133–141).

Крепости северян, как правило, были невелики. Среди их городищ наиболее распространенные имели защищенные стенами площадки размерами не более 0,5–0,6 га: это соответствует представлению о племенных твердях–убежищах. В Посеймье подобные укрепления составляли 82 % от их общего числа. Сходная картина наблюдается и в верховьях Северского Донца: там на городищах раннего железного века носители роменской культуры создавали собственные укрепления площадью около 0,5 га (Колода В. В., Колода Т. А., 2005–2009, с. 251).

Размеры крайне незначительного количества крупнейших памятников выходят за пределы 1,9 га (Григорьев, 2000, с. 59; Кравченко, 2011, с. 108–110; Пуголовок, 2013, с. 270). Несколько иными цифрами оперировал М. П. Кучера: по его мнению, площадки около 50 % городищ имели размеры до 1 га, а 25 % – от 1,5 до 5 га (1999, с. 114, 168, табл. 4). О. В. Сухобоков считал, что подобный вывод мог появиться в связи с тем, что множество поселений роменской культуры частично занимало площадки обширных городищ раннего железного века. Там не удается уверенно установить границы распространения отложений со славянскими материалами (2012, с. 270, 271), это было изучено только в северодонецком регионе. Среднюю позицию занял А. В. Комар: к обычным он отнес памятники площадью от 0,1 до 3 га (2012 в, с. 154).

Северянские городища преимущественно располагались на защищенных природными условиями высоких и узких береговых мысах, склоны которых оснащали подрезками псевдоэскарпов для придания им большей крутизны: этот фортификационный метод типичен для северян. **Рис. 7.** От плато заселенные площадки отделяли древо-земляные валы – руины оборонительных стен двухрядной столбовой и каркасно-столбовой конструкции с внутренней земляной засыпкой. Значительная высота напольных валов является существенным атрибутом укреплений этого времени. Отдельные периоды существования таких конструкций были недолгими: несмотря на скрепление частокольных рядов поперечными перемычками, уплотнение засыпок создавало направленное наружу внутреннее напряжение, осложненное подгниванием дерева. Это требовало учащения ремонтов, откуда происходило быстрое увеличение высоты валов. Около середины X в., по крайней мере, в крупнейших центрах появились и стены из цепочек городней – засыпных бревенчатых срубов (Моргунов, 2008, с. 35, 36; 2009, с. 42–44; Григорьев, 2012 б, с. 100–112).

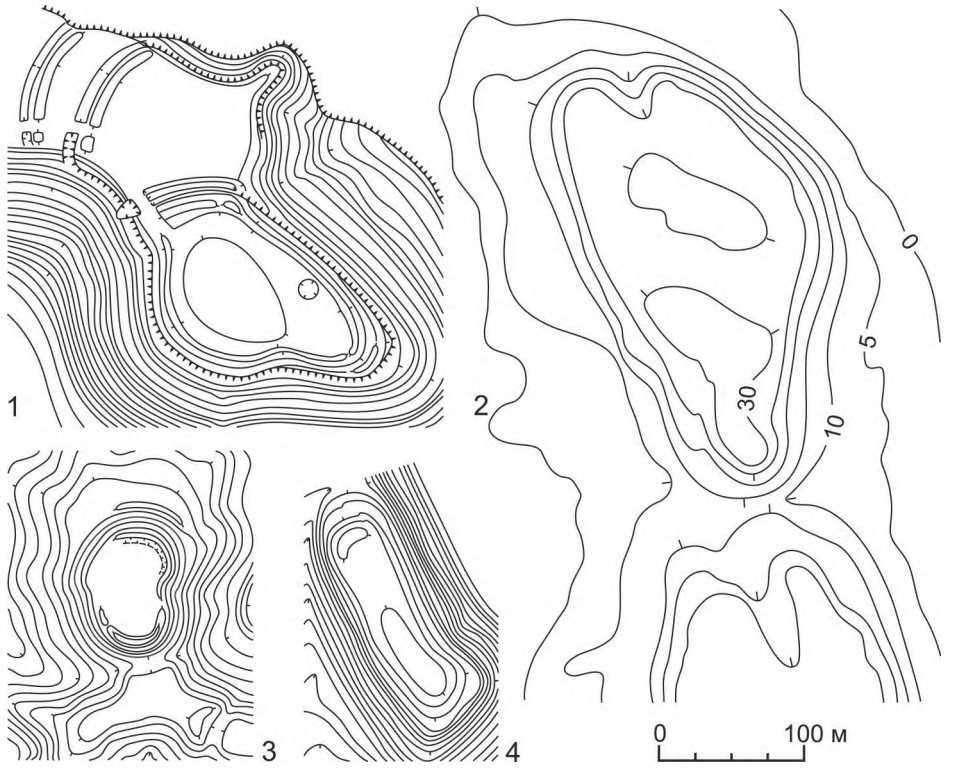

Рис. 7. Мысовое размещение северянских и северянско-древнерусских городищ.
1 – Заречное-2; 2 – Рыльск; 3 – Горки-2 (Сейм); 4 – Спасское-2 (Лобанова Гора на Сейме).
№ 2 – по О. Н. Енуковой (2007, рис. 6),
остальное – по съемкам А. В. Короти и Е. Н. Осадчего

При картографировании памятников изгибы водных артерий визуально изменяли свойственный северянам приречный принцип расселения. Поэтому в литературе закрепилось представление о том, что укрепления располагались не только цепочками, но и «гнездами» или «кустами», насчитывавшими до 7–12 памятников с промежутками протяженностью до 30–40 километров (Седов, 1982, с. 135; Сухобоков, 1975, с. 19; 2010, с. 565; Приймак, 1993 а, с. 96, 97). Прослеживаемое таким образом существование «гнезд» предполагает деление северянских союзов племен на меньшие поселенческие средоточия.

Как показывают приведенные разночтения в суждениях ученых, исследованность остатков древних укреплений информативно неравноценна. Поэтому имеет смысл напомнить о предложенной А. В. Кузой шкале источниковедческой оценки качества памятников: он делил древнерусские городища на четыре типа (1989 а, с. 35).

К первому типу были отнесены памятники, изученные широкими площадями: это дает наиболее представительную коллекцию вещей, построек и остатков оборонительных сооружений. Во второй тип вошли городища, подвергавшиеся небольшим раскопкам или обследованные разведками высокого методического уровня. Под ними понимается вскрытие культурного слоя несколькими шурфами площадью не менее 4 м^2 и производство разрезов внутрен-

них сторон валов: это позволяет уверенно оценивать время возведения оборонительных сооружений поверх более ранних наслоений (Моргунов, 2009, с. 15, 16). Под третьим типом А. В. Куза подразумевал укрепления, обследованные без вскрытия культурных напластований. Сборы подъемного материала широко отражают эпоху их существования, но в случае наличия на площадке разновременных («многослойных») культурных напластований определить хронологию каждого этапа из подобного каскада невозможно. И наконец, к последнему типу были отнесены памятники с недостаточно четкой оценкой их культурно-хронологического облика. Их появление в научном обороте можно связать с деятельностью краеведов и былыми сплошными разведками-объездами. В те времена горсть лежавшей на поверхности керамики была достаточной для обобщенной датировки памятников.

Степень изученности северянских поселений исследовалась и А. А. Узяновым. Он проанализировал сложности при выделении городищ роменской культуры из множества памятников с разновременными напластованиями (Узянов, 1993, с. 81–83). Недостатки неполно изученного множества памятников красноречиво показаны В. В. Енуковым, считавшим, что бесспорное соотнесение некоторых объктов с роменским временем невозможно (2005, с. 69). В качестве характерных примеров можно привести посульскую Басовку, где обломки северянской керамики встречаются и на гребнях распаханных валов. Это свидетельствует о том, что северяне заселили эти урочища после того, как крепостные стены предшествующего времени обратились в руины-осыпи укреплений.

Думается, что в данном случае можно взять на себя смелость упрощения схемы А. В. Кузы, сокращения ее до трех групп: это информативный тип 1 и пригодный для анализа тип 2. А к слабоизученному типу 3 можно отнести памятники, маркированные уважаемым предшественником как типы 3 и 4, ниже они не учитывались. Не рассматриваются здесь и малоизученные укрепления городища с разновременными напластованиями. Отметено и большинство сооружений с типичными для раннего железного века многовальными укреплениями, и древнерусские округлые в плане очертаний – их датировка роменским временем давно поставлена под сомнение. За скобками оставлены и невыразительные памятники с утраченными валами и незначительной долей северянской керамики. **Рис. 5**.

В итоге в поречье Сейма более или менее пригодными для идентификации с северянскими укреплениями оказалось около 74 % от декларированного в литературе количества роменских городищ. Это высокий показатель: в среднем на Руси только 61,8 % от общего числа учтенных объектов обладают достаточно документированной информацией, которая позволяет производить достоверные количественные сопоставления (Узянов, 1993, с. 82).

Высоки показатели (75 %) и степени изученности укреплений Посулья, хотя и об этом регионе известно много литературных несуразностей. Так, несмотря на поиски, не найдены достоверные роменские укрепления в Снитине; в Повстине мизерное количество лепной керамики найдено только на посаде округлого в плане памятника летописного города. Можно было бы изъять из анализа и плохо сохранившиеся укрепления Городища на Многе, но отнести его к пригодным для анализа городищам осторожно склоняет небольшое количество найденной там лепной позднесеверянской керамики в сопровождении круговой манжетовидной, а также материалы курганных могильников. На существование протяженной поселенческой лакуны указывает обнаруженная там гончарная керамика развитого облика, относящаяся к XII–XIII вв. (Моргунов, 1996, с. 89).

Определенные трудности возникают с идентификацией городища Верхний Вал в г. Лубны, отличающегося сложной структурой и обширными размерами остатков позднесредневековой крепости. Но следы оборонительных сооружений роменской культуры раскопками не обнаружены (Сухобоков, 1988 а). Тем не менее условно внести памятник в категорию более или менее информативных заставило зафиксированное Н. Кузнецовым необычно крупное открытое поселение (Кузнєцов, 1948), позже усложненное появлением там древнерусского города.

В Попселье пригодно для изучения 69 % северянских укреплений. Среди изъятых из дальнейшего изучения можно назвать знаменитую Шпилевку, представляющую собой овальный в плане останец с низким валом по его периметру, на котором встречена керамика XII–XIII вв. Лепная керамика известна только за пределами останца, а местонахождение знаменитого клада «под горой Бойковой» так и не установлено. Обследованность памятников течения Ворсклы и ее притоков приближается к 60 %. По недоразумению в число роменских попало округлое в плане укрепление Городное на р. Мерл: открытое северянское поселение и синхронные ему курганы расположены южнее городища, на возвышенности правого берега реки при впадении в нее р. Мерчик (Моруженко, 1976, с. 350; Колода, 2003, с. 130).

Высокой степенью изученности отличаются памятники вплотную примыкавшего к салтовскому ареалу северодонецкого северянского средоточия. Новейшие исследования городищ этого региона позволили сделать множество тонких наблюдений о сущности поселенческой структуры носителей роменской культуры всей восточносеверянской общности.

Таким образом, включая непронумерованные на карте городища на месте будущих летописных городов, в целом на изучаемой территории можно насчитать 73 памятника первого и второго типа информативности. Но и это не окончательные цифры: хочется надеяться, что в будущем представленная картина получит значительные положительные коррективы.

Как и в иных подобных примерах, на пути изучения северянских древностей случались недоразумения или ошибки. К подобным казусам относится гипотеза о строительстве племенных городков для защиты от печенежских нападений, когда «все силы северян были сосредоточены на отражении печенежских набегов» (Рыбаков, 1972, с. 17; Шинаков, 1991, с. 82; Сухобоков, 1994, с. 14; Григорьев, Сарачев, 1999, с. 342; Михайлова, 2010, с. 67; Сухобоков, 2010, с. 566). И всё же порой считают, что Левобережье якобы стало «легкой добычей печенегов», занявших северянскую землю вплоть до Сулы (Голубовский, 1881, с. 53; Сухобоков, 1975, с. 154; 1988 е, с. 30; 1992, с. 197; Сухобоков, Юренко, 1999, с. 287; Коринный, 1992, с. 59).

Итогом подобных недоразумений стала поддержка О. В. Сухобоковым гипотезы краеведа Ю. А. Липкинга о том, что цепочки береговых северянских укреплений – это состоящий из нескольких защитных линий «глубоко эшелонированный оборонительный район», защитивший Русь от кочевнических вторжений (Липкинг, 1968, с. 133, 134; Сухобоков, 1975, с. 150–154). М. П. Кучера справедливо возражал, что в родоплеменных общественных условиях планомерное строительство оборонительных линий на таком широком пространстве было невозможно (1999, с. 114).

Полагаю, что перечисленные выше опасения за судьбы восточных северян сильно преувеличены. Вряд ли печенеги могли принести катастрофический урон населению, способному укрываться в убежищах, единообразно возведенных среди лесных массивов: кочевники воевали на открытых пространствах и избегали углубления в лес. Так, на Суле цепь русских крепостей, защищавших от более

могущественного противника, была плотной (через 3–7 км) на степном берегу и сильно разрежена (через 15–30 км) на лесных участках обороны (**рис. 3:** ***2, 5***). Столь же красноречивы полевые дороги степняков, вьющиеся по обширным прогалинам между лесами в преддверии путивльских «полю ворот» или в бужском «степном коридоре» Правобережья перед летописными «Воротцами» Поросья. Выразительными представляются и особенности расселения степных федератов («своих поганых») на русских приграничных территориях: классическим примером является открытое «Перепетово поле» междуречья Роси и Стугны, обрамленное прибрежными лесными массивами (ПСРЛ, т. 1, с. 357; т. 2, с. 672). Выше упоминалось и о позднесредневековых государственных и общинных мероприятиях по защите лесов на степных рубежах: там также существовала необходимость в защите поселений от татарских набегов.

Следует обратить внимание и на зафиксированную летописными источниками среднюю глубину проникновения печенегов в оседлые земли. Эти свидетельства касаются русской территории несколько более позднего времени, но сходство ландшафтных условий и неизменность тактики печенегов позволяют считать такие аналогии сравнимыми.

Так, из четырех зафиксированных источниками набегов три (в 968 г. на Киев, в 996 г. на Василев и в 997 г. на Белгород) пришлись на Правобережье Днепра, куда печенеги добирались известными им путями. Из них Василев располагался в 30 км от «Воротцев», но в рассматриваемое время оборонительной системы Владимира Святославича еще не было, поэтому город располагался именно на степном рубеже. На переломе лесов и степей размещался и Белгород на р. Ирпень: туда печенеги могли попасть из бужского «степного коридора» через верховья Здвижа, где при Владимире Святославиче появилось ограждение из четырех линий Змиевых валов. На восточном краю залесенных киевских владений располагался и Переяславль.

Остается Киев, расположенный в 23 км по проторенной дороге к востоку от пограничного Белгорода. Но с уводом Святославом войск в Византию город и дорога остались беззащитными. Вышесказанное склоняет к выводу о том, что от печенегов не следовало ждать глубокого проникновения и на залесенные северянские земли, изобиловавшие крепостными сооружениями (Моргунов, 1999, с. 75–77). Подобной точки зрения придерживались крупнейший специалист по кочевническим древностям, а также исследователь северянского Посеймья (Плетнёва, 2003, с. 117; Енуков, 2005, с. 307).

Действительно, следов печенежских пожаров не обнаружено в лучше изученных Горнале и Гочеве, а также в синхронном поселении Мацковцы, расположенном близ приднепровской дороги степняков на Киев. Не выдерживает критики и былое убеждение в том, что именно из-за степной угрозы прекратило существование подавляющее большинство роменско-боршевских поселений Среднего Дона и верховий Северского Донца. По Константину Багрянородному, кочевники проникли в Причерноморье в самом конце IX в. (1989, с. 155). Еще позже степняки попали в поле зрения Руси: в ПВЛ заключение мира с Игорем и их уход на Дунай зафиксированы только под 915 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 42). А строительство множества северянских племенных укреплений началось уже в конце IX в., то есть оно не было связано с печенежской угрозой. Так, донская крепость Титчиха существовала до конца X в. (Москаленко, 1965, с. 149); крепость Воргол – до XI в. (Пряхин, Тропин, 2008, с. 98, 99), до середины XI в. продолжалась жизнь на Животинном укреплении (Винников, 1995, с. 106, 123, 125). По новым данным, Донецкая крепость погибла в связи с хазарским походом Святослава, а на соседних с нею городищах

древнерусская гончарная посуда появилась лишь на рубеже X–XI вв. (Комар, 2012 в, с. 156). Нет следов печенежских погромов и в лучше изученной Полтаве, на ворсклинской окраине северянского ареала (Супруненко, 1998 а, с. 78); лишь в конце X в. в пожаре погибло и Хотмыжское укрепление (Дяченко, 1993, с. 34).

Таким образом, к представлениям о северянских эшелонированных оборонительных линиях и о Левобережье как о легкой добыче печенегов следует относиться осторожнее.

Сухопутные пути эпохи Святослава

Как и в других странах, на Руси существовали водные и сухопутные, торговые и военные дороги. Благодаря подробному, описанному Константином Багрянородным днепровскому пути и соответствующей приречному славянскому расселению концентрации монетных кладов по берегам рек, поначалу в литературе сложилось представление о приоритетной значимости водных путей. Но они не решали всех проблем повседневного перемещения людей и грузов, а движению против течения мешал быстрый противоток: подобно бурлакам, путникам приходилось выходить на берег и там опасаться нападений грабителей или кочевников. Относительно безопасными были только крупные русла с удаленными от берегов фарватерами. Немногим помогало движению и большинство бифуркаций между истоками рек: они были проходимы в весенние разливы или использовались как волоки. Сухопутные дороги не только связывали соседние и отдаленные населенные пункты внутренней территории, но и служили внешнеторговыми и даже трансконтинентальными караванными трассами (Леонтьев, Носов, 2012). А в случае возникновения внешней опасности даже наиболее устойчивые трассы нередко нуждались в военном контроле и защите.

В недатированной части ПВЛ упоминалось о погребальных обычаях северян, радимичей и вятичей: они собирали трупосожжения в урны, установленные на столбы «на путех» (ПСРЛ, т. 1, с. 14). Нередко представление о неудобстве сухопутных путей подтверждали летописным известием о сложности налаживания ратного пути из Киева в Новгород. В 1015 г. киевский князь Владимир Святославич распорядился «требить пути и мостить мосты», чтобы вывести войско к Новгороду и наказать мятежного сына Ярослава (ПСРЛ, т. 1, с. 130). Следствия этого эпизода объявляли провалом попытки Владимира наладить «прямоезжие» пути на север: они не стали постоянными трассами и были позабыты (Воронин, 1951, с. 307, 308; Топальский, 2003, с. 165). Но еще в середине X в. полюдьем затрагивалась значительная часть лесной зоны. Конечно, в начале XI в. постоянное существование прямой (не всегда удобной) трассы через леса, заселенные еще не присоединенными к Руси племенами, было нереально. Но к XII веку регулярные перемещения войск указывают на стабильное сухопутное сообщение между севером и югом Руси.

В действительности водные и сухопутные пути составляли единую дорожную систему. Зимой водные пути превращались в сухопутные (летописная оговорка: «бѣ бо снегъ великъ»): ледяная стремнина очищалась от снега ветрами (Ибн-Фадлан, 1939, с. 58; ПСРЛ, т. 2, с. 653). И для летних сезонов отсутствие конного или пешего сообщения между соседними поселениями представляется невероятным. Так и крепости, удаленные от основных поселенческих центров, имели налаженную дорожную связь с синхронными пунктами внутренних территорий.

Впрочем, общие принципы пролегания и эксплуатации водных и сухопутных путей в литературе уже разбирались (Толочко, 2008; Моця, 2010, с. 30–32).

В отличие от лесной зоны, передвижения по лесостепи более удобны. Основным препятствием служили заболоченные поймы рек, рассеченные устойчивыми бродами. Подтверждением их существования являются разовые или дублирующиеся летописные свидетельства о перемещениях войск или купеческих караванов. Зачастую отрывочные сведения о направлениях устойчивых домонгольских путей повторяются в позднесредневековых источниках, а важнейшие из них впоследствии обращались в шоссейные и железные дороги с мостами вблизи бродов. Тем не менее применительно к рассматриваемому времени достоверных сведений о более или менее точном пролегании на Левобережье сухопутных путей нет.

Еще В. Г. Ляскоронский на основании хронологической совокупности всех передвижений с высокой степенью точности наметил порядок прохождения военных и торговых путей из степей на Русь через Нижнее Посулье. За наиболее древнюю трассу он принимал приднепровское направление через низовья Орели, Ворсклы, Псла и Сулы. Действительно, средние течения левых притоков Среднего Днепра изобиловали лесами и множеством притоков, которых не было в их низовьях, где через заболоченные поймы пролегали твердые броды. Кочевники могли двигаться на Русь возвышенной полосой коренного левого берега Днепра, представлявшей собой луговую и ковыльную степи с обширными массивами засоленных земель, которые Русь долго не осваивала, поэтому перемещения кочевников были безопасными (Ляскоронский, 1907 б, с. 1–11; Фоменко, 1964, с. 26; Рыбаков, 1971, с. 164; Моргунов, 1998, с. 6–8).

Судя по более поздним источникам, тактика пересечения кочевниками рубежей оседлых земель имела свои особенности: перед вторжением в пределы оседлых государств степняки делили воинство на небольшие отряды. Это позволяло рассеяться для менее заметного пересечения рубежей (Галл Аноним, 1961, с. 81; Боплан, 1990, с. 62). Длительное существование подобной тактики подтверждается множеством письменных источников XVII–XVIII вв. и свидетельством близких к современности топонимических сведений. На степном отрезке Нижней Сулы самой северной точкой, близ которой зафиксировано прохождение «злодейских» и «татарских» трактов и шляхов, было устье р. Снепород, где размещается городище летописного г. Снепорода. Южнее аналогичные топонимические указания на трассы кочевников известны близ Оржицы, Горошина и Великой Буримки-Римова. Археологические памятники Жовнина расположены у подножья мысовидного выступа высокого плато, обрывающегося к долинам Сулы и Днепра. Мимо этого села также следовал «злодейский тракт», он был известен как «Мамичев брод и сага (дорога. – *Ю. М.*), называемая Лебеховкою». Зафиксированная у Жовнина «цареградская» трасса соединяла Переяславль, Золотоношу и Кременчуг. Ее отрезки засвидетельствованы близ Гельмязова и Калеников, в виде «злодейского» и «татарского» шляхов эта трасса выходила к Переяславлю (Максимович, 1877, с. 340; Лазаревский, 1896, с. 98, 134, 199; Ляскоронский, 1903, с. 153; 1906, с. 4; 1907 б, с. 3, 42; 1911, с. 1). Таким образом, проторенная кочевническими трассами путевая полоса занимала весь степной промежуток между Снепородом и Воинем, насчитывая ширину (с учетом береговых изгибов) немногим менее 100 км.

Возможно, древнейшей записью о приднепровской дороге кочевников является легендарное сообщение ПВЛ под 898 г. о приходе венгров. «Идоша угри мимо Києвъ горою, иже ся зоветъ ныне Угорьское, и пришедъше къ Днѣпру, и сташа

вежами» (ПСРЛ, т. 1, с. 25). Трасса этого движения кочевников на новую родину прослеживается с Нижнего Дона: по Константину Багрянородному, для защиты от них греки построили хазарам Саркел. Для дальнейшего движения на запад расчлененный и насыщенный заболоченными притоками правый берег Днепра неудобен. Лучшей дорогой было ровное плато левобережного Приднепровья – часть устойчивой торговой трассы, на востоке начинавшейся как северо-западный отрог Великого шелкового пути (Приймак, 2007, с. 80).

О древних путях можно судить и по цепочкам кладов восточных серебряных монет. В свое время В. Л. Янин на материалах распространения разновременных восточных кладов показал, что на Русь дирхемы попадали двумя путями. С конца VIII до начала XI в. они заимствовались через рынки Волжской Болгарии, служившие воротами для торговли с Востоком (Янин, 2009, с. 119, 120). Оттуда в разные уголки Руси арабские монеты перевозили водными путями. В частности, в Киев серебро попадало окским водным путем и в X в. в транзитном снабжении Среднего Поднепровья восточной монетой значимую роль стало играть поречье Сейма.

Перемещение монет через восточносеверянские земли в последние годы изучалось В. В. Енуковым, учитывавшим и полевое исследование ландшафтной обстановки региона (2005, с. 148). По его мнению, связующим звеном бассейнов Оки и Сейма служило Самодуровское озеро, ныне ставшее влажным торфяником. Из него на север вытекала р. Очка, а на юг – Свапа (правый приток Сейма) и Снова (приток Тускари). На последние реки приходится подавляющее большинство известных в северянском ареале кладов восточных монет. Далее серебро по Сейму и Десне попадало в Чернигов и Киев.

В связи с этим определенный интерес представляет гипотетическое определение вероятного движения войск Святослава Игоревича по пути в Хазарию. Согласно сообщению ПВЛ под 964 г., князь осуществил поход «на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи»: путь из Киева для кругового объезда земли вятичей следовал вверх по Десне. В итоге Святослав переориентировал хазарскую дань вятичей на Киев. В следующем году он провел успешную военную кампанию против Хазарии и вернулся в Киев (ПСРЛ, т. 1, с. 65; т. 2, с. 53; НПЛ, с. 117; Шахматов, 2001, с. 393). Упоминание Волги в первом сюжете послужило основанием для предположения о войне с Волжской Булгарией и буртасами. Но похоже, эта информация, основанная на разночтениях арабских источников, не подтверждается: достоверных сведений о враждебных действиях между Киевом и Булгаром нет вплоть до 80-х годов X в. (Калинина, 1976, с. 95–97). Таким образом, допустимо, что на юг Святослав мог направиться непосредственно после объезда земли вятичей.

Впрочем, подсчет количества походов на Хазарию не одинаков: каждый вариант имеет своих сторонников. С одной стороны, не вполне убедительные погодные даты ПВЛ допускают объединение под 965 годом поход на вятичей, затем в Итиль и на ясов с касогами, в результате чего была завоевана Тмутаракань, а на обратном пути был разрушен Саркел (Артамонов, 1962, с. 427, 428; Петрухин, 1995, с. 103, 104). Другая группа исследователей с опорой на известия Ибн Хаукаля считает, что в 968/69 гг. часть русских войск, участвовавших в балканских войнах, вновь подвергала разорению основные города Хазарии (в том числе Итиль и Семендер), что привело к падению каганата. Впрочем, по мнению С. А. Плетнёвой, Хазарский каганат окончательно рухнул под ударами печенегов, которые в конце IX – самом начале X в. ворвались в южнорусские степи (Плетнёва, 1975, с. 263; Калинина, 1976, с. 96, 97, 100; Новосельцев, 1990, с. 225–227; Коновалова, 2003, с. 230, 231).

Не исключено, что направление движения Святослава на юг могут фиксировать некоторые клады куфических монет, укрывавшиеся по мере возникновения опасности для их владельцев из-за военных действий. Датировка кладов по младшей монете удобна, но всё же условна: время укрытия сокровищ могло быть несколько иным (Янин, 2009, с. 80–83). Так, археологически прослеженный разрыв между датой младшей монеты и временем зарытия двух новгородских кладов насчитывал от 15 до 25 лет, но мог быть и несколько меньшим (Янина, 1963, с. 288).

Подобная обстановка складывалась на путевых трассах и в связи со следованием воинства Святослава. После попытки «окняжения» вятичей князь нуждался не только в продовольствии и фураже, но и в пополнении войска людскими ресурсами: впереди ожидал путь через степи к новым битвам. Отсюда логичным представляется путь его отрядов через северянские земли параллельными маршрутами вдоль сложившихся магистралей движения серебра по течениям Свапы и Тускари. В этом районе более или менее сравнимы со временем прохождения Святослава клады, укладывающиеся в приведенные выше новгородские промежутки «чеканка–укрытие». К ним можно отнести: Рать, 1999 г. (940/41 г.); Курск, 1946 г. (942/43); Курск 1999 г. (947/48); Береза, 1910 г. (951/52); Курск, 1998 г., младшая монета 954/55 (Янина, 1963, с. 288; Енуков, 2005, с. 151–154, табл. 4; Леонтьев, Носов, 2012, с. 391, 392). А позднее клады выпадали в связи с началом присоединения к Руси северянских земель, о чем подробнее речь пойдет ниже. **Рис. 8**.

Безусловно, это лишь предположение, укладывающееся в определенный период и направление движения войск «от вятичъ»: с ним исследователи связывают гибель Большого Горналя и Гочева. Достоверность датировки гибели горнальского поселения обеспечена найденным в сгоревшем жилище местным подражанием саманидскому дирхему 60–70-х годов X в. (Куза, 1981, с. 29, 38). Судя по обилию в нем хозяйственного инвентаря и украшений, пожар случился внезапно и сохранил «моментальный снимок» ассортимента использовавшегося жителями бытового и хозяйственного инвентаря. Столь ранняя датировка начала освоения Русью курского Посеймья и верховий Псла подтверждается и тем, что в гочевском некрополе встречены погребения X в., а к рубежу X–XI вв. общерусский погребальный комплекс там уже господствовал (Шинаков, 1991, с. 90; Моця, Халиков, 1997, с. 132).

Гочево располагалось вблизи удобного прохода в степи между истоками Сейма и Псла. Оно могло стать коммуникационной вехой и опорной военной базой на переломе от русской лесостепи к ковыльным степям близ, возможно, уже существовавшей торговой дороги в направлении Болгара, о которой речь пойдет ниже. Дальнейший путь воинства Святослава маркируют гибель в пожаре донецкого городища и находки поблизости от него скандинавского вооружения X в. (Комар, 2012 в, с. 156). Таким образом, после Гочева и Горналя движение могло продолжаться через ворсклинские броды напротив Ницахи и Хотмыжска к северянским укреплениям верховий Северского Донца и далее в Подонье. В качестве торговой дальнейшая трасса прослеживается по нумизматическим и археологическим материалам (Любомиров, 1923, с. 17–20; Дьяченко, 2005, с. 69, 70; Леонтьев, Носов, 2012, с. 396).

Было бы логично заключить эту главу анализом получившей широкий резонанс гипотезы Б. А. Рыбакова о существовании во второй половине X в. караванной дороги Киев – Болгар. Но в связи с высказанной его последователем вероятностью существования этого пути и позже имеет смысл отложить его рассмотрение. Это позволит проанализировать оба варианта более последовательно, сохраняя обе исследовательские нити.

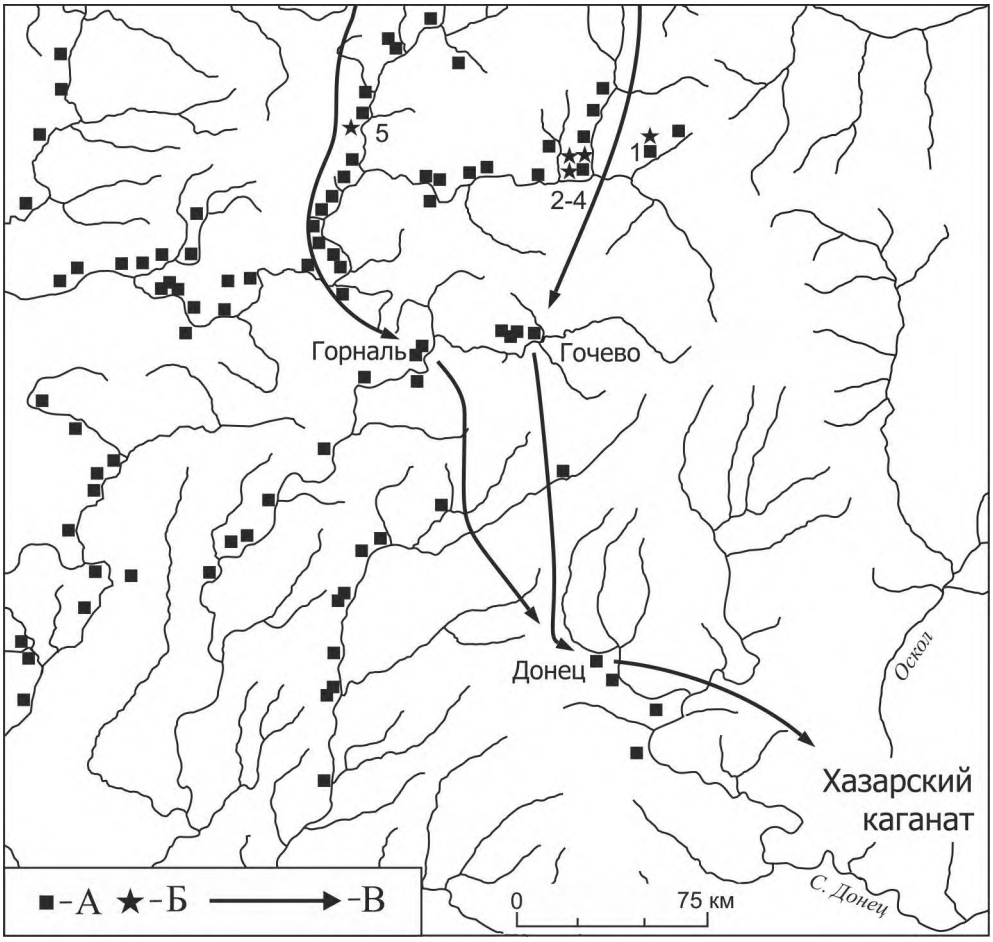

Рис. 8. Гипотетическое направление пути Святослава в Хазарию.
А – северянские городища; Б – клады восточных монет;
В – вероятный маршрут пути князя Святослава из земли вятичей в Хазарию.
Близкие по времени выпадения клады Посеймья с указанием младших монет:
1 – Переверзево, 2002 (958/959 гг.); 2 – Рать, 1999 (940/941 гг.);
3 – Курск, 1998 (954/955 гг.); 4 – Курск, 1946 (942/943 гг.);
5 – Курск, 1999 (947/948 гг.); 6 – Береза, 1910 (951/952 гг.)

Древности эпохи Владимира Святославича

Расширение и огораживание южных пределов Руси

В отличие от отца, выбравшего себе новую резиденцию на средоточии дунайских торговых путей, где оседали богатые товары и драгоценности, Владимир Святославич недолго отвлекался на решение внешнеполитических вопросов. Тем не менее его внешнюю политику нельзя назвать пассивной: он заключил множество договоров с правителями других стран, воевал с Польшей, ходил на ятвягов, закреплял завоевания отца в Хазарии и захватил в Крыму византийскую крепость Корсунь.

В тот период вокруг киевского территориального ядра простирались обширные территории восточнославянских племенных союзов, на которые власть Киева распространялась номинально или нерегулярно (Насонов, 1951, с. 25). Поэтому основные интересы Владимира сосредоточились на их закреплении за государством и защите внешних пределов Руси от печенежских вторжений. Для этого потребовались коренные военно-оборонительные и административные реформы.

Рассмотрим основные вехи его деятельности в хронологическом порядке.

Юный Владимир Святославич, посаженный отцом около 970 г. в Новгороде перед отъездом во второй балканский поход, через 10 лет в сопровождении Добрыни, его дяди, направился на юг. После захвата Киева он осадил Родень, куда бежал его единокровный брат – киевский князь Ярополк. Таким образом, Владимир утвердился на киевском столе, осуществив месть за смерть другого брата – Олега Святославича (ПСРЛ, т. 1, с. 75–79). Летописная датировка этих событий неоднозначна: в ПВЛ она обозначена под 980 г., а согласно «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Мниха Иакова (XI в.), смерть Ярополка и вокняжение Владимира произошли 11 июня 978 г. (Соболевский, 1888, с. 24; Лихачев, 1950, с. 322). Это подтверждено и статьей ПВЛ под 852 г., где указано, что Владимир княжил 37 лет (ПСРЛ, т. 1, с. 18). Между тем последнее известие помещено в общий хронологический список княжений первых Рюриковичей: если не вырывать из него отдельные фразы, то противоречий с первым известием ПВЛ не найдем. Очевидно, в последнем случае летописец учитывал общее число лет правления Владимира от его начала до его конца. Это видно и из летописного подсчета времени княжения Ярополка Святославича. Таким же образом вел подсчет и Иаков Мних. Таким образом, датой вокняжения Владимира всё же предпочтительнее считать 980 год (Пчёлов, 2001, с. 153, 154).

Описание этих событий содержит немаловажную информацию.

Захвату столицы предшествовала организация плацдарма: «Стояше Володимеръ, обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ. И есть ровъ и до сего дне» (ПСРЛ, т. 1, с. 76). Очевидно, это был укрепленный полевой лагерь на северо-западе от Киева, где важнейшие дороги сходились в единый узел, отсекавший поддержку Киева вышгородскими боярами. Ко времени оформления ПВЛ это место было заброшено, и укрепления обратились в руины стен. Их необычное

именование «рвом» характерно для части летописной лексики: позже под рвами-«обровами» неоднократно понимались валы-гребли. Именно таким термином в «Поучении» Владимира Мономаха была обозначена укрепленная стоянка войск: «и пакы идохом Переяславлю, и стахом во оброве» (ПСРЛ, т. 1, с. 248; Добродомов, Кучкин, 1979, с. 157; СлРЯ., 1987, с. 155).

Результаты полевых исследований позволяют предположить, что опорной крепостью Ярополка было мощное укрепление на современной Замковой горе (Комар, 2012 а, с. 318, 320). Длительную блокаду и голод выдержал Родень при устье Роси. Часть исследователей связывает его с городищем Княжая Гора у с. Пекари, не замечая, что там отсутствуют напластования конца X в. На роль памятника летописного Родня более подходит городище Пекари-2, расположенное в 123 км ниже Киева по течению реки (Толочко, 1975, с. 43, 44; Куза, 1996, с.185, 186; Борисов, 2014, с. 460–468). Этот город действительно мог сжечь Владимир Святославич, хотя не исключено, что укрепление пало под ударами печенегов во время феодальной войны 1015–1019 гг. Этому соответствует наличие на городище несколько более поздней керамики. А век спустя для составителей и редакторов ПВЛ такие тонкости были непостижимы: их уверенность поддерживалась поговоркой «бѣда аки в Роднѣ».

Далее раскрывается повод, пробудивший события, коренным образом повлиявшие на судьбы населения Южной Руси. В процессе осады Родня Владимир пригласил брата в Киев якобы для замирения. Воевода Ярополка по имени Варяжко не верил Владимиру и советовал князю бежать к печенегам. Ярополк не послушал советника и был убит.

К тому времени у Руси сложились с кочевниками переменчивые, но не всегда враждебные отношения: за первые 65 лет прежнего соседства источники не засвидетельствовали их серьезного противостояния. Разгром Хазарии Святославом открыл ворота пополнению кочевых сил, ставших хозяевами степного Причерноморья с его давними торговыми путями. Усиление Руси беспокоило и дипломатию Византии: подкупами и дарами она подпитывала антирусские устремления степняков. Этим объясняют нападение печенегов в 968 г. на Киев и убийство ими Святослава, хотя в последнем примере не последним стимулом могло быть стремление номадов в подконтрольных степях отнять у князя балканскую добычу. Никоновская летопись под 978 и 979 гг. сохранила легендарные сведения о победе Ярополка над печенегами и последовавшем затем переходе хана Илдеи на русскую службу (ПСРЛ, т. 9, с. 39; Лихачев, 1950, с. 320; Пчёлов, 2001, с. 151).

После убийства Ярополка Варяжко «много воева Володимера с печенегы» (ПСРЛ, т. 1, с. 78). Это был перелом в отношениях Руси и Степи: номады были впервые вовлечены во внутренние русские распри. Анализ многовековой тактики кочевых сообществ показывает, что каждый раз начало их массированной агрессивности инициировали сами князья, привлекая печенегов или половцев для участия в усобицах в качестве союзников, обладавших лучшей легкой кавалерией. Наемничество позволяло степнякам осваивать особенности земель нанимателей и их недругов, изучать тактику и обычаи вероятного противника, а оплата их помощи и грабежи мирного населения пополняли материальные ресурсы, необходимые для самостоятельных акций. И только затем печенеги и половцы одинаково переходили к самостоятельным набегам на оседлые земли (Моргунов, 2010, с. 62, 74).

Таким образом, отсчет начала череды первых печенежских набегов логично начинать с 980 г. В то время Русь не располагала опытом длительных войн со степняками, а также навыками защиты рубежей и нужным количеством защитников малонаселенных окраин. Не исключено, что киевский князь мог не

понять серьезности первых набегов. И на протяжении 981–985 гг. последовала серия его широких войсковых операций: он отвоевывал у Польши приграничные города Червен и Перемышль, затем дважды «ходил» на вятичей, покорял ятвягов, осуществлял походы на радимичей, Волжскую Болгарию и Хазарию (ПСРЛ, т. 1, с. 81–84). Если же рассматривать эти перемещения комплексно, они напоминают спешный сбор сил и средств для ведения длительной войны.

Поэтому к первому этапу реформ можно отнести расширение южных рубежей отодвиганием их от столицы в условиях первой волны печенежского натиска. В конечном итоге такая подвижка стимулировала территориальное укрепление «Русской земли» включением в нее части племенных территорий (Насонов, 1951, с. 62). За недостатком собственного фортификационного опыта новые пределы государства ограждались древо-земляным подобием известных за пределами Руси каменных «длинных стен»: их руины в Среднем Поднепровье именуются былинными термином Змиевы валы. Подобное огораживание внешних пределов сплошными защитными линиями свойственно ранним стадиям сложения государственной территории многих стран Европы и Азии, когда в столице была плохо известна топография новых рубежей, глубиной не отличалось и знакомство с военной тактикой и путями движения степняков. По технической сути и антиварварской защитной направленности к ним можно отнести Великую Китайскую стену, «соединявшие оба берега моря» стены из камня возводились римлянами и греками. Протяженные валообразные руины пограничных сооружений из камня и дерева известны в Великобритании, строились датчанами-викингами, встречаются в землях древних германцев. Любопытно, что длинные валы на юго-западе Польши связывают с именем Болеслава Храброго и образованием Польского государства. Конструктивно сходные сооружения – это неотъемлемая часть общемировой фортификационной традиции (Моргунов, 2005 а; 2009, с. 200–231). Следовательно, Змиевы валы – особый вид протяженных среднеднепровских укреплений линейного типа. Представления о нем были введены в научный оборот лишь на исходе XX в., в первую очередь, благодаря многолетним исследованиям М. П. Кучеры (1987).

В летописных источниках сведений о строительстве протяженных укреплений нет. Возможно, это связано с преобладанием легендарного событийного наполнения древнейшего летописания: подобное произошло в случае с единственным русско-печенежским столкновением и закладкой Переяславля.

Археологически известны два типа остатков этих укреплений: в большинстве это лучше известные по правобережным материалам грядообразные насыпи со рвами на «боевых» сторонах. На Левобережье в подобном виде частично сохранился сильно размытый надпойменный Приднепровский вал. Размещение его рва указывает на ожидание опасности со стороны днепровской артерии, что оправдано множеством днепровских бродов и переправ. И всё же затраты на строительство сплошного ограждения без учета размещения переходов выглядят излишними. В целом остатки Днепровского вала М. П. Кучерой датированы эпохой Владимира Святославича: исследователь придерживался мнения о его непосредственной связи с ближайшими городищами (Кучера, 1987, с. 80, 176). Укрепление заканчивалось далеко в степи, у современного г. Градижска (почти напротив устья р. Тясмин), где обычно сопровождавшие подобные ограждения ранние древнерусские поселения практически неизвестны. Таким образом, загадочность Приднепровского вала состоит и в его протяженности, выходившей за пределы первоначальных рубежей Руси. Более короткие отрезки сооружений подобного типа размещались на нижнем и среднем течениях Трубежа и его правого притока

Альты. До нашего времени они не сохранились, но их наблюдали прежние исследователи (Пассек, 1840, с. 138, Самойловський, 1971, с. 102), они соответствуют и оборонительной логике переяславского территориального ядра.

Другой тип, протяженностью (с учетом береговых изгибов) около 100 км, размещен на правом берегу Нижней Сулы: это эскарповидные подрезки берегового склона численностью до пяти параллельных рядов. На краях лучше сохранившихся «ступенек» прослеживаются невысокие валы с остатками в их недрах размытых осадками следов стен из цепочек полых бревенчатых срубов. Следы истлевшего дерева от их облицовок наблюдались и М. П. Кучерой (1988, с. 302; Отчет 1986 г., с. 7, 8; Отчет 1987 г., с. 14–17).

Общую протяженность сохранившихся и исчезнувших отрезков некогда мощной защитной системы исследователи исчисляют цифрой, близкой к 1000 км. С высоты птичьего полета эти остатки укреплений указывают на последовательную серию защитных мер, маркирующих этапы расширения южных и юго-восточных пределов киевского территориального ядра, а это подразумевает определенную длительность использования Русью этого вида защитных сооружений. **Рис. 9.**

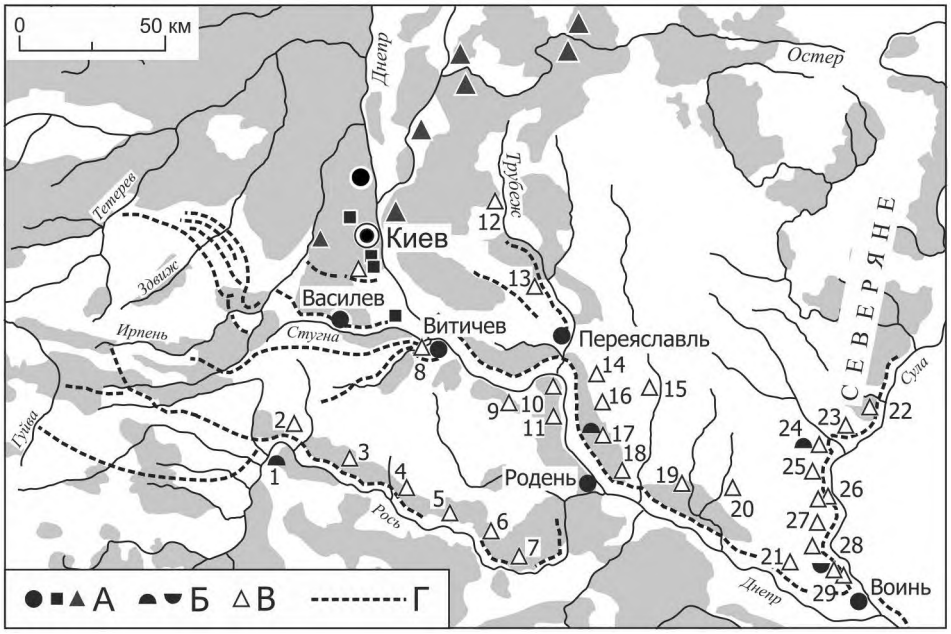

Рис. 9. Змиевы валы и обширные открытые поселения.
А – летописные города, городища, селища; Б – курганные и грунтовые могильники; В – следы обширных открытых поселений из подслоя более поздних городищ; Г – Змиевы валы.
Памятники: 1 – Яблуновка; 2 – Белая Церковь (Замковая Гора); 3 – Сухолесы; 4 – Саварка; 5 – Богуслав; 6 – Николаевка; 7 – Корсунь-Шевченковский; 8 – Триполье; 9 – Ходоров; 10 – Монастырек; 11 – Григоровка; 12 – Русанов; 13 – Пристромы; 14 – Цибли; 15 – Каленики; 16 – Городище; 17 – Лепляво; 18 – Бубновская Слободка; 19 – Золотоноша; 20 – Крапивна; 21 – Веремеевка; 22 – Мацковцы; 23 – Лукомье; 24 – Тарасовка; 25 – Чутовка; 26 – Великая Буримка; 27 – Лящовка; 28 – Клещинцы; 29 – Жовнино

Косвенно нижняя дата существования левобережных линейных укреплений определяется статьей ПВЛ под 992 г., содержавшей описание событий 993 г. В ней показано, что по возвращении князя в Киев с войны по «окняжению» земель восточных хорватов он получил весть о приближении печенегов. Летописное сообщение уточнило, что степняки пришли «по онои сторонѣ от Сулы», и Владимир выдвинулся с войсками на 80 км к юго-востоку от столицы, к броду на р. Трубеж. Следовательно, еще несколько более чем сотней километров восточнее уже существовало подвластное Киеву население, известившее о набеге. Естественным путем там оно не могло появиться: правобережье низовий Сулы представляло собой высокое степное плато, малопригодное для проживания оседлого населения. Следовательно, Змиев вал Нижней Сулы к 993 году уже был: под его сенью существовал анклав для ведения дозорной службы, наделенный и средствами передачи тревожных известий в метрополию.

Верхний хронологический предел сложения этой защитной системы обозначен в письме побывавшего в Киеве в 1008 г. архиепископа Бруно Кверфуртского к германскому императору Генриху II. В нем упомянуто об окончании огораживания рубежей, которое Владимир Святославич с гордостью демонстрировал иноземцу. Это была «крепчайшая и длиннейшая ограда» с воротами, которой князь со всех сторон обнес пределы государства из-за вражды с кочевниками (Письмо Бруно, 1989, с. 50, 55; Назаренко, 2003, с. 314).

Эта информация уточняет и местонахождение южного участка границы, удаленного от столицы на два дня пути (Малеев, 1987, с. 10; Толочко, 1999, с. 55). Поскольку миссионер следовал на юг в направлении правобережной ветви печенегов (Назаренко, 2003, с. 316; Могунов, 2009, с. 206), его путь мог сначала проследовать через 35 км мимо Василева (современный г. Васильков), а к исходу второго дня (77 км от Киева) путешественник попадал в возникший позже г. Юрьев (г. Белая Церковь) на Роси. Это классическая подорожная цепочка: после каждого перехода путника или войско ожидал ночлег под защитой крепостных стен. При Белой Церкви пойма Роси аномально сужена и оба коренных берега поднимаются почти от самого русла реки. Это соответствует описанию Бруно: после переправы на правый берег миссионер поднялся на «холм», где дождался вестника с последними напутствиями Владимира.

В русских летописях упоминался лишь конечный период существования протяженных укреплений, когда для летописцев и их информаторов они стали приметными подорожными ориентирами (под 1093 г.: ПСРЛ, т. 1, с. 220; ПСРЛ, т. 2, с. 210, 211; под 1151 г.: ПСРЛ, т. 2, с. 433–435). Так, М. П. Кучера показал, что на Стугне в XI в. изучавшуюся им часть укреплений не использовали, – их рвы засыпали мусором (Кучера, 1987, с. 73). Следовательно, к концу XI в. укрепления утратили оборонительное значение.

К приведенным выше хронологическим наблюдениям непосредственное отношение имеет и одна деталь летописного сообщения о появлении печенегов в 996 г. у летописного Василева. Оно было настолько неожиданным, что Владимиру пришлось прятаться под мостом (ПСРЛ, т. 1, с. 124, 125). Особых торговых связей с печенегами тогда не было, поэтому существование моста через пограничную Стугну вызывает недоумение: крепости ставили для затруднения, а не удобства переправ. Это объяснимо лишь более ранней датой строительства Змиева вала на Стугне: за полтора десятилетия, прошедших с начала войн с Варяжко, расширение южного предела Руси могло оставить Василев в тылу. Это делало естественными как коммуникационную связь берегов Стугны, так и неожиданность появления в тылу печенегов.

Еще не так давно древнейшими древнерусскими укреплениями считались «города» Владимира, речь о которых подробнее пойдет ниже. Этому противоречат представленные выше хронологические рамки сложения системы русских «длинных стен». Они могут свидетельствовать, что огораживание южнорусских пределов линейными укреплениями действительно предшествовало началу строительства «городов» Владимира. Таким образом, это явление представляет собой первоначальную и довольно узкую фазу развития древнерусского оборонительного зодчества.

Значимость укреплений увеличивали защищавшие их людские ресурсы. С одной стороны, незамкнутая линейность этих укреплений не способствовала защите ближайших поселений, с другой – удивляет своей популярностью. Отсюда в свое время появилась гипотеза о взаимодействии протяженных укреплений с имеющими летописные даты «городами» Владимира Святославича (Кучера, 1987, с. 19–65, рис. 44). Из известных «владимировых городов» на Левобережье трубежский Змиев вал мог быть связанным только с Переяславлем, но там его следы не сохранились. На Правобережье постугненское укрепление проходило вблизи летописного Василева и городища Заречье, но конструктивно они отличны: Змиевы валы и крепости были разновременными. В итоге существование этой взаимосвязи стало вызывать серьезные сомнения (подробнее см.: Моргунов, 2005 а, с. 257, 259–261).

В широком плане более значимы археологические методы датирования, основанные на сравнительно-топографическом и раскопочном принципах. Так, поперечные разрезы руин протяженных стен позволяют оценить их связь с прилегавшими открытыми поселениями, изучить конструкции и получить датирующие артефакты. И оказалось, что в лучше изученных валах содержались материалы конца X – начала XI в., синхронные находимым на соседних открытых поселениях.

Учитывая лишь относительную точность этой датировки, было бы заманчиво связать закладку ближайших к Киеву «валов» с именем Святослава, который после осады Киева печенегами в 968 г. усилил укрепления Старокиевской горы. Тогда возведение протяженных укреплений на подходе к столице с юга, где следы Змиевых валов сохранились всего в 18–20 км от столицы, могло быть особо актуальным. Балканские войны принесли Святославу средства и пленных, там же он мог лично ознакомиться и с защитными качествами «длинных стен». Так, от некогда мощных концентрических укреплений Первого Болгарского царства доныне сохранились линейные отрезки, порой превышающие 100-километровую длину (Козлов, 1995, с. 80–84). В дунайских аналогах среднеднепровских валов нередко встречаются керамика и предметы IX–X вв. (Рашев, 1979, с. 11–16; 1981, с. 101). Среди плененных Святославом («полонъ бещисленъ») могли быть и строители укреплений. Но князя мало увлекали внутриполитические проблемы, а нападение печенегов на Киев оказалось единично зафиксированным древнейшими письменными источниками.

На правобережной р. Рось также прослеживается значительный массив схожих позднесредневековых укреплений (Кучера, 1987, с. 64, 65). В частности, в Николаевке поселение рубежа X–XI вв. перекрывалось изгибом аналога Змиева вала. Но он имеет остроугольную планировку (Кучера, Іванченко, 1987, с. 70, 71, рис. 9), указывающую на ее сходство с реданом эпохи огнестрельного оружия (Моргунов, 2012, с. 215). Он напоминает об украинских защитных линиях, состоявших из специально насыпавшихся оборонительных валов. И по инерции большинство ранних линейных укреплений Поросья исследователи стали относить к значительно более позднему времени (Кучера, 1987, с. 75–77).

И всё же приходится признать, что археологические методы датировки не столь точны: они позволили ведущему исследователю связать строительство части укреплений с градостроительной деятельностью Ярослава Мудрого (Кучера, 1987, с. 176–178), о чем подробнее речь пойдет ниже.

Одной из ключевых проблем изучения Змиевых валов является определение их древнего облика. Изучение их бревенчатых «каркасов» позволило М. П. Кучере убедительно показать, что это руины, осыпи древо-земляных стен срубного и крюкового строя (1987, с. 155, 156).

Обычные для древнерусской фортификации засыпные срубы-городни протяженных стен были равновелики или несколько меньше «городских». Крюковые («перекладные или решетчатые») конструкции однорядного типа в сечении напоминали стопку множества уложенных друг на друга накатов из бревен разной толщины. Каждый следующий слой укладывали перпендикулярно по отношению к предшествующему помосту, а широкие промежутки между бревнами плотно забивали грунтом. Иногда конструкцию скрепляли коротко обрубленными суками-крючьями, а нижний ряд стволов прикрепляли к земле кольями. Конструктивно однорядный вариант напоминает описанные Цезарем «гальские стены», отличавшиеся от среднеднепровских лишь закреплением их «боевых» фасов камнем (1948, с. 153).

Двухрядный тип представлен двумя более узкими стенками из «стопок» с промежутком, заполненным утрамбованным грунтом (Кучера, 1987, с. 84–86, 142–149). **Рис. 10: *1, 2*; 11**. Это бревенчатая аналогия римских и византийских двухпанцирных каменных стен с внутренней забутовкой. Начиная с VIII в. подобные укрепления стали характерными для западнославянской фортификации. По-

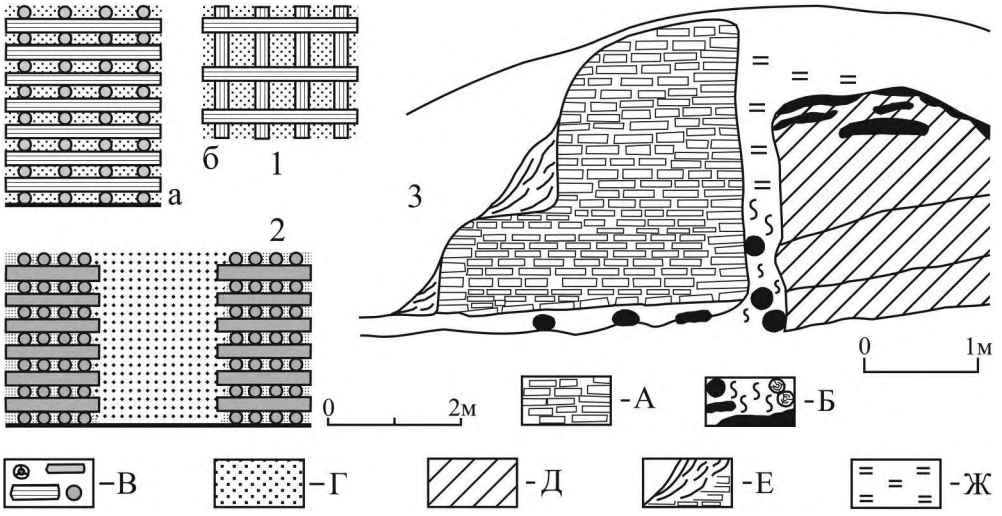

Рис. 10. Стеновые конструкции Змиевых валов и «городов» Владимира.
1, 2 – первоначальный облик крюковых сооружений: 1 – однорядное устройство (а – поперечный разрез; б – план); 2 – поперечный разрез двухрядной конструкции. 3 – разрез вала городища Заречье с сырцовой обкладкой городни.
А – сырцовая кладка; Б – древесный уголь, тлен и зола; В – элементы бревенчатых конструкций; Г – грунтовая забутовка стен крюкового строя;
Д – грунтовая забутовка городни; Е – грунтовые затеки; Ж – обожженная глина

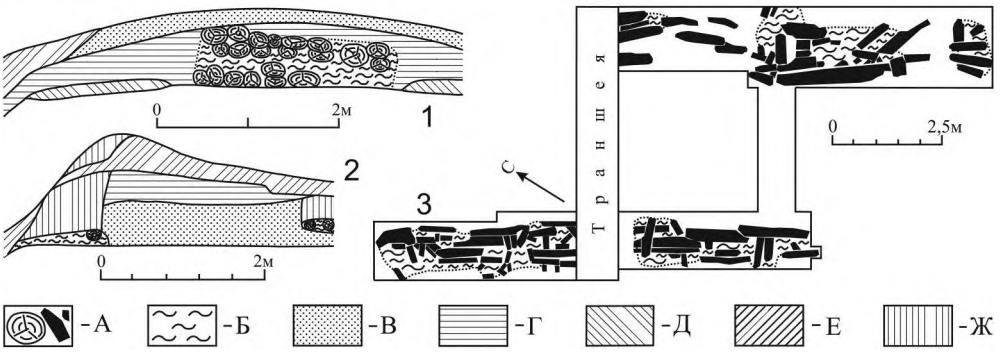

Рис. 11. Крюковые конструкции Змиевых валов (по М. П. Кучере).
А – обгоревшие бревна, угли; Б – песок с золой и углями; В – серый песок;
Г – суглинистые забутовки; Д – светло-коричневый песок;
Е – темно-серый песок; Ж – желтый песок.
1 – однорядное сооружение у с. Лепляво;
2 – двухрядная конструкция близ сел Хлебча-Скребки;
3 – остатки двухрядной стены у хут. Хлебча на р. Стугна

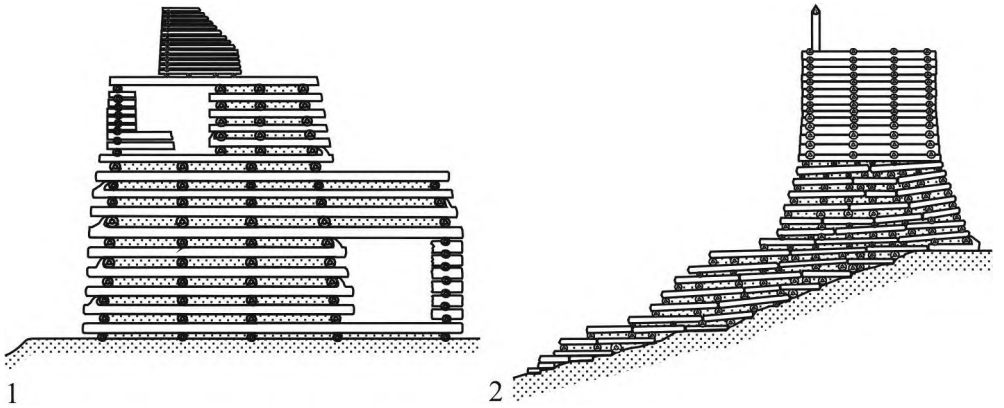

Рис. 12. Реконструкции древнего облика крюковых
и срубно-крюковых городских укреплений.
1 – г. Торнов (по И. Германну); 2 – г. Гнезно (по В. Гензелю)

этому неудивительно, что некоторые крюковые сооружения Польши и Германии интерпретируются современными зарубежными исследователями как руины крепостных стен, порой дополнявшихся срубами. **Рис. 12**. Похоже, что в Среднее Поднепровье, на Днестр и в Закарпатье попала ранняя реплика крюковых устройств, другая в XII в. нашла применение значительно севернее (Гензель, 1958, с. 81, 82; 1959, с. 91; Раппопорт, 1961, с. 110–112; Федоров, 1964, с. 73; Загорульский, 1982, с. 155, 156; Штыхов, 1986; Ткачев и др., 1987, с. 81; Дзембас, 1993, с. 26).

На Правобережье протяженные стены состояли из более или менее равномерно чередовавшихся участков с крюковыми и срубными конструкциями. Подобным образом в 399 г. греки возводили «длинные стены» из камня близ Херсо-

неса. Для ускорения строительства они заранее поделили перешеек на участки, которые закрепили за отрядами возводивших укрепления воинов (Маринович, Кошеленко, 2000, с. 132).

Таким образом, и южнорусские протяженные укрепления могли одновременно возводиться разноэтничными группами мастеров, владевшими несхожими техническими навыками. Возможно, это раскрывает одну из причин войны Владимира Святославича по отвоеванию Червенской Руси, последовавшей за набегами воеводы Варяжко: в Польше «длинные валы» возводились вплоть до конца X в. (Антонович, 1884, с. 365, 369). Не исключено, что схожими целями руководствовался Владимир при нападениях на ятвягов, вятичей и радимичей. Другой задачей могла быть необходимость пополнения населения приграничья, поскольку в Поросье и Нижнем Посулье до начала строительства «длинных стен» коренное славянское население вовсе отсутствовало (Моргунов, 2009, с. 229, 230).

Любопытен и вопрос о людских ресурсах, необходимых для возведения, ремонта и обороны линейных укреплений. Поскольку «города» Владимира не подходили на роль ранних людских средоточий по причине их незначительного количества и хронологического несоответствия Змиевым валам, древо-земляные «длинные стены» должны были сопровождаться синхронными поселениями иного типа.

На первом этапе изучения справедливости этого постулата обращает внимание отсутствие р. Роси в более позднем летописном списке укреплявшихся Владимиром рек: оно вызвало в литературе представление о размещении правобережного пограничья не далее левого берега р. Стугны, протекавшей всего в 35 км от столицы. Это противоречит сведениям Бруно о месте прощания с Владимиром и вызывает недоумение, почему менее значимое для столицы левобережное заграждение князь вынес на 200 км на восток. При этом забывается археологически зафиксированная линия поросских Змиевых валов, где, в частности, у с. Томиловки и рядом с Белой Церквью и переправой Бруно были обнаружены остатки стены крюкового строя (Кучера, 1987, с. 136). На городище ярославова Юрьева в Белой Церкви встречалась и керамика, синхронная путешествию Бруно (Кучера, Іванченко, 1987, с. 70; Моргунов, 2005 а, с. 253–255).

На заселенность при Владимире поречья Роси указывают и керамические материалы конца X – начала XI в., встреченные в летописном Корсуне, Богуславе, Саварке, Сухолесах и на селище Николаевка (Толочко, 1975, с. 46; Кучера, 1976, с. 196; Кучера, Іванченко, 1987; Іванченко, 1988, с. 102; Орлов и др., 1985; Петрашенко, 1997). Не позже конца X в. возникли размещенные ниже устья Стугны поселения в Триполье и Ходорове (Кучера, 1999, с. 200; Петрашенко, Козюба, 1999, с. 16, 70). **Рис. 13**. Инвентарь и детали погребального обряда, характерные для древлян и населения севера Руси, происходят из курганного могильника Яблуновка. Его восходящие к X в. погребения наделяют памятник чертами сходства с дружинным лагерем в Шестовицах (Орлов и др., 1985, с. 55, 56; Моця, Покас, 1998, с. 67).

Рис. 13. Керамика ранних открытых поселений на Правобережье Днепра. 1 – Богуслав; 2 – Белая Церковь; 3 – Николаевка; 4 – Корсунь–Шевченковский; 5 – Григоровка (по Л. И. Иванченко, М. П. Кучере, Р. С. Орлову, В. А. Петрашенко).

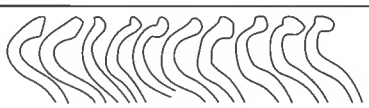
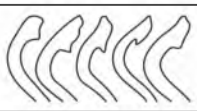
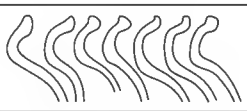
№ п/п	Конец X - нач. XI вв.	XI в.	Конец XI - серед. XIII вв.
1			
2			
3			
4			
5			
6			

Рис. 14. Образцы керамики обширных открытых поселений Посулья.
1 – Тарасовка; 2 – Чутовка; 3 – Великая Буримка; 4 – Клещинцы;
5 – Лящовка; 6 – Жовнино

Вторым этапом поисков синхронных поселений стало изучение левобережных древностей степного отрезка берегов левобережной Нижней Сулы. Прежде местные крепостные сооружения датировали преимущественно по сумме подъемного материала городищ и селищ. Позже точность этих датировок была проверена разрезами городищенских валов. Они показали, что между существованием обширных открытых поселений и закладкой крепостных стен пролегала длительная хронологическая лакуна: сооружения крепостного типа начали возводить не ранее конца XI в. **Рис. 14**. Проводились и планиграфические изыскания на селищах, окружавших городища, которые располагались вблизи Змиевых валов. Сборы больших серий подъемного материала инструментально фиксировались и накладывались на планы поселений, что показало территориальную и хронологическую связь посульских «эскарпов» не с городищами, а с цепочкой открытых поселений конца X – начала XI в. размерами 5–6 га. **Рис. 15**. Это хорошо показано на неоднократно публиковавшихся материалах поселения Чутовка (Моргунов, 2009, с. 217–219, рис. 100).

Таким образом, строительство левобережных стен также возлагалось на колонистов, переселенных на ранее неосвоенные земли. Поселения устраивали на стратегически выгодных точках над твердыми бродами и близ удобных подъемов на высокие правобережные кручи. Оттуда не менее чем на 40 км просматривалась

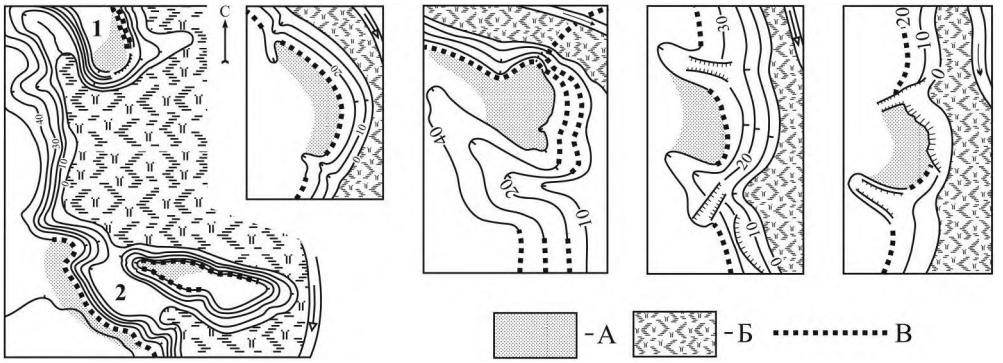

Рис. 15. Размещение эскарпов и ранних поселений Нижнего Посулья. А – поселения; Б – заболоченные поймы; В – Змиевы валы. 1 – Великая Буримка (1 – уроч. Мисто; 2 – уроч. Городок); 2 – Лящовка; 3 – Мацковцы; 4 – Клещинцы; 5 – Тарасовка

левобережная степь, а их взаиморасположение допускало наведение между ними огневой (дымовой) связи. Следует уточнить, что представление о незащищенности этих поселений условно: их могли окружать легкие преграды, к примеру, частоколы. Но расположение поселков на так называемых «тучных черноземах» мощностью до полутора метров не оставляет надежды на обнаружение подобных укреплений.

Детализация расположения Змиевых валов оставляет ощущение несовершенства их отдельных участков. В одних случаях (Приднепровский вал) значительные участки укреплений следуют через болота или заливаемые половодьем низкие надпойменные террасы, но это можно объяснить некоторым изменением климата и подъемом подпочвенных вод. Но на Суле преграды воздвигали и над не требующими защиты головокружительными кручами и топкими речными поймами. Создается впечатление, что мастера вели строительство без учета микрорельефа: они лишь послушно следовали требованиям заказчика. В свою очередь, другие специалисты настолько ювелирно выбирали места для поселений, что почти столетием позже эти точки оказались единственно возможными для строительства крепостей.

Характерным признаком обширных открытых поселений являются находки гончарной керамики «манжетовидных» типов. Она представлена единым массивом, принципиально отличающимся от керамики развитого XI в. Изредка на поселениях встречаются вещи, характерные для населения центральных и северных регионов Руси: из посульских памятников происходят ранние типы фибул, наконечников стрел и копий, топоры; известно погребение с железной гривной и ранними стеклянными бусами (Моргунов, 1996, с. 39, 40; Мельникова, 2011, с. 345–348). Это одна из иллюстраций переселения на юг «мужей лучших», упомянутых в несколько более позднем летописном контексте о владимировых «городах».

На этих памятниках встречаются и материалы роменской культуры летописных северян. Они привлекают внимание к особенности посульских укреплений, устроенных поверх береговых уступов. В литературе такие подрезки связывают с древностями VIII–X вв., особо это типично для фортификации северян, а на общерусских укреплениях к концу X в. эта градостроительная форма вышла из обихода

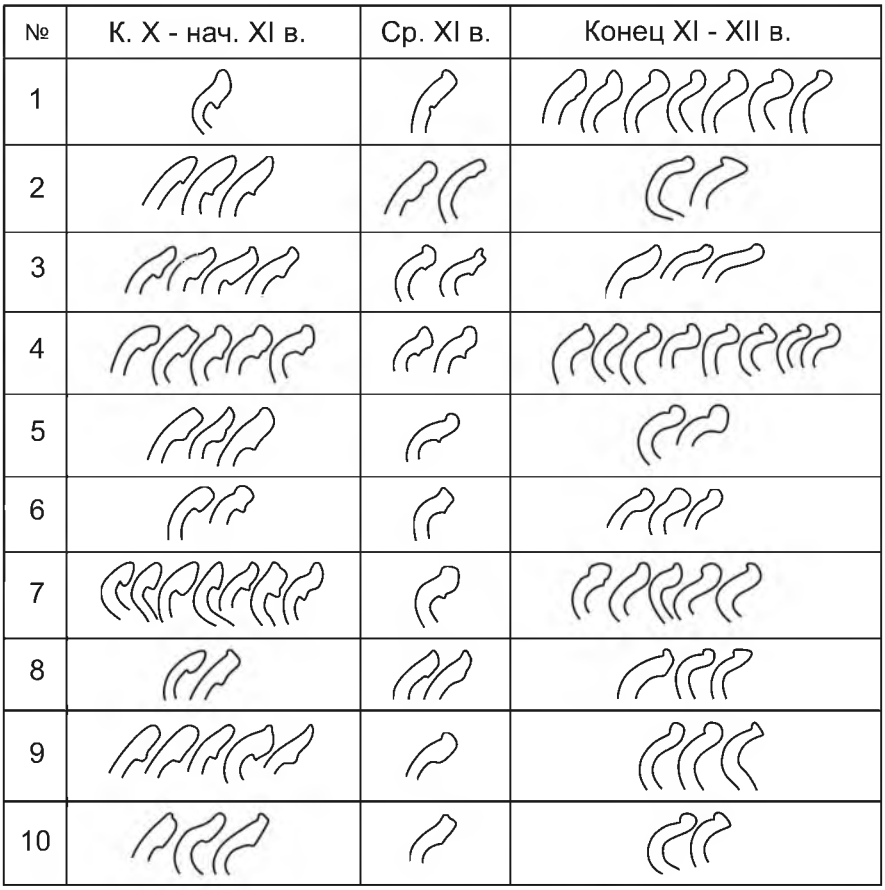

Рис. 16. Керамика ранних открытых поселений западной части Левобережья. 1 – Бубнов; 2 – Городище; 3, 4 – Золотоноша; 5 –Каленики; 6 – Крапивна; 7 – Пещаное; 8 – Пристромы; 9 – Русанов; 10 – Ташань (№№ 2, 3, 5, 8–10 – по М. П. Кучере; № № 1, 4, 6, 7 – по А. О. Прядко)

(Раппопорт, 1955 б, с. 21; Кучера, 1999, с. 57; Григорьев, 2000, с. 61). Поэтому своеобразие посульского «вала» можно объяснить переселением в нижнесульские степи северян. А участок равнинного вала у с. Вязивок содержит остатки стены крюковой западнославянской конструкции.

Судя по полевым отчетам, синхронные поселения существовали не только на Правобережье и в Посулье. Их следы сохранились в подслое позднейших памятников левобережного Приднепровья, в настоящее время прослеженных на десяти памятниках. Создается впечатление, что они выстроены цепочкой, заполнившей 100-километровый промежуток между низовьями Трубежа и Сулы. Тем не менее их значительная часть почти прилегала к Приднепровскому валу и прижималась к прибрежным лесам и густым пойменным зарослям (**рис. 9, 16**).

Обширные поселения не имели южнорусских корней и содержали примесь дружинного элемента. Отсюда неудивительно, что подобная поселенческая форма могла насаждаться пришлыми людьми, аналогичными «мужам лучшим». Сход-

ные «большие поселения» задолго до этого существовали в Волго-Окском регионе: их расцвет пришелся на вторую половину X–XI вв. Из них лучше изученные обладали размерами 5–7 га, другие превышали 3–4 га. В свою очередь, обширные переяславские поселения пришли в упадок в начале XI в., а более северные – к XII в. На ранних ростово-суздальских памятниках присутствовала раннекруговая керамика, а на юге к рубежу X–XI вв. она уже вышла из обихода (Макаров, Федорина, 2014, с. 176–178; 2015, с. 120, 124, 125).

Бревенчатые «длинные стены» и обширные поселения были нацелены на исполнение одинаковых функций и дополняли друг друга. Из них укрепления являлись пассивным элементом, а поселения концентрировали его активную составляющую – людские ресурсы, способные осуществлять защитные функции.

В заключение этой части нелишне внести коррективы в былые представления о существовании исчезнувших или более поздних защитных линиях Левобережья. В этой связи следует подчеркнуть, что их большинство археологическими методами не изучалось, поэтому существующие в литературе датировочные представления о времени их создания носят гипотетический характер. Особенно это касается прямолинейных сооружений, не свойственных домонгольской фортификации.

Так, к Змиевым валам относили обследовавшиеся краеведом И. А. Лысым следы двух отрезков линейных укреплений, перпендикулярно перекрывавших водораздел Сейма и Ромена (Филарет, 1874, с. 328; Белозерский, 1884, с. 10; Лисый. Отчет 1975 г.; Кучера, 1987, с. 57, рис. 97; Моргунов, 2009, рис. 90). Судя по их остаткам, это были отличные от древнерусских массивные и прямолинейные насыпи с обширными рвами: поверх восточного отрезка даже поместилась современная двухполосная шоссейная дорога. Но зафиксированные письменными источниками пути печенегов не достигали этой широты, что подразумевает защиту от иного противника. Имеются сведения и о существовании линейных укреплений в окрестностях летописной Белавежи (Лерберг, 1819, с. 385; Лазаревский, 1893 а, с. 180, прим. 329; Моргунов, 2009, рис. 90). Обследование вала, следовавшего от Белавежи вдоль берега Гайворона (правый приток р. Ромена), также показало его позднее происхождение. А прямолинейный участок вала, уходившего от Белавежи к северу, утрачен. Применительно к рубежу X–XI вв. расположение обоих отрезков укреплений также не могло нести защитной нагрузки.

Известны и краеведческие сведения о следовании вала со рвом низким левым берегом р. Остёр от его низовья почти до г. Нежина (Белецкий-Носенко, 1898, с. 95–97; Моргунов, 2009, рис. 90, 92). Судя по размещению рва, укрепление предназначалось для защиты от нападений с юга. Реальные же примеры показали, что Змиевы валы располагались на реках таким образом, чтобы «длинные стены» размещались за водотоками, которые служили фронтальной преградой, дополняя функции рвов. Поэтому защитники такой стены могли следить за приближением противника и препятствовать его переправе. Остёрский же вал был вынесен на 5–6 км южнее реки, за его заболоченную пойму: пополнению защитников препятствовало течение реки и пойменные болота, а при отступлении через реку они попадали под обстрел противника сзади. Это противоречит азам оборонительной тактики, применявшейся еще со времен Витрувия. Кроме того, и ширина рва в 4–6 м не позволяет отнести это сооружение к древнерусским памятникам.

Тем не менее так просто от остёрского предела отказываться рано: он обозначен в укреплявшемся Владимиром Святославичем «списке рек». В свое время поиски северного рубежа черниговских и переяславских владений привели Н. Н. Коринного к карте 1772 г. границ Польши и России, созданной итальянским геодезистом

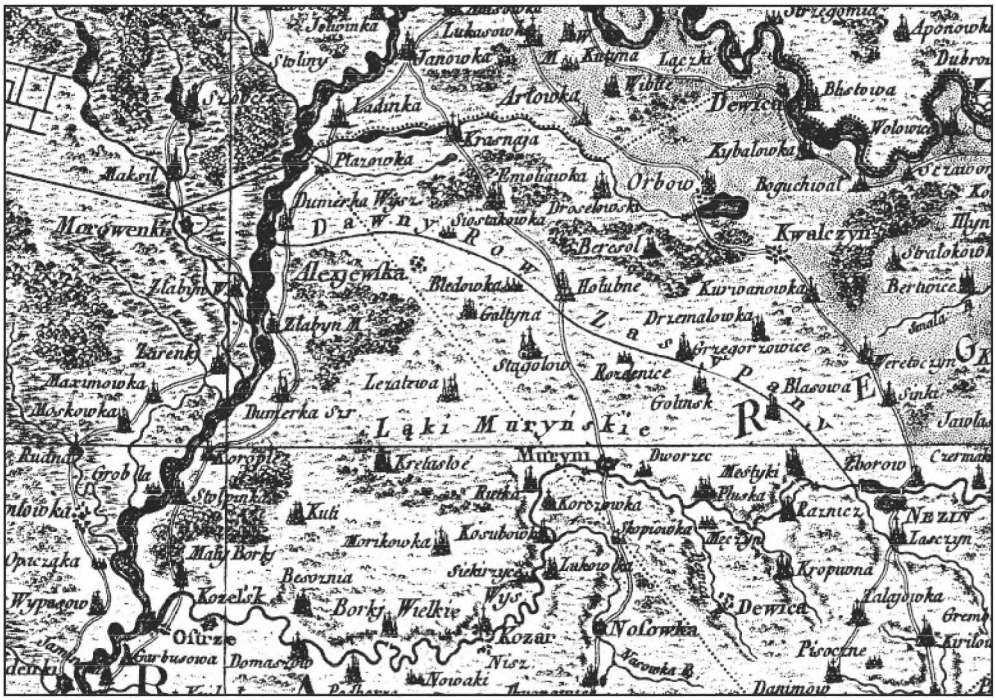

Рис. 17. «Засыпанный ров» на фрагменте карты Рицци Заннони 1772 г.

Рицци Заннони (Zannoni, 1772; Коринный, 1992, с. 55). Рубеж неизвестного времени и назначения на ней размещен несколько южнее р. Смолянки, левого притока Десны. Он представляет собой изогнутую и почти параллельную реке линию, поименованную «dawni row zasypany». **Рис. 17**. Часть сопровождавших это сооружение приречных населенных пунктов идентифицируется по картам Ф. Шуберта. Они показывают, что этот топографический комплекс перенесен итальянским картографом значительно южнее и таким образом, будто на западе «dawni row» упирался в левый берег Десны практически напротив летописного г. Моровийска.

На самом деле р. Смолинка впадает в Десну несколько ниже правобережного черниговского городища Смолин, т.е. почти на 20 км севернее Моровийска. Известно, что сам Рицци Заннони не посещал мест демаркации русско-польских границ, а пользовался материалами своих корреспондентов, что характерно для ранних этапов развития картографии. Отсюда понятно, что эта часть карты оказалась «сдвинутой». Это обстоятельство можно объяснить и тем, что вместе с сопровождающей надписью линия «рва» могла заслонять тщательно выписанные картографом значки и названия прибрежных населенных пунктов. Не исключено, что подобный «отступ» входил в число канонов итальянской картографии.

Судя по этому источнику, к середине XVIII в. руины этого сооружения уже было настолько древними, что их реальное назначение забылось. Следовательно, укрепление не относилось к эпохе польско-литовского заселения этого края и тем более к московско-польской демаркации границ: скорее, какой-то устойчивый рубеж укреплялся в домонгольскую эпоху. К этому склоняет и этимология названия, сход-

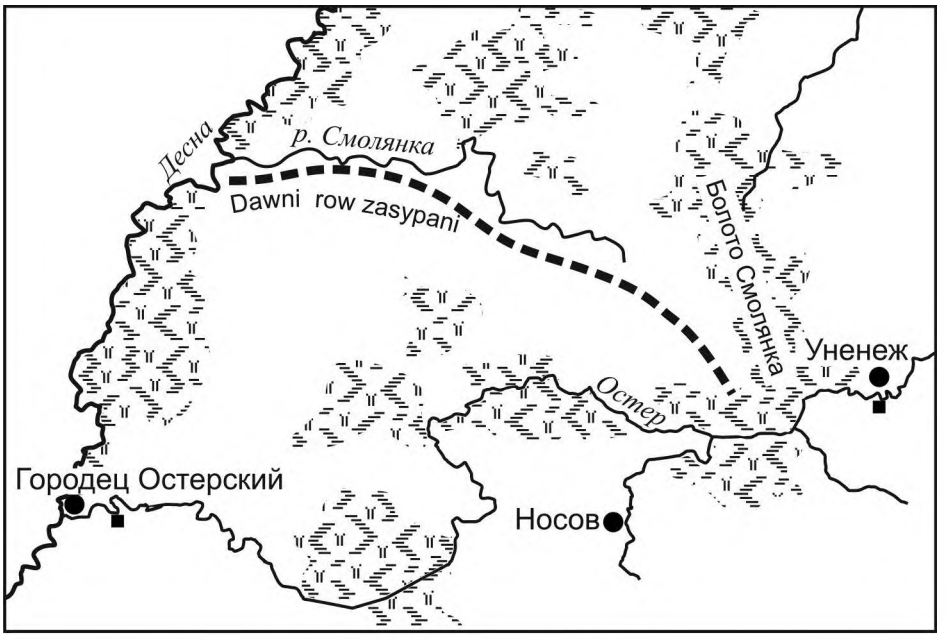

Рис. 18. Современная топография размещения заостёрского укрепления

ная с летописными образцами, такими, как упоминавшийся выше дорогожичский «ров» 980 г., а также синонимичность терминов «окоп» и «вал» более или менее синхронных польских источников. В актах же начала XVII в. и более поздних слово «row» зачастую служило аналогом термина «okop» – насыпного полевого укрепления (Slownik, 1974, т. IX, s. 40; т. X, s. 49). И подобно другим древо-земляным стенам, со временем такое ограждение неизбежно принимало подобие вала. Отсюда происходит и версия о близости этого «рва» к Змиевым валам эпохи Владимира Святославича: позже, вплоть до строительства размещавшейся значительно южнее «украинской линии», укрепления линейного типа не создавали.

Несмотря на эти подвижки, расположение укрепления определяется довольно точно: оно начиналось на берегу Десны и на левой стороне устья р. Смолянки, что почти на 40 километров севернее Остёрского Городца. Далее «ров» следовал к истоку реки по ее южному берегу и затем изгибался к югу по западному берегу болотного массива Смолянка, заканчиваясь напротив сгустка ранних поселений современного г. Нежина. Не исключено, что памятником последнего отрезка является не обозначенная картографом линия, а дугообразное полотно сельских дорог, следовавших как раз по восточному берегу болотистого массива. Подобное использование древних руин типично и для аналогичных переяславских укреплений, о которых речь пойдет ниже.

Любопытно, что аналогичной линией ограничивался и северный предел Остёрского повета XVI–XVII вв. (Клепатский, 1912, с. 285). Это неудивительно: течение Смолянки служило естественным рубежом: на ее правом берегу начинались обширные заболоченные массивы. **Рис. 18**.

Этот археологически не изученный и, вероятно, исчезнувший памятник – не единственный, который способен оправдать включение р. Остёр в качестве северно-

Рис. 19. Поселенческая ситуация правобережья Остра в XII в.
1 – Ковчин; 2 – Анисов; 3 – Шестовица, уроч. Городище; 4 – Слабин; 5 – Смолин; 6 – Нежин, уроч. Замок; 7 – Кошаны

го рубежа ранних киевских, а затем и переяславских владений. Выше было показано, что отдельные находки X и рубежа X–XI вв. прежде встречались южнее, в современном г. Остёре и на городище Кошаны. Любопытно и существование почти противолежащей Остру исключительно ранней правобережной крепости в Выползове: изначально она могла быть киевской и была покинута при демаркации переяславских и черниговских рубежей. Ослабление в XII в. Переяславского княжения и передел его границ вызвал появление на правом берегу Нижней Десны черниговских крепостей Лутавы и Моровийска, расположенных неподалеку от Остёрского Городца. Но на левом берегу Десны очертания древнего рубежа сохранились: севернее р. Смолянки за болотным массивом до черниговских укреплений Анисов и Ковчин пролегло неукрепленное пространство шириной, соответственно, 25 и 30 км (Веремейчик, 2003, с. 38). **Рис. 19**. Таким образом, полнота укреплявшегося Владимиром Святославичем летописного «списка рек», о котором подробнее речь пойдет ниже, начинает обретать некоторую реальность. Если это так, то гипотетический «dawni row zasypany» на правом берегу Остра охватывал площадь около 1,3 тыс. км^2. Эта территория входила в состав территориального ядра Переяславского княжения и до конца изучаемого периода являлась наследственной вотчиной Всеволодовичей и Мономашичей.

Наибольший резонанс в литературе вызвали так называемые «переяславские» валы: это сооружение, состоящее из двух прерывисто-концентрических дуг, охватывало обширную территорию к востоку от столицы на Трубеже[1]. По совре-

[1] С легкой руки М. А. Максимовича внутренняя дуга получила название Большого вала, а внешняя – Малого. И хотя это определение неточно, подобное наименование закрепилось в литературе.

менным подсчетам, протяженность вальных сегментов насчитывает более 60 км: они охватывают территорию площадью около 400 км^2 (Вовкодав, 2015, с. 354). Судя по упоминаниям в летописных источниках, к концу XI в. они утратили защитное значение. Длительное время остатки этих грандиозных укреплений принимали за скифское городище, но в конце XX в. установили древнерусское происхождение переяславских валов, хотя более или менее близкие аналогии этому сооружению пока не обнаружены, а его датировка и назначение находятся в стадии разработки. **Прим. 1**.

Мной была проделана попытка уточнения размеров этого сооружения, во многом близкая с методикой С. В. Вовкодава (2016, с. 39–42). Исключением является лишь то обстоятельство, что мне доступны только материалы, отражающие их расположение на плато третьей надпойменной террасы левого берега Днепра.

Первоначальной основой стала военно-топографическая карта Российской империи Ф. Ф. Шуберта и П. А. Тучкова масштаба 3 версты в дюйме (1:126 000) 1846–1863 гг., переиздававшаяся вплоть до 1920 г. (лист XVIII–10). Этот источник продемонстрировал наилучшую степень сохранности укреплений. Его показания накладывались на основу карты немецкого Генерального штаба 1943 г. масштаба 1:50 000, листы M-36-64-C, M-36-76-A (http://www.-wwii-photosmaps.com-/prewarmapsm36-1-50000/). Но окончательный вариант пришлось генерализовать в соответствии с картой Главного штаба СССР 1989 г. масштаба 1:100 000, листы M-36-63, M-36-64, M-36-75 и M-36-76 (http://www.varvar.ru/top/m-36/m-36-kilometrovki.html).

Их сравнение показало, что с течением времени подавляющее большинство валов становилось основаниями грунтовых дорог местного значения. Этим объясняется трудность обнаружения точек для производства раскопок этого памятника. Обращают внимание и подмеченные еще Л. В. Падалкой значительные размеры заболоченных участков: на современной карте они обозначены густыми букетами осушительных каналов. По состоянию на 1943 г. заболоченность была не в пример более высокой, поскольку мелиоративную сеть только начинали создавать. Таким образом, крупнейшие разрывы между отрезками валов объясняются сильной заболоченностью плато, а это вновь подчеркивает загадочность этого уникального сооружения. Кроме того, охваченные валами долины речушек Гнилки и Броварки с ее истоком Яненкой отнюдь не были удобными «для выпаса больших табунов княжеских коней», как это считает современный исследователь (Колыбенко, 2016, с. 237). **Рис. 20**.

Это картографирование подтвердило точность очертаний сооружения, зафиксированных уважаемыми предшественниками и позволило вычислить его приблизительные размеры в соответствии с картографической основой масштаба 1:100 000. Оно показало, что валы замыкали территорию, ограниченную окрестностями Переяславля и склонами к поймам Трубежа и Днепра: расстояние между их крайними точками насчитывает около 20 х 20 км, но их внутренние размеры оказались несколько иными. Так, внутренний, ближайший к Переяславлю вал охватывал площадь 93 км^2: вдоль линии запад–восток она растянулась на 13 км, меридиональное направление достигает 13,5 км. С востока к нему примыкает дуга внешнего вала, отсекающая вдоль линии север–юг территорию протяженностью 20 км и шириной от 5 км у с. Помокли до 8–10 км южнее; ее площадь насчитывает 144 км^2. Таким образом, совокупный размер внутривального пространства составляет 237 км^2. Но это не окончательные цифры: в них не учтена территория размещения валов на второй надпойменной террасе.

Рис. 20. Остатки укрепления близ Переяславля.
А – Змиевы валы; Б – городища; В – мелиоративные каналы

Строительство «городов» Владимира Святославича

Дальнейшее укрепление внешних пределов Руси и «окняжение» племен тормозились разобщенностью русских земель, прежними княжескими «уставами» и системой погостов. В ПВЛ под 988 г. обозначен переход ко второй ступени реформ Владимира, изменившей форму управления русскими землями: в крупнейших городах места посадников занимают сыновья великого князя (ПСРЛ, т. 1, с. 121). Это нововведение соответствовало представлению о государственной территории как о коллективном владении княжеского семейства. Доходы государства стали поступать в управлявшиеся княжичами города, затем их основная доля распределялась Киевом, что укрепляло территориальное единство страны и увеличивало ее оборонительные возможности (Петрухин, 1995, с. 106, 166, 167; Моця, 2001, с. 47).

Тем временем, несмотря на замирение Владимира с Варяжко, участие в междоусобицах привело кочевников к самостоятельным набегам. Противоречивый сюжет летописной статьи 988 г. показывает, что в связи с этим Владимир Святославич обнаружил в территориальном ядре Руси нехватку городов. Это заставило его продолжить укрепление территории более прогрессивным способом: «ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубешеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ». В свою очередь, недостаток населения, способного укреплять и защищать рубежи, вызвал новое пополнение людских ресурсов: «и поча нарубати муже лучьшиѣ

от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь; и от сихъ насели грады». На хронологически неадекватный характер этого сообщения указывает размещение в одном сообщении и результатов защитных мероприятий: «и бѣ воюяся с ними, и одолая имъ» (ПСРЛ, т. 1, с. 121).

В действительности, князь не мог в один год начать строительство городов, заселить их выходцами из других земель и ощутить радость от полученных результатов. Иной оказалась и конкретика: закладка Белгорода зафиксирована под 991 г., в 993 г. был заложен Переяславль, Василев на Стугне упомянут под 996 г. Похоже, что постройка городов помогла не сразу: согласно статье под 997 г., Владимир был вынужден отправиться в Новгород для пополнения войск, «бѣ бо рать велика бес перестани». Степняки этим воспользовались и осадили Белгород (ПСРЛ, т. 1, с. 122–125, 127–129; ПСРЛ, т. 3, с. 166). Очевидно, в статью ПВЛ под 988 г. была вставлена имевшая несколько более позднее происхождение своеобразная программа Владимира по реализации оборонительных мероприятий.

Построенные Владимиром и упомянутые при его княжении крепости отличались уникальными конструктивными особенностями, о которых подробнее речь пойдет ниже. А для начала следует рассмотреть географию размещения созданных им укреплений и оценить объемы этого строительства. Так, особенности конструкции укреплений позволяют добавить к упомянутым крепостям реконструкцию укреплений Старокиевской горы и Воиня, возведение Новгорода-Северского, укрепление далекой Тмутаракани и появление городища Заречье на Стугне. В последнем случае ранняя датировка существования памятника подтверждается сребреником Владимира типа 1 (Моргунов, 2009, с. 72, 73). Таким образом, в зоне наибольшей опасности было создано всего шесть крепостей. **Рис. 21**.

На это указывает и «список рек», укреплявшихся Владимиром, но и он не всегда точен. Так, отнюдь не печенежской опасностью было вызвано укрепление течения

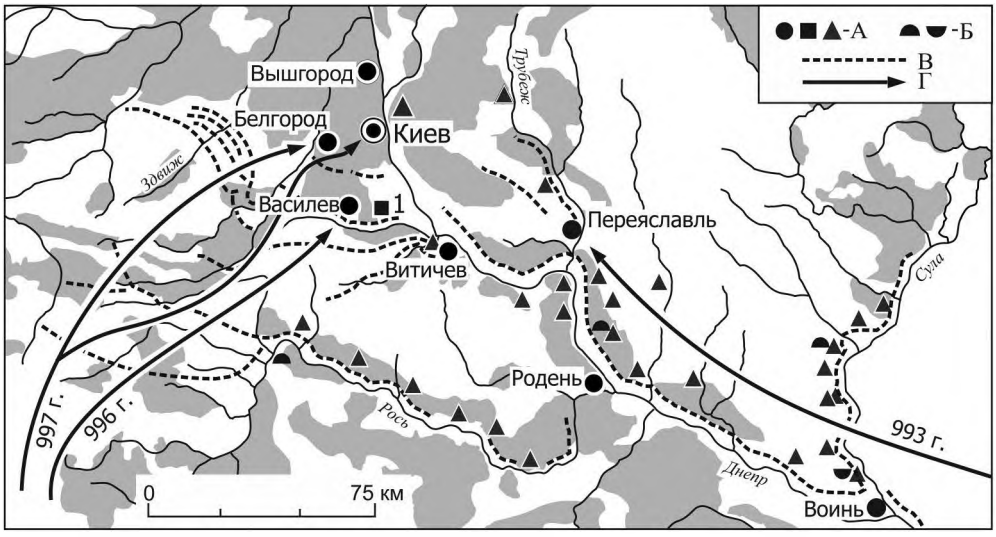

Рис. 21. «Города» Владимира Святославича и печенежские набеги конца X в.
А – летописные города, городища, селища; Б – курганные и грунтовые могильники;
В – Змиевы валы; Г – вероятные трассы печенежских набегов и их вариант.
1 – Заречье

Десны: расположенный на ней Новгород-Северский был плацдармом «освоения» Русью племенных земель западных северян. Деснинской артерией войска Владимира могли направляться и против радимичей, и дважды – на вятичей: вероятно, за давностью лет от летописца суть проблемы ускользнула. Другими словами, укрепление Владимиром Подесенья также имело место, но его целью являлись не защита от кочевников, а присоединение племенных земель (Моргунов, 1999, с. 76).

Несколько проблематично, хотя может оказаться вполне реальным, указание на укрепление поречья Остра. На этот факт могут указывать приостёрская линия «древнего рва» по р. Смолянке и ранние материалы, обнаруженные в г. Остёре и на городище Кошаны. С другой стороны, скромные сведения летописных источников не зафиксировали набегов, которые могли бы достигнуть поречья Остра. Тем не менее течение этой реки, возможно, недаром могло быть линией демаркации черниговских и киевских владений по «разделу» 1026 г. между Ярославом и Мстиславом Владимировичами. А окончательно устойчивая граница земель там была закреплена по «завещанию» Ярослава.

Существенно, что левобережные приграничные города по Трубежу и Суле Владимир Святославич закладывал на необжитых местах, лишенных коренного населения и местной знати. Объекты этого строительства не затрагивали и пределов северянского расселения. В количественном плане летописные и археологически известные объекты в соответствии со «списком рек» были распределены, в среднем, по одному укреплению на каждый значимый водный рубеж. В их размещении угадывается стремление защитить основные транспортные артерии на наиболее уязвимых участках форсирования водных преград. Так, Белгород на Ирпене контролировал путь на запад и южный выход из степей, Переяславль на Трубеже и Воинь на Суле защищали от нападений с востока, Василев и Заречье прикрывали стугненские броды на южных путях к Киеву. Эта значимая новация отличала укрепление рубежей от их огораживания: новые крепости усиливали линии более ранних «длинных стен».

В эту схему не укладывается мнение Н. Н. Коринного о застройке новыми крепостями якобы «опустевшего» к этому времени Левобережья Днепра. А утверждение исследователя о намерении князя этими городами ликвидировать сепаратизм северянской знати теоретически может относиться только к Сновску и Новгороду-Северскому (Коринный, 1992, с. 50, 51).

Под «мужами лучшими» обобщенно понимаются сопровождавшиеся дружинным окружением зажиточные слои (Насонов, 1951, с. 67), способные перенести длительные переходы и укорениться на новых местах. Такое переселение приносило Киеву двухстороннюю пользу: лежавшие севернее земли теряли часть аристократии. На юге же переселенцы, лишенные родоплеменных связей и влияния жречества, не только разрушали местные племенные структуры, но и сами утрачивали прежнюю материальную культуру и становились костяком нового расселения, формировавшего общерусскую этническую общность. Это явление не ново: оно влилось в северный переселенческий шлейф, следовавший в Киев еще за Олегом и Игорем. А ярким представителем этого потока мог быть, к примеру, защитник земли русской былинный Илья Муромец.

Выше уже упоминалось об отдельных находках северного происхождения на обширных левобережных открытых поселениях. Естественно, подобные артефакты лучше известны на памятниках, подвергавшихся раскопкам: в могильнике Жовнина, в Лепляво и на городище Воиня (Моця, 1983; Моця, 1987 а, с. 121; Приймак, 2007, с. 79). Этническая неоднородность переселенцев подтверждается

и наблюдениями антропологов: правобережное полянское население неоднократно пополнялось за счет удаленных территорий. В материалах могильников киевского территориального ядра зафиксировано антропологическое наследие дреговичей, радимичей, смоленских кривичей и северян (Рудич, 2011, с. 24–29). Вероятно, на результате их смешивания была основана ретроспективная фраза ПВЛ под 898 г.: «поляне, иже нынѣ зовомая Русь» (ПСРЛ, т. 1, с. 25, 26). Соответственно, и в население Левобережья вливались выходцы с другого берега Днепра и земель, лежавших значительно севернее. Для несколько более позднего времени это подтверждено на основании большинства изученных левобережных популяций. Так, группы северян, полян переяславских и черниговских объединялись в один кластер со значительной долей дреговичей и радимичей (Долженко, 2010, с. 47; Рудич, 2009, с. 17–23). Таким образом, насильственные переселения крупных людских контингентов стали катализатором интеграционных процессов и одним из важных факторов формирования древнерусской народности. Вероятно, единая общерусская культура возникла на обширных пространствах Южной Руси, а затем распространилась и на всю территорию государства.

Выше вскользь упоминалось о конструктивной уникальности «городов» Владимира Святославича. Их важнейшей особенностью является одинаковое применение мощных лицевых кладок-панцирей из сырцового кирпича. Они снаружи вплотную прилегали к вертикальным стенкам засыпных срубов-городней, а внешняя «боевая» сторона была наклонной или ступенчатой. Такие облицовки высотой до 4 м надежно скрепляли не взаимосвязанные между собой срубы и защищали их от зажигательных стрел (**рис. 10: *3***). На городище Василева сырцовой кладкой высотой 9–10 м был укреплен даже вертикальный обрыв городищенского мыса.

Подобные укрепления обладали и другими не применявшимися на Руси техническими особенностями, основанными на традициях возведения срубного жилья. Из них более рациональным было предотвращение нежелательной осадки тяжелых облицовок. Это достигалось изготовлением под сырцовым массивом фундаментных подкладок из забитых грунтом бревенчатых каркасов. Другая специфика выдает слабое знакомство фортификаторов с местным срубным строительством. Так, они нередко закрепляли фундаментные каркасы вкопанными в землю столбами, хотя на Руси сейсмические подвижки были крайне редки. Кроме обычного леса-кругляка, в этих сооружениях часто применяли плахи, бревна прямоугольного сечения или кантованные на шесть граней, порой вырубленные не из дуба, а из невлагостойкого леса. Срубы часто скрепляли крупными гвоздями-костылями: видимо, руководившие стройками иноземные умельцы не доверяли русской технике шипового соединения венцов (Раппопорт, 1953; 1956, с. 80, 88, 90).

Согласно подсчетам П. А. Раппопорта, для создания лицевых кладок Заречья на р. Стугне могло потребоваться 20 000 штук сырцового кирпича, а при строительстве крепостных стен Белгорода – более 500 000 штук. Подобная трудоемкость привела исследователя к выводу о том, что именно она стала причиной выхода этой техники из строительного оборота (Раппопорт, 1956, с. 142). Иную картину увидел К. С. Носов: в современном Египте кустарь с подмастерьем ручным способом изготавливают до 1500 сырцовых кирпичей в день. Следовательно, необходимое для строительства Белгорода количество кирпичей могли изготовить 67 мастеров всего за 10 дней, а для Заречья кирпич могли поставить двое рабочих за две недели. Таким образом, исчезновение сырцового строительства не определяла его непосильная трудоемкость. Сравнение климатических условий южных стран привело исследователя к выводу о том, что истинная причина этого

скрылась в относительно высоком уровне осадков средних широт. Сырец, являющийся лишь брусками отформованной и высушенной на солнце глины, в русских условиях быстро размывался и требовал обновления (Носов, 2013, с. 64, 65)

Краткий период применения на Руси этой своеобразной строительной техники и ее быстрое исчезновение из русского фортификационного обихода может говорить о ее привнесении с территорий, где необычные для Руси элементы были частью привычных строительных традиций.

Так, ступенчатость внешних фасов сырцовых панцирей сходна с болгарскими крепостными стенами, которые в VIII–XII вв. возводились не только из камня, но и из кирпича с сырцом; там известны и конструкции с лицевыми кладками из камня. Бревенчатое усиление оснований стен в IX в. практиковалось в болгарской Плиске, а в X–XI вв. и во многих созданных приезжими мастерами ранних церквях Киевской Руси. Южные корни имело применение свай: так закрепляли фундаменты крепостных стен Первого Болгарского царства (Харбова, 1981, с. 107). А рядами тонких кольев уплотняли фундаментные рвы ранних русских церковных и гражданских построек. Считается, что это византийские строительные особенности (Раппопорт, 1994, с. 60; Оустерхаут, 2005, с. 174, 175).

Убедиться в преимуществах южного строительного опыта Владимир мог, осаждая крымский город Корсунь. Случай же пригласить южных мастеров мог представиться великому князю на следующий год после этой осады и женитьбы на византийской принцессе Анне. Под 989 г. в ПВЛ помещено сообщение о приглашении мастеров для возведения каменной Десятинной церкви, а вскоре, под 991 и 992 гг., может быть, неслучайно появилось известие о постройке Белгорода и Переяславля (ПСРЛ, т. 1, с. 109, 121–123), где камень был заменен сырцом. В сходных условиях при строительстве хазарского города Саркела спафарокандидат Петрона Каматир отсутствие строительного камня возместил обожженным кирпичом (Константин, 1989, с. 171).

Близкие параллели не исключают заимствования строительных новаций и из Болгарии. На связь с ней указывают походы Святослава 968–971 гг., пытавшегося предотвратить поглощение страны Византией. Вероятно, она не прерывалась, коль Владимир пытался поддержать Первое Болгарское царство Самуила (ПСРЛ, т. 1, с. 80; Пашуто, 1968, с. 90). Не исключено, что и в названии Переяславля Русского отразилось имя болгарского города Преслава (Колибенко, Колибенко, 2004, с. 155, 156). Таким образом, аналогии русским преградам с лицевыми сырцовыми обкладками, видимо, следует искать в фортификации болгаро-византийского культурного круга. Приглашение иноземных специалистов было обычной практикой Средневековья: нередко на места выезжал только мастер-зодчий для руководства местной строительной артелью (Раппопорт, 1994, с. 127, 130; Моргунов, 2009, с. 72–79).

В итоге поиски пригодной для русской фортификации строительной техники представляются следующим образом. Поскольку ранее у Руси не было длительной необходимости в защитном строительстве, печенежская угроза вынудила обратиться к зарубежному опыту. Лучшей моделью стали балканские каменные укрепления, позволявшие отодвинуть внешние пределы от столицы и оградить их от степных нашествий, благо кочевники обычно не штурмовали укреплений. За неимением камня воплощение этой идеи было возложено на владевшие навыками бревенчатого строительства артели переселенцев из восточно- и западнославянских регионов. Существенно, что западные славяне обладали опытом создания протяженных укреплений из дерева; возможно, участие в этом принимали и привлекшие военное внимание Владимира выходцы из неславянских северо-западных племен.

Слабой стороной этой защитной формы было то, что подвижка внешних пределов не сопровождалась ни обстоятельным обследованием их пролегания, ни близким знакомством с тактикой и путями следования печенежских отрядов. Но с опытом строительства эти недостатки, видимо, устранялись: на это указывает точность размещения поселений защитников и довольно длительное использование этой защитной формы. После приезда в Киев византийской принцессы появилась возможность овеществить на Руси более совершенный способ защиты пределов замкнутыми укреплениями – «городами». Это были точечные узлы, т.е. более экономичные и эффективные оборонительные средоточия, закрывавшие ключевые пути проникновения противника: они усиливали защитный эффект звеньев протяженных стен.

Особенности «погодного» летописания не позволяют оценить протяженность усилий государства по укреплению его внешних пределов: это нередко давало повод для недоразумений и сомнений в реальности защитных мероприятий. Действительно, наряду с глаголами «заложить» в источниках применительно к летописным городам нередко применялся термин «построить»: он подразумевает и завершение стройки в тот же год. Разумеется, к небольшим крепостям несложной конструкции он применим. Но создание за один год таких обширных городов, как Белгород или Переяславль с их мощными сырцовыми панцирями, всё же представляется нереальным.

В этой связи нам остается лишь гипотетическое определение длительности защитного строительства этой эпохи. Нагляднее оно воспринимается на диаграмме развития антирусской активности печенегов. **Рис. 22**.

Эта кочевая ветвь появилась близ русских границ около 915 г. и следующие 65 лет осваивала причерноморские степи. Более плотные отношения номадов с Русью укладываются в три группы: из них наиболее продолжительными были первая и третья. О первой 15-летней фазе, последовавшей после междоусобицы Варяжко, нам известно из лишенного конкретики летописного отзвука. Другие сведения сохранились в более поздней Никоновской летописи и обеих редакци-

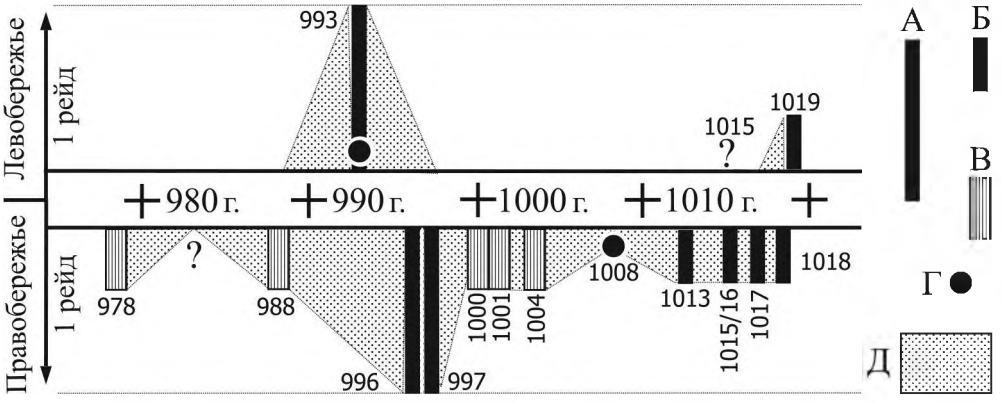

Рис. 22. Диаграмма печенежских рейдов на южнорусское пограничье. Условные обозначения: А – одиночный набег; Б – приход в качестве наемников; В – летописные отзвуки о набегах; Г – замирения; Д – периоды активизации кочевников

ях «Истории» В. Н. Татищева. Они в большинстве связаны с участием степняков в войнах Руси в качестве наемников.

В данном примере во́йны под началом Варяжко инициировали расширение русских пределов и закрепление их протяженными ограждениями. Через 15 лет, видимо, нерегулярные военные действия обратились пиком самостоятельных набегов, который пришелся на 993–997 годы. Но к 989 г. Владимир был к этому готов и занялся крепостным строительством. Несмотря на известную лакуну в летописании, длительность строительства крепостей, вероятно, не слишком выходила за 8-летние летописные рамки. Тем не менее создание сплошного ограждения южных пределов Руси из «длинных стен» продолжалось до 1008 г. и закончилось замирением с печенегами при помощи архиепископа Бруно. Нетрудно заметить, что, как и при Святославе, в подавляющем большинстве против Руси выступали правобережные орды печенегов, кочевавшие поблизости от Византии.

Погребальные древности последней трети X в. фиксируют появление печенегов севернее Дуная. Бруно Кверфуртский уже не упоминал или не знал о существовании левобережных печенегов – это исследователи связывают с натиском на печенегов торческой волны (Бережинский, Бороздина, 2008, с. 33; Мэнуку-Адамештяну, 2000, с. 345). Но о существовавшей угрозе набега левобережных печенегов знал умиравший Владимир Святославич, а Святополк провел у них зиму 1018/1019 гг., а затем привел кочевников на Летское поле. И всё же после появления степняков «от Сулы» в 992 г. и их разгрома у Переяславля самостоятельных набегов левобережных печенегов источники не зафиксировали.

Таким образом, волна печенежской активности нарастала 15 лет, перешла в четырехлетний пик и уменьшалась на протяжении 11 лет. За этот период протяженные укрепления возводили около 30 лет, совмещая их создание с 8-летним циклом строительства крепостей. Растянувшийся на длительный отрезок времени общий объем оборонительного строительства представляется вполне посильным для «империи Владимира».

Северянские «протогорода»

К середине – концу X в. позднесеверянское расселение обрело довольно устойчивую структуру, состоявшую из «гнезд» и цепочек укрепленных поселений, включавших более крупные сооружения крепостного типа, порой с несколькими рядовыми племенными убежищами или только со множеством сопровождавших селищ и курганных могильников. Это означает, что они являлись центрами плотно заселенных округ. Такие памятники принимали за центры малых племен, входивших в более обширные племенные союзы (Юшков, 1939, с. 134, 135; Фроянов, Дворниченко, 1988, с. 34; Казаков, 2010, с. 109, 115), или «протогорода» с развитым ремеслом и высоким уровнем культуры, возникшие в результате экономического и социального развития общности (Сухобоков, 1975, с. 19; Седов, 1982, с. 135; Шинаков, 1991, с. 82). Несмотря на низкую изученность остатков укрепленных поселений, археологи внесли посильную лепту в эту проблематику и поиски «протогородов» вошли в моду. Эту тематику нельзя обойти хотя бы потому, что некоторые истолкования поверхностны или вовсе ошибочны.

Признаки протогородов изучались А. В. Кузой на основе анализа итогов раскопок Горналя и совокупности других изучавшихся памятников. По его мнению, каждый подобный комплекс должен был содержать не менее двух укреп-

лений и весомую свиту из открытых поселков. Их обитатели занимались отделившимся от сельского хозяйства ремеслом, дальней торговлей, земледелием, скотоводством и промыслами. Из подобных поселений происходят оружие и предметы снаряжения коня и всадника; обычны признаки имущественной и профессиональной дифференциации. Совокупность этих показателей указывает на существование протогородских центров малых племен северянского племенного союза. Кроме Горналя, отдельные протогородские черты допускались исследователем и для двухчастных укреплений Ницахи и Гочева, хотя «городские» признаки там выражены слабо (Куза, 1981, с. 36, 38; 1983, с. 33, 34).

Далее что-то пошло не так: в силу слабой изученности большинства поселений исследователи начали «примерять» к ним лишь единичные из перечисленных признаков. А. В. Куза обратил внимание и на другой симптом историографической «болезни»: сокращение подробно опубликованных обоснований далеко идущих выводов (Куза, 1996, с. 33). Судя по констатации новейшего исследователя, этот недостаток получил развитие в виде подмены мозаичной картины наших представлений авторскими реконструкциями. И от частого повторения они стали восприниматься как отражение археологических реалий (Комар, 2012 г, с. 338).

Так, А. П. Моця за ведущий признак хозяйственной округи принял курганные могильники с погребениями выходцев из разных уголков Руси. К гочевскому «эмбриону города» он добавил Зелёный Гай и Липовое, хотя на последнем памятнике на дальнюю торговлю указывают лишь «обломки необработанного овручского шифера и бракованное пряслице из него» (Моця, 1985, с. 131–133; 1987 б, с. 164, 166; 2006, с. 118–120). О. В. Сухобоков без аргументации к протогородским центрам отнес городища Рыльска, Путивля, Курска, Ромена, Лубена и Донца (1992, с. 47, 147, 152). Позже он разделил их на «реальные» (Горналь и Донец) и «потенциальные» – Гочево и Ницаху (2012, с. 270). По неясным соображениям к этому списку В. В. Приймак добавил Хотмыжск и Журавное на Ворскле (Приймак В. М., Приймак В. В., 2003, с. 28).

Анализ аэрофотосъемки показал, что на селище 1 эталонного Большого Горналя существовал распаханный и недатированный вал: он охватывал прилегавшее к городищу укрепленное поселение площадью 5 га (Куза, 1981, с. 33; Кашкин, Узянов, 1994, с. 17). Такая поселенческая структура обычна для древнерусского городского социально-топографического сочетания детинца с укрепленным посадом, но ее без серьезных оснований стали «обнаруживать» в северянских комплексах догосударственного периода. Применительно к Чернигово-Северщине А. Л. Казаков высказал уверенность, что подобные структуры у северян сложились уже в IX в. По его мнению, «нет никаких причин принимать эти центры какими-то недоразвитыми протогородскими средоточиями, а не полноценными городами» (Казаков, 2010, с. 109, 115). Менее декларативно протогородской характер Новгорода-Северского и Полтавы оценивает и А. В. Григорьев (2012 б, с. 117).

Рассмотрим представленные варианты подробнее, памятуя, что подавляющее большинство объектов исследовалось в неизмеримо меньшем объеме, нежели Горналь, Новгород-Северский, Хотмыжск, Полтава и Донец. Учтем и то, что на адекватности гипотетических построений о заселенности северянской территории может сказаться и размещение соседних открытых поселений. Более четверти века назад посеймские лакуны успешно «заполнялись» полевыми исследованиями А. А. Узянова и А. В. Кашкина; привлечение материалов погребальных древностей и городищ благотворно сказалось на выводах Е. А. Шинакова, выделившего ряд «групп концентрации памятников» (1991, с. 82–84).

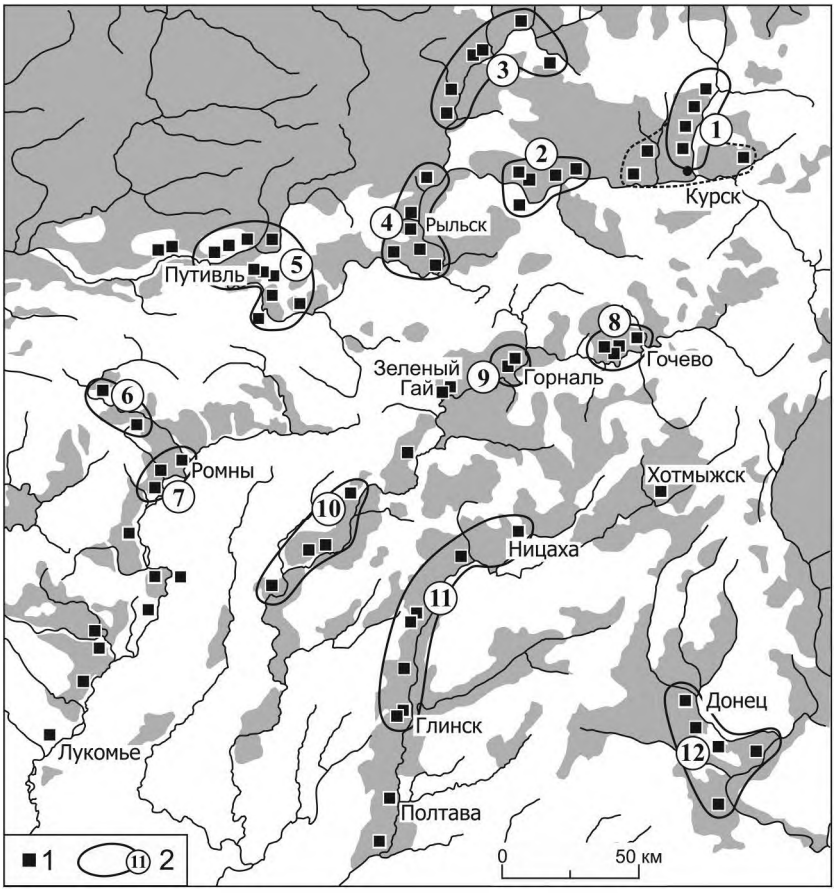

Рис. 23. Структура размещения восточносеверянских укреплений.
1 – городища; 2 – очертания их средоточий. Номенклатуру городищ см. на рис. 5. Скопления: 1 – курское; 2 – ольговское; 3 – на р. Свапе; 4 – рыльское; 5 – путивльское; 6 – «медвежье»; 7 – роменское; 8 – гочевское; 9 – горнальское; 10 – броварское; 11 – ворсклинское; 12 – верхнедонецкое

Судя по карте пригодных для анализа памятников, на Левобережье существовало четыре формы размещения защищенных стенами поселений: обширные скопления[1], линейные средоточия, парные городища и одиночные укрепления. **Рис. 23.**

Из них обширные скопления укреплений связаны с лесными массивами или вплотную прижимались к зоне широколиственных лесов. Так, в низовьях Сейма на роль центра обширного скопления племенных крепостей претендует Путивль, хотя его ранняя история известна недостаточно подробно. **Прим. 2**. **Рис. 24**. Тем не менее вокруг него сосредоточено семь других городищ, напоминающих о позднейшем тяготении рядовых укреплений к «старшим» городам. В широтном направлении это скопление насчитывает около 30 км; в меридиональном (Волоки-

[1] Поскольку северянское расселение было приречным, это определение условно.

Рис. 24. Путивльское средоточие укрепленных поселений

тино – Лухтовка) пролегает 32 км, его площадь составляет около 650 км^2. Внутри этого «куста» расстояния между укреплениями насчитывают от 4–10 до 12–16 км, т. е. не более половины дневного войскового перехода. Путивльское «гнездо» хорошо локализовано: от Волынцева до Лещиновки, крайнего западного пункта рыльского скопления, насчитывается 39 км, от южной Лухтовки до посульского Красного Колядина пролегает 70 км. И только на западе между Литвиновичами на Клевени и лежащим ниже на Сейме Божком (Красное Утро) пролегает промежуток около 20 км. Скопление хуже дистанцировано с памятниками глуховской округи, но там раскинулись лесные массивы.

На противоположной стороне восточносеверянского мира к впадению в Северский Донец его правого притока р. Уды приурочено верхнедонецкое средоточие, растянувшееся вдоль этих рек на 80 км. **Рис. 25: *1***. Пять его крепостей неравномерно разделены расстояниями от 7 до 25 км: это также менее дневного перехода. Максимальная протяженность этого «куста» насчитывает 40 км. Центральной крепостью, вероятно, была Карачевка, на руинах которой позднее возник летописный Донец. От него до Ницахи, поречья Ворсклы, пролегает 94 км. Из-за удаленности от восточносеверянского массива это укрепленное поселение могло быть центром малого племенного образования.

В литературе сложилось справедливое представление о существовании обширного курского микрорегиона. Его плотно размещенные составляющие выстроены в цепочку вдоль течения р. Тускари и насчитывают 5 укрепленных поселений, разделенных промежутками в 5–7 км. **Рис. 25: *2***. Об интенсивной жизни этого региона свидетельствует наличие ряда открытых поселений с насыщенными культурными напластованиями и находки кладов. **Прим. 3**. В наименьших пределах микрорегион достаточно представителен, занимая площадь в пределах 750 км^2, что сравнимо с путивльским «кустом». В таком виде лучше ощутим и неукрепленный промежуток до «ольговского» средоточия: от Курска до Дроняева пролегает 40 км.

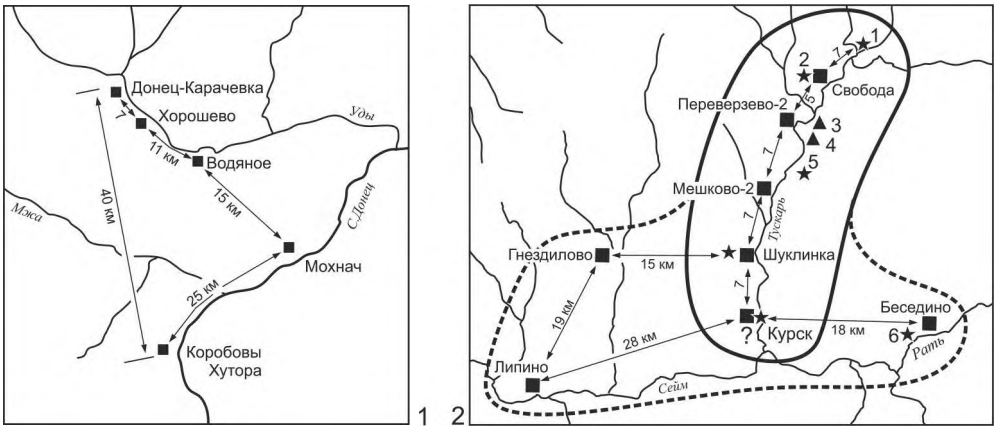

Рис. 25. Расселение северян на Северском Донце (1) и Верхнем Сейме (2). Клады и поселения курского средоточия: 1 – Вторая Воробьевка; 2 – Коренная Пустынь (Переверзево); 3 – Тазово; 4 – Жерновец; 5 – Волобуево; 6 – Первое Красниково (Котовец).

Теоретически к южной части этого, скажем, «узкого» ареала могли тяготеть и другие укрепления (Енуков, 2005, с. 237–239). Из них литературные разночтения позволяют исключить Титово на р. Рать. В одних работах памятник оценивается, несомненно, северянским. В других отмечается, что роменские материалы там обнаруживал только краевед Ю. А. Липкинг (Узянов, Кашкин, 1990, с. 160, 161; Кашкин, 2000, с. 171, 172). Из оставшихся памятников на роль «пригородов» могут претендовать Гнездилово (15 км от Шуклинки) и Беседино (18 км от Курска). Проблематично и тяготение к центральной группе памятников Липина: расстояние от него до Гнездилова и Курска насчитывает, соответственно, 17 и 28 км. Последний предел значительно выше расстояния от Липина до «ольговского» Дроняева (17 км) и приближается к размеру дневного перехода, что могло затруднять экономические связи этого комплекса с метрополией. Тем не менее с учетом южных укреплений размеры скопления в меридиональном направлении могли насчитывать до 35–40 км, в широтном – до 50 км, а площадь могла приближаться к 1300 км^2. Если это было так, то курское поселенческое средоточие можно признать одним из крупнейших северянских расселений.

В поисках ведущей крепости микрорегиона В. В. Енуков подробно рассмотрел пригодность городищенских материалов этого средоточия и остановился на Курске. **Прим. 4.** Следует подчеркнуть, что поиски древних реалий в условиях современной городской застройки, отягченной мощными позднесредневековыми напластованиями, – воистину титанический труд, не всегда приносящий красноречивые и однозначные результаты. Тем не менее многолетние сборы подъемного материала Ю. А. Липкингом указывают на существование там одного или нескольких роменских поселений.

Внимание В. В. Енукова привлек участок по ул. Луначарского, а также другой, расположенный в 150 м к северо-западу от него (раскопы 5 и 6). Надежно датированные остатки жилых или хозяйственных позднероменских сооружений обнаружены не были, но в котлованах построек переотложенная керамика этого вре-

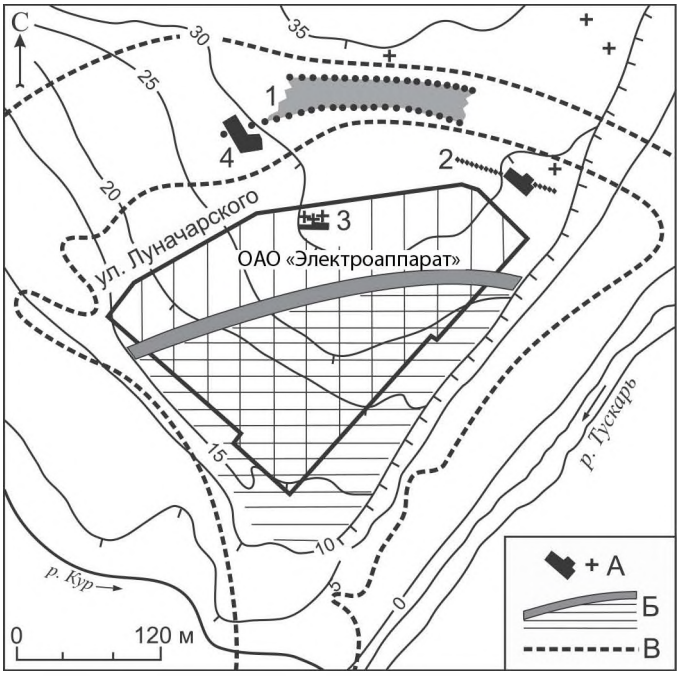

Рис. 26. Северянское городище Курска (по В. В. Енукову).
А – раскопы и разведочные шурфы; Б – реконструированные В. В. Енуковым очертания городища и вала позднероменского времени;
В – границы поздней крепости по плану 1782 г.
Другие объекты: 1 – размещение и направление рва по данным геобурения; 2 – линия укрепления середины XI в. (?); 3 – раскопки у Знаменского собора; 4 – раскопы 5 и 6.

мени встречалась. Южнее простирается обширный мыс третьей надпойменной террасы, ограниченный склонами к р. Тускарь и впадающему в нее ручью Кур. **Рис. 26**. Там размещается плотно застроенная территория ОАО «Электроаппарат» (в настоящее время часть площади отошла к Знаменскому мужскому монастырю). Поэтому опора поисков ключевой крепости северянского племенного образования перешла в сферу обоснования ее «социально-топографическими признаками» (Енуков, 2005, с. 236). Выбор пал на описание воеводы Д. И. Плещеева 1652 г., где указывалось на существование «посередь острога» (приблизительно между Знаменским собором и Воскресенской церковью) «старой городовой осыпи».

Это позволило исследователю произвольно наметить очертания вала, отсекавшего мысовой участок площадью около 3 га, и объявить его северянским городищем (Енуков, 2005, с. 239–240; Енуков, Енукова, 2011, с. 141). В исследовательском задоре забылось о том, что обычно северянские валы после довольно продолжительного времени надстраивали древнерусскими оборонительными сооружениями: их следы встречаются и в недрах укреплений XVII–XVIII вв. Действительно, очертания усадьбы ОАО «Электроаппарат» до мелочей соответствуют контурам лучше сохранившихся крепостей XVII–XVIII вв. В данном случае абрис гипотетического северянского укрепления получил конфигурацию почти

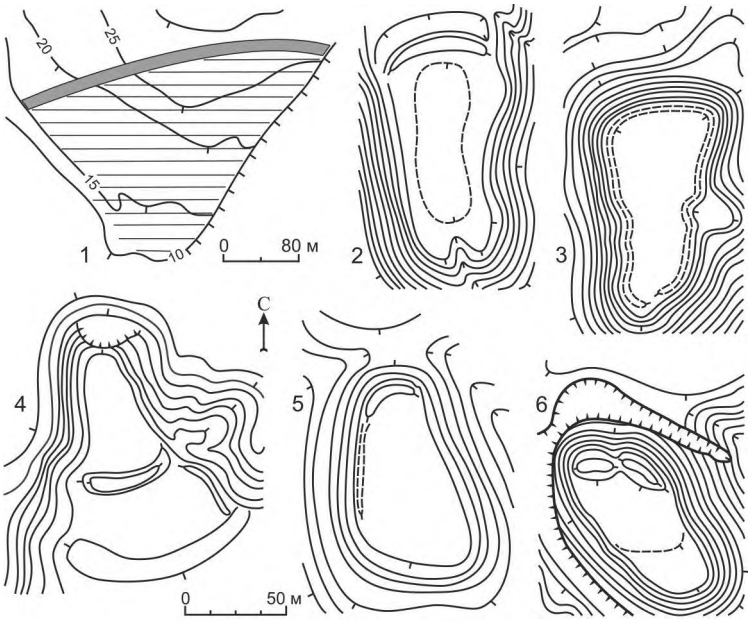

Рис. 27. Сравнение планировки «городища» Курска с остатками северянских крепостных сооружений и укреплений, возобновленных в древнерусское время. 1 – Курск по О. Н. Енуковой; 2 – Журавное-2 (Немировское); 3 – Шпилевка; 4 – Божок-2; 5 – Божок-1; 6 – Заречное-1 (Кукуево). По материалам съемки А. В. Короти и Е. Н. Осадчего.

равностороннего треугольника. Это противоречит давним наблюдениям о том, что в подавляющем большинстве известных примеров северяне выбирали узкие удлиненные мысы с крутыми склонами. Это позволяло по их периметру ограничиться эскарповидными подрезками, а основную оборонительную нагрузку таких городков сосредоточить на стыке с напольным плато. **Рис. 7, 27**.

Как показывают раскопки, в процессе многовековой хозяйственной деятельности древние очертания мыса неузнаваемо изменялись. Но то, что представлено исследователем на современном плане, является или завидным исключением, или остатками позже возникшей древнерусской крепости; похвальным остается лишь желание углубить историю областного центра. В работах В. В. Енукова, посвященных поискам северянского ядра Курска, красной нитью прослеживаются колебания, вероятно, связанные с его неуверенностью в идентификации искомого памятника. И в последних работах свойственная ему научная добросовестность заставила признать, что «напластования роменского времени в историческом ядре города до сих пор не выявлены» (Енуков, Раздорский, 2015, с. 53).

И все же «курский» куст должен был иметь свой центр. В отличие от древнерусских стандартов, это не обязательно была крепость, поражающая своими размерами. Вновь обращаясь к карте размещения памятников, можно заметить, что их основная масса концентрируется севернее Курска, между Второй Воробьевкой и Шуклинкой, на 26 километрах верхнего и среднего течения Тускари (Енуков, 2005. Вкладка: «Карта памятников…». Врезка, №№ 1–44). И в зоне максимальной концентрации, в

том числе и открытых поселений с насыщенными культурными напластованиями, оказывается недостаточно оцененное городище Переверзево-2, сопровождавшееся кладом и размещенными на 1,3 км побережья реки пятью селищами и остатками курганного могильника. **Рис. 25:** ***2***. Уникальной для северянских реалий является застройка его площадки замощенными камнем усадьбами, объединенными в «кварталы». Среди инвентаря выделяются серебряные арабские дирхемы, роговое писало с резным изображением морды хищника, серебряное пряслице и загадочные глиняные таблички со сквозными проколами, расчерченные прямоугольными и треугольными композициями. Значительно количество и качество найденных там украшений. Необычен и остеологический материал: обитатели укрепления добывали пропитание охотой, в то время как на селищах употребляли в пищу домашних животных. Похоже, что это была своего рода резиденция племенной верхушки (Узянов, 1981, с. 85, 86; Узянов, 1983 б, с. 93, 94; Шпилев, 2010, с. 226–262).

В свиту комплекса могли входить расположенные на расстоянии менее половины дневного перехода поселение Вторая Воробьевка с кладом (12 км), городища Свобода с кладом «Коренная Пустынь» (5 км), Мешково-2 (7 км) и Шуклинка, также с кладом (14 км). Напротив Переверзева-2, за Тускарью, располагались поселения Тазово (3 км) и Жерновец (4 км), возможно, к этому центру тяготел и клад Волобуево. На этом фоне расселение представителей племенной аристократии в одной хорошо защищенной центральной крепости выглядит не чуждым искомым северянским реалиям.

Из линейных средоточий наиболее значительной является ворсклинская цепочка памятников протяженностью 62 км. **Рис. 28**. Внутри нее пробелы между памятниками составляют 13–15 км; от других поселенческих средоточий эта череда отделена широкими лакунами протяженностью от 39 до 42 и 67 км (Журавное – Городное, Каменное – Журавное и Ницаха – Горналь). Эта вереница укреплений содержит и парные городища, которые разными исследователями оценивались как протогородские центры, но одновременное существование памятников внутри этих «пар» остается дискуссионным. **Прим. 5**.

Рис. 28. Памятники поречья Ворсклы

Возможно, ведущим центром этой цепочки являлся комплекс Журавного, состоящий из двух лишь шурфовавшихся средоточий с эскарпированными склонами, двух открытых поселений общей площадью 7,5 га и семи курганных могильников. Не исключено, что в северянское время одновременно существовали оба укрепления, гибель которых пришлась на конец X в. Из них городище 1, Демидов Бугор (0,4 га), больше не возобновлялись. **Рис. 27:** ***2***. Более обширный юго-восточный комплекс, городище-2, занимавший три высоких мыса, содержит и материа-

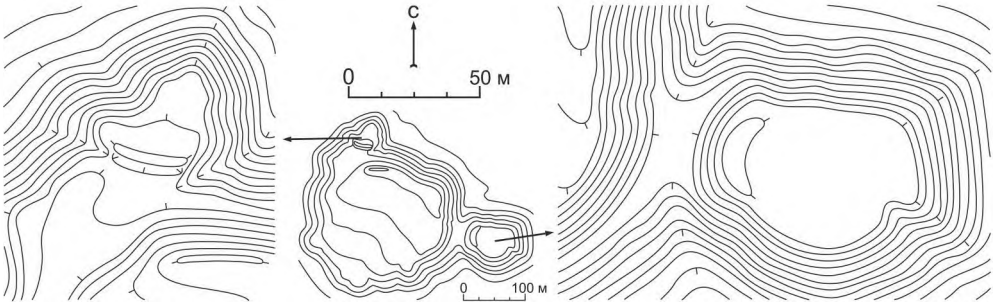

Рис. 29. Журавное-2: юго-восточный комплекс городищ (по А. В. Короте и Е. Н. Осадчему)

лы древнерусского времени. **Рис. 29.** (Третьяков, 1947, с.128; Моця, Петрашенко, 1988, с. 313; Моця, 1993 а, с. 77–79; Берест, 2003, с. 84–86).

Меньшей протяженностью отличается «рыльская» цепочка Среднего Сейма, протяженностью по реке 70 км, прямое расстояние между ее крайними пунктами Капыстичи и Лещиновка составляет 39 км. **Рис. 30: *1***. Городища разделены промежутками от двух и 7–9 до 10–11 км. Несколько больший пробел (16 км) отделяет Лещиновку от Тимохина. Поселенческая лакуна, отделяющая эту группу от вышележащей по течению реки «ольговской», насчитывает 32 км, а до Арбузова, южного укрепления течения Свапы, – 28 км. От Юрасова до попсельского Горналя по прямой – 45 км. Ведущей крепостью этого средоточия было сопровождаемое селищами городище Рыльска площадью 2 га. Достигающие мощности 2 м культурные напластования северянского времени содержат следы разнородного ремесленного производства и внешних торговых связей. К сожалению, скромный объем раскопок не позволил установить время возникновения укреплений, а детальная публикация их итогов осталась за пределами научных планов исследователей (Фролов, 1991, 1994, 2009; Кашкин, 2000, с. 83–90; Енуков, 2005, с. 236, 237; Веретюшкин, 2005, с. 159–167; Енукова, 2005, с. 145-158; Кашкин, 2012, с. 8-11).

Близкую протяженность демонстрирует 35-километровое скопление из шести городищ течения р. Свапы, правого притока Верхнего Сейма. **Рис. 30: *2***. Для нее обычны промежутки между укреплениями в 7–10 км, но от Ратманова 1 и 2 до Старого Города пролегает 19 км: эту лакуну можно объяснить общей слабой изученностью этого региона. Эта концентрация отделена от «рыльской» промежутком в 40 км, а до «ольговской» пролегло 43 км.

Наиболее значительным укреплением этого средоточия является городище Старый Город общей площадью двух его частей 2 га. Прямой аналогией этого памятника является городище Медвежье на р. Ромен. Там аналогичная структура стала следствием выделения древнерусского детинца поверх обширного останца, впервые укрепленного в позднескифский период; в разрезах прослежены и следы реконструкции северянского времени[2] (Моргунов, 1996, с. 51–53, рис. 12: *5*; Кашкин, 1998, с. 180, 181; Бородин, 2004, с. 103). Тем не менее В. В. Енуков не отрицает вероятности причислить Старый Город к остаткам племенного центра (2005, с. 69, 240), хотя и там содержатся напластования раннего железного века. Не исключено и вид-

[2] Следы первоначальных укреплений отражены и расположенным ниже площадки массивным кольцом эскарповидной подрезки с остатками мощных краевых валов.

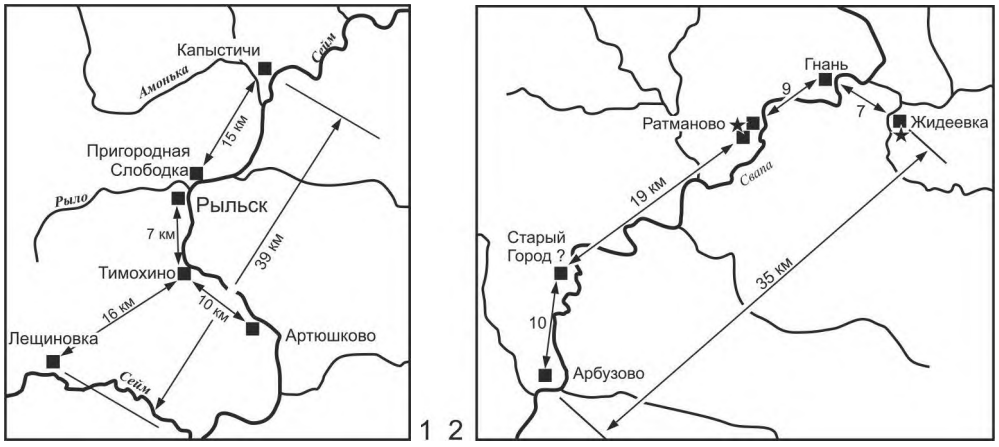

Рис. 30. Рыльская цепочка городищ (1) и памятники р. Свапы (2)

Рис. 31. Броварская (1) и Ольговская (2) цепочки укреплений

ное место окраинного городища Жидеевка: оттуда происходит денежно-вещевой клад куфических дирхемов с византийским милиарисием императоров Василия II и Константина VIII (976–1025 гг.) раннего типа, чеканившегося в 977–989 гг. (Шпилев, 2010, с. 224, 233, 235, 246; Стародубцев, 2012, с. 220–222).

На Среднем Псле размещается череда памятников 36-километровой протяженности, названная Е. А. Шинаковым «Броварской». **Рис. 31: *1***. Ее городища распределены с промежутками от 6 и 14 км. От Ворожбы цепочка отделена лакуной в 37 км. В этом скоплении стационарно исследовалось только Каменное (около 0,3 га). Размеры его укрепления и состав находок не позволяют его принять за сколько-нибудь существенный центр (Сухобоков, 2012).

На верхнем течении Сейма к линейной форме поселенческой концентрации можно отнести состоящую из пяти городищ 20-километровую Ольговскую цепочку, прилегавшую к летописному г. Ольгову – Льгову. **Рис. 31: *2***. Городища этого небольшого средоточия разделены промежутками 6, 10 и 11 км. Оно надежно локализуется по отношению к западному и северному скоплениям памятников, хотя от Дроняева до Липина, если последнее считать частью курского средоточия, всего 16 км. Впрочем, их разделяют три правых притока Сейма.

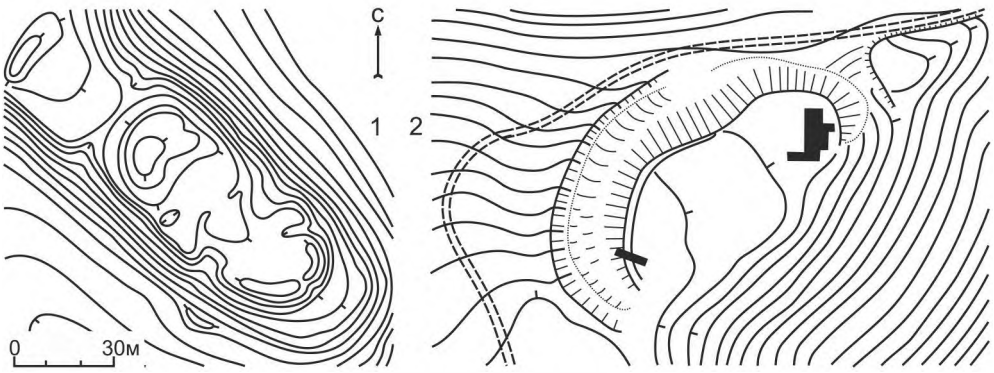

Рис. 32. Гочево: 1 – городище Крутой Курган (по А. В. Кашкину); 2 – городище Царский Дворец (по Г. Ю. Стародубцеву)

Цепочки меньшей длины имеют менее выраженную структуру. Это допускает условность их выделения в группы, хотя на этом настаивает историографическая традиция.

Так, на р. Ромен прослеживается 17-километровый линейный отрезок между крепостью в Красном Колядине и упоминавшемся выше двухчастным укреплением Медвежье. **Рис. 23:** ***6***. В северянскую эпоху памятник, вероятно, имел единую площадку размером 0,8 га, а на его неординарность указывают прилегающее открытое поселение (13 га) и ряд хуже изученных селищ на соседних мысах. Вблизи городища и на противоположном берегу Ромена насчитывалось до пяти курганных могильников. Концевые укрепления «связывались» размещенным посередине поселением с гигантским курганным некрополем в с. Липовое (Моргунов, 1996, с. 51–53).

Через 25 километров, между впадением в Сулу рек Ромена и Локни, размещается 17-километровый сгусток, включающий городища в Ромнах, Шумске (хутор Вашкевича) и Глинске, размещенных через 12 и 5 км. **Рис. 23:** ***7***. Особенностью этого скопления является то, что даже ближайшие укрепления разделены глубокими оврагами и болотистыми притоками Сулы.

На слабо укрепленном городище Монастырище (0,3 га) со скудным культурным слоем и небольшим селищем признаков протогорода нет. Следы могильника и поселения обнаружены на высоком плато в уроч. Замок, но его размеры, интенсивность жизни и наличие укреплений этого времени не установлены. Более значительным могло быть слабо изученное укрепление Глинск с курганным некрополем и тремя плотно размещенными городищами с эскарпированными склонами. Но оттуда происходит только лепная северянская керамика IX в. и обломки красноглиняной салтовской посуды, а фрагменты гончарных сосудов с «манжетами» единичны (Моргунов, 1996, с. 54).

В соответствии с первым пунктом перечня А. В. Кузы, в литературе особое внимание обращалось на парные укрепления. Традиционно в литературе к ним принято относить Гочево, включающее два небольших укрепления, обширные селища и гигантский могильник. **Рис. 32**. Судя по керамическим материалам, крепостица Крутой Курган могла быть сожженной Святославом по пути в Хазарию, городище Царский Дворец более позднее, а могильник могли оставить «мужи лучшие», традиционно проживавшие на обширном открытом поселении. **Прим. 6.** Протогород-

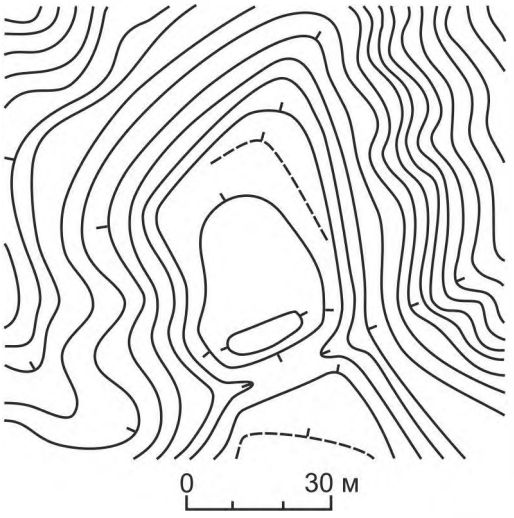

Рис. 33. Городище Великая Рыбица (по А. В. Короте и Е. Н. Осадчему)

ские признаки в этом комплексе не обнаружены. Тем не менее ближайшие укрепления придают ему черты локального центра. Это расположенные в 7–9 км ниже по течению реки городища Долгий Колодезь 1, 2 и 5 с мощными напольными валами и эскарпированными склонами (Кашкин, 2000, с. 143–145).

Неординарным памятником традиционно считается Горнальский комплекс. **Рис. 23: *9*. Прим. 7**. На прилегавшем пятикилометровом отрезке течения Псла его сопровождало 18 открытых поселений общей площадью 24 га и 4 курганных могильника. Его можно было бы ввести в круг северянских поселенческих средоточий среднего уровня, если бы синхронными ему оказались соседние городища, Малое (Фагор) и Девич Гора, но одно почти не исследовалось, а другое уничтожено. Если же эти укрепления не были синхронными Большому городищу, то горнальский комплекс выглядит довольно скромным на фоне более четких крепостных средоточий. Да и положительно воспринятая в литературе датировка вала «посада» X веком до сих пор материалом не обоснована. Несомненно, Большой Горналь располагал отдельными признаками протогорода и широкой сельскохозяйственной округой[3]. Но кроме этого, от множества других северянских крепостей его отличают лишь объем исследованной раскопками площади и размер заселенной площадки, достигающий 1,7 га: это в разы больше множества племенных городков роменской культуры. С этим комплексом могло быть связано укрепление Великая Рыбица, расположенное шестью километрами южнее, на левом берегу Псла. Его напластования содержат немного лепной северянской и гончарной древнерусской керамики (Куза, 1996, с. 192). Но инструментальный план памятника сближает его с укреплениями эпохи огнестрельного оружия прямолинейных в плане очертаний вала и рва. Оттуда происходит и позднесредневековая керамика (Приймак, 2007, рис. 45). **Рис. 33**.

Таким образом, значительное количество скоплений, которые исследователи относили к «парным», вероятно, были одиночными укреплениями со свитами сопровождавших их селищ и могильников.

Следует отметить неясность мотивов некоторых авторов, интерпретировавших одиночные городища в качестве остатков протогородских или племенных центров.

Несомненно, значительным поселенческим центром являлось северянское средоточие в Полтаве (уроч. Иванова Гора, Соборная площадь) с кладом серебряных вещей, встречены и предметы импорта. Площадь окрестных открытых поселений достигала 45 га; обнаружены и остатки некрополя (Супруненко, 1998 а, с. 78, 82, 97; 1999 а, с. 24; Приймак, 2007, с. 78). Существенной поддержкой этого

[3] В свое время я пытался связать с горнальским сгустком двухчастный комплекс Зелёного Гая (1994, с. 119), но это было ошибкой: разделяющее их расстояние (28 км по прямой) слишком велико.

является покрытый лесами 50-километровый разрыв между городищами Глинска и Полтавы, а также существование поблизости последней еще трех, правда, недостаточно убедительно датированных городищ (Приймак, 1997 б, с. 113; 1999 б, с. 14: Супруненко, 1999 б, с. 24; Супруненко, Пуголовок, 2015, с. 25). Между тем представления о сопровождающих полтавский центр памятниках не вполне однозначны: в разночтениях из работ исследователей проступает желание расширить полтавскую поселенческую зону. **Прим. 8**.

Не совсем понятно, почему к протогородским центрам отнесен расположенный в верховьях Ворсклы Хотмыжск площадью 0,2 га и селищем не более 2 га. Это небольшое общинное убежище со столбовыми укреплениями и одним-двумя жилищами, которые, по мнению автора раскопок, могли «принадлежать представителям социальной верхушки коллектива». Между тем отражавший их присутствие инвентарь исчерпывается всего лишь бронзовой подвеской и фрагментом серебряной гривны (Дьяченко, 1990, с. 28, 29; 1993, с. 34; 2008 б, с. 84; Приймак, 1993 б, с. 11, 12).

Приведенный обзор показал, что возникшие на волне горнальского примера попытки отождествления множества памятников с протогородами нуждаются в более глубокой археологической поддержке. К близкому выводу в свое время пришел и А. А. Узянов (1993, с. 89). Но это не окончательный вердикт: пример Горналя показал, насколько стационарные раскопки и тщательное изучение округи глубже раскрывают особенности, не выявленные поверхностными осмотрами, сборами подъемного материала и шурфами. Думается, что при сопоставимых методах и объемах изучения ныне известные признаки этой популярной теперь категории памятников будут обнаружены у множества других укреплений, а вопрос о «протогородах» сам собой утратит оригинальность.

Возвращаясь к размещению восточносеверянских укреплений (**рис. 23**), обратим внимание на распределение памятников лесостепи в более широком плане. Так, зоны концентрации укреплений Посеймья более обширны и лучше структурированы, по одному значительному скоплению прослеживается на Псле, Ворскле и в верховьях Северского Донца. А на Суле поселенческая структура имеет более рассеянный облик. Сходное размещение памятников фиксировали А. А. Узянов на основе анализа роменских городищ и поселений и Е. А. Шинаков, выделивший «группы концентрации памятников» – городищ и курганных некрополей X–XIII вв. (Узянов, 1991, с. 151–153, рис. 5; 1993, рис. 3; Шинаков, 1991, с. 82, рис. 1). Это показывает, что распределение племенных укреплений отражает реальную картину северянского расселения.

Наметившееся таким образом структурное различие в особенностях концентрации укреплений, разделенных обширными неосвоенными водоразделами, могло быть связанно со спецификой формирования в занятых ими поречьях. Определенную роль могли сыграть несколько отличавшиеся племенные традиции или особенности хозяйственного быта в условиях решаемых военным путем межплеменных разногласий или началом внедрения интересов Руси. Это позволяет не исключать предположения о том, что сокращенный список северянских рек из недатированной части ПВЛ соответствует известным летописцу легендарным сведениям лишь о части малых племен северянского племенного союза.

Подобное предположение принципиально противоречит содержащемуся в вышеприведенных работах мнению А. А. Узянова о размещении малых племен на территориях радиусом 60–80 км. **Рис. 34**. Думается, что «геометрическое» решение поселенческих форм ошибочно: реальная жизнь более прозаична, скорее, она подчинялась законам выживания в условиях приречного освоения пригодных для

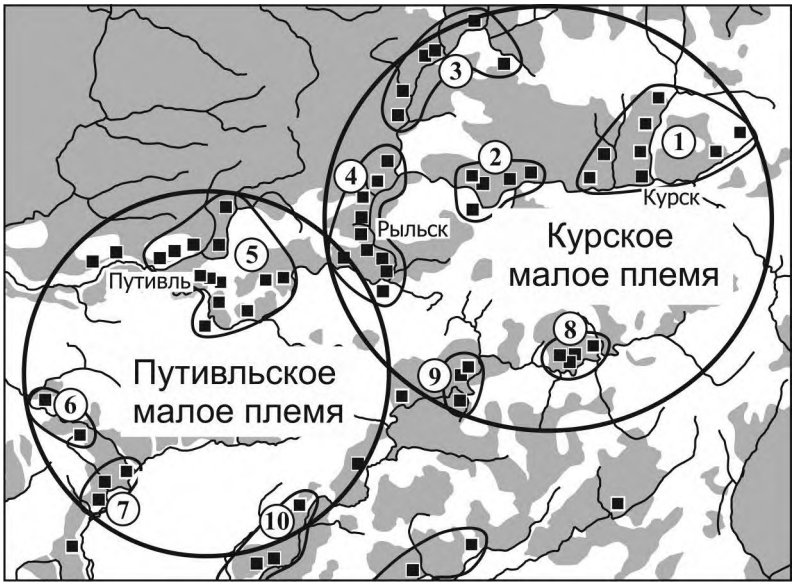

Рис. 34. «Циркулярная» форма размещения малых северянских племен (по А. А. Узянову)

использования земель. Исследователь понимал это, оговаривая свой «геометризм» гипотезой Б. А. Рыбакова о прохождении по водоразделам трассы международной караванной торговли. Но смысл пролегания дальних путей противоположен: они намеренно не затрагивали освоенных коренным населением земель, в данном примере – еще не присоединенных к Руси северян. Но в схему А. А. Узянова уложились по два компактных поселенческих средоточия, разделенных обширными лакунами: их могла объединить лишь власть государства уже после «окняжения» северян.

Из всех восточносеверянских земель Посеймье с одной стороны соприкасалось с ведущей из Киева торговой трассой, с другой – с черниговской ветвью освоения северян Русью. Это могло ускорить структурирование посеймского расселения. На другой стороне восточносеверянского мира на рубежах с Хазарией сложился столь же компактный верхнедонецкий анклав укрепленных поселений: оба очага значительно ближе к нашему представлению о структурных единицах малых племен.

Уважаемые предшественники отмечали, что меньшие цепочки средоточий – микрорегионов по размерам близки к позднейшим волостным образованиям в составе княжеств (Шинаков, 1991, с. 82; Узянов, 1993, с. 91). Прослеженная выше протяженность разделявших их поселенческих лакун не одинакова: преобладали пробелы в 28–36 км, меньшее число разрывов укладывалось в 42–47 или в 20 км. В свою очередь, протяженность большинства прослеженных цепочек составляли группы по 17–20 и 32–35 км.

По А. А. Узянову, основными структурными единицами лучше изученных микрорегионов являлись комплексы из одного небольшого укрепления, 5–12 селищ-хуторов и небольшого курганного некрополя, отделенные от соседей неудобьями шириной 1–3 км (Узянов, 1987, с. 256). В подавляющем большинстве на подобных комплексах находят небогатый бытовой ассортимент и следы сельскохозяйственной деятельности. Они напоминают о расселении небольшой

соседской (территориальной) общины – «верви» Русской Правды (Куза, 1985 б, с. 101, 102). Поэтому не исключено, что одиночные северянские городища – это укрытия одной-трех соседских общин, выделившихся из переполненных поселенческих массивов в поиске новых земель.

Менее массовые перемещения наблюдались в ходе позднейшей русской колонизации средней полосы. Отличие состоит в том, что в последнем случае уходившие ветви больших семей (родовых общин) не испытывали внешней опасности и на новых местах ограничивались строительством жилья с подсобными службами. На северянских же землях не составляло особого труда силами переселившихся обитателей 5–10 хуторов защитить удобный мыс примитивной засыпной стеной из двухрядного частокола или каркасно-столбовой конструкции. Немногим больше труда затрачивается на обновление такого сооружения: уже при жизни первого поколения поселенцев ров значительно углублялся, а новая стена возносилась на гребень вала солидной высоты.

Более значительные регионы содержали по несколько укрепленных убежищ; расстояния между ними в большинстве насчитывают от 3 до 13 км. Значительная часть площадей этих средоточий не превышала радиуса распространения продукции деревенских ремесленников, близкого к 10–15 км (Рыбаков, 1948, с. 443–452, Шинаков, 1991, с. 82–84).

Смысл наиболее популярных промежутков между городищами раскрывается и на сопоставимом примере хозяйственного использования окружающих земель носителями салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. в лесостепном бассейне Среднего Дона. Там экономически было нецелесообразно использование пахотных угодий за пределами 4–5 км от поселений (Афанасьев, 1987, с. 24, 29). Следовательно, взаимное размещение убежищ соседских общин в первую очередь было обусловлено компактным и рациональным использованием пролегавших между ними земель. Расчлененный рельеф высоких речных берегов содержит множество удобных мысов. Это позволяло тщательнее подбирать место для обеспечения безопасности населения, удобства сообщения с ближайшими общинами, учитывая и пригодность ближайших земель к ведению сельского хозяйства.

Интерес представляет и эксплуатация «салтовцами» приречных полос, в ширину достигавших 10 км. Подобное удаление от сел и в относительно недавнее время применялось для выпаса крупного рогатого скота. А для древнерусского времени это совпадает с территориальным размещением в рыльской цепочке отодвинутых от основной речной магистрали укреплений Коренское и Городища на р. Амоньке. Если применить эту норму для вычислений площадей линейных поселенческих средоточий, то размеры земельных угодий ворсклинской и рыльской «линий» составят, соответственно, до 620 и 500 км^2. Близкими цифрами будет оцениваться и площадь верхнедонецкого скопления, если к пространству между укреплениями добавить изгиб рек при впадении р. Уды в Северский Донец. Эти площади сопоставимы и с размерами путивльского средоточия памятников, но ставят под сомнение приведенное выше расширение размеров «курского» средоточия за счет присоединения к нему более удаленных южных укреплений.

Более реальными покажутся и размеры угодий меньших, но достаточно популярных поселенческих средоточий, приближающихся, соответственно, к 170–200 и 320–350 км^2.

В целом структура восточносеверянских земель представляется следующим образом. Верхним звеном союза были малые племена лесостепных поречий. На это указывают разделявшие их незаселенные промежутки водораздельных

междуречий и присущие каждому индивидуальные структурно-поселенческие особенности. Среднее звено – это двухъярусная форма концентрации населения в локальные средоточия; из них меньшая, чаще встречавшаяся в Посулье, объединяла до трех укреплений с открытыми поселениями. А низовым звеном являлась соседская община из 5–15 небольших селищ-хуторов, владевшая землями в ограниченном неудобьями условном радиусе 5–10 км и коллективным трудом создававшая общее убежище. Но в массе преобладали множественные скопления, в разной степени приближавшиеся к волостному типу территориального деления княжеского периода. Эта аналогия уместна, поскольку в процессе «освоения» Русью племенных земель основная часть северян осталась близ насиженных мест. Отличие между северянским и древнерусским расселением существовало лишь в период «окняжения», когда уничтожали племенные убежища, а северян концентрировали в размещенные неподалеку более обширные поселения. А по мере утраты племенных признаков, похоже, их потомки вновь занимали прежде обжитые земли. Но это уже тема дальнейших наблюдений.

Присоединение Русью восточносеверянских земель

Оценка проводившейся Владимиром административной реформы затруднена скудостью летописной информации о ходе присоединения к Руси племенных земель: ее затмили полулегендарные сюжеты, летописная лакуна рубежа X–XI вв., перипетии борьбы за киевское княжение и хаотично собранные в единый массив итоги княжения Ярослава Мудрого. Поэтому важнейшим источником событий этого периода, в том числе и «окняжения» северянских земель Руси, вновь являются археологические материалы. Исследователи с разных сторон подходили к этой проблематике, поэтому их выводы порой противоречивы. Отчасти это могло быть следствием многогранности этого явления. Я не берусь ответить на все поднятые предшественниками вопросы. Тем не менее новые материалы заставляют вернуться к рассмотрению ключевых моментов и существующих разночтений.

Вовлечение племенных земель в политическую, юридическую и хозяйственную орбиту Руси принято называть «освоением государственной территории», «огосударствлением северянских земель» или их «окняжением». Как было показано выше, на первом этапе этого процесса Русь сначала освободила северян от хазарского влияния, а затем «освоила» северо-западную часть племенного союза. Естественной реакцией этой экспансии стало активное укрепление восточносеверянской провинции племенными крепостями.

Под «освоением государственной территории Руси» подразумевается распространение на племенные земли аппарата принуждения в виде княжеской дани и суда (Насонов, 1951, с. 5–9). Последовательность этого процесса прослеживается в легендарной летописной версии присоединения древлянской земли. Начальным этапом их «окняжения» считается возложение около 883 г. архаической дани «по черной куне» при сохранении местной знати. Через 30 лет, около 914 г., князь Игорь возложил на древлян и дань «больше олеговой» (ПСРЛ, т. 1, с. 24, 42; т. 2, с. 17, 31).

Этот первоначальный, довольно неторопливый ход закрепления данной племенной территории занял немногим более 60 лет. Возможно, подобное пассивное «обладание» древлянами продолжалось бы и дальше, но побуждаемая варягами жадность князя Игоря ускорила процесс, и в 944/945 г. аборигены его убили. Местью княгини Ольги при участии воеводы Свенельда и малолетнего князя Свя-

тослава было сожжение Искоростеня и других городов. Примечательно, что уничтожение древлянских городов и осада их столицы обозначены походом одного года. Это вполне реально: племя не могло оказать сопротивления дружине, располагавшей профессиональным оружием и опытом дальних походов.

С учетом незначительного разночтения летописных версий, «окняжение» древлян имело репрессивный характер: старейшины были сожжены или «изъяты», другие были убиты или переданы Ольгой «мужемъ своимъ». На оставленных у родных очагов возложили тяжелую дань, затем княгиня с дружиной прошла по древлянской земле, «уставляющи уставы и уроки», опорные пункты-становища и зафиксировала княжеские охотничьи угодья-ловища (ПСРЛ, т. 1, с. 54–60; т. 2, с. 43–48). «Мужи» окружения княгини могли там осесть в качестве новой аристократии и ведущей части княжеского аппарата принуждения, осуществлявшей регулярную форму отчуждения прибавочного продукта. В их власти была возможность вывести свою долю древлян на новые места или оставить поблизости, при опорных становищах.

Таким образом, и присоединение других земель означало истребление или перемещение военно-жреческой знати в иную поселенческую среду, структурирование дани в пользу Руси. В его основе лежало уничтожение племенных городков – опоры местного самоуправления и оплотов сопротивления. Новым явлением могла быть попытка замены язычества христианством. Несмотря на жесткое проведение такой политики, подобные методы феодализации способствовали объединению родственных племенных образований и сложению единой общерусской культуры.

Подобная мера была универсальным явлением, известным по материалам Германии, Польши, Чехии и Моравии (Кучера, 1999, с. 167, 168). Им сопровождалось любое завоевание и присоединение территорий. В Южной Руси подобным образом действовали в 1172 г. киевский князь Глеб Юрьевич и в 1241 г. Даниил Галицкий (ПСРЛ, т. 2, с. 550, 792). И монгольские военачальники перед началом завоеваний договаривались разрушать побежденные города и на Руси следовали ему, удостоверяя «образъ побѣды» (Рашид-ад-Дин, 1952, с. 39; ПСРЛ, т. 2, с. 849, 850; Моргунов, 2009, с. 59, 80, 81).

Тем не менее исследователи старой школы придерживались мнения о мирной интеграции северян в государственные структуры на пути к общерусскому единству. Так, основной приверженец этой гипотезы О. В. Сухобоков даже допускал «добросовестную фиксацию» летописцами эпизодов расширения государственной территории, поэтому следов поэтапного исчезновения северянского этноса в источниках нет. Это означает врастание северян в общерусскую политическую среду без военных конфликтов (1992, с. 50, 56, 57, 115; 2012, с. 306, 307). Этой идее следует и новейший последователь, полагающий, что крепости Сновска и Новгорода-Северского эволюционно видоизменились в русские города (Казаков, 2013, с. 86; 2010, с. 111). Причину подобного порой видят в не подтвержденном письменными и археологическими источниками появлении русских гарнизонов на северянских укреплениях (Комар, 2012 в, с. 157).

Следуя намеченной еще В. И. Довженком линии, О. В. Сухобоков отверг существование маркированной пожарами и стерильными прослойками лакуны между северянскими и древнерусскими напластованиями. Более того, Владимир Святославич якобы строил в северянской земле новые укрепления и даже реконструировал («на что прямо указывает летописец») роменские крепостицы (Довженок, 1952, с. 253–267; Сухобоков, 1975, с. 56, 85, 153; 1988 д, с. 36, 37; 1990, с. 80; 1992, с. 49, 56, 84, 85, 89, 100, 115, 194, 199).

Впрочем, в отдельных примерах научная добросовестность О. В. Сухобокова всё же допускала, что в XI в. часть роменских укреплений опустела, а небольшие мысовые укрепления начали вновь заселяться значительно позже (1992, с. 144; 2012, с. 250). Это пояснялось тем, что «непрерывно существовавшие» северянские укрепления предполагались им лишь к востоку от Сулы (Сухобоков, 1998, с. 64; 1990, с. 80). Поэтому его последователи и ученики искали подтверждения этому в поречьях Псла и Ворсклы (Приймак, 1993 а, с. 97, 98; 1999 б, с. 14; Берест, 2003, с. 87). Иногда это приводило к разногласиям относительно оценки заселенности укреплений верховий Северского Донца (ср.: Моця, 1999, с. 8; Приймак, 2007, с. 78).

Как показывает научное наследие М. П. Кучеры, осмысление новых материалов на этом всё же не остановилось. Поначалу исследователь полагал, что «большинство северянских укреплений-городков сохранялось вплоть до XII–XIII вв.». И хотя их значительная часть была якобы сожжена печенегами в конце X в., большинство всё же было восстановлено и существовало до XII–XIII вв. Но позже скрупулезное изучение городищенских материалов привело его к выводу о том, что на рубеже X–XI вв. по тем или иным причинам опустело не менее сорока северянских укреплений, и только часть их была восстановлена в XII в. (Кучера, 1975, с. 122, 142; 1999, с. 114).

Сходный путь прошла другая группа исследователей, также опиравшаяся на результаты полевого изучения памятников.

Так, И. И. Ляпушкин выражал несогласие с датировкой В. И. Довженком городища Волынцево исключительно северянским временем: на памятнике находили керамику, шиферные пряслица, стеклянные браслеты и печи древнерусского времени (Ляпушкин, 1961, с. 248; Кучера, 1999, с. 95). А. В. Кузой были всесторонне обоснованы закономерности, которые привели к гибели племенных укреплений. Одни из них противоречили интересам государства, на других разложение общинных порядков под напором феодально-классовых отношений привело к естественному угасанию жизни (Куза, 1985 в, с. 50; 1985 г, с. 68; 1989, с. 67–69, 160; 1996, с. 35–37). Это подтвердили региональные исследования. Так, на рубеже X–XI вв. почти одновременно погибло большинство северянских укреплений Подесенья (Григорьев, 1988, с. 74; 2006, с. 100; 2012 а, с. 379), Посеймья (Узянов, 1987, с. 256; Кашкин, Узянов, 2006, с. 127; Енуков, 2008 а, с. 134), поречья Псла (Приймак, 1993а, с. 97, 98) и на Ворскле (Приймак, 1993 б, с. 97, 98; 2007, с. 65). Укладывается в эту схему и лучше изученная часть Правобережья Днепра (Петрашенко, 2005, с. 16, 18).

В результате сложилась альтернативная, но также довольно обобщенная картина освоения Русью племенной территории восточных северян. Она предполагала насильственный путь присоединения новых земель. Эти выводы нуждаются в дополнительной конкретизации и картографировании лучше изученных племенных укреплений, но прежде следует определить основные направления, вдоль которых могли двигаться княжеские войска с целью «освоения» северянской территории.

Упоминавшаяся выше ранняя «черниговская» волна «окняжения» распространялась не только вверх по Десне, но и к востоку от нее, по правому берегу Сейма вплоть до Путивля. Позже этот город не служил предметом межкняжеских территориальных споров, что означает раннее сложение там черниговских территориальных интересов (Зайцев, 1975, с. 97).

Овладение государством остальной частью восточносеверянских земель инициировалось непосредственно Киевом и продвигалось двумя путями, позже определившими характер формирования подконтрольных столице террито-

риальных образований. Вероятно, важнейшим был «водораздельный вектор», отсекавший черниговские устремления к окскому водному пути, а также к Курску с Рыльском, откуда открывались пути к северным и северо-восточным владениям Киева и, вероятно, в Волжскую Болгарию. Напомню, что «окняжение» курского Посеймья начинал киевский князь Святослав. Судя по господствовавшему там к рубежу X–XI вв. общерусскому погребальному обряду с «русифицированным» инвентарным сопровождением, в Посеймье к этому времени уже сложился киевский анклав с этноопределимым северянским наследием (Шинаков, 1991, с. 90–92). Таким образом, окрестности сухопутного водораздельного пути стали северной киевской осью охвата восточносеверянских земель. Убедительность этой версии состоит в том, что позже этот вектор стал линией устойчивой демаркации между лесным (черниговским) и лесостепным (переяславским) территориальными образованиями.

Рис. 35. Вторжение Руси на северянские земли Средней Сулы. А – общерусские поселения; Б – селища и укрепления северян; В – Змиевы валы

Южный вектор «окняжения» определился в процессе изучения Змиевых валов, сопровождавших их открытых поселений и раскопок посульских городищ (Моргунов, 1998, с. 37, 38). Они показали, что северное окончание «длинной стены» Змиева вала на 30 км вклинилось в аборигенный северянский массив. **Рис. 35**. Это вызвало гибель самой южной северянской крепости Лукомье; выше по реке на высоком правобережном мысу обнаружены следы сожженного поселения Мацковцы, остатки которого обнаружены в подслое летописного г. Снепорода. Новый поселок площадью 2 га состоял из двух частей: в его жилой зоне незаселенный проход-улица вел от основания мыса к незастроенному культовому центру. Характер завоевания иллюстрируют многочисленные находки этого периода, указывающие на присутствие среди нападавших «мужей лучших» Владимира Святославича. **Рис. 36**. **Прим. 9**.

Далее протяженное ограждение протянулось до также прекратившего свое существование роменского поселения в Лубнах. Вероятно, нападение вызвало оборонительную реакцию: в конце X в. на Удае, в 11 км по прямой от Лубен, была построена роменская крепость Хитцы (Григорьев, 2000, с. 204). Судя по ее размерам (1,9 га) и высокой насыщенности культурного слоя, она стала узловым оборонительным пунктом на насильственно отодвинутой северянской окраине (Моргунов, 2011, с. 261). Но она продержалась недолго: присоединение северянских земель на этом не остановилось.

В результате этих действий Киев смог переселить часть северян южнее, в степное Посулье, для его укрепления и защиты, а также обеспечить строитель-

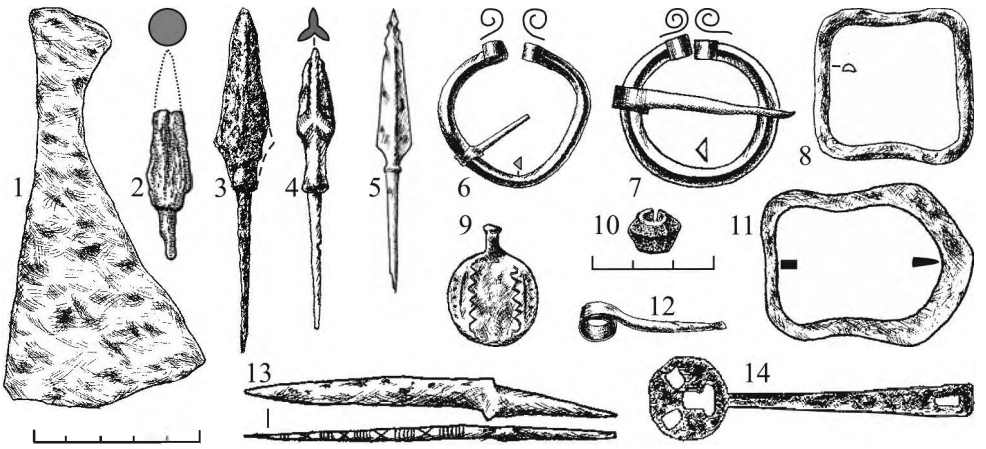

Рис. 36. Мацковцы: материалы, связанные с окняжением и ранними контактами нового населения. 1 – боевой топор; 2–5 – наконечники стрел; 6 , 7, 12 – фибулы из латуни и язычок фибулы; 8, 11 – подпружные пряжки; 9 – монетовидная привеска; 10 – стеклянная бусина; 13 – нож с «календарем»; 14 – ключ

ство протяженных укреплений лесом. Таким образом, внедрение Руси в северянскую окраину предшествовало началу создания нижнесульского ограждения. Это заставило северян вживаться в новые политические реалии: осваивать непривычные условия жизни, приспосабливаться к тяготам феодализации, осуществлять невиданный объем строительных работ и, вероятно, наравне с пришлыми контингентами участвовать в военных действиях. Итоги этих наблюдений были образно подведены А. П. Моцей, считавшим, что восточносеверянские земли сначала были взяты «в клещи», а затем началось планомерное огосударствление всей племенной территории (2000, с. 273).

На основании проведенной выше выборки лучше изученных памятников рассмотрим, насколько последовательно в процессе окняжения Русь избавлялась от племенных северянских «городков». Для этого приходится вновь учитывать степень изученности объектов. Наиболее убедительными являются малочисленные материалы городищ, исследовавшихся раскопками или качественно проведенными разведками. Хронология использования иных укреплений хуже поддается анализу, если материалы были получены поверхностными изысканиями или «объездами» прежних лет. Тем не менее материалы обоих массивов отражают различие, отразившееся в хронологической оценке северянских и древнерусских напластований. Так, если в прежние времена северянское городище датировали X или IX–X веками, это означает прекращение жизни на укреплении. Если же авторская датировка зафиксировала существование напластований XI–XIII вв., это в общем приближении оценивается как последовавшее не ранее конца XI в. возобновление крепости.

В итоге оказалось, что из 32 более или менее пригодных для анализа городищ Посеймья сгорело или по иным причинам было навсегда оставлено только 6 укреплений. **Рис. 37**. Подробнее эта картина может быть проиллюстрирована лишь в незначительной степени: даже в полевых отчетах недавних лет керами-

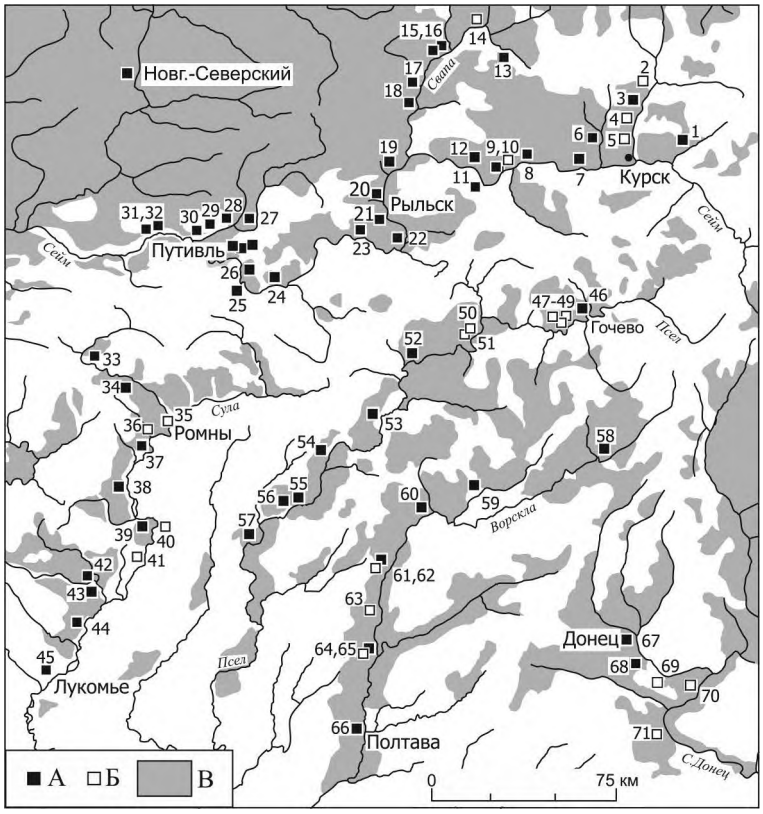

Рис. 37. Уничтожение Русью племенных укреплений-убежищ.
А – погибшие в пожарах или заброшенные укрепленные поселения, на которых после продолжительной лакуны возникли древнерусские крепости;
Б – невозобновлявшиеся северянские крепости; В – древние лесные массивы.

Посеймье: *1 – Беседино; 2 – Свобода; 3 – Переверзево-2; 4 – Мешково-2; 5 – Шуклинка; 6 – Гнездилово; 7 – Липино; 8 – Дроняево-1; 9, 10 – Погореловка 1 и 2; 11 – Сугрово; 12 – Люшинка; 13 – Жидеевка; 14 – Гнань; 15, 16 – Ратманово-1 и 2; 17 – Старый Город; 18 – Арбузово; 19 – Капыстичи; 20 – Пригородная Слободка; 21 – Тимохино; 22 – Артюшково; 23 – Лещиновка; 24 – Волынцево; 25 – Лухтовка; 26 – Латышевка; 27 – Ховзовка; 28 – Волокитино; 29 – Воргол; 30 – Литвиновичи; 31, 32 – Божок-1 и 2.*

Посулье: *33 – Красный Колядин; 34 – Медвежье; 35 – Монастырище; 36 – Шумск; 37 – Глинск; 38 – Свиридовка; 39 – Гаевщина; 40 – Бодаква; 41 – Васильки; 42 – Городище; 43 – Хитцы; 44 – Лубны; 45 – Лукомье.*

Псёл: *46 – Гочево; 47-49 – Долгий Колодезь 1, 2, 5; 50 – Большой Горналь; 51 – Горналь (Фагор); 52 – Зелёный Гай; 53 – Ворожба; 54 – Каменное; 55 – Кнышевка; 56 – Броварки; 57 – Сары.*

Ворскла: *58 – Хотмыжск; 59 – Ницаха; 60 – Заречное-1; 61, 62 – Журавное-1 и 2; 63 – Куземин; 64, 65 – Глинск 1 и 2; 66 – Полтава.*

Северский Донец: *67 – Карачевка; 68 – Хорошево; 69 – Водяное; 70 – Мохнач; 71 – Коробовы Хутора*

№ п/п	Конец X - нач. XI вв.	XI в.	Конец XI и далее
1			
2	?		
3			
4			
5			
6			

Рис. 38. Керамика городищ поречий Сейма, Псла и Ворсклы.
1 – Латышевка (по О. В. Сухобокову); 2 – Лухтовка (по О. В. Сухобокову);
3 – Каменное (по А. В. Сухобокову); 4 – Ницаха, Малый Балкан (по О. В. Сухобокову);
5 – Заречное-2, Кукуево городище (по М. П. Кучере и О. В. Сухобокову);
6 – Журавное (по А. П. Моце и Р. С. Орлову)

ческие материалы отражались неполно. **Рис. 38**. Соответственно, из тринадцати оставшихся укреплений течения Псла жизнь прекратилась только на шести, а семь городищ были восстановлены после длительной лакуны. Это хорошо отражено исследованиями Каменного, где в руинах стен двухрядный частокол с северянской засыпкой перекрывался остатками срубной стены с развитой гончарной керамикой, но материалы середины XI в. на памятнике не обнаружены (Ляпушкин, 1961, с. 256, 258, рис. 108; Сухобоков, 1992, с. 166, рис. 14: *А, Б*).

В поречье Ворсклы из 10 северянских укреплений только относительно трех известно о прекращении их существования. По мнению исследователей, в пожарище погибло и более не возобновлялось Кукуево городище в Заречном (Берест, Осадчий, 2001, с. 105, 106, рис. 6: *В*; Берест, 2003, с. 106). Между тем в насыпь роменского вала не ранее второй половины XI в. была врезана глинистая забутовка древнерусской городни с внутренней пустотелой клетью (Моргунов, 2009, с. 86, рис. 32: *1*). Обилие синхронного материала на прилегающем селище позволяет идентифицировать крепость этого времени в качестве незаселенного убежища. Аналогичные лакуны представлены в Хотмыжске, Большом Балкане, Ницахе, в округлом укреплении Старая Ивановка, Журавном-2 и в Глинске-1, уроч. Городище (Дьяченко, 2008 б, с. 84; Ляпушкин, 1949, с. 395; Григорьев, 1991, с. 86; Супруненко, 1998 а, с. 78; Берест, 2003, с. 85). Завидным исключением являются открытые поселения Полтавы, где лепная северянская керамика доживает до середины XI в., а гончарная указывает на непрерывное существование поселения. **Рис. 39**. Это показывает, что с расширением ареала раскопок представленную выше картину придется пересмотреть. Этому соот-

№ п/п	Конец X - нач. XI вв.	XI в.	Конец XI - XIII вв.
1			
2			
3			
4			

Рис. 39. Керамика поселений Полтавы.
1 – материалы раскопок И. И. Ляпушкина из фондов Эрмитажа, Полтавского КМ, публикации И. И. Ляпушкина (1961, рис. 158) и А. Б. Супруненко (1998а, рис. 100); 2 – заполнение посадского жилища 11а (Кулатова и др., 1999, рис. 3); 3 – материалы хозяйственной постройки 2 раскопа 7 на Институтской Горе (Супруненко и др., 2001, рис. 17); 4 – керамика жилища 6 на Институтской Горе (Супруненко и др., 2009 а, рис. 63, 73, 84, 86)

ветствует и некоторое «запаздывание» этого процесса на северянских памятниках верховий Северского Донца: в Коробовых Хуторах, Водяном, Хорошеве и Мохначе (Колода, 2007, с. 13; Колода В. В., Колода Т. А., 2005–2009, с. 251; Горбаненко и др., 2009, с. 83; Колода, 2012, с. 68, 69; Комар, 2012 в, с. 156, 157).

По мнению А. В. Комара и О. В. Сухобокова, Посулье отличается высоким процентом «адаптации» северянских поселений к новым условиям (2004, с. 171). В. В. Приймак даже выделил этот регион в связи с присутствием на его городищах материалов XI в. (1997 б, с. 110). С этим нельзя не согласиться с одной оговоркой: сопровождавшие лепную керамику гончарные формы с «манжетами» едва заходили в рубеж X–XI вв. В свою очередь, фрагменты посуды развитого XI в. встречены лишь в Красном Колядине, Ромнах, Сенче и Лукомье, причем они единичны. **Рис. 40**. Из 13 посульских городищ, содержащих роменские напластования, в результате «окняжения» окончательно запустели только 4: «городище Вашкевича» в Шумске, Бодаква (Панское), Васильки и Монастырище в г. Ромны[1] (Макаренко, 1907, с. 68–72; Моргунов, 1988 а, с. 200; Ренський, 1925. 39, 40; Моргунов, отчет 1981 г., с. 14, 15; Григорьев, 1990, с. 61; Сухобоков, 2004, с. 78). **Прим. 10**.

После перерыва были заселены руины оставшихся девяти северянских укреплений. В Медвежьем оба разреза валов содержали слои пожарищ, отделивших руины позднескифских и северянских укреплений от древнерусских середины XII в. Для строительства последних с площадки вплоть до материка были счищены все предшествующие культурные напластования (Моргунов, 1996, с. 52). Аналогичная картина обнаружена при раскопках вала в Гаевщине, Свиридовке и Хитцах (там же, с. 63, 68, 91). В Лукомье, Глинске и Красном Колядине разрезы валов не производились. Но существование лакуны там однозначно:

[1] Следует отметить, что гипотеза А. В. Комара и О. В. Сухобокова о переносе функций северянского Монастырища на высокое плато урочища Замок так и осталась неубедительной.

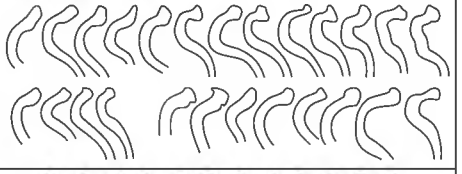
№ п/п	Конец X - нач. XI вв.	Серед. XI в.	Конец XI - серед. XIII вв.
1			
2			
3			
4			
5			
6			
7			
8			
9			
10			
11			

Рис. 40. Керамика посульских крепостей, построенных поверх роменских городищ. 1 – Красный Колядин, летописный г. Красн; 2 – Липовое (по Ю. Ю. Моргунову и А. П. Моце); 3 – Ромны, Замок (по Ю. Ю. Моргунову); 4 – Свиридовка; 5 – Гаевщина (по М. Д. Ренскому и Ю. Ю. Моргунову); 6 – Хитцы (по О. В. Сухобокову и Ю. Ю. Моргунову); 7 – Сенча, летописный г. Синец (по Ю. Ю. Моргунову, А. Б. Супруненко, В. В. Шерстюку); 8 – Снитин, летописный г. Кснятин (по Ф. Б. Копылову, из фондов Полтавского КМ, Ю. Ю. Моргунову); 9 – Повстин, летописный г. Полкостень; 10 – Лубны, летописный г. Лубен (по И. И. Ляпушкину, И. И. Горенко, О. В. Сухобокову); 11 – Лукомье, летописный г. Лукомль (по И. И. Ляпушкину, И. И. Горенко, Ю. Ю. Моргунову, В. В. Шерстюку)

материалы шурфовки показали, что жизнь на них возродилась между концом XI – серединой XII в. (Кучера, Сухобоков, отчет 1971 г.; Коваленко, отчет 1981 г.; Моргунов, 1996, с. 46, 55, 102). Таким образом, изучение крепостных сооружений Посулья показывает, что «поступательное» перерастание роменских укреплений в древнерусские не фиксируется.

В связи с проблемой освоения Русью северянских земель краткий анализ хронологии городищ Посулья производился и А. П. Моцей. По его мнению, 30 крепостных сооружений там непрерывно существовали с конца 1 тыс. н. э. вплоть до XII в., а 10 городищ не содержат материалов XI в. К сожалению, исследователь не указал, какими критериями он пользовался при подсчетах и какие памятники он имел в виду, поэтому его выводы комментировать невозможно. Подобным же образом исследователь оценивал памятники Псла и Ворсклы (Моця, 1999, с. 9, 10).

Таким образом, приведенные выше довольно условные датировки прежних исследователей всё же частично подкрепляются небольшим количеством опубликованных и отчетных керамических материалов. Это придает им довольно единообразную и близкую к реальности окраску, склоняя чашу весов к выводу о существовании хронологического разрыва между позднесеверянской и древнерусской эксплуатацией укреплений. Более определенно это подтверждают результаты стационарных исследований. Теперь можно с уверенностью оценить правоту А. В. Кузы и последовавшего за ним В. П. Даркевича о том, что северянские укрепления не имели генетической связи с древнерусскими (1994, с. 53).

На первый взгляд, освоение Русью северянских земель было губительным и для неукрепленных поселений. Так, в курском Посеймье количество селищ уменьшается почти в два раза, на Путивльщине – втрое (Узянов, 1983, с. 81; Узянов, Кашкин, 1989, с. 66; Кашкин, Узянов, 1991, с. 45). Это считается свидетельством инициированного «окняжением» оттока местного населения в лесную зону и лесостепь юго-востока (Узянов, 1987, с. 257; 1988, с. 314; Шинаков, 1991, с. 82; Узянов, 1993, с. 89; Енуков, 2005, с. 310). Версию конкретизировал А. В. Григорьев, считающий, что на Левобережье произошла или полная гибель носителей роменской культуры или их многократное сокращение из-за переселения в бассейны рек Москвы и Верхней Оки (Григорьев, 1993 а, с. 99; Григорьев, Сарачев, 1999, с. 216, 341, 351). На это указывает появление там лепной керамики, близкой к роменским прототипам, перенос туда южных гидронимов и дальнейшее развитие некоторых типов этноопределимых женских украшений. Правда, исследователь не указал в лесной зоне достаточного количества новых памятников, способных вместить население десятков укреплений и сотен селищ якобы опустевшей лесостепной прародины (Григорьев, 1990, с. 54; Григорьев, 2005, с. 167).

Действительно, в Посеймье и на Верхнем Псле из 258 открытых поселений «выжило» 114. В своде, написанном еще в 1981 г., А. В. Куза объяснял это явление тем, что уничтожение оплотов племенного сепаратизма вызвало перемещение местных жителей на новые открытые поселения. Оказалось, что вместо множества сопровождавших укрепления небольших поселков неподалеку от них возникло меньшее число более крупных поселенческих агломераций. **Прим. 11**. На материалах Липина был показан и насильственный характер переселения, принципиально изменивший структуру расселения (Куза, 1996, с. 35, 37; Шинаков, 1991, с. 82; Енуков, 2003, с. 8; 2005, с. 278). Попутно следует отметить: незащищенность новых поселений указывает на отсутствие опасности печенежских вторжений.

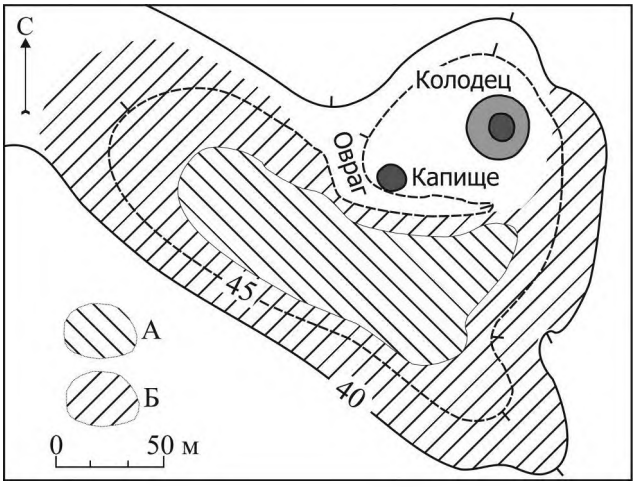

Рис. 41. Мацковцы: северянский поселок (А) и общерусское поселение (Б)

На этом фоне оригинальным явлением была поселенческая ситуация в Мацковцах – предшественнике летописного Снепорода. **Рис. 41**. Там общерусский поселок более чем двукратно увеличившихся размеров разместился непосредственно поверх пожарища, но сохранил прежнюю жилищно-хозяйственную структуру. Он также не затрагивал сакральной площадки, абрис ведущей к святилищу улицы стал более четким, но новые постройки не возводили на месте сгоревших. Этот пример продолжения жизни поверх пожарища одинок, его можно объяснить только удобством этой точки для дозора и контроля брода на современном «мацковском перекате». **Прим. 12**. Другие случаи фиксируют длительные поселенческие лакуны, наступившие после разорения северянских убежищ: в лучше прослеженных примерах древнерусские укрепления начинали возникать на запустевших северянских городищах в среднем через столетие после пожаров. Не исключено, что это было связано с древними славянскими верованиями, которые не позволяли селиться на месте пожарищ и следов иных бедствий, где пролилась кровь, находили человеческие кости и обломки предметов, созданных человеком (Байбурин, 1983, с. 35–38). Это хорошо иллюстрирует небольшое городище Гаевщина близ летописной Лохвицы. В позднесеверянское время его площадку окружала стена высотой 1,2 м, сложенная из вулканогенных желваков базальтового конгломерата моренного происхождения на карбонатном цементе, скрепленных глинистым раствором. А в первой половине XII в. гребень ее руин надстроили стеной из мощных бревенчатых срубов.

Наблюдения других авторов объясняют бытование лепной северянской посуды в Полтаве вплоть до середины XI в., но это не означает, что до этого времени роменская культура просуществовала в первозданном виде (Григорьев, Сарачев, 1999, с. 349; Григорьев, 2000, с. 51, 52). Нет оснований и для убеждения в том, что бытование лепной роменской керамики «в древнерусских объектах XI, XII вв., а иногда даже и в сооружениях предмонгольского времени относится к числу весьма распространенных явлений» (Енуков, 2005, с. 284). Так, ссылаясь на результаты раскопок городища Сампсониев Остров на Суле, цитируемый исследователь упустил из виду то обстоятельство, что древнерусские напластования на этом памятнике начали отлагаться через половину столетия после гибели в

пожаре северянского поселения. Указанный им обломок роменского сосуда попал в котлован постройки С-23 рубежа XII–XIII вв. в переотложенном виде – углубленная часть жилища прорезала сыпучие черноземно-песчанистые напластования роменского времени (Моргунов, 2003, с. 32, 40, 92, 93).

Выше на примере Мацковцев было показано, что в «окняжении» Среднего Посулья принимала участие дружинная прослойка и выходцы из земель, лежавших севернее. Можно напомнить и о том, что в Жовнине могилы с северянским инвентарем соседствовали со срубным дружинным погребением (Дяденко, Моця, 1986, с. 84–86, 89; Моця, 1983, с. 84). Эти сведения не одиноки: на Левобережье оседало множество переселенцев, но наибольшее количество этноопределимых находок оставлено радимичами и кривичами, выходцами из Северной и Северо-Восточной Руси и, конечно, из Среднего Поднепровья. **Прим. 13**. В приграничье со степью в это время начали оседать и кочевники: их датированные следы встречены в ранних напластованиях Мацковцев, вплотную прилегавших к печенежским путям на Русь. **Прим. 14**.

Хотелось бы подкрепить эти наблюдения данными антропологии, но краниологические серии не всегда достаточно представительны. Кроме того, антропологами не всегда учитывается разновременность погребений, что нередко приводит к недопустимым обобщениям. **Прим. 15**.

Подведем некоторые итоги изучения следов пришлого населения, принимавшего участие в «окняжении» северян.

На первых порах руководящие функции на новых поселениях могли исполнять дружинники. Часть из них погибла в процессе военной акции, а некоторое количество стало активной составляющей аппарата принуждения. На обширных открытых поселениях и относительно скромная воинская поддержка позволяла контролировать хозяйственную деятельность крестьян, сбор дани и налоговых поступлений, осуществлять судопроизводство (Моргунов, 2011, с. 262, 265). Со структурированием земель, особенно в значительных населенных пунктах, должны были потребоваться и опытные управленцы иного круга.

Датировочные возможности погребального ритуала и сопровождающего инвентаря нередко не позволяют точно дифференцировать этноопределимые находки по хронологическому признаку. Но в тех случаях, когда это удается сделать более или менее надежно, материал показывает, что достоверные погребения с иноэтничным инвентарем составляют довольно незначительную долю по сравнению с северянскими захоронениями.

И всё же множество примеров однозначно: для завоевания земель с крестьянским населением, даже обладавшим густой сетью укрепленных убежищ, требовались не слишком значительные контингенты пришлых дружинников и ополченцев. И после гибели укреплений и выселения или уничтожения военно-жреческой верхушки принудительно сконцентрированное в больших поселениях крестьянство не могло противостоять даже небольшой группе сплоченных в боях и хорошо вооруженных пришельцев с челядью.

Процесс «окняжения» северянского Левобережья в первую очередь был направлен на расширение подвластной Киеву племенной территории и включение ее обитателей в состав налогооблагаемого и управляемого из центра населения. Подавляющая часть этих земель не испытывала тягот печенежского натиска, поэтому политика Руси в этом регионе не была связана с отражением вторжений номадов или с созданием заградительных линий. Последнее применялось только на посульской окраине, прилегавшей к приднепровскому пути кочевников.

Вызывают интерес и слишком большие для лесостепи и довольно стандартные по размерам десять левобережных поселений площадью 5–6 га. Таких размеров не достигали поселки северян, а сопровождавшие крепости позднейшие селища обретали данные размеры лишь после длительного развития, к началу XII в. Выше было показано, что такая поселенческая форма могла насаждаться пришлыми людьми из Волго-Окского региона.

Общая картина процесса включения восточносеверянских земель в состав Древнерусского государства сомнений не вызывает. Но в литературе существуют хронологические разночтения в оценке этого процесса, поскольку летописные источники сведений об этом не содержат, а археологические – недостаточно точны. Поэтому вопросы датировки этого явления долго будут привлекать внимание исследователей. Сейчас же установкой для подведения предварительных итогов может стать поэтапное рассмотрение посвященных этому вопросу взаимосвязанных информационных массивов.

Датировка начала огосударствления северянских земель устоялась. С его первой волной в литературе связывают поход Святослава в 965 г. в Хазарию. На это указывает гибель укреплений Горналя и Гочева, а дальнейшее движение Святослава на юг может маркироваться пожарищем в Карачевке.

Второй фазой присоединения к Руси северянских земель считается их планомерный охват во время киевского княжения Владимира Святославича. На начало этой акции могут указывать не объяснимые иным перемещения Владимира, начавшиеся почти синхронно войнам с Варяжко, схожие со спешным сбором сил для ведения войны. А рассмотренные выше два вектора «окняжения» объясняют происхождение дальнейшего владельческого разграничения интересов Чернигова и Киева на Сейме.

Менее согласованны литературные представления о времени завершения «окняжения» Русью восточносеверянских земель.

Большинство исследователей датировало эту фазу рубежом X–XI вв. (Мавродин, 2002, с. 149; Зайцев, 1975, с. 54; Приймак, 1993 а, с. 97; Кучера, 1999, с. 114; Енуков, 2005, с. 86, 283, 284, 304; 2008 а, с. 86).

Известна и попытка сужения хронологического интервала разгромов северянских крепостей курского Посеймья сначала до 994–997 гг., а затем до одного похода 985 г. В соответствии с новой версией, в конце 980–990-х годов в состав Руси были включены и северянские поречья Ворсклы, Сулы и Псла. По мнению ее автора, это могло произойти после победы 985 г. над Волжской Болгарией. Судя по летописной легенде, после осмотра воеводой Добрыней обутых в сапоги пленных, он решил, что от них дани не дождаться, поэтому предложил «воевать» лапотников (ПСРЛ, т. 1, с. 84; Енуков, 2005, с. 271–284; Енуков, 2008 б; Енуков, Раздорский, 2015, с. 58, 59).

Эта версия вновь упирается в преувеличение значимости этого региона для Владимира Святославича в связи с созданием путевой трассы в Болгар. Если это было так, то для киевского князя действительно не составляло труда одним походом разгромить менее десятка племенных укреплений на р. Тускари и переселить их обитателей в открытые поселения ближе к сеймской речной артерии. Логично появление в новом поселенческом средоточии и укрепленной базы: подобные поселенческие очаги служили краеугольным камнем большинства центральных городов позднейших княжений.

По В. В. Енукову, впервые упомянутый под 1068 г. Курск был в XI веке значительным центром. С его городищем исследователь связал обнаруженный геобурением севернее усадьбы ОАО «Электроаппарат» мощный перепад материка, отож-

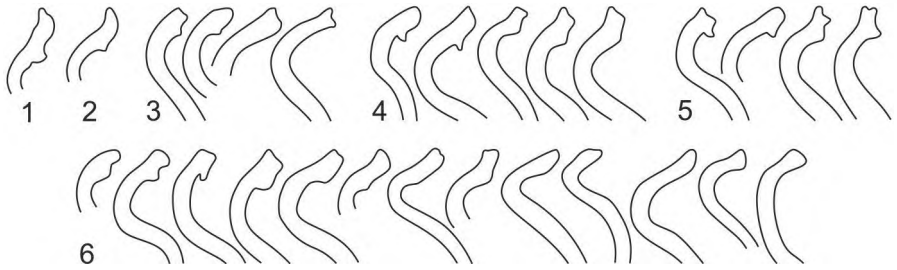

Рис. 42. Керамика из раскопок Курска: 1–5 – по В. В. Енукову (1998, 2005); 6 – по А. В. Зорину (2012). 1 – над настилом № 5 мостовой на склоне рва; 2 – из настила № 5; 3 – раскоп 4, яма 5 (рис. 58: 12, 13, 15, 16); 4 – раскоп 6, яма 19 (рис. 59: 6–9, 12); 5 – раскоп 5, сооружение 1 (рис. 59: 13–16); 6 – жилая постройка из Закурной части Курска (ул. Гайдара)

дествленный с крепостным рвом. **Рис. 26:** ***1, 2, 4***. В дальнейшем на его внутреннем склоне раскопками обнаружены следы наклонного частокола из расколотых вдоль бревен. **Прим. 16.** Но следы вала, на который должен был опираться этот «косой острог», не были обнаружены. Основание конструкции было частично перекрыто остатками каскада бревенчатых уличных замощений: из наиболее раннего настила 5 происходят всего два фрагмента гончарных венчиков середины XI в. **Рис. 42:** ***1, 2.***

Тем не менее исследователь сначала осторожно датировал эту линию укреплений «серединой (?) – второй половиной XI в.», затем «середина XI в.» обрела в его глазах уверенность. Под конец без дополнительных исследований оказалось, что укрепления были возведены в «первой половине – середине XI в.». В свою очередь, размеры крепости в разных публикациях гибко трактовались в пределах от 7 до 10 га: это лишь немногим менее детинца Переяславля. Вскользь упоминались и якобы возникшие в середине – второй половине XI в. укрепления городского посада (Енуков, 1998, с. 84–90; Енуков, 2005 г, с. 97; Енуков, 2008, с. 144; Енуков, Енукова, 2011, с. 141).

В последующих работах исследователь вновь без дополнительной аргументации и новых исследований отнес памятник к «городам» Владимира Святославича. По его новому мнению, около рубежа X–XI вв. укрепленная площадь крепости достигала 8 га. В свою очередь, стратиграфия (несохранившегося – *Ю. М.*) вала была связана с двумя строительными периодами: первый из них датирован рубежом X–XI вв., второй – первой половиной XI в. (Енуков, 2008 а, с. 143; Енуков, 2010, с. 6–9, рис. 3; Енуков, Раздорский, 2015, с. 55, 56). В пылу этих метаний было позабыто о зафиксированных описанием 1652 г. следах городища в виде «старой городовой осыпи», размещавшихся где-то на середине современной территории ОАО «Электроаппарат». Приблизительно три гектара площади, охваченной этим сооружением, были вполне достойны служить ядром крепости эпохи Владимира Святославича, со временем обратившейся в летописный Курск, столицу Посеймья.

В последние десятилетия резонансным стало и толкование одного из вариантов житийной трактовки похода князя Бориса в 1015 г. на печенегов. По летописному сюжету, Владимир Святославич послал сына против степняков, но тот не нашел их и вернулся на Летское поле (ПСРЛ, т. 1, с. 130, 132). Эта легенда попала во множество списков «Сказания… и похвалы св. мученикам Борису и Глебу», наиболее ранний из которых датируется концом XII – началом XIII в. (Сказание, 1997,

с. 280). Иная трактовка итогов этого похода содержится в написанных Нестором «Чтениях о святых мучениках Борисе и Глебе»: их древнейший, Сильвестровский, список относится к XIV в. Согласно этому источнику, печенеги узнали о походе Бориса и бежали. Затем «блаженный, оумиривъ грады вся, възвратися вспять» (Срезневский, 1860, с. 12; Чтение, 1916, с. 8).

По мнению большинства ученых, в основе «Сказания» и «Чтения» лежит более древняя летописная повесть, не вошедшая в состав Древнейшего киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г. (Шахматов, 2001, с. 33, 35, 73, 75, 416, 417). Так, С. А. Бугославский считал, что «Сказание» возникло около середины XI в., на этой основе, вероятно, около 1108 г., Нестором было составлено «Чтение». По А. А. Шахматову и его последователям, «Чтение» было написано Нестором в 80-х годах XI в., затем с привлечением летописной повести после 1115 г. было написано «Сказание». Оба построения гипотетичны, но в «Сказании» события отражены динамичнее – оно ближе к летописному стилю повествования (Дмитриев, 1997, с. 528, 529).

В. В. Мавродин предположил, что в «Чтениях» подразумевалось восстание левобережных городов. Исследователь предложил несколько вариантов развития событий: а) целью похода могло быть «умиротворение» северянских городов, из-за чего печенеги вернулись в степи; б) сопротивление Киеву оказывала туземная верхушка Левобережья, считавшая опасность вероятного набега доказательством неспособности Киева обезопасить свои окраины; в) причиной возмущения могли быть сборщики даней и «мужи», вмешивавшиеся в деятельность северянской знати (Мавродин, 2002, с. 151). Многие из этих версий содержат анахронизмы, характерные для литературы конца 30-х годов XX в., когда писалась книга В. В. Мавродина. Мнения о вероятности печенежских вторжений на изобиловавшую лесами северянскую территорию, о выживании автохтонной знати, которая якобы сливалась с княжеской дружиной, и т. д. стали популярными. Поэтому А. Н. Насонов с некоторым недоумением относился к версии усмирения Борисом северянских городов (1951, с. 67).

Более определенно о сопротивлении северян в 1015 г. киевскому господству писали И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко (1988, с. 85). А по неаргументированному толкованию Н. Н. Коринного, восстание якобы было даже поддержано печенегами (1992, с. 54). Идея была живо подхвачена В. В. Приймаком и А. Н. Поляковым. Последний исследователь был уверен, что подавление северских городов было изначальной целью похода Бориса, поэтому Новгород-Северский и другие северянские крепости Подесенья были сожжены именно в 1015 г. (Приймак, 1997, с. 110; 1999 а, с. 30; Поляков, 2001, с. 55, 146). А по первоначальному толкованию А. Б. Супруненко, гибель северянской крепости в Полтаве связана с одним из походов дружин киевских князей во время борьбы за власть между наследниками Владимира Святославича в 1015–1019 гг. Позже он вернулся к версии о разрушении ранней крепости князем Борисом (1998 а, с. 82; Супруненко и др., 2001, с. 75; Супруненко, Пуголовок, 2015, с. 134). Это не единичное колебание, указывающее на нехватку значимых хронологических реперов: А. А. Узянов в одних работах писал, что отдельные памятники роменской культуры доживали до первой четверти XI в. (1987, с. 256; 1988, с. 314; 1993, с. 89; Кашкин, Узянов, 1991, с. 45), в других – до второй четверти этого же века (Узянов, 1990, с. 88).

Между тем ко времени создания несторова «Чтения» в письменных источниках не было сведений об «окняжении» северян, поэтому за давностью лет Нестор мог не знать о том, что разорение северянских «городов» происходило более чем за 30 лет до похода Бориса. Восьмидесятые годы XI в. – это время нарастания половецкой экспансии, вызвавшей всплеск южнорусского крепостного строительства. В эту неспо-

койную годину современники, в том числе и Нестор, на близких примерах должны были убедиться в спасительных свойствах городов. Это и нашло отражение в данном источнике: подобные интерполяции характерны для житийной литературы.

Более логична основанная на изучении иноязычных источников версия о том, что незавершенное нападение печенегов в 1015 г. было инспирировано их союзником, великим князем Болеславом I для отвлечения от усложнившихся русско-польских взаимоотношений (Ильин, 1957, с. 168; Головко, 1988, с. 22; Назаренко, 2003, с. 322). Лишено житейского смысла и принятие северянами печенежской помощи: Русь уже испытала тяжесть печенежских вторжений и коварство степняков. Наем печенегов воеводой Варяжко для участия в распрях уже приводил к самостоятельным вторжениям степняков. Эта «помощь» предполагала, по крайней мере, временные контакты с потенциальным врагом и могла ухудшить обороноспособность северян. Все это приводит к выводу о надуманности этой гипотезы (Моргунов, 2011, с. 267).

Наиболее поздняя датировка завершения присоединения северян основана на их упоминании в ПВЛ под 1024 г. в качестве воинского авангарда Мстислава Владимировича в Лиственской битве. Для его понимания существенна летописная сентенция, вложенная в уста Мстислава, озиравшего последствия битвы: «кто сему не радъ: се лежить сѣверянинъ, а се варягъ, а дружина своя цѣла». А. В. Григорьев справедливо отметил, что это уточнение указывает на зависимость северян от черниговского князя и передает его отношение к своим вассалам. Но противопоставление северян дружине отнюдь не указывает на то, что в 1024 г. они еще «являли собой самостоятельную военную, а значит и политическую организацию» (Григорьев, Сарачев, 1999, с. 347, 349). Это мнение не ново: его высказывал еще В. В. Мавродин, утверждая, что северяне не успели раствориться в дружине Мстислава и были в ней чужеродным телом, вспомогательной силой (Мавродин, 2002, с. 170).

Возможно, именно эта версия вызвала новую трактовку даты гибели в пожарах северянских укреплений Новгорода-Северского, Полтавы и других левобережных укреплений. Соответственно, и дата включения северянских земель в состав Руси отодвигалась ко времени, последовавшему за смертью Мстислава (Григорьев, 2012 б, с. 117, 120; Приймак, 2007, с. 65, 78). Понятно, что новые раскопки могли скорректировать прежнюю датировку гибели Новгорода-Северского концом X в. Удивительно только, как авторам удалось за такой короткий срок забыть о том, что одно из роменских жилищ было перекрыто руинами укреплений конца X в., а в другом найден фрагмент донца горшка с тамгой Святослава Игоревича. Оставлено без внимания и прежнее наблюдение об отсутствии на городищах Подесенья напластований XI в. (Григорьев, 1988, с. 74; Моця, 1995, с. 104; Куза и др., 1996, с. 5).

Думается, что вывод о роли северян в войске Мстислава не вполне последователен. Расстановка сил перед битвой не только свидетельствует о бережном отношении князя к дружине как к опорному ядру воинства, но и подвластности северян своему сюзерену. Это признак давнего сосуществования северян в составе Руси – так бы поступили и другие княжеские подданные давно освоенного Левобережья. Кроме того, «лиственский казус» не исключает, что ополченцы-автохтоны были набраны в ранее присоединенной к Чернигову западной ветви северянского племенного союза. Это еще раз подчеркивает неадекватность трактовки летописного сюжета как примера сохранения независимости северян вплоть до 1024 г. (Моргунов, 2011, с. 267).

Противоречат этому полевая отчетность раскопок Любеча экспедицией Б. А. Рыбакова в 1957–1960 гг. и опубликованные материалы дальнейших иссле-

дований А. Л. Казакова и Е. М. Веремейчик. Полученные ими керамические материалы показывают, что северянские укрепления Любеча были уничтожены князем Олегом около 882 г. Некоторое время на территории археологического комплекса наблюдается сосуществование лепной роменской и раннегончарной общерусской посуды, которое привело к утрате использования лепной посуды. Благодаря качественно исполненным в полевой описи рисункам керамики оказалось, что там не найдено более качественной «манжетовидной» посуды рубежа X–XI вв. Это можно объяснить только разгромом Любеча в результате похода Владимира Святославича на Киев в 978 г. Поселение запустело надолго: несмотря на значительные площади раскопок, там не были обнаружены и керамические материалы XI – первой половины XII в. А это подвергает сомнению существование замка Владимира Мономаха (Моргунов, 2018 б).

Особняком выделяется мнение А. В. Комара об окончательном исчезновении роменской культуры в 30-х гг. XI в. при Ярославе Мудром. Аргументация исследователя сводится к утверждению, что именно с этим временем «ПВЛ связывает завершение формирования Древнерусского государства в его политических и этнических границах» (2012 в, с. 365). В литературе уже отмечалась противоречивость и определенная тенденциозность сведений ПВЛ, связанных с итогами деятельности Ярослава. Но в посвященных деятельности этого князя летописных статьях оценка судеб северянской общности отсутствует. Особенности летописания этого периода подробнее рассмотрим ниже, в контексте событий, происходивших при жизни этого князя. Здесь же достаточно отметить, что полное отсутствие какого-либо интереса летописцев к левобережным событиям этого времени скорее свидетельствует о том, что присоединение северянских земель осталось далеко в прошлом.

Резюмируя обзор мнений предшественников, вновь обратимся к истории присоединения к Руси древлян: вялотекущая стадия этого процесса длилась более 60 лет. Это сопоставимо со столь же неторопливым течением первичного «окняжения» северян. На их земле подобное началось лишь годом позже, но длилось, вероятно, вплоть до одиночной акции Святослава и более объемных завоеваний Владимира. Поэтому существенную роль в оценке скорости этого процесса может играть хотя бы приблизительное определение датировки заключительного этапа присоединения.

Так, в древлянской параллели осада Искоростеня и уничтожение других «городов» обозначено походом одного года (ПСРЛ, т. 1, с. 58). Кроме известных по летописным источникам древлянских городов Искоростеня и Вручего, археологически в настоящее время насчитывают от 12 до 20 древлянских городищ, но степень их изученности невелика. В это число попали объекты, которые могут оказаться и укреплениями раннего железного века; учтены в нем и ныне уничтоженные памятники, а датировка половины укреплений основана лишь на сборах подъемного материала (Звіздецький, 2004, с. 43; 2008, с. 47, 114–129).

Но даже указанное выше максимальное количество общинных укреплений могло быть за сезон сожжено наделенной воинским опытом княжеской дружиной. Размеры восточносеверянской территории и количество существовавших там племенных крепостиц несравнимо более значительны. Этот фактор не позволяет согласиться с версией о завоевании северянских земель во время единственного похода князя Бориса. Это столь же странно, как и представление о нереальной медлительности Руси в присоединении этнически близких племенных объединений, растянувшейся на треть века (версия о походе князя Бориса) или более чем на полвека (версия об окончании «окняжения» после смерти Мстислава Владимировича).

Следует напомнить и о том, что, несмотря на летописные упоминания о единичных княжеских походах на другие племенные земли, триумфальных сообщений о присоединении этих территорий нет. Более того, походы на лесных вятичей продолжались до конца XI в., тем не менее они еще долго оставались враждебными Чернигову. А. К. Зайцев считал, что подчинение племенных союзов не было одноактным событием (Зайцев, 1975, с. 67). Лесные земли вятичей несопоставимы с лесостепью северян: через нее проходили значимые для Киева наезженные пути, она была более уязвима: там процесс «окняжения» не мог быть столь же долгим, на что указывает пример завоевания Нижнего и части Среднего Посулья.

Статьи ПВЛ, повествующие о событиях конца X в., во многом легендарны, затем следует обширная летописная лакуна, нарушенная сведениями об окончании к 1008 г. огораживания южных пределов Руси, до того почти не заселенных. Несомненно, это потребовало незамедлительного привлечения пришлого населения. А с наступлением феодальных войн 1015–1019 гг. за великое княжение, военные операции по «окняжению» были менее вероятны: при множестве походов на другие земли Ярослав, похоже, уже не нуждался в завоевании северян.

В этой связи не слишком смелым является предположение о том, что после набега 992 г. присоединение северянских земель могло растянуться не более чем на 10, от силы на 15 лет. Кроме того, следует отличать подобные относительно непродолжительные силовые акции по присоединению новых территорий от более длительного процесса формирования общерусской культуры в составе Руси, сопровождавшегося постепенной утратой этноопределяющих племенных признаков.

Сухопутные военные и торговые пути

Хотя информативность письменных источников для этого времени незначительна, археологические материалы левобережных киевских владений позволяют затронуть вопрос о некоторых торговых и военных путях.

Выше поиск пути венгров к Киеву предположил существование приднепровской трассы; набег печенегов в 993 г. указывает на продолжение его существования. Этой дорогой в Тмутаракань мог следовать князь Мстислав, отправленный отцом на самостоятельное княжение. Судя по маршруту возвращения из похода князя Бориса, в 1015 г. левобережные степняки могли следовать на Русь этой же наезженной трассой.

В литературе, посвященной изучению древних путей, широкий резонанс вызвала гипотеза Б. А. Рыбакова о существовании во второй половине X в. караванной дороги Киев – Болгар. Сведения о ней исследователь извлек из карт законченного в 1154 г. сочинения сицилийского географа ал-Идриси «Развлечение истомленного в странствии по областям». В этой работе была собрана разнообразная информация о Руси, полученная от купцов, путешественников и географов (Рыбаков, 1952, с. 5, 14, 29; 1969, с. 189). Вероятность раннего существования трассы основана на том, что сведения о Руси восходили к труду Ибн Хаукаля «Книга путей и стран», написанном в 50–70-х годах X в. (Коновалова, 1999, с. 11, 102, 124). Отчасти это подтверждает некоторая активизация в 60-х годах X в. взаимоотношений Киева и Болгара (Калинина, 1976, с. 96, 97).

О существовании «русского» направления этого или схожего пути известно давно: в летописных источниках есть сведения о передвижении русских и половецких войск в конце XI–XII вв. «степным коридором» между верховьями Сейма, Псла и

Сулы. В. Г. Ляскоронский принимал эту трассу за торговый путь, ведущий из Киева через Курск к Средней Волге. Он относил этот путь к наиболее ранним, связанным с упоминанием военных действий 1078–1094 гг. близ Чернигова, Городца Остёрского и Белой Вежи. Подобная датировка оказалась ошибочной: до 1113 г. половцы не приходили «степным коридором» в этот регион. Более плодотворно исследователем были обоснованы общие принципы пролегания торговых трасс. Как было показано выше, большинство из них пересекало ориентированные перпендикулярно им левые притоки Днепра в нижних течениях этих водотоков. Существенным стал и вывод о тяготении путевых трасс к водоразделам, уменьшавшим количество переправ, где караваны были более уязвимы, а скорость движения уменьшалась (Ляскоронский, 1903, с. 212, 213; 1905, с. 291–293, 295; 1907 б, с. 1, 2).

По Б. А. Рыбакову, преимущества водораздельного пути заключались в обходе караванами лесных массивов и защищенности пути от кочевой степи лесами. Не менее значимым стал проведенный исследователем расчет однодневного перехода на большие расстояния, округленно приближавшийся к 35 км. В соответствии с арабоязычными источниками, восточный предел Руси делил трассу Болгар – Киев на два почти равных отрезка: каждый из них насчитывал по 10 остановок-«манзилей» (подорожных станций). Часть стоянок с разной степенью надежности была локализована исследователем по аналогии с тактикой войсковых маршей русских войск в XVIII–XIX вв.: после двух дней пути полки останавливались на дневной отдых. Отсюда ритм движения караванов слагался из двухдневного 70-километрового перехода и дневки под защитой укреплений (Рыбаков, 1969, с. 190, 194, 195).

Если согласиться с версией о прокладке этого пути во второй половине X в., то значительная часть манзилей должна быть связанной с небольшими общинными укреплениями-убежищами в то время еще относительно независимого северянского племенного сообщества. Археологически это городища позднероменской культуры. В конце этого столетия началось «освоение» этой территории княжеской властью – теоретически там могли появиться и русские крепости, но это дискуссионный вопрос: массовое появление русских форпостов на земле ассимилированных северян началось не ранее второй половины – конца XI в. (Моргунов, 2015 а, с. 3, 4).

Рассмотрим авторскую прокладку этого пути подробнее. **Рис. 43**.

Первую от Киева остановку караванов Б. А. Рыбаков приурочил к верховьям р. Супой, расположенным в 105–130 км от Киева, что значительно превышает обоснованную им протяженность подорожного цикла. Кроме того, в обильных слабозасоленными землями верховьях этой реки древности конца X в. неизвестны.

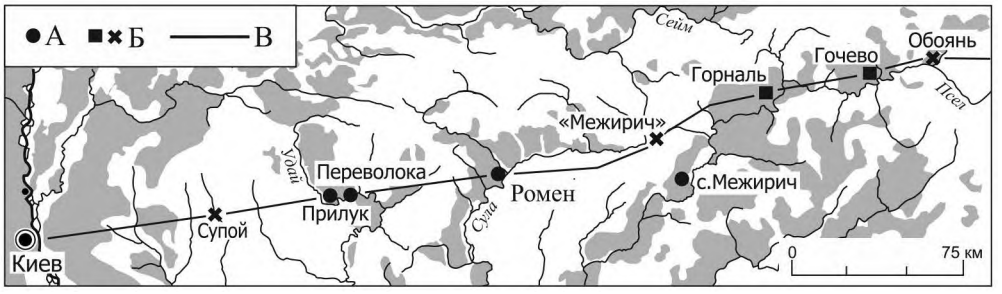

Рис. 43. «Русская» часть трассы Киев – Болгар (по Б.А. Рыбакову).
А – летописные города; Б – городища и манзили; В – отрезки трассы

Не открыты пока древности этой эпохи и на месте второй остановки (через 71 км) в летописном г. Прилуке, известном с 1085 г., или в Переволоке 1092 г. (еще 16 км), где они также не обнаружены, а переход через р. Удай затруднен заболоченной поймой. Следующий 60-километровый отрезок исследователь продолжил до летописного г. Ромен, известного с 1113 г. Но далее исследователь нарушил заданный им принцип пролегания караванных путей: он вывел трассу через открытую луговую степь левого берега Сулы к ее верховьям – к селу Межиричи[1]. Возможно, это отклонение навеял маршрут похода Владимира Мономаха к Вырю в 1113 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 250), но то был войсковой рейд, позволявший не опасаться нападения степняков.

Восточнее за дневки исследователь принял позднесеверянские укрепления Белогорье – Горналь и Гочево. С учетом изгиба течения Псла, Горналь и Гочево разделяют 50 км, но прямое сообщение между ними затруднено расчлененным береговым ландшафтом отрогов Среднерусской возвышенности и шестью правыми притоками реки. В Горнале действительно существовала северянская крепость, вероятно, уничтоженная князем Святославом около 965 г. по пути в Хазарию. Но от нее до ближайшей точки водораздела пролегало приблизительно 20 км, т. е. каравану требовался день пути для отклонения к дневке и возвращения на прежнюю дорогу.

Из упоминавшегося выше гочевского «комплекса» к позднесеверянскому времени могло относиться только южное городище Крутой Курган. Симптоматична топография размещения этого комплекса: для отхода караванов от водораздельной трассы к Гочеву (27 км) купцам пришлось бы потерять еще два дня пути. Тем не менее в какой-то мере обитатели укреплений Верхнего Псла могли принимать участие в обслуживании караванной дороги конными дозорами или составлять охранные отряды для обеспечения ее бесперебойного функционирования.

Б. А. Рыбаковым был произвольно обозначен следующий «манзиль» в Обояни (там пока не обнаружены древнерусские памятники), а далее трасса проложена в направлении городищ боршевской культуры Верхнего Дона. Впрочем, в более ранней работе исследователь склонялся к отклонению пути от Ромена к летописному Донцу (Рыбаков, 1952, с. 40; 1969, с. 193, 194).

Таким образом, вопрос о поселенческом наполнении стоянок-манзилей остался открытым: вдоль гипотетического пути общерусские поселения эпохи Святослава не обнаружены. И всё же, оставляя за скобками подробности, ставшие известными значительно позже, из перечисленных Б. А. Рыбаковым пунктов на роль манзилей могли бы подойти лишь северянские городища в Ромнах, Горнале и Гочеве. Они содержат позднесеверянские культурные напластования, но размещение этих памятников всё же противоречит принципам пролегания караванных путей (Моргунов, 2015 а, с. 4, 5).

Вопросы возникают и в связи с авторским акцентом на необходимость отдыха караванов в укрепленных поселениях, а для ежедневных ночлегов меры безопасности купцов, похоже, не волновали. Такое представление основано на том, что они были способны самостоятельно защищаться от нападений разбойников и кочевников (Воронин, 1951, с. 286; Рыбаков, 1951, с. 338). К примеру, купцы могли защищать стоянки «табором» – размещением караванщиков и тяглового скота внутри кольца из груженых повозок (Голубовский, 1902). Подобная «ограда» избавляла путников от необходимости на исходе каждого второго дня искать на

[1] С. Межиричи располагается значительно южнее, невдалеке от правого берега Среднего Псла. Ошибочность такой прокладки маршрута торгового пути ранее отмечалась А. П. Моцей (1985, с. 132).

незаселенных водоразделах укрепленные поселения или отклонять маршруты к берегам рек, где располагалось большинство крепостей. Следовательно, ночлеги караванов вне крепостей более соответствуют древним реалиям.

К подобной трактовке подводит и то, что для дальних переходов торговцы формировали максимально крупные караваны: это позволяло содержать больше профессиональной охраны. Так, пятитысячное арабское посольство в Волжскую Болгарию (922 г.) включало значительную вооруженную стражу, особо актуальную при переправах через реки (Ибн-Фадлан, 1939, с. 63, 65). О необходимости воинского сопровождения писал итальянский купец и путешественник Марко Поло (середина XIII в.), отмечавший действенность охраны в условиях нередких нападений грабителей (Поло, 2006, с. 120). Этому соответствует и более позднее свидетельство о посольстве 1680 г. в Крым стольника Василия Тяпкина для заключения Бахчисарайского договора: его караван охраняли 600 рейтаров и казаки-сердюки (Зотов, 1850, с. 10). А в XVIII в. Запорожская Сечь предоставляла проводников и охрану чумакам, уходившим за солью в Присивашье (Тищенко, 1928, с. 94).

В записках землепроходцев упоминалось о ночлегах караванов вне поселений. По Гийому де Рубруку (середина XIII в.), «вплоть до Сартаха два месяца мы никогда не лежали в доме или в палатке, но всегда под открытым небом или под нашими повозками, и мы не видели никакого селения и даже следа какого-нибудь строения». На его пути встречались непрерывные переходы длиной до двух месяцев (Рубрук, 1957, с. 104, 154, 183). В путешествии Ибн-Фадлана были обычными переходы по 10 и 15 дней (1939, с. 59, 60), а Марко Поло порой двигался без дневок от 10 до 40 дней подряд (Поло, 2006, с. 3, 27, 28, 30, 36). Поэтому на безлюдную часть пути путешественникам приходилось запасаться водой, продовольствием и кормом для скота (Ибн-Фадлан, 1939, с. 59; Поло, 2006, с. 23, 24, 27, 28, 30, 36, 72).

Вероятно, отсюда в записках путешественников и книге ал-Идриси появились упоминания о «больших» и «небольших» (двухдневных?) переходах (Рубрук, 1957, с. 108, 192; Коновалова, 1999, с. 126). И все же основанная на вторичных показаниях ал-Идриси стандартная цикличность трехдневных переходов вызывает некоторые сомнения. Несколько раньше на отрогах Великого шелкового пути существовали «заезжие дома» с гостевыми комнатами, оборудованные конюшнями и замкнутыми дворами (Плетнёва, 1996, с. 153), но на пути Киев – Болгар подобное неизвестно.

Более или менее сопоставимым с рассматриваемой водораздельной трассой может быть русское свидетельство о существовании дороги между Курском и Киевом. Это написанное в начале XII в. «Житие Феодосия Печерского», повествующее о следовании будущего святого за купеческим караваном в 50-х годах XI в. (Успенский сборник, 1971, с. 79; Зайцев, 1975, с. 70, 90; Артамонов, 2003, с. 224, 277). Протяженность этой дороги близка к 450 км – это около 13 дней безостановочного движения. Если же к ним добавить 6 суточных стоянок после каждого двухдневного перехода, движение могло длиться 19 дней, что с учетом вероятной погрешности близко к житийному трехнедельному времени пути. Следовательно, купцы всё же могли устраивать дневные стоянки при движении на дальние расстояния, а вопрос о заходе каравана в населенные пункты остался за пределами внимания информатора житийного сюжета.

Таким образом, дневки-манзили конца X в. не обязательно были связаны с укрепленными поселениями: их могли устраивать и произвольно. Расстояния между ними диктовались особенностями рельефа местности, наличием естественных преград, источников воды и т. д. Магистральные торговые пути чаще пролегали по безлюдной местности. Поэтому караваны должны быть самодо-

статочными в плане пропитания, охраны и ремонта транспортных средств, т. е. не слишком зависеть от наличия на пути укрепленных пунктов. И наоборот, они могли устраивать остановки везде, где того требовал непредвиденный случай (Моргунов, 2015 а, с. 5).

Резюмируя анализ гипотезы Б. А. Рыбакова о маршруте торговых караванов на «русском» отрезке пути из Киева в Болгар, следует признать точность прокладки генеральной линии трассы и ряда наблюдений о ее характере. В большинстве случаев неудачные локализации ее отрезков объяснимы недостаточной на то время археологической изученностью региона. В новейших работах востоковедов встречаются и другие замечания о недоразумениях в приведенных работах Б. А. Рыбакова, пользовавшегося несовершенным французским переводом П. А. Жобера.

В 1989–1991 гг. А. П. Моця и А. Х. Халиков провели археологическое обследование маршрута Булгар – Киев. «Русский» участок пути изучался А. П. Моцей: в законченном виде результаты его изысканий изложены в ряде статей и совместной с А. Х. Халиковым монографии. При локализации размещения вероятных ночевок–манзилей исследователь руководствовался синхронностью существования привлеченных им к анализу «подорожных» археологических комплексов, разделенных более или менее равными расстояниями. По его мнению, места дневок должны были отвечать требованиям безопасности и размещаться на открытых поселениях поблизости от небольших укреплений и значительных курганных могильников.

В противоречивом татищевском наследии исследователь обнаружил сведения о торговом договоре 1006 г. князя Владимира Святославича с Волжской Болгарией (Татищев, 1963, с. 69; Моця, 1985, с. 133). Правда, договор не упомянут в первой редакции «Истории»; подобного нет и в подробных более поздних Воскресенской и Никоновской летописях, содержащих об этом времени множество как оригинальной, так и неточной информации. Отсюда достоверность этого договора проблематична: она имеет как последователей, так и критиков (Пештич, 1946, с. 328; Рыбаков, 1951, с. 340; Толочко, 1992, с. 4).

Кроме того, в доказательную базу А. П. Моци «просочились» недостаточно изученные ранние памятники, а также датирующиеся XII–XIII вв. и даже XVII–XVIII вв.: последнее касается Монастырища на р. Удай (Моця, Халиков, 1997, с. 95; Моця, 2010, с. 38). **Прим. 17**. Порой и в других примерах он нарушал принцип синхронности отождествленных им поселений с дневками.

И все же можно принять гипотезу А. П. Моци за исследование следующего этапа существования караванного пути: широкое привлечение археологических материалов, свидетельствующих о реальном и длительном существовании водораздельного пути, плодотворно. Оно позволило раздвинуть хронологические рамки варианта Б. А. Рыбакова: появилась и возможность опоры на летописные реперы прохождения войск по участкам этой трассы.

Немаловажным является и то обстоятельство, что начиная с рубежа X–XI вв. появляются некоторые материальные свидетельства вероятных результатов торговли. По наблюдениям В. Н. Зоценко, наиболее ранние импорты Волжской Болгарии встречаются в городских центрах Среднего Поднепровья в слоях конца X–XI вв. Это бронзовые замки в виде фигурок лошади и барана из Верхнего Киева, Белгорода и Воиня. В вышгородском слое XI в. был обнаружен цеподержатель-разделитель арочной формы, отлитый по восковой модели из практически чистой меди. Судя по жилищным комплексам XI–XII вв., в Киеве и Вышгороде не исключено непосредственное проживание болгаро-буртасского населения, оставившего типично болгарские типы кухонной и столовой посуды. В культурных

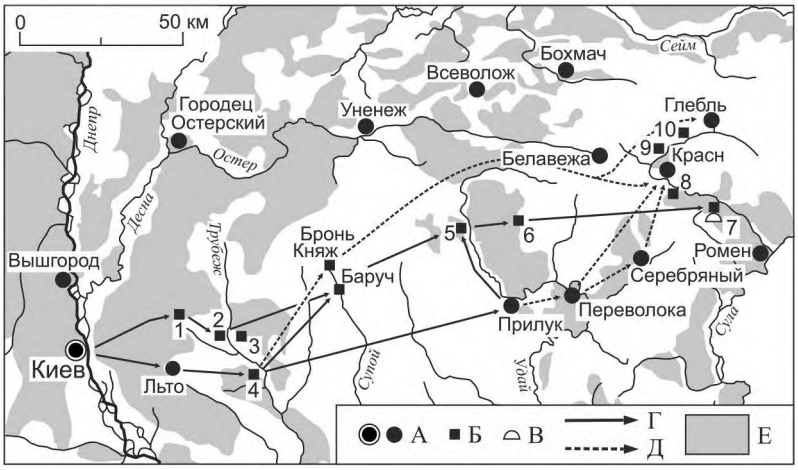

Рис. 44. Отрезок пути между Киевом и Роменом.
А – летописные города; Б – городища и предполагаемые манзили;
В – курганный могильник; Г – отрезки пути по А. П. Моце;
Д – другие варианты прохождения пути; Е – древние лесные массивы.
Вероятные дневки караванов: 1 – Гоголев; 2 – Русанов; 3 – Перемога; 4 – Барышевка;
5 – Монастырище; 6 – Парафиевка-Южное; 7 – Липовое; 8 – Грицевка;
9 – Гайворон; 10 – Великий Самбор

напластованиях XII в. Белгорода и Киева встречались кости верблюдов. И наконец, с восточной торговлей через посредство Болгара исследователь связывает возраставшее в XI–XII вв. количество поднепровских находок бус из горного хрусталя, сердолика и аметиста (Зоценко, 1992, с. 51–53).

Рассмотрим узловые моменты этого исследования.

В первоначальном варианте исследователь проложил первый отрезок пути через Барышевку (57 км по прямой от Киева), к летописному г. Прилуку, до которого оставалось еще 77 км (Моця, 1985, с. 132; 2010, с. 37, 38). Итоги полевых исследований заставили выдвинуть другую версию, дублировавшую часть пути в Москву посольства антиохийского патриарха Макария в середине XVII в. Тот лесной дорогой миновал Бровары, Гоголев с невыразительными остатками древнерусского городища, Русанов, и проследовал мимо Ядловки–Перемоги (Алеппский, 1897, с. 81–93). Первую после 55-километрового перехода стоянку А. П. Моця приурочил к Русанову с его крохотным городищем конца XI–XIII вв. у трубежского брода. **Рис. 44**. Этот путь весьма извилист из-за заболоченных истоков и поймы р. Красиловки (правый приток Трубежа), а существование домонгольской дороги через лесные дебри ничем не подтверждено. И все же этот вариант подкупает тем, что за бродом размещаются остатки укрепления в с. Перемога–Ядловка. На древность местного расселения указывают находки поблизости сребреников Владимира типа 3 и Святополка–Петора (Рублев, 2016, с. 238, 367).

От Русанова А. П. Моця выстроил путь (38 км) до островного городища конца XI–XIII вв. Петровка на Супое (Моця, Халиков, 1997, с. 91–95). В летописных источниках имеются сведения о посещении этого региона киевскими войсками во время княжеских конфликтов 1136 и 1147 гг. А поскольку на городище был найден

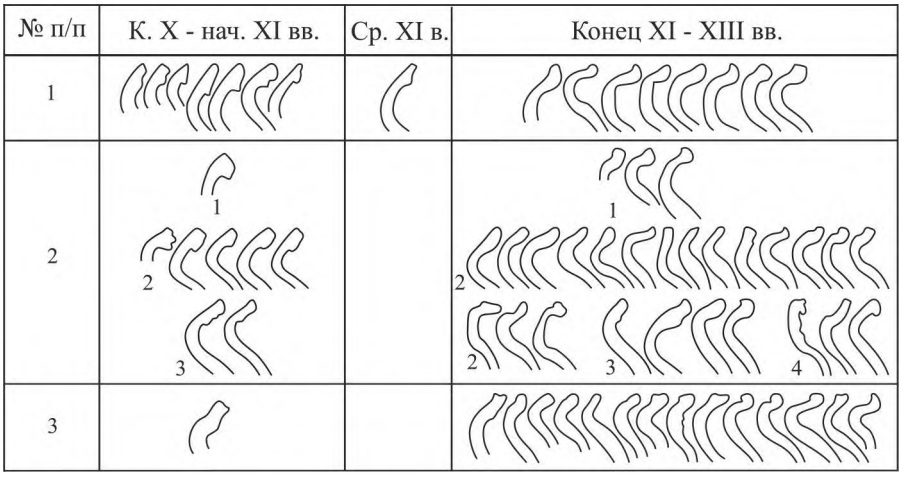

Рис. 45. Керамика ключевых «манзилей»:

1 – Липовое *(сборы и шурфовка А. П. Моци и Ю. Ю. Моргунова);*

2 – Зелёный Гай: *1 – Большое городище (по И. И. Ляпушкину),*
2 – шурфовка Малого городища (по А. П. Моце и О. В. Сухобокову),
3 – селище (по В. В. Приймаку), 4 – селище (по О. В. Сухобокову и А. П. Моце);

3 – Гочево, Царский Дворец (*по Г. Ю. Стародубцеву)*

боевой топор, исследователь отождествил городище с войсковым лагерем (?). Он предложил и версию о его «частом» использовании в качестве места сбора ратей перед походами на кочевников (?) и даже как торговой фактории (Моця, Халиков, 1997, с. 91–95; Моця, 2010, с. 38; Иевлев, Моця, 1992, с. 25]. Эта недостаточно обоснованная версия несколько отличается от отождествления городища с торческим «городом» Баручем (Моргунов, 2000, с. 24–28).

Пересечение Супоя подмечено исследователем верно, хотя в прошлом был более известен размещенный четырьмя километрами севернее брод в с. Новый Быков. В 1605 г. там размещалось «городище, называемое Быков, над рекою Супоем лежачое, ест в таком добром положенью на шляхох и преправах татарских» (Николайчик, 1900, с. 109). Через Новый Быков, отождествлявшийся древнерусским Бронь Княжим, следовал и караван патриарха Макария (Алеппский, 1897, с. 82; Моргунов, 2000, с. 25–29).

Следуя идее надпойменного размещения намеченных им «караван–сараев», далее исследователь продолжил путь в направлении упоминавшегося выше Монастырища на Удае (43 км), а затем к загадочным пунктам Парафиевке и Южному в бассейне р. Смош, где известно лишь урочище «городище» (соответственно, 34 и еще 7 км). Через 30 км, перейдя через множество рек и оврагов, дорога упиралась в Липовое на р. Ромен, известное гигантским курганным могильником, селищами и городищем (Моця, Халиков, 1997, с. 96–107; Моця, 2010, с. 38). Обширное позднероменское поселение располагалось у реки на обширном надпойменном всхолмлении, южнее на низком мысу коренного берега размещалось меньшее. Поселения содержат северянскую лепную керамику и круговую манжетовидную посуду конца X – начала XI в. В конце XI в. на южном мысу возникло древнерусское поселение, а в начале XII в. там была возведена довольно значительная для лесостепного пограничья крепость

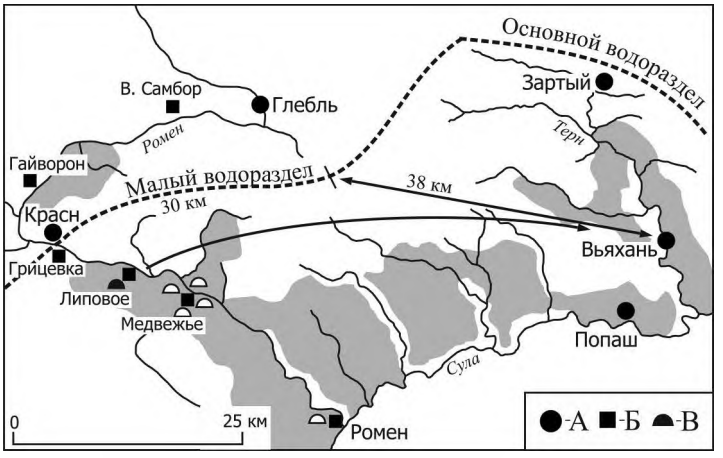

Рис. 46. Звено трассы в междуречье Ромена и Терна. А – летописные города; Б – городища; В – сохранившиеся и утраченные курганы

площадью около 1 га кольцевидной планировки, просуществовавшие до середины XIII в. (Моргунов, 1996, с. 49, 50). В публикации А. П. Моци керамика городища и селищ была подана единым массивом, тем не менее затухание жизни на позднесеверянских поселениях в первой половине XI в. очевидно (**рис. 45: *1***).

Дальнейший отрезок трассы протяженностью 56 км намечен по прямой на восток к летописному Вьяханю (с. Городище на р. Терн) через современные населенные пункты Сулимы, Смелое и Хмелев Роменского района Сумской области (Моця, Халиков, 1997, с. 107). Подобно Петровке–Баручу, городище Вьяханя островное: после постройки в конце XI в. мощной крепости она могла контролировать и дорогу к следующему отрезку водораздельного пути междуречьем Сейма и Псла. **Рис. 46**.

Реконструкция размещения дальнейших остановок следует отходу Б. А. Рыбакова от водораздельного принципа: добавлены лишь необоснованная промежуточная дневка в с. Жовтневое на р. Локне и скопление памятников у с. Зелёный Гай, где известны остатки двух укреплений, селища и могильников (Моця, Халиков, 1997, с. 110–119). В позднероменский период там существовали укрепления так называемого Большого городища «Крейдище», полностью нельзя исключить и вероятность появления Малого сооружения. **Прим. 18**. **Рис. 45: *2***. Как и прежде, сложность отождествления Зелёного Гая с «караван-сараем» заключается в его 17-километровом расстоянии до ближайшей точки водораздела Сейма и Псла. Для однодневного отдыха под защитой укреплений купцам приходилось бы сворачивать с дороги и тратить полдня на путь к манзилю и полдня – обратно. **Рис. 47**. В 35 км к востоку от этого памятника А. П. Моцей в качестве «караван-сарая» обозначено сильно попорченное Малое городище «Фагор» Горнальского археологического комплекса, однако основания для вероятности его существования в древнерусское время противоречивы.

Таким образом, если в конце X в. эти три северянские крепости верховий Псла могли быть хотя бы косвенно связанными с обслуживанием караванной дороги, то для большей доли XI в. это стало проблематичным в силу отсутствия общерусских укреплений: в этот период непосредственно на трассе укрепленных манзилей или незащищенных караван-сараев не было.

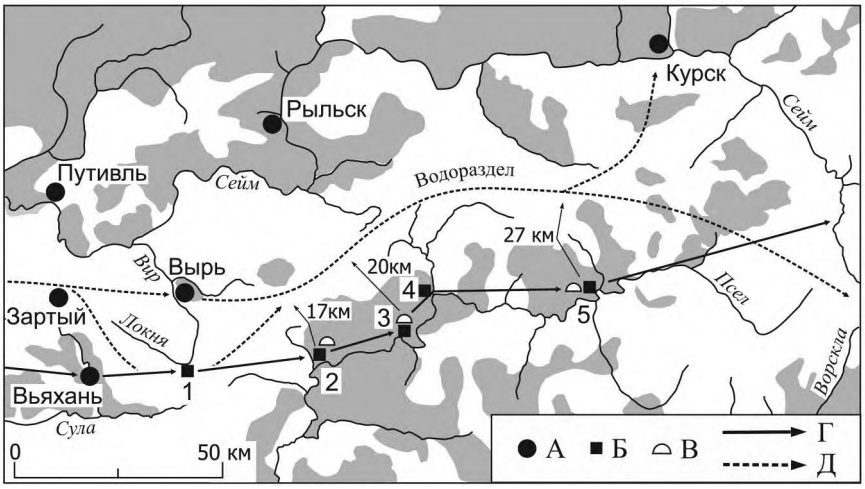

Рис. 47. Восточный отрезок трассы.
А – летописные города; Б – городища и вероятные манзили; В – курганные могильники; Г – отрезки пути по А. П. Моце; Д – другие варианты пути.
Вероятные путевые станции: 1 – Жовтневое; 2 – Зелёный Гай; 3 – Горналь; 4 – Куриловка; 5 – Гочево

Построения А. П. Моци особо привлекают намерением в большей степени, нежели его предшественник, опереться на размещение археологических памятников. Это позволило наметить более реальную протяженность перегонов между ключевыми «станциями»; подкупают и терпеливые поиски более удобных направлений следования караванов. В то же время нельзя не заметить, что хронология компонентов, входивших в состав обозначенных им караван-сараев, порой ускользает от внимания исследователя. Так, в примере с Липовым неясно, с каким поселенческим объектом он связывает размещение манзиля: с обширным позднесеверянским селищем или с укреплением, возникшим не ранее начала XII в. Судя по контексту исследования, скорее с могильником, поскольку хронологии его существования уделяется несравненно больше внимания; подобный пассаж типичен и для авторского анализа других караван-сараев.

Это не случайно: А. П. Моця является крупнейшим специалистом по погребальным древностям Южной Руси. И начавшееся к середине XII в. отмирание курганного обряда вызвало авторское представление о затухании жизни на поселениях. Этому противоречат отчетные материалы их раскопок: содержимое напластований Липового, Зелёного Гая и Гочева указывает на активное продолжение жизни не только в XII в. – порой оно продолжалось и в ордынский период. **Рис. 45**.

Таким образом, главенство обширных некрополей в интерпретации особенностей расселения вызывает весомые сомнения. В отличие от лесной зоны и содержащих лесные массивы поречий Псла и Ворсклы, в лесостепи курганные могильники сохранились как редкое исключение. Исследователи нередко фиксировали быстрое выравнивание хозяевами на их усадьбах невысоких древнерусских насыпей. Некогда громадный могильник Липового не так давно был почти полностью уничтожен при переносе колхозных служб на плато. Значительно уменьшились размеры обширного курганного поля летописного Кснятина на Суле; распашка

уничтожила и могильник летописного Снепорода площадью около 21 га. Поэтому редкие остатки случайно сохранившихся погребальных древностей вряд ли могут служить индикатором значимости манзилей и синхронности с ними ближайших городищ. Этот признак скорее характеризует представительную свиту открытых поселений (Шинаков, 1982, с. 96; 1991, с. 82; Моргунов, 2015 а, с. 7, 8).

Но внимание к могильникам служило А. П. Моце залогом доказательства трансъевропейской природы «русского» отрезка пути Болгар – Киев. Оно направлено на преодоление упускавшейся ранее возможности по достоинству оценить историческую роль Украины на общеевропейском фоне – это наблюдается во всех слоях современной украинской историографии. На этом фоне курганные могильники сближали «караван-сараи» с северными открытыми торгово-ремесленными поселениями (ОТРП) и европейскими «виками» – торговыми факториями на других европейских магистралях (Моця, Халиков, 1985, с. 174, 175; Моця, 2010, с. 36–39).

Атрибуты ОТРП и «виков» хорошо известны. Это топографически и функционально близкие археологические комплексы, расположенные на пограничьях и перекрестках торговых путей: они включали обширные поселения, небольшие городища и значительные курганные могильники. Хронологическое единообразие фиксирует их расцвет в X в. и упадок в начале – первой половине XI в. Их население было этнически неоднородным с резкими социальными различиями, характерным выделением знати и дружинного слоя. Им принадлежали клады куфических монет, скандинавский импорт, драгоценные украшения, шелковые ткани и т.д. Основным занятием поселенцев были торговля и ремесло, характеризовавшиеся находками весовых гирек и привозными вещами. На поселениях обнаружены мастерские по обработке цветных металлов; встречены яркие следы разнообразных ремесел. В погребениях содержался широкий ассортимент ремесленного инструментария (Булкин, Лебедев, 1974, с. 12–17; Петрухин, Пушкина, 1979, с. 101–111; Даркевич, 1994, с. 49–51).

Лесостепные комплексы Юга с открытыми поселениями и могильниками также нередко размещались на пограничье и вблизи древних путей. Но небольшое количество дружинных захоронений известно лишь в Гочеве. «Окняжение» Русью племенных земель прервало расцвет северянского культурного массива: оно сопровождалось гибелью прежней поселенческой структуры. Население переселяли в расположенные неподалеку более обширные «резервации», они использовали лишь традиционные кладбища. А представленные автором гипотезы общерусские крепости возникли значительно позже гибели поселений северян.

Для сельских поселений любого региона естественны занятия земледелием, охотой и рыболовством; селяне не могли обойтись и без ткачества, гончарного, кузнечного и косторезного производств. Отсутствие этой атрибутики может объясняться лишь недостаточной изученностью памятников. Подобное характерно и для приведенных исследователем аналогий с ОТРП: ремесленное производство там представлено лишь железными и керамическими шлаками. Свидетельства торговых связей ограничены обычными для всех древнерусских памятников обломками овручского шифера. Лишь в Горнале и Гочеве встречены единичные арабские монеты и их имитации, а также монета-подвеска епископа Бертольта. Только Гочево отличается большим количеством предметов христианской символики. В курганных погребениях нет ярких признаков социального расслоения, отсутствуют присущие ОТРП денежные клады и дорогие импортные изделия. В другом случае при множестве исследованных погребений отдельные атрибуты ОТРП неминуемо сказались бы. Таким образом, близость

изученных А.П. Моцей памятников к ОТРП и «викам» остается сомнительной (Моргунов, 2015, с. 8).

Учитывая логику и точность намеченной уважаемыми предшественниками генеральной линии пролегания этого торгового пути, можно предложить лишь некоторые уточнения его деталей. Как и прежде, в их основе лежат водораздельный характер трассы и размещение близ нее археологических памятников. Не лишним кажется привлечение сведений письменных источников: они указывают на более длительную эксплуатацию и вариантность, по крайней мере, отдельных участков этой дороги.

В эпоху, близкую к современности, напротив Киева существовало два пригодных для форсирования переката, имеющих аналогии в летописных источниках. В 1097 г. выдубечским бродом при устье р. Лыбедь переправлялся теребовльский князь Василько Ростиславич. А в 1177 г. «побѣже Святослав чересъ Днепр оустья Лыбеди, и потопоше людьє мнози». Стратиграфия раскопок на Подоле показывает периодические смены уровня Днепра: под 1115 г. источники упоминают о строительстве Владимиром Мономахом поблизости киевского моста (ПСРЛ, т. 1, с. 258, 290; т. 2, с. 604, 605; Блажевич, 1989, с. 23; Толочко, 2008, с. 328–330).

После днепровского перехода более вероятно направление, приблизительно через 27 км выводившее к Льто–Борисполю. **Рис. 44**. Эта версия обоснована древностью направления и появлением там обозначенного сребрениками поселения уже в первой четверти XI в. К 1074 г. там существовал монастырь Льтец, в 1117 г. Владимир Мономах заложил церковь в своей загородной резиденции «на Льте» (ПСРЛ, т. 1, с. 187, 294; т. 2, с. 177, 285). Город был перекрестком путей и позже: в 1147, 1149 и 1152 гг. близ него через верховья Супоя шла дорога в Суздаль, через эту точку зарегистрировано и обратное движение из северных земель. Это направление функционировало и в XVII в. (ПСРЛ, т. 1, с. 315, 316, 335; т. 2, с. 344, 345, 354, 378; Лазаревский, 1896, с. 348). Таким образом, это была важнейшая путевая трасса, хорошо освещенная источниками.

От Льто дорога могла следовать через трубежский брод в Барышевке (26 км), где вероятны остатки археологически не изученного городища. Дальнейшее пролегание пути имеет два варианта. Из них наиболее «наезженным» был путь к летописному Прилуку, до которого оставалось 77 км прямой дороги. Размещение этих первых «манзилей» было ориентировано к водораздельному междуречью Сейма и Псла, оба расположены на расстояниях, близких к двухдневным переходам купеческих караванов.

Думается, что вариант смещения трассы к Верхнему Супою вызван недоразумением из-за неточной оценки летописных сведений. Так, описанные в «Поучении» Владимира Мономаха события 1085–1087 гг. и появления там половцев в 1154 и 1174 гг. – это обходной маневр степняков из-за укрепления посульского рубежа (ПСРЛ, т. 1, с. 248, 249). А появление на Супое в 1136 г. черниговских Ольговичей и в 1149 г. Юрия Долгорукого – примеры нападений на Переяславщину с севера, а не с востока (ПСРЛ, т. 1, с. 303, 304; т. 2, с. 297–299, 356, 376–378). Кроме того, за исключением Петровки и Нового Быкова, на этом пути нет места для «манзилей», поэтому обоим исследователям пришлось «возвращать» путь к маршруту патриарха Макария.

Водораздельная версия сравнима с трассой Б. А. Рыбакова через верховья Супоя: в XVII в. она уводила к лишенному бифуркационных болот междуречью истоков Остра и Удая и летописной Белой Веже. Этот «великий тракт» соединял северную Малороссию с южной, а в XVIII в. был обращен в почтовую дорогу (Лазаревский, 1893,

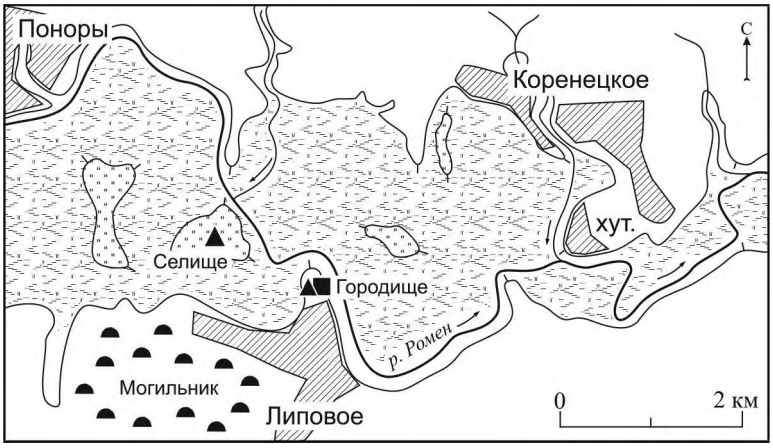

Рис. 48. Топографическая ситуация окрестностей с. Липовое на р. Ромен (векторизация части карты 1931 г.)

с. 288, прим. 330; Оппоков, 1905, с. 181). Он пролегал мимо Красного Колядина (летописного Красна), затем следовал правым, черниговским берегом Ромена. Этот отрезок направления мог существовать только в пору политического единства Левобережья: позже киевская трасса вторглась бы в черниговские пределы.

Таким образом, более обоснованным представляется переход Барышевка – Прилук. Затем дорога могла следовать через летописную Переволоку (16 км), междуречьем левых удайских притоков Смоша и Лысогора (46 км), или с заходом в летописный Серебряный (18 + 35 км) к броду на р. Ромен у городища летописного Красна, содержащего позднероменские и древнерусские напластования.

Прежде я категорически отрицал вероятность прокладки А. П. Моцей дальнейшего пути через Липовое и настаивал на реальности форсирования р. Ромен только у подножья городища летописного Красна. Основанием для этого служила ширина заболоченной поймы, которая у Липового насчитывает около 2 км; краеведческая литература XIX в. также отрицала существование другого речного перехода между Красном и Роменом (Моргунов, 2015 а, с. 6; 2018). Первые сомнения в точности такой оценки возникли в процессе полевых исследований: напротив городища Медвежье обнаружилось резкое сужение поймы и современный переход. В этом плане за скобками можно оставить переменчивость русел реки, ее рукавов и ручьев: береговой рельеф и размещение надпойменной «нулевой» горизонтали всегда неизменны.

Изучение близкого к современности картографического материала показало и высокую степень вероятности перехода через Ромен чуть восточнее Липового. На это указала карта 1931 г. масштаба 1:50 000[2] (M-36-43-A) Управления военных топографов РККА (http://webapp1.dlib.indiana.edu/imag-es/search.htm?max=15&start=0&c=dX-E%3D%3A0JwtMzYtNDMt0JA%3D). **Рис. 48**. Попытка построить мост ближе к Липовому следует из разведки В.Г. Ляскоронского: в конце XIX в. от городища через болото следовал «к реке и вдоль ее ряд тонких, сравнительно с нынешними палями, свай, назначение которых никто из местных жителей не умел объяснить» [1901, с. 409, 410]. Сохранность мостовых опор указывает на их позднее происхождение.

[2] Пользуясь случаем, выражаю признательность А. О. Прядко за помощь в поисках качественной картографической основы.

№ п/п	Конец X-нач. XI вв.	XI в.	Конец XI - серед. XIII вв.
1			
2			
3			
4			
5			

Рис. 49. Керамические формы «водораздельных» памятников.
1 – летописные г. Зартый (Николаевка); 2 – Глебль (Шевченково);
3 – Вьяхань (Городище); 4 – городище Великий Самбор; 5 – Грицевка

На левом берегу перед путниками сначала открывалась проходимая слабо расчлененная равнина с ручьями в неглубоких пологих оврагах. Но близ упомянутых А. П. Моцей сел Роменского района – близ отрогов Среднерусской возвышенности – ландшафтная картина резко меняется. Многочисленные правые притоки Сулы текут в глубоких оврагах с крутыми склонами, доступными лишь пешеходам и всадникам, но не груженым телегам. Следовательно, этот участок нужно было обходить несколько более северной дугой.

Этот вполне реальный вариант не исключает более прямого и удобного пути через красненский брод: после приблизительно 30-километрового движения по «малому» водоразделу Ромен – Терн до Вьяханя оставалось 40 км.

На этом отрезке привлекает внимание размещение синхронных дороге памятников летописного Глебля, Зарытого (Зартыя), Вьяханя и безымянных укреплений Великий Самбор и Грицевка. Судя по происходящим оттуда материалам, задолго до появления оборонительных сооружений там существовали общерусские открытые поселения конца X–XI вв. Заселенность этих памятников в XI в. исключительна: нечто менее похожее встречается только в угасающем в этом столетии существовании обширных открытых поселений Владимира Святославича. **Рис. 49**. А возникновение «водораздельных» поселений в зоне контактов Руси с северянами можно объяснить только необходимостью обслуживания дальней трассы, по которой прежде следовало раннее направление освоения северянских земель. Размещенное в 2,5 км от красненского брода поселение Грицевка на ранних этапах существования путевой трассы могло иметь к ней непосредственное отношение в качестве стоянки караванов. Оно было с трех сторон защищено заболоченной поймой и течением реки, а значительные размеры надпойменного мыса (24 га) позволяли разместить там много путников с повозками.

Существенную роль для оценки дальнейшего следования караванов играл их выход через «малый» водораздел Ромен – Терн на «основной», следовавший между Сеймом и истоками Сулы – Псла. Эти древнейшие пути связаны и с выделением Переяславского и Черниговского княжений – линия стабильной демаркации

их земель также восходила к начальной фазе «окняжения» территории восточносеверянского племенного союза. Так, вектор «освоения» путивльского поселенческого узла северян следовал из Чернигова, а присоединением лежавших восточнее земель занимались Киев с Переяславлем, предварительно разделив их трассой по ненаселенному водоразделу.

Летописная информация об этом участке пути также отрывочна, но известно, что близ выхода из «степного коридора» ключевой крепостью был Курск, откуда следовала дорога на север. В 1015 г. рядом с умиравшим Владимиром Святославичем неожиданно оказался княживший с 1010 г. в Ростове его сын Борис. Не исключено, что именно этой дорогой он добирался в Киев в обход вятичских лесов. И на время избежал гибели: его брат, муромский князь Глеб, спускался в Киев по Днепру и был убит под Смоленском. Около середины XI в. какой-то части этой трассы не мог миновать и юный Феодосий Печерский. Осенью 1068 г., после поражения на Летском поле, переяславский князь Всеволод только этим путем мог бежать в удаленный от половецких путей Курск. Сына он отослал еще дальше от степной опасности: «сквозѣ вятичѣ» в далекий Ростов, отошедший Всеволоду по «завещанию» Ярослава Мудрого. Из Курска в 1095 г. сын Владимира Мономаха Изяслав уходил на княжение в Муром. Эти известия и могли вызвать гипотезу М. С. Грушевского о вероятности прохождения через Курск караванной дороги в Болгар (1994, с. 294).

К концу XI в. владельческая принадлежность Посеймья стала мешать черниговским князьям: земли вятичей еще не были «освоены» Черниговом, а переяславская магистраль закрывала им бесконтрольный выход в степи. Это стало одной из причин выделения Новгород-Северского княжества с временной передачей ему Посеймья с его водораздельным «коридором».

Как известно, активное укрепление Посулья началось с юга, где пролегала широкая полоса половецких дорог на Русь. Поэтому степняки были вынуждены постепенно перемещать трассы вторжений к северу. И в 1113 г. через горловину «степного коридора» между верховьями Сейма, Псла и Северского Донца ханы Аепа и Боняк появились у Выря. В XII в. этот город стал значимой подорожной крепостью: р. Вир с ее верховьем, р. Локней, почти полностью перегораживали междуречье. В 1127 г. к черниговскому князю Всеволоду Ольговичу пришли Селук с Ташем и стали «оу Ратьмирѣ дубровы за Выремь», но их послы были перехвачены на Локне. Западнее Выря локненский участок трассы мог контролировать Вьяхань, размещенный от нее всего в 14 км, и его пригород, сторожевой форпост Бабаково, стоявший в 12 км (ПСРЛ, т. 1, с. 250, 296, 297; т. 2, с. 276, 290, 291). Устройство последнего форпоста не исключает вероятности его строительства с использованием традиций «степной» фортификации. Отсюда обретает заманчивость идея о перехвате половецких послов торческой конницей, расселившейся вблизи бабаковского убежища. К Вырю приходили степняки и в 1160 г. для поддержки князя Изяслава Давыдовича (ПСРЛ, т. 2, с. 505, 506).

В дальнейшем этот выводивший из степей участок трассы претерпел значительное усложнение целой сетью крепостных сооружений: недаром в «Слове о полку Игореве» он назван «полю воротами» (Бородин, Моргунов, 2003, с. 84–87). Возможно, этим объясняется неудача воинства хана Гзака в 1185 г.: вместо ожидаемого в Посеймье «полона собранного», ему удалось разграбить лишь несколько сел и сжечь путивльский острог.

Некоторые изменения в направление внутренних путевых трасс внесли перемены территориальных структур позднего Средневековья, но отдельные звенья этой трассы продолжали функционировать и в этот период. Так, в XVI–XVIII вв. от

степной Муравской трассы ответвлялся Бакаев шлях, пролегавший между Сеймом и Сулой (Багалей, 1887, с. 28).

Итогом затянувшегося обзора являются наблюдения о реальном существовании водораздельного военного и торгового пути, связывавшего Киев с Курском и северными областями Руси. На этой трассе размещались разновременные укрепленные и открытые поселения, способные ее контролировать и оказывать разностороннюю поддержку войскам и купеческим караванам. Несомненно, при жизни Владимира Святославича путь мог функционировать на протяжении действия его договора с Волжской Болгарией. Сведения же о его дальнейшей судьбе появились в источниках после длительной лакуны и связаны с иными обстоятельствами. Поэтому проблематика караванного пути Киев – Болгар требует дальнейших исследований. В любом случае, для Переяславской земли, несомненно, более значимой была связь с ее северными анклавами.

Христианизация окраин Руси

Введение новой монотеистической религии – третьего этапа реформ Владимира Святославича – было внутриполитическим средством укрепления власти киевского князя и ускорения процесса объединения племенных земель. Христианство было известно в русском обществе задолго до Владимира. Оно находило последователей среди отдельных представителей высшей власти и части варяжской дружины, акция же Владимира ставила целью охватить широкие слои населения.

В насыщенных церковной риторикой письменных источниках первые успехи христианизации описаны с большим подъемом. В созданной монахом Иаковым около середины XI в. «Памяти и похвале князю русскому Владимеру» сохранились сведения из летописи, предшествовавшей не только ПВЛ, но и Начальному своду (Шахматов, 2001, с. 21, 23–28). Эта акция там описана следующим образом: «Крести же и всю землю Рускую от конца до конца… И церковь созда камену во имя пресвятыя Богородица… И потомъ всю землю Рускую и грады вся украси святыми церквами» (Иаков, 1997, с. 318). Столь же похвальны и отзывы ПВЛ о Владимире, который «повелѣ рубити церкви (РА: церковь)», а также: «нача ставити по градомъ церкви, и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градом и селом…» (ПСРЛ, т. 1, с. 118). В созданном между 1037 и 1050 гг. «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона подчеркивалось стремление великого князя к всеобщему крещению Руси. Он «заповѣдавъ по всеи земли и крьститися… и всѣмъ быти христианомъ малыим и великыимъ, рабомъ и свободныим, уныим и старыим, бояромъ и простыим, богатыим и убогыимъ. И не бы ни единого же противящася благочестному его повелѣнию…». К чести митрополита, он указал и на трудности хода этого процесса: «да аще кто и не любовию, нъ страхом повелѣвшааго крещаахуся, понеже бѣ благовѣрие его съ властию съпряжено» (Иларион, 1997, с. 44).

Сам же Владимир продолжал жить по языческому «устроєнью отню и дѣдню» (ПСРЛ, т. 1, с. 127). И даже перевозка его тела для погребения происходила с соблюдением отнюдь не христианской обрядности: «межю двема клѣтми проимавше помостъ, обертѣвше в ковер, и оужи съвѣсиша а землю, възложиша и на сани, везъше поставиша и въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ сам» (ПСРЛ, т. 1, с. 130). На санях перевозили и мощи его сыновей Бориса и Глеба в 1072 и 1115 гг. (Успенский сборник, 1971, с. 62, 70).

Таким образом, спустя 50–120 лет в древнерусской книжности победа Владимира над язычеством связывалась со строительством церквей в городах и христианизацией всех слоев населения «от конца до конца» Руси, хотя упоминалось лишь о крещении Киева и Новгорода. Похоже, что реальное церковное строительство на Руси оказалось не столь распространенным явлением, нежели это декларировалось источниками. Это создает впечатление о преувеличении результатов христианизации.

Историков издавна волновала эта проблематика, отраженная в обширной литературе. Вспомним лишь о самых существенных полемических вехах.

Идею о постепенном характере утверждения христианства в древнерусском обществе отстаивали еще В. Н. Татищев и Н. М. Карамзин, полагавшие, что по окраинам Руси язычество господствовало вплоть до XII в. (Татищев, 1962, с. 97–102, 112; Карамзин, 1989, с. 154). Близкими были представления известного профессора Московской духовной академии. По его мнению, постепенно крестили тех, от кого ожидали меньше сопротивления, а иным давали время свыкнуться с необходимостью переменить веру (Голубинский, 1901, с. 172, 175). Но большинство исследователей вслед за епископом Макарием настаивали, что новая вера стала господствовать на Руси еще при жизни Владимира Святославича (Макарий, 1857, с. 3).

Столь же разнообразны и мнения современных исследователей. Одни считали, что на северянских землях христианство распространилось «среди господствующих группировок едва ли намного позднее, чем в Киеве» (Мавродин, 2002, с. 149). Другие связывали это явление с присоединением племенных окраин, где христианизация почему-то проходила быстрее (Петрухин, 1995, с. 237; 2006, с. 149, 151, 152; Моця, 2000, с. 273), а к востоку от Сулы имела насильственный характер (Сухобоков, 2012, с. 236, 303). Многие ученые осторожней относились к скорым успехам христианизации, полагая, что поначалу она имела на Руси локальное распространение. Церковь подчинила своему влиянию или лишь крупные города, или только территориальное средоточие в рамках Киева, Переяславля и Чернигова. Таким образом, после формального акта 989 г. население многие десятилетия оставалось языческим (Рыбаков, 1987, с. 755; Щапов, 1987, с. 134; Дворниченко, 1988, с. 4; Котляр, Смолий, 1990, с. 81).

Изучение исторической географии включает освещение этого вопроса на основании материальных памятников. Рассмотрим их на доступных материалах применительно к территории Переяславской земли в ее максимальных пределах. По сложившейся в литературе традиции, этот вопрос включает анализ погребальной обрядности, распространенности предметов христианской символики и сравнения этого массива древностей с существованием синхронных языческих культовых сооружений.

Языческая погребальная обрядность предусматривала сооружение курганов над погребениями, сопровождавшимися порой обильным заупокойным инвентарем. Но новейший исследователь все подкурганные ямные ингумации с западной ориентировкой считал христианскими (Мусин, 2002, с. 42, 43, 47), хотя по большому счету ямная обрядность могла иметь иное происхождение. Но после неудачной попытки интерпретировать среднеднепровские ямные погребения в качестве полянских (Русанова, 1966) новая гипотеза постепенно заполняет определенную нишу в литературе.

Тем не менее она не закрывает щекотливого вопроса о появлении христианских символов скандинавского облика в языческих захоронениях с противоречившим церковным канонам вещевым сопровождением (Хамайко, 2010, с. 434). А

положение умершего головой на запад могло быть славянским языческим ритуалом, восходившим ко времени господства обряда кремации (Седов, 1995, с. 77, 78). Даже применительно к Гнёздовскому могильнику с его несколькими крестиками-тельниками, восковыми свечами и комками воска Т. А. Пушкина подчеркивала преобладание языческой основы. Она раскрывалась через сопровождение погребений оружием, конским снаряжением и атрибутами торговли; известны там и парные захоронения. Это указывает на сосуществование нового культа с прежними традициями или же на формальное отношение к христианству (Пушкина 1997, с. 127–128). Не исключено, что там бытовало и «неполное крещение» с преобладанием языческой ритуальности (Жарнов, 1998, с. 103, 104).

Из скандинавских стран христианство раньше прижилось в Дании. Первая попытка ее христианизации в 852–854 гг. папским легатом Ангаром не удалась: там началась «языческая реакция». И только в 965 г. конунг Харальд I Синезубый принял христианство и начал силой насаждать его по всей стране (Роэсдаль, 2001, с. 42, 44, 93; Рыбаков В. В., 2008, с. 183; Турчин, 2010, с. 266, 267). По времени это близко к появлению серебряных тельников в северорусских погребениях как вероятность христианизации через скандинавских дружинников. В таком случае при мужских погребениях был бы заметен количественный приоритет предметов личного благочестия. Но такие примеры единичны и на Руси, и в Скандинавии: за редким исключением такие изделия находили в женских погребениях в составе ожерелий с племенными украшениями и амулетами. Возможно, это отражение своеобразной моды на ношение доселе невиданных и явно дорогих украшений и аксессуаров, охватившей местных жен заезжих европейцев (Седов, 1995, с. 78).

Крестообразные изделия, изображения, клейма и амулеты являлись одной из древнейших сакральных примет. Поэтому крещатые изображения не случайно стали ведущими символами и в христианстве. Наиболее ранним и реальным свидетельством проникновения христианства в местный быт считают появление в Гнёздове второй половины X в. небольшого количества крестовидных подвесок, восковых свечей и комков воска.

Из них кресты из листового серебра с расширяющимися концами бытовали от второй четверти – второй половины X до начала – третьей четверти XI в. В северных регионах Руси такие изделия встречались значительно чаще. Сопровождавший их вещевой ассортимент был наделен выраженной скандинавской культурной вуалью. Считают, что они типичны для дружинных некрополей торгово-ремесленных поселений и могильников воинских гарнизонов этих окраин Руси (Недошивина, 1983, с. 224; Мусин, 2002, с. 130, 133, 138). К концу X – началу XI в. относятся подвески «скандинавского» типа (Фехнер, 1968, с. 213), но не исключено их бытование вплоть до первой половины XII в. (Мусин, 2002, с. 180). К ранним предметам личного благочестия относят и часть крестиков с Распятием. Их Н. Г. Недошивина датирует серединой – второй половиной XI в., а А. Е. Мусин считает, что они бытовали до первой трети XII в. (Недошивина, 1990; Мусин, 2002, с. 153).

В настоящее время известно, что каноны нового вероучения не требовали заупокойного сопровождения христиан предметами личного благочестия: это лишний раз напоминало бы об их языческих корнях. Более того, часть исследователей считает, что содержание крестообразных подвесок или их отсутствие в погребениях не являются отличительными признаками христиан и язычников (Недошивина, 1995, с. 71; Панова, 1995, с. 72). И всё же нельзя оставить без внимания те статистические наблюдения, которые связывают успехи христианизации с появлением тельников в погребениях и культурных напластованиях. Нельзя закрывать глаза на то

обстоятельство, что они пока остаются единственным признаком христианизации. Поэтому за неимением лучшего наблюдения о том, что в Смоленской земле на протяжении XI и начала XII в. основная масса населения была языческой, остаются реперными (Седов, 1995, с. 78). Не случайно местное население почти не пользовалось христианской атрибутикой и в Новгородской земле на протяжении конца X – первой четверти XI в. (Лесман, 1995, с. 36). Вплоть до начала XI в. не встречены кресты и в могильниках Белозерья и Каргополья (Макаров, 1991, с. 13).

Археологические сведения о присоединенных к Руси и позже вошедших в состав Переяславской земли северянских землях крайне неполны в силу ограниченного количества широко изученных памятников. Тем не менее полное отсутствие на них ранних предметов личного благочестия симптоматично: этот обширный регион не являлся исключением из общерусской картины. В Гочеве, Липине, Рати, окрестностях Курска и Рыльска найдено более сорока скандинавских артефактов (Шпилев, 2009, с. 232–250; 2012, с. 227–233). Их владельцы могли бы занести в левобережную глухомань хотя бы единичные символы христианского культа, но этого не случилось. Возможно, в сражениях за обладание Киевом северянских земель участвовали только викинги, покинувшие Данию из-за жестких методов христианизации их родины Харальдом I Синезубым (Моргунов, 2016, с. 26).

Обширная литература посвящена и изучению языческих святилищ (Русанова, Тимощук, 1993, с. 6–8). И. П. Русанова пришла к выводу о длительном существовании домонгольских языческих святилищ и культовых мест. Их важнейшими признаками она считала наличие вокруг подобных объектов кругообразных сакральных границ, отделявших культовые места от жилых зон. К ним относились и сооружения или конструкции необычной формы, отдельно размещенные очаги или вымостки, предметы поклонения (идолы) и жертвенный состав находок (Русанова, 1992, с. 53; Русанова, Тимощук, 1993, с. 9). В. А. Семенов за важнейший атрибут разнородных святилищ принимал любой изолированный от поселений и окруженный валом или рвом участок, где могли происходить языческие ритуалы и жертвоприношения (2000, с. 183). Выделению последовательных подсистем и уровней признаков святилищ посвящены работы К. М. Свирина (2007, 2008, 2011). Культовыми сооружениями он считал ограждения, ямы, очаги, печи и колодцы. К ритуальным относил также кострища, остатки пищи, камни и шлаки. Жертвенными остатками являлись вещи и инвентарь (Свирин, 2011, с. 96).

Остатки загадочных и долго существовавших сооружений обнаружены на поселении Мацковцы на Суле, расположенном всего в 120 км восточнее Переяславля. Они размещались на кругообразной сакральной площадке, отделенной от северянского поселения неглубоким оврагом. **Рис. 41**.

Один объект – это колодец с обширной воронкой, опускавшейся к водосборной шахте. **Рис. 50**. В ее материковых склонах был вырезан амфитеатр из четырех обширных кольцевидных ступенек, закрепленных подпорными плахами и керамическими вымостками. Ступени были слишком велики для использования в качестве земляной лестницы; на верхней ступени были сложены две полусферические глинобитные печи без навесов, устьями обращенные к середине котлована. Это напоминает о разжигании перед колодцами огня, что типично для языческих святилищ (Русанова, 1992, с. 12). К сакральному истолкованию склоняет и найденное внизу, вокруг жерла шахты, множество раздробленных костей животных, орудий труда, предметов добычи и приготовления пищи, обустройства жилья, бытовых и хозяйственных занятий. Подобный жертвенный ассортимент, связанный с изобилием и самой жизнью, символом которой служили колодцы, типичен для ритуальной поддержки большинства

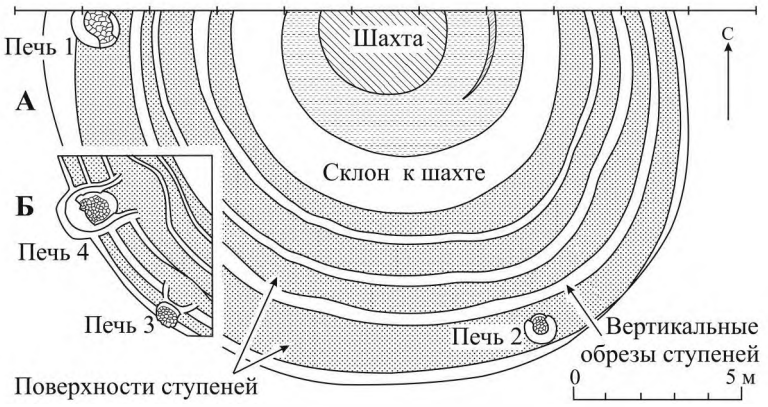

Рис. 50. Мацковцы, колодец. А – план ступеней и печей первого строительного периода; Б – врезка: печи второго строительного периода

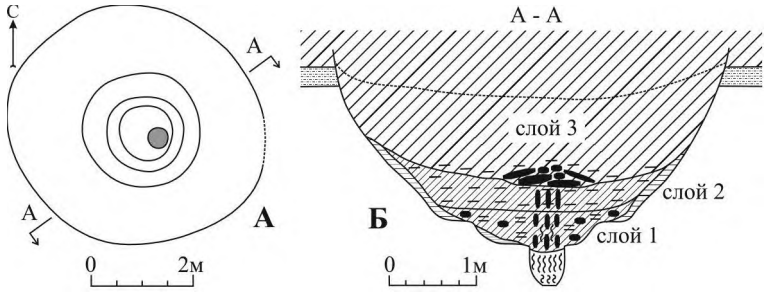

Рис. 51. Мацковцы, капище. А – план сооружения; Б – разрез заполнения

археологически известных водозаборных устройств (Русанова, Тимощук, 1993, с. 64). Сложная структура водозаборника типична для развитого уровня ритуальных объектов (Свирин, 2007, с. 127–130). Недаром в письменных источниках встречаются свидетельства о поклонении колодцам (ПСРЛ, т. 1, с. 91; ПСРЛ, т. 3, с. 105, 513; Моргунов, 2011, с. 258, 259). Вероятно, не являлось исключением и это сооружение.

Другим объектом сакральной площадки является котлован округлых очертаний диаметром 5 м и глубиной 2 м с круто опускавшимися ко дну дугами стенок. **Рис. 51**. В его ступенчатом дне содержалась круглая яма глубиной 0,5 м и диаметром 0,4 м с остатками мощного дубового столба. Заполнение котлована также было насыщено множеством культурных остатков. Важнейшим атрибутом этого сооружения была пронизывавшая слои последовательных заполнений вертикаль горевших и вновь водружавшихся толстых дубовых столбов – каскад сооружений сходного назначения. Это сооружение можно интерпретировать как длительно существовавшее капище с идолом, или святилищем второго уровня (Свирин, 2007, с. 127–130). Подобные объекты свойственны культовым ямам с жертвенным составом их содержимого (Русанова, Тимощук, 1993, с. 11–17; Моргунов, 2011, с. 259).

С появлением на месте северянского поселка общерусского поселения капище и колодезные атрибуты были сожжены (первая попытка христианизации?), но вскоре были восстановлены на прежних местах. Невзирая на появление кре-

пости во второй половине – конце XI в., они почти непрерывно функционировали вплоть до второй половины XII в.

Возможно, столь длительное существование язычества объясняется не только удаленностью поселения от крупных центров. На поселении проживали потомки северян-язычников и «мужей лучших», перемещенных Владимиром Святославичем из лесной зоны Руси. Население пополнялось волнами оседавших на землю кочевников и вынужденных переселенцев из разоренных феодальными войнами княжеств. Поэтому преобладание языческой атрибутики и длительное отсутствие предметов христианского культа выглядят не случайным (Моргунов, 2009, с. 114).

Заселенность левобережных киевских владений

Несомненно, административные реформы не могли не сказаться положительно на развитии поселенческой структуры лесостепного Левобережья. Вкратце ознакомимся с археологическими памятниками региона.

Сложными были пути решения проблемы возникновения Переяславля, упомянутого в договорах 907 и 944 гг. с Византией (ПСРЛ, т. 1, с. 31, 49). Сторонники достоверности этих сведений относят город к древнейшим, противники настаивают на летописной дате создания города. Последнюю версию подтверждает отсутствие имени города у Константина Багрянородного и дружинных могильников в его ближайших окрестностях. Симптоматичны и остатки стеновых сырцовых облицовок, характерных только для фортификации эпохи Владимира Святославича.

Достоверность сведений о русско-византийских договорах дискутируется более двухсот лет (Сахаров, 1978, с. 267–269). Для летописного текста договора 907 г. характерны термины и понятия, противоречащие византийскому социально-политическому и конфессиональному этикету. Оригинальный текст этого соглашения отсутствует; в византийских источниках нет сведений и о самом походе Олега на Царьград (Бибиков, 2005, с. 6, 9). Еще А. А. Шахматов счел оба летописных упоминания поздними вставками, поэтому не оставил их в реконструкции Древнейшего киевского свода (Шахматов, 2001, с. 11, 12, 79, 388–390). Хотя в советское время слишком критическое отношение к древнерусской дипломатии считалось неактуальным, с этой точкой зрения согласился А. Н. Насонов (1969, с. 43). Впрочем, и сторонников глубокой древности этих упоминаний известно не меньше.

Нестыковка летописных и археологических сведений объяснялась переносом города на новое место (Мавродин, 1945, с. 114–115). Применительно к затронутой проблематике эту гипотезу инициировал М. А. Максимович: ему якобы передали обломок кирпича IX или XI в. (?) из размытой Днепром церкви, что послужило основанием искать первоначально город близ устья Трубежа (Максимович, 1877, с. 354; Тихомиров, 1956, с. 310; Коринный, 1992, с. 145). Размещение древнейшего города вблизи Днепра логично для удобства международной торговли и в интересах связи города через зарубский брод с поселениями Правобережья. А переправа через Трубеж в середине X в. в охране не нуждалась: серьезной степной опасности еще не было. Поэтому его закладка в 993 году трактовалась как реконструкция укреплений города, перенесенного на трубежский брод, а его древнейшие культурные напластования могли быть уничтожены этим и более поздним строительством. В свое время и я не избежал подобного искушения (Моргунов, 1998, с. 34).

С началом планомерных исследований переяславской округи гипотеза о переносе города отпала: на побережье Днепра древностей классического X в. не

найдено. Поэтому возникновение Переяславля увязывается с летописной датой: необходимость в нем была связана с оборонительной и колонизационной деятельностью Владимира Святославича. Действительно, наиболее ранние напластования переяславского городища датируются концом X в. Более древних находок нет и в забутовке переяславских стен, а под валами, образовавшимися в результате разрушения защитных стен, исследователями обнаруживалось лишь немного керамики этого периода (Раппопорт, 1956, с. 86). Это может быть следствием одновременного заселения округи у переправы и интенсивной хозяйственной деятельностью по подготовке строительной площадки и возведения крепостных стен. Периодически в литературе появляются сведения о более ранних находках на территории древнего города и в его окрестностях, но их датировки каждый раз оказывались удревненными. Точку в дискуссии поставил известный исследователь переяславских древностей А. В. Колыбенко: его подробный анализ показал, что город мог возникнуть в незаселенной ранее местности в 988–993 гг. (Колибенко, 1999; Колибенко, Колибенко, 2004; Комар, 2012 г, с. 362–364).

Детинец Переяславля площадью 12 га был одним из наиболее значительных древнерусских укреплений. Он располагался близ летописного брода на мысу, образованном течением Трубежа при впадении в него р. Альты. В этот период была заселена лишь южная часть детинца. Проходившая через город основная путевая трасса на севере замыкалась упоминавшимися в источниках позднее Княжескими воротами, а на юге – Епископскими. Город сопровождало не менее трех открытых поселений этого времени: это уроч. Лагеря близ трубежского брода, на будущем Заальтицком предградье, и в Оболони, ограниченной течением Трубежа и впадающей в него слева р. Поповки. Синхронные основанию города погребения встречены в курганных могильниках Ярмарковщина и Альтицком в уроч. Ветряная Гора (Колибенко, 2002, с. 168–172; Комар, 2012 г, с. 364). **Рис. 52**.

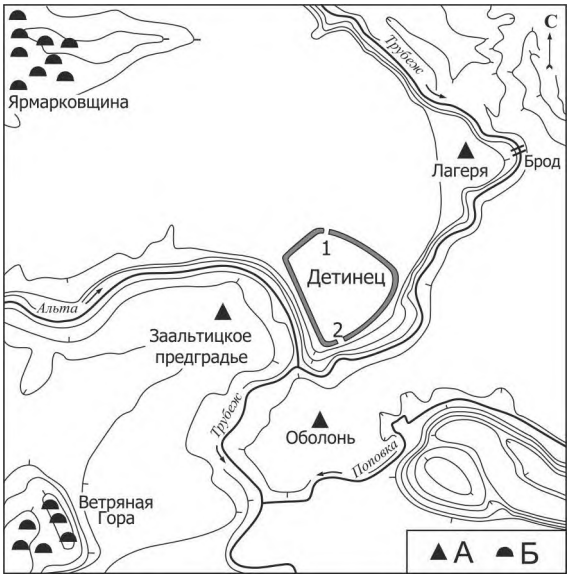

Рис. 52. Переяславль рубежа X–XI вв. (по Н. Н. Коринному, А. В. Колыбенко и А. В. Комару).
1 – Княжеские ворота; 2 – Епископские ворота.
Условные обозначения: А – открытые поселения; Б – курганные могильники

Как упоминалось выше, на южной окраине переяславского расселения во рву летописного Воиня были обнаружены обломки сырцового кирпича. Это указывает на реконструкцию укреплений в конце X в.: они стали однорядными, что характерно для фортификации этого времени. Детинец площадью 2,5 га (по А. В. Кузе – 4,6 га), приспособленный для захода судов, сопровождался обширным окольным городом.

На северной окраине киевских владений, в 60 км от столицы при устье р. Остёр и в современном городе Остёре, расположено городище летописного Остёрского Городца, заложенного Владимиром Мономахом в 1098 г. Он располагался на полпути от Киева и Переяславля в Чернигов. Со столицей Руси его связывал днепровский брод «на Воровиче», каскад речных переходов, ведущих от Ольжич к Вышгороду, и обходной путь через устье Припяти – южные владения Чернигова начинались севернее (ПСРЛ, т. 1, с. 326; т. 2, с. 248, 417). В связи с упоминанием водной артерии в «списке рек», укреплявшихся Владимиром Святославичем, в литературе нередки заключения о возникновении города в конце X в. (Ляскоронский, 1903, с. 140; Грушевський, 1992, с. 344; Голубовский, 1908, с. 30). Действительно, оттуда происходит бронзовая бляшка X в. с растительным узором, аналогичная образцам из Лядинского и Гнёздовского могильников (Шугаевский, 1912, с. 75). Кроме того, у подножья городища на остатках двух укрепленных посадов были обнаружены следы культурных напластований рубежа X–XI вв. (Богусевич, 1962, с. 37–42; Казаков и др., 1989, с. 89; Козаков, 1996, с. 92).

На городище, остатки которого имеют площадь 0,75 га, столь ранние материалы не встречены, не сохранилось и следов древнейших укреплений. Отчасти это может объясняться недостаточной изученностью городища, плотной застройкой позднесредневековой крепости и естественной деформацией городищенского возвышения под воздействием грунтовых подвижек. Так, его останец, позволяющий отнести памятник к типу «круглых» городищ, и сейчас несет следы прямолинейных подрезок склонов. Кроме того, согласно «Описанию Остерского замка 1652 г.», уже тогда: «гора почала казитися подмываниемъ отъ реки, потребуетъ тамованя (укрепления – *Ю. М.*), потребуетъ тежъ гора замковая» (АЮЗР, 1886, с. 592). Кроме того, наличие севернее древнего города протяженного «рва», во многом близкого былинным Змиевым валам, не позволяет полностью исключать вероятности более раннего возникновения этого Городца.

Несколько выше по течению, на левом берегу р. Остра, размещается столь же загадочное и так же плохо изученное мысовое городище в с. Кошаны (уроч. Исаева Гора). М. П. Кучера принимал его за остатки «города» Владимира Святославича, но площадь мыса с остатками напольного вала на узком перешейке насчитывает 14 га: это слишком много даже для летописного города. А. В. Куза располагал непроверенными сведениями об остатках на мысу каменной церкви (Копилов и др., 1952, с. 97; Ляпушкин, 1961, с. 330; Сухобоков, 1984 а, с. 129; Куза, 1996, с. 112). На севере мыс заканчивается ограниченной крутыми склонами стрелкой размерами 140 × 80 м (около 1,2 га). **Рис. 53**. Вероятно, первоначальное поселение располагалось там. На это указывает размещение за его пределами более поздних погребений без вещей и в гробах. А основание мыса могло быть занятым позднесредневековой крепостью с мощным напольным валом прямолинейной конфигурации: там обычны относительно поздние погребения и материалы XVII–XVIII вв.

В Остёрском краеведческом музее хранится значительное количество подъемного материала этого памятника, представленного в том числе и высокохудожественными изделиями из цветных металлов, датирующихся начиная с середины X в. Там же найдены два хозяйственных топора типа 4 с оттянутыми лезвиями, бо-

ковыми щекавицами и вырезными обухами северо-балтийского облика. **Рис. 54:** ***5, 7.*** К довольно ранним образцам относится наконечник копья удлиненно-треугольной формы с пером ромбического сечения. Плечики орудия типа 3 низко опущены, массивная втулка расширяется книзу. Близкие формы подобных изделий массово использовались в Европе в VIII–XI вв., а на Руси были характерны для деревенских курганов XI в. (Кирпичников, 1966-2, с. 12, 13). **Рис. 54:** ***2.*** На городище найдено множество наконечников стрел. Из них наиболее ранние представлены плоским двушипным втульчатым типа 2 и двумя ромбовидными «гнёздовского» типа 41. Их новгородские и гнёздовские аналогии датируются X веком, рис. 52: *8–10* (Медведев, 1966, с. 56, 65).

Любопытны итоги случайных керамических сборов, зафиксировавших бытование разновременных групп посуды. Из них старшая восходит к рубежу X–XI вв.; после продолжительной хронологической лакуны жизнь на поселении возобновилась не ранее второй половины – конца XI в, рис. 52: *11, 12* (Фонды ИА НАНУ. Колл. № 558). На лучше изученных объектах подобная картина отражает существование двух выразительных этапов существования памятника: сначала это было открытое поселение, возможно, с присутствием дружинного элемента. А новая активизация заселенности могла быть инициирована строительством крепостных сооружений. К последнему периоду также относится множество предметов быта, военного назначения, снаряжения коня и всадника, художественных изделий из металла, стекла и кости (Фонды ОКМ: коллекция Н. Л. Пе-

Рис. 53. Спутниковый снимок городища Кошаны

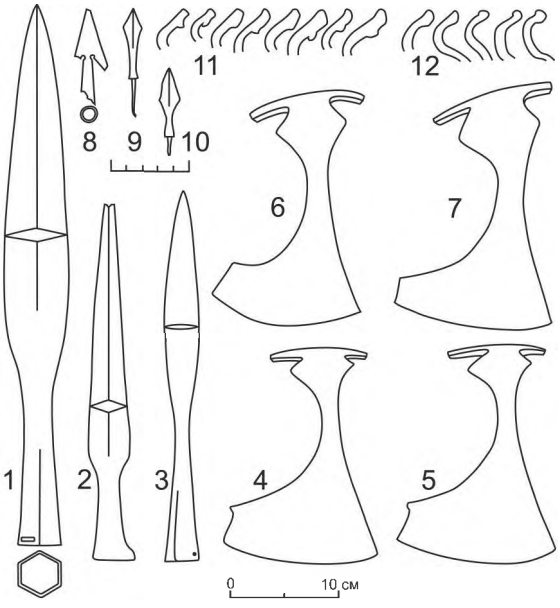

Рис. 54. Материалы городищ Крехаев (№№ 1, 3, 4, 6) и Кошаны (2, 5, 7–12)

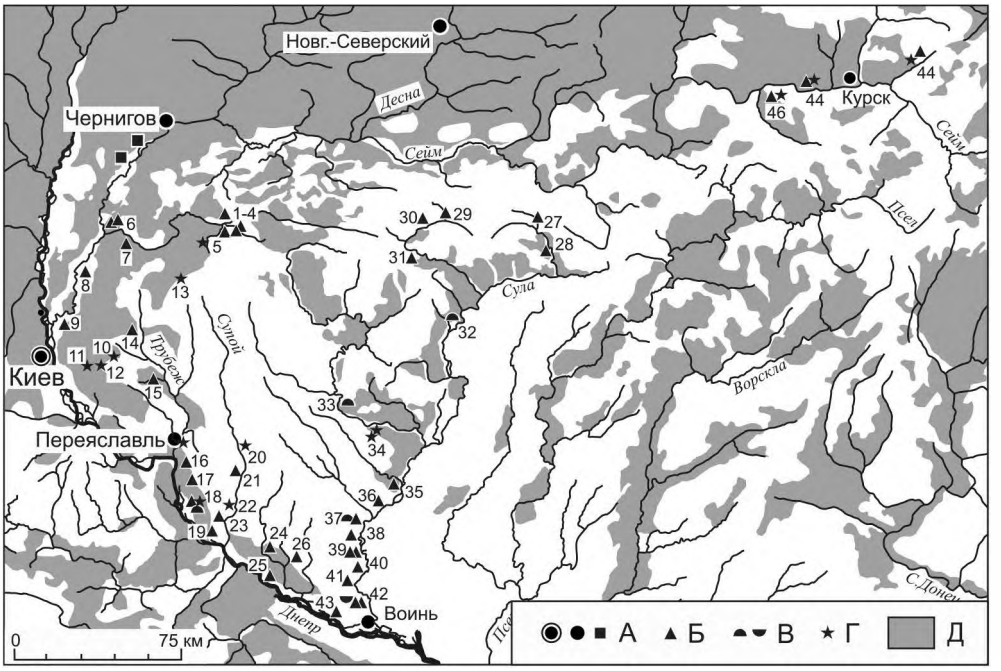

Рис. 55. Заселенность левобережных владений Киева на рубеже X–XI вв.
А – летописные города и городища; Б – открытые поселения; В – курганные и грунтовые могильники; Г – находки сребреников типа 1; Д – древние лесные массивы.

1–4 – Нежин; 5 – Носовка; 6 – Остёр; 7 – Кошаны; 8 – Крехаев; 9 – Ольжичи; 10 – Дударков; 11 – Счастливое; 12 – Борисполь; 13 – Бобровица; 14 – Русанов; 15 – Пристромы; 16 – Цибли; 17 – Городище; 18 – Лепляво; 19 – Бубновская Слободка; 20 – Беспальче; 21 – Каленики; 22 – Гельмязов; 23 – Песчаное; 24 – Золотоноша; 25 – Железки; 26 – Крапивна; 27 – Николаевка; 28 – Городище; 29 – Шевченково; 30 – Великий Самбор; 31– Грицевка; 32 – Глинск; 33 – Линовица; 34 – Повстень; 35 – Мацковцы; 36 – Лукомье; 37 – Тарасовка; 38 – Чутовка; 39 – Великая Буримка 1 и 2; 40 – Лящовка; 41 – Клещинцы; 42 – Жовнино; 43 – Веремеевка; 44 – Беседино (Рать); 45 – Липино; 46 – Чапли

реща). Достаточно вспомнить о костяном стержне XII в. с головой льва, изготовленном в южной Германии (Даркевич, 1962): очевидно, это было не рядовое поселение.

Таким образом, в конце X в. нижнеостёрские земли, несомненно, входили в сферу киевских интересов.

Средоточие ранних поврежденных застройкой археологических памятников выявлено и в 70 км восточнее, в г. Нежине, где размещался твердый брод (рис. 25). **Рис. 55**. Столетием позже левым берегом Остра ограничивались владения Переяславля, а на правом берегу открывался узкий проход между Смолежскими и Остёрскими болотами в направлении Чернигова (Зайцев, 1975, с. 79). Этому соответствовало и размещение поселений эпохи Владимира: на правом берегу это были восходящие к рубежу X–XI вв. Воздвиженское и Коммуна (Городок), на левом – Замок и расположенные восточнее Липов Рог 1 и 2 (Морозов, 1995, с. 102, 103; Морозов, 2005, с. 30–33; Кедун, Черненко, 2014, с. 260, 261).

В 18–20 км южнее Остра и Кошанов на левом берегу р. Рать (левый рукав Нижней Десны) размещается городище округлых очертаний у с. Крехаев. Оно занимает всхолмление среди озер в уроч. Городище; неподалеку располагался и курганный могильник. Памятник известен по упоминанию в жалованной грамоте киевского князя Владимира Ольгердовича (1362–1392) Ю. И. Половцу-Рожиновскому и анкетным сведениям второй половины XIX в. Городище обследовалось в 1924 г. В. Е. Козловской и А. Г. Розановым, а также А. В. Шекуном (Филарет, 1874, кн. 5, с. 438, 439; Александрович, 1881, с. 10; Самоквасов, Уварова, 1906, с. 64; Козловская, Розанов, отчет 1924 г., с. 21; Шекун, отчет 1980 г.).

Недостаточная изученность городища объясняется его расположением на территории закрытого санатория. В Национальном историческом музее Украины хранится происходящий оттуда ланцетовидный наконечник копья типа 1: подобные изделия преобладали в дружинных курганах. Ближайшие аналогии происходят из погребений юго-восточного Приладожья X и XI веков (Кирпичников, 1966-2, с. 9). Оттуда происходит и рабочий топор типа 4 с оттянутым лезвием, двумя парами боковых щекавиц и удлиненным вырезным обухом (НИМУ, №№ в-4562/1, № в-2824). Сходный топор хранится в Остёрском краеведческом музее (№ Д-426). Оба изделия относятся к северо-балтийской группе топоров (Кирпичников, 1966-2, с. 36, 37, рис. 52: *2, 4, 9*).

Эти находки вряд ли имели отношение к округлому в плане городищу с двумя концентрическими линиями валов. Они отражают культурно-хронологический массив раннего открытого поселения, возможно, с некоторой дружинной нагрузкой. Для напластований округлого укрепления более характерен найденный там же массивный лавролистный наконечник копья (рогатины) типа 4А: он датируется XII веком. Часть его пера содержит золотую насечку, а граненая тулья богато украшена накладным орнаментом из золотой фольги (НИМУ, № в-2824; Кирпичников, 1966-2, с.15, рис. 52: *1*). К сожалению, наблюдавшаяся мной в 80-е годы XX в. плохая сохранность изделия не позволила точно зафиксировать золотые лепестки орнаментики, «дышавшие» поверх стальной ржавчины.

Южнее в этот период продолжали существовать летописные Ольжичи, керамика рубежа X–XI вв. встречена на поселениях, предшествовавших городищам Русанов и Пристромы на Трубеже.

Существенным источником пополнения наших знаний о заселенности могут служить и отдельные монеты, указывающие на существование поселений. Так, случайные находки византийских анонимных фоллисов X в. в приднепровской полосе совпадают с географией ранних открытых поселений. Но уточнению датировки монет мешает отсутствие конкретики в легендах (Шостопал, 2007, с. 80, 81). В последние годы нумизматическая база существенно увеличилась благодаря сетевым ресурсам и вниманию специалистов к частным коллекциям. Их привлечение требует пристального внимания, если места этих находок известны (Моисеенко, 1015, с. 33, 34). Введению их в научный оборот посвящен обширный каталог А. И. Рублева (2016). Часть приведенных в нем сребреников ранее публиковалась (Моисеенко, 2014, с. 84–95; Моисеенко, Сотникова, 2014, с. 213–219; Нечитайло, 2011; Шостопал, 2007). Другая топографически связана с известными археологическими памятниками, сведения о третьей подтверждены украинскими коллегами и находят соответствие с малоизученными или еще не опубликованными древнерусскими объектами. Для данной темы важны сребреники Владимира Святославича типа 1: их чеканили вскоре после его киевского вокняжения и женитьбы на византийской принцессе (Сотникова, 1995, с. 192; Гайдуков, Калинин, 2012,

с. 421). Так, невдалеке от нежинского брода подобная монета найдена в г. Носовка на р. Рудке (Рублев, 2016, с. 88). Там находили и более поздние сребреники, что говорит о прочной и длительной заселенности территории, где позже возник летописный г. Носов на р. Руде.

Ранний сребреник происходит из г. Бобровицы, вполне ожидаемой была находка и в Переяславле (Рублев, 2016, с. 78, 141). Скопление аналогичных находок происходит из «окрестностей» Борисполя и его округи, из сел Счастливое и Дударков (Рублев, 2016, с. 58, 83, 84, 136). С Борисполем и Летским полем надежно увязывается размещение возникшего позже летописного г. Льто, который М. П. Кучера принял за «город» Владимира Святославича. Следует уточнить, что плотная городская застройка исторического центра современного Борисполя не сохранила следов домонгольского городища.

Согласно летописной легенде, по возвращении из степного похода 1015 г. Борис Владимирович смиренно ожидал от Святополка решения своей участи на Летском поле и распустил возглавляемую им отцовскую дружину: иное решение киевский князь мог расценить как военное посягательство на его власть. Описание местности содержится в саге о норвежской конунге Эймунде: для убийства Бориса викинг из Киева ехал на коне световой день через дремучий лес к «прекрасному полю и широкому открытому месту» (Рыдзевская, 1978, с. 98–100). Легкость, с которой варяги убили Бориса, не является свидетельством отсутствия окрестного населения – это один из типичных литературных штампов, встречающийся в сагах. Кроме того, крестьяне избегали встреч с вооруженными людьми: «начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ, оударить и стрѣлою, а лошадь єго поиметь (Р: възметь), а в село єго ѣхавъ, иметь жену єго и дѣти єго, и все єго имѣньє» (ПСРЛ, т. 1, с. 277). Но находки сребреников не оставляют сомнения о заселенности Летского поля. Не пустовала местность и позже: существовавший при Ярославе Мудром монастырь не мог возникнуть в незаселенной пустыне.

В свое время и я предполагал, что в предваряющем леса сужении Летского поля уже в тот период могло существовать укрепление, необходимое для охраны и обслуживания 36-километрового перехода в Киев через приднепровский бор (Моргунов, 1998, с. 35; 1999, с. 72, 73). Видимо, я ошибался, хотя сомнения остаются: Льто и позже было ключевым узлом на пути в Киев, там периодически концентрировались княжеские войска для решительных сражений.

Таким образом, 12 поселений во главе с Переяславлем определяют размеры первоначального территориального ядра левобережных владений Киева рубежа X–XI вв. Считается, что на севере оно ограничивалось 70-километровым течением Остра между современными городами Остром и Нежином, на западе – Десной и Днепром, восточным рубежом было нижнее течение Трубежа и, вероятно, его левый приток р. Недра. Общим показателем этой территории являлись лесистые ландшафты, разреженные отдельными луговыми и степными пятнами. В меридиональном направлении эта территория простирались на 105–110 км, в ширину насчитывала от 30–35 до 45 км; площадь могла составлять 5,4 тыс. км^2. Но эти подсчеты нельзя признать окончательными, поскольку на материалах этого времени размещение северного рубежа будущей Остёрской волости не устанавливаются (ниже его поискам будет отведен отдельный параграф этой работы).

К юго-востоку от Переяславля в этот период намечается существование приднепровской полосы расселения, ее протяженность до течения Нижней Сулы достигает 100 км, а ее ширина насчитывает от 30 до 40 км. Значительная часть памятников этого региона приурочена к степным ландшафтам, а прибрежные прижимались к

опушкам надпойменных лесов. Это следы девяти ранних поселений, которые определяются по наличию «манжетовидной» керамики хорошего обжига. Сребреники Владимира Святославича обнаружены на трех поселениях: в Лепляве, Гельмязове и Беспальчем (Рублев, 2016, с. 51, 73, 101). На востоке регион замыкается также девятью синхронными посульскими поселениями и летописным Воинем. **Рис. 55**.

Существенно, что в этот период там преимущественно заселяли степной нижнесульский участок течения реки, который пересекался ранними трассами передвижений кочевников. Из них прежде обращали внимание на жовнинский комплекс, откуда происходит изделие с княжеским знаком Владимира Святославича (Кілієвич, 1965, с. 192). Его могильник в уроч. Биленковы Бурты и Пристань считали грунтовым некрополем, забывая о размещении на территории современного села. В аналогичных случаях хозяева до сих пор выравнивают столь незначительные неровности рельефа, какими являются невысокие древнерусские курганы. После затопления Кременчугским водохранилищем в начале 1960-х годов памятник частично обнажился: оказалось, что грунтовые ямы были перекрыты напластованиями XVII–XX вв. Таким образом, это мог быть довольно обычный курганный могильник рубежа X–XI – середины XIII в. с немногим более чем двумя сотнями срезанных насыпей и «законсервированных» погребений.

Исследователей особо интересовали содержавшиеся в могильнике ранние погребения выходцев из северных и западных областей Руси. Много интересных находок найдено и местными школьниками на пляжах в прибойной полосе. Их количество и представительность сравнивали с содержимым могильников летописных городов. Это побудило исследователей к созданию гипотезы о возникновении посульской крепости Желни (Желди) 1116 года (ПСРЛ, т. 1, с. 291) в эпоху Владимира Святославича (Дяденко, Моця, 1986, с. 82–90; Сухобоков, 1992, с. 170).

В свое время и мне представлялось более вероятным, что первоначальная крепость в Жовнине могла возникнуть раньше летописной даты, после отвоевания Ярославом и Мстиславом Владимировичами червенских городов у Польши, а в 1116 г. происходила лишь ее реконструкция переселенными туда жителями г. Друцка. Но после обнаружения столь же «грунтового» могильника летописного Снепорода достоверной площадью не менее 21 га, возникли сомнения в уникальности жовнинского могильника на фоне тысяч других уничтоженных распашкой некрополей (Рутковская, 1971; Рутковская, отчет 1972–1973 г., с. 9. табл. 16, 17; Моця, 1983, с. 82–84; Моргунов, 1996, с. 120–125; 1998, с. 50; Долженко, Прядко, 2016, с. 3–22). Столь же сомнительным показалось и сопровождение летописного города могильником столь скромных размеров.

Оговорка летописной легенды 993 г. о появлении степняков со стороны Сулы предполагает существование или только налаживание связи для передачи в Киев сообщений о приближении степняков. Было бы заманчиво видеть в приднепровских открытых поселениях череду прообразов позднейших почтовых станций для курьерской связи Посулья с метрополией, где гонцы могли бы поменять лошадей. Для подобных случаев предполагается, что расстояния между «станциями» должны были не превышать протяженности усредненного дневного перехода (Бошкович, 1974, с. 111; Толочко, 2008, с. 326). Вероятно, для конца X в. это представление несколько модернизировано, но для последних лет княжения Владимира исключать это преждевременно: заселенность этого региона ориентирована именно вдоль направления основных путей степняков на Русь (ср. рис. 10 и 53).

По степени изученности памятников на сегодняшний день первое звено этого пути исчерпывается расстоянием от Сулы до Крапивны, насчитывающее от 36 до

43 км, если отмерять от Великой Буримки, Лящовки или Клещинцов. Это слишком большой перегон, хотя следует учесть, что тщательные археологические разведки в этом районе еще только начинаются. Впрочем, на этом пути есть загадочное с. Загородище: по любезному сообщению А. О. Прядко, неподалеку от него, в с. Ирклеев среди позднесредневековых городищ им встречен укрепленный мыс, типичный для древнерусских памятников. Керамика эпохи Владимира Святославича там еще не обнаружена, но среди сборов «черных копателей» есть и находки, восходящие к этому времени. И если принять их за происходящие из раннего открытого поселения, то искомое расстояние от Клещинцов уменьшится до 25 км, а от Жовнина – до 35 км.

Дальнейшие перегоны могли быть более короткими: Загородище – Крапивна –18 км; Крапивна – Золотоноша – 10 км. От последнего пункта путь мог следовать через Песчаное – Песочен (17 км), Гельмязов (22 км) или Каленики (27 км). От последнего поселения до Переяславля не более 36 км, но на этом пути не исключена остановка в припойменных Циблях: этот несколько изогнутый путь составляет 25 + 12 км. Таким образом, последний участок приднепровского пути далее неизбежно следовал через предшественник летописного Льто, затем приднепровским лесом выводил к Киеву.

Севернее восточного ограждения приднепровского региона, на Суле и ее притоках заселенность постепенно уменьшалась: выше Лукомья и Мацковцев отдельные погребения, совершённые по общерусскому обряду, известны лишь в могильниках Линовицы и Глинска. Два ранних сребреника в сопровождении шлейфа из более поздних типов обнаружились на Нижнем Удае (Рублев, 2016, с. 246). Находки одних монет были связаны с селом Повстин, других – с расположенной неподалеку Карпиловкой: как раз между ними располагается городище летописного Полкостеня, округлые в плане укрепления которого возникли не ранее рубежа XI–XII вв.

Выше уже обращалось внимание на особенности керамических комплексов посульских укреплений летописных северян, где материалы рубежа X–XI вв. практически не имели дальнейшего развития. **Рис. 40**. Это может означать, что после сожжения роменских городков освоение этих земель Русью не было продолжено: столь необходимый для защиты от печенегов каскад нижнесульских «длинных стен» был построен отселенным аборигенным населением, а необходимости и людских ресурсов для более широкого освоения этой территории еще не было.

На этом фоне на первый взгляд несколько неожиданным является факт поступательного продолжения существования ранних селищ на верхних притоках Сулы – Терне и Ромене. **Рис. 45, 49.** Они оторваны от общерусского массива, размещены цепочкой, параллельной водоразделу Сула – Сейм и компактно внедрены в промежуток между северянскими поселенческими структурами. Не исключено, что они маркируют направление водораздельной путевой трассы: действительно, и в курском регионе в этот период появились связанные с поселениями ранние сребреники Липина, Чапли и Беседина (Сотникова, Спасский, 1983, с. 45, 57; Рублев, 2016, с. 100, 134).

Таким образом, монетные находки вновь подтверждают расширение левобережного поселенческого ареала. Не исключено, что определенную роль в этом сыграла так называемая «народная колонизация»: ее активизация характерна для периодов бедствий, связанных с вражескими нашествиями. И все же картография указывает на преобладание заселенности, инициированной княжеской властью для заселения и укрепления внешних пределов.

С вопросом об интенсивности заселения непосредственно связаны и наблюдения о другой стороне первичной мотивации расширения южных рубежей. Судя

по запискам Константина Багрянородного, император обращал внимание лишь на расстояние, разделявшее реальные пределы государственных образований и кочевых сообществ. В литературе подобные промежутки порой называют «буферными», «нейтральными» или «условно контролируемыми» зонами, позволявшими в мирных условиях не допускать случайных вторжений на территории соседей, следовательно, безопасности способствовало не только раздвигание рубежей.

По Багрянородному, в середине X в. на Правобережье Русь и печенегов разделял один день пути (Константин, 1989, с. 157), это 30–40 км перемещения войск на дальние расстояния. Исследования М. П. Кучеры указали на существование ближайшей к Киеву дуги Змиевых валов по рекам Боярке и Вите, удаленных от столицы, соответственно, на 22 и 18 км (1987, с. 79). Эту линию или находившиеся поблизости от нее укрепления письменные источники никогда не связывали с прохождением какого-либо рубежа. Гипотетически это позволяет связать ее с первой попыткой закрепить наиболее ранние очертания киевских владений, возможно, восходивших к представлениям римского императора. За дальностью Византии от Руси порядок точных цифр значения не имеет: в конце концов, сведения, которыми располагал император, зафиксировали, что он мог отсчитывать расстояние до печенегов и от Киева. Тем не менее предположение о том, что в середине X в. печенеги заняли степное междуречье Стугны и Роси – летописное Перепетово поле – приобретает некоторое обоснование (Марков, 2016, с. 50).

Более реальной подвижкой южного рубежа стало укрепление Владимиром левого берега Стугны: между летописным Василевом и столицей пролегало чуть больше 30 км. Если доверять значимости для князя Бориса стоянки после похода 1015 г. за пределами киевских владений Святополка, то на Левобережье они ограничивались Летским полем. От столицы до возникшего позже на этом месте летописного города Льто насчитывается 36 км или 27 км – от выдубечского брода.

К 1008 г. новым рубежом Правобережья стало течение Роси: между Юрьевом–Белой Церковью, расположенным на основном пути в степи, и Киевом промежуток увеличился до 77 км – это два дня стандартного дневного перехода. И ехавший от Роси Бруно Кверфуртский попал к печенегам уже через 2 дня пути. Не исключено, что именно создание поросского рубежа вызвала удвоенное расширение «нейтральной» зоны, простиравшейся до печенежских кочевий.

На Левобережье известно о переносе границы на также защищенное «длинными» стенами течение Трубежа: расстояние до него в районе современной Березани увеличилось вдвое, а путь от Киева до ключевой крепости Переяславль, куда выходила основная кочевническая трасса, увеличился до 80 км. Практически одновременно на расстоянии от 100 до 130 км восточнее Переяславля началось подкрепленное Змиевыми валами освоение нижнего течения Сулы – это до четырех дней пути от Трубежа. Но Сула еще не обратилась в государственный рубеж, в 993 г. оттуда лишь заблаговременно пришли вести о приближении степняков к трубежскому броду. Таким образом, укреплением Нижней Сулы Владимир Святославич мог добиваться создания не прочного рубежа, а внешнего предела отчасти контролировавшейся Русью зоны ее интересов. Это был лишь зачаток во многом условного рубежа с едва намеченными защитными функциями: без плотного заселения в этот период было доступно лишь устрашение противника недостаточно прочной преградой, ведение функций дозора и оповещения о вторжениях.

Приведенные поселенческие и конструктивные сведения показывают, что, несмотря на относительно ограниченные объемы, итогом оборонительных мероприятий Владимира Святославича стала закладка основ целостной оборонитель-

ной структуры киевского территориального ядра. Так, на ближайших подступах к столице протяженные укрепления и крепости опирались на опушки древних лесов: на правом берегу Днепра они ограничивались Стугной, на левом – Трубежем. Близ устий этих рек одинаково размещались Витичев и Переяславль. Далее в приграничье сходное место занимали степные «поляны»: на правом берегу летописное Перепетово поле, на левом – безлесное супойско-приднепровское плато. А внешними поясами обороны стали протяженные укрепления и открытые поселения, выдвинутые на крутые берега правобережной Роси и левобережной Сулы, при устьях которых одинаково размещались авангардные города Родень и Воинь. Изначально защитная линия на Роси должна была иметь определяющее значение, обеспеченное близостью к столице: это, очевидно, подчеркивали сведения из сообщения Бруно. Таким образом, заложенная Владимиром защитная структура оказалась настолько стройной и продуманной, что ее основа на протяжении последующих столетий лишь усложнялась новыми защитными сооружениями (Моргунов, 2005 а, с. 262, 263).

Возвращаясь к левобережной части киевского территориального ядра, следует учитывать ее заселенность, оборонительную значимость и ландшафтную характеристику. Этот регион на всем протяжении от севера до юга был отделен от степей протяженными укреплениями с ключевой переяславской крепостью на важнейшем трубежском броде. Его отличало преобладание лесостепных ландшафтов, удобных для хозяйственного использования оседлым населением, поэтому здесь концентрировалась значительная часть древнейших поселений. К востоку от течения Трубежа простиралась обширная маловодная супойско-приднепровская область: ее северная половина отличалась слабозасоленным черноземным покровом, непригодным для экстенсивного хозяйственного использования. В южной же части расселение в подавляющем большинстве тяготело к приднепровским перелескам и Змиевым валам. Несколько отличалось лишь расселение низовий Супоя, где от набегов защищала широкая заболоченная пойма реки. Приведенные наблюдения показывают закономерность того, что в дальнейшем днепровско-трубежский регион стал ядром возникшей позже Переяславской земли. **Рис. 9, 16 в, 52**. Подробнее об этом речь пойдет ниже, по мере накопления материалов.

В свете особенностей заселения левобережных владений Киева вновь возникает вопрос о времени сложения и масштабе «Русской земли» в узком значении этого термина – как протогосударственного территориального ядра Руси. Гипотеза о ее сложении в IX в. на гребне спада хазарского степного владычества была обоснована А. Н. Насоновым на основании анализа летописных сведений, договоров князей Олега и Игоря с греками и археологических исследований того времени. Одним из ключевых постулатов гипотезы являлось убеждение в том, что изначальными центрами этого объединения были Киев, Чернигов и Переяславль (Насонов, 1951, с. 25–30, 41, 42).

Эта теория поддерживалась и развивалась большинством исследователей (Рыбаков, 1971, с. 158; 1982, с. 63, 64; Зайцев, 1975, с. 61, 65; Толочко, 1987, с. 33; Кучкин, 2003, с. 72; Іванченко, Моця, 2008, с. 50). Наряду с этим в литературе отмечалось, что ни во времена хазарской дани, ни даже в X в. эта область не называлась «Русской землей», а ранние дружинные курганы концентрировались лишь в пределах киевского и черниговского средоточий (Петрухин, 1989, с. 29; Фетисов, 2004, с. 49, 50, 54). Последнее соответствует и территориальной оценке Константина Багрянородного (1989, с. 45, 47). Действительно, Переяславль в его время не существовал, что лишний раз подчеркивает недоверие к реальности части договоров с греками.

Летописное представление об узком и широком понимании «Русской земли» появилось и укоренилось в письменных источниках лишь в описаниях событий второй трети XII – первой трети XIII в. (Ведюшкина, 1995, с. 104–113). Если отбросить расширительные авторские толкования, в этом можно убедиться и на основании посвященной этому вопросу новейшей сводке летописных сведений (Моця, 2007, с. 24–32, 36–56). Но при этом нельзя упускать из виду крайне существенную особенность летописных сводов. Она состоит в том, что при описании внешних вторжений внутренняя структура государства никогда не учитывалась: куда бы ни направлялись набеги, объектом нападений была «Русская земля» (Кучкин, 1995, с. 90).

В литературе с объемом «городского» строительства эпохи Владимира Святославича связан ряд недоразумений, восходящих ко временам неточных представлений о ходе исторических процессов. Часть их нуждается в существенных уточнениях.

Так, Н. Н. Коринный из содержания моей ранней статьи вывел, что в конце X в. в Посулье возникло 13 крепостей, а далее он заключил, что в конце X – начале XI в. там было создано еще 8 укрепленных поселений (Коринный, 1992, с. 51, 142). Это заблуждение, вызванное досадной утратой в статье расшифровки условных обозначений к картам. Тем не менее в тексте публикации ясно указано, что для этого периода мной зафиксировано лишь создание летописного Воиня, Змиевого вала и сопровождавших его обширных открытых поселений (Моргунов, 1988, с. 288). Решительнее к этому вопросу отнеслись А. В. Комар и О. В. Сухобоков в попытке склонить читателя к ведущей идее старшего из соавторов о строительстве Владимиром множества посульских городов. Исследователи сослались на мои выводы о сложении оборонительной линии этого периода, якобы охватившем все протяжение Сулы (Комар, Сухобоков, 2004, с. 171). Надеюсь, это не намеренное искажение: в цитируемой ими работе вывод был аналогичен показанному выше (Моргунов, 1998, с. 35, 42).

Более широко к этому вопросу подошел М. П. Кучера: по его мнению, Владимир Святославич покрыл будущую Переяславскую землю целой «сетью городков-крепостей». Их количество крупнейший современный исследователь городищ исчислял 34 сооружениями, что составляет внушительную долю от всех известных в регионе древнерусских крепостей (1975, с. 121; Кучера, 1999, с. 153). **Рис. 56**. Значительная часть этих городищ осматривалась им и в подавляющем большинстве датировалась по подъемным сборам керамики, а меньшая доля исследовалась стационарно. Сейчас же видится, что связать строительство этих сооружений со временем Владимира Святославича не представляется возможным в силу хронологической лакуны, длившейся от рубежа X–XI вв. до второй половины – конца XI в., до появления реальных укрепленных поселений. Исследователя не убедили и разрезы валов, перекрывавшие напластования ранних открытых поселений. Между тем новые материалы позволили пересмотреть выдвинутые им ранние датировки городищ Клещинцы и Миклашевский: на момент его ранних публикаций датировочные возможности керамики были известны недостаточно полно (Моргунов, 1986, с. 110, 111; 1996, с. 117, 129).

Приведенное еще раз подтверждает, что подъемный материал не пригоден для детального изучения последовательно отлагавшихся напластований – а именно этим и отличается культурный слой большинства городищ. И всё же стремление М. П. Кучеры преодолеть узость летописных рамок заслуживает всяческого уважения.

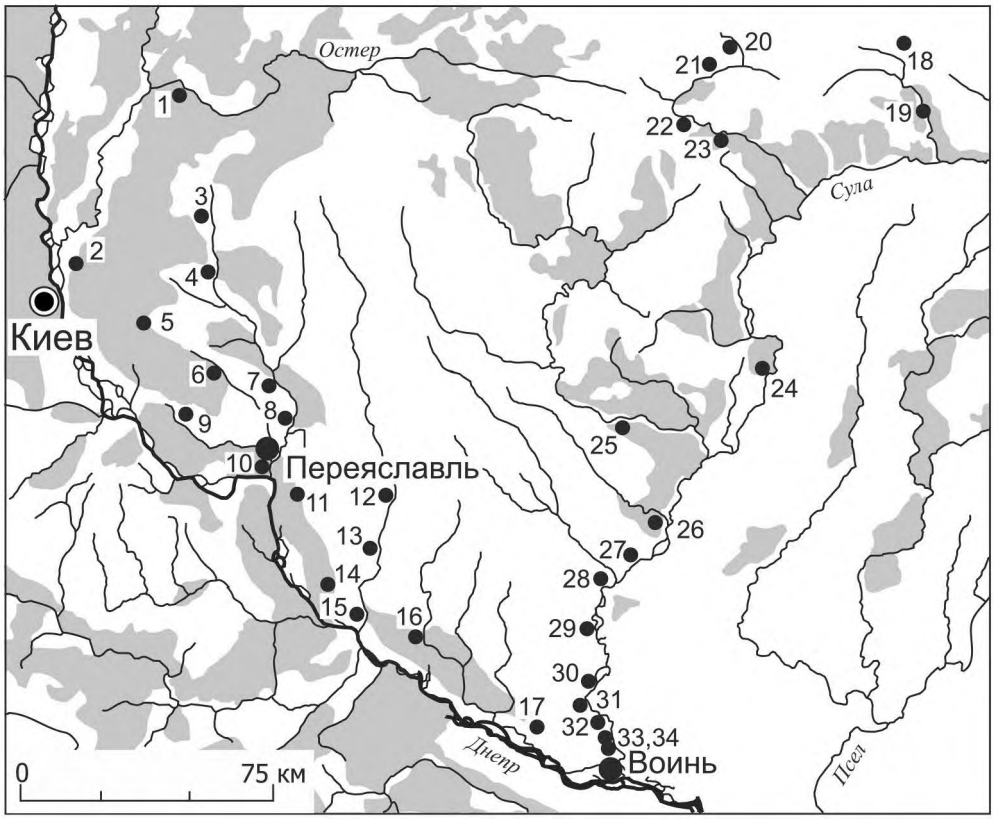

Рис. 56. «Города» Владимира Святославича (по М. П. Кучере).
1 – Кошаны, 2 – Выгуровщина, 3 – Заворичи, 4 – Русанов, 5 – Борисполь, 6 – Любарцы, 7 – Пристромы, 8 – Гайшин, 9 – Головуров, 10 – Трубайловка (Козинцы-Загай), 11 – Городище (Цибли), 12 – Ташань, 13 – Каленики, 14 – Лепляво, 15 – Бубновская Слободка, 16 – Золотоноша, 17 – Веремеевка, 18 – Николаевка, 19 – Городище, 20 – Шевченково, 21 – Великий Самбор, 22 – Грицевка, 23 – Липовое, 24 – Сенча, 25 – Повстень, 26 – Мацковцы, 27 – Лукомье, 28 – Тарасовка, 29 – Чутовка, 30 – Великая Буримка, 31 – Лящевка, 32 – Клещенцы, 33 – Жовнино 1, 34 – Жовнино 2

Примечания

1. Переяславские валы

Ближайший к Переяславлю вал начинается на левом берегу Трубежа почти напротив плохо изученного городища в с. Гайшин, материалы которого, возможно, восходят к концу XI в. (Кучера, 1978, с. 22–30). Далее очертания остатков этого укрепления на плато третьей надпойменной террасы с севера огибают с. Великая Каратуль, подходят к с. Строково, резко поворачивают к юго-западу и, пересекая с. Малая Каратуль, уверенно распознаются вплоть до склона ко второй надпойменной террасе.

Дальняя дуга отходит от ближней близ юго-западной окраины с. Строкова и следует через с. Помокли и Пологи-Чеботки: эта дуга была почти параллельна ближней. Ее особенностью является размещение внутри нее двухвально-концентрического городища Виненцы XII–XIII вв., о котором речь подробнее пойдет ниже. К юго-востоку от с. Помокли от внешней дуги ответвлялся прямолинейный отрезок вала неизвестного назначения и характера, уходивший в направлении р. Супой. Остатки обеих дуг уверенно распознаются на поверхности третьей надпойменной террасы, хуже прослеживаются на второй, но смыкались ли они с затопленным водохранилищем Приднепровским валом, не установлено.

Валы любой высоты и крутизны никогда не были препятствием для конницы, поэтому зафиксированный источниками факт остановки хана Китана в 1095 г. «межи валома» мог иметь лишь символическое значение. На это указывает и относительная легкость, с которой боярин Славята с торками изъяли у хана заложника – сына Мономаха. Тактически сходной была «оборонительная» роль валов в 1149 г., во время нападения на Переславль Юрия Долгорукого с союзными ему Ольговичами. Сначала Юрий двигался «от Стрякве» (современное с. Строково?) «и ста межи валома». Позже против переяславского князя Изяслава выступили и войска Ольговичей: они прошли вал и стали напротив переяславской дружины, после чего началась перестрелка лучников (ПСРЛ, т. 1, с. 227, 322; ПСРЛ, т. 2, с. 379, 381). Отсюда видно, что к этому времени летописные валы не использовались для защиты.

Полевые исследования этого памятника начались более 150 лет назад. По иронии судьбы в современную эпоху их сначала относили к большим скифским городищам. К этой версии склонялся и М. П. Кучера, крупнейший исследователь древнерусских укреплений, допускавший их использование в древнерусское время для защиты Переяславля. Любопытно и его наблюдение о том, что, как и на Правобережье Днепра, местное население называет эти сооружения Змиевыми валами. По мнению исследователя, они не составляли целостной картины полукольцевых дуг, а состояли из изогнутых и прямолинейных отрезков: особенно это касается внешнего вала (1987, с. 58–60).

Решающее значение для интерпретации этих укреплений сыграли исследования, проведенные в 1995–1996 гг. переяславскими археологами М. В. Роздобудько и Д. А. Тетерей. Ими было произведено детальное картографирование валов: оно подтвердило структуру укреплений, состоявших из несопряженных отрезков. Этим они отличаются от целостно замкнутых сооружений крепостного типа. Проводилось изучение размещенных в пределах валов древних поселений и раскопки одного из отрезков внутренней вальной дуги. Последние показали, что укрепление было воздвигнуто поверх культурных напластований поселения IV–V вв. Эти результаты крайне интересны, но разрез остался единич-

ным. И всё же исследователи опровергли скифское истолкование «Каратульского городища» и заключили, что дугообразные укрепления являлись системой защиты летописного г. Переяславля от набегов кочевников (Роздобудько, Тетеря, 1996, с. 233, 234; 1997, с. 139–141).

Оставаясь под влиянием множественных и однозначных оценок специалистов по истории скифской культуры, в своих работах я продолжал поддерживать устаревшую версию о скифском происхождении переяславских валов, о чем глубоко сожалею. Кроме этого, мной было выдвинуто предположение о том, что для легкой кавалерии кочевников даже самые значительные земляные насыпи со рвами не могли служить достойной преградой для конницы (Моргунов, 2005 а, с. 257). В далеком детстве я был свидетелем того, как колхозные объездчики без стремян преодолевали, может быть, не самые крутые подъемы на высокое днепровское плато, но их движение вверх было во много раз протяженнее пути между любым рвом и валом.

Далее с учетом летописных показаний и длинного историографического шлейфа этой проблематики я соглашался с тем, что к концу XI – началу XII в. эти валы утратили свое оборонительное значение. Поэтому начиная от времени оформления Повести временных лет в глазах летописца и его информаторов они стали лишь приметными топографическими ориентирами (Ляскоронский, 2007 в, с. 206; Раппопорт, 1956, с. 168; Кучера, 1987, с. 130, 197; Моргунов, 2005 а, с. 254). Недостаточно прочной была и их литературная аналогия с правобережными Змиевыми валами. За исключением остроугольного редана близ с. Николаевки на р. Роси и других позднесредневековых валообразных преград (Кучера, 1987, с. 64–65; Моргунов, 2009, с. 215, рис. 99), более древние протяженные укрепления не содержали прямолинейных отрезков. А их прерывистость объясняется лишь утратой участков в процессе близкого к современности хозяйственного использования земель.

Кроме того, планировка правобережных валов не содержала ни единого намека на структуру, сколько-нибудь приближавшуюся к замкнутой конфигурации, как это прослеживается в левобережных дугах, окружавших переяславский центр (Моргунов, 2005 а, с. 263). Тем не менее их сближает то обстоятельство, что разрезами всех протяженных укреплений не обнаружены следы сырцовых обкладок стен – типичного конструктивного приема эпохи Владимира Святославича (Моргунов, 2005 а, с. 258). Следовательно, эти укрепления составляли самостоятельную линию развития древнерусской фортификации, предшествующую этой эпохе, а тем более – времени появления крепости Винецы. В дальнейшем я более интересовался конструктивными особенностями остатков древнерусских укреплений, которые подвели меня к безусловному признанию реальности гипотезы М. П. Кучеры о том, что Змиевы валы Среднего Поднепровья являются руинами вертикальных древо-земляных стен (Кучера, 1987, с. 155–160; Могунов, 2005 а, с. 253–257; 2009, с. 72–110).

Тем временем переяславские исследователи успешно продолжали полевое и камеральное изучение валов и связанных с ними археологических памятников (Роздобудько, 2007, с. 54–58; Вовкодав, Юрченко, 2016, с. 115–122). Оно сопровождалось привлечением картографических материалов прежних времен и анализом спутниковых съемок. Это позволило выявить признаки разрушенных участков древних укреплений и обнаружить неизвестные ранее отрезки (Вовкодав, 2016, с. 38–44). Результатом стал блестящий историографический анализ проблематики, оценка датировки укреплений и итоги определения их древнего назначения (Вовкодав, 2015, с. 354–367; 2017, с. 24–40).

Так, большинство исследователей склоняются к оборонительному назначению переяславских укреплений. По их мнению, наиболее актуальным их строительство было в период правления Владимира Святославича в условиях резкого увеличения количества печенежских набегов (на самом деле нам известно о единственном появлении печенегов в 993 г.). Они должны были замедлять движение нападавших и мешать их незаметному проникновению в городскую округу. В свою очередь М. В. Роздобудько, опираясь на обширные размеры укреплений и их прерывистость, считает, что валы не могли нести оборонительных функций, поскольку не были серьезным препятствием для конницы. По его мнению, ближайшая к Переяславлю дуга скорее служила для обособления этой территории. Эта полемика внесла в историографию живую струю. И всё же, по мнению С. М. Вовкодава, аспекты локализации, датировки и назначения этих укреплений остаются на повестке дальнейших исследований.

2. Путивль

Ядром древнего Путивля считают северянские поселения на трех высоких соседних мысах в уроч. Городок (1 га), Никольская Горка (2 га) и Коптева Гора, где были обнаружены в разной степени выразительные следы проживания северян. Остатки оборонительных сооружений на Городке исследовались О. В. Сухобоковым при помощи бульдозера: на раннем этапе там была построена стена из двухрядного частокола с глинисто-черноземной забутовкой; их перекрывали укрепления срубной конструкции. Согласно наблюдениям исследователя, сочетание найденной на памятнике лепной роменской с гончарной манжетовидной посудой позволяет утверждать о врастании в X–XI вв. роменской культуры в общерусскую. Автор раскопок не обнаружил на роменских поселениях следов пожаров: получается, что население мирно покинуло свои обитания в середине – конце X в. (Сухобоков, 1984 а, с. 112; 1984 б, с. 120, 121; 1990, с. 110; 1991, с. 70, 76, 77).

Следы северянской заселенности на этих памятниках фиксировал и Б. А. Рыбаков в 1965 г., но напластований XI в. он нигде не обнаружил. В конце 70-х годов хранившиеся в музеях гг. Путивль и Сумы коллекции раскопок В. А. Богусевича и Б. А. Рыбакова изучал Е. А. Шинаков. По его мнению, за исключением лепной керамики, они содержали исключительно «городской» материал XII–XIII вв. и более позднего периода: это соответствует первому летописному упоминанию Путивля под 1146 г. Таким образом, между северянскими напластованиями и появлением древнерусской крепости пролегал значительный хронологический промежуток (Рыбаков, 1966, с. 154; Шинаков, 1980 а, с. 159, 160).

3. Волобуево, клад

Среди памятников этого рода интерес вызывает привязка к д. Волобуево на реке Тускарь клада 1948 г.: он хранится в музее г. Дмитриева на р. Свапе в одном пакете со сходными монетами якобы «березовского» происхождения. В. В. Енуковым, первым публикатором этого собрания, на архивной и картографической базе показана вероятность его локализации в северной части курского скопления памятников: она соответствует прежнему административно-территориальному делению (Енуков, 2006, с. 60–63; Енуков, Лебедев, 2010, с. 94–103). Единственный вопрос вызывает реальность перевозки монет на 90 км из окрестностей Курска для передачи в музей г. Дмитриева. Впрочем, в это смутное послевоенное время могло происходить многое, ныне для нас неясное.

4. О поисках В. В. Енуковым ведущей крепости курского региона

Исследователь отметил сходство Бесединского комплекса с Горналем, где также в центре площадки напластования незначительны, но не увидел разветвленной округи, следов проживания племенной элиты и множества предметов вооружения. Между тем середины площадок обычно свободны как на роменских, так и на древнерусских городищах: в литературе бытует мнение, что там происходили общинные сходки или вечевые собрания. Нельзя назвать излишне скромными и размеры этого городища, составляющие 0,38 га. С напольной стороны городище сопровождалось двумя весьма обширными селищами площадью 11 и 13 га (Енуков, Енукова, 1993, с. 48). В округе известны остатки курганных могильников и еще одного поселения, откуда происходит и клад 1978/2005 гг., содержавший арабские дирхемы и византийские милиарисии с младшими монетами 970-х годов (Шпилев, 2010, с. 246).

Несмотря на следы проживания представителей племенной верхушки, в качестве ведущей исследователем была отклонена и крепость Переверзево-2 полезной площадью 0,4 га. Не впечатлило автора анализа и «небольшое» городище Шуклинка: возможно, это навеяно несовпадением авторского плана с результатами топосъемки А. В. Кашкина (ср.: Кашкин, 1998, с. 124; Енуков, 2005, рис. 4: *2*). Это действительно была «обычная» северянская крепостица полезной площадью 0,5 га с современными остатками напольных укреплений высотой до 6 м. Ее стены были выложены из глыб известняка и закреплены бревенчатой конструкцией. На городище прослежена плотная застройка, сопровождавшаяся значительным количеством бытового, хозяйственного и производственного инвентаря, украшений и амулетов. Найден и клад из почти пятисот арабских дирхемов, а неподалеку размещался могильник из высоких курганов с северянскими трупосожжениями.

5. Парные городища ворсклинской цепочки

К двухчастным комплексам поречья Ворсклы относили и Ницаху, включающий два небольших городища, обширное открытое поселение и когда-то насчитывавший около 500 насыпей курганный могильник. Склоны небольшого (60 × 40 м) укрепления Большой Балкан эскарпированы; широкие раскопки там не производились. Оттуда происходят единичные северянские находки и гончарная керамика XII–XIII вв. (Сухобоков, 1984 а, с. 165). Его трапециевидно-подпрямоугольная планировка роменской фортификации не свойственна. О. В. Сухобоковым в основном изучалось крохотное (38 × 32 м) городище Малый Балкан со следами северянских и древнерусских жилых и хозяйственных сооружений. Разрезы вала показали, что первоначальная защитная стена была двухрядной каркасно-столбовой с грунтовой засыпкой, содержавшей лепную северянскую керамику. Позже поверх ее руин были построены стены, вероятно, срубного строя, а для засыпок городней использовался культурный слой с развитой гончарной керамикой.

На сопровождающем селище в подавляющем большинстве обнаружены хозяйственные сооружения с керамическими материалами XII–XIII вв. Вероятно, в северянское время прилегающая к Малому Балкану территория не была заселена (Сухобоков, 1984 а, с. 165, 166; 1992, с. 89, 152, 154, 155, 162). Таким образом, синхронное существование укреплений остается дискуссионным. Это снимает вероятность существования в Ницахе протогорода, нет оснований для этого и в полученных раскопками археологических материалах.

Недостаточно изучен и «двухчастный» комплекс у с. Заречное (Петровское), включающий и три обширных селища с курганным могильником. Городище-1 («Ку-

куево») содержит подрезанные склоны, высокий напольный вал и вал в мысовой части укрепления. Культурные напластования содержат материалы северянского и древнерусского времени. Не исключено, что сложная структура памятника – это наследие фортификации конца XI–XIII вв. **Рис. 7: *1.*** Городище-2 связывают с тремя площадками скифского городища, где роменская керамика встречена только на одном из мысов. **Рис. 24: *6.*** На двух других частях, отделенных от первой и друг от друга двумя линиями укреплений, северянские материалы не обнаружены (Третьяков, 1947, с. 124–126, 131–139; Берест, Осадчий, 2001, с. 103–106; Артюшенко и др., 2003, с. 43, 44; Берест, 2003, с. 85; Сухобоков, 2012, с. 271).

Глинский комплекс занимает три подрезанных эскарпами останца третьей надпойменной террасы. В валу укрепления Городище (0,42 га) содержались остатки частокольной северянской стены, перекрытые остатками срубного укрепления древнерусского времени. На городище «Панский Ярок» было вскрыто северянское жилище. Открытое поселение с роменскими и древнерусскими материалами раскинулось на площади 14 га; не вполне ясны литературные упоминания о существовании укрепленного посада. Также исследовался курганный могильник; при случайных обстоятельствах обнаружился гончарный горн, заполненный посудой XII–XIII вв. (Сухобоков, 1984 а, с. 169, 170; Кулатова и др., 1998, с. 91; Пуголовок, 2012, с. 370, 371; Пуголовок, 2014, с. 213, 214).

6. Гочево

В прежние годы погребальные древности этого комплекса рассматривались особняком от поселенческих объектов. На фоне преобладания северянских захоронений они содержат следы ранней дружинной и разноэтничной поселенческой прослойки: это отличало древности периода «окняжения» этой территории Русью. Ключевым для Гочева является вывод о том, что уже к рубежу X–XI вв. общерусский погребальный комплекс там стал господствующим. Другими словами, присоединение этой территории к Руси началось раньше «освоения» других земель восточносеверянского племенного массива (Шинаков, 1982, с. 90, 96, 97; 1991, с. 90; Стародубцев, 2001, с. 52; 2006 а, с. 163, 165; Кашкин, Стародубцев, 2009, с. 3–17, рис. 1).

Возникший на позднескифском культурно-историческом фоне Гочевский археологический комплекс состоит из двух средневековых укреплений, селищ и могильников. История его изучения насыщена противоречивыми сведениями. Так, размеры открытых поселений ранее насчитывали 35 га; в последнее время Г. Ю. Стародубцев пополнил их размеры до 50 га. В прежние времена за древнерусские принимали недатированные отрезки вала, окружавшие комплекс с востока. Эта датировка проблематична: вал заходил на курганное поле и рассекал его на неравные части. Судя по особенностям окружающих культурных напластований, это могли быть остатки позднескифских укреплений. Не похоже на древнерусский крепостной ров и канавообразное углубление, обнаруженное в 1997 г. при исследовании юго-восточного участка распаханной части могильника и прослеженное на протяжении 12 м. Его ширина колеблется между 1,08 и 3,7 м, глубина составляет 0,74–1,11 м от уровня материка; известные по раскопкам рвы этого времени более четкие и несравненно более глубокие. Его датировке не помогают и затекшие туда артефакты древнерусского времени, и более раннее глиняное пряслице.

Позднесеверянский горизонт южного городища Крутой Курган (0,2 га) содержит находки и остатки погибших в пожаре жилых и хозяйственных построек.

В напластованиях этого времени встречаются обломки раннегончарной посуды, но нет «манжетовидной» керамики хорошей выделки, сопровождавшей лепную на последнем этапе существования роменской культуры. Следы оборонительных сооружений этого времени не обнаружены, но эскарпирование склонов мыса указывает на вероятность их существования: в древнерусское время подрезки склонов почти не применялись. Вероятно, это остатки разрушенной Святославом Игоревичем северянской крепости. Ранние напластования были частично перекрыты и использованы при строительстве древнерусских укреплений, оставивших валообразные руины высотой до 7 м. Датировка появления этой крепости осталась невыясненной: возможно, это произошло после значительной поселенческой лакуны (Шинаков, 1982, с. 90; Кашкин, 2000, с. 136–138; Стародубцев, 2006 б, с. 232; Кашкин, Стародубцев, 2009, с. 3–5).

Почти в полукилометре севернее размещается сильно попорченное при установке мачты ЛЭП городище Царский Дворец (0,16 га). В прошлом его площадку окружал кольцевидный вал высотой 3–4 м и два рва; менее глубокий ров отсекал и пониженную стрелку мыса. В свое время Д. Я. Самоквасовым на площадке были обнаружены остатки жилищ-полуземлянок и находки общерусских типов, к более раннему времени относилась лишь половина свинцового кружка – подражание арабскому дирхему.

Новейшие раскопки Г. Ю. Стародубцева указали на присутствие керамики раннего железного века; к этому времени можно отнести мощную осыпь вала из материкового грунта, два параллельных рва, отделенный от площадки мысовой останец и подрезку береговых склонов. Более спорно идентифицированы северянские напластования. В одних случаях исследователь указывает, что на городище «роменская керамика практически полностью отсутствует». В других отмечает находки «мелких фрагментов лепных и раннекруговых сосудов», что подтверждает опубликованная таблица керамики и отчетные материалы с незначительным количеством рисунков северянской керамики (Стародубцев, 2009, рис. 4, 5; Стародубцев, Зорин, альбом к отчету 2004 г., рис. 37, 38, 62, 146 а, 148, 149, 150; Стародубцев, Зорин, альбом к отчету 2005 г., рис. 55–59, 122–124; Стародубцев, альбом к отчету 2007 г., рис. 66–68; Стародубцев, альбом к отчету 2008 г., рис. 70). Наряду с этим исследователь ссылается на «наличие в материалах раскопок на городище Царский Дворец и поселении многочисленных находок и объектов роменской культуры». Эти колебания склоняют к выводу об отсутствии у автора раскопок обоснованного материалом убеждения в существовании несомненных и насыщенных напластований позднероменской культуры.

Следующий период существования крепости также не вполне ясен. Единственный опубликованный исследователем обломок более позднего венчика датируется временем не ранее конца XI в., а основной массив керамики был изготовлен в развитом XII веке. **Рис. 29: *3***. Это соответствует керамическому материалу и первоначальному мнению автора раскопок о датировке памятника второй половиной XI – первой половиной XII в.: он связал это явление с расцветом пути Болгар – Киев. Но оно не укладывается в отождествление городища с первым летописным упоминанием г. Римова, которое поддерживалось им много лет. Сомнение вызывают и скромные размеры укрепления.

Несомненным успехом новейших исследований является отыскание распаханных следов укреплений посада: его валы и рвы в свое время фиксировали Д. Я. Самоквасов и К. П. Сосновский. «Окольный город» площадью не менее 1,7 га примыкал к детинцу с напольной западной стороны. Мне не удалось найти опубликованных

сведений о датировке напластований этого объекта, но наряду с синхронным форпостом Крутой Курган его существование выводит скромную домонгольскую крепость на более высокий поселенческий и оборонительный уровень.

Продолжение раскопок внесло коррективы, заставившие исследователя пересмотреть прежние взгляды, связав основание крепости с событиями середины – второй половины XIV в. Основанием для этого стали находки на городище и поселении ордынских монет, обломка серебряного зеркала с частью арабской легенды и фрагментов кашинной глазурованной керамики. По мнению исследователя, не противоречили этому и наконечники стрел и копья, обнаруженные в субструкциях, синхронных строительству средневековых крепостных стен. Новое прочтение отрицает существование домонгольской крепости на караванной трассе, отошло на задний план и отождествление Гочева с летописным Римовым (Шинаков, 1982, с. 96, 97; Моця, Халиков, 1997, с. 126; Стародубцев, 2006 а, с. 167; Стародубцев, 2009, с. 101–110; Стародубцев, 2012 б, с. 318–322; Кашкин, Стародубцев, 2009, с. 5, 6).

7. К оценке Большого горнальского городища

Изучавший Малое горнальское городище И. И. Ляпушкин в публикации 1961 г. указал на наличие там материалов позднескифской культуры раннего железного века, «древнеславянского времени», т. е. роменской культуры, а также XVII–XVIII вв. В монографии 1968 г. он сослался на предыдущий труд, тем не менее отметил существование там и отложений «древнерусской поры». Остатки укрепления исследовались А. П. Моцей в 1990 г.: он подтвердил незначительную мощность культурного слоя и согласился с датировкой И. И. Ляпушкиным в версии 1968 г. Колебались в датировке объекта также исследователи, подробнее изучавшие горнальское средоточие. Порой они ссылались на конечное мнение И. И. Ляпушкина, а в других случаях констатировали одновременную гибель обоих роменских укреплений. Этот каскад разночтений ставит под сомнение датировку Малого городища северянской и древнерусской эпохами, тем более что зафиксированные там подрезки склонов характерны и для фортификации раннего железного века (Ляпушкин, 1961, с. 252; 1968, с. 65; Кашкин, Узянов, 1994, с. 18; 2006, с. 123, 127; Моця, Халиков, 1997, с. 120, 121; Кашкин, 2006, с. 20; Моця, 2006, с. 119). Еще более расплывчаты сведения о ныне разрушенном городище Девич Гора (Кашкин, Узянов, 1994, с. 16).

Выше упоминалось, что обнаруженные А. В. Кашкиным по аэрофотосъемке следы распаханного вала горнальского посада вызвали в литературе большой резонанс. Это действительно интересно: насколько мне известно, пока нет подкрепленных подробными публикациями сведений о существовании посадских укреплений на северянских памятниках. Но похоже, никто не обращал внимание на то обстоятельство, что этот вал опоясывал часть селища с материалами в том числе и XII в.

На самом городище столь поздних материалов нет, но на верхушке вала были обнаружены остатки срубов, сохранившиеся на высоту двух венцов. Теоретически это могли быть срубы последнего роменского периода, но на других памятниках они появляются ближе к рубежу X–XI вв. В 70–80-е годы минувшего века в литературе доминировало мнение, что в древнерусское время в его широком толковании городища являлись плотно заселенными детинцами, поэтому срубы Горналя логично относили к роменскому времени. К настоящему же времени появляется все больше фактов, указывающих на плотную застройку детинцев лишь

крупнейших памятников, а рядовые укрепления не содержали следов интенсивной жизни. Кроме того, весьма нередкими были и убежища, устроенные по принципам общинной самообороны. Это допускает предположение о существовании на цитадели Горналя XII века незастроенного убежища с окольными укреплениями. Может быть, поэтому срубы городища так плохо сохранились: стены могли быть невысокими, приличествующими не городу, а убежищу (Вознесенская и др., 1972, с. 95, 96; Куза, 1981, с. 33, рис. 1; Кашкин, 2000, с. 129–131, рис. 85).

Также в литературе сложилось представление о том, что размеры площадки составляют 100 × 160 × 125 м, а площадь насчитывает 0,5 га. Между тем указанные параметры не соответствуют обоим публиковавшимся планам городища: масштаб на плане А. В. Кузы указывает на более значительный размер площадки, на плане А. В. Кашкина – на меньший размер. Для установления ее истинной площади мной была построена пространственная сетка, соответствующая размещению по сторонам света параметрам 100 × 160 × 125 м, затем в нее были вписаны очертания площадки на уровне горизонтали, очерчивающей уровень площадки по плану А. В. Кузы. В результате оказалось, что ее площадь насчитывала не 0,5, а 1,7 га. Эти размеры совпадают с аналогичными подсчетами по спутниковой съемке Google Earth Pro. Таким образом, памятник оказался исключительным в ряду городищ роменской культуры, обычно имеющих размеры от 0,2 до 0,6 га, и теперь реально может претендовать на роль значительного, но вряд ли племенного центра.

8. Городища сопровождения Полтавы

Напластования крохотного городища Михайловка с «полезными» размерами площадки 27 × 30 м содержат мелкие обломки домонгольской лепной и гончарной керамики XII–XIII и XIV–XVIII вв., но эскарп прослежен только за его пределами (Городище, 2013, с. 208–210). К древнерусским относят и памятник Новых Санжар. Оценка исследователями его размеров колеблется от 20 × 20 м до 30 × 70 м; небольшими раскопками были изучены остатки 11 хозяйственных сооружений XII–XIII вв. Опубликованная керамика датируется этим и более поздним временем; упоминалось и о находке единственного фрагмента лепного роменского сосуда. К северянскому времени могли относиться 2 подрезанных береговых уступа (хотя подобные укрепления сооружали и в позднем Средневековье). По мнению А. Б. Супруненко, на памятнике кем-то (?) исследовались остатки двух полуземлянок с позднероменскими материалами (ср.: Бовкун, Суховська, 1991, с. 89–92; Мироненко, 1998, с. 66; Супруненко, 1999 б, с. 25, 26). С известными оговорками к числу северянских можно отнести лишь отделенное 20 километрами от Полтавы городище в с. Решетники (бывшее Старые Санжары). И. И. Ляпушкиным у колхозного двора были обнаружены следы однослойного укрепления с роменской керамикой и остатками полуземлянок с вырезанными из материковой глины печами и хозяйственными ямами. Позже городище было уничтожено, а в его округе почему-то находили только гончарную керамику XII–XIII вв. (Ляпушкин, 1949, с. 387; 1961, с. 305; 1968, с. 75; Мокляк, 1991, с. 67; Мироненко, 1998, с. 66). Таким образом, полтавскому комплексу явно недостает широкого поселенческого окружения, которое могло бы указать на существование искомого малого племени.

9. «Окняжение» Мацковцев: привозные артефакты

Из индивидуальных находок общерусских типов на поселении найден железный наконечник бронебойной стрелы в виде кинжальчика ромбического сечения

с перехватом (тип 97). Подобные изделия бытовали с IX–X по XIV в., но ближайшие аналогии (Вщиж, Вышгород, Новгород) датируются XI в. (Медведев, 1966, с. 85, табл. 19). **Рис. 33: *5***. Интерес представляет и плоский ключ от кубического или цилиндрического замка типа «А» с продольной ключевой щелью. Подобные изделия были известны на Руси с IX–X вв., активно использовались в XI в., а с середины XII в. в Новгороде они стали выходить из употребления (Колчин, 1958, с. 94). Позже верхний предел их новгородского бытования был расширен почти до середины XIII в. (Колчин, 1982, с. 160; Хорошев, 1997, с. 14), но условия залегания снепородского артефакта не допускают лишь узкую и раннюю датировку этой находки. **Рис. 33: *14***.

Неоднократны и находки крупных низких шиферных пряслиц прямоугольного сечения или со слегка закругленными боками (бипирамидальное встречено в единственном экземпляре). Диаметры их отверстий колеблются в пределах 9–10 мм. Р. Л. Розенфельдт считал их неплохим хронологическим показателем, хотя и призывал коллег индивидуально сверять время их бытования с другими находками (1964, с. 223). Его наблюдения практически совпали с хронологией аналогичных артефактов из раскопок киевского Подола (Сагайдак, 1991, с. 92, 102) и черниговского Полесья (Веремейчик, 2008, с. 374). В последние годы в датировочных возможностях пряслиц усомнился С. Павленко (2001), но в позднейших напластованиях Мацковцев подобные артефакты не встречены.

Некоторые находки связаны с уничтожившим это поселение пожарищем, вызванным военным вмешательством в жизнь местных северян. Ему синхронна битрапецоидная бусина синего стекла типа 1 с пропорциями 1 : 2. По новгородской шкале датируется X–XI вв. (Колчин, 1982, с. 168). **Рис. 33: *10***. Непосредственно в зольнике найден узколезвийный боевой топорик с утраченной частью обуха, что затрудняет его точную идентификацию. По классификации А. Н. Кирпичникова, он мог относиться к типам I и III, датирующимися X–XI вв. и характерными для дружинных древностей. Его ближайшие аналогии происходят из Владимирских курганов и Приладожья (1966-2, с. 33–36).

Среди наконечников стрел встречено массивное ребристое ромбовидное изделие гнёздовского типа 41 (вид 1) с пропорциями пера 1 : 3. Подобные изделия были широко распространены с VIII–IX вв. до середины XI в. (Медведев, 1966, с. 65). Наиболее близкая аналогия происходит из Веселовского могильника XI в. (там же, табл. 18, № 14) и наконечника, найденного среди материалов открытого поселения рубежа X–XI вв., предшествовавшего городищу Веремеевка, рис. 11: *10* (Кучера, 1962). Несколько менее близки образцы из Новотроицкого городища IX в. (Медведев, 1966, табл. 13, № 29) и Борковкого могильника X в. (табл. 15, № 31). Приведенный экземпляр отличается от гнёздовских образцов лишь тем, что боковые стороны пера выпуклы не равномерно, а лишь в его передней части. Не исключено некоторое подобие данного наконечника и с изделиями килевидного типа 38, но они большей частью плоские. У других же максимальное расширение плечиков резко сходится к упору, не оставляя места для вогнутости плечиков. Из килевидных образцов более близки к найденному в Мацковцах наконечники из Зайцевского городища XIII в. (табл. 23, № 20) и из кургана у ст. Белореченской XIV в. (табл. 26, № 8), но их датировки противоречат размещению рассматриваемого экземпляра в несравненно более раннем культурном слое.

В слое пожара и напластованиях общерусского поселения обнаружены и другие индивидуальные находки. Существенно уточняют датировку новой фазы существования поселения две латунные загнутоконечные подковообразные фибулы треугольного сечения с узкой железной иглой и язычок другой такой же за-

стежки. Спектральный анализ показал, что металл этих украшений включает значительное содержание цинка, характерное для изделий севера Руси и Прибалтики (Коновалов, 2008, с. 33; Сарачева, 2012, с. 226). На общерусском фоне подобные изделия характерны для X – первой половины XI в. (Мальм, 1967, с. 153; Колчин, 1982, с. 173). В южнорусском контексте хронологию их бытования сужают заготовки подобных фибул, обнаруженных в жилищах городища Горбово на Десне, датирующихся второй половиной X в. (Григорьев, 2000, с. 136). К этому же кругу древностей относится литая в односторонней форме монетовидная подвеска с небрежно оттиснутым по восковой модели двойным зигзагообразным узором, отлитая из типичной для словен новгородских оловянистой бронзы (Седов, 1982, с. 178, табл. LIV; №№ 3, 4, 14, 18). Ее орнаментация сходна с изображением «волчьего зуба» – подобный мотив также нередок на украшениях новгородских словен.

Интересен и сильно сработанный небольшой железный нож с уступом на переходе от клинка к черенку. Он изготовлен из фосфорного железа с характерной для северных районов Руси косой наваркой высокоуглеродистого стального лезвия с последующей резкой закалкой изделия. На его широкой спинке сделаны частично заполненные белым металлом ритмично чередующиеся насечки: после семи прямых одинаково следует одна крестообразная, а за последней крестообразной сделаны еще две или три прямые. Таких зон на спинке ножа четыре. По остроумному соображению В. И. Завьялова, это своеобразный календарь, зафиксировавший четыре недели по семь дней, разделенные косыми крестами (Завьялов, 2001, с. 89; Моргунов, 2012 а, с. 44–48). Приведенные артефакты позволяют связать завоевание и дальнейшее расселение северян с «мужами лучшими» Владимира Святославича.

10. Монастырище и «Замок» в г. Ромны

На Соборной площади долго сохранялись лишь следы обширной позднесредневековой крепости «четвероугольной фигуры». В связи с перепланировкой города, начиная с 20-х годов XIX в. ее высокие валы начали срывать и передавать на откуп для переработки на селитру, а глубокий ров засыпали вплоть до 60-х годов (Шафонский, 1851, с. 571; Курилов, 1889, с. 17, 18, 28).

Остатков же северянских укреплений никто не зафиксировал, поэтому попытка исследователей доказать перерастание северянского укрепления Монастырище в древнерусский город выглядит интригующе. В первой публикации итогов новейших раскопок указано, что «ни в культурном слое, ни в расчищенных объектах почти не встречаются обломки круговых сосудов XI в. – они найдены в отдельных случаях на восточном склоне» (Сухобоков, 1993, с. 47). Позже оказалось, что «отдельные обломки» подобной керамики в шурфах всё же встречались. Отсюда следовал вывод, что «археологические материалы позволяют утверждать занятость материалами XI в. той же площади, что и городом XII–XIII вв. Следовательно, город в своих границах существовал как минимум с начала XI в.» (Сухобоков, 2004, с. 72; Комар, Сухобоков, 2004, с. 171). При этом не уточнялось, о каком городе шла речь.

11. Поселения «окняженных» северян

На Псле подобные поселения известны в Гочеве, Горнале и Зелёном Гае (Шинаков, 1982, с. 96; Куза, 1981, с. 38; Корякин, 2003, с. 53). На Ворскле после гибели укрепления Куземин его население было расселено на селище (Берест, 2002, с. 104). В Жидеевке на р. Свапе продолжение жизни на открытом поселении фиксируется находкой сребреника Владимира Святославича типа 4 (Стародубцев, 2013, с. 83–85; Рублев, 2016, с. 321).

Показателен и пример летописной Лтавы: судя по раскопкам И. И. Ляпушкина и другим исследованиям на детинце, гончарная керамика развитого XI в. там редка, но обычна на посадах (Григор'єв, Кулатова, 1999, с. 44, 47). Более того, вплоть до середины XI в. ей сопутствует лепная позднероменская посуда. Это может говорить о несколько более позднем «окняжении» столь удаленной северянской провинции. Близкие датировки этого процесса фиксируются и применительно к некоторым верхнедонецким укреплениям (Колода, 2005, с. 76, 80).

Тем не менее порой исследователи предполагали, что крепость Лтавы непрерывно существовала на протяжении IX–XVII вв. (Толочко, 1999 а, с. 5, 6; Супруненко, Пуголовок, 2015-1, с. 27). Очевидно, импульсом этого вывода стала найденная на Ивановой горе актовая печать Всеволода Ярославича. Это был бы весомый аргумент существования крепости в XI в., но булла датируется вторым десятилетием XII в. (Янин, Гайдуков, 1999, с. 25, 117, 261). Это позволило А. Б. Супруненко заключить, что после разгрома племенной крепости ее население также было выселено на обширное открытое поселение (Супруненко, 1998 а, с. 87).

12. Мацковцы: северянское наследие на новом поселении

Новое поселение хорошо иллюстрирует характер сложения общерусской культурной общности на северянской этнической основе. Там сразу вышла из употребления лепная посуда, сократилось количество другой традиционной атрибутики, но полностью они из обихода не исчезли. Часть обнаруженных там семилучевых височных колец по кветуньским аналогам (тип V, группы Н и С) бытовали и в XI–XII вв. Считается, что подобные изделия являлись продукцией ремесленников разноплеменных пограничных крепостей на территории бывшего северянского племенного союза (Шинаков, 1980, с. 117–124).

В домостроительстве середины XI в. периодически продолжали изготавливать печи на материковых останцах и врезанные в стенки углубленных частей построек. Встречаются и остатки жилых построек с узкими и длинными углубленными котлованами: в русском домостроительстве такие сооружения неизвестны. Судя по любезной консультации А. В. Григорьева, во второй половине X – начале XI в. сходные строения известны в Курской области на северянском поселении Тазово на р. Тускарь, в Поочье на городище Тимофеевка на р. Упе, в Подмосковье на поселениях Покров V и Жданово 1 (Юшко, 1998, с. 329, рис. 6; Гоняный, 1999, с. 133, 134, рис. 2; Григорьев, 2000, с. 100, рис. 36, 37; 2005, с. 57, 58, рис. 19). Очевидно, это наследие утрачивавших племенные признаки северян.

Таким образом, после проведения силового акта остатки материальной культуры носителей роменской культуры сохранялись в русле сложения местного варианта общерусской культуры на протяжении жизни еще одного-двух поколений. Эта картина соответствует оценке Е. А. Шинаковым времени окончательного исчезновения этноопределимого северянского инвентаря посульских могильников к середине XI в. (1991, с. 90). Но это происходило на уже «окняженных» землях, после того, когда часть северян была включена в процесс «огораживания» низовий Сулы протяженными укреплениями, создававшимися на привычных для них эскарпах, когда для этого строительства стал доступным и строительный лес из северянских угодий (Моргунов, 2005, с. 222, 263, 264).

13. Участие «мужей лучших» в окняжении других поселений

На городище Малый Балкан в Ницахе было найдено радимичское семилучевое височное кольцо «деснинского» типа» (Шинаков, 1991, с. 88). В Посеймье с вооруже-

нием дружинников Владимира связывают обнаруженные в Капыстичах характерные для западных и северных областей Руси наконечники стрел X в., а также обнаруженные в Люшинке ранние наконечники стрел гнёздовского типа и наконечник копья прибалтийского типа (Зорин, 2003, с. 372, 373; Стародубцев, 2008, с. 102, 103). Артефакты, происходившие из ареала культуры летописных кривичей, представлены височным кольцом с серповидно заходящими концами, двумя биэсовидными и трехдырчатой подвесками (Переверзево-2, Липино и Беседино–Рать). Аналогии найденной на Ратском городище подковообразной фибуле с многогранными концами известны среди западных балтов и финских племен. Наиболее полная сводка иноэтничных артефактов среди северянских украшений курского Посеймья представлена в энциклопедической работе А. Г. Шпилева (2010).

Значительно больше привозных изделий содержат погребальные памятники, которые были оставлены обитателями открытых поселений. На лучше изученных гочевских некрополях Верхнего Псла иноэтничные, не северянские, комплексы составляют 14–15 % всех этноопределимых погребений (Шинаков, 1982, с. 96). Вероятно, эти цифры почти исключительно относятся к периоду присоединения к Руси и освоения северянских земель: как мы увидим ниже, в последующее время пополнение местного населения пришлым резко сократилось, если вовсе не прекратилось.

Судя по известным на данный момент левобережным археологическим материалам, наибольшее количество этноопределимых находок оставлено радимичами и кривичами. Радимический инвентарь содержали четыре гочевских погребения; аналогичные этноопределимые находки происходят из Зелёного Гая и Ницахи (Шинаков, 1982, с. 95; Осадчий, 2003, с. 61; Сухобоков, 1992, с. 93). Кривичские браслетообразные височные кольца встречены в Глинске на Ворскле, Каменном, Заречном и Зелёном Гае (Русанова, 1966, с. 22; Золотніцька, Супруненко, 1999, с. 194; Сухобоков, 1992, с. 179; Осадчий, 2003, с. 59).

С Северной и Северо-Восточной Русью связаны гочевские браслеты с заостренными концами, витая гривна с раскованными концами; ряд изделий, прорезные и коньковые подвески, встречены в Зелёном Гае. Западно-финские «аксельбанты» встречены в Гочеве и Броварках. Известны там и финно-угорские широкосрединные «усатые» перстни, также бытовавшие в междуречье Оки и Волги. В Зелёном Гае также встречены этноопределимые вятичские артефакты, изделия выходцев из Волжской Болгарии, а с финно-угорскими племенами и Прибалтикой этот памятник связывают шумящие подвески и погребения «валетом» на горизонте (Шинаков, 1982, с. 95; Шинаков, 1991, с. 86; Осадчий, 2003, с. 61, 62; Приймак, 2006, с. 66).

Следы переселенцев из Среднего Поднепровья известны в Липине, Липовом, Зелёном Гае, Городном, Заречном, в шпилевском кладе рубежа X–XI вв. (Енуков, 2005, с. 195–200, 311; Моця, Халиков, 1997, с. 104: Приймак, 2006, с. 66, 67). В Гочево и Зелёном Гае встречены дружинные камерные захоронения в деревянных домовинах из толстых досок – пережиток обряда погребения в срубных гробницах дружинных некрополей (Шинаков, 1982, с. 96; Щавелев А. С., 2002 а, с. 210–212; Приймак, 2006, с. 66). Тем не менее следы этой категории переселенцев прослеживаются недостаточно отчетливо из-за изначальной перемешанности этой категории населения.

14. Следы проживания кочевников в Мацковцах

Аналогии найденного там килевидного трехлопастного наконечника стрелы с удлиненной шейкой типа 17 в IX–X вв. были характерны для уйгуров Саяно-Алтая, Монголии и федерации кимаков степного Алтая и Западной Сибири.

На Руси схожие изделия встречены на городище Девич Гора, в Сахновке и Борковском могильнике (Медведев, 1966, с. 60, табл. 15, №№ 15, 17, 19; Худяков, 1986, с. 149, 171, 185, рис. 82, № 19). Наконечники бронебойных стрел с упором и конусовидным пером круглого сечения использовались на Алтае и Западной Сибири в IX–X вв. (Худяков, 1986, с. 116, 144, 162, 172, 189, 215). Со степными древностями IX–XI и X–XI вв. связаны прямоугольная и пятиугольная подпружные пряжки с вогнутыми боковинами (Кирпичников, 1973, с. 76, 77; Федоров-Давыдов, 1966, с. 44, 46). **Рис. 45:** ***2, 4, 8, 11***.

Прослеживается и некоторая связь поселенцев с лесостепным населением Хазарии. На это указывает безынвентарное погребение с меридиональной ориентировкой, совершённое в неглубокой подпрямоугольной яме со скругленными углами. По С. А. Плетнёвой, головами на север хоронила усопших группа болгар, обитавших в верховьях Донца (1981, с. 219).

Необычны для Посулья и остатки округлой хозяйственной постройки П-5. За внешние пределы ее подклета метровой глубины столь же кругообразно выходили стены из вертикальных столбов, связанных плетневыми пролетами с глиняной обмазкой – это широко распространенные среди алано-болгар Подонья «турлучные» стены. В разрезе сооружения прослежены остатки прогнутой книзу засыпки междуэтажного перекрытия, которое, как и стены, на 0,5 м выходили за пределы котлована. Это сооружение трактуется как двухэтажная столбовая постройка на холодном подклете с площадью наземной части около 11 м^2. Строения подобных очертаний типичны для оседавших на землю кочевых народов; их устройство восходит к хазарским прототипам (Нечаева, 1975, с. 23–28; Флеров, 1996). Судя по времени создания, это сооружение, вероятно, следует связать с выходцами из степей, которые приспособились к местным условиям под влиянием русского домостроительства (Моргунов, 2012, с. 43, 44, 138).

15. К особенностям антропологических заключений

Антропологический анализ материалов грунтового могильника древнего Переяславля в уроч. Луг (конец XI – начало XIII в.) показал, что в формировании древнерусского населения этой части Левобережья принимали участие выходцы из поднепровского Правобережья и более северных территорий, генетически связанных с обитателями дреговичских и радимичских земель (Рудич, 2008, с. 102). Между тем период существования этого памятника широк: он немногим может помочь решению проблемы начального этапа формирования местного антропологического типа. В подобных изысканиях порой встречаются и другие досадные неувязки. Так, анализируя серии из погребений Зелёного Гая, один и тот же исследователь сначала писал об исключительно северянском антропологическом типе обитателей поселения и отсутствии следов салтовского субстрата. Впоследствии следы носителей салтово-маяцкой культуры всё же нашлись (Покас, 1987, с. 97; 1993, с. 47).

16. Еще раз о «косых острогах» курских городищ

Выдвинутая В. В. Енуковым гипотеза о применении северянами исключительно в курском регионе «косых острогов», получивших в Русском государстве распространение только в эпоху огнестрельного оружия, вызвала возражения в литературе (Моргунов, 2008; Носов, 2013, с. 58–60; Щавелев С. П., 2013, с. 333).

Наибольшие сомнения в ее стройности придает общеисторический аспект. Остались неясными причины появления этой техники в незначительном по разме-

рам углу северянского расселения на фоне стандартного и синхронного применения славянских фортификационных форм на лесостепной территории, простирающейся от Дона до Днестра и Сана. На этих землях прослеживается общая схема применения известных с позднескифского времени защитных стен из двух рядов частоколов или каркасно-столбовых стенок с плотными грунтовыми засыпками промежутков между ними. Около середины X в. на основе техники славянского домостроительства начали появляться и срубные стены с шиповым креплением бревен.

Вместе с тем на ряде памятников, в том числе и северянских, нередко прослеживается применение обкладок приближающихся к вертикали подрезок береговых склонов. Как и «косые остроги», их также создавали из расколотых вдоль бревен (Моргунов, 2009, с. 42–47, 266–276). Отсюда возникло предположение о неточной идентификации разновременных фортификационных реалий, поскольку в пору начала раскопок на Курсщине автор гипотезы являлся специалистом по изучению погребальных древностей. Раскопки Ратского (Бесединского) городища, где он обнаружил этот феномен, были первой пробой глубокого изучения им городищенских укреплений. Может быть, поэтому в качестве аналогии наклонных частоколов он привел ограждения боярских усадеб, а не обратился, скажем, к «острогам» городов или «столпью» киевского посада на Подоле.

Опубликованный В. В. Енуковым многословный ответ на мою критику мало что прояснил. Правда, оказалось, что бесединский вал на деле содержал множество иных конструктивных деталей, о которых в первой публикации автор не счел нужным упомянуть. Заслуживает внимания и авторская ремарка о том, что «пример фортификаций Курска выглядит в определенной мере исключением». Странным для специалиста такого уровня является и неаргументированное утверждение о том, что «вал является результатом изначального и целенаправленного возведения в качестве конструктивного элемента фортификаций». Насколько известно, в широком плане для домонгольского времени эта посылка убедительно не подтверждена, а указанные автором бесединские котлованы северянских сооружений вырыты в валах предшествующего северянскому городищу позднескифского времени (Кашкин, 2000, с. 90–93; Енуков В. В., 2011, с. 89–101; Енуков, Раздорский, 2015, с. 55). Таким образом, гипотеза о северянских «косых острогах» по-прежнему остается неубедительной.

17. Монастырище на р. Удай

По мнению А. Шафонского и Филарета, этот островной «городок сделан при польском владении и возобновлен при гетмане И. Самойловиче» (1672 – 1687 гг.). Д. Я. Самоквасов уточнил, что городище округлых очертаний окружено рвом и содержит действующий колодец (Шафонский, 1851, с. 435, 447; Филарет, 7, 1873, с. 400; Самоквасов, 1873, с. 24). Мной там обнаруживались лишь напластования XVII–XVIII вв. В полевых отчетах А. В. Шекуна и А. П. Моци также нет иллюстраций, отражающих наличие в Монастырище древнерусской керамики (Моргунов, отчет 1980 г., с. 11; Моця, отчет 1990 г., с. 5; Шекун, отчет 1980 г., с. 22). Досадное недоразумение с этим памятником было опущено исследователем в следующей работе (Моця, 2010, с. 38).

18. Зелёный Гай

Тринадцать курганных могильников этого комплекса содержат ингумации, трупосожжения и их пережиточные имитации. В погребальных комплексах прослеживается присутствие переселенцев из других регионов Руси. Встречены запоздалые реплики камерных погребений с остатками срубных и столбовых

конструкций, но явных признаков дружинной прослойки не обнаружено (Моця, Халиков, 1997, с. 115–117; Осадчий, 2003, с. 48–63).

Изучавшееся И. И. Ляпушкиным и ныне уничтоженное городище в уроч. Старое Крейдище считают исключительно северянским (Ляпушкин, 1961, с. 255, 256; Моця, 1987, с. 165; Покас и др., 2007, с. 12). Между тем зачистки его обнажений показали, что культурный слой пронизан позднероменскими котлованами жилищ и древнерусскими хозяйственными ямами. В свою очередь, при зачистке остатков вала оказалось, что в его нижних слоях содержались обломки лепной северянской керамики, а выше встречались фрагменты развитой древнерусской посуды (Сухобоков, Моця, 1987, с. 84–86). Это классический пример древнерусского возобновления крепостных стен поверх руин укреплений северянского племенного убежища.

Подобная стратиграфия предполагает одинаковую вероятность двух интерпретаций. Согласно одной, если в позднесеверянское время все же произошло фортифицирование открытого поселения, то это следы их обновления в древнерусское время. С этой целью каркасы защитных стен засыпали предшествующими (северянскими) напластованиями. Позже там возникло общерусское поселение, а со временем возникла потребность и в его защите. Новые стены строили поверх северянских валов и засыпали городни в том числе и новыми напластованиями с гончарной керамикой.

Вероятна и другая версия: древнерусское население, пришедшее на удобное для проживания и защиты место, приступило к строительству крепостных стен и для засыпки городней использовало лежавший под ногами роменский культурный слой. Со временем в крепости и вокруг нее сложились древнерусские напластования, поэтому при обновлении обветшавших стен в засыпки городней попала и керамика XII в. (Моргунов, 2009, с. 72–110). В любом случае существование там северянских крепостных стен все же допустимо.

«Полезная» площадь лучше сохранившегося Малого городища за вычетом воронки колодца составляет 0,15 га. Шурфовка показала наличие в культурном слое незначительного количества лепной и круговой «манжетовидной» керамики при явном преобладании фрагментов посуды XII в. Материалы XII в. встречались и в забутовке примитивного срубного каркаса защитной стены из плах, устроенной по периметру площадки (Сухобоков, 1992, с. 122). Ее упрощенная и по толщине (1–1,4 м) не сравнимая с аналогами конструкция напоминает о сельских убежищах, построенных по принципам крестьянской самообороны: она создавалась людьми, не ведавшими о современных им наработках в фортификации. Существенной поддержкой датировки возникновения укреплений в XII вв. является отсутствие на склонах эскарпов – типичного признака северянской фортификации (Покас и др., 2007, с. 11). Признаком строительства древнерусского времени является и устройство стен по периметру площадок: северяне предпочитали создавать напольные преграды, но на этом городище они не изучались. Это не позволяет полностью отказаться от версии о существовании в позднероменское время и первоначальных укреплений Малого городища (Моця, 1987, с. 165; 2006, с. 119; Сухобоков, Моця, 1987, с. 83–86; Иевлев, Моця, 1992, с. 25).

Материалы зелёногайского комплекса не отличаются высокой насыщенностью. В середине XII в. периферия одного поселения была перекрыта христианским кладбищем: это породило распространенное заблуждение о затухании жизни на комплексе (Сухобоков, 1992, с. 147, 176; Моця, 2006, с. 119). Этому противоречат иллюстрации полевого отчета 1983 г.: они показали резкое увеличение в культурных напластованиях количества керамики XII в. и продолжение существования поселения после середины XIII в. (Сухобоков, Моця, альбом к отчету 1983/38 а). **Рис. 4: *2–4*.**

Ключевые вехи княжения Ярослава Мудрого

Эта часть исследования охватывает время между началом киевского княжения Ярослава Мудрого и юридическим закреплением по его «завещанию» лесостепного Левобережья в качестве самостоятельного Переяславского княжения. Эти события требуют непродолжительного возвращения к последним годам жизни Владимира Святославича. Нелишним кажется и краткий обзор событий феодальной войны между его наследниками, предшествовавших утверждению Ярослава в Киеве, что позволит оценить, насколько верховная власть, занятая военными действиями и послевоенным восстановлением, могла влиять на дальнейшее заселение и христианизацию Левобережья.

Как мы видели выше, в ПВЛ сообщения предшествующего периода сильно насыщены, а порой и подменялись отзвуками легенд, раскрашивающими скудные воспоминания о минувшем. Не стала исключением и событийная канва эпохи Ярослава, кратко отразившая основные вехи его княжения, дополненная обширными риторическими вставками, порой лишь немногим связанными с описываемыми событиями.

Значительная часть исследователей восприняла гипотезу А. А. Шахматова о том, что текст ПВЛ, летописно оформленный в конце XI – начале XII вв., восходит к «Начальному своду», наиболее полно отразившемуся в НПЛ младшего извода. Не исключено, что летописание рассматриваемого периода велось при митрополичьей кафедре, возможно, под непосредственным присмотром князя. Но в дошедшем до нас виде текст был завершен уже после смерти Ярослава и неоднократно редактировался (Шахматов, 2001, с. 296, 297 и сл.; Приселков, 1996, с. 60, 61; Лихачёв, 1950, с. 58, 75; Насонов, 1969, с. 14, 35–37; Гиппиус, 2012, с. 46; Горский, 2013, с. 56).

Односторонним характером отличается как восходившая к ПВЛ, так и несколько более поздняя житийная литература. Нередко она модернизировала общественные отношения и переносила современные составителям реалии на более раннее время (Горский, 2013, с. 56). В нашем случае это прослеживается в сюжетах о волнениях северянских «городов» в 1015 г. и существовании в 30–50-х годах XI в. в Курске и его окрестностях множества церквей и развитого паломничества.

Реалии этого периода частично отражены и в других письменных источниках. Нередко они раскрывают подробности, возможно, намеренно завуалированные при редактированиях текста ПВЛ. Из них оригинальным памятником является хроника современника, саксонского епископа Титмара Мерзебургского (Рапов, Ткаченко, 1980; Назаренко, 2003). Она содержит сведения, отсутствующие в русских источниках: с 1013 г. вплоть до смерти епископа в декабре 1018 г. он получал известия с полей битв от их участников. Но появлявшиеся в его руках дозы информации, наложенные на скудное знание южнорусской географии, не способствовали ясности изложения событийной канвы. Тем не менее этот источник заслуживает внимания.

Интересна и исландская королевская сага «Прядь об Эймунде», содержащая описание событий 1015–1017 гг. Она составлена со слов современников службы норвежского конунга на Руси, но была записана не ранее конца XIII в. (Джаксон, 1994,

с. 87–119). Первые переводы саги вызвали множество альтернативных толкований сути происходившего в Южной Руси, но фактическая основа саг часто весьма противоречива. В частности, она связывает смерть князя Бориса с именем Ярослава Мудрого. Действительно, наряду с реальными и порой уникальными фактами саги содержат множество шаблонов, устоявшихся штампов и мифологических элементов, поэтому относиться к ним следует осторожно (Рыдзевская, 1978, с. 99, 100; Глазырина и др., 1999, с. 517; Войтович, 2006, с. 275; Пчёлов, 2001, с. 192–194).

Судя по событиям предшествующего времени и заглядывая вперед, можно заключить, что весомая доля южнорусских событий тем или иным образом была обязана взаимоотношениям с кочевым миром. Но их подробное рассмотрение недоступно из-за содержащейся в древнейших письменных источниках летописной лакуны 997–1014 гг.: сведения недостаточной достоверности содержат лишь более поздние и хуже изученные источники. Может быть, именно поэтому в литературе сложились представления о спаде внешней опасности после 997 г. Но вряд ли этот спад наступил столь резко: Владимир продолжал защитное строительство вплоть до 1008 г. И все же реальное уменьшение активности степняков сказалось в том, что с 1113 г. печенеги перешли к завершающей стадии агрессивности: они вернулись к фазе наемничества под знаменами Болеслава I Храброго и Святополка Владимировича («Окаянного»). Возможно, к этому времени закончилось действие закрепленного архиепископом Бруно замирения Владимира 1008 г., сопровождавшееся передачей его сына (Святополка?) в заложники именно правобережным степнякам.

По Титмару, в 1013 г. польский король «опустошил большую часть этого края», но после внутренних распрей приказал полякам и немцам перебить степных союзников. Возможно, нападение было вызвано упомянутым Титмаром заточением Святополка в темницу вместе с его женой, дочерью Болеслава (Рапов, Ткаченко, 1980, с. 60; Пчёлов, 2001, с. 183–187; Назаренко, 2003, с. 322; Войтович, 2006, с. 249; Боровков, 2016, с. 44, 45). В 1014 г. печенеги могли готовиться к нападению на Русь, что могло инспирироваться Болеславом для отвлечения русских сил в пору ухудшения их отношений (Ильин, 1957, с. 168). Судя по маршруту степного похода князя Бориса, это были левобережные степняки (ПСРЛ, т. 1, с. 130, 132). По сведениям ПВЛ и житий, после смерти Владимира Святославича Святополк летом – ранней осенью 1015 г. вокняжил в Киеве и убил сыновей Владимира, князей Бориса и Глеба (ПСРЛ, т. 1, с. 140; Рапов, Ткаченко, 1980, с. 63; Котляр, 1990, с. 90; Назаренко, 2003, с. 323, 324).

Следующим событием стала Любечская битва между новгородским князем Ярославом Владимировичем и Святополком с печенегами: она произошла осенью 1015 г. или в 1016 г. (ПСРЛ. т. 1, с. 141, 142; т. 2, с. 129; Творогов, 1994, с. 11; Толочко, 1996, с. 140, 141; Боровков, 2016, с. 51). Победивший Ярослав вошел в Киев. По Титмару, город по наказу Болеслава стал подвергаться печенежским набегам. Согласно сведениям НПЛ, Святополк отступил к печенегам, но в ПВЛ указано о его бегстве «в ляхы». Последнее близко к мнению Титмара о закреплении Святополка в Берестье. Это разночтение не столь противоречиво: от левобережного Любеча Святополк мог обойти Киев южными степными дорогами (ПСРЛ, т. 1, с. 142; ПСРЛ, т. 3, с. 15, 175; Назаренко, 2003, с. 326).

Дальнейшие события еще более разноречивы. Согласно статье НПЛ под 1017 г., вернувшись из похода на Берестье, Ярослав восстановил киевскую Софию, но из ПВЛ известно лишь о возвращении князя и сгоревших церквах. По хронике Титмара, после разгрома Ярославом одного из городов брата (Берестья?) Киев осадили кочевники, и город был охвачен пожарами. Описание с трудом отбито-

го Ярославом нападения степняков содержится в обеих редакциях «Истории» В. Н. Татищева. Подробностям сражения посвящен и сюжет саги, откуда известно, что набег подготовил и участвовал в осаде перезимовавший в печенежских степях Святополк (ПСРЛ, т. 1, с. 142; т. 3, с. 180; т. 9, с. 75; Рыдзевская, 1978, с. 95, 96; Назаренко, 2003, с. 325–328). Эти сведения представляются достоверными, но в ПВЛ схожие подробности битвы перенесены в статью 1036 г.

Летом 1018 г. при поддержке печенегов и немецко-венгерских войск Болеслав со Святополком всё же захватили Киев. Болеслав развел воинство по русским городам, но сопротивление местного населения заставило его вернуться в Польшу; по дороге он занял Червенские города. С приходом Ярослава Святополк вновь бежал к печенегам. В 1019 г. он вернулся с ними, встретился с Ярославом на Летском поле (на р. Альте) и был разбит (ПСРЛ, т. 1, с. 142–144). Летописное описание этой битвы сходно с сюжетом Лиственской битвы, насыщено штампами и несет следы поэтической обработки. Вероятно, автору протографа летописной версии подробности Летского сражения были неизвестны (Грушевський, 1994, с. 13, 14; Лихачёв, 1950, с. 366; Алешковский, 1971, с. 99; Пчёлов, 2001, с. 188, 190; Боровков, 2016, с. 53).

Нетрудно заметить, что в войне за киевское княжение войска Святополка и Болеслава поддерживались исключительно правобережными печенегами, кочевавшими южнее пределов Руси и Польши. По умолчанию в литературе порой подразумевают, что в Любечской и Летской битвах могли участвовать и печенеги Левобережья Днепра, в кочевьях которых мог зимовать Святополк после поражения под Любечем и в 1018 г. Но прямо эта версия легендарными сообщениями источников не поддерживается. Да и расстояния от Любеча и Льто до Днепра столь незначительны, что мятежному князю было проще форсировать его, чтобы использовать сложившиеся связи Болеслава I с правобережным крылом кочевого мира. Косвенно подобный взгляд подтверждается тем обстоятельством, что в походе 1015 г. князь Борис в левобережных степях печенегов не обнаружил.

Последовательная серия русских побед вновь привела к угасанию печенежской активности: после разгрома 1017 г. под стенами Киева «прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дни». Таким образом, русские разгромы и внутристепные перемещения надолго нейтрализовали южную угрозу Руси: степняки отошли от пределов Руси и перенесли внимание на западных соседей[1]. Эта подвижка инициировалась и давлением осваивавших причерноморские степи узов-торков: в 1021–1022 гг. их значительные силы переправлялись через Дунай. После ряда сражений их остатки были расселены на западе Византии и защищали ее рубежи (Литаврин, 1967, с. 274).

Их новый, более опустошительный натиск связывают не только с усилением торческого напора. Существенным считают и смерть в 1025 г. византийского императора Василия II Болгаробойцы, шурина Владимира Святославича, не продлившего прежний мирный договор с кочевниками. Начало серии разорений западных провинций империи разные авторы датируют в пределах 1025–1027 гг.: степняки брали в плен войска и даже стратегов. Возможно, в связи с подобным отвлечением печенегов под 1026 г. летописец отметил, что на Руси «бысть тишина велика в земли». Дальнейшие нападения 1032 и 1034 гг. расширили географию опустошений, вызвали гибель множества византийских поселений и укрывание значительного количества кладов. Затем последовала серия ежегодных ударов 1032/1033, 1034 и 1035 гг., когда печенеги разоряли земли Мезии, Фракии и Македонии, доходили до Фессалоник (Мэнуку-Адамештяну, 2000, с. 346–352). Апо-

[1] Поэтому в 1018 и 1019 гг. Болеслава и его зятя скорее поддерживали печенеги, кочевавшие южнее Польши.

гей нападений пришелся на 1036 г.: тремя набегами степняки вновь опустошили северные районы Болгарии и Македонию, доходили до Фракии, пленили 5 византийских стратегов, в Добрудже разрушили многие укрепления лимеса (ПСРЛ, т. I, с. 149; Литаврин, 1967, с. 274; Тыпкова-Заимова, 1978, с. 67; Мургулия, Шушарин, 1998, с. 35). Отсюда следует, что в 1036 г. вряд ли печенеги появлялись близ Киева. Несмотря на такое изменение степного натиска, в литературе нападения степняков на Византию в 1036 г. нередко связывают с реакцией номадов на их разгром якобы под стенами Киева. Это заставляет вернуться к датировке этих событий, толкующихся не одинаково (Толочко, 1969, с. 196–202).

Сторонники переноса сведений об осаде Киева 1017 года в летописную статью ПВЛ под 1036 г. опираются на сходство отдельных подробностей осады в поздних летописных сводах и татищевских известиях под 1017 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 150, 151; т. 2, с. 138, 139; ПСРЛ, т. 9, с. 75; ПСРЛ, т. 25, с. 372; Татищев, 1962, т. 2, с. 74: 1964, т. 4, с. 145; Ильин, 1957, с. 123; Толочко, 1996, с. 148, 149, 183).

Во многом схожая ситуация прослеживается со статьей ПВЛ под 1037 г., где упоминалась закладка Ярославом в Киеве «города великого» с Золотыми воротами и ряда церковных сооружений, в том числе и каменного Софийского собора. Исследователи подмечали в этом противоречие, поскольку под 1017 г. о закладке киевской Софии уже сообщал ряд летописных источников. Противоречивы и сведения НПЛ, основного протографа ПВЛ: в его обоих списках о закладке этого собора указано под 1017 г. Но под 1037 г. в Синодальном списке обозначено начало строительства города и Софии, а в Комиссионном добавлено уточнение о завершении возведения храма (ПСРЛ, т. 1, с. 151; ПСРЛ, т. 3, с. 15, 16, 80). Этому в корне противоречит обнаруженное С. А. Высоцким софийское графити о рождении Всеволода Ярославича. Летописные сведения датируют это событие 1030 годом, т. е. в этом году храм уже функционировал (Висоцький, 1966, с. 105).

С другой стороны, причина подобных разночтений, перешедших в другие письменные источники, могла бы объясниться сооружением разных объектов, бревенчатого и каменного (Толочко, 1969, с. 196–202). Не исключен и другой источник противоречий: статьи 1036 и 1037 гг. очень близки по стилистике. В них сведениям о сражении и создании гражданских объектов Киева отведено весьма скромное место по сравнению с перечислением удивительно большого для одного года количества церковных сооружений. Эта специфика навеяна основанием в 1037 г. митрополичьей кафедры, где велось летописание; приличествующая этому случаю церковная риторика служила и средством возвышения политической роли князя. Необходимость в этом заключалась в том, что, нарушив сложившиеся нравственные нормы, Ярослав дважды изгонял из Киева имевшего больше прав на киевский стол старшего брата Святополка. Поэтому истолкование борьбы Ярослава как мести за смерти Бориса и Глеба имело большое общественное значение (Приселков, 1996, с. 61, 63; Насонов, 1969, с. 36, 37). Под пером летописца вместе с легендарными эпизодами феодальной войны это стало основным планом: существенно, что другие вехи княжения Ярослава в ПВЛ описаны скупо.

Археологически объем строительства «города Ярослава» в значительной мере известен. Новые укрепления площадью свыше 60 га и протяженностью около 3,5 км охватили высокие мысовые выступы Детинки, Кудявца и боярские усадьбы на плато Киевской горы (Комар А. В., 2012 а, с. 324). Раскопки валов у телецентра и Золотых ворот указали на их первоначальную высоту не менее 12 м. Как и церковное строительство, это не могло быть делом одного года. Сомнения вызывают и захоронение Мстислава в не достроенном им Спасском соборе, и исчезновение печенегов «до сего

дне». Это привело исследователей к обоснованному выводу о том, что информация статьи 1037 г. является собирательной, подводившей итоги всей деятельности Ярослава (Поппэ, 1968, с. 91; Лихачёв, 1975, с. 68; Толочко, 1996, с. 151, 180). В целом же изложение в ПВЛ событий под 1036–1037 гг. можно представить как вставку наложенного на церковное предание панегирика, приуроченного к 60-летию Ярослава, закладке каменной киевской Софии и 500-летию ее константинопольского прототипа (Пашуто, 1968, с. 109; Алешковский, 1971, с. 67–69; Махновець, 1989, с. 88).

Возвращаясь к левобережным реалиям, следует отметить, что бурные правобережные события 1013–1018 гг. и устранение там губительных последствий вызванной ими разрухи вполне могли отвлечь внимание Ярослава от более спокойной левобережной периферии. В определенной мере об этом свидетельствует подготовка ее выделения в самостоятельное княжение.

Раздел «Русской земли» по Днепр

Сведения о разделе «Русской земли» связаны со столкновением и замирением Ярослава Владимировича с младшим братом Мстиславом, который княжил в Тмутаракани и не принимал участия в феодальной войне. Около 1024 г., во время усмирения Ярославом мятежа в Суздале, Мстислав с союзными ему хазарами и касогами появился у Киева. Боярство его не приняло, и он ушел в Чернигов. Исследователи уже обращали внимание на то, что в этом значительном центре не княжили сыновья Владимира Святославича. Это порождало предположение о существовании там северянской династии во главе, к примеру, с мифическим князем Черным и его воеводой Претичем. Нередко туда без особого успеха помещали и представителей других ветвей Рюриковичей (Пчёлов, 2001, с. 200).

После улаживания сложностей на севере Ярослав с варягами вернулся на юг, был разбит у Листвена и бежал в Новгород. Не претендовавший на киевский стол Мстислав предложил условия мира: «сяди в своємь Кыєвѣ: ты єси старѣишеи братъ, а мнѣ буди си сторона». В 1026 г. братья замирились у Городца «и раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону» (ПСРЛ, т. 1, с. 147–149).

В литературе прочно закрепилось дословное понимание летописной формулы о разделе «Русской земли» как десятилетнее закрепление за Мстиславом всего Левобережья Днепра (Насонов, 1951, с. 29; Рыбаков, 1964, с. 80; Зайцев, 1975, с. 74; Кучера, 1975, с. 123; Толочко, 1980, с. 115; Коринный, 1992, с. 54; Моця, 2007, с. 37). Подобное представление логично для историков, использовавших мелкомасштабные карты: на них вектор киевского отрезка течения Днепра близок к меридиональному. **Рис. 57:** ***1***. Поэтому визуальная логика вполне допускала считать Заднепровьем территорию, позже отошедшую Переяславлю. При этом забывалось, что за исключением путивльского региона лесостепная часть Левобережья изначально осваивалась Киевом. Для киевского летописца, который должен был знать о левобережных владениях столицы Руси, черниговские земли Мстислава размещались также за Днепром, но севернее течения р. Остра, в междуречье Днепра – Десны. Эти земли были плотно заселены, защищены лесами от нападений кочевников, а со второй половины XIII в. в источниках также именовались «Заднепровьем» (Ричка, 2007, с. 164). **Рис. 57:** ***2, 3***. Именно такая владельческая ситуация могла быть закрепленной этим разделом: она отразила давно сложив-

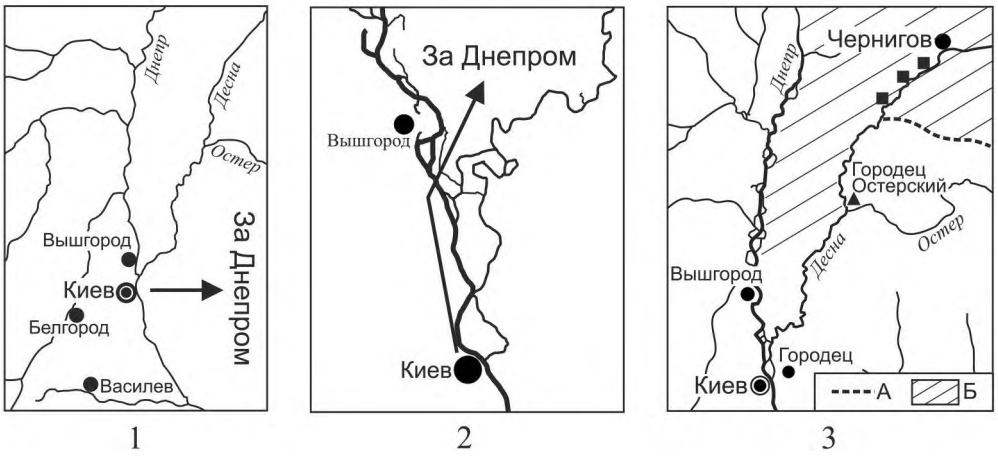

Рис. 57. Различные представления о сути раздела «по Днепр».
А – Позднейшая северная граница Остёрской волости;
Б – черниговские земли Мстислава Владимировича.
1 – Традиционное представление историков о Заднепровье;
2 – вероятный взгляд современника на заднепровские владения Мстислава;
3 – альтернативная точка зрения об этом разделе

шиеся и поэтому наиболее прочные территориальные взаимоотношения между левобережным Севером и Югом.

Традиционная трактовка содержит определенные неясности: дошедшая до нас летописная информация отразила не всю полноту происходивших событий. Так, вызывает недоумение, что в предыстории «раздела» никак не обозначен интерес Мстислава к переяславской окраине киевских земель. А вероятность территориального притязания к ней, по сути, является краеугольным камнем традиционного толкования сути раздела.

Еще раз рассмотрим реалии летописного сюжета и ситуацию, оставшуюся за его пределами.

Ретроспективно известно о путевой трассе, связывавшей Тмутаракань с Киевом, пролегавшей вдоль левого берега Днепра: она была известна печенегам; ею мог воспользоваться и Мстислав по пути в Тмутаракань. На этом направлении Переяславль и Льто служили ключом от восточных ворот столицы, поэтому реализацию притязаний на все Левобережьё логичнее было бы начинать с захвата этой территории. Но этого не произошло.

Путь Мстислава может быть реконструирован на основании прежних летописных передвижений. Так, выше упоминалось о движении «угров» левым берегом Днепра в направлении Киева, этой же торной дорогой в 993 г. к Переяславлю выходили печенеги; позже это была и традиционная трасса половецких набегов. **Рис. 58**. После киевского отпора у Мстислава оставался единственный путь отхода от Киева, поскольку правый берег Днепра входил во владения брата. Его уход к Чернигову неизбежно должен был следовать через остёрские броды через заболоченную пойму этой реки, но ее низовья также входили в сферу изначальных киевских интересов.

Более верным был путь, позже зафиксированный картой Боплана издания 1650 г. Он выводил к нежинскому броду на дороге в Чернигов и скоплению поселе-

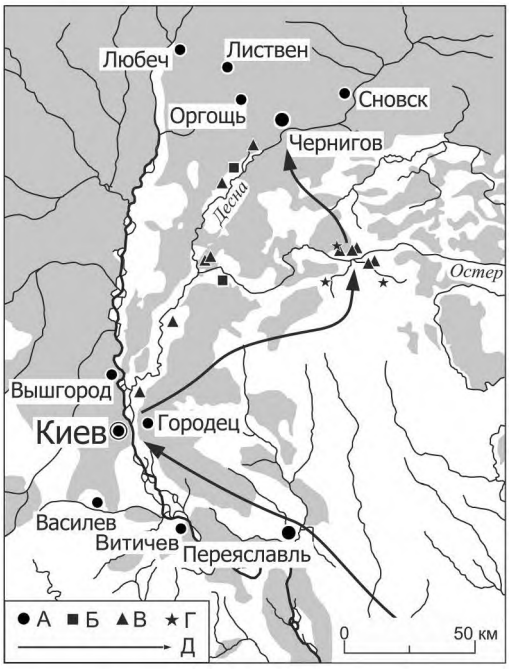

Рис. 58. К переходу Мстислава Владимировича в Чернигов.
А – летописные города; Б – городища;
В – открытые поселения;
Г – клад и отдельные монетные находки;
Д – вероятные отрезки пути Мстислава из Тмутаракани в Чернигов

ний, маркировавших разграничение черниговских и переяславских владений. Существенно, что военные действия в этом районе не зафиксированы, тем не менее на западном краю нежинского поселенческого средоточия в XI в. появилось селище Магерки-2, которое связывают с Нежинским кладом 1852 г. Он содержал около 200 сребреников Владимира Святославича типов 2–4 и Святополка всех трёх типов. Аналогичные находки в окрестностях Нежина нередки: из г. Носовки происходят сребреники Владимира Святославича типов 1 и 2, а также Святополка, из расположенного восточнее с. Крапивное – сребреники Владимира типа 4 (Рублев, 2016, с. 88, 209, 327, 310).

Предполагалось, что нежинский клад был укрыт перед нашествием поляков 1017 года (Сотникова, Спасский, 1983, с. 19, 42, 55, 56). Не исключали и версию об утаивании богатства в связи с событиями лета 1018 г., тогда Болеслав расселял поляков и немцев по русским городам. Но судя по письменным источникам, в эти годы речь шла лишь о нападениях на ближайшие окрестности Киева. Поэтому укрытие клада реальнее связать с опасным для населения появлением войск Мстислава в окружении из хазар и касогов. Заслуживает внимания и гипотеза о том, что выпуск монет Святополка в денежное обращение мог осуществляться в одном из городов на границе будущих Черниговского и Переяславского княжеств (Моисеенко, 1015, с. 34).

В плане оценки притязаний Мстислава на долю левобережного наследия, видимо, не случайную роль играет и выбор места для решающей Лиственской битвы. Восемью годами ранее Святополк у Любеча пытался отрезать Ярославу дорогу из Новгорода в Киев, но Листвен размещался на пути от Любеча к Чернигову. Туда, к новоприобретенному гнезду в Северном Левобережье, и вернулся из Тмутаракани младший брат, оттуда он вышел к Листвену, чтобы закрыть дорогу к своей столице, из которой он послал предложение Ярославу о мире. Другими словами, приписываемая Мстиславу ключевая фраза о «своей» стороне Днепра очертила пределы желательного для него территориального размежевания северной, лесной частью Левобережья: он желал получить земли, наименее ущемлявшие территориальные интересы старшего брата и киевского стола.

Лесостепная часть Левобережья изначально осваивалась Киевом, заселялась выходцами с Правобережья и пополнялась «мужами лучшими» из Центральной и Северной Руси. Киев инициировал и окняжение подавляющей части земель

восточносеверянского племенного союза. Таким образом, противолежащее Киеву Левобережье, расположенное к югу и востоку от течения Остра, являлось сферой жизненно важных интересов Киева. Отсюда владельческий интерес к нему Мстислава представляется преувеличенным (Моргунов, 2005, с. 221, 222).

Такое территориальное деление восходит к эпохе Владимира Святославича, локализовавшей киевские владения территорией, лежавшей между Остром и Днепром: князь защитил столицу крепостями и открытыми поселениями по берегам Остра, Днепра, Трубежа и Сулы: так слагался значимый для столицы защитный регион. Это на столетия определило направления территориального расширения и сложения фронтально обращенной к кочевой степи переяславской защитной системы (Моргунов, 2005, с. 223). Северный предел этой территории, остёрская зона, и позже отличалась особой устойчивостью. Она еще в конце X в. размежевала Заднепровье на северную (лесную) и южную (лесостепную) части. Устойчивость этого предела Переяславщины впоследствии сделала возможным ее отложение в самостоятельную политико-административную область (Насонов, 1951, с. 60, 67).

В свою очередь, этнические корни северного Левобережья составляло раньше других вошедшее в состав Руси западносеверянское население. Издревле там была известна местная знать, оставившая погребения Черной могилы и Гульбища. Территориальное ядро Черниговщины также сформировалось задолго до усобицы Ярослава и Мстислава, не распространяясь на земли, размещенные к югу от Остра (Насонов, 1951, с. 57–66). Это ядро было отделено от лесостепи речными потоками, лесами и болотами, и располагало потенциалом для колонизации и освоения государством земель в восточном и северо-восточном направлениях. Кроме того, Черниговщина не имела для Киева и оборонительного значения.

Следовательно, уход в Чернигов был разумным и наименее оспариваемым решением Мстислава: переяславский регион почти до середины XII в. не служил предметом серьезных территориальных споров между князьями северного и южного Левобережья. Если же следовать традиционной трактовке раздела «по Днепр», то десятилетняя принадлежность Переяславщины Мстиславу позже неминуемо вызвала бы отразившиеся в источниках разногласия, поводом для которых был аргумент «отчинности» (Насонов, 1951, с. 57–67; Зайцев, 1975, с. 76; Моргунов, 2005 б). Этот древний правовой принцип позже упоминался лишь однажды, спустя 169 лет после городецкого совещания о демаркации. Осенью 1195 г. великий князь Рюрик Ростиславич в присутствии брата Давыда и свата Всеволода Юрьевича Большое Гнездо предложил черниговским Ольговичам заключить мир в соответствии с «отчинным» правом, «како насъ роздѣлилъ дѣдъ нашь Ярославъ по Дънѣпръ» (ПСРЛ, т. 2, с. 688). Существенно, что и на этот раз речь не касалась земель переяславского Левобережья.

Для уточнения сути этого размежевания играет роль и определение места переговоров о демаркации. Встреча братьев произошла между Киевом и Черниговом в одном из летописных Городцов: населенные пункты с подобными названиями обычно размещались близ рубежей сопредельных земель (Голубовский, 1908, с. 42–49).

Прежде я склонялся к ведущей роли Городца Остёрского в демаркационных переговорах братьев, но, вероятно, ошибался. Впрочем, существование в этом поселенческом средоточии ранних поселений свидетельствует о его значимости как предела киевских владений и одной из трасс из Киева и Переяславля в Чернигов.

Менее известное городище размещалось напротив Киева на деснинском рукаве Радосыни (Рудице, Родунье). В летописных статьях оно именовалось «Городцом», «Городцом на Радосыни», просто «Городком» и «градком Песочным». Наибо-

лее определенно город упоминался в ПВЛ под 1111 г. в связи с княжеским съездом на Долобском озере (ПСРЛ, т. 2, с. 268).

В литературе этот Городец связывают с селом Выгуровщина, ныне левобережной частью Киева. Там размещались остатки двух кругообразных укреплений: с летописным городом связывают то, что было расположено севернее села (Самоквасов, 1873, с. 22; Гошкевич, 1880, с. 228; Раппопорт, 1952 б, с. 145). Памятник имеет полукруглые в плане очертания с максимальным диаметром около 100 м. Оттуда происходит актовая печать Всеволода Ярославича, наконечники стрел и массивный лавролистный наконечник копья (рогатины), с граненой тульей типа IVA, XI – начала XII в. (Фонды НМИУ, №№ в-4637, в-4534/64; Янин, 1970-1, с. 15, 16; 169, № 17; Кирпичников, 1966-2, с. 98).

Первоначально этот Городец, как и летописные Ольжичи, мог быть загородной резиденцией киевского князя и форпостом на бродах, соединявших Левобережье с Вышгородом. Это позволило новейшему исследователю справедливо отождествить остатки укрепления с Городцом 1026 г. (Сагайдак, 1998, с. 230–232). Для освещения рассматриваемой проблематики существенно, что оба Городца располагались на северной окраине территории, изначально осваивавшейся и заселявшейся Киевом.

Таким образом, признание Мстиславом старшинства Ярослава, выбор места для Лиственской битвы и переговоры 1026 г. в пограничном Городце под Киевом показывают, что территориальные притязания Мстислава изначально относились только к безопасной от степных вторжений и полнее заселенной черниговской части «Русской земли». Этому соответствуют и дальнейшие события: воцарившийся мир между братьями и то, что переяславские земли больше столетия не становились поводом для территориальных притязаний Чернигова. Они появились лишь в ходе перипетий борьбы Юрия Долгорукого за часть южного наследства, но и тогда черниговские Ольговичи не аргументировали свои притязания давним обладанием хотя бы частью этих земель.

Возобновление Поросского рубежа

Предлагаемое отклонение в направлении правобережных событий может показаться неоправданным, но без их рассмотрения будет трудно оценить особенности происходившего в это время на Левобережье.

Упоминавшееся выше отсутствие имени Роси в «списке рек» Владимира Святославича нередко позволяло связывать ее создание с именем Ярослава Мудрого. Дополнительным поводом послужили летописные сведения о следствиях отвоевания князем Червенских городов, захваченных поляками в 1018 г. После смерти Болеслава I Храброго в 1025 г. в пястовской Польше началась смута. Воспользовавшись этим, в 1030 г. Ярослав захватил западнорусский город Белз, замыкавший восточный предел Червенской области. В 1031 г. он с братом отвоевал червенские города и прилегавшую к ним часть Польши. Из похода Владимировичи «многы ляхы приведоста и раздѣлиша я: Ярославъ посадї своя [«посадивъ я»] по Ръси», а в следующем году он начал строить города по Роси (ПСРЛ, т. 1, с. 149, 150).

Благодаря этому, в литературе закрепилась не только версия о массовой градостроительной деятельности Ярослава на Роси, но и представление о том, что Ярослав был единственным создателем укрепленного Поросского рубежа с кочевой степью. И несмотря на отсутствие малейшей дополнительной летописной оценки, это стало частью устойчивой исторической традиции (Довженок, 1968,

с. 37; Головко, 1988, с. 39; Толочко, 1996, с. 165; Ивакин, 2000, с. 290; Моця, 2007, с. 74). В пылу утверждения национального самосознания исследователи забыли, что берега Роси ограждал еще Владимир Святославич. Это известно по археологическим источникам и отражено в тексте письма архиепископа Бруно от 1008 г. Сравнение обороноспособности правобережной и левобережной защитных систем порой приводило и к полному отрицанию внимания Владимира Святославича к Поросью (Іванченко, Моця, 2008, с. 48).

Существенно, что в ПВЛ нет конкретных сведений об объеме градостроительства начала XI в. в Поросье. Имена городов упомянуты лишь в Тверской летописи XVI в., где был использован не дошедший до нас список Новгородской летописи, близкий к Синодальной (Лихачёв, 1950, с. 373). Он свидетельствует, что Ярослав построил для поляков лишь Корсунь на Роси и Треполь на Днепре. В современной литературе количество построенных Ярославом городов трактуется различно, поскольку археологическая изученность городищ Поросья оставляет желать лучшего. Исследователям порой удавалось увеличивать их перечень до полутора десятков укреплений, другие ограничивают гипотетический список одной – тремя крепостями (подробнее см.: Моргунов, 2009, с. 224). Единственный поросский город, с возникновением которого в это время согласны все исследователи, – Юрьев, названный крестильным именем Ярослава Владимировича. Он отождествляется с городищем Замковая Гора в современной Белой Церкви, где раскопками были обнаружены ранние постройки и находки XI в. (Орлов и др., 1985, с. 38, рис. 6, 7). Довольно ранними являются и летописные упоминания древних реалий летописного Юрьева (ПСРЛ, т. 1, с. 229, 249). Позже город стал административным, политическим и культурным центром западной части Поросья.

Исходя из этого, можно предположить, что краткости Тверского списка городов и неконкретности сюжета ПВЛ под 1032 г. соответствует относительно небольшой объем защитных мер Ярослава на этой реке. Маловероятно, чтобы отзвуки грандиозной строительной эпопеи по укреплению ближайшего к Киеву рубежа не попали бы на страницы протографа, а затем и в Повесть временных лет.

Более того, и веских причин для укрепления обороны южного рубежа, похоже, не было: самостоятельные набеги печенегов в направлении Роси также не зафиксированы. А поскольку реальность летописного сюжета о нападении печенегов в 1036 г. оспаривается, значимые нарушения стабильных взаимоотношений со Степью неизвестны. Наоборот, внешние устремления Ярослава были связаны с северо-западными и западными соседями: с чудью, ятвягами, ямью, мазовшанами и литвой; он заложил Ярославль на Волге и построил Юрьев-Тарту (ПСРЛ, т. 1, с. 149, 151, 153). В этой череде событий особое внимание Ярослава к этому рубежу, похоже, сильно преувеличено: кочевавшие близ Польши печенеги, вероятно, вернулись на запад вместе с войсками Болеслава I.

Тем не менее какая-то форма реконструкции Поросья, несомненно, проводилась, но она могла быть вызвана разрушительными последствиями феодальной войны 1015–1019 гг. с Польшей. При Владимире Русь сталкивалась с периодическими набегами номадов, которые и позже не штурмовали городские укрепления. Поэтому сплошные линии протяженных укреплений с поселениями на ключевых точках форсирования водных преград прежде являлись достаточно эффективным оборонительным средством. Учитывая плохую современную сохранность остатков этой формы защиты, утверждение о вероятности обходов степняками линий подобных укреплений представляется недоказанным. Кроме того, оно противоречит наблюдению Бруно о *сплошном* ограждении ими южных пределов государства.

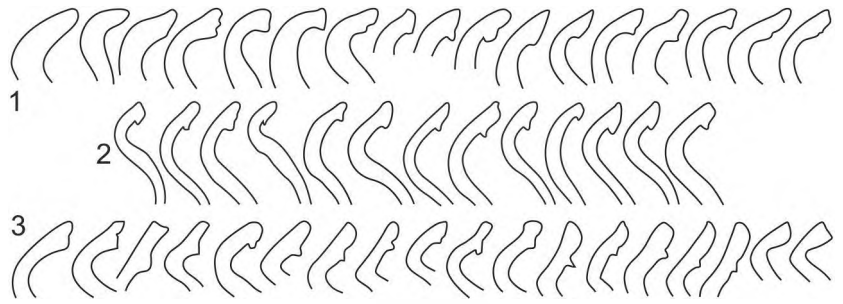

Рис. 59. Керамика Витичева (1, 2) и Заречья (3).
1, 3 – по В. А. Петрашенко; 2 – по Ю. Ю. Моргунову

В отличие от предшествующего периода, в 1015–1019 гг. происходила первая многолетняя война с равным по могуществу оседлым государством, вероятно, обладавшим европейским опытом ведения осады городов. Она отягчалась инспирированными западным соседом печенежскими нападениями. В таком окружении протяженные укрепления Поросья, отделенные от поречья Стугны незаселенным летописным Перепетовым полем, были обречены на уничтожение: они стали доступными для нападений как с фронтальной стороны, так и обходами с тыла. Это объясняет справедливость вывода о временном сдвигании южного рубежа к Стугне (Толочко, 1975, с. 13).

В литературе также нередки предположения о гибели в результате печенежских нападений поднепровского Витичева и безымянной крепости Заречье на Стугне (Раппопорт, 1952, с. 108; Рыбаков, 1965, с. 128; Толочко П. П., 1975, с. 36). Публикация В. А. Петрашенко материалов из раскопок Б. А. Рыбакова содержит почти исключительно гончарные венчики второй половины X в., что позволило исследовательнице датировать гибель крепости в 70–80-х годах X в. (Петрашенко, 2003, с. 129, рис. 4: *А*). **Рис. 59: *1***. Между тем другая часть коллекции содержит материалы конца X – начала XI в. (**рис. 59: *2***). **Прим. 1**. Сходный материал происходит и из сгоревшей крепости Заречье на р. Стугне (Петрашенко, 2003, с. 129, рис. 4: *Б*). **Рис. 59: *3***. Но и там встречен несколько более поздний материал, синхронный сребренику Владимира Святославича последних лет его княжения (Медынцева, 1969, с. 259, 260). Таким образом, появляется вероятность датировать гибель обеих крепостей в феодальной войне 1015–1019 гг.[1]

Некоторое недоумение иногда вызывает возврат фортификаторов Ярослава к строительству протяженных поросских укреплений на фоне умения создавать более совершенные «города» Владимира и замкнутых укреплений киевского «города Ярослава». А несомненное сходство Змиева вала у с. Николаевки с поздним острогугольным реданом, который перекрывал раннее поселение, могло бы и вовсе привести к отрицанию строительства Ярославом «длинных стен» (Моргунов, 2009, с. 215, 225, 226). Однако анализ конструкции остатков киевских укреплений у телецентра и Золотых ворот показывает, что в 20–30-е годы XI в. фортификационные каноны во многом следовали прежним традициям. На это указывает практика создания фундаментных рвов, дно которых уплотнялось рядами тонких кольев и бревенчатыми

[1] Кроме того, выше не исключалась и вероятность гибели при устье Роси городища летописного Родня (Пекари-2).

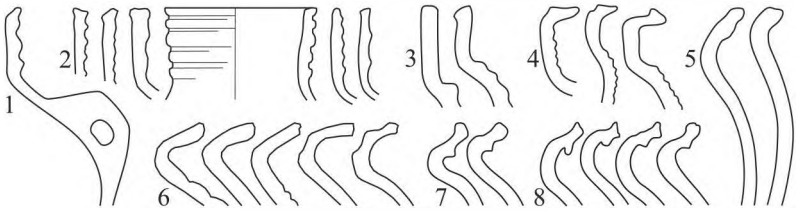

Рис. 60. Известные группы керамики выходцев из юго-восточной Польши. 1, 2 – группа 1; 3 – группа 2; 4 – группа 3; 5 – группа 4; 6 – группа 5; 7, 8 – группа 6. 2–6 – по М. П. Кучере; 1, 7 – по А. В. Григорьеву; 8 – по М. В. Малевской-Малевич

лежнями. Она применялась при возведении ранних каменных храмов Руси (Десятинная церковь, Софийский собор и др.) и синхронных построек Византии. Новым явлением был лишь отказ от столбов-свай, от скрепления венцов гвоздями и применения невлагостойких пород дерева; реже стали использоваться и кантованные бревна. Появились и участки взаимосвязанных между собой срубов, что указывает на участие в строительстве местных мастеров (Моргунов, 2009, с. 262–264). Таким образом, пороский «Средний вал» и киевские укрепления представляют собой последовательную цепочку совершенствования фортификационных наработок. В этом ряду новшеством стал и единственный достоверный пример намеренной насыпки валов «города Ярослава»: он указывает на внимание фотификаторов к выгоде возведения крепостных стен поверх руин «длинных стен» и укреплений эпохи Владимира.

В новом свете выглядят и многочисленные походы Ярослава на соседние земли: как и Владимиру в пору нападений воеводы Варяжко с печенегами, ему требовались средства и пленные для проведения обширных строительных работ. Так, раскопки могильника у с. Яблуновки, расположенной на правом берегу Роси почти напротив Юрьева–Белой Церкви, указывают на расселение там выходцев из степей и, в частности, обитателей Предкавказья. Это напоминает о том, что из Тмутаракани Мстислав пришел к столице с ясами и касогами. Не лишено интереса и сообщение Никоновской летописи о походе Ярослава на ясов в 1029 г. (ПСРЛ, т. 9, с. 79; Орлов и др., 1985, с. 55; Моця, Покас, 1998, с. 66–68).

Как было показано выше, сообщение ПВЛ о расселении Ярославом поляков на Роси вызвало больший резонанс в археологической литературе. Это подтвердили обнаруженные в Юрьеве–Белой Церкви образцы керамики с вертикальными шейками и вычурными венчиками, характерные для западнославянского населения (Орлов и др., 1985, с. 38, рис. 6, 7). Подобные материалы происходят и из Николаевки: на ее левобережном селище проживало русское население, лишь периодически пополнявшееся отдельными группами выходцев из польского приграничья. А правобережное поселение «степного» берега Роси, вероятно, было изначально основано такими же переселенцами. Их присутствие подтверждается и обнаруженными в грунтовом могильнике проволочными эсовидными (загнутоконечными) височными кольцами (Кучера, Іванченко, 1987, с. 70, 71; Звіздецький, Сєров, 1988, с. 68–70; Моця, 2007. 74). Основной ареал бытования подобных украшений охватывал территорию современных Польши, Чехии и Словакии, а междуречье Роси и Жерева являлось одним из зон их аномальной концентрации на Руси (Седов, 1982, с. 100). Новые наработки позволяют несколько уточнить ареалы применения подобной посуды и ее типологию, хотя упомянутый выше тип височных колец в массе датируется шире (Тимофеев, 1961, с. 57). **Рис. 60**. **Прим. 2**.

Резюмируя вышесказанное, нельзя забывать о том, что отвоевание Ярославом Червенских городов было не единственным эпизодом русско-польских столкновений. Еще в 981 г. Владимир завоевывал Червенские города. В 992 г. он ходил на хорватов: тогда Болеслав I не мог прийти на помощь германскому императору Оттону, т. к. был занят войной с Русью. Какое-то количество поляков могло остаться на Руси и после похода Болеслава в 1013 г., а также в 1018 г., когда после захвата Киева Болеслав развел часть своего воинства по русским городам. Столкновения случались и позже (Лихачёв, 1950, с. 346, 347; Пашуто, с. 31–39). Следы пребывания западных славян могло оставить любое из этих событий. В свою очередь, Ярослав действительно селил пленных на берегах Роси и затем ставил для них города с целью возобновления оборонительной линии. Но прослеженный выше спад прямой степной опасности, лишенное конкретики свидетельство ПВЛ и относительно небольшая распространенность западных артефактов не позволяют считать эти мероприятия особо интенсивными.

Христианство и язычество

Как отмечалось выше, в статье ПВЛ под 1037 г. содержатся подробные сведения о строительстве в Киеве множества церковных зданий и комплексов. Там же помещены строки об успехах при Ярославе Владимировиче христианизации населения: «при семь нача вѣра христьяньска плодитися и раширятися, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти» (ПСРЛ, т. 1, с. 151; ПСРЛ, т. 3, с. 180).

Вероятно, в столице Руси нечто подобное действительно происходило, но об аналогичных событиях на Левобережье повествуется лишь в более поздней Никоновской летописи. Это указание о строительстве в 1008 г. в Переяславле каменной Воздвиженской церкви (ПСРЛ, т. 9, с. 69). Этому известию синхронно и заглавие недатированного греческого «Послания об опресноках» с именем Льва (Леона), митрополита Переяславля на Руси (Бенешевич, 1920, с. 73–101). А в статье ПВЛ под 1089/1090 гг. есть глухая оговорка о том, что «бѣ бо преже в Переяславли митрополья» (ПСРЛ, т. 1, с. 208).

На фоне отсутствия до 1037 г. известий о киевской митрополии еще в середине XIX в. предполагалось изначальное учреждение русского церковного центра в городе на Трубеже, позже перенесенном в киевскую Софию, а также об учреждении в 30-х годах XI в. епископской кафедры в Переяславле. Достоверность суждений о существовании переяславской митрополии в 988–1037 гг. начала оспариваться еще в прошлом веке (Коринный, 1992, с. 98; Набок, Колибенко, 2007, с. 15, 16). А в «Послании об опресноках» были использованы труды византийских полемистов XI–XII вв., то есть это не документ конца X – первой половины XI в. (Чельцов, 1879, с. 128–131, 239, 240).

Дальнейший анализ письменных источников показал несостоятельность мнений о существовании первой митрополии в Переяславле. А. В. Поппэ на основании нового источника, парижского списка митрополий Константинопольского патриархата, показал, что вставка о переяславской митрополии была дописана не ранее 1119 г. Она подразумевала лишь освящение митрополитом Ефремом в 1089/1990 гг. кафедрального собора св. Михаила (Поппэ, 1968, с. 97–108; 1969, с. 95–104). В свою очередь, переяславская епископия могла быть основана при киевском митрополите Феопемпте: около 1034 г. он сменил Иоанна и около 1049 г. умер (Толочко, 1996, с. 191), а митрополия была учреждена после смерти Ярослава.

О ходе христианизации Левобережья в этот период в ранних летописных источниках сведений нет, не обнаружены остатки церквей этого времени и археологическими методами. Но на гипотетическом уровне существование храмовых построек в литературе допускается. Основанием является сюжет ПВЛ под 1074 г. об избрании монахами Печерского монастыря нового игумена. Они отклонили соискателя, предложенного Феодосием Печерским, поскольку он не был печерским постриженикомъ: «бѣ бо Ияковъ пришелъ с Летьца (Р: Лтьца) с братом своимъ Паоулом» (ПСРЛ, т. 1, с. 187).

Считается, что Яков был пресвитером расположенного на р. Альте мужского Борисоглебского монастыря. «Льтец» мог быть основанным в пору формирования культа убитых братьев-мучеников и их канонизации киевским митрополитом Иоанном, произошедшей около 1020 г. или немногим позже (Пріцак, 1997, с. 101; Колыбенко, 2007 б, с. 196–198; 2012, с. 257, 258). Действительно, в НПЛ под 1072 г. содержится свидетельство о переносе праха Бориса и Глеба «съ Льта Вышегороду» (ПСРЛ, т. 3, с. 17). Скопление в Борисполе и его окрестностях монетных находок свидетельствует об оживленной заселенности, не исключающей и появления там первых укреплений. Но легенды и слава монастырских реалий могли подменить имя города на обезличенное «Льто», что наблюдается на летописном материале.

Недатированное известие о церковной жизни Левобережья содержится в «Житии Феодосия Печерского» (Успенский сборник, 1971, с. 75, 76, 78). Согласно одной из популярных версий, в последние годы поддержанной А. В. Поппэ, оно было написано летописцем Нестором на рубеже 70–80-х годов XI в. (Поппэ, 2011, с. 100). Если доверять этому источнику, то в молодые годы Феодосия Курск управлялся киевским посадником; город и его округа с церквами были своеобразным христианским оазисом, куда стекались паломники из святых мест.

Хронологически эти сведения укладывали в рубеж X–XI вв.: переезд отца Феодосия с семьей в Курск «по велению князя» походил на перемещение на новые земли «мужей лучших» Владимиром Святославичем (Зайцев, 1975, с. 70, 90). Краеугольным камнем датировки стало и традиционное понимание раздела «Русской земли» между Ярославом и Мстиславом «по Днепр»: Ярослав якобы 10 лет не мог вмешиваться в занимавшие всё Левобережье владения брата. Отсюда выводили, что перевод вельможи из правобережного Василева на р. Стугне в Курск, где посадник наделил его землями и рабами, мог осуществиться лишь после смерти Мстислава, когда Левобережье вернулось под власть Ярослава (Склярук, 1988, с. 317–320).

Эта сложная конструкция С. П. Щавелевым была доведена до уровня аксиомы. По его мнению, житийное упоминание зафиксировало события начала 1030-х гг., когда Курск уже был полноценным городом, а строился он в конце правления Владимира Святославича или в начале междоусобной войны его сыновей за власть (Щавелев, 2006, с. 227–231; 2014, с. 203, 204). Допустим, что в первую часть этого хронологического диапазона перевод боярина был реален, но это вряд ли могло произойти в период польской интервенции, набегов правобережных печенегов, разрушения крепостей Витичева с Заречьем и Поросского рубежа. Тем не менее в 2012 г. в современном областном центре было отмечено отсчитанное от 1032 г. 980-летие Курска.

Между тем подобные переселения были обычными не только в домонгольский период, и не только на Руси; подобное практикуется и поныне. Вопрос упирается в качество привлеченного к анализу письменного источника, ставшего непогрешимой догмой. Но еще в XIX в. непредвзятый анализ житийной литературы показал, что находившийся в руках биографов исходный материал был событий-

но неодинаков: о детстве и юности святых авторы могли ничего не знать или знали крайне мало. Поэтому они подменяли свое неведение пространными и схожими «воспоминаниями современников» (Ключевский, 1989, с. 358, 410, 429, 430). Действительно, о ранних годах жизни Феодосия известно исключительно из «глухих» ссылок на устные источники. Другими словами, это были части легенд, существовавших ко времени создания памятника (Артамонов, 2003, с. 196–200).

Согласно не менее аргументированной версии, «Житие» было составлено Нестором в начале XII в. (Творогов, 1987 а, с. 276; Творогов, 1987 б, с. 457), т. е. почти через тридцать лет после смерти святого. Более современный сторонник этой версии указал на ряд исторически недостоверных подробностей прихода Феодосия к Антонию. В частности, приход в Киев и пострижение Феодосия в 1032 г. были невозможны: Печерский монастырь был основан в 1051 г. Следовательно, появление там Феодосия не могло произойти ранее середины 50-х годов XI в. (Артамонов, 2003, с. 207, 224, 258–272).

Завершая это затянувшееся отступление, следует отметить, что вне зависимости от набившего оскомину житийного упоминания Курск действительно мог возникнуть в конце X в.: в этот период возникло большинство поселений, позже ставших центрами удельных княжений. Его появление могло быть связано с появлением на Верхнем Сейме после похода Святослава окруженного северянами общерусского анклава. И к началу «окняжения» местных племен это поселенческое средоточие могло служить опорной базой освоения Русью северо-восточной части северянских земель. Поэтому русский город возник не на Тускари, среди скопления северянских поселений и городищ, а при довольно пустынном в то время устье реки, но, что существенно для его дальнейшего развития, рядом с несравненно более значительной сеймской транспортной и торговой артерией.

В свою очередь, жизнеописание Феодосия создавалось в принципиально иных условиях, в период существенного подъема христианизации и активизации церковного строительства. Отсюда происходит и хорошо известное по многим примерам перенесение летописцами привычных реалий на древнюю почву. Археологически Курску середины XI в. как «христианскому оазису» противоречит и мизерная распространенность предметов личного благочестия. Это подвеска «скандинавского» типа и равноконечный крестик с выемчатой эмалью желтого и зеленого цветов. Он имеет дисковидные концы с перекрестием, на лицевой плоскости которого изображен крест. Изготовление таких предметов было налажено на Киевщине в XI в., а расцвет их производства приходится на XII в. (Енукова, 2011; Мальм, 1968, с. 117; Мусин, 2002, с. 180).

На селище Липина был найден тельник с утолщенными профилированными концами и косым крестом в средокрестии (Седова, 1981, с. 52, 53; Кутасов, Селезнев, 2010, с. 252; Птицын, 2013, табл. 2; 11). И даже из Переяславля происходит лишь один двухсторонний бронзовый крестик с шаровидными концами и шаровидным же средокрестием. Его аналогии датируются XI–XII вв., а в Новгороде такой тельник встречен в слое первой половины XI в. Эта аналогия и керамическое сопровождение артефакта позволяют датировать его княжением Ярослава (Бузян и др., 2001, с. 59; Кутасов, Селезнев, 2010, с. 224). И наконец, из Ивановой Горы в Полтаве происходит крестовидная подвеска из листового серебра с расширяющимися концами (Супруненко, Пуголовок, 2015-2, с. 127, рис. 120: *2*).

На этом фоне на поселении Мацковцы после незначительного перерыва были восстановлены языческие святилища, но синхронные предметы личного благочестия там не обнаружены.

Приведенные сведения показывают, что к середине XI в. на Левобережье христианизация сельского населения испытывала определенные трудности, что подтверждается житийным штампом об отрицательной реакции сверстников на выпекание просфор юным Феодосием. Это несколько проясняет описанную в Уставе киевского князя Ярослава ее фактическую неполноту на «всей Руси»: «Дал есмь митрополитом и епископом те суды, что писаны в правилех, в номоканоне, по всем городом и по всей области, *где крестьянство есть*» (Устав Ярослава, 1976, с. 259; Фроянов, 2007, с. 108).

Если Ярослав действительно был столь христолюбив, как это утверждалось в ПВЛ, на первый взгляд странно, что при нем христианизация юго-восточной окраины продвинулась ненамного. Это можно объяснить только огромными материальными потерями, которые понесла правобережная Киевщина. Она пережила кровопролитную гражданскую войну, столкновение и замирение Ярослава с вернувшимся на родину братом Мстиславом, восстановление разрухи, реконструкцию Киева и Поросского рубежа. А церковь еще не имела сил и ресурсов для самостоятельного освоения глубинки.

Выделение и заселенность Переяславской земли

По летописной версии, выделение Переяславского княжения произошло в 1054 г. оглашением завещания Ярославом Мудрым: «И єще бо живущу ему, наряди сыны своя, рекъ имъ…». Но умер он в присутствии одного Всеволода Ярославича, похоронившего отца в Софийском соборе. Ему отошли земли, «тянувшие» к Переяславлю, включая курское Посеймье. По новгородским сведениям, Всеволод также получил Ростов, Суздаль, Белоозеро и Верхнее Поволжье, но в полном объеме Всеволод овладел этими землями несколько позже (ПСРЛ, т. 1, с. 161, 162; т. 2, с. 149, 150; т. 3, с. 469). Эта накладка объясняется тем, что в письменном виде раздел Южной Руси на три сопредельные земли-княжения был зафиксирован между 70-ми гг. XI в. и началом XII в., при этом летописец копией завещания не располагал. Кроме того, вследствие глубокого редактирования ПВЛ при Печерском монастыре совокупность сведений о правлении великого князя Изяслава Ярославича выглядит бледно на фоне подробностей деяний переяславского князя Всеволода Ярославича. Это лишь незначительная часть летописных противоречий того времени (Лихачёв, 1950 а, с. 388; Насонов, 1969, с. 48; Коринный, 1992, с. 55; Толочко, 2003, с. 37, 38; Боровков, 2016, с. 79–93).

Современные литературные толкования выделения Переяславской земли в самостоятельное княжение касаются хронологии и характера течения этого процесса.

Согласно Титмару Мерзебургскому, Владимир Святославич умер, оставив все свое наследство двум сыновьям, старшему сыну Святополку и Ярославу, вероятно, поделившим север и юг Руси (Назаренко, 2003, с. 319). Но Святополк был обвинен в измене и пособничестве своему тестю Болеславу 1 Храброму и попал в темницу. Позже новгородский князь Ярослав отказался выплачивать Киеву ежегодные отчисления, и Владимир начал готовить против него поход. Почти одновременно выраженное недовольство старших сыновей породило гипотезу о намерении Владимира оставить без наследия и Ярослава, передав верховную власть Борису (Лихачёв, 1950, с. 336; Пресняков, 1993, с. 364). Это ущемило бы интересы старших братьев и грозило разделом «Русской земли». По возвращении на Льто, в однодневном переходе от Киева отцовская дружина предложила Борису захватить столицу. Но он отказался, распустил дружину и был убит.

Н. Н. Коринный предположил, что Владимир передал Борису в управление земли, «тянувшие» к Переяславлю (1992, с. 53). Там, вероятно, уже существовала первичная структура управления, возникшая при «окняжении» северян. Полученный на севере некоторый административный опыт мог помочь Борису сплотить население, укрепить военное и политическое устройство региона и продолжить его христианизацию. Кроме того, придание Борису великокняжеской дружины могло означать и наделение его полномочиями по охране этой территории. К этому склоняет и то, что на Льто он мог ожидать подтверждения Святополком не оформленного отцом владельческого акта, поэтому и без дружины чувствовал себя в безопасности (Моргунов, 2015 б, с. 337, 338). Но его смерть, лихолетье 1015–1019 гг. и восстановление киевского территориального ядра могло существенно отбросить намеченное развитие переяславского региона назад.

Тем не менее считают, «выделение» произошло всё же незадолго до летописной даты оглашения завещания Ярослава (Коринный, 1992, с. 55; Толочко, 2000, с. 355). Точная дата акта вряд ли может быть установленной, но можно попытаться определить время, когда в этом возникла наибольшая необходимость.

Как известно, оборонительные мероприятия Владимира Святославича предназначались для защиты столицы и ее поселенческого ядра от печенежских набегов. Так и Ярослав мог прослышать о приближении новой степной угрозы: еще в 30-е годы XI в. половецкая волна начала вытеснять торков из степей. Согласно армянской летописи Матвея Эдесского, в 1050/51 г. монгольское объединение «народа змей» разгромило половцев и вытеснило их в причерноморские степи, инициировало мощную подвижку кочевых масс в Европу (Расовский, 1936, с. 178–180). Действительно, за смертью Ярослава последовал подход к южному рубежу узов-торков, а затем и половцев. Это требовало возобновления укрепительных мероприятий на степном пограничье под началом собственного князя. Поэтому трудно не согласиться с уважаемыми предшественниками в том, что окончательное выделение Переяславской земли состоялось совсем незадолго до новой волны вторжений.

Исследователи по-разному оценивали причины отложения Переяславльской земли. Одних волновало несколько преувеличенное этническое различие левобережных северян от правобережных полян и черниговцев. Других интересовали политические мотивы в виде борьбы за гегемонию в «Русской земле» и вопросы торговой доходности из-за близости к южным рынкам. Учитывались и политические склонности то киевского, то переяславского боярства, защищавших свои корпоративные интересы. Не осталась без внимания и борьба крупных феодальных центров, которые были «организаторами территориальных единиц» (подробнее см.: Мавродин, 2002, с. 211–214; Коринный, 1992, с. 58, 59).

Если же вспомнить об особой роли округи Переяславля во взаимоотношениях со Степью, то на фоне степных брожений образованию княжества более мог способствовать оборонительный фактор – организация отпора вторжениям кочевников. Киев вновь обрел заинтересованность в этом: недаром самые активные переяславские правители уходили на великое княжение. Поэтому за условную точку отсчета в окончательном оформлении нового княжества можно принять начало 50-х годов, связанное с подвижками ближайших воинственных соседей Руси.

К этому призывало и слишком долго длившееся ослабление внимания Киева к поддержке обороноспособности и заселению стратегически значимой окраины Руси. Выделение княжения вновь обратило Переяславщину в сферу жизненно важных оборонительных интересов Киева. Это подчеркивается тем обстоятель-

ством, что появление княжения не вызывало территориальных споров. А сохранение определенной политической зависимости Переяславля от Киева часто оборачивалось не столько контролем, сколько помощью в осуществлении защитных мер (Моргунов, 2015 б, с. 338, 339).

Правобережная часть киевского территориального ядра была прочно связана с левобережной многочисленными переходами через Днепр, куда выходили и степные сухопутные пути. По мнению Н. В. Блажевич, при выборе места для размещения правобережных крепостей приоритетом служило расположение бродов, нуждавшихся в постоянном контроле (1990, с. 32).

Терминологически источники их различали достаточно наглядно. Если через реку переезжали или что-либо перевозили лодками, речь шла о «перевозах». Иногда перевозка затягивалась: в 1151 г. войска форсировали Днепр целую ночь (ПСРЛ, т. 2, с. 440). В свою очередь, для перехода реки вброд обычно применялись такие глагольные формы, как «перебродишася», «переидоша», «перебреде», «перешедше», «переиде», «перебеже» и даже «перебегоста». Имеются сведения и о важнейшей качественной характеристике этого способа пересечения реки: «не твердъ ему бѣ бродъ» (ПСРЛ, т. 2, с. 426). И даже устоявшиеся переходы были проходимы не всегда: «князем же рускимъ нѣ лзя бѣ ѣхати по них, уже борзо сполонился бяшеть Днѣпръ: бѣ бо вѣсна» (под 1187 г.: ПСРЛ, т. 2, с. 652).

Летописная информация о них неоднозначна. Так, около 945 г. ладьи древлянских сватов княгини Ольги могли пристать под Боричевом узвозом, «бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Києвския, и на подольи не сѣдяху людьє». А через 23 года посланный за подмогой отрок уже пробирался к реке через разместившийся на Подоле печенежский лагерь (ПСРЛ, т. 1, с. 55, 66). Сходны разночтения и о выдубечском броде: в 1097 г. там безопасно переправлялся теребовльский князь Василько Ростиславич, а в 1177 г. при устье Лубеди «потопоше людьє мнози». Уровень Днепра продолжал повышаться, и в 1115 г. Владимир Мономах построил мост на традиционном переходе (ПСРЛ, т. 1, с. 258, 290; т. 2, с. 604, 605; Толочко 2008 б, с. 328–330). Указанные факты свидетельствуют о колебаниях уровня Днепра: на Подоле периодические обводнения надпоймы оставляли песчанистые наносы разной мощности (Сагайдак, 1991, с. 31, 52, 53, 54). Согласно же наблюдениям, близким к современности, напротив Киева существовало два пригодных для форсирования переката (Блажевич, 1989, с. 23). Выше упоминался и расположенный несколько выше Киева брод, выходивший к летописным Ольжичам, но больше удобных переходов известно ниже Киева. **Рис. 61**. **Прим. 3**.

В среднем течении, где Днепр течет по песчаному и галечному грунту, уровень и фарватер реки менялись почти ежегодно. Это вызывало перемещение гряд и мелей в пределах подъемов уровня дна реки (Замысловский, 1903, с. 228). Это соответствует мнению историков, отмечавших не только близость более или менее современных перекатов с древними бродами, но и вероятность возможности перейти Днепр в значительно большем количестве мест (Спутник по Днепру, 1909, с. 18, 19; Блажевич, 1989).

Известно, что по «разделу» Ярослава Киев сохранил за собой полосу прежних левобережных владений. Ее очертания во многом уточняются привлечением материалов несколько более позднего времени и синхронизируются с размещением удобных переходов через Днепр. К уточнению пределов этого пространства обращались многие современные исследователи (Толочко, 1975, с. 7–9; Сагайдак, 1998, с. 231, 232). Не исключено, что сложившуюся в литературе картину всё же удастся несколько уточнить.

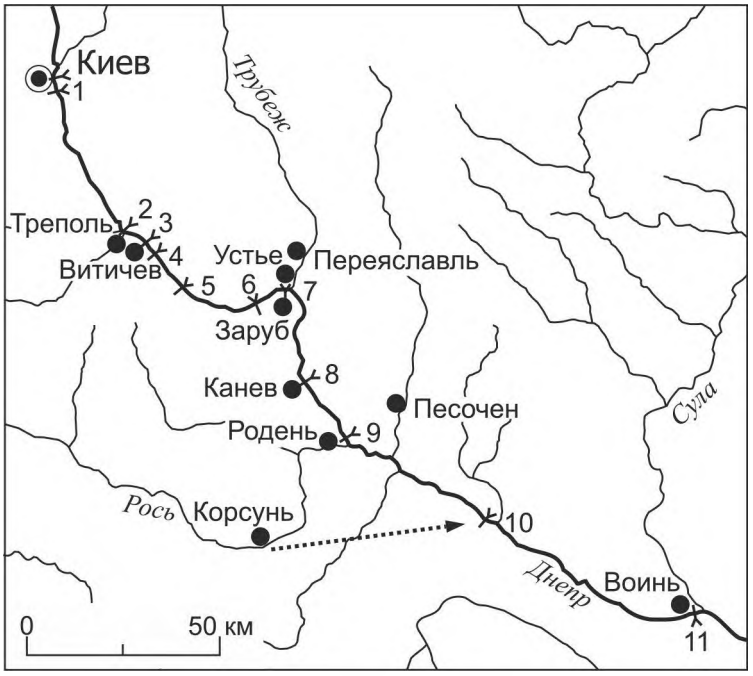

Рис. 61. Днепровские броды и княжеский рейд 1187 г. Корсунь – Татинец.
1 – Киевские броды; 2 – Трепольский; 3 – Витичевский; 4 – Святополчий; 5 – Рудаковско-Стайковские мели; 6 – Ржищевский; 7 – Зарубский; 8 – Каневский; 9 – Роденский; 10 – Татинец; 11 – Мамичев брод

На севере наиболее значимым пунктом этой полосы справедливо считается Киевский Городец, контролировавший основной столичный брод, где в 1026 г. происходила демаркация владений Киева и Чернигова. После Любечского съезда князей на археологически не определяющейся «Рудице» на днепровском рукаве Радосыни и близ Городца оставил обоз Василько Ростиславич и пересек Днепр для посещения выдубецких святынь, но затем был ослеплен. Для осуществления возмездия Владимир Мономах призвал князей в Броварской бор у Городца; там же произошло и замирение (ПСРЛ, т. 1, с. 258, 262, 273). Вероятно, этот город был значимой крепостью приграничной полосы, поэтому и стал местом междукняжеских дипломатических сношений.

В период выделения Переяславской земли несколько менее значимым пунктом были расположенные, вероятно, чуть севернее древние Ольжичи, лежавшие напротив каскада бродов, выходивших от Вышгорода (Грушевский, 1891, с. 10). Материалы этого времени не дают оснований и для утверждения о существовании там крепости. Более того, из-за частых обмелений или обводнений приустьевых рукавов Десны местоположение Ольжичей достоверно не устанавливается. Известно лишь, что в 1142 г. для прекращения распрей правивший в Киеве черниговский князь Всеволод Ольгович позвал споривших князей в Ольжичи «к собѣ», что может означать «на окраину владений Киева». Поскольку же решаемые вопросы касались территориальных претензий Святослава и Игоря Ольговичей, размещение Ольжичей логично видеть на Левобережье. В 1152 г.

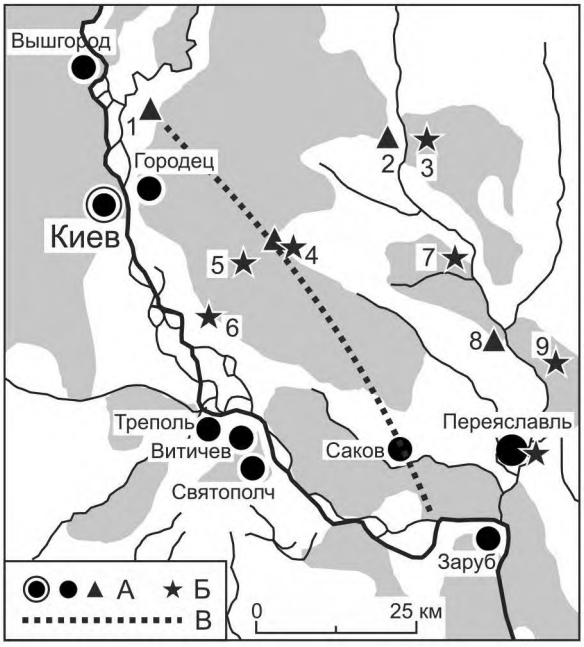

Рис. 62. Киевская «полоса» на переяславском Левобережье.
А – летописные города и открытые поселения; Б – монетные находки;
В – восточный предел владений Киева. 1 – Ольжичи; 2 – Русанов; 3 – Перемога;
4 – Борисполь; 5 – Мартусовка; 6 – Вишенки; 7 – Барышевка;
8 – Пристромы; 9 – Жовтневе

великий князь Изяслав Мстиславич в надежде навсегда изгнать из Руси Юрия Долгорукого сжигает Городец Остёрский, его родовое гнездо. В ответ суздальский князь развернул очередную войну в Черниговской земле. События этой усобицы насыщены множеством подробностей, которые участники событий могли передать суздальскому летописцу. Так, Ольжичи оказываются размещенными «на сеи сторонѣ Днѣпра», т. е. информатор видел эту картину со стороны черниговского Левобережья. Точно указан и маршрут киевского наступления от Ольжич через Моровийск в направлении Чернигова. Около 1183 г. Ольжичи послужили и плацдармом для начала так и не произошедшего похода князей против Кончака, напавшего на г. Дмитров. Таким образом, всё это дает некоторые основания для отнесения Ольжичей к левобережным владениям столицы Руси (ПСРЛ, т. 2, с. 310, 456–458, 512, 628; Толочко, 1975, с. 8). **Рис. 62.**

В свою очередь, Моровийск, впервые упомянутый под 1139 г., размещался на правом берегу Десны в 60 км от Ольжичей. К середине столетия еще ниже по Десне упоминается летописная Лутава, от нее до Ольжичей и правобережного Вышгорода насчитывается около 50 км (ПСРЛ, т. 1, с. 302, 482). Очевидно, это пространство на правом берегу Десны являлось «санитарной» зоной между киевскими и черниговскими владениями: в дальнейшем около этих городов неоднократно происходили замирения после киево-черниговских междоусобиц. К этому времени противолежащей Остёрской волостью прочно овладели суздальский князь Юрий Долгорукий и его сыновья: Остёрский Городец и Ольжичи также разделяло около 50 км.

Судя по описаниям летописных событий 1139 и 1150 гг., на юге узкая полоса киевских земель изначально пролегала между течением Днепра и р. Каранью, правым притоком Нижнего Трубежа. Ее центром считают г. Саков, который связывают с городищем в с. Старое на р. Карань (ПСРЛ, т. 2, с. 305, 398; Ляскоронский, 1907 б, с. 13–16; Расовский, 1927, с. 102; Толочко, 1975, с. 7). Представление о заселенности этой территории складывается по упоминанию под 1095 г. «засаковцев», переселенных киевским князем на Правобережье для пополнения инородческого населения поднепровского Новгорода Святополча. Последовавшие события показали, что под «засаковцами» понималась значительная доля расселенного в русском приграничье полукочевого племени турпеев. В 1101 г. в Сакове был заключен мирный договор с половцами, инициаторами которого были киевский князь Святополк и переяславский – Мономах (ПСРЛ, т. 1, с. 229, 275). Поскольку Мономах предпочел бы выбрать для замирения, к примеру, пограничный г. Воинь, то Саков принимали за крайний восточный пункт великокняжеского домена. На это указывают и неоднократные упоминания в источниках киевского воеводы или тысяцкого Лазаря Саковского (ПСРЛ, т. 2, с. 311, 325). Невдалеке от Сакова-Старого размещалось и скопление поселений у с. Вишенки при устье р. Золотчи, откуда происходят и изделия степного круга древностей. Этот киевский анклав вплотную прилегал к каскаду бродов, расположенных между Треполем и Ржищевым, а также к зафиксированным в Новое время Рудаковско-Стайковским мелям.

На принадлежность этой области к киевским владениям также указывают два следующих сюжетно сходных летописных сюжета. Так, занявший киевский стол Всеволод Ольгович осенью 1139 г. решил посадить в Переяславле брата, курского князя Святослава, но местный князь Андрей Владимирович категорически отказался убираться в Курск. Тогда киевский князь выдвинулся к Днепру, скорее к ближайшим бродам, связывавшим столицу с Переяславлем: они известны между Треполем и Новгородом Святополчим. Оттуда он послал в Переяславль Святослава с войсками, которые были Андреем разбиты, он гнал их «до Коранѣ, а далѣ не пусти Андрѣи дружины своєя»: в его задачу не входило вторжение в киевские владения. Соответственно, разбитые войска во главе со Святославом от Переяславля бежали через Саков к западу, к тем же бродам (ПСРЛ, т. 1, с. 307, 308; т. 2, с. 305). По другому сюжету летом 1150 г. вернувшийся в Киев Изяслав Мстиславич послал сына Мстислава в Канев, чтобы тот добыл Переяславль. Для этого Мстислав послал на левый берег за турпеями, «веля имъ ѣхати к собѣ». В ответ переяславский князь Ростислав Юрьевич быстро добрался до Сакова, «сгони турпѣе у Днѣпра и поимавъ ѣ, переведе ѣ Переяславлю» (ПСРЛ, т. 2, с. 398).

На роль средней ключевой точки оставшейся за Киевом приднепровской «полосы» подходит Льто-Борисполь, размещенный на расстоянии 36 км от Киева и в 27 км от берега Днепра. Изначально это было значительное поселенческое средоточие, отмеченное рядом сребреников Владимира типов 1 и 3 и Святополка. Его порубежным положением объясняется стоянка князя Бориса в 1015 г., не решившегося нарушить восточный предел киевских владений Святополка. Схожие ситуации повторялись и позже: в 1019 г. на Льто Ярослав Владимирович встретил Святополка с нанятыми им печенегами (ПСРЛ, т. 1, с. 132, 144). Для заключения мира с кочевниками Всеволод Ярославич в 1055 г. выходил к Воиню, но для серьезного столкновения с ними в 1068 г. князья не рискнули выдвинуться дальше р. Альты (ПСРЛ, т. 1, с. 162, 167). Таким образом, Льто являлось ключевым узлом левобережной «полосы» на прямом лесном пути в Киев через два наиболее существенных для безопасности столицы брода, поэтому там нередко

концентрировались войска для решительных сражений. Не вызовет удивления, если окажется, что эта «полоса» маркирует первоначальный предел киевской колонизации Левобережья, связанный с именем воеводы Претича.

Картографирование этого региона показывает, что протяженность заднепровской полосы владений Киева насчитывала около 60 км при ширине от 10 до 20–25 км, а площадь составляла не менее 1,3 тыс. км^2. Из них на долю расселения турпеев приходилось около 800 км^2.

Войны за наследие Владимира Святославича и восстановление разоренного Правобережья не лучшим образом сказались на состоянии едва зарождавшейся оборонительной системы. Несмотря на недостаточную изученность сопровождавших Змиевы валы обширных открытых поселений, очевидно, что в их напластования перестает выпадать продукция, типичная для населения центральных и северных областей Руси. Кроме того, датировки имеющегося в нашем распоряжении материала недостаточно узки, чтобы уверенно связать их с княжением Ярослава. Это создает впечатление, что активное в предшествующий период пополнение левобережной провинции «мужами лучшими» практически прекратилось. Конечно, появление там незначительного польского импульса полностью отрицать нельзя, но материалы не указывают на его сколько-нибудь существенную массовость.

С прекращением притока населения связано и существенное уменьшение размеров некогда обширных открытых поселений. Исследования поселения Мацковцы указали на другую причину их деградации: уход оттуда селян сопровождался появлением небольших поселков-хуторов, укрытых густой надпойменной растительностью. Они тяготели к увлажненным пахотным угодьям, пастбищам и покосам (Моргунов, 2015 б, с. 336). Близкая картина наблюдается и на немногочисленных материалах других левобережных поселений, где керамика середины XI в. относительно немногочисленна, а порой исключительна (**рис. 13–16**). В целом размеры поселений уменьшились приблизительно вдвое-втрое, керамическое производство демонстрирует заметный отрыв от общерусских традиций. Очевидно, именно в это время бревенчатые стены протяженных укреплений начали ветшать и разрушаться, обращаясь в реальные Змиевы валы. Схожая картина прослеживается и на Правобережье Днепра: рвы Змиевых валов поречья Стугны в XI в. засыпали мусором. Это подтверждается и летописными источниками: с конца XI в. в них современники видели лишь приметные подорожные ориентиры. Вероятно, это явление также демонстрирует и выход линейных укреплений из фортификационного оборота (Кучера, 1987, с. 73; Моргунов, 2015б, с. 336; ПСРЛ, т. 1, с. 220; т. 2, с. 210, 211, 433–435).

Эти наблюдения показывают, что на фоне ослабления опасности со стороны левобережной степи княжеская власть была занята феодальными войнами, а затем ликвидацией разрухи Правобережья, поэтому ослабила внимание к заселению и поддержке обороноспособности Левобережья.

И все же, судя по находкам монет, на ограниченной течением Сулы части будущего княжества заселенность понемногу увеличивалась. С эпохой Ярослава связано выпадение в культурные напластования сребреников типов 2–4 последних годов княжения Владимира. В свою очередь, выпуск монет Святополка Ярополчича с легендами «Святополк», «Петрос» и «Петор» датируют 1015–1018 годами (Сотникова, Спасский, 1983, с. 80–89; Гайдуков, Калинин, 2012, с. 412–426). Их появление на Левобережье можно объяснить и вызванным правобережными войнами некоторым оттоком населения с его накоплениями в относительно безопасные районы. В соответствии с этим, нет оснований считать погибшими в этот период и поселения, маркированные находками более ранних сребреников.

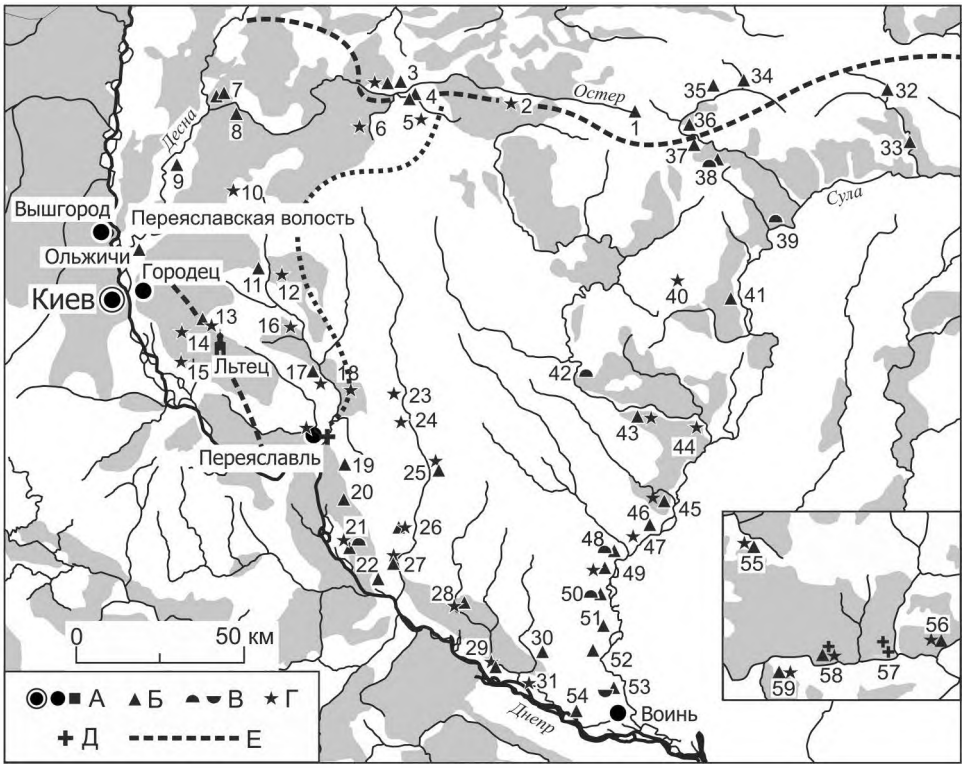

Рис. 63. Заселенность киевского Левобережья при Ярославе Мудром.
А – летописные города и городища; Б – открытые поселения;
В – курганные и грунтовые могильники; Г – монетные находки;
Д – предметы личного благочестия; Е – внешние пределы Переяславской земли.
1 – Белавежа; 2 – Новый Подол; 3 – Нежин; 4 – Нежин, Липов Рог 1 и 2;
5 – Крапивное; 6 – Носовка; 7 – Остёр; 8 – Кошаны; 9 – Крехаев; 10 – Семиполки;
11 – Русанов; 12 – Перемога; 13 – Борисполь; 14 – Мартусовка; 15 – Вишенки;
16 – Барышевка; 17 – Пристромы; 18 – Жовтневе; 19 – Цибли; 20 – Городище;
21 – Лепляво; 22 – Бубновская Слободка; 23 – Соснове; 24 – Денисы; 25 – Беспальче;
26 – Каленики; 27 – Песчаное; 28 – Золотоноша; 29 – Железки (Залізкі); 30 – Крапивна;
31 – Самовицы; 32 – Николаевка; 33 – Городище; 34 – Шевченково; 35 – Великий Самбор;
36 – Красный Колядин; 37 – Грицевка; 38 – Липовое; 39 – Глинск; 40 – Карпиловка;
41 – Свиридовка; 42 – Линовица; 43 – Повстин; 44 – Хитцы; 45 – Мацковцы; 46 – Лукомье;
47 – Великоселецкое; 48 – Тарасовка; 49 – Чутовка; 50 – Великая Буримка 1 и 2;
51 – Лящовка; 52 – Клещинцы; 53 – Жовнино; 54 – Веремеевка.
На врезке памятники курского Посеймья: 55 – Жидеевка; 56 – Беседино;
57 – Курск; 58 – Липино; 59 – Чапли

В северной зоне продолжали существовать два поселения в г. Остёре, городища Крехаев, Кошаны, летописные Ольжичи, и возник упоминавшийся выше киевский Городец. Из с. Крапивное окрестностей Нежина и г. Носовки происходят сребреники Владимира типа 2 и Святополка с именем «Святополк». Аналогичный сребреник найден и в с. Семиполки, между Десной и верховьями Трубежа (Рублев,

2016, с. 209, 327, 346). Скопление сребреников этого времени прослеживается на территории Борисполя и в его ближайших окрестностях. **Рис. 63**. **Прим. 4**.

Около 1882 г. сребреник Владимира Святославича типа 4 был обнаружен южнее на левом берегу Днепра близ упоминавшегося выше с. Вишенки (Сотникова, Спасский, 1983, с. 55; Гайдуков, Калинин, 2012, с. 421, 425; Рублев, 2016, с. 312). В ближайших окрестностях села, при устье р. Золотчи, в конце XIX в. на песчаных выдувах культурного слоя обнаруживали множество других находок, в том числе восходящих к XI в. (Каталог, 1902, с. 101–110; Труды Предв. комитета, 1906, с. 86).

По течению Трубежа на его левом берегу с селом Перемога (бывш. Ядловка), где позже возникло укрепление округлых очертаний, связаны найденные в 2015 г. сребреник Владимира 3 типа и Святополка – «Петор» (Кучера, отчет 1971 г., с. 12; Рублев, 2016, с. 238, 367). Ниже по течению реки из окрестностей с. Пристромы происходит анонимный фоллис 30–40-х годов XI в. (Тетеря, Прядко, 2016, с. 26–29). На правом берегу в Барышевке и левом – в Жовтневом (бывш. Студеники), найдены чеканные изделия Владимира типа 3 (там же, с. 243, 282). В Переяславле вслед за сребреником Владимира типа 1 последовала находка монеты Святополка – «Петрос» в уроч. Луг. Сходно находили подобные изделия у приднепровского с. Лепляво: к северо-востоку от него обнаружился сребреник Владимира типа 1, а при раскопках могильника – типа 3 с отверстием для ношения (там же, соответственно: с. 141, 360; 101, 239; Щербаківський, 1925, с. 344).

На этом фоне выделяется составом денежно-вещевой клад 1912 г. из с. Денисы на Супое. **Прим. 5**. По течению этой реки обнаруживались и отдельные монеты: в с. Сосновом сребреник Святополка – «Петрос» (Рублев, 2016, с. 361). Ранним напластованиям известного городища Каленики соответствует сребреник Владимира типа 3 (Шостопал, 2007, с. 48; Рублев, 2016, с. 281). В с. Песчаное, где также размещается древнерусское городище, найдена монета Владимира типа 2 и недатированный обломок его же сребреника. Поблизости обнаружено два анонимных византийских фоллиса X в., один из них с отверстием для подвешивания (Шостопал, 2007, с. 47; Прядко, 2015, с. 127, 128; Рублев, 2016, с. 217). И наконец, в г. Золотоноше на предшествующем крепости поселении найден сребреник Владимира типа 4. Оттуда происходят и другие находки эпохи Ярослава Мудрого: наконечники стрел и керамика (Прядко, 2013, с. 53, 54; Рублев, 2016, с. 317).

Кроме того, монеты находили на памятниках, ныне затопленных водохранилищем, – в Залізках (Железках), Чеховке и Самовице. Это две таманские реплики серебряных византийских мелиарисиев императоров Василия II и Константина VIII с отверстиями (976–1025) и золотой солид братьев-соправителей. Из Зализок происходит и византийский анонимный фоллис X в. (Шостопал, 2007, с. 47).

В Посулье сребреник Владимира типа 3 происходит из с. Карпиловка междуречья Верхнего Удая и Средней Сулы (Рублев, 2016, с. 287). В Пирятинском районе Полтавской обл. на правом берегу р. Удай между селами Повстин и другой Карпиловкой размещено городище летописного г. Повстень: на его месте прослежены невыразительные следы более раннего открытого поселения. Оттуда происходят 2 сребреника Владимира типа 1, а также 5 – типов 3 и 4. Описания условий их местонахождения, видимо, сделанные разными поисковиками, точно соответствуют их одинаковой оценке «в поле за селом». Но одни находки ориентированы от Карпиловки, а другие от Повстеня (Рублев, 2016, с. 119, 128, 246, 292, 294, 308, 312). Еще одна монета Владимира типа 4 обнаружена неподалеку от также хорошо известного городища Хитцы (там же, с. 319). Как и синхронные находки общерусского толка из Мацковцев, обломок сребреника Святополка – «Пэтор» указывает на

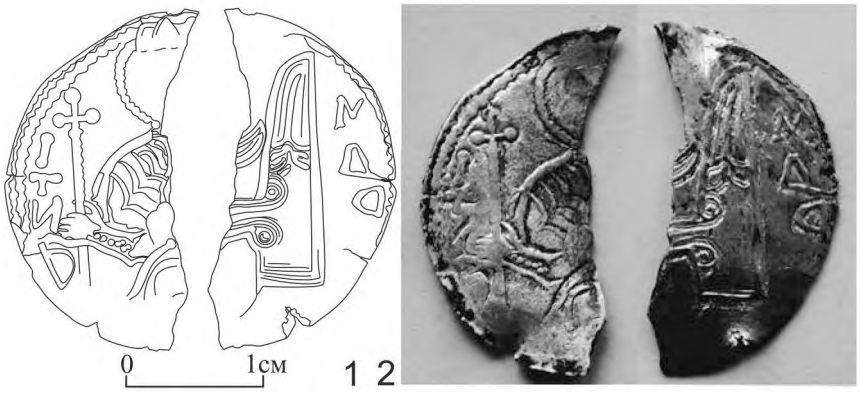

Рис. 64. Мацковцы: сребреник Святополка – «Петора». 1 – прорись; 2 – фото

закрепление там новой поселенческой волны после разрушения северянской крепости (Моргунов, Сидоренко, 2012, с. 246–248). **Рис. 64**. И наконец, из с. Чутовка на Нижней Суле из пяти найденных сребреников два идентифицированы как монеты Владимира типа 3 и Святополка – «Петрос» (Рублев, 2016, с. 159, 325).

К востоку и северо-востоку от Сулы в эпоху Ярослава существенное увеличение заселенности не прослеживается. Древности этого времени в подавляющем большинстве представлены имеющими довольно широкие датировки погребальными памятниками, связанными с открытыми поселениями. Там продолжалась северянская традиция проживания среди лесов, в то время как на залесенных участках побережья Сулы поселения в лесах неизвестны. Это не означает сокращения количества поселенческих структур в столь залесенных поречьях Псла и Ворсклы.

В Посеймье, в верховьях р. Свапы известно городище Жидеевка, содержащее материалы позднероменского времени и монетно-денежный клад, выпавший в связи с его разгромом при Владимире Святославиче. Новый период жизни на поселении фиксируется упоминавшейся выше находкой сребреника Владимира типа 4. Очевидно, продолжали существовать поселения на месте находок упоминавшихся сребреников Владимира типа 1 из Беседина, Липина и Чапли.

По мнению В. В. Енукова, в XI в. укрепленные поселения существовали в Курске, Рыльске и Гочеве (1999, с. 176). Если это так, то Посеймье успешно конкурировало с остальной территорией Руси, где за время княжения Ярослава в источниках упоминалось о появлении всего трех городов: Белза, Городца под Киевом и Юрьева-Тарту (Тихомиров, 1965, с. 32–35). При этом не трудно заметить, что время возникновения Курска и Рыльска так и не определены, а в Гочеве к этому времени относятся лишь находки из курганов.

Как мы видим, на современном уровне знаний наши представления о заселенности при Ярославе Мудром «тянувшего» к Переяславлю Левобережья крайне неполны и порой случайны. Основными центрами этого времени продолжали оставаться Переяславль и Воинь: гипотеза о появлении в этот период посеймских городов ожидает своего подтверждения на более убедительном материале. На остальной территории, в связи с правобережными феодальными войнами и отсутствием степной опасности, зачатки наметившегося при Владимире Святославиче посульского рубежа приходили в упадок. А некоторый приток населения объясняется лишь бегством части обитателей Правобережья от невзгод и разорений.

Тем не менее новые материалы показывают, что в эту эпоху территориальная структура нового княжества, прежде буквально на капельном уровне заложенная Владимиром Святославичем, продолжала кристаллизоваться и углубляться. Прежде всего новые веяния коснулись ее древнейшего днепровско-трубежского ядра, изначально полностью входившего в состав киевских владений. Очевидно, это и есть летописная Переяславская волость – ограниченный естественными рубежами регион со столицей, созданной для защиты опасного восточного направления. Это явление раскрывается на примере чуть позже возникшего Городца Остёрского: он входил в состав «сел и городов Переяславьскои власти [X: волости]» (ПСРЛ, т. 2, с. 296). Судя по летописным материалам первой половины XII в., он являлся центром обширной округи. Следовательно, тяготение к нему лежавших севернее земель, ограниченных древним «рвом» – реликтом Змиева вала, трудно считать грубой ошибкой или натяжкой.

Таким образом, пространство Переяславской волости в меридиональном направлении насчитывало до 140 км, а по ширине колебалось в пределах 40–60 км, на северо-востоке достигая не только г. Носова на р. Руде, но и нежинского брода. С учетом этих уточнений, ее общая площадь составляла не менее 6,7 тыс. км^2. Соответственно, с отторжением киевской «полосы» размеры Переяславской волости сократились до 5,4 тыс. км^2.

Подобное толкование не единственное. Известным исследователем Переяславская волость была произвольно усечена на севере. А на востоке за пределами исторически зафиксированной трубежской грани к ней добавлены позже заселявшиеся остепненные маловодные земли вплоть до Супоя (Колыбенко, 2010, с. 135). Последнему противоречит существенная разница в ландшафтах и этническом преобладании тюркского населения супойско-приднепровского плато. Для раннего славянского расселения было характерно тяготение к лесным угодиям, испещренным пятнами лугов, а это свойственно только междуречью Днепр – Трубеж. Недаром Переяславль строился с целью воспрепятствовать проникновению туда степняков. К востоку же от Трубежа иные условия жизни, менее привычные для славян. После угасания обширных открытых поселений полноценное заселение там началось не ранее второй половины – конца XI в.; оно сопровождалось появлением поселков и укреплений «переяславских торков», речь о которых пойдет ниже. Для них степь была естественной средой обитания, а поселения славян в этой области продолжали прижиматься к лесам. Вышесказанное не способствует оценке междуречья Трубежа – Супоя в качестве составной части древней Переяславской волости.

По «разделу» Ярослава наметились более определенные внешние рубежи нового княжения, хотя за отсутствием внешней опасности посульский предел, вероятно, контролировался слабо. В значительной мере определился только северный рубеж с черниговскими землями. Начиная от нежинского брода, он следовал к востоку заболоченным левым берегом Остра через помеченное сребреником Владимира поселение Новый Подол, а затем с юга широкой дугой огибал поселение на месте возникшей немногим позже черниговской Белавежи. Дальнейшее направление переяславо-черниговской демаркации могло следовать через летописный г. Красн древней водораздельной военной и торговой трассой в направлении Курска, но для этого времени уточняющими материалами мы не располагаем, хотя известно, что по «завещанию» Ярослава Всеволоду Ярославичу отошло курское Посеймье с промежуточной Вырской волостью. Таким образом, в середине XI в. все же наметился определенный подъем территориального и политического развития нового княжения.

Примечания

1. О керамике Витичева

Благодаря любезной помощи С. С. Ширинского я ознакомился с небольшим количеством других материалов из Витичева, подготовленных им к передаче на хранение в ГИМ. Судя по шифрам, содержание разрозненных лотков происходит из раскопов Е, Ж, Ш 9 и 10, ОП-5 и ТС 1-2. Они представляют иную картину: кроме ранней керамики, аналогичной опубликованной В. А. Петрашенко, памятник содержал и представительный массив гончарной тонкостенной керамики с «манжетами» значительно лучшей выделки, датирующейся рубежом X–XI в. Сходный материал происходит и из сгоревшей в пожаре крепости Заречье на р. Стугне: ее исследовательница справедливо датировала периодом между 980 и 1015 гг. (2003, с. 129, рис. 4: *Б*). Однако нетрудно заметить наличие в этой группе и несколько более позднего материала, синхронного датировке найденного в завале надвратной башни позднейшего сребреника Владимира Святославича.

2. К оценке материалов западного происхождения

Обнаружение материальных следов переселенцев с запада со временем стало своеобразным показателем качества территориальных исследований. Так, выяснилось, что эсовидные височные кольца встречались в низовьях Сулы и прилегавшем к ним Приднепровье: в Веремеевке, погребениях Жовнина и Великой Буримки (Кучера, 1962, с. 104; Дяденко, Моця, 1986, с. 88, 89; Моргунов, 1989, с. 212, 213). Из Жовнина также происходят образцы оригинальной кухонной посуды с вертикальными шейками, вогнутыми в середину емкости донцами и мелкими репликами штампованных орнаментов. Незначительное количество подобной посуды встречено на городище Снепорода, но широкое ее бытование неоднозначно: она быстро вышла из местного обихода (Моргунов, 2012, с. 165, 166). Близкие признаки подобных переселений исследователи прослеживали на Верхнем и Среднем Сейме, в Волынцеве (Курган), Липине, Курске и Шуклинке (Приймак, 2008, с. 64–66).

На оценке керамики польского круга древностей останавливался А. В. Григорьев при описании материалов расположенного в Подесенье Горбова. В керамических комплексах последнего этапа существования поселения встречались обломки горшков с вертикальными шейками, обведенными наружным горизонтальным рифлением. Более вычурный тип представлен посудой с «манжетами», высоко поднятыми и настолько оттянутыми внутрь кромками венчиков, что с их внутренних сторон образовывались глубокие ложбины (**рис. 57: *1, 7***). Ближайшие аналогии подобной керамики зафиксированы на памятниках XI в. в Поросье, но наиболее характерны они для синхронных поселений Галицко-Волынской земли и Мазовии (Григорьев, 1983, с. 70; Григорьев, Сарачев, 1999, с. 349).

Итоги поисков исторических корней оригинального керамического материала были подведены М. П. Кучерой на основании сравнения артефактов Западной Руси и южной Польши с поросскими находками. Это позволило ему определить ведущие керамические формы, присущие западным переселенцам. Наиболее представительными оказались группы 1 и 4: одна объединила посуду с вертикальными шейками, в другую попали типологически близкие сосуды с простыми, почти не утолщенными венчиками. Они резко отогнуты от низкой шейки, среди них имеются и экземпляры с округлыми шейками, завершенными гранеными или косо срезанными венчиками и порой горизонтальными выемками на их внутренней поверхности.

Группа 2 – посуда типично польских форм X–XII вв. с цилиндрическими шейками и горизонтально отогнутыми венчиками. К польским изделиям исследователем отнесены низкие архаические сосуды «курганного» типа с едва намеченными «манжетами» или простыми короткими венчиками без утолщений группы 3, нехарактерные для древнерусских памятников. Для польского гончарства были также обычны вогнутые внутрь донца и орнаменты из крупных штампов (Кучера, 1998, с. 160–165).

Но спустя много лет некоторые аспекты этой проблематики нуждаются в незначительных уточнениях. Это обусловлено тем обстоятельством, что в подавляющем большинстве такую оригинальную керамику обнаруживали вне надежно датированных комплексов. А лучше датированные аналогии бытовали шире хронологических рамок поросского расселения пленных.

Из перечисленных выше керамических форм наименее изученными остаются редко встречающиеся на древнерусских памятниках архаические сосуды группы 3, а также более развитая посуда группы 4.

Некоторые разночтения может вызывать широкая датировка керамики с вертикальными шейками группы 2: на Руси близкие формы широко распространились после середины XII в. С западноевропейскими образцами сравнимы лишь формы с уплощенными, сужающимися венчиками и рифлеными шейками. Думается, что не вполне точна «привязка» к событиям 1032 г. керамики вычурных форм группы 5: в Новогрудке и Волковыске подобная посуда бытовала во второй половине X – XI вв., а выходила из обихода в XII в. (Малевская-Малевич, 2005, с. 33, 45, рис. 9, 37). **Рис. 57: *8***.

Из всего массива керамики с вертикальными шейками группы 1 за польские можно принять только формы с горизонтальным рифлением. Их аналогии с гладкими шейками – древнерусские. В рассматриваемый период, кроме запада Руси, они были нередки в Новгороде, а в широком плане – во всей лесной зоне. Их присутствие полнее фиксировалось в Торжке, Владимире и Ярополче Залесском; до XII в. она доживает в подмосковных курганах (Смирнова, 1963, с. 237, 239, 241; Седова, 1978, с. 91; Малыгин, 1989, с. 45, 47; Равдина, 1991, с. 13; Розенфельдт, 1997, с. 26; Малевская-Малевич, 2005, с. 43, 113, 130, рис. 18, 51, 59).

На юго-востоке Руси подобная керамика редка: ее появление в ранний период чаще связывают с владимировыми переселениями на юг обитателей центральных и северных областей Руси. Применительно к более позднему времени аномально высокая концентрация подобной керамики также связывалась с переселением на юг обитателей новгородского региона. Ими мог заселить летописный г. Глебль на р. Ромен Глеб, сын черниговского князя Святослава Ярославича. Он княжил далеко на юго-востоке, возвращался в Чернигов, но значительная часть его жизни была связана с Новгородом и в широком плане – с севером Руси.

3. К днепровским бродам

Наибольшее количество известных бродов располагалось между Треполем и Зарубом: они связывали Киев с Переяславлем. Трепольский переход упоминался в источниках наиболее часто (под 1136: ПСРЛ, т. 2, с. 299; под 1151 г.: т. 2, с. 440; под 1207 г.: ПСРЛ, т. 1, с. 429). Город был снабжен и «воротами водными» (под 1177 г.: ПСРЛ, т. 2, с. 604). Два брода размещались близ Витичева: из них южный до сих пор носит название Святополч Брод; еще южнее в XIX в. располагались пригодные для переправы Стайковско-Рудаковские мели (под 1149 г.: ПСРЛ, т. 2, с. 378; под 1151 г.: ПСРЛ, т. 2, с. 424; под 1152 г.: ПСРЛ, т. 1, с. 331, 334; Спутник по Днепру, 1909, с. 61; Блажевич, 1989, с. 14).

Ниже по течению на карте Боплана помечен брод у Ржищева. Зарубская переправа располагалась напротив летописного Устья (пристань Переяславля) и устья Трубежа (под 1096 г.: ПСРЛ, т. 1, с. 231; под 1146 г.: ПСРЛ, т. 2, с. 323; под 1151 г.: т. 2, с. 440; под 1152 г.: ПСРЛ, т. 1, с. 331, 332, 335). Об этом переходе в 1708 г. гетман И. С. Мазепа писал графу Г. И. Головкину, что два местных брода стали такими мелкими, что народ там ездит возами (Спутник по Днепру, 1909, с. 18).

Ниже по течению Днепра подобные переходы встречались реже. Каневский брод размещался напротив левобережного археологического комплекса Лепляво (под 1149 г.: ПСРЛ, т. 1, с. 322), и два переката существовало напротив Родня – городища Пекари-2 (Блажевич, 1989, с. 23). И наконец, поздние актовые источники зафиксировали существование «Мамичева брода» у Воиня (Лазаревский, 1896 б, с. 199).

Известны и другие, изначально недостаточно уверенно идентифицированные летописные переходы через Днепр. Так, М. П. Погодин по созвучию разместил упомянутый под 1187 г. брод «Татинец» близ впадения в Днепр р. Золотоноши, у с. Мутатинцы (1848, с. 123). Отождествление прижилось. Современный исследователь лишь уточнил, что перед затоплением поймы Днепра село именовалось Мутихи. Напротив него в конце XIX в. Днепр шириной всего 420 м пересекала Цесарско-Слободская мель глубиной не более 0,9 м (Махновець, 1989, с. 571).

Сюжет статьи 1187 г. сводится к тому, что князья-соправители Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич прознали о приходе половцев на Татинец и выступили навстречу с подоспевшим из Переяславля Владимиром Глебовичем. Поросские черные клобуки сообщили о походе половецким «сватам», и те вернулись в степи (ПСРЛ, т. 2, с. 652). Очевидно, решение о походе было или принято в Поросье, или соправители там соединились. Из Поросья же ушел и черноклобуцкий сигнал половцам, туда прибыл и Владимир Глебович, что исключает левобережный маршрут дальнейшего движения князей.

Следовательно, после переправы половцы намеревались напасть на Киевскую землю. Это вполне реально: с 1186 г. правобережные кочевники долго воевали в Болгарии и Византии (Успенский, 1879, с. 132–173). А левобережное воинство Кончака, объединившего рассеянные орды Подонья, в 1185 г. не было разгромлено князьями, и хан сохранил свои силы. Этому соответствует и обратный путь степняков: «половци же слышавше, оже идоуть на ня князи роустии, бѣжаша за Днѣпръ», т.е. левым берегом Днепра в направлении Дона. На южном изгибе течения Роси размещался летописный Корсунь. Напротив него между лесными массивами открывалась дорога в степи. Приход половцев к Корсуню и связанные с ним события живо описаны в ипатьевской статье под 1172 г. (ПСРЛ. Т 2, с. 555, 556). Расстояние от этого города до Татинца насчитывает 53 км, что действительно позволяло князьям двигаться к броду «изъездом» без обозов. Таким образом, локализация Татинца подтверждается.

4. Монетные находки Борисполя–Льто

На протяжении 2008–2015 гг. в Борисполе найдено 4 сребреника: это монеты Владимира Святославича типов 1, 2 и 4 и Святополка – «Святополк» (Рублев, 2016, с. 136, 281, 295, 303). Любопытно, что в 1825 г. П. Свиньину именно «на станции» в Борисполе показывали место, где задолго до его путешествия некий крестьянин нашел не один, а два сребреника (Свиньин, 1826, с. 198). Это наталкивает на предположение не об одиночной находке, а о части распаханного клада. Хорошо известна и сделанная до 1815 г. находка на огороде Борисполя монеты Владимира типа 3 (Сотникова, Спасский, 1983, с. 14, 55, 81). Авторы цитируемой монографии поче-

му-то предположили, что последняя монета была найдена близ бориспольского аэропорта «Киев». Локализация вызывает сомнение: аэропорт занимает площадь, раскинувшуюся на расстоянии от 3,5 до 6 км западнее исторического центра города. Он построен на безводном водораздельном плато, где существование крестьянского огорода маловероятно. И все же предположение может обрести некоторый смысл: поблизости от западной границы аэропорта, на истоке р. Иквы, располагается с. Мартусовка с монетой Святополка – «Петрос» (Рублев, 2016, с. 256).

5. Клад в с. Денисы на р. Супой

Он содержал около 4,5 тыс. монет, среди которых были западноевропейские, византийские, а также арабские дирхемы. Древнерусские представлены сребрениками Владимира типов 2–4 и Святополка с именем «Петор», выпуск которых мог быть осуществлен в 1018 г. Оригинальность клада заключается в необычном для Южной Руси присутствии двух индийских монет, рубленого серебра и фрагментов украшений с пуансонным орнаментом. Это свойственно северо-западным кладам XI в. и, в частности, гнёздовскому 1868 г. Укрывание богатства могло быть связанным с возникновением опасности для проживавшего на Супое северного переселенца или торговца (Корзухина, 1954, с. 38, 85; Сотникова, Спасский, 1983, с. 80, 85; Гайдуков, Калинин, 2012, с. 421, 425).

Село занимает оконечность невысокого распахиваемого плато размерами 2,5 (СЗ–ЮВ) × 2,1 км, ограниченного поймой реки и оврагами; раньше мыс с трех сторон омывался водой. Отрезанный балкой северный отрог плато (уроч. Городище) площадью более 10 га имеет подпрямоугольные очертания. Синхронные кладу материалы там не встречены: с огородов происходит лишь керамика XII–XIII вв. Следы укреплений не замечались и при застройке села в 1914 г. (Кучера, отчет 1971 г., с. 3).

Княжения Всеволода Ярославича – Ярополка Владимировича

Следующий период жизни лесостепного Левобережья укладывается в широкие рамки 1054–1132 гг.: это эпоха борьбы с половецкой экспансией, заложившей прочный фундамент политической значимости Переяславского княжения, и время ее стабильного существования после устранения степной опасности. В целом же это был единый исторический массив, характеризующийся плотным взаимодействием членов правящего дома в управлении окраиной Руси, когда отец, уходивший на киевский стол, продолжал содействовать сыну в защите своего гнезда.

Летописное отражение событий этого периода открывает широкий массив новых географических сведений. Это еще один аргумент в пользу обращения к столь обширному хронологическому отрезку, охватывавшему эпоху, протянувшуюся между оформлением Переяславского княжества и началом феодальной раздробленности. Думается, что это позволит глубже раскрыть суть интересующей нас проблематики. За 200-летнюю историю изучения этого времени в литературе сложились о нем достаточно однозначные представления. Это позволяет ниже ограничиться лишь кратким перечнем событий и останавливаться лишь на эпизодах, существенных для данной темы.

Краткий обзор военно-политической истории

Как упоминалось выше, по «завещанию» Ярослава Владимировича Мудрого Южная Русь была поделена между его сыновьями: киевский стол занял Изяслав, в Чернигове сел Святослав, в Переяславле – Всеволод. Они долго совместно правили Русью, чем-то напоминая некий «триумвират Ярославичей». Одним из свидетельств их совместных действий может служить найденная в Воине актовая печать великого князя Изяслава Ярославича (Довженок и др., 1966, с. 96; табл. 27; *1*; Янин, 1970, с. 35–37). Она могла быть связанной с юридическими взаимоотношениями Переяславля в целом и Воиня в частности, с великокняжеской администрацией, передавшей Переяславлю управление степным пограничьем. Актуальность этого явления подчеркивали возникновение и активизация половецкого напора, отложившего свой отпечаток буквально на все стороны южнорусской истории. Это была вторая после печенегов азиатская волна нападений кочевников. Каждая из подобных подвижек вновь заполняла причерноморские степи, подталкиваемая сзади напором более воинственных сообществ (Григорьев, 1875, с. 11).

Около 1054 г. часть узов-торков была прижата половцами к южным границам Руси и отогнана Всеволодом. Зимой 1054/1055 гг. по пятам за ними подоспел на мир к Переяславлю половецкий хан Болуш. Зимой 1061 г. куманы-половцы под началом хана Сокала (Искала) вновь нарушили спокойствие переяславских пределов: 2 февраля они разбили дружину Всеволода Ярославича и вернулись в степи (ПСРЛ, т. 1, с. 162, 163). Следующее нападение было более мощным: в 1068 г. в битве на р. Альте степняки, возможно, вновь во главе с Сокалом, разгромили дру-

жины Ярославичей и на этот раз рассыпались воевать «по землѣ Русьстѣ». Святослав Ярославич вернулся в Чернигов, а Изяслав с Всеволодом бежали в Киев. Затем переяславский князь поспешил в далекий Курск и отправил сына Владимира в Ростов. В свою очередь, Святослав 1 ноября под Сновском разгромил один из половецких отрядов и пленил хана Шарукана, главу будущего донецкого объединения (ПСРЛ, т. 1, с. 167, 170–173, 247; т. 3, с. 189–190; Плетнёва, 1974, с. 22).

Летописное известие об этом поражении прервано наполненной крайним трагизмом церковной тирадой: она создавала впечатление о том, что летописец ожидал чуть ли не тюркского владычества. Но конкретных сведений о половецком ущербе в источниках нет: ушедшему в Курск Всеволоду удалось пересечь якобы занятую степняками Переяславщину, а не имевший опыта сражений с ними Святослав малыми силами одержал победу. Не исключено, что последнее сообщение является поздней вставкой. Странно повели себя и номады: они ушли в Венгрию, где захватили большую добычу (Голубовский, 1889, с. 46; Шушарин, 1961, с. 151; Алешковский, 1971, с. 106). Вероятно, победа половцев все же не была для Южной Руси катастрофичной. Летописные сведения скорее отразили панические настроения киевской феодальной верхушки под влиянием совокупности удручающих факторов: летского поражения, киевского восстания и овеществленного на его гребне краткого княжения полоцкого князя-чародея Всеслава.

Весь объем половецких нападений 1054/1055 – 1084 гг. можно рассматривать как период расселения номадов в причерноморских степях и активного изучения военного потенциала оседлых соседей, знакомства с их слабыми звеньями. Для военной тактики степняков были характерны молниеносные удары и стремительные отходы, а в случае серьезного отпора половцы предпочитали отходить. Возможно, разгром князей на Альте представлялся ими «пирровой победой», не стоящей дальнейших усилий, или силы степного воинства были недостаточно монолитны для борьбы с Русью. На последнее указывает и последовавшая далее десятилетняя лакуна в их левобережной активности.

Тем временем к 1073 г. разногласия между Ярославичами достигли апогея: великий князь Изяслав дважды убегал в Польшу. Киевский стол занял Святослав, а черниговский – Всеволод, оставивший за собой и Переяславль. По смерти Святослава в 1077 г. киевский стол на полгода занял Всеволод, а по возвращении Изяслава Ярославича с поляками он вернулся в Чернигов (ПСРЛ, т. 1, с. 162, 167, 170, 171–173, 247; т. 3, с. 189, 190). Перераспределения земель лишили наследных вотчин их племянников, сыновей Святослава Ярославича – Романа и Олега, а также Бориса Вячеславича, сына смоленского князя. Это обернулось кровопролитными сражениями с князьями-изгоями в 1078 г.: в них погибли киевский князь Изяслав и Борис Вячеславич. Оставшись старейшим из сыновей Ярослава Мудрого, Всеволод окончательно занял киевский стол, а Владимиру Мономаху он передал черниговское княжение. Тем не менее в том же году Всеволод пытался отразить удар Олега и Бориса с половцами на переяславской реке Сожице, но был разбит и отступил в Переяславль. На помощь к нему Владимир пробивался «сквозѣ половечьскыи вои» (ПСРЛ, т. 1, с. 182, 183, 199, 248).

Эти события не проясняют владельческой принадлежности Переяславля. По не подтвержденному другими источниками сообщению В. Н. Татищева, взойдя на великокняжеский стол в 1073 г., Святослав Ярославич ненадолго передавал Переяславль сыну, новгородскому князю Глебу. Этому не противоречит сообщение «Поучения» Мономаха о том, что к 1076 г. Переяславль и Туров принадлежали ему (ПСРЛ, т. 1, с. 247; Татищев, 1995. 2-3, с. 90; Лихачёв, 1950, с. 441; Кучкин, 1971,

с. 30; Рапов, 1977, с. 97). В этой связи интересно остроумное наблюдение А. В. Кузы, уточняющее событийную канву следующего отрывка из «Поучения» Мономаха. Он начинается загадочным оборотом: «на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею (ратею?)» и заканчивается пленением половецких князей Асиня и Сакзя. Поскольку по другим источникам хан Осень (Асень) умер в 1082 г., исследователь предложил отнести эти события к первому переяславскому княжению Мономаха, к 1076–1078 гг. (ПСРЛ, т. 1, с. 248, 249, 205; Куза, 1977, прим. 14).

Выстроившаяся таким образом хронологическая цепочка на фоне множества перемещений Мономаха выглядит убедительней: и после туровско-переяславского княжения внешняя опасность периодически заставляла отвлекаться для защиты семейных переяславских владений. Затем он ушел в Смоленск, откуда в том же году помогал отцу после поражения того на Сожице, а с 1078 г. надолго остался в Чернигове.

Этот год стал переломным: после гибели Изяслава Ярославича на черниговской Нежатиной Ниве в 1078 г. Всеволод Ярославич принял киевский стол. Не исключено, что он оставил Переяславль восьмилетнему сыну Ростиславу. Он упоминался как младший брат Мономаха в описаниях похорон Ярополка Изяславича в 1086 г., при освящении церкви в Печерском монастыре в 1089 г. и на похоронах отца. После этого Ростислав вернулся в Переяславль, оттуда ушел и в последнюю битву (ПСРЛ, т. 1, с. 206, 208, 217, 219–221). Таким образом, он получил переяславский стол при жизни отца. Существенно и сообщение о его непосредственном участии в разгроме Мономахом половцев в чернигово-переяславском пограничье, обозначенном в «Поучении» среди событий 1087 г. «И пакы на той же сторонѣ у Красна половци побѣдихом, и потомь с Ростиславом же у Варина вежѣ взяхом» (ПСРЛ, т. 1, с. 249). Другими словами, в 1086 и 1087 годах Ростислав уже представлял близ чернигово-переяславской зоны демаркации интересы Переяславля: его молодость не могла препятствовать вокняжению: подобные случаи не были редкостью. Вспомним хотя бы начало правления трехлетнего Святослава при регентстве его матери княгини Ольги и военной опоре воеводы Свенельда. Как и в других примерах, аналогичные «правления» могли быть номинальными, закреплявшими земли за княжескими домами. А семнадцатилетние князья уже лично принимали участие в военных действиях, и всё же Мономах помогал повзрослевшему брату в защите Переяславщины.

В 1977 г. А. В. Куза опубликовал две вислые княжеские печати из жовнинского могильника, принадлежавшие протопроедру (советнику) Евстафию. Подобные печати с греческой благопожелательной надписью середины XI – самого начала XII в. порой отличало несоответствие имени владельца изображению святого. В данном примере св. архангел Михаил мог отражать крестильное имя сюзерена владельца печати (Янин, Гайдуков, 1998, с. 25, 26, 117). Это мог быть юный Ростислав (Михаил) Всеволодович, при котором Евстафий мог исполнять функции советника или регента.

А. В. Куза обратил внимание и на серию печатей новгородского протопроедра Евстафия, служившего Мстиславу Владимировичу, новгородскому князю в 1088–1094 и 1096–1117 гг. Его печати стилистически близки буллам киевского княжения Всеволода Ярославича. Ко времени вокняжения в Новгороде Мстиславу исполнилось только 12 лет, и рядом с ним оказался «кормилец» Евстафий, фактически возглавлявший новгородское управление.

Исследователь обратил внимание на общность судеб и одинаковые формы сопровождения восьмилетнего младшего сына Всеволода доверенным лицом князя, и его же старшего внука, которого в возрасте 12 лет также сопровождал опытный

советник. В Переяславле Евстафий мог занимать должность тысяцкого. Ко времени прибытия Мстислава в Новгород Ростиславу минуло 18 лет и он обрел политический и военный опыт. Отсюда логично следовала вероятность назначения «дядьки» в Новгород с присвоением ему греческого титула (Куза, 1977, с. 121–129).

С княжением Ростислава можно связать и летописную лакуну в биографии боярина Ратибора, ближайшего помощника Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. В 1079 г. он стал посадником в Тмутаракани, где в 1081 г. его пленили Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич. После изгнания в 1083 г. оттуда князей-изгоев Олегом Святославичем Ратибор вполне мог вернуться на переяславское посадничество при 13-летнем Ростиславе, что продолжило его тесные взаимоотношения с домом Всеволода (Янин, 1970, с. 63; Коринный, 1992, с. 62). Летописная лакуна закрылась его активной ролью в избиении посольства ханов Итларя и Китана в 1095 г. Участвовать в воспитании княжича мог и митрополит Ефрем. На его близость к правящему клану указывает невиданный размах начатого по его инициативе в 1089 г. переяславского церковного строительства, которое не могло обойтись без поддержки киевского князя: на Руси было немного греческих строительных артелей.

Семидесятые годы – это время начала активной деятельности Владимира Мономаха. Он «держал» Переяславль с Туровым, из Чернигова улаживал переяславльские дела во владениях малолетнего брата. Он замирялся у Переяславля с половцами, справился с волнениями «переяславских» торков, отгонял степняков от разоренного ими посульского г. Горошина и вновь отбивал почти ежегодные набеги степняков (ПСРЛ, т. 1, с. 204, 248, 249; Ивакин, 1901, с. 175; Орлов, 1946, с. 142, 145; Лихачёв, 1950, с. 441; Літопис, 1989, с. 459; Кучкин, 1971, с. 30). Таким образом, завеса загадочности княжения Ростислава понемногу рассеивается.

В 70-е годы Мономах открыл новую сторону взаимоотношений с кочевниками. Судя по строке из его «Поучения», относящейся к событиям зимы 1077 г., он первым привлек половцев к участию в походе на Одрьск (ПСРЛ, т. 1, с. 247; Ивакин, 1901, с. 159; Орлов, 1946, с. 140). В следующем году эту новацию подхватили внуки Ярослава Мудрого Борис Вячеславич и Олег Святославич в войне с черниговским князем Всеволодом Ярославовичем. С тех пор наем половцев для решения внутренних проблем стал обычным явлением. По подсчетам П. В. Голубовского, князья 34 раза приглашали степняков для участия в усобицах, из них, по М. Ю. Брайчевскому, Владимир Мономах до 19 раз приводил половцев на Русь (Голубовский, 1884 а, с. 169; Брайчевский, 1990, с. 12). Наемничество позволяло степнякам изучать земли и дороги работодателей и их недругов, постигать тактику и привычки будущего противника. Плата за помощь, выкупы за пленных и грабежи охваченных раздорами земель пополняли их материальные ресурсы. Это позволяло степной скотоводческой базе активно и безопасно развиваться за счет стекавшихся туда средств (Моргунов, 2010, с. 62, 74).

В 1078 г. обделенный наследными землями Олег Святославич бежал в Тмутаракань и также привел половцев на Русь. Битва произошла на летописной р. Сожице (совр. Оржица, приток Сулы), затем Олег выгнал Всеволода Ярославича из Чернигова. За него вступился киевский князь Изяслав Ярославич, но в битве на Нежатиной ниве был убит, а Олег вернулся в Тмутаракань. Летом 1079 г. к Воиню привел степняков его брат Роман, но Всеволод в Переяславле так ловко замирился с номадами, что на обратном пути кочевники убили мятежного князя (ПСРЛ, т. 1, с. 199–202, 204).

К этому времени половцы закончили освоение причерноморских степей. Подъем экономики, накопление военного и политического опыта совпали с консолидацией разрозненных половецких орд в мощные объединения (Плетнёва,

1990, с. 46). Таким образом, к перелому 70–80-х годов XI в. степняки были готовы к активному натиску на оседлые земли, но в 1078 г. они впервые вмешались в события на Балканском полуострове, где вместе с печенегами осаждали Адрианополь (Голубовский, 1884б, с. 8).

Более длительное затишье в отношениях Руси с половцами наступило после переяславского мира 1079 г.: множество степняков во главе с ханами Кутеском, Боняком и Тугорканом вплоть до 1092 г. воевали в Венгрии и Византии. Любопытно, что и там военные действия начались с приглашения/найма номадов местными государями. Половцы буквально спасли Византию от печенежской агрессии, но затем «защита» переросла в длительную (1091–1096 гг.) борьбу с ними империи на ее северных границах. Нападения номадов на Польшу также начались с приглашения половцев теребовльским князем Васильком Ростиславичем в 1092 г. (Васильевский, 1872, с. 279–286; Расовский, 1936, с. 180, 181; Шушарин, 1961, с. 151; Каждан, 1967, с. 313; Пашуто, 1968, с. 116: Арутюнова, 1972, с. 115–119).

Затишье во взаимоотношениях Руси с половцами коснулось только Правобережья Днепра. На левом берегу Владимиру Мономаху приходилось отражать отдельные набеги: так произошло летом 1084 г., когда степняки захватили Горошин. Вероятно, именно этим годом можно датировать окончание тридцатилетнего изучения степняками военного потенциала оседлых государств и участия в русских княжеских распрях. Действительно, в следующем году половецкий отряд обнаружился близ г. Прилука, в 1086 г. их отбивали у Белой Вежи, в 1087 г. – у Варина и Красна (ПСРЛ, т. 1, с. 248, 248; Ивакин, 1901, с. 178, 179; Орлов, 1946, с. 145). Возвращение Боняка и Тугоркана из балканских походов ознаменовалось всплеском их агрессивности на обоих берегах Днепра. В 1092 г. на переяславской территории были сожжены города Песочен, Переволока и Прилук (ПСРЛ, т. 1, с. 215).

После смерти Всеволода в 1093 г. Владимир Мономах отказался от киевского стола в пользу старшего родственника, туровского князя Святополка Изяславича. В летописной истории этого периода акценты были явно смещены в пользу Владимира. Как и его отец, князь не только осознавал значение летописания, но и сам написал «Поучение», введенное в текст ПВЛ под 1096 г. Кроме того, по его заказу в 1119 г. был написан новый редакторский вариант ПВЛ, а в его Переяславле этот текст стал основой местной летописи (Алешковский, 1971, с. 60, 61). Некоторая тенденциозность прослеживается и в дальнейшем описании событий. К занявшему киевский стол Святополку половцы направили послов на мир, но он якобы по неопытности заточил послов, что спровоцировало новую войну, разгром русских войск у г. Треполя, осаду и взятие степняками Торческа, смерть переяславского князя Ростислава. Только в следующем году был заключен мир, скрепленный женитьбой Святополка на дочери Тугоркана, и ханы увели степняков в Византию.

В этом же году Владимир Мономах был изгнан из Чернигова пришедшим из Тмутаракани с половцами князем-изгоем Олегом Святославичем (ПСРЛ, т. 1, с. 215–226; 249). В последующие годы переяславского княжения Владимир претерпел многие беды «от рати и от голода». Тем не менее в 1095 г. он разбил половецкий отряд за посульским г. Римовом, затем уничтожил пришедшее в Переяславль посольство ханов Итларя и Китана, а за р. Голтвой (левый приток Псла) вместе со Святополком захватил их вежи. По мнению С. А. Плетнёвой, убитые послы были всего лишь главами больших семей из знатных родов. В отсутствие Тугоркана они претендовали на самостоятельную внешнюю политику и заключение сепаратного мира с Русью. Если это так, действия Мономаха были не столь вероломны, как это нередко расценивается в литературе. Эти победы и активное участие в усмирении Олега Святославича

укрепили политическую роль Мономаха. Пиком половецкой агрессии стал 1096 г.: Боняк дважды приходил к Киеву, сжег княжеский двор на Берестове, «болоньє около града» и три монастыря. На левом берегу Днепра Куря сжег г. Устье, а Тугоркан с 30 мая по 19 июля даже осаждал Переяславль, но Святополк с Владимиром разгромили степняков и убили хана (ПСРЛ, т. 1, с. 226–231, 249; Плетнёва, 1990, с. 59).

С этими событиями было связано сложение просуществовавшего почти 20 лет своеобразного «дуумвирата» Святополка и Мономаха (Котляр, 1996, с. 66). По их инициативе осенью 1097 г. собрался любечский съезд князей «на устроенье мира», собравший внуков и правнуков Ярослава Мудрого. Его целью было прекращение усобиц и единение князей. Их владения впредь должны закрепляться на отчинной основе, восходящей к владениям их отцов по «завещанию» Ярослава Мудрого. Гарантом должно было служить объединение князей. Святополку остался Киев, за семьей Мономаха закрепились Переяславль, Смоленск, Новгород, Ростово-Суздальская земля и Владимир-Волынский, т.е. значительная часть государства (Кучкин, 2003, с. 75). Но переяславские владения потерпели и значительный территориальный ущерб. Из Черниговской земли выделился Новгород-Северский, где вокняжил Олег Святославич. После Любечского и Уветичского съездов и, несомненно, с 1113 г. Олегу отошел во временное держание Курск с Посеймьем (ПСРЛ, т. 1, с. 256, 273, 274; т. 2, с. 230, 249, 250; Зайцев, 1975, с. 93, 109, 110).

Произошедшее после Любечского съезда и навеянное клеветой ослепление теребовльского князя Василька Ростиславича могло вызвать новую междоусобную войну, но на этот раз князьям удалось замириться. С другой стороны, значимым следствием любечских решений стало ослабление степной опасности. Дорогобужский князь Давыд Игоревич получил г. Владимир-Волынский. Под его рукой ведущий половецкий хан Боняк вплоть до 1099 г. на юго-западе Руси и в Венгрии принимал участие в усобице Ростиславичей со Святополком Изяславичем (ПСРЛ, т. 1, с. 231–233, 250, 270).

Этот уход Боняка маркировал окончание небывалого всплеска половецкой активности. Как бы в продолжение откочевки Боняка в 1100 г. значительная часть правобережных номадов использовалась Византией в военных действиях против сельджуков. Определенную роль в укреплении обороноспособности Южной Руси, вероятно, сыграла и серия съездов, направленных на объединение князей перед лицом степной опасности. Для кочевников не могла оставаться тайной и подготовка Мономаха к массированному наступлению на них. И левобережные степняки в 1101 г. впервые запросили мира вне смены князей на киевском столе. После обсуждения князьями этой инициативы на р. Золотче близ г. Сакова был заключен мир, скрепленный обменом заложников. Значимым явлением в борьбе с половецкой угрозой стала встреча дуумвиров на Долобском озере в 1103 г., где Владимир убедил Святополка привлечь земледельцев-смердов к участию в степном походе на р. Сутень (ПСРЛ, т. 1, с. 275, 277–279). Благоприятное летописное сообщение об этом сделало Мономаха известным в качестве основного инициатора серии антиполовецких акций. В результате этого похода лукоморское объединение степняков было разгромлено (ПСРЛ, т. 1, с. 250, 277–279; Кудряшов, 1948, с. 91–94; Плетнёва, 1974, с. 21; 1990, с. 55, 56).

Возможно, этот рейд принес Переяславщине и другие положительные плоды: возвратившийся после 8-летнего отсутствия Боняк в 1105 и 1106 гг. нападал лишь на правобережные города Заруб и Заречск (ПСРЛ, т. 1, с. 281; т. 2, с. 257). И только в мае 1107 г. хан задел окрестности Переяславля, а в августе с Шаруканом расположился напротив посульского г. Лубена. Судя по подробностям, последнее

известие восходит к переяславскому источнику: внезапное нападение княжеских ратей во главе с Владимиром и Святополком застало степняков врасплох; их разгромили и гнали остатки до Хорола. Этим же летом произошел упомянутый в «Поучении» и отбитый Владимиром набег Боняка «со всѣми половци» на г. Кснятин, где были пленены «лѣпшии» ханы (ПСРЛ, т. 1, с. 250, 282; Ивакин, 1901, с. 258).

Не исключено, что следствием почти синхронных рейдов 1106 г. от правобережного г. Заречьска «до Дуная» и левобережных ударов 1107 г. стало ослабление донецкого объединения: хан Атрак откочевал в предкавказские степи верховий Кубани и Терека («во Обезы»), соседствовавшие с вассальной грузинскому царю Давиду IV Осетией. Его орда насчитывала 50 000 воинов: по мнению С. А. Плетнёвой, это была примерно половина всего донецкого контингента (2003, с. 156). Откочевку принято датировать промежутком между 1095 и 1106 годами: за нижнюю дату принимался захват веж Итларя и Китана, который порой трактуют как переход Мономаха к активному сопротивлению степным нашествиям. Расстояние между пограничной Сулой и Голтвой насчитывает не более 100 км: это слишком далеко от пределов половецких объединений, поэтому акция не могла нанести степному сообществу значительного ущерба и тем более – угрожать Атраку. Побудили Атрака к откочевке скорее княжеские рейды 1103 и 1106/1107 гг. По свидетельству анонимного историка грузинского царя, уже в 1006 г. на Кавказе было известно об уходе орды Атрака. Давид IV развелся с первой женой для заключения брака с дочерью Атрака, известной в Грузии под именем Гурандухт (Мургулия, Шушарин, 1998, с. 72, 87, 109, 191, 192).

В январе 1108 г. Владимир, черниговский князь Давыд Святославич и новгород-северский Олег Святославич, замирились с ханом левобережной части приднепровского объединения Аепой, скрепив мир матримониальными браками. Но опасность, исходящая от среднедонецкого объединения Шарукана, осталась: туда и был направлен рейд воеводы Дмитра Иворовича в 1009 г. К 1110 г. относится последняя попытка степняков восстановить практику синхронных нападений на русские приграничные районы. Но силы степняков явно ослабели: они подошли к Воиню и вернулись, а затем лишь пограбили села у Переяславля (ПСРЛ, т. 1, с. 250, 282, 283, 284, т. 2, с. 260). Это был конец первой фазы половецкой активности.

Тем не менее 26 февраля 1111 г. коалиция князей во главе с Владимиром и Святополком выступила в направлении остатков донецкого объединения. Любопытно, что летописное описание подготовки этого похода почти совпадает с преамбулой рейда 1103 г. (Котляр, 2012, с. 180). В дальнейшем часть населения половецкого г. Шаруканя дружелюбно встретила русских, которые затем сожгли города Осенев с Сугровым, бились со степняками на потоке Дегея и разгромили их на р. Сальнице. Местоположение половецких «городов» определяли К. В. Кудряшов, а также С. А. Плетнёва, опиравшаяся на итоги целенаправленного археологического изучения. По ее мнению, Шарукань и Сугров были владениями ханов Шарукана и Сугра, попавшего в русский плен в 1107 г. Среди обитателей Шаруканя были дружественно настроенные к русским ясы-аланы, бывшие подданные хазарского кагана, – они остались в степях после прихода туда печенегов, а затем – половцев. Предположительно, Шарукань мог находиться на месте современного г. Чугуева, а Сугров – Змиева. Впрочем, последние наблюдения так и остались рабочей гипотезой (ПСРЛ, т. 1, с. 289, т. 2, с. 265–268; Кудряшов, 1948, с. 112–121; Плетнёва, 1975, с. 270, 271). Почти через столетие после этого события в Ипатьевскую летопись была помещена выдержка из половецкого эпоса об итогах этого похода: Владимир Мономах якобы «пилъ золотымъ шеломомъ Донъ

(Северский Донец. – *Ю. М.*) и приемшю землю ихъ всю», он загнал «Отрока во Обезы за Желѣзная врата». В донецких степях остался лишь его брат Сырчан, вместо прибыльных набегов вынужденный промышлять рыболовством.

По смерти Святополка Изяславича в 1113 г. киевский стол занял Мономах, имевший на него меньше наследных прав, чем, к примеру, Давид, Олег и Ярослав Святославичи (Войтович, 2006, с. 374). Он оставил в Переяславле сына Святослава, но после его смерти в следующем году, столицу на Трубеже надолго сменил другой сын – Ярополк. Он продолжил отцовскую борьбу со Степью, воевал в Полоцкой земле и укреплял восточный рубеж Переяславщины. Но половецкий натиск явно завершился: одиночный приход Боняка и Аепы к Вырю может объясниться попыткой реализации традиционного степного обычая перезаключения мира в связи с появлением в Киеве нового великого князя. Недоразумение с целью их прихода объясняется ремаркой мономахова «Поучения» о цели степняков: «…хотя взати и» (Вырь или Ромен? – *Ю. М.*). Между тем более подробное известие об этом приходе в Ипатьевской летописи не содержит намеков на агрессивность половцев. Возможно, Мономах решил прекратить требовавшую щедрых даров традицию, прогнал степняков и вставил в личную летопись оправдательный оборот (ПСРЛ, т. 1, с. 250; т. 2, с. 276). Не ожидая отпора, кочевники бежали и в 1114, и в 1115 гг., а также воевали в дунайских владениях Византии (Мургулия, Шушарин, 1998, с. 70).

В 1116 г. Ярополк Владимирович и Всеволод Давыдович вновь ходили на донецких половцев и разорили «города» Сугров, Шарукань и Балин. По лаврентьевской версии, был разрушен и город Чешуев. Балин мог располагаться на месте городища у с. Гайдары, а Чешуев С. А. Плетнёва отождествляет с Шаруканем-Чугуевым. Трагичной была судьба и части приднепровских кочевников хана Аепы. В 1117 г. они отправились в поход на болгар. Местный властелин направил им в дар отравленное вино: «пивъ Аепа и прочии князи, вси помроша». В том же году Мономах женил сына Андрея на внучке главы приднепровского объединения Тугоркана, убитого в 1096 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 291, т. 2, с. 284, 285; Плетнёва, 1975, с. 270, 271).

Заключительной ступенью разрушения степного сообщества стал переход орды Атрака в 1118 г. на службу грузинского царя Давида IV. В 1120 г. Ярополк Владимирович уже не нашел половецких войск на Северском Донце. И только в связи со смертью Мономаха половцы, вероятно, с вернувшимся Атраком в 1125 г. попытались напасть на торческие города Баруч и Бронь Княж, чтобы пополниться переяславскими торками. Но Ярополк согнал «своих поганых» в их города, догнал половцев у г. Полкостеня и разгромил их (ПСРЛ, т. 1, с. 292, 295, 296; т. 2, с. 289, 290). И вплоть до конца переяславского княжения Ярополка нападения степняков письменными источниками не фиксировались.

Как показал сравнительный подсчет половецких нападений, весомый перевес их ударов приходился на Переяславскую землю (Голубовский, 1884б, с. 83; Клепатский, 2007, с. 434). Это хорошо отражает график активности половецких акций на протяжении 56 лет (1054–1110 гг.). **Рис. 65.** Из них первые 38 лет (вплоть до 1092 г.) для Левобережья не были губительными. Это было время расселения номадов в степях, изучения боеспособности оседлых соседей и консолидации орд. Не последнюю роль в формировании воинских качеств степняков играло и начатое Мономахом привлечение их в качестве наемной силы к внутренним усобицам. Сложившаяся обстановка подготовила яркий всплеск их агрессивности 1092–1093 годов, когда впервые были сожжены три переяславских города.

Первые признаки перелома в отношениях со Степью наметились в 1094–1095 гг., после «отгона» половцев от Римова и гибели посольства Итларя и

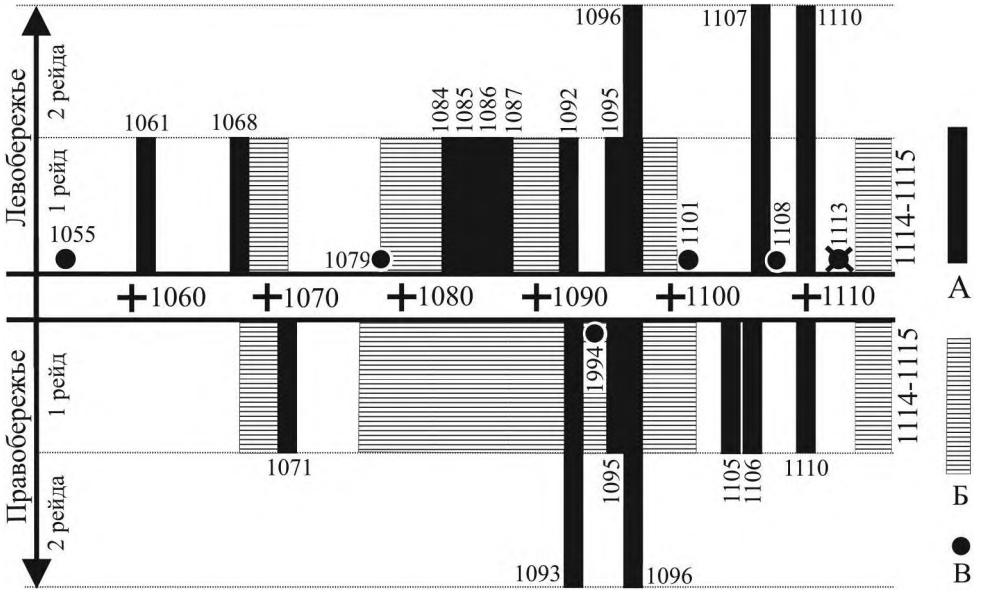

Рис. 65. График половецких акций второй половины XI – начала XII в.
А – одиночный набег; Б – отходы степняков от русских пределов; В – замирения

Китана с их вежами. Это могло подтолкнуть начало нового пика набегов, маркированного сожжением киевских монастырей и осадой Переяславля. Но одновременно он привел к гибели Тугоркана и создал почву для княжеских съездов, саковского мира и начала вереницы из пяти губительных для половцев общерусских походов. Синхронные половецкие нападения 1110 года были последней попыткой кочевников показать былую мощь. За ней последовали русские походы 1111 и 1116 гг., смерть Аепы и других приднепровских ханов в Волжской Болгарии, уход орды Атрака в Предкавказье и Грузию. И все же коренной перелом во взаимоотношениях с половцами можно отсчитывать от 1110 г.: появление степняков у Выря и Баруча с Бронь Княжим, похоже, имели иные цели, а приход Селука и Таша к Вырю в 1127 г. – к традиционному найму степняков Всеволодом Ольговичем. За этим исключением их самостоятельные набеги прекратились до 1153 г., то есть на 43 года.

Как упоминалось выше, одной из причин разгромов Половецкой земли стала и территориальная локализация пределов их кочевания. На таборной стадии половецкий мир был недоступен для княжеских войск: орды находились в постоянном движении. К рубежу XI–XII вв. стабилизация степной жизни привела к закреплению объединений на своих территориях, что позволило князьям направлять удары на заранее заданные объекты. Связанные пределами своих перекочевок, степняки утратили возможность к отступлению (Плетнёва, 1975, с. 267, 269; 1990, с. 53).

Существенную роль сыграло и объединение князей для организации степных рейдов. В литературе закрепилось мнение об удачном выборе времени русских ударов в весеннюю бескормицу и сезоны отелов скота: кочевники не могли далеко отогнать ослабевшие стада (Григорьев, 1875, с. 22). В летописных сведениях указания на сезонность проведения военных действий крайне редки. Так, княжеские походы приходились на зиму дважды (в 1060 и 1109 гг.), и трижды (в 1103, 1110 и 1111 гг.) рейды были приурочены к весенним сезонам. Столь же

неустойчиво сезонное распределение половецкой активности. Для замирений и в качестве наемников зимой они появлялись в 1054 и 1095 гг., летом и осенью – в 1079, 1094 и 1113 гг. Зимние набеги происходили в 1054 и 1061 гг., в мае они нападали в 1096, 1096 и дважды в 1107 гг.

Завершая рассмотрение этого этапа борьбы с половцами, следует отметить, что издавна «замирения» и матримониальные браки с главами оседлых государств считались кочевниками своеобразными формами подтверждения даннических отношений их соседями. Нарушение этих обычаев оседлыми государствами могло привести к сбою хрупкого равновесия и сериям новых вторжений (Григорьев, 1875, с. 17, 18). Князья научились использовать традиционные представления степняков. Так, многочисленные миры Владимира Мономаха с главами отдельных орд, как и походы, разрушали половецкое единство (Плетнёва, 1990, с. 63, 64).

Судя по незначительному количеству более подробных сведений, половцы все жё соблюдали условия мирных соглашений. Возможно, приход зимой 1054/1055 гг. к Переяславлю хана Болуша был началом традиции обновлять подтвержденный дарами мир при смене киевской власти. Отличие заключается лишь в том, что тогда хан явился не к киевскому князю, а к держателю переяславского стола, по старшинству третьему из Ярославичей. Возможно, это указывает на левобережную локализацию кочевания орды Болуша: он замирился со Всеволодом, но не договорился с ним о проходе в Киев. После замирений 1055 и 1062 гг. Русь одинаково испытывала по 6 спокойных лет (1055–1061 и 1062–1068). Для сравнения, это вдвое больше, чем дал мир с печенегами на переяславском броду, обозначенный под 992 г. На год меньше шестилетия прошло и между миром с правобережными печенегами, заключенным Бруно Кверфуртским от имени Руси в 1008 г., и участием степняков в войне на стороне Болеслава Храброго в 1013 г.

Исключением можно было бы счесть следствие мира 1094 г. киевского князя Святополка Изяславича с Тугорканом: хан совершил набег уже в 1096 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 226, 231). Но в сложившейся ситуации можно найти обстоятельства, «оправдывающие» степного воителя. Вспышку агрессивности степняков в 1096 г. в литературе часто связывали с реакцией на убийство пришедших на мир Итларя и Китана. А осада Тугорканом Переяславля была обращена не против Святополка, его зятя и партнера по замирению, а в направлении Трубежа. Тугоркан, Итларь и Китан происходили из приднепровского объединения половцев: возможно, они состояли с Тугорканом в какой-то степени родства. Это позволяет не исключать оценки этого набега как мести, обращенной лично к Мономаху. Вышеприведенному мог бы противоречить и краткий промежуток между миром 1108 г. с ханом Аепой и его приходом с Боняком сразу после киевского вокняжения Мономаха в 1113 г. к Вырю. Но, как показано выше, они могли оказаться там для заключения традиционного мира при появлении в Киеве нового князя.

Статистика количественно почти паритетного обмена ударами между Русью и Степью порой приводит исследователей к выводу о том, что взаимоотношения половцев и Руси не носили «характера глубокой конфронтации» (Марков, 2016, с. 58–63). При этом забывается то, что первые 40 лет Русь лишь отбивала нападения пришельцев, а первый княжеский рейд на Сутень состоялся только через 48 лет после появления степняков у Воиня. Конечно, феодальная реальность не отменяла грабительской направленности ответных княжеских действий, но они изначально защищали оседлые земли от разграбления и увода цветущей части населения в крымские невольничьи рынки. Поэтому заявление о «неглубокой» конфронтации выглядит очень смелым.

Как было показано выше, в защите рубежей существенную роль играло пополнение населения свежими силами из далеких регионов, защищенных от половецких трасс густыми лесами. Нечто подобное происходило по всему южнорусскому пограничью: на рубежах со степью постепенно формировалось население неизвестного севернее образа жизни и культурного облика. Слабейшие обитатели крепостей уходили с имуществом в тайные укрытия, а боеспособные мужчины несли сторожевую службу и были легки на подъем в случае приближения противника. Вероятно, похожие поселенческие особенности позже налагали свою печать на обитателей засечных линий и казачество Запорожья и Кубани.

Резюмируя вышесказанное, можно наметить следующие формы взаимоотношений Руси с кочевниками.

Наиболее ранней моделью стал наем степняков для участия во внутренних междоусобных столкновениях. В отличие от Руси, номады располагали лучшей легковооруженной конницей с виртуозным владением всадниками луками. Ниже будет показано, что позже обладатели окраинных земель стали осуществлять расселение выходцев из степей на пограничные земли и наделение их правом строительства укреплений для защиты семей и имущества. Но и найма, как и приглашения к участию во внутренних столкновениях войск союзных князей или родственников, это не отменяло.

Князья применяли и грабежи орд, возможно, не входивших в крупные ассоциации или нарушавших условия замирения князей со значительными объединениями, как это произошло с ханами Итларем и Китаном. В целом же это адекватная для того времени форма обращения с противником. Впрочем, не исключено, что князья начинали использовать подобные меры по аналогии с более древней тактикой степняков по отношению к оседлым соседям.

С легкой руки В. Г. Ляскоронского в современной литературе порой подобные нападения недостаточно обоснованно оправдывают нуждами охраны торговых путей (Поляков, 2001, с. 142–144). Северские дружины, действительно, следовали в степи хорошо известными трассами. Удобных дорог с твердыми переходами через реки было относительно немного, поэтому ими также пользовались купцы и кочевники. Но в более подробно описанных источниками примерах удары северских князей приходились по крайне незначительным скоплениям степняков. Говоря же об общекняжеских рейдах, нельзя забывать о радостном перечислении объема добычи в кочевьях после каждого удачного похода. На этом фоне охранные «стояния» русских войск близ пограничных крепостей для защиты торговых путей около днепровских порогов были исключительным явлением. Они не выглядят эффективными в силу большой протяженности этих дорог и быстроты половецких наездов[1]. Это скорее были демонстрации готовности нанести ответный удар.

Наибольший урон половцам наносили разгромы кочевий, которые обрели реальность по закреплении за половецкими сообществами территориальных рамок. Последние не позволяли степнякам уходить со стадами за пределы досягаемости княжеских войск, неизменно сопровождавшихся пешими воинами. Однажды это даже привело к продолжительной откочевке активной части донецкого объединения на Кавказ.

[1] Гречнику и Залознику половцы угрожали в районе днепровских порогов, где купцы были вынуждены периодически вытаскивать ладьи на берег. Пороги же размещались между современными городами Днепр (бывш. Днепропетровск) и Запорожье. Расстояние по реке оттуда, к примеру, до Канева, насчитывает от 300 до 380 км, что не оставляло князьям малейшей возможности догонять грабителей и отнимать у них награбленное.

Не последней формой взаимоотношений были брачные связи, христианизация верхушек кочевников и скрепленное давними связями сотрудничество. Это прямая аналогия обычных для княжеских кругов временных или постоянных связей, порой зависевших от преходящих интересов. Подобными были и взаимоотношения владимиро-суздальских князей с «дикими» половцами, а также Игоря Святославича с ханом Кончаком.

Русские укрепления центра Переяславской земли

В связи с возникновением русско-половецкого противостояния письменные источники фиксируют появление во второй половине XI в. множества новых южнорусских городов (Тихомиров, 1956, с. 33, 34). Летописные упоминания о них содержатся среди сообщений о половецких нападениях или ответных акциях, поэтому нельзя исключать вероятность возникновения некоторых «новых» городов в предшествующее время. Тем не менее их массовость на фоне недостаточной изученности археологических объектов все же позволяет с некоторой долей условности датировать появление этих населенных пунктов именно этим временем. Тем не менее эту условность могут кардинально изменить лишь результаты стационарных полевых исследований, более достоверно уточняющих время закладки и существования укрепленных поселений.

И всё же немногочисленные аналогии эпохи Владимира Святославича позволяют предположить, что первоначальное строительство крепостей инициировал именно внешний натиск. В свою очередь, подобные защитные мероприятия не наблюдаются в более безопасных северных регионах (Макаров, 2005, с. 6). А на юге Руси в конце XI в. фиксируется начало сложения Поросского и Днепровского рубежей, закрывших подходы к столице (Довженок, 1968, с. 37–41). На сходную, а, может быть, и большую интенсивность подобного процесса письменные источники указывают и применительно к Нижнему Посулью. Это показывает, что приграничное строительство было наиболее ранней защитной мерой борьбы с возникшей опасностью.

Для уточнения этих наблюдений рассмотрим особенности размещения укрепленных поселений на изучаемой территории, а также индивидуальную специфику летописных городов и безымянных укреплений территориального ядра Переяславской земли.

Неоднократно местом сбора русских дружин и желанным объектом степных притязаний являлся Переяславль. Обширными послевоенными раскопками и современными исследованиями переяславских археологов были получены материалы, позволившие обнаружить и исследовать многие гражданские и оборонительные объекты лучше изученного детинца площадью 12 га. К концу XI в. там сложился мощный поселенческий комплекс и был частично застроен еще не укрепленный в то время посад (окольный город). По М. Н. Тихомирову, особенностью города являлась обособленность общественно-политического комплекса от массовой застройки детинца.

Действительно, пространственной доминантой детинца служила трасса, следовавшая через город от трубежского брода в направлении Киева: она соединяла два городских въезда. Уничтоженные поздней застройкой Княжеские ворота размещались на северном краю детинца близ упомянутого под 1098 г. княжеского двора (ПСРЛ, т. 2, с. 248). На противоположном южном краю располагались каменные Епископские ворота (Тихомиров, 1956, с. 311; Коринный, 1992, с. 146).

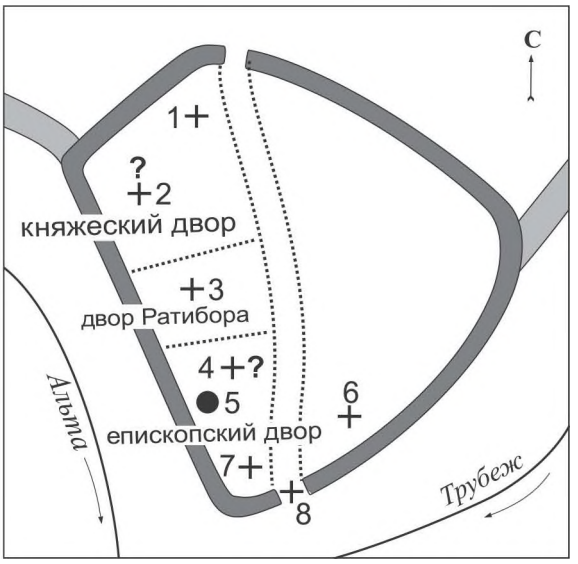

Рис. 66. Детинец Переяславля к рубежу XI–XII вв.
1 – Успенская церковь;
2 – церковь Богородицы на княжеском дворе;
3 – церковь на дворе Ратибора;
4 – Воздвиженская церковь;
5 – банное строение;
6 – церковь Андрея Первозванного у ворот;
7 – Михайловский собор;
8 – надвратная церковь св. Феодора

Существенно, что к западу от улицы-доминанты размещался весь административно-хозяйственный городской комплекс, включавший резиденции или дворцы-замки представителей княжеской и церковной властей. **Рис. 66**.

Северный сектор этой части детинца был занят княжеским двором площадью 2,5 га (Колибенко, 2006, с. 9). Южнее следовал двор посадника Ратибора, а южную часть занимало епископское средоточие. Около 1089 г. переяславский митрополит Ефрем там «градъ бѣ заложилъ каменъ от церкве святаго мученика Феодора» (ПСРЛ, т. 1, с. 209; т. 2, с. 200). Это были вскрытые раскопками два последовательных отрезка массивной каменной стены толщиной 1,2 м. Строительные приемы создания этой стены соответствуют технике, современной деятельности Ефрема. Эту стену одни исследователи принимают за часть укреплений детинца, другие, что, видимо, точнее, – за ограждение епископского двора (Асеев и др., 1967, с. 199–214; Раппопорт, 1982, с. 33; Юра, Кучера, 1986, с. 283–286; Колибенко, 2006, с. 3; Лизогуб, 2011, с. 288–291).

С деятельностью Ефрема летописные источники связывали и строительство епископских ворот. Въезд создан по известному со времен Витрувия диагональному принципу: нападавшие могли подступить к нему, лишь открыв незащищенное щитом правое плечо. Основой сужавшегося к выходу проезда шириной от 5,7 до 4,5 м служили две массивные, сохранившиеся на высоту до 2 м стены из камня и плинфы. Их исследованная протяженность насчитывала 9 и 14 м. Проход был замощен плотно подогнанным и подтесанным сверху камнем (Раппопорт, 1982, с. 33; Коринный, 1992, с. 214; Колибенко, 2007 а, с. 28; Лизогуб, 2011, с. 290).

Поблизости Р. А. Юрой были исследованы остатки прямоугольного двухкамерного каменного строения конца XI в. размерами 18 × 11 м. Оно было снабжено двумя входами с мраморными колоннами. Внешние стены толщиной 1,5 м были усилены контрфорсами и ступенчатым фундаментом, что предполагает многоэтажность сооружения. Под несколько углубленным полом, замощенным шиферными плитами с мозаичной инкрустацией, найдены обломки керамических труб, возможно, от водопровода известного по источникам «банного строения». Внутри стены отделывали мозаикой и разноцветными мраморными плитами; крышу покрывала черепица и свинцовые листы. **Прим. 1**.

На епископском дворе исследовались и остатки круглой в плане, сложенной из камня и плинфы стеклоделательной мастерской конца XI в. со стенами толщиной до 1 м. Местами они потрескались от высокой температуры и залиты изнутри застывшей массой разноцветной смальты. В руинах встречено множество обломков оконного стекла, круглых разноцветных заготовок смальты и затвердевшие кусочки вишневой краски. Постройку сопровождали ямы с углем и поташем. Общая площадь епископского двора насчитывала около 1,85 га (Сікорський, 1976; Богусевич, 1961, с. 211; Колибенко, 2001, с. 33, 34). Кроме того, на детинце исследовались остатки как наземных жилищ, так и снабженных углубленными подклетами.

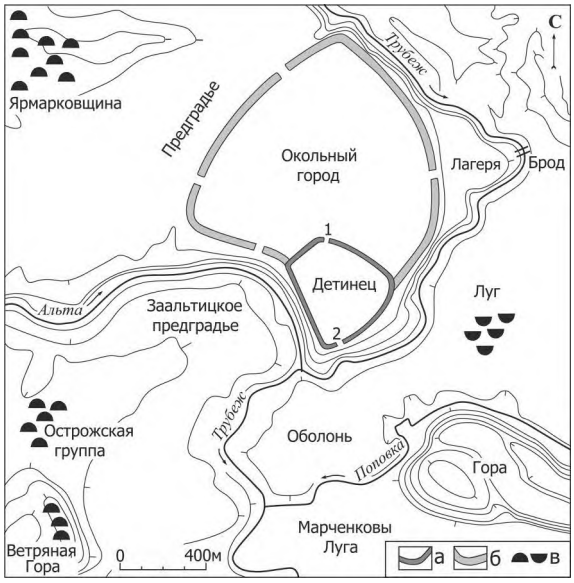

Рис. 67. Переяславль в XII в. (по А. В. Колыбенко и А. В. Комару). 1 – Княжеские ворота; 2 – Епископские ворота. Условные обозначения: а – укрепления конца X в.; б – укрепления XII в.; в – курганные и грунтовые могильники

Особой загадкой детинца являются городские стены, представленные исключительно остатками укреплений конца X в. с лицевыми сырцовыми кладками. Но без перестроек древо-земляные стены не могли существовать на протяжении 2,5 столетий. Очевидно, верхушки валов с укреплениями XI–XII вв. были уничтожены, к примеру, в процессе проведенной в 1585 г. реконструкции оборонительной системы. При этом планировочная структура детинца сохранилась: увеличилась лишь мощность валов, на их гребнях построили деревянный палисад (Колибенко, Павленко, 2007, с. 42). В XIX в. валы начали срывать для выварки селитры. Тем не менее новейшие исследования указали на существование древнерусских реконструкций, оставивших ряд прослоек с керамикой XI–XII и конца X – середины XIII в. **Прим. 2**.

Планомерные исследования переяславского посада и предградий позволили изучить динамику развития градостроительной структуры и демографии города. По подсчетам А. В. Колыбенко, к началу XII в. площадь Переяславля достигла максимальных пределов: она насчитывала 123–125 га (детинец 12 га, неукрепленный посад 66 га, предградья 45 га). При демографическом анализе исследователь логично сделал для предградий и могильников небольшую «скидку» из-за менее плотной заселенности городской периферии и на фоне аналогичных изысканий впервые ввел в расчеты хронологический фактор. И в результате оказалось, что количество населения Переяславля в этот период могло достигать 12,5 тыс. человек. Несмотря на то, что автор опирался на проделанные П. П. Толочко несколько устаревшие расчеты плотности заселения Киева, этот пример можно отнести к эталонным (Колибенко, 2002, с. 173, 174; Толочко, 1983, с. 181, 182). **Рис. 67**. **Прим. 3.**

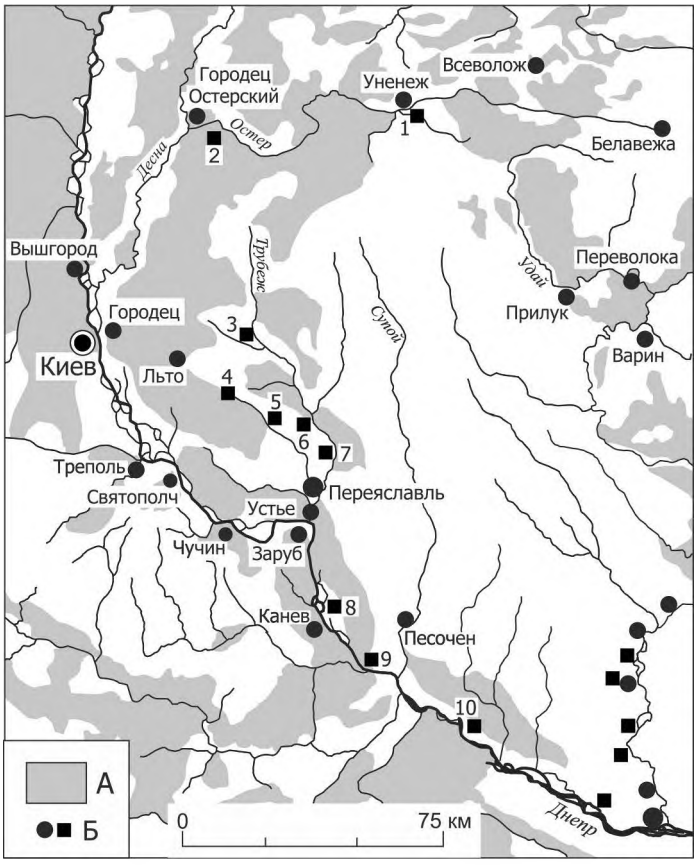

Рис. 68. Укрепления запада Переяславской земли второй половины XI в.
А – древние леса; Б – летописные города и безымянные городища.
1 – Нежин; 2 – Кошаны; 3 – Русанов; 4 – Любарцы; 5 – Веселиновка;
6 – Пристромы; 7 – Гайшин; 8 – Лепляво; 9 – Бубнов; 10 – Железки

В основной части Переяславской земли подавляющее большинство городищ археологически изучены недостаточно: чаще исследователи ограничивались скудным сбором подъемного материала, а при его датировке совокупно оценивали керамику селищ и городищ. Шурфовали их крайне редко, поэтому привлекавшие своей древностью материалы открытых поселений рубежа X–XI вв. удревняли представления о хронологии возникновения крепостных сооружений (Кучера, 1978).

Для начала остановимся на рассмотрении летописных памятников, уже существовавших в конце XI в. **Рис. 68**.

Летописные источники под 1096 и 1136 гг. территориально связывали город Устье с Переяславлем, поэтому изначально историки размещали его при впадении Трубежа в Днепр (ПСРЛ, т. 1, с. 231, 303). В 1960-х годах на правом берегу Трубежа близ его устья на дюнах в уроч. Городище были обнаружены остатки значительного (10 га) древнерусского поселения, напластования которого были перекрыты намывным песком и частично обрушились в реку. По мнению исследователей, этот утративший следы укреплений значительный центр включал не-

сколько связанных с ним поселений, оставивших немного обломков посуды XI в. и множество венчиков XII – середины XIII в. Часть округи, расположенная к юго-западу от с. Козинцы, содержала и вещи, характерные для городского быта: бронзовые застежки для книг и половинку креста-энколпиона. Вероятно, Устье служило днепровской пристанью Переяславля и форпостом зарубского брода (Сікорський, Савчук, 1971, с. 72; Кучера, 1968, с. 244–248).

Множественность ойконимов, связанных с «грунтовой» оценкой расположения летописного г. Песочена, издавна вызывала разночтения в его размещении. Этому способствовали и неоднозначные упоминания его в источниках. Так, статья под 1092 г. как будто указывала на соседство некоего Песочна с Переволокой и Прилуком, а свидетельство 1172 г. указывало на его близость к Переяславлю (ПСРЛ, т. 1, с. 215; т. 2, с. 206, 555). Отождествление населенного пункта с почти не заселенным укреплением, расположенным к юго-востоку от устья Трубежа, вряд ли можно отнести к удачным (Кучера, 1970, с. 217–225; 1978, с. 29). Более логична его локализация на месте городища низовий р. Супой: там была найдена и вислая печать переяславского князя Ярополка Владимировича. На древность предшествовавшего городу поселения указывают находки двух анонимных византийских фоллисов X в., сребреника и обломка сребреника Владимира Святославича (Прядко, 2015 а, с. 124–128). **Прим. 4**.

В летописных источниках под 1098 г. упомянута закладка Владимиром Мономахом Остёрского Городца (ПСРЛ, т. 2, с. 248). Культурный слой его округлого детинца (0,75 га) мощностью 1,8 — 2,0 м сильно поврежден позднесредневековыми перекопами. Два укрепленных посада имеют размеры 4,2 и 25 га. Современные очертания памятника позволяют предположить, что в позднем Средневековье останец был подрезан в соответствии с фортификационными канонами того времени (Описание, 1886, с. 592; Богусевич, 1962, с. 39, 40; Казаков и др., 1989, с. 89).

В этот период, несомненно, уже существовало летописное Льто с мужским монастырем «Льтец». В 1117 г. поблизости Владимир Мономах заложил Борисоглебскую церковь в своей загородной резиденции, где в 1125 г. и умер (ПСРЛ, т. 1, с. 291, 294, 295; т. 2, с. 285; т. 9, с. 150). Трудно представить, что в условиях степной опасности загородный двор великого князя с патрональным храмом мог размещаться в чистом поле или на территории монастыря: источники об этом сообщили бы. Подобно переяславской аналогии, логично видеть размещение двора на городском детинце.

Из безымянных укреплений самое северное к этому времени могло появиться в г. Нежине на левом берегу Остра, где еще при Владимире Святославиче появился сгусток поселений в обрамлении находок сребреников. Городище в урочище Замок имело округлые очертания и располагалось напротив черниговского г. Уненеж. Военно-оборонительная и контролирующая роль северного участка переяславского рубежа должна была неизмеримо возрасти с разделом сопредельных земель на исходе княжения Ярослава Мудрого (Морозов, 2005, с. 30–33; Кедун, Черненко, 2014, с. 260, 261).

К этому периоду в источниках относятся упоминания о трех летописных городах поречья р. Удай – это Прилук, Варин и Переволока. За исключением Прилука, их локализации обоснованы недостаточно надежно. **Прим. 5**. И наконец, ряд ойконимов переяславской округи (Уветичи, Золотча, Долобск, Обров и Вороница) с археологическими объектами пока убедительно не отождествляются. **Прим. 6**.

Таким образом, включив существовавшие ранее Кошаны и, наоборот, убрав более позднее Городище (г. Песочен М. П. Кучеры), мы располагаем сведениями о 10 укрепленных поселениях западной части Переяславской земли. Датировки

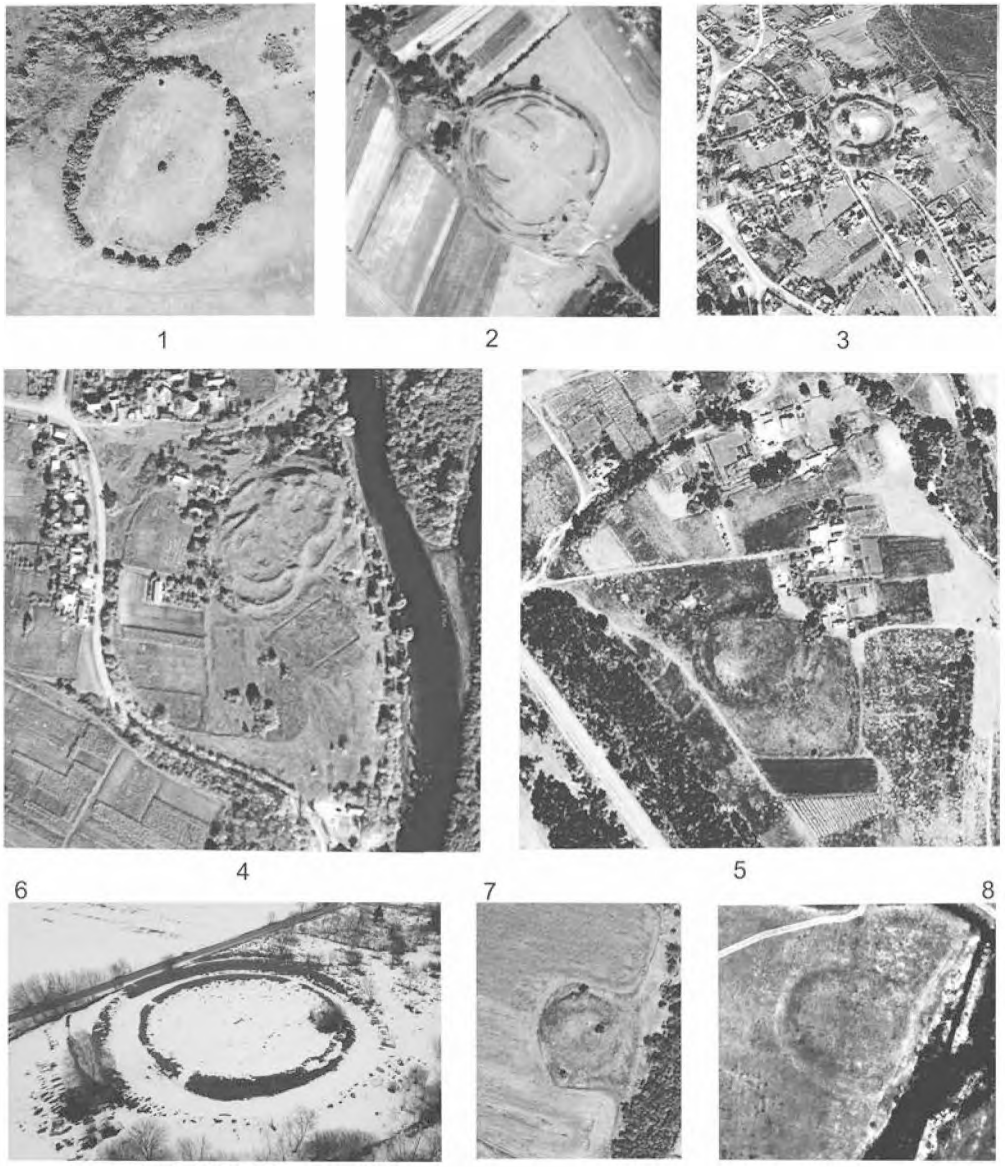

Рис. 69. Спутниковые (№№ 1, 2, 4, 7, 8) и аэрофотоснимки (1978 г.) древнерусских городищ.
1 – летописный г. Глебль (с. Шевченково);
2 – летописный г. Зарытый (с. Николаевка);
3 – городище Светильня в окружении следов посадских укреплений;
4 – летописный г. Горошин (с. Тарасовка) в окружении укрепленного посада;
5 – летописный г. Песочен (с. Песчаное) со следами посадских укреплений;
6 – городище Виненцы (снимок с квадрокоптера, сделанный сотрудниками НІЕЗ «Переяслав» (http://www.niez.com.ua/news/1214-аеророзвідка);
7 – городище Каленики;
8 – спутниковый снимок уничтоженного распашкой городища Грицевка

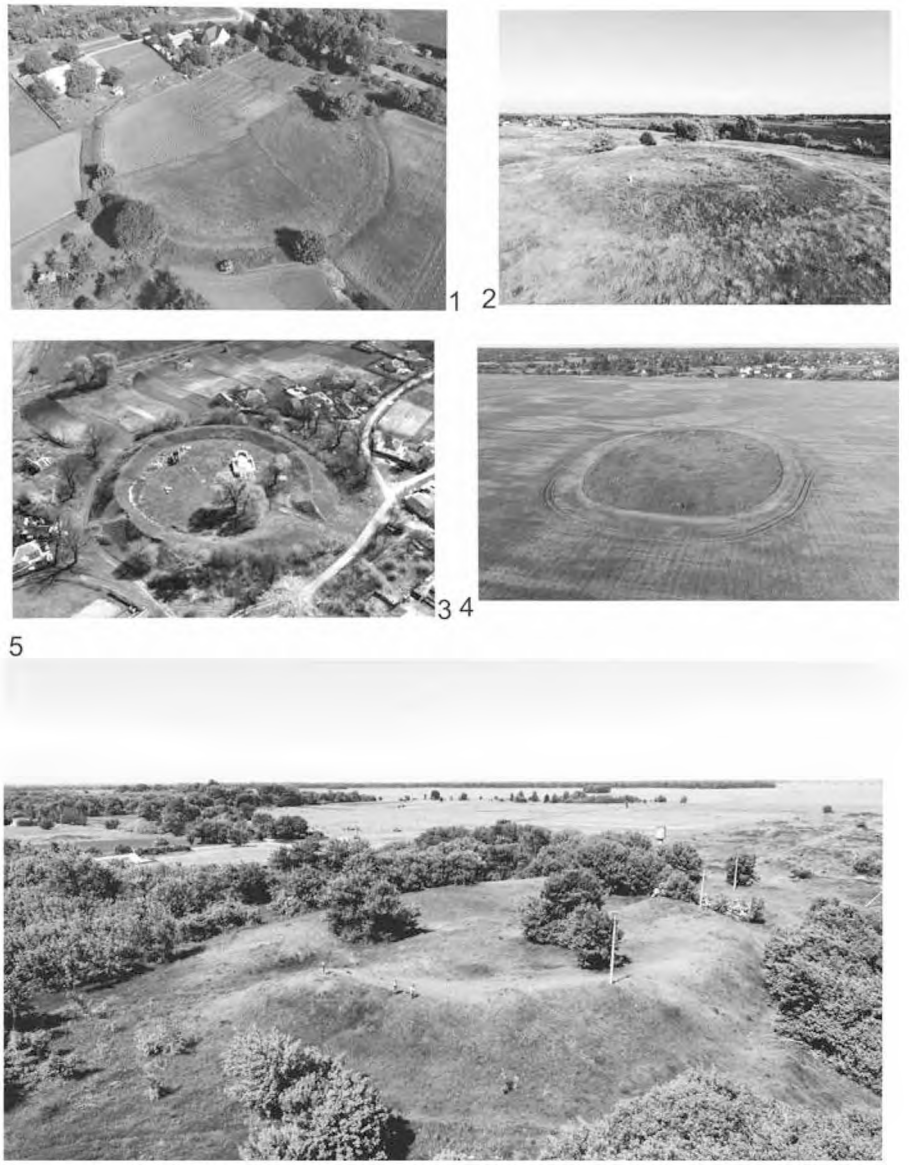

Рис. 69 а. Современный вид городищ.
Съемки Ф. С. Гавриленко при помощи квадрокоптера.
1 – Веселиновка; 2 – Русанов; 3 – Светильня; 4 – Иванков; 5 – Пристромы

их второй половиной XI в. основаны на летописных сведениях; в подавляющем большинстве это подтверждено и археологическими изысканиями.

К рубежу XI–XII и началу XII в. в литературе относят еще восемь хуже изученных безымянных укреплений этого региона. **Рис. 69. Прим. 7**.

На открытой местности располагались только Переяславль, Песочен и левобережное нежинское городище. Поселения Переяславской волости тяготели к лесам

или располагались на их опушках. Близкими были естественно-географические условия южной приднепровской полосы. Леса позволяли заниматься охотой и бортничеством, служили источником топлива и материала для строительства. Леса и бревенчатые стены укреплений служили защитой при набегах степняков: часть окрестного населения имела возможность укрыться в лесах, а боеспособная – оказать минимальное сопротивление или хотя бы сигнализировать об опасности.

Укрепленные поселения этого региона в большинстве невелики; не отличаются мощностью и руины их оборонительных сооружений. Последнее можно связать с давней распашкой плодородных земель, но не исключено, что это особенность оборонительного строительства на слабо расчлененной Приднепровской низменности. Высокое залегание подпочвенных вод не позволяло рыть глубокие рвы – источник грунта для засыпки стеновых городней. Размерам подавляющего большинства укреплений соответствует небольшая мощность и низкая насыщенность культурных напластований. Видеть в их создании руку княжеской власти, на мой взгляд, можно лишь частично. Теоретически некоторая доля подобных укреплений могла служить форпостами, загородными усадьбами правящей прослойки или пунктами сбора отчуждаемого продукта.

Находки монет и кладов на открытых поселениях указывают на приспособление населения к проживанию в условиях периодической опасности. Поэтому суждение о части небольших укреплений как о сельских убежищах не выглядит слишком смелым. Владевшие топором крестьяне вполне могли самостоятельно возвести конструктивно несложное убежище. Для этого было достаточно наличие среди них двух-трех умельцев, которые ранее видели подобные сооружения широко распространенного стандарта.

В целом лесные массивы служили прибежищем для двенадцати укрепленных поселений этого региона. В свою очередь, зона расположения трех поудайских летописных городов по уровню залесенности и географической близости скорее тяготела к лесостепному Среднему Посулью. С трех сторон обрамленная лесами третья зона представляла собой ненаселенное степное пространство с заболоченными поймами рек Недры, Супоя, Оржицы и Перевода. Подробнее речь об этой загадочной части пойдет ниже.

Выше была показана вероятность существования путевой трассы от Нижней Сулы в направлении Киева: на этой гипотетической дороге крепостные сооружения могли дать отдых путнику или войскам. На материалах этого времени данный путь распознается несколько более отчетливо.

Так, из известных городищ ближайшим к Суле является Крапивна. До нее от римовского брода 35 км пути, что близко к дневному войсковому переходу, от Желни – 48 км, от Воиня – 58 км. Два последних отрезка больше стандартного перехода, но путь мог сократить ойконим «Загородище», указывающий на вероятность существования поблизости древнерусского укрепления. От Воиня до него 40 км, от Желни – 30: эти расстояния реально преодолимы за день пути. А от Загородища до Крапивны всего 18 км, а еще через 10 размещается синхронное городище в г. Золотоноше. Таким образом, и суммарный переход Загородище – Золотоноша близок к протяженности дневного пути. **Рис. 70**.

Через 26 км следующей остановкой могло быть городище Каленики на супойском броду; эту дорогу могли продолжать путевые отрезки Каленики – Виненцы (24 км) и Виненцы – Переяславль (14 км). Также не исключен чуть более протяженный путь от Золотоноши через летописный Песочен (18 км), где в XVIII в. близ городища существовал «городиский брод», к Виненцам, это еще 33 км (Моргунов,

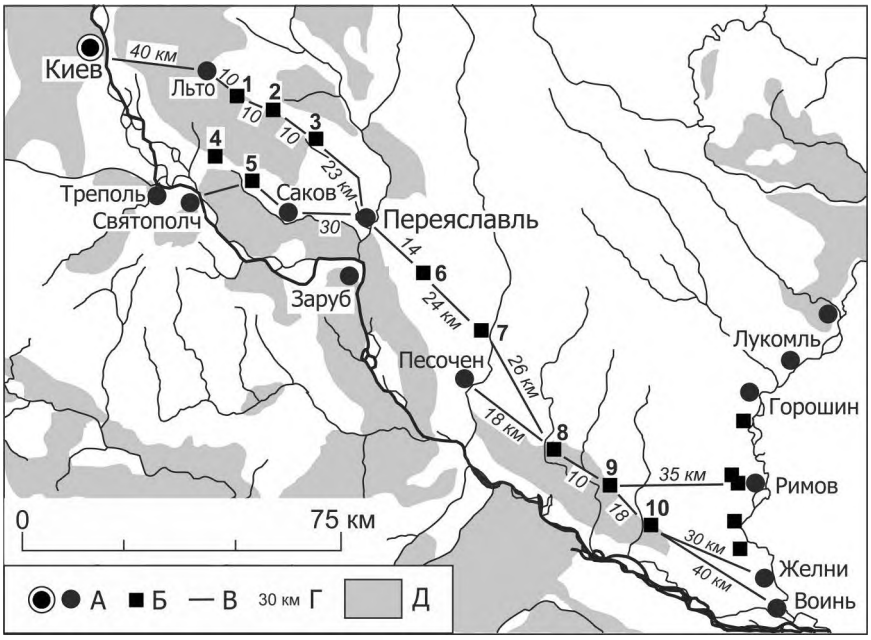

Рис. 70. Гипотетическая реконструкция пути на Киев.
А – летописные города; Б – городища; В – направления;
Г – расстояние между укреплениями; Д – древние леса.
1 – Иванков; 2 – Любарцы; 3 – Веселиновка; 4 – Процев; 5 – Головуров;
6 – Виненцы; 7 – Каленики; 8 – Золотоноша; 9 – Крапивна; 10 – Загородище

2000, с. 32). Аналогичен и дальнейший путь вдоль течения р. Альты мимо городищ Веселиновка (23 км), Любарцы (10 км), Иванков (10 км) к Льто – Борисполю (10 км).

Отрезок Льто – Киев – это обратное направление пути викинга Эймунда, в 1015 г. он в течение светового дня конного пути добирался до Льто. Переправа через Днепр могла осуществляться упоминавшимся выше выдубечским бродом. Таким образом, с учетом изгибов расстояние от Льто–Борисполя до детинца Киева составляет около 40 км.

На киевский берег Днепра можно было попасть и более коротким путем. В июле 1096 г. для снятия половецкой осады Переяславля Святополк и Мономах форсировали Днепр у Заруба, расположенного от него в 10 км (ПСРЛ, т. 1, с. 231). Несколько большую протяженность от Переяславля мог иметь путь в направлении Сакова (30 км), а затем от Головурова (9 км) дорога вела к витичевскому броду (10 км). Завершение этого пути затруднял лесной массив, поэтому от Головурова удобнее было степной дорогой добраться до городища в Процеве (16 км), откуда до брода у летописного Треполя осталось 13 км. Судя по карте Боплана, около середины XVII в. на правый берег Днепра можно было переправиться напротив ржищевского городища Иван Гора – к ней также пролегала дорога от Переяславля.

Во многом близкая картина прослеживается в Посулье, но эта часть Переяславской земли имеет специфику, связанную с его порубежным расположением и высоким расчлененным рельефом. На его почти 300-километровом протяжении вы-

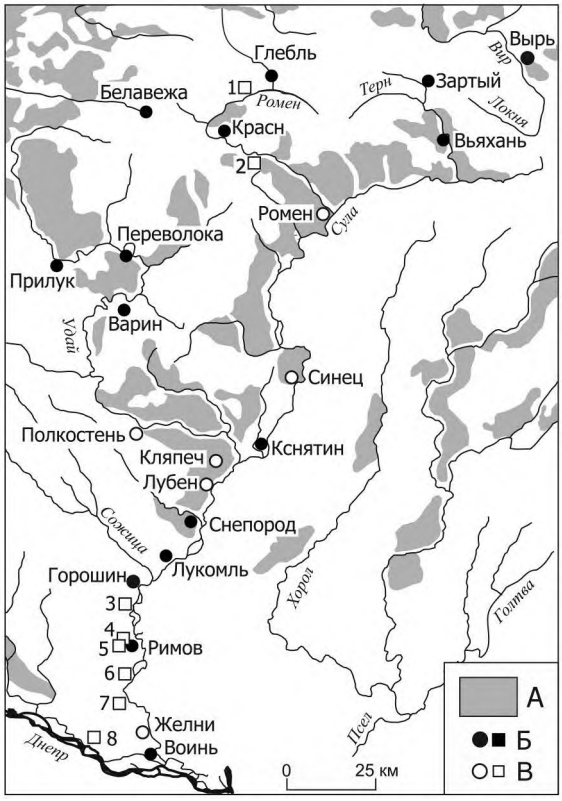

Рис. 71. Укрепления Посулья второй половины XI – начала XII в.
А – древние лесные массивы;
Б – летописные города и городища второй половины XI в.;
В – летописные города и городища рубежа XI–XII вв. и начала XII в.
1 – Великий Самбор; 2 – Липовое; 3 – Чутовка; 4 – Великая Буримка (Мисто); 5 – Великая Буримка (Каминци); 6 – Лящовка; 7 – Клещинцы; 8 – Веремеевка

деляются три оборонительных узла, имевших самостоятельную тактическую нагрузку, связанную с естественно-географическими условиями. Северное звено – это верховья Сулы с ее правыми притоками, Терном и Роменом, текущими по довольно сглаженному рельефу. Среднесульская часть течения реки на севере ограничивалась достоверно переяславским Роменом, на юге упиралась в заболоченное течение р. Слепород. На этих участках защитная роль высоких береговых склонов в различной степени дополнялась непроходимыми для кочевников пойменными болотами и лесными массивами на высоких плато. А от впадения в Сулу Слепорода и вплоть до Днепра простиралось степное нижнесульское звено, где пролегали наиболее ранние и оживленные кочевнические пути на Русь. В силу различий естественно-географических условий эти порубежные составляющие в различные исторические отрезки развивались неодинаково интенсивно.

Изначально крутые берега Нижней Сулы были самой близкой к Трубежу естественной преградой, пригодной для первых охранительных мероприятий. Поэтому и рассмотрение развития крепостного строительства удобнее начинать с низовий Сулы.

В литературе закрепилось мнение о том, что реконструкция укреплений летописного Воиня, сбросившая в ров обломки сырцового кирпича от прежних стен, произошла около середины XI в. Думается, что это представление не вполне соответствует военно-политической обстановке: в этот период прямой внешней угрозы восточному порубежью не было. Феодальные войны первой половины XI в. велись почти исключительно на Правобережье Днепра, а затем Ярослав Владимирович был занят восстановлением разрухи и улаживанием взаимоотношений с осевшим в Чернигове братом. Логичнее было начать перестройку укреплений Воиня с возникновением половецкой опасности, что косвенно отражено найденной там актовой печатью киевского князя Изяслава Ярославича. К этому времени функ-

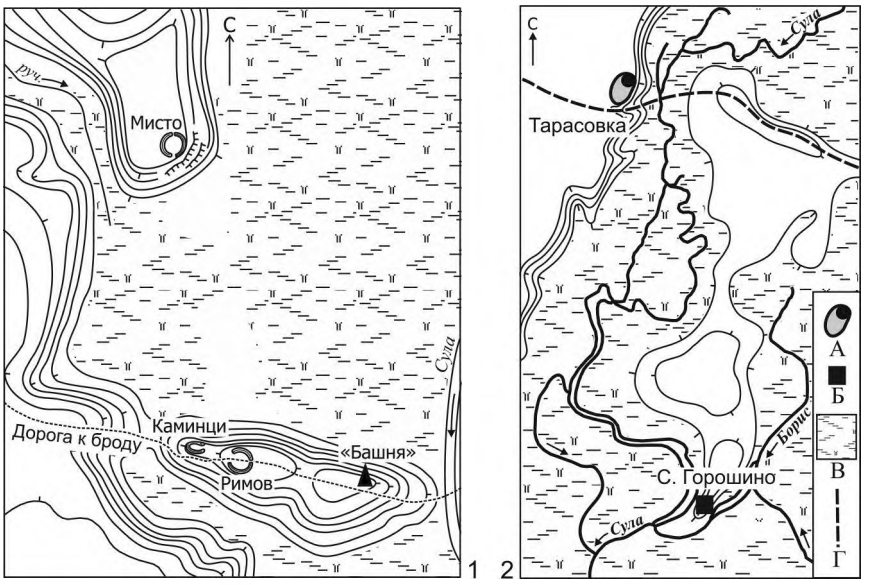

Рис. 72. Городища в с. Великая Буримка (1) и размещение летописного Горошина (2). А – городище Тарасовка; Б – городище Горошино; В – заболоченная пойма Сулы; Г – отрезок Муравского шляха

ции поддержки Воинем международной торговли ушли в прошлое, и укрепленная гавань стала в ряд важнейших приграничных центров Посулья, куда неоднократно выходили кочевники с мирными или военными намерениями. Стратегически Воинь не мог играть прямой защитной роли для всего приграничья, поскольку был отделен от других форпостов широкой полосой стариц и болот. Через сохранившийся почти до современности твердый брод следовала проторенная дорога в направлении Переяславля. Тем не менее окружение гавани-крепости обширными открытыми поселениями содержало значительные воинские силы, способные отреагировать на огневые (дымовые) тревожные сигналы с расположенного десятью километрами севернее высокого мыса над ранним открытым поселением Жовнина. **Рис. 71**.

Летописный Римов упоминался в «Поучении» Мономаха среди событий конца 1094 г. как уже существовавший пункт. Возможность его точной локализации содержится в описаниях его осады ханом Кончаком в 1185 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 249; т. 2, с. 646, 651). Памятником Римова большинство исследователей считает рассеченное проездом к броду кольцевидное городище Городок: разрез вала показал, что крепостные стены были возведены во второй половине XI в. и не обновлялись вплоть до пожара 1185 г. **Рис. 72: *1*. Прим. 8**. Из хронологических соображений варианты отождествления Римова разными исследователями будут рассмотрены в дальнейшем (Лясковронский, 1901, с. 446; Моргунов, 1989, с. 206–212; 2009, с. 144, 145; 2015 в, с. 288).

В том же «Поучении» среди событий лета 1084 г. сообщено об отгоне за р. Хорол половцев, захвативших Горошин. Известие поддерживается данными акта 1630 г. в том, что горошинские угодья, «над рекою Сулою лежачие», располагались на шляху татарском. В «Списке русских городов» (Тихомиров, 1952) он помещен между Буромлей–Римовым и Лукомлей–Лукомлем. Прежде исследователей сбивало с толку то обстоятельство, что современное село Горошин – «новая осада» акта 1618 г. с горо-

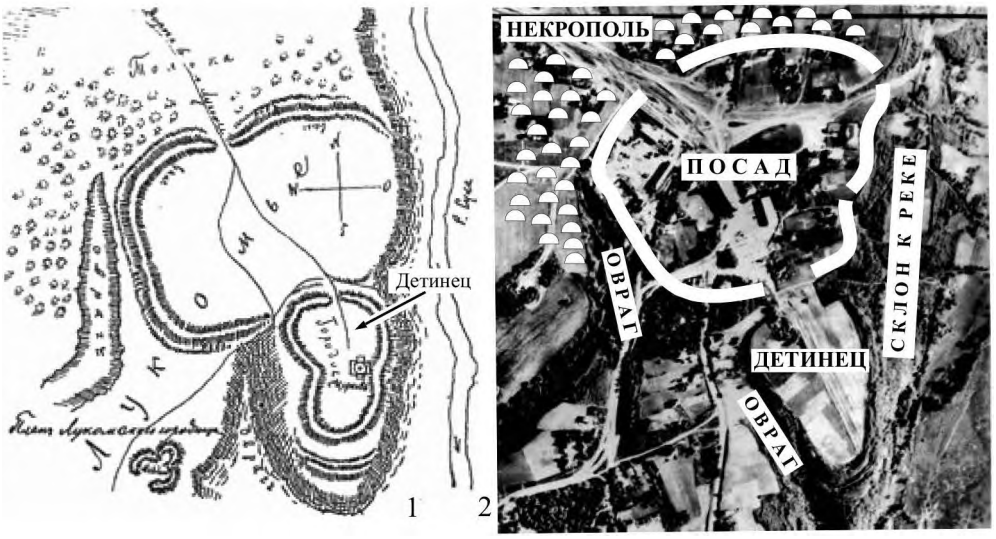

Рис. 73. Городище летописного г. Лукомля.
1 – план В. Г. Ляскоронского; 2 – реконструкция памятника на основе аэрофотосъемки

дищем подпрямоугольных очертаний – размещено на левом берегу Сулы (ПСРЛ, т. 1, с. 248; т. 3, с. 475; Книга Большому чертежу, 1950, с. 108; Лазаревский, 1896 а, с. 226; 1896 б, с. 15). Оно удалено от сульских переправ и не могло мешать путям степняков на Русь. **Рис. 73:** ***2***. Реальной локализации соответствует городище в с. Тарасовка, расположенное на броду и прямом пути от Переяславля к р. Хорол. Его детинец размерами 0,8–0,9 га сопровождался укрепленным посадом (2 га) и обширными селищами (Моргунов, 2014, с. 139–143; Моргунов, Шерстюк, 2016 а, с. 404–410). **Прим. 9**.

Пятнадцатью километрами выше по течению Сулы в с. Лукомье сохранились остатки укрепления, под 1179 г. упомянутого как «городище Лукомль». Среди его материалов встречена позднесеверянская керамика, а древнерусские материалы датируются временем, начиная с конца XI в. Это означает, что строительство крепости, связанное с переносом на Сулу ойконима вместе с частью переселенцев из Полоцкой земли, могло произойти после похода Мономаха зимой 1078 г., когда князь «пожегъ землю и повоевав до Лукамля и до Логожьска» (ПСРЛ, т. 1, с. 248; т. 2, с. 613; Коринной, 1992, с. 64; Моргунов, 1986, с. 110–120; 2012 а, с. 181–186).

Традиционно за городище принимали подтреугольный в плане мыс третьей надпойменной террасы, образованный крутыми склонами к долине реки и впадающему в нее оврагу. Основанием для этого послужили глазомерные планы В. Г. Ляскоронского и Ф. Б. Копылова: на них земляные валы оконтуривали весь его периметр (Ляскоронский, 1901, с. 442, 443; Копилов, 1945). **Рис. 73:** ***1***. Послевоенная распашка мыса привела к заметному изменению рельефа и очертаний мыса. Лучше сохранился южный мысовой вал со рвом и эскарпом на его внутреннем склоне, отсекавшие площадку от понижения мыса, хуже – низкие и короткие отрезки валов по периметру мыса.

На напольной северной стороне в 1980 г. мной был зафиксирован вал прямолинейной конфигурации с угловыми расширениями для раскатов, с проездом центрального типа и столь же прямым и глубоким рвом. Эти характерные при-

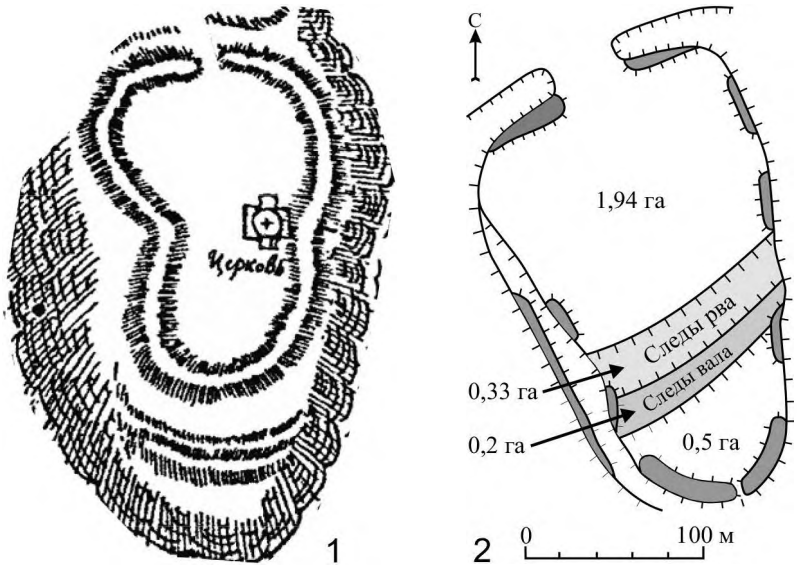

Рис. 73 а. План мыса (по В. В. Шерстюку)

знаки фортификации эпохи огнестрельного оружия соответствуют защитной системе Лукомской сотенной крепости XVII–XVIII вв. Ниже площадки мыс окружают эскарповидные остатки подрезок крутых склонов с валами на их краях. Один из них – это остатки посульского Змиева вала, другие типичны для позднесеверянских крепостей-убежищ.

Крайне фрагментарно сохранились и следы посадских укреплений на прилегавшем к городищу плато. Их сопоставление с планом В. Г. Ляскоронского показывает, что в позднюю защитную систему была включена часть валов домонгольского времени. **Рис. 73:** ***2***. По подсчетам на основании моего плана 1980 г., размеры мыса насчитывали 2,2 га, площадь вписывающегося в округлости рельефа древнерусского детинца – 1,7 га, а современного ему укрепленного посада могли приближаться к 11 га. К нему вплотную прилегал курганный могильник, во времена В. Г. Ляскоронского занимавший площадь 300 десятин (Моргунов, 1996, с. 102, 103, рис: 31, *3*; 2012, с. 181–185).

Существенным прорывом в изучении памятника стала работа полтавского археолога и специалиста по позднесредневековым древностям В. В. Шерстюка, который произвел новую съемку всего комплекса памятников Лукомья при помощи новейших электронных средств. Особым успехом исследователя является обнаружение широкой полосы следов древнего рва и вала, разделявших мыс на две неравные части. Это возвращает нас к планам В. Г. Ляскоронского и Ф. Б. Копылова, разделивших поверхность мыса на две части округлых очертаний, сочетавшихся в пропорции 2:1 (Шерстюк, 2008, с. 129–149). **Рис. 73 а.**

Учитывая новые обстоятельства, картина заселения и фортифицирования мыса с высокой степенью вероятности представляется следующим образом. Южную часть мыса площадью 0,6 га могло занимать позднесеверянское твердь-убежище. **Рис. 73 б:** ***1***. В северной части прослеживаются не испорченные поздним строительством округлости рельефа, частью сочетавшиеся с выходившими на

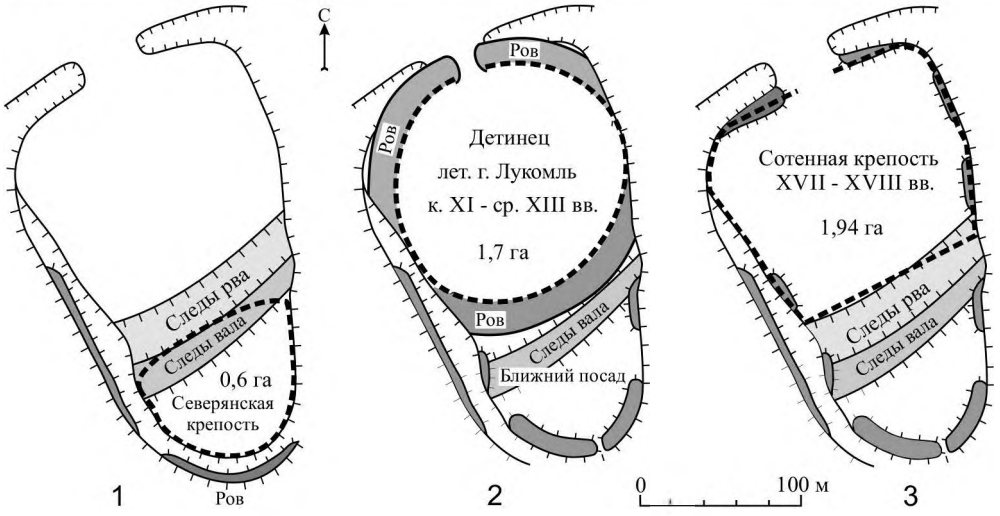

Рис. 73 б. Гипотетическая реконструкция укреплений Лукомья (по В. В. Шерстюку и Ю. Ю. Моргунову).
1 – укрепление летописных северян;
2 – детинец и «ближний» посад летописного Лукомля;
3 – сотенная крепость XVII–XVIII вв.

края мыса концами рва. Если это так, то северная «округлость» – это остатки древнерусского детинца. Фактически гипотетический пунктир овальных очертаний является осью крепостной стены, то есть заключенное ею пространство представляет собой «полезную» площадь летописного города, равную 1,7 га. **Рис. 73 б:** ***2***. И наконец, крепость XVII–XVIII вв., скорее всего, также занимала северную часть мыса, ныне имеющую подквадратные очертания и площадь 1,94 га (Моргунов, 2018 б). **Рис. 73 б:** ***3***. **Прим. 10**.

Нижнесульский регион на севере замыкал размещенный при устье р. Слепород летописный г. Снепород, построенный около 70–80-х годов XI в. (**рис. 74, 75:** ***1***). Его городище (0,8 га) размещено на высоком мысу, площадка имеет округло-грушевидные очертания, возникшие из-за включения в него обширной воронки более раннего колодца. К городищу примыкало два открытых поселения общей площадью 28 га и курганный могильник, занимавший площадь не менее 21 га (Моргунов, 2012; 2015, с. 286). Пример этого памятника показывает, что пополнение его населения выходцами из лежавших севернее земель в этот период продолжилось. **Прим. 11**.

Севернее Снепорода раскинулась лесостепная зона, охватившая среднее и верхнее течение Сулы: ее высокий правый берег в значительной степени был защищен древними лесами.

В Среднем Посулье южную часть степной прогалины при «Нятине броде» закрывал летописный Кснятин, впервые упомянутый в «Поучении» Мономаха среди событий лета 1107 г. Крепость была возведена во второй половине XI в. поверх позднероменских культурных напластований (**рис. 75:** ***2***). Кругообразное городище (2,24 га) с мощными (до 4 м) валами с напольной стороны сопровождалось поселением площадью более 20 га с двумя линиями посадских укреплений и двумя курганными могильниками (Ляскоронский, 1901, с. 438–440; Моргунов, 1991 а). **Прим. 12**.

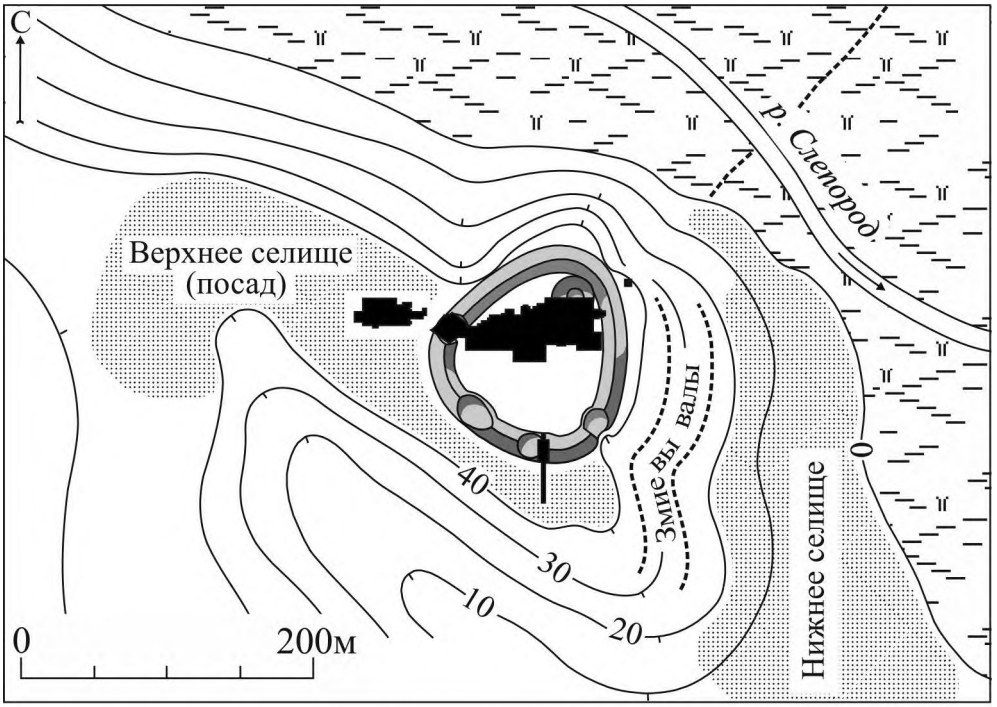

Рис. 74. Городище летописного г. Снепорода

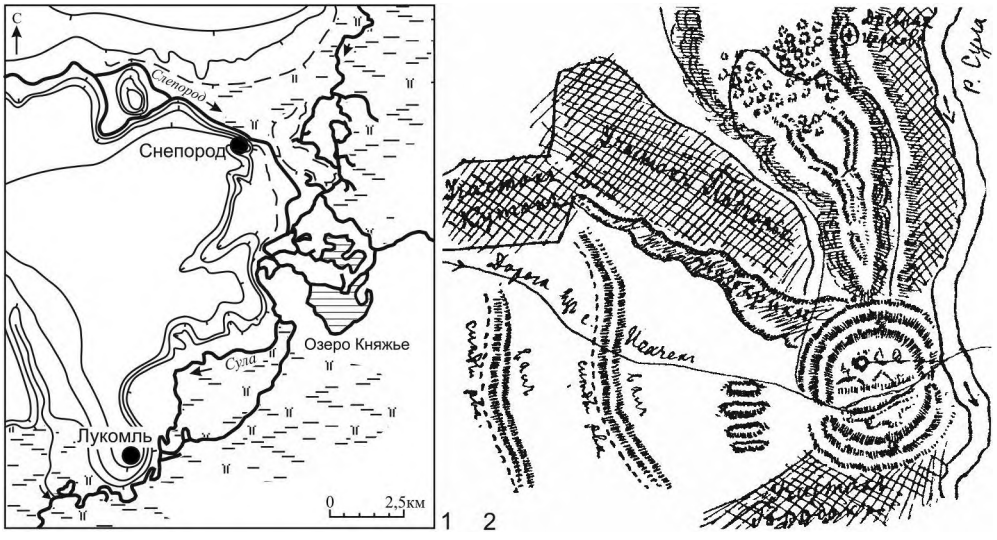

Рис. 75. 1 – взаиморасположение летописных Снепорода и Лукомля;
2 – городище летописного Кснятина (по В. Г. Ляскоронскому)

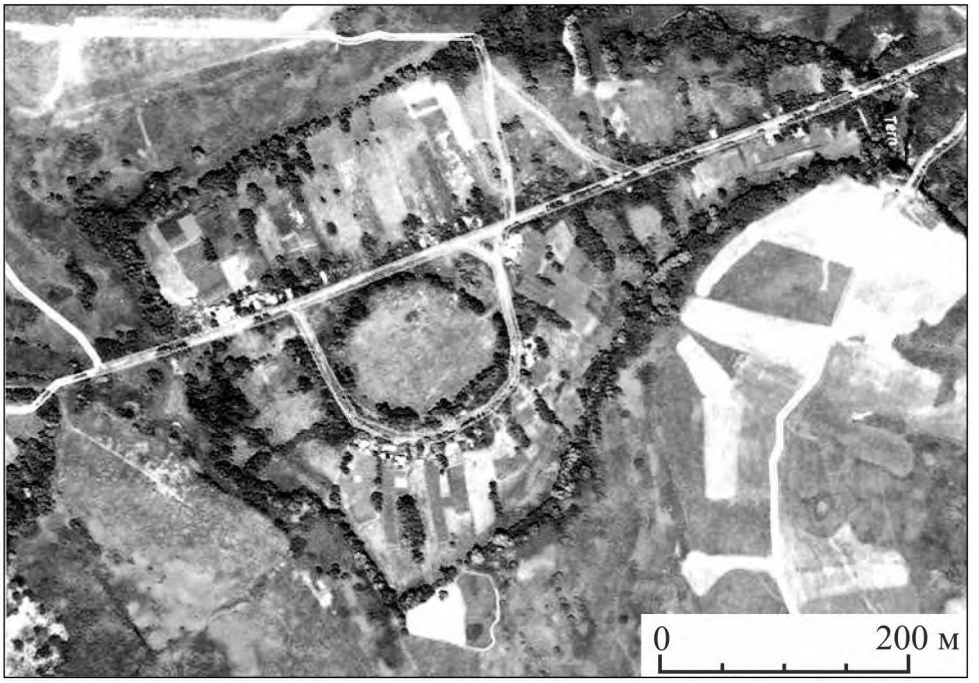

Рис. 76. Спутниковый снимок городища летописного г. Вьяханя

Верхнесульский участок, заключенный между устьями рек Ромена и Терна, отличался обилием лесов, поэтому его обращенная к степям фронтальная сторона в этот период не была защищена. Там создавали укрепления, контролировавшие торговый путь к Курску и далее к суздальскому анклаву Переяславля; они маркировали и рубежи с Черниговской землей. Эта цепочка как бы продолжала посульскую защитную линию в направлении Курска. Ее различимым участком являлись крепостные сооружения, входившие в состав Вырской волости, верховий реки Терн и течения Вира–Локни. Из них летописный г. Вьяхань стал известным в связи с событиями 1147 г. и отождествляется с городищем в с. Городище на р. Терн, размещенном на островном останце площадью 55 га. Памятник (1,8 га) имеет округлые очертания и окружен валом высотой до 3,5 м и рвом, древний проезд размещался с северо-восточной стороны (**рис. 76**). Среди многочисленных находок выделяется свинцовая вислая печать Владимира Мономаха переяславского периода его княжения – 1094–1113 гг. (Моргунов, 1975, 1982 б, с. 237–241).

В верховьях Ромена, на его притоке р. Курице, размещается городище летописного Зарытого (Зартыя), известного в связи с событиями 1160 г. (ПСРЛ, т. 2, с. 505; т. 7, с. 71). В росписях путивльских сторож и актах второй половины XVI–XVII вв. памятник упоминался как «Юрьево городище на усть Курицы». Вероятно, это свидетельство владения им туровским князем Георгием (Юрием) Ярославичем, упоминавшимся в связи с его походом от Зарытого к Вырю и Путивлю. Не исключено и переименование города для закрепления князем владельческой принадлежности города. Зарытому соответствует попорченное селитроварением городище у с. Николаевка (1,7 га) на р. Курице (левый приток р. Терн). Укрепление округлых

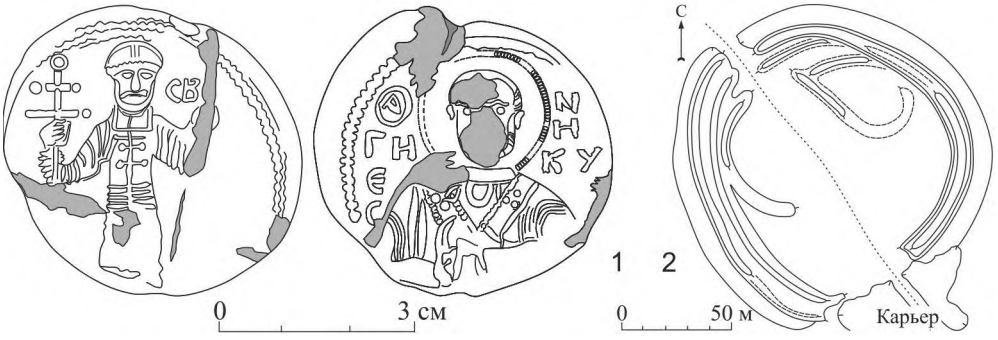

Рис. 77. Городище летописного г. Зарытого (Зартыя).
1 – актовая печать Святослава Ярославича;
2 – план городища (по А. В. Короте и Е. Н. Осадчему)

очертаний с кольцевидным валом высотой более 3 м прорезано двумя сквозными проездами; размеры двух селищ составляет более 10 га (**рис. 77**). Кроме материалов рубежа X–XI – середины XIII в., на городище найдена актовая печать Святослава Ярославича, княжившего в Чернигове (1054–1073) и Киеве (1073–1076).

На северо-востоке этого региона в «степном коридоре» междуречья Сейма и верховий Сулы с Пслом размещался летописный г. Вырь. Он был звеном, соединявшим посульскую линию с курским Посеймьем; впоследствии он стал известным по «Слову о полку Игореве» «ключом» от «полю ворот». Впервые город упоминался в «Поучении» Мономаха среди событий 1113 г. как хорошо укрепленный пункт на пути степняков. События 1147 и 1160 гг. также показали, что Вырь располагался между Курском, Зарытым, Вьяханем и Попашем. Его городище размещается в современном г. Белополье (левый берег устья р. Криги при впадении в р. Вир). Мысовой детинец размерами 1,5 га с напольной стороны обнесен валом и рвом; его окружали поселения площадью около 10 га. Возможно, это остатки укрепленного посада – летописного «острога» 1160 г., но остатки его острожных стен не сохранились. Материалы раскопок показали, что на самом деле город возник во второй половине – конце XI в. (ПСРЛ, т. 2, с. 355, 356, 508; Филарет, 1857, с. 407; Приймак, 1990 а, с. 104–107; 1994, с. 39).

Степное поречье верхней половины р. Ромен не относилось к переяславским владениям: оно замыкало западные пределы черниговского Задесенья. Но без оценки размещенных там крепостных сооружений позже будет затруднительно уточнить особенности размежевания переяславских и черниговских пределов. Поэтому нелишним будет несколько отвлечься для описания укреплений этого региона.

Так, в литературе неоднозначны представления о размещении летописного Глебля, упомянутого среди событий 1147 г. В летописной статье речь шла о нападении Глеба Юрьевича (сына Юрия Долгорукого) и черниговских князей на северную переяславскую окраину. Они не смогли захватить Вырь и Вьяхань, но Попаш был взят. Приближение переяславских войск заставило союзников бежать «на Глѣбль к Чернигову». Догонявший их Изяслав Мстиславич сжег оставленные жителями Уненеж и Белавежу с Бохмачем, но осажденный им Глебль устоял (ПСРЛ, т. 2, с. 355–359). **Рис. 78**. **Прим. 13**.

Рис. 78. Маршрут движения черниговских войск от Выря ко Всеволожу в 1147 г.

Ныне этот населенный пункт отождествлен с городищем у с. Шевченково, расположенном на единственном броду через широкую заболоченную пойму ручья Торговица (правый приток р. Ромен). Укрепление (2,1 га) овальных очертаний с двумя сквозными проездами окружал вал, ранее поднимавшийся на высоту до 4 м. Возникшую в конце XI в. крепость сопровождали открытые поселения и курганный могильник. Городище соответствует значительному летописному городу: осенью 1147 г. защитой ему служили и пойменные болота, но на открытых поселениях есть следы пожарищ времени летописной осады.

Нижняя половина течения р. Ромен изначально осваивалась Киевом: через брод у летописного г. Красна водоразделами следовала древняя военная и торговая трасса в направлении Курска. В XII в. изменение чернигово-переяславского рубежа внесло коррективы в демаркационную картину, и все поречье Ромена отошло к новгород-северским владениям.

Летописный г. Красн упоминался в «Поучении» Мономаха среди событий 1086 г. **Прим. 14**. Его городище занимает высокий мыс коренного левого берега р. Ромен и состоит из двух частей. На основании мыса размещены остатки позднесредневековой «Большой красноколядинской крепости», на южной оконечности мыса – двухчастное городище общей площадью 2,18 га. Оно содержит керамику роменской культуры летописных северян и древнерусскую начиная со второй половины – конца XI в. (Кучера, Сухобоков, отчет 1971 г., с. 39, 40; Моргунов, 1983, с. 74, 75; 1996, с. 44–48). **Рис. 79**.

Несколько позже на р. Ромен возникли и другие укрепления.

Расположенное южнее летописного Глебля надпойменное укрепление округлых очертаний у с. Великий Самбор (0,35 га) было возведено на рубеже XI–XII вв., оно окружено валом высотой до 2 м. От въезда приподнятая над ныне осушенным болотом тропа выводила на коренной берег и ближайшее поселение (2,4 га). Вероятно, изначально мыс был более обширен: надпойменное окружение строительной площадки и тропы подвергалось горизонтальной подрезке до уровня окружающего болота, и ров заливался. Двухсрубная крепостная стена была возведена не ранее рубежа XI–XII вв. Синхронное открытое поселение размещено севернее на коренном берегу (Моргунов, 1996, с. 42, 43; 2009, с. 23).

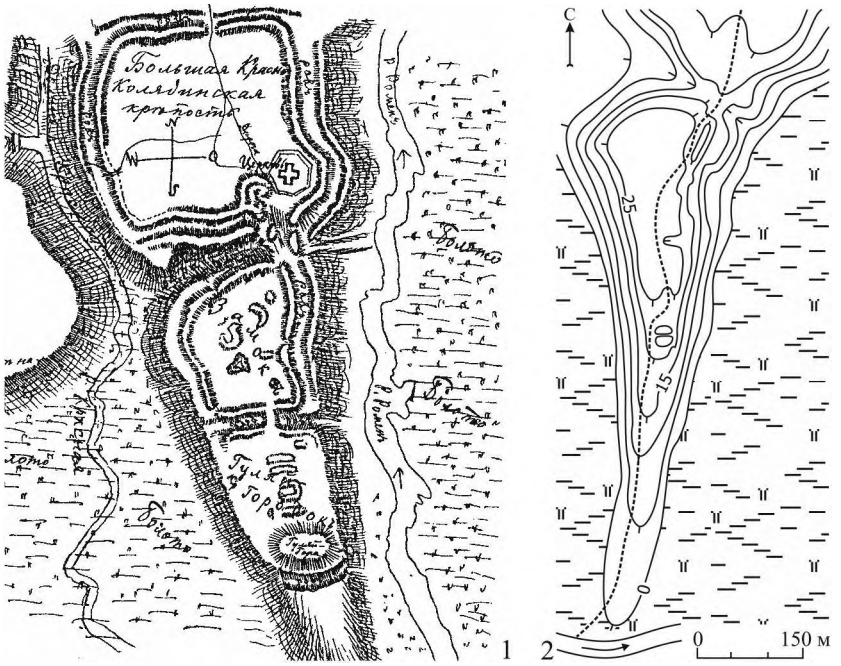

Рис. 79. Городище летописного г. Красна.
1 – по В. Г. Ляскоронскому; 2 – современная съемка

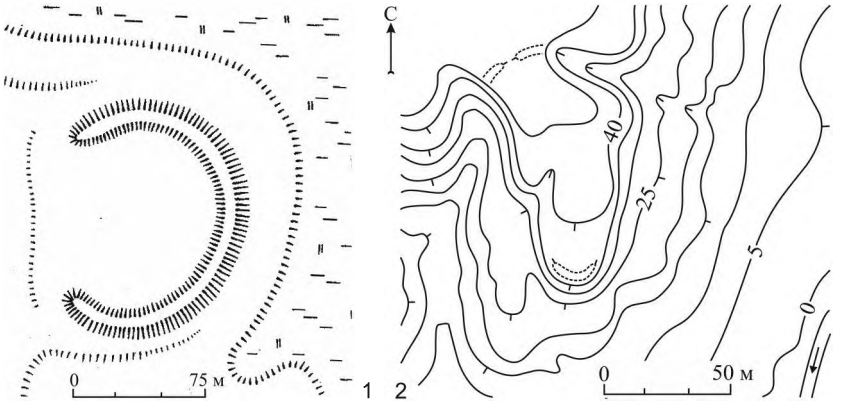

Рис. 80. Городища Липового (1) и летописного г. Ромена (2)

Больше внимания уделялось изучению следов упомянутого в Книге Большому чертежу «городка Липового», ранний массив которого рассматривался выше. До конца XIX в. площадку городища площадью около 1 га окружал вал высотой до 5 м от дна рва и глубокий ров, но сейчас высота вала не превышает 0,5 м, а западная треть уничтожена дорогой, ров не прослеживается. **Рис. 46, 80: *1***. Южнее на высоком плато размещается могильник: в конце XIX в. он насчитывал около 5 ты-

сяч насыпей. Это показывает, что в округе крепости были и другие поселения, вероятно, позже уничтоженные сельской застройкой. Согласно проведенному А. П. Моцей анализу курганного инвентаря, после середины XII в. жизнь на поселении начала затухать. Но уменьшение количества курганных захоронений было связано с христианизацией населения, что увязывается с материалами других погребальных памятников. Это подтверждают и материалы изучавшегося открытого поселения (Ляскоронский, 1901, с. 409, 410; Моргунов, 1996, с. 49–51; Моця, Халиков, 1997, с. 96–107; Моця, 2006, с. 120).

Как показано выше, датировки возникновения летописных городов по первому упоминанию в летописных источниках недостаточно надежны. Во многом это справедливо и для археологического определения хронологии городищенских напластований исключительно разведочными методами: они непригодны для дробной периодизации. Возможно также, что существовавшие прежде рамки отдельных периодов развития оборонительной структуры в реальности были менее четкими. Поэтому следующая фаза сложения посульского рубежа определяется пределами от рубежа XI–XII в. до конца первой четверти XII в. – до даты последнего на этом хронологическом отрезке летописного упоминания г. Полкостеня. Подобная периодизация соответствует и отрезку военно-политической истории периода завершения борьбы с первой фазой половецких набегов.

Картина размещения крепостей Вырской волости на этом этапе не изменилась. Ее развитие могло тормозиться отсутствием внешней опасности: до 1113 г. половецкие пути не достигали этой широты. Не способствовали развитию региона и смены владельческой принадлежности этой области.

Городище летописного Ромена, упоминавшегося среди событий 1113 г., отделено оврагом и перешейком от позднесредневекового укрепления на Соборной площади и укладывается в представление об урочище «Stare Rumieńske» – «городище пустом» летописного города. Валы по периметру площадки размерами 1 га прослеживались вплоть до конца XIX в., следы мысового ограждения были видны в 1980 г., но воронка колодца исчезла. **Рис. 80: *2*. Прим. 15**. Планом Е. Н. Осадчего подтверждены и следы напольного вала, существование которого отрицал О. В. Сухобоков. В Замке мной был обнаружен мощный перемешанный культурный слой: кроме лепной северянской, он содержал и гончарную керамику конца XI – первой половины XIII в. Высокий мыс Замка нависает над речным перекатом Сулы, что указывает на вероятность контроля крепостью дороги из степей. В ближайших окрестностях укрепления при случайных обстоятельствах обнаруживали и остатки курганов с северянскими и древнерусскими погребениями (Ляскоронский, 1901, с. 379; Моргунов, 1990 б; Сухобоков, 1993, с. 46, 47; Моргунов, 1996, с. 53, 54; Осадчий, 2016, с. 54–56).

В этот период север кснятинского прохода между лесами был пополнен впервые упомянутым в СРГ летописным г. Синец (Синечь). В Никоновской летописи под 1123 г. он упоминался как митрополичий город Синелец и традиционно отождествляется с нависающим над бродом городищем в с. Сенча (уроч. Замок), перестроенном в XVII в. Местность была заселена носителями роменской культуры, но наибольшее количество материала отложилось в конце XI – середине XIII в., а также в позднем Средневековье. У подножья городища была обнаружена вислая печать переяславского посадника Ратибора. На селище, раскинувшемся вдоль края плато, древнерусская керамика встречается к северу от городища на 1 км, а к югу – почти без перерывов на расстояние до 2 км (ПСРЛ, т. 3, с. 475; т. 9, с. 152; Янин, 1960, с. 270–275; Моргунов, 1996, с. 69–71; Супруненко и др., 2003, с. 40–42; Сидоренко, Мироненко, 2007, с. 46; Шерстюк, 2012, с. 160–175).

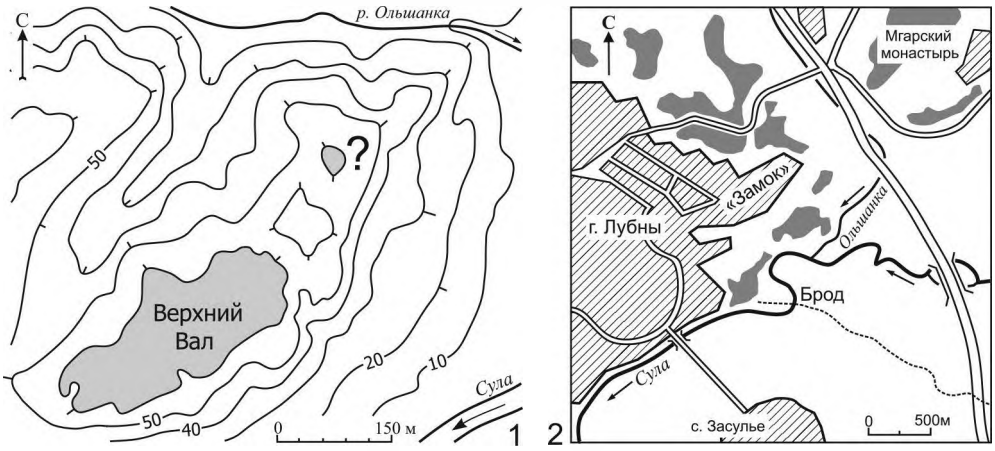

Рис. 81. Летописный г. Лубен.
1 – современный рельеф исторической части г. Лубны (по Ю. Ю. Моргунову);
2 – лубенский брод (по А. Б. Супруненко)

Ниже впадения Удая мог размещаться упомянутый в СРГ как расположенный на Суле город Кляпечь (Кляпец). К северо-востоку от села Клепачи, на мысу безымянного ручья (уроч. Пурпуровщина и Боярщина) в конце XIX в. существовало ныне не обнаруженное древнерусское городище. Оттуда могли происходить наконечник копья, коса, хозяйственный топор XI–XIII в., шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов, фрагменты «искусственного жернового камня: крепкая кирпичная масса с примесью битого гранита». Только на укреплении или рядом с ним могла быть найдена актовая печать «от Ратибора» (с этим периодом связывают время возникновения укрепления), но материалы дореволюционных сборов публиковались вместе с находками из расположенного рядом скифского укрепления. Современные поиски городища были безуспешны: оно могло быть уничтожено или недоступно из-за расположения на современном танковом полигоне. В конце XIX в. в соседних урочищах Богатырищина и Осакове исследовали синхронный курганный могильник (ПСРЛ, т. 3, с. 475; Коллекция древностей, с. 12, № 92; Моргунов, 1996, с. 93, 94).

Летописный г. Лубен упоминался в источниках среди событий, связанных с нападением ханов Боняка и Шарукана в августе 1107 г. Русские князья выступили навстречу, «бродишася чресъ Сулу» и разгромили половецкий лагерь, а выживших степняков гнали до Хорола. Ключевым моментом этого сообщения является то, что степняки остановились, не доходя до города. Князья тоже могли не заходить в город: боевое охранение степняков их прихода не заметило. Таким образом, брод располагался в отдалении от города (ПСРЛ, т. 1, с. 250, 281, 282). В связи с застройкой урочища Верхний Вал в современном г. Лубны позднесредневековыми крепостными сооружениями, расположение и тип древнерусского городища не установлены. **Рис. 81**. Дальнейшее направление поисков упирается в определение расположения летописного брода, но и он определяется неоднозначно. **Прим. 16**.

На правом берегу Удая и на единственном броде низовий реки размещался г. Полкостень (совр. с. Повстень), упомянутый под 1125 г. Городище полукруглых в плане очертаний (1 га) окружено кольцевидным валом высотой до 2 м и попорчено селитряным производством. **Рис. 82**. Культурный слой мощностью 1,2 м пере-

Рис. 82. Городище летописного Полкостеня

мешан и содержит измельченную керамику начала XII – середины XIII в. Укрепление сопровождал курганный могильник и открытое поселение (12 га), где было найдено немного лепной позднероменской и гончарной древнерусской посуды с манжетами, а также упоминавшиеся выше сребреники Владимира Святославича (ПСРЛ, т. 1, с. 295; т. 2, с. 289; Ляскоронский, 1903, с. 146; 1901, с. 430; Моргунов, 1996, с. 85–87; 1998, с. 24; Супруненко, 2000, с. 236).

Километром севернее летописного Римова, за заболоченной поймой Сулы, на высоком мысу размещено городище Великая Буримка-3 (уроч. Мисто). Его площадка округлых очертаний (0,7 га) была защищена рвом и стеной из двух рядов срубно-засыпных городней, возведенных в начале XII в. поверх напластований селища рубежа X–XI вв. Укрепления прорезаны двумя сквозными проездами. **Рис. 72: *1*, 83**. Шурфовка показала, что ранние напластования мощностью до 1,2 м переотложены и насыщены позднесредневековым материалом, но следы пожарища 1185 г. там не прослеживаются: это соответствует летописным показаниям о бегстве в эту крепость жителей разоренного Римова. К северу раскинулось обширное селище XII – середины XIII в., а к западу когда-то располагался курганный могильник. По М. П. Кучере, памятник имел округло-подпрямоугольные очертания, что противоречит планам В. Г. Ляскоронского и Ю. Ю. Моргунова. Кроме того, его сборами подъемного материала были обнаружены лишь материалы XVII–XVIII вв. (Моргунов, 1989, с. 211–214; Вітрик, 1991, с. 93–96).

Нижнесульский город Желни (Желди) является одним из немногих примеров точной летописной датировки его строительства: в 1116 г. Ярополк Володимирович «сруби городъ Желни дрьючаномъ, ихъже полони» (ПСРЛ, т. 1, с. 290, 291; т. 2, с. 183; Грушевский, 1992, с. 347; Бережков, 1963, с. 46). Его городище размещалось в с. Жовнино на высоком всхолмлении второй надпойменной террасы; в 60-е годы XX в. оно было залитом Кременчугским водохранилищем. После спада воды его вершина стала размывавшимся штормами островом: в береговых обре-

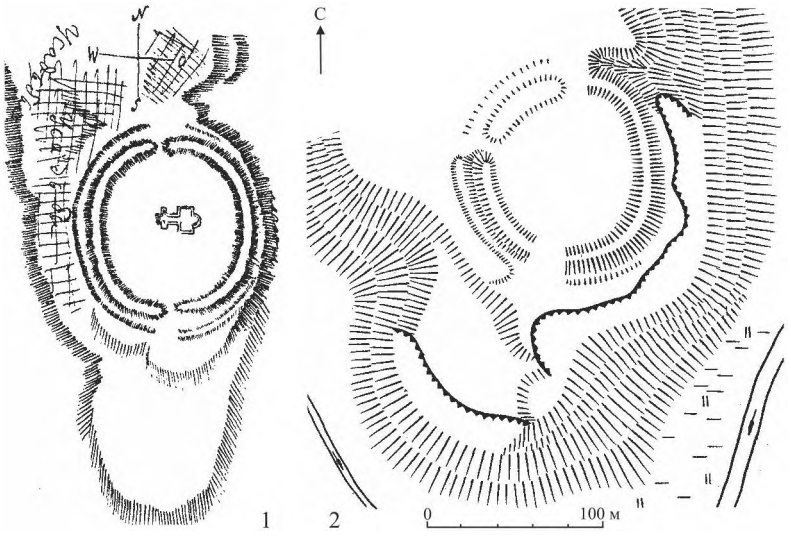

Рис. 83. Великая Буримка-3: городище Мисто.
1 – по В. Г. Ляскоронскому; 2 – современная съемка

зах прослеживаются прорезанные поздними погребениями мощные культурные напластования XVII–XX вв. и фрагменты кольцевидного вала со следами обгоревших бревенчатых срубов. На обширных пляжах и мелководье обильны находки разных эпох, но особо представительны древнерусские материалы, вымытые из основания культурных наслоений. Керамические сборы указали на всплеск интенсивности жизни на рубеже XI–XII – в начале XII в., исчисляемого 35 % от общего числа обнаруженных там обломков посуды. Это лишь немногим меньше, чем найденное количество керамики, датированной последующим столетним промежутком (Моця, 1983, с. 82–84; Моргунов, 1991 б, с. 97–100; 1996, с. 122–125; 2015, с. 291, 292; Долженко, Прядко, 2016, с. 4).

В литературе уже отмечалось, что в этот период начали строить и небольшие безымянные укрепления; в дальнейшем их удельный вес неуклонно возрастал (Кучера, 1984, с. 70).

В с. Лящовка размещается сильно попорченное производством селитры городище округлых очертаний с площадкой размерами 60 × 45 м. Сильно перемешанный культурный слой содержит фрагменты керамики начала XII – середины XIII в. За пределами укрепления прослеживаются следы обширного открытого поселения XI – середины XIII в. размерами 700 × 220 м (Вітрик, 1991, с. 95; Моргунов, 1996, с. 114, 116).

Южнее в этот же период возникло укрепление в с. Клещинцы (бывш. Кизивер). Его площадка округлых очертаний (0,16 га) была защищена кольцевидной двухсрубной стеной, содержала воронку колодца; с напольной стороны укрепления раздваивались на две параллельные дуги, посередине прорезанные въездом. **Рис. 84**. По М. П. Кучере, укрепления были возведены в конце X в., что уже вызывало сомнения в литературе. Согласно уточнениям, форпост возник не ранее рубежа XI–XII вв. поверх напластований открытого поселения рубежа X–XI вв. На обширном селище обнаружены остатки горна для обжига гончарной керамики. Судя по плану В. Г. Ляскоронского,

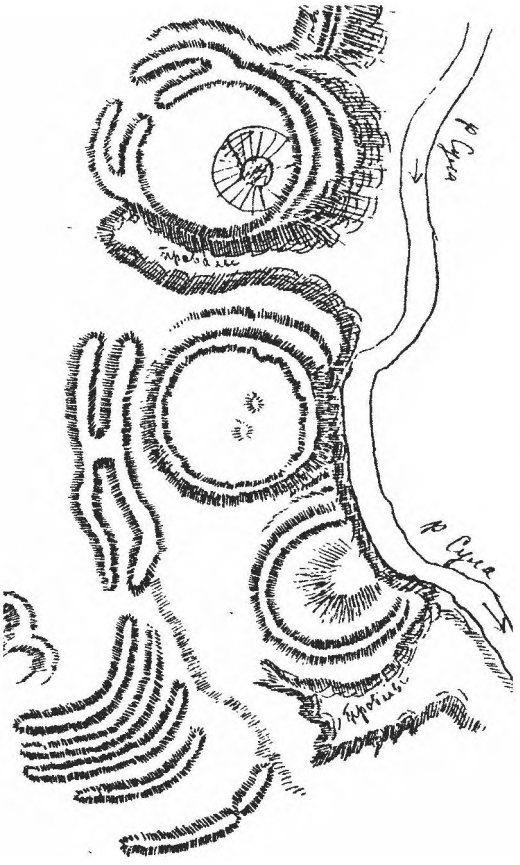

Рис. 84. Городища у с. Клещинцы (по В. Г. Ляскоронскому)

южнее существовали еще два ныне уничтоженных укрепления округлой планировки (Ляскоронский, 1901, с. 428, 429; Кучера, 1964; Моргунов, 1996, с. 116–120; Сапегін, Гейко, 2001, с. 95). Судя по сопровождению типичных «усов», городище и расположенные южнее курганы полностью или частично перерабатывались для производства селитры.

К нижнесульскому рубежу примыкало городище у с. Веремеевка, расположенное на всхолмлениях левобережной поймы Днепра в 12 км западнее Жовнина. Площадку округлых в плане очертаний (0,3 га) сопровождало селище размерами 25 га и могильник. Датировка возникновения укреплений характерна для первой фазы научного творчества М. П. Кучеры: он не обратил внимания на строительство крепости поверх напластований более раннего селища, но относительная хронология исследователя безупречна. Это позволяет датировать появление крепости на рубеже XI – XII вв., что объясняет авторское наблюдение о преобладании на огромном селище керамики рубежа X–XI вв., а на небольшом городище – материалов XII–XIII вв. (Кучера, 1962; Моргунов, 1996, с. 128–131).

Исключительный интерес представляет возведенное на рубеже XI–XII вв. укрепление у с. Чутовка (0,2 га) подквадратных очертаний со скругленными углами, содержащее воронку колодца. Единственной аналогией подобной планировки является возникшее полустолетием позже укрепление Сампсониев Остров близ летописного г. Синец.

На ежегодно распахивавшемся поселении инструментально фиксировались сборы керамики, которые затем накладывали на план памятника, что позволило уточнить фазы его территориального развития. Визуально по периметру поселения прослеживались и прерывистые следы полосы, отличавшейся выходами на черноземную пашню комьев материкового суглинка. Эта полоса зафиксирована и на снимках аэрофотосъемки 1978 г.: ее очертания до деталей совпали с пределом распространения керамики второй половины XII – первой половины XIII в. Очевидно, это следы утраченных укреплений позднейшего посада площадью около 16 га. Эти наблюдения были подтверждены и скорректированы новейшими разведками В. В. Шерстюка и А. О. Прядко: исследователи обнаружили не замеченное мной завершение очертаний посада севернее городища. Следовательно, площадь

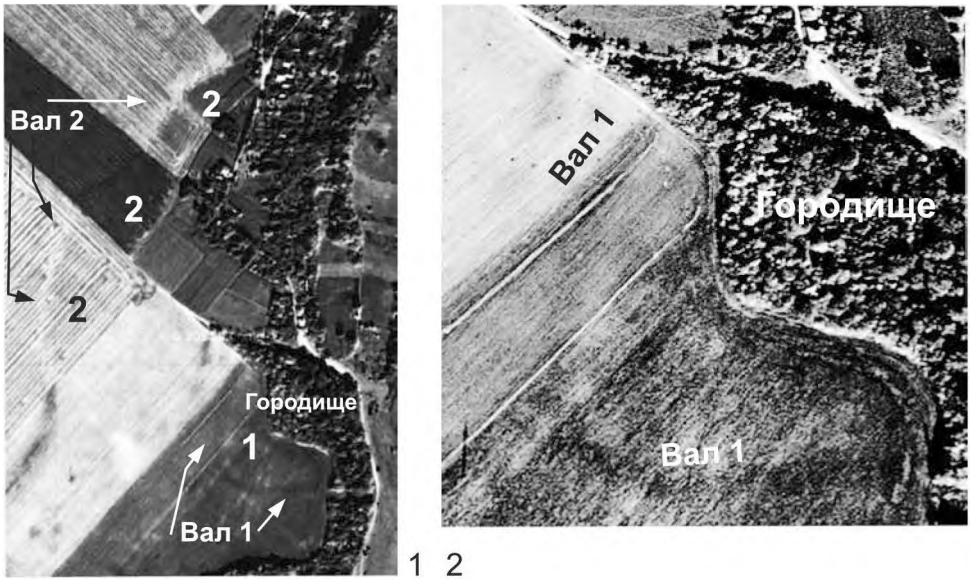

Рис. 85. Городище Чутовка: следы утраченной крепостной структуры.
1 – посадские ранний (1) и поздний (2) валы; 2 – следы стен первоначального посада

посада составляла около 24 га (Моргунов, Шерстюк, 2016 б, с. 410–416; Шерстюк, Прядко, 2016, с. 148–150). **Рис. 85: *1***.

Визуально хуже прослеживалась другая дуга, представленная на пашне углистыми выходами. Она охватывала небольшую ближайшую округу городища и в общих чертах была близка с распространением керамики рубежа XI–XII вв., занимавшей площадь 2 га. Эти наблюдения уточнила спутниковая съемка (http://wikimapia.org/#lang=ru&lat=49.681687&lon=32.683339&z=15). На снимках с просохшей пашней эта полоса уже не вызывала сомнений: она дугообразно охватывает площадь 1,5 га: вероятно, синхронная созданию укреплений керамика распашкой разносилась шире. Эту полосу можно считать остатками сгоревших укреплений небольшого первоначального посада, созданного одновременно с детинцем. **Рис. 85: *2***.

Напластования посада отличаются высокой насыщенностью. Кроме упоминавшихся выше сребреников, среди подъемного материала обнаружен фрагмент причерноморской амфоры с надписью XI–XIII вв., встречено и значительное количество находок из цветных металлов, в том числе и характерных для быта степных федератов Руси обломков медной клепаной посуды. К северу от городища обнаружены остатки грунтового (?) могильника с погребениями XI–XIII вв. В состав комплекса входили еще два меньших открытых поселения (Медынцева, Моргунов, 1986; Моргунов, 1996, с. 107, 108; 2009, с. 217, 218, рис. 100: *3*; Шерстюк, Прядко, с. 148–160). Ближайшей аналогией этого комплекса являются городища Гочева и Хотмыжска.

Таким образом, всего во второй половине XI – начале XII в. на переяславской территории Посулья возникло 22 крепостных сооружения. Из них 16 укреплений контролировали сульские броды, 4 (Липовое, Полкостень, Кляпечь и Веремеевка) были оттянуты в тыл и размещены на путях во внутренние земли, еще 3 (Красн, Зарытый и Вьяхань) поддерживали прохождение войск и торговых караванов по водораздельной рокаде Переяславль – Курск. **Рис. 71**.

Во второй половине XI в. в соответствии с направлениями нападений степняков форпосты защищали только сульские переходы: этим они сродни предшествующим обширным поселениям эпохи Владимира Святославича. Их оборонительная значимость и размеры поддерживаются тем, что имена всех попали на страницы летописных источников: существенно и то, что пять из них контролировали половецкие пути на наиболее значимых бродах 100-километрового нижнесульского степного участка: это почти половина от общего числа крепостей, созданных в этом регионе в домонгольскую эпоху. Следовательно, навеянное М. С. Грушевским представление о полном разрушении половцами в конце XI в. Нижнего Посулья (да и всего южнорусского пограничья с Поросьем) не подтверждается (Грушевський, 1992, с. 88; Коринный, 1992, с. 123). Но изначально оттянутых в тыл укреплений там не было, поэтому термин «оборонительная линия» может относиться только к этому периоду.

К 1125 г. на Суле было построено еще 12 крепостей, и вновь шесть из них – половина от общего количества – разместились на нижнем течении реки. В среднем на каждое из двенадцати прежних и новых нижнесульских укреплений стало приходиться менее десяти километров береговой линии степного рубежа. Летописные города на этом участке более не появились – началось создание небольших укреплений, которые считают пригодными лишь для дозора и затруднения подъема конницы на правобережные кручи. Однако особенности тактики степняков, дробивших конницу перед форсированием приграничных рек на мелкие отряды, а также их неумение организовать планомерные осады указывают на вероятность более серьезного сопротивления обитателями даже небольших крепостиц.

Пример летописного Римова, стены которого не обновляли около столетия, указывает на уверенность переяславских князей в эффективности этого рубежа. Действительно, летописные сведения указывают на существование длительной лакуны в самостоятельных нападениях половцев на этот участок русского рубежа: после 1125 г. их не было вовсе, с 1135 по 1154 гг. степняки только принимали участие в русских усобицах. И только в 1168 г. князья захватили половецкие вежи «по Снопороду», в 1179 г. было сожжено «городище Лукамль», в 1185 г. произошла осада Переяславля, сожжен Римов, в 1187 г. степняки вновь объявились около Снепорода (Моргунов, 2012 а, с. 15–18).

Приведенный экскурс показал, что порубежные укрепленные поселения могли служить действенной защитой от степных вторжений. Не исключено, что с фортификированием берегов Нижней Сулы было связано изменение географии прохождения половецких путей на Русь. В. Г. Ляскоронский связывал это с заслугами Мономаха по организации дальних степных походов (1907 б, с. 9, 10), но эти рейды начались значительно позже.

Поначалу, в 1054 и 1079 гг., торки и половцы приходили к Воиню, в 1084 г. степняки напали на Горошин. В 1068 г. половцы разгромили войска братьев Ярославичей на Летское поле, и часть их (?) устремилась к Сновску через остёрский брод у летописного Уненежа–Нежина: к нему выводила и степная прогалина в приостёрских лесах. Позже туда выходили дороги Переяславль – Чернигов и Прилуки – Чернигов; трасса зафиксирована и Бопланом на карте 1650 г. В 1092 г. кочевники нападали на Песочен и Устье, последнее вновь было сожжено в 1096 г. ханом Курей. После уничтожения посольства Итларя и Китана в 1095 г. Владимир Мономах с киевским князем Святополком разграбили их обозы-вежи за Римовом. Особой целью набегов был Переяславль, куда степняки приходили шесть раз: в 1096, 1107 и 1110 гг. это были набеги, а в 1054, 1079 и 1095 гг. их целью были замирения с князьями. На мир в 1101 г. они приходили и в Саков. **Рис. 86**.

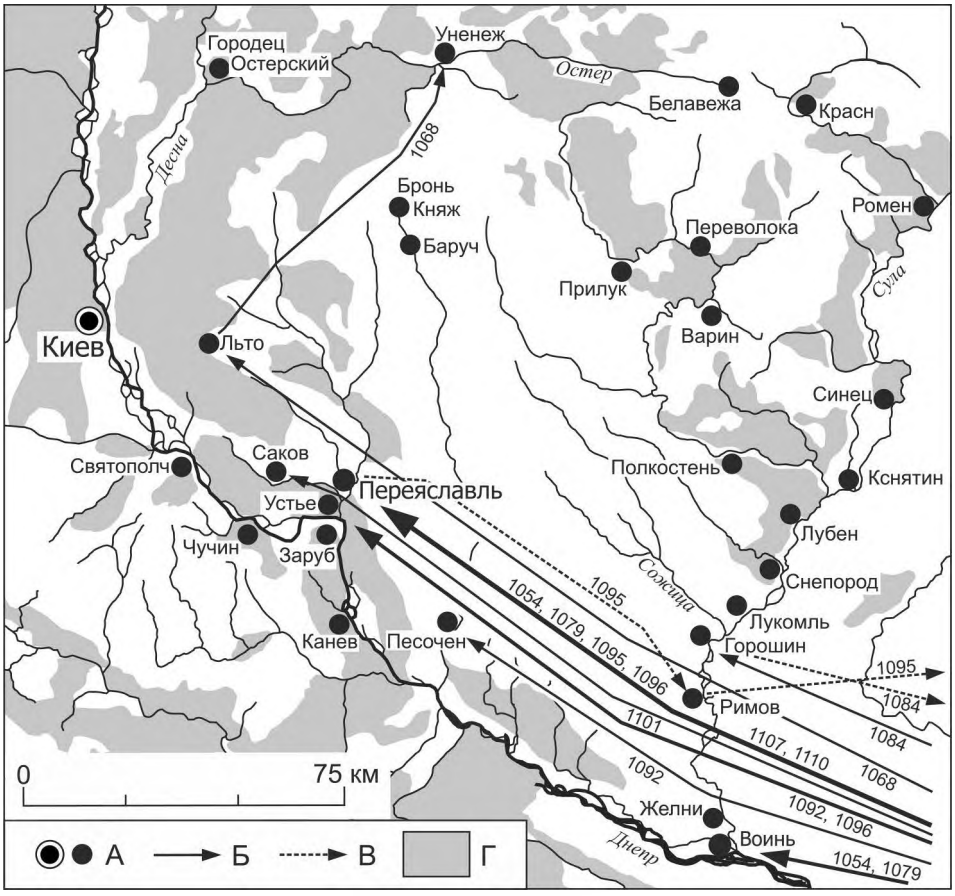

Рис. 86. Ранние набеги степняков в приднепровский регион по летописным сведениям.
А – летописные города; Б – движение половцев; В – следование русских войск; Г – древние леса

Несколько позже нападения на южные крепости Посулья прекратились. Об этом можно судить по набегу, в результате которого 25 августа 1078 г. Всеволод Ярославич был разбит черниговскими князьями-изгоями и степняками на р. Сожице. Победители устремились к Чернигову, вероятно, всё той же степной дорогой через среднее течение Остра. Но после битвы на Нежатиной ниве под Черниговом Олег Святославич «в малѣ дружинѣ», возможно, тем же путем бежал в Тмутаракань **Рис. 87**. В литературе Сожица устойчиво отождествляется с р. Оржицей: близ ее устья на Суле размещались города Лукомль и Горошин. Ближе к устью реки, в с. Великоселецкая отложилось два драгоценных клада этого времени, возможно, связанных с этим форсированием степняков. Любопытно, что в недавнее время выводящую к верховьям р. Оржицы заброшенную степную колею жители г. Гребенки называли «старой лукомской дорогой». В свете гипотезы о перемещении половецких маршрутов также интересно, что позже летописные источники фиксируют лишь один приход Боняка и Шарукана 1107 г. к г. Лубену – самой южной точке Средней Сулы.

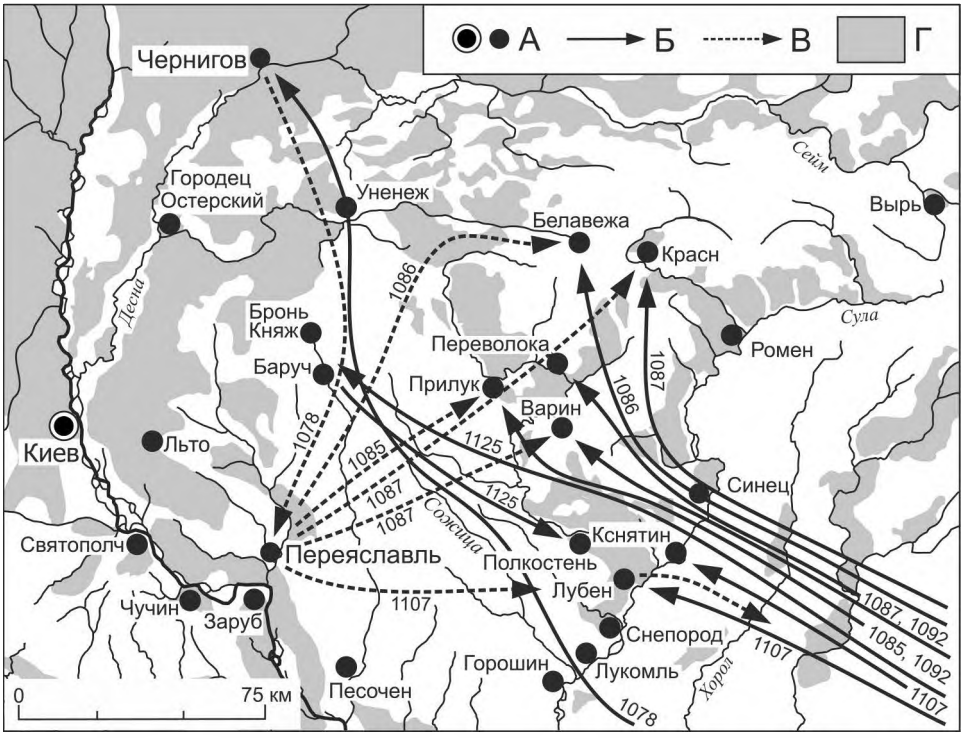

Рис. 87. Перемещение половецких набегов на среднее течение Сулы. А – летописные города; Б – передвижения половцев; В – следование русских войск; Г – древние леса

Затем на страницах источников появляются упоминания населенных пунктов, куда из степей можно было напрямую проникнуть только через среднее течение Сулы: в 1085–1087 гг. половцы стали появляться у Белавежи, Красна, Варина и Прилука. Навстречу им Мономах следовал из Переяславля. Пролегание путевой трассы между Переяславлем и Прилуком зафиксировано и картой Боплана. Вероятно, и в 1078 г. князь из Чернигова возвращался в Переяславль через нежинский степной проход на Остёре: на Супое он останавливался на ночевку «во обровѣ» – временном полевом укреплении. В 1092 г. степняки вновь нападали на Прилук и Переволоку: дорога к ним маркирована продвижениями Боняка и Шарукана 1107 г. ко Кснятину. Близким направлением в 1094 г. Олег Святославич мог из Тмутаракани приводить половцев на Чернигов. И наконец, в 1125 г. половцы приходили к Баручу и Бронь Княжу, а возвращались мимо Полкостеня – по прямой дороге к летописному Лубену.

При оценке защитных свойств нового рубежа нельзя забывать и о вероятности налаживания глубокой конной разведки, хорошо известной по более поздним материалам.

В летописных источниках ее существование могло отражаться формами использования термина «сторожа». В подавляющем большинстве под ним следует понимать «сторожевые полки» – авангарды войск. Хорошо известно и о «сторожe» как выставлявшемся на ночь боевом охранении: «Мьстислав же на ту нощь роставля сторожѣ… Сторожеве же прибѣгоша к нему полунощи, рекуще: идетъ

Володимерко». Порой роль дальней степной разведки исполняли купеческие караваны, сообщавшие о степных битвах или скоплениях половецких войск на подходах к русским пределам. Но встречаются и лексические обороты, указывающие на уведомление дальней пограничной стражей о приближении противника: «пригнавше сторожеве, рекоша єму: не лежи, княже, Глѣбъ ти пришелъ на тя» (ПСПЛ, т. 1, с. 319, 335). В этом ряду предельной конкретикой обладает только летописная статья под 992 г.: сообщение о приходе печенегов «от Сулы» пришло из-за пределов трубежского рубежа, до подхода печенегов вестники успели преодолеть около 200 км прямого расстояния до Киева. Это позволило Владимиру Святославичу вернуть расходившиеся после хорватского похода войска и встретить противника на месте закладки Переяславля. Столь скорую доставку тревожной вести могли обеспечить торческие всадники: часть их осталась на Руси уже после совместного похода с Владимиром на Волжскую Болгарию в 985 г.

К расселению кочевых федератов Руси

Судя по письменным и археологическим источникам, борьба с агрессивными соседями Южной Руси велась тремя основными способами. В литературе лучше освещены вопросы консолидации усилий князей для организации совместных походов в степи, но хронологически это была завершающая стадия противостояния со Степью. Значительно раньше началось укрепление рубежей крепостями; эта сторона защитных мероприятий была известна хуже, но выше эту лакуну удалось частично закрыть. Следующей защитительной мерой являлось расселение недавних выходцев из степей в южные русские приграничья: оно было связано с их приобщением к несению военной службы. «Свои поганые» (т. е. некрещеные) не были монолитной и единственной ветвью выходцев из степей: племенное объединение прежних огузов включало не только торков: на Левобережье известно расселение берендеев, ковуев и турпеев, а на правобережном Поросье они вместе с печенегами составляли сообщество, известное под именем «черных клобуков». Тем не менее по первому летописному упоминанию к востоку от Днепра их условно именуют «переяславскими торками».

Тюркские торки (узы византийских источников) издавна тяготели к соседям-земледельцам. С рубежа VII–VIII вв. они несли пограничную службу по периметру оседлых земель Мавераннахра и Хорезма (Расовский, 1935, с. 250). В середине VIII в. они были вытеснены из степей Восточного Казахстана в бассейн Сырдарьи и Приаралье, где столкнулись с этнически близкими печенежскими племенами и после многолетней борьбы одержали верх. В X в. в среднем течении и низовьях р. Сырдарьи возникло государство огузов, позже возглавленное династией Сельджуков. Около середины XI в. войска огузов были разгромлены напиравшими с востока половцами и разделились. Образовавшие империю Сельджукиды завоевали часть Передней Азии и приблизились к границам Византии. Там огузы как исключительные конники и лучники составляли отряды «акритов» – пограничников в защите страны от вторжений и соединения «акынджи» – налетчиков, совершавших набеги на соседей-христиан. Торки северной ветви повернули к южнорусским степям. Часть их вошла в состав половецкого этнического конгломерата, другая была прижата к южным границам Руси (Григорьев, 1875, с. 12; Голубовский, 1884 а, с. 12; Гордлевский, 1941, с. 22, 23, 46, 148).

В летописных источниках торки впервые были упомянуты под 985 г. как союзники Владимира Святославича в его походе на волжских болгар. Вероятно, часть степняков осталась на Руси: повар по имени Торчин в 1015 г. зарезал своего сюзерена, муромского князя Глеба Владимировича. А в 1097 г. «торчинъ именем Беренди, овчюхъ Святополчь» ослепил теребовльского князя Василька Ростиславича (ПСРЛ, т. 1, с. 84, 136, 261).

В 1054 г. оттесненные половцами торки подошли к летописному Воиню и были разбиты переяславским князем Всеволодом. Завершил их разгром совместный поход братьев Ярославичей и полоцкого князя Всеслава Брячиславича в 1060 г. По летописной легенде, кочевники «помроша, бѣгаючи Божьимь гнѣвомь гоними, ови от зимы, друзии же гладомь, ини же моромь и судомь Божьимъ». На самом деле значительная часть торков вторглась в Венгрию, в сентябре 1064 г. их 600-тысячная орда разоряла задунайские и балканские провинции Византии: с боями они доходили до стен Константинополя. Но голод, эпидемии и нападения болгар с печенегами обескровили степняков. Уцелевших Византия расселила в Македонии, в ее войсках появились и торческие отряды (ПСРЛ, т. 1, с. 163; Васильевский, 1872, с. 138; Голубовский, 1884 а, с. 8; Шушарин, 1961, с. 151).

На Руси первые торческие сообщества могли появиться после их разгрома в 1054 г. и битвы 1060 г. Согласно мнению современника, Михаила Атталиата, после византийского разгрома 1064 г. часть торков вернулась на Русь и была расселена по городам, о чем древнерусские летописные источники умалчивают. Подобные сведения содержатся лишь в обеих редакциях татищевской «Истории Российской» (Татищев, 1962, с. 82; 1964, с. 153; Грушевский, 1905, с. 55; Васильевский, 1908, с. 27–29). В этой информации несколько сомнительно мнение византийского историка о расселении тюрков в 1064 г. именно «по городам». Этот оборот скорее отражал византийские реалии – на Руси «города» степняков появились позже. Тем не менее Л. В. Войтович и О. и А. Колыбенко считают, что расселением торков князья начали заниматься в 1060 г. или же сразу после поражения, нанесенного им ханом Сокалом 2 февраля 1062 г. (Войтович, 2006, с. 307; Колибенко О., Колибенко О., 2014, с. 15).

О реальном расселении торков на Левобережье известно из статьи ПВЛ под 1080 г.: «заратишася торци переяславсьтии на Русь» (ПСРЛ, т. 1, с. 204). Следовательно, к этому времени часть степных выходцев уже проживала близ русского пограничья и именовалась по месту их обитания. Эти волнения могли отразить тяготы вживания в феодальную структуру и вынужденный переход на полуоседлость. Непосильным могло казаться и бремя княжеского вассалитета – подобное давление ранее они испытывали со стороны половцев.

Места пребывания торков источниками уточнялись редко. На Правобережье в 1086 г. уже существовал город Торческ, близ Переяславля в 1095 г. размещался торческий отряд, который помог Владимиру Мономаху избавиться от посольства Итларя и Китана: это могла быть мобильная часть дружины, расквартированная в окрестностях города (ПСРЛ, т. 1, с. 227; Расовский, 1933, с. 59). Почти одновременно в статьях ПВЛ под 1093–1095 гг. приведены факты размещения степняков в Торческе и Юрьеве, о постройке на Днепре для них города Святополча. Тем временем около 1096 г. к Мономаху вышли торки из половецкой орды Читеевичей; после разгрома половцев в 1103 г. на Сутени князья «заяша печенѣгы и торкы с вежами». Уход части кочевников разрушал степное равновесие: в 1116 г. двухдневная битва степняков завершилась новым выходом торков и печенегов к Владимиру Мономаху. В 1117 г. на Русь бежали жители Белой Вежи–Сакела, вероятно, вместе с союзниками – печенегами и торками. И все же около 1121 г. волнения степняков повторились, и Вла-

димир Мономах изгонял берендеев, «а торци и печенѣзи сами бѣжаша». Упоминание на Переяславщине под 1125 г. торческих «городов» Баруча и Бронь Княжа стало верхней датой левобережного расселения, фиксирующей существование стабильной торческой территории с укрепленными убежищами. Действительно, вряд ли кочевников сразу селили в городах: это не было характерно для их изначального уклада (ПСРЛ, т. 1, с. 204, 221–225, 229, 249, 277, 281, 292; 295; Расовский, 1933, с. 13). Тем не менее в определенной степени это был обоюдовыгодный симбиоз: взамен несения воинской службы торки обретали безопасность для семей и имущества. Об этом свидетельствует статья ИЛ под 1150 г.: «и ту придоша к нему чернии клобуци, жены своя и дѣти своя в городѣх затворившее на Поросьи, а сами приѣхаша къ Изяславу всими своими силами» (ПСРЛ, т. 2, с. 400). А представленные многочисленными кладами накопленные богатства «своих поганых» отлагались в их крепостицах на русской территории (Моргунов, 2016, с. 305–307). Таким образом, с появлением земель-княжений, затруднивших пополнение редевшего порубежья «мужами лучшими» эпохи Владимира Святославича, новое население восполняло эту недостачу.

С возникновением половецкой угрозы на Руси назрели перемены в военной тактике. Прежде русские войска состояли из пехоты, в чем-то близкой варяжской, которая когда-то устрашала всю Европу. Да и естественные условия лесной зоны, откуда на юг поступала значительная часть воинского пополнения, никак не способствовали развитию коневодства. Конница использовалась лишь в единичных случаях: в походе 985 г. в Волжскую Болгарию следовавшую в ладьях пехоту сопровождал торческий отряд, а Святополк Ярополчич привлекал печенегов к участию в междоусобной войне[1] (Терещенко, 2006, с. 187–190). Красноречивым был и обмен разными типами личного оружия между воеводой Претичем и предводителем печенегов. Первым исключением стал поход князей в 1060 г. на торков «на конихъ и в лодьяхъ».

Половецкая агрессия вызвала и потребность в легких кавалерийских контингентах, которые тактикой боя и качеством вооружения были бы сопоставимы с половецкими (Голубовский, 1884 а, с. 152, 153). Согласно лучше освещенной в источниках деятельности правобережных черных клобуков, они служили авангардом войск и боевым охранением, отрезали пути отступления не столь давних сородичей, нередко отбивали «полон» – награбленное половцами добро и пленных (Расовский, 1927, с. 94, 95). Таким образом, были созданы кавалерийские формирования, наделенные ранее неизвестным на Руси опытом мобильного ведения войны. Кроме того, в Переяславской земле было необходимо заполнить боеспособным населением непригодные для земледелия территории, куда прежде половцы проникали беспрепятственно.

Сведения о последовательности включения подобного формирования в состав оседлого государства и его подготовке к военным действиям содержит летопись близкого по времени анонимного грузинского историка. Хронист подробно повествовал о взаимоотношениях царя Давида IV после 1118 г. с половцами хана Атрака. Из 50 000 пришедших воинов было отобрано 40 000 лучших: их обеспечили конями и оружием. Была восстановлена родовая структура и проведена формальная христианизация. На зиму их обеспечивали пищей и стоянками «в удобных для них

[1] В работе цитируемого автора вызывает удивление пассаж, связанный с ходом Лиственской битвы: «викингов практически растоптала кавалерия, приведенная из Тмутараканя». Действительно, из легендарных сведений об этом времени известно, что Мстислав Владимирович вел из Тмутаракани в Киев такую диковинку, как хазар и касогов. Но в дальнейших событиях в источниках упоминается исключительно его «дружина»; как «дружинный» князь он представлен и в летописном некрологе (Боровков, 2016, с. 72).

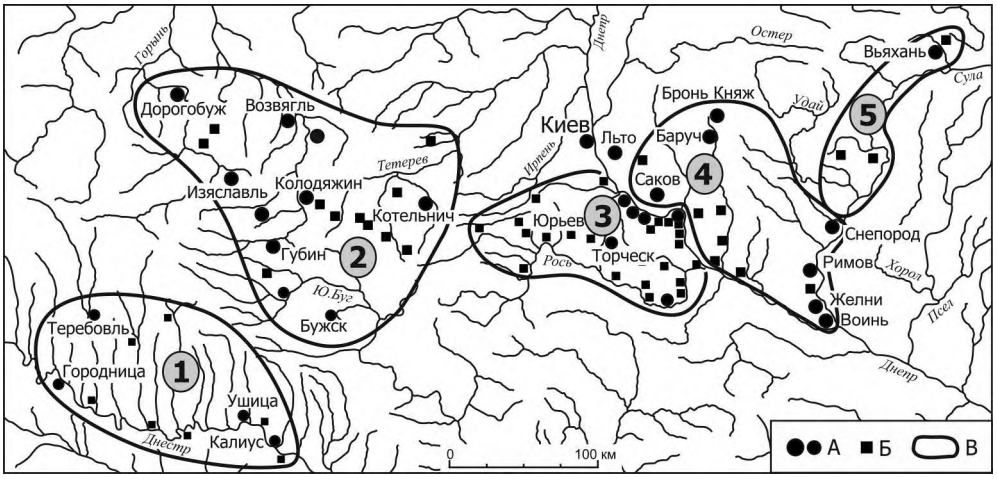

Рис. 88. Приграничные ареалы выходцев из степей.
А – летописные города; Б – городища; В – зоны расселения.
1 – Поднестровье; 2 – Волынь; 3 – Поросье; 4 – Переяславщина; 5 – Посулье

местах с их матерьми и сыновьями». Период подготовки занял 1118–1120 гг., а в 1121–1124 гг. они влились в боевой авангард, отбивавший набеги сельджуков, грабивший поселения других тюрков для захвата добычи и пленных, совершал дальние походы. Султан сельджуков даже просил у Давида IV «любви, мира и неразорения половцами» (Мургулия, Шушарин, 1998, с. 96, 118, 121, 150, 193).

Во многом это походило на взаимоотношения печенегов с Венгерским государством, где они служили с 1052 г. в качестве легкой конницы, передовых разведывательных и стрелковых отрядов. С 1074 г. условием охраны пограничья и участия в междоусобицах стало предоставление им привилегий. Затем они добились выбора своих судей и родовых старост для разбирательства внутренних противоречий. Позже истребовали ведение военных действий отдельными отрядами и освобождение от налогов с отведенных им земель – всё это было залогом верной службы на границах и во внутренних районах страны (Расовский, 1933, с. 44, 48). Привлечение степняков на службу практиковала и Византия, что не исключает заимствования накопленного опыта Русью. Поэтому некоторые элементы подобного подбора и подготовки степняков могли применяться и на русском порубежье. Как бы то ни было, в Галицком Приднестровье теребовльский князь Василько Ростиславич уже в 1097 г. имел возможность вовлекать в войну печенегов, торков и берендеев, его приближенным был степняк Кульмей. Параллельно на восточной Волыни начал слагаться Болоховский заслон. Таким образом, выходы ослабленных внутристепными распрями кочевых сообществ на Русь создавали предпосылки для почти одновременного огораживания южнорусского пограничья зонами кочевнического расселения. **Рис. 88**.

Лучше изученную зону черноклобуцкого расселения в литературе обобщенно называют Поросьем, или летописным Перепетовым полем (ПСРЛ, т. 1, с. 333, 358). Это маловодная луговая «поляна» с севера и юга была ограничена покрытыми лесами течениями Стугны и Роси, а на востоке замкнута Днепровской оборонительной линией с летописными городами Треполем, Халепом, Святополчем, Зарубом и Кане-

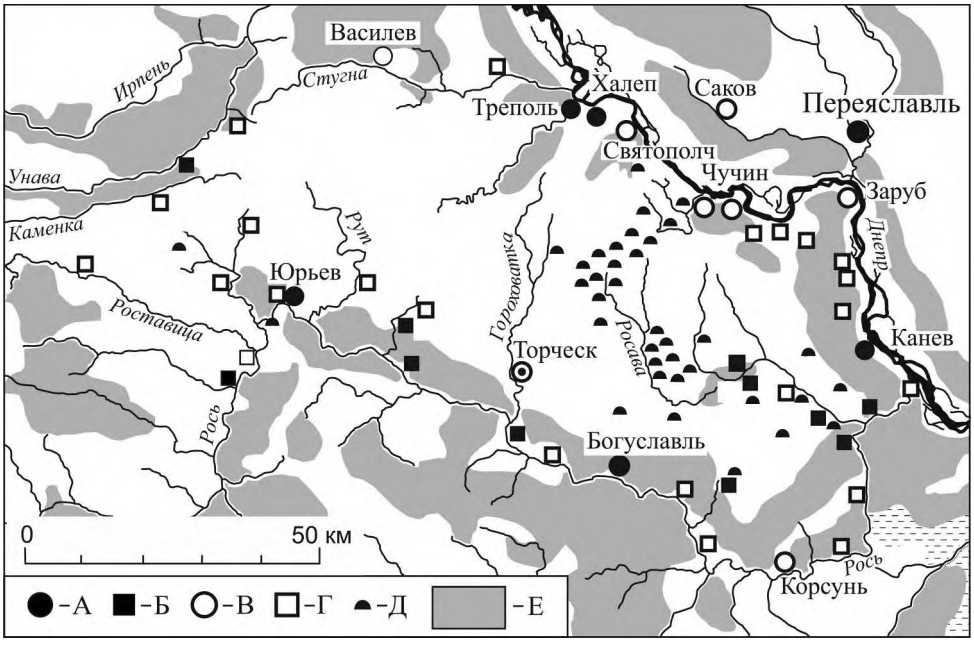

Рис. 89. Черноклобуцкое Поросье в XII–XIII вв.
А, Б – древнерусские города и городища; В, Г – города и городища черных клобуков; Д – курганные могильники выходцев из степей; Е – древние лесные массивы

вом. Рядом с руинами Витичева в 1095 г. для степняков был построен г. Святополч, заселенный выходцами из правобережного Юрьева и левобережными «засаковцами». К «русскому» берегу Роси прилегал летописный г. Торческ, на нижнем течении Роси стояли города Богуслав и Корсунь. Протяженность этого междуречья вдоль линии запад-восток насчитывает 130 км, а расстояние от Днепра до самого западного городища (у с. Буки) – 150 км. В поперечнике степная равнина не превышает 60 км: ее площадь 7,5 тыс. км^2 (Плетнёва, 1973, с. 25; Моргунов, 2012, с. 202). **Рис. 89.**

Существенно, что этот ареал, как и другие места кочевнического обитания, был вытянут вдоль оси запад-восток. Это не позволяло степнякам совершать свойственные их быту сезонные перекочевки и вынуждало если не оседать на землю, то переходить к пастушеству.

Восходящие к концу XI в. древности ковуев появились в черниговском Задесенье, где размещались летописные города Всеволож и Бохмач. На западе и севере регион простирался до Десны, на юге ограничивался течением Остра с летописными Уненежем и Белавежей. Восточным пределом зоны служило течение р. Ромен с городами Глеблем и Красном. На археологическом материале наблюдения А. К. Зайцева относительно этого региона были конкретизированы В. П. Коваленко и Ю. Н. Сытым (Зайцев, 1975, с. 78, 79, рис. 2; Сытый, 1990; Коваленко, Ситий, 2004). Размеры Задесенья относительно невелики: 120 (запад-восток) × 45 км (5,2 тыс. км^2). В его ландшафтную основу входили болота, солонцеватые почвы и перелески, но это не помешало переселению туда в 1117 г. выходцев из Саркела–Белой Вежи. Закономерность выбора места расселения кочевников подчеркивается позднейшей хозяйственной эксплуатацией этих земель: с конца XVII в. в «Беловежской степи»

размещали лошадей войсковой артиллерии: крестьяне перешли в подчинение «арматным есаулам». При Екатерине II там располагали конские и овчарные заводы. Так же использовали угодья соседней Куренской степи. Эта традиция сохранялась, по крайней мере, до конца XIX в. (Лерберг, 1819, с. 386; Статистическое обозрение, 1847, с. 62, 78–80; Минцевич, 1851, с. 1; Лазаревский, 1893 а, с. 131, 179, 180). Со временем упомянутые области наполнились укреплениями оригинального устройства и степными артефактами; там до сих пор аномально сохранились значительные скопления кочевнических этнонимов (ПСРЛ, т. 1, с. 227–229, 249, 265, 266; Ивакин, 1901, с. 179; Літопис, 1989, с. 459; Колибенко, Колибенко, 2006; Моргунов, 2012 б).

Применительно к переяславскому Левобережью выше уже упоминалось расселение «засаковцев» с «городом» Саковом, этимология которого не исключает его тюркского происхождения (ПСРЛ, т. 2, с. 398; Ляскоронский, 1907 б, с. 13–16; Расовский, 1927, с. 102; Нерознак, 1983, с. 153). В значительной мере они включали племя турпеев, обитавших между Днепром и р. Каранью, впадавшей справа в Трубеж семью километрами ниже Переяславля (ПСРЛ, т. 1, с. 229; т. 2, с. 325, 398). **Рис. 62. Прим. 17**.

Размеры саковского ареала насчитывают не более 800 км^2, степная растительность там перемежалась с песками, перелесками, заболоченными участками и засоленными степными «блюдцами» (Богушевский, 1892, с. 12, 35, 59, 63). Подобная картина не соответствует оценке древнего растительного покрова этой области, основанной на почвенных данных. Это единственное исключение, вероятно, вызвано мероприятиями по закреплению песков: об их начале свидетельствует множество наблюдений в краеведческой литературе Левобережья рубежа XIX–XX вв.

Этим исчерпываются краткие летописные сведения об ареалах переселенных в южнорусское приграничье степняков.

Начало изучения обитаний подобных переселенцев было положено П. В. Голубовским и В. Г. Ляскоронским. Они отмечали, что наибольшую пользу выходцы из степей могли принести на путях проникновения половцев, но опирались на идею о территориальной близости русских и торческих поселений, на быструю ассимиляцию степняков славянами. В. Г. Ляскоронский наметил две основные половецкие дороги, где могли быть расселенные торки. Более поздний путь их набегов приводил к междуречьям Сулы с Сеймом и Удая с Остром. А по времени более близким к изучаемому периоду было наблюдение о проживание торков в приднепровской полосе между Переяславлем и Воинем (Голубовский, 1884 б, с. 134, 135; Ляскоронский, 1903, с. 160, 161, 166; 1905, с. 291–296; 1907, с. 3–10). Изыскания были продолжены А. М. Андрияшевым, который счел более вероятным проживание торков «в пустыне меж Супоем и Сулой, чтобы они не соседствовали с оседлыми и не могли им пакостить» (Андріяшев, 1931, с. 14, с. 15, 16). Действительно, для оседлого населения близость торческого расселения могла вызывать привычные опасения. Каждая из трех гипотез имела свои положительные стороны, поэтому они должны были иметь нечто общее.

Особый смысл в отдалении ареалов степняков заключался в характере их землепользования: для оседлых переяславцев были важны пахотные черноземы, а хозяйство недавних кочевников опиралось на скотоводство. Ландшафты Задесенья и саковской «полосы» были непригодны для экстенсивного древнерусского земледелия, невозможен был там и выпас крупного рогатого скота. Но лугово-солончаковая растительность поречья Среднего и Верхнего Супоя не мешала коневодству и даже способствовала овцеводству. Так, в XIX в. в Полтавской губернии особые породы серебристых густошерстных овец выращивали только на солонцах приднепровской степи (Богданович, 1877, с. 93).

Вышесказанное позволяет с высокой долей вероятности объединить приведенные выше поиски мест обитания переяславских торков. Ключевым моментом являются упомянутые в «Поучении» Мономаха события 1085–1087 гг., когда на пути из Переяславля в Прилук за Супоем «срѣтоша ны внезапу Половечьскыѣ князи 8 тысяч». Затем степняки безнаказанно появлялись у Белой Вежи, Красна и Варина (ПСРЛ, т. 1, с. 248, 249). Это подчеркивает удаленность посульского анклава от метрополии, разделенную незаселенным степным междуречьем Трубежа и Удая. Заполнение супойской «пустыни» могло способствовать прекращению неожиданных появлений там степняков, обеспечивая безопасность Переяславля.

В XII в. гидроним Супой в источниках начинает использоваться в качестве широкого географического понятия. Характер его употребления во многом близок к расширительному взгляду на Поросье как на территориальное образование. Эта малонаселенная территория была объектом вторжений в переяславские пределы (1135–1136 гг.), являлась удобным плацдармом для подготовки походов киевских и переяславских войск на север (1147 г.). Туда через вырские «полю ворота» приходили на мир половцы в 1155 г.: «сташа по Дубницю оли до верх Супоя» (ПСРЛ, т. 1, с. 303, 315, 346). На этом степном плато только торки, привыкшие к езде «о дву конь», могли с максимальной скоростью передавать оперативную информацию в столицу, как это было показано в известии под 1148 г. об оперативности сторожевой службы (ПСРЛ, т. 1, с. 319; Моргунов, 2000, с. 29–32).

Окаймленное лесами степное «супойское плато» является низкой равниной, пересекаемой маловодными заболоченными реками. Верхнее течение Супоя вплоть до поостёрского предела Переяславщины расположено среди слабозасоленных черноземов, подобная картина наблюдается и в прилегающих верховьях меньших рек. Поэтому на фоне густонаселенных Посулья и трубежского пояса на Супое практически нет общерусских памятников (Моргунов, 2000, с. 28–30, 34). Этимология гидронима Супой отражает занятия местного населения животноводством (Стрижак, 1963, с. 93). Население этого плато занималось почти исключительно коневодством и в конце XIX в. (Прилукский уезд, 1891, с. 102–104; Сборник, 1891, с. 102–104, 203). Таким образом, природные условия этого региона всё же естественным образом обособляли инородческое расселение от мест обитания земледельцев.

Степи нижнего течения Супоя менее засолены, но неплодородные земли нередки и в приднепровской полосе вплоть до Нижней Сулы. Их размещение хорошо распознается по современным почвенным картам (Карта почв, 1973). С учетом этого меридиональные размеры региона, теоретически пригодного для торческого расселения, между течением Остра и Днепром достигают 180 км. В широтном направлении расстояние между течением Трубежа на западе и поречьями Удая с Нижним Посульем насчитывает от 70 до 100 км. Таким образом, площадь этого региона насчитывает около 13 тыс. км^2: вероятно, это крупнейший ареал приграничного проживания выходцев из степей. **Рис. 90**.

Его западная и южная части отличаются и аномальной концентрацией тюркской топонимики. Так, яр Каратули, сёла Большая и Малая Каратуль и р. Каратулин являются кальками летописного имени черных клобуков. Тюркскую основу имеют гидронимы Ирклей, Иченка, Каврай, Казарка, Каир, Карань, Сага, Ташанка, Хазары, Чевельча, Чугмак. Не являются исключением болото Казаровское, урочища Беренда, Круглый Кугум, Малый Кугум, а также село Ташань (Брахнов, 1957, с. 49; Стрижак, 1963, с. 25, 26, 69, 88; Трубачев, 1968, с. 254, карта 12; Желсзняк и др., 1981, с. 162, 172, 174; Нерознак, 1983, с. 153; Колыбенко, 2016, с. 237, 243; Колыбенко, Колыбенко, 2006, с. 113, 114). Таким образом, летописный оборот «переяславские

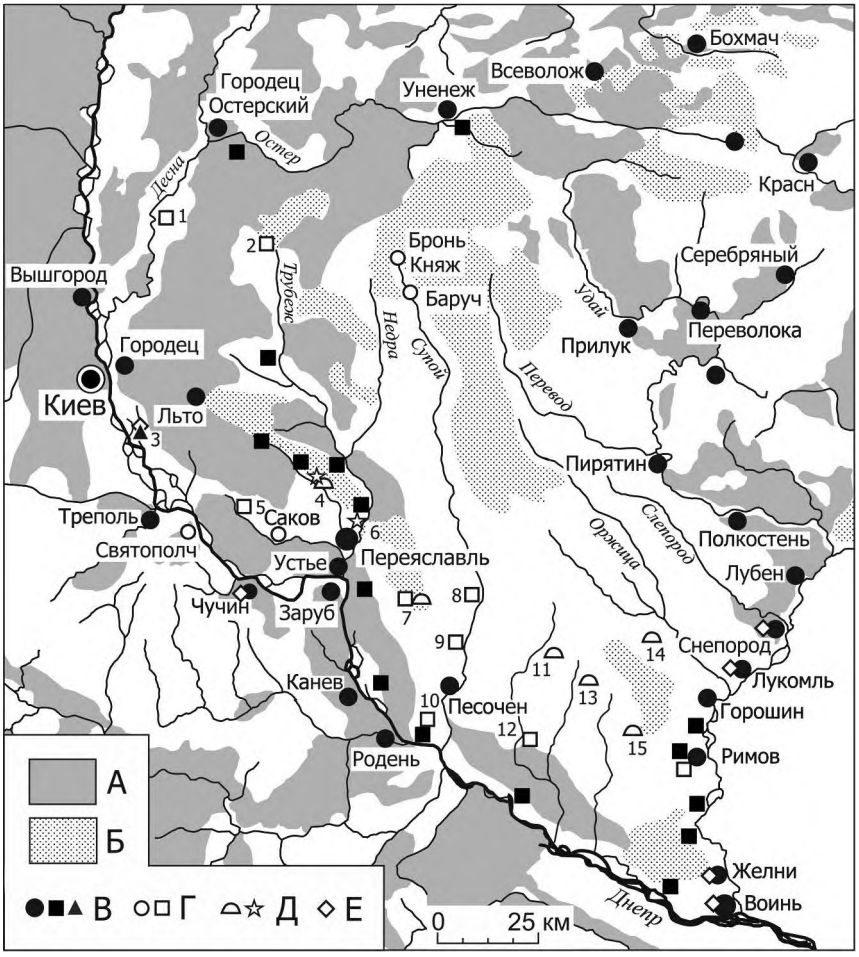

Рис. 90. Памятники торков запада и отдельные следы их присутствия.
А – древние лесные массивы; Б – засоленные земли с галофильной растительностью;
В – древнерусские города, городища, селища; Г – города и городища степняков;
Д – погребения и клады степняков;
Е – следы присутствия кочевников на древнерусских поселениях.
1 – Крехаев; 2 – Заворичи; 3 – селище Вишенки; 4 – Подолье (бывш. Войтовцы);
5 – Головуров; 6 – Переяславский клад 1912 г.; 7 – Виненцы–Войницы; 8 – Ташань;
9 – Каленики; 10 – Бубновская Слободка; 11 – Вершина Згарская–Хорунжевка;
12 – Золотоноша; 13 – Сазоновка; 14 – Круподеринцы; 15 – Старый Иржавец

торки» действительно условен: на Переяславщине оставили след берендеи, черные клобуки и хазары-ясы. Вспомним, что из похода 1116 г. Ярополк Владимирович привез из Шаруканя дочь ясского князя, вероятно, с ее ближайшим окружением.

Кроме «супойского» региона в Переяславской земле были и локальные средоточия степных федератов. Севернее полосы расселения киевских тупеев за р. Каранью простирался треугольный клин слабозасоленных земель по течению р. Альты (летописное «Летское поле»). Он широкой полосой начинался у берега

Трубежа близ Переяславля и сужался по направлению к лесной дороге на Киев, где 1015 г. на Льто погиб князь Борис. Близ этой узкой воронки на трассе к столице присутствие легкой конницы было особо необходимо. Оно отражено позднекочевническими древностями у с. Войтовцы на Альте (совр. с. Подолье). Это и богатое погребение кочевника XI в., и немногим более поздний клад 1898 г. с золотыми и серебряными украшениями, принадлежавший знатному торку (Орлов, Погорілий, 1977, с. 87–89; Моця, 1990, с. 19, 20). **Прим. 18**.

Оценка торческого расселения нуждается в привлечении археологических источников. До относительно недавнего времени в западной части Переяславской земли было известно лишь о нескольких впускных позднекочевнических погребениях XI–XII вв. Так, у с. Виненцы (бывш. Войница) в кургане Острая Могила содержалось богатое погребение с остатками коня. Восточнее аналогичные захоронения встречались в могильниках у сел Старый Иржавец, Вершина Згарская (бывш. Хорунжевка), Круподеринцы и Сазоновка (Самоквасов, 1908 а, с. 238; Моця, 1990, с. 19, 20).

На юге супойского плато встречаются и небольшие городища со слабо насыщенными культурными напластованиями. Начало археологического изучения сходных укреплений было положено исследованиями городищ летописного Святополча близ Витичева, где обнаруживали оригинальные особенности быта и фортификации выходцев из степей: следы юртообразных построек с очагами, многовальные напольные укрепления, эскарповидные подрезки береговых склонов, дополнение срубных защитных стен частоколами и плетнями. Сходной атрибутикой отличался памятник Холки на р. Оскол с аналогичными подрезками, постройками общерусского облика с очагами. На городище не единичны находки керамики степных типов; оригинален частокол, устроенный перед городнями напольной стены. На многочисленных правобережных аналогиях были обычными и многорядные линии концентрических валов и рвов. Всё это не свойственно общерусскому оборонительному строительству (Плетнёва, 1964, с. 29; Плетнёва, Макарова, 1965, с. 55–57, 60; Винников, 1990, с. 24–26; Винников, Кудрявцева, 1998 а, с. 52, 62).

В лесостепи подобные защитные элементы применялись при постройке салтовских крепостей. На территории Руси в IX–X в. эскарпами обустраивались славянские укрепления от Дона до Западного Буга, но затем они вышли из фортификационного оборота. В раннем Средневековье многорядные напольные и многорядно-концентрические укрепления известны в среднеазиатских центрах. Позже их возводили в Закавказье, Северном Кавказе, обычны они и для Волжской Болгарии, а в конце XI в. одновременно со степными федератами они появляются в русском приграничье. Очевидно, перечисленные особенности маркируют путь проникновения нетипичных для Руси защитных элементов в Европу, поэтому условно их можно назвать «степными». Локальное применение подобных защитных форм отражает давние и устойчивые фортификационные традиции, присущие той части кочевого мира, которая по пути в Европу была вынуждена оседать на землю и ограждать свои поселения. Схожие укрепления распространились и в русском приграничье обширными ареалами с оригинальными погребальными памятниками и специфической топонимикой. Инвентарь таких городищ включает фрагменты медных котлов, бронзовые зеркала, лазуритовые подвески, серьги «половецкого типа» с напускными бусинами и керамику алано-болгарских прототипов.

В Переяславской земле наиболее сложно локализуются размещавшиеся рядом торческие «города» Баруч и Бронь Княж, впервые упомянутые под 1125 г. Думается, что летописцы не располагали достаточной информацией о размещении

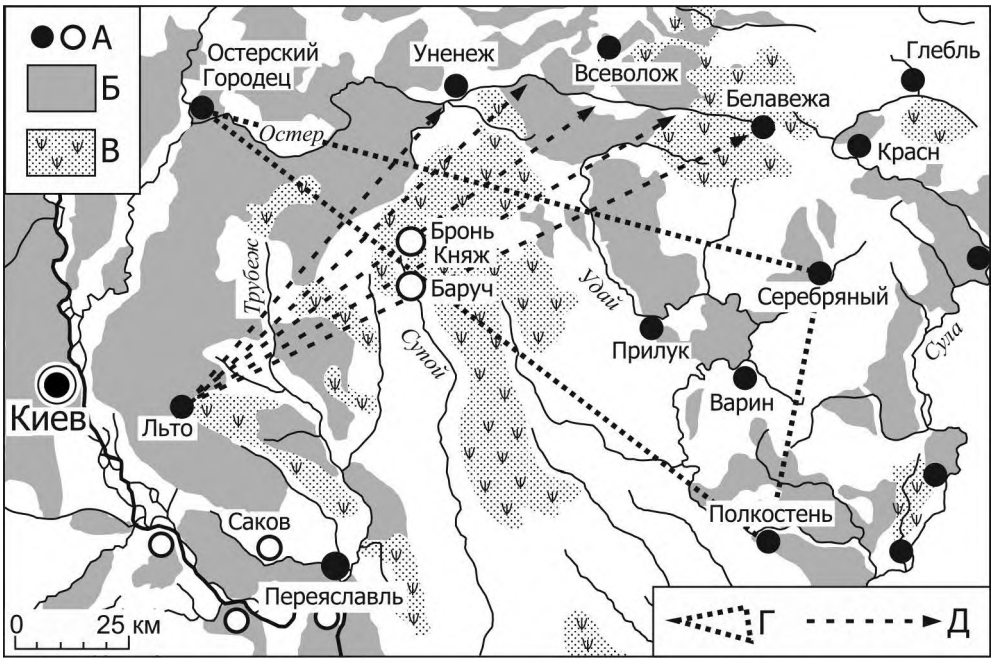

Рис. 91. К поискам летописного г. Баруча.
А – летописные города; Б – древние лесные массивы; В – слабозасоленные черноземы;
Г – «треугольник» поисков Баруча и Бронь Княжа;
Д – вероятное направление движения Изяслава Мстиславича в 1147 г.

торческих «городов», удаленных от русских поселенческих массивов. **Прим. 19**. Судя по летописным сведениям, они были значительными населенными пунктами. Поэтому вызывает удивление, что даже современные исследователи с завидным упорством пытаются отождествить эти укрепленные поселения с незначительными или вовсе малоизученными городищами. Следуя наблюдениям Н.П. Барсова, искать Баруч следует в северной части Переяславской земли (1873, с. 140). **Рис. 91**. В этом регионе торческим «городам» соответствуют только два городища: из них Бронь Княж с большой степенью вероятности отождествим с посупойским городищем в с. Новый Быков. Обследование конца XIX в. дает представление об ассортименте древнерусских находок, местоположении, округлых очертаниях и обширных размерах – 220 × 227 м (Мисевский, 1878, с. 238–242). Спутниковая съемка (http://wikimapia.org/#lang=ru&lat=50.588468&lon=31.674271&z=12&m=yh) указывает, что памятник застроен, но сохранил свои очертания: размеры его площадки составляют не менее 3,5 га.

Баручу может соответствовать расположенный тремя километрами южнее памятник у с. Петровки: он занимает середину надпойменного всхолмления – острова размерами 520 (С–Ю) × 470 м. «Полезная» площадь городища округлых очертаний составляет 1,6 га, высота валов достигает 3,7 м, культурный слой содержит керамику XI–XIII вв. (Кучера, отчет 1973 г., с. 5, 6; Моця, Халиков, 1997, с. 92–95). За пределами валов площадь острова содержит еще около 5 га: этого вполне достаточно для укрывания «людей и торков». Предложенному отождествлению отвечает этимология летописного названия: Баруч = «болото, мокрое

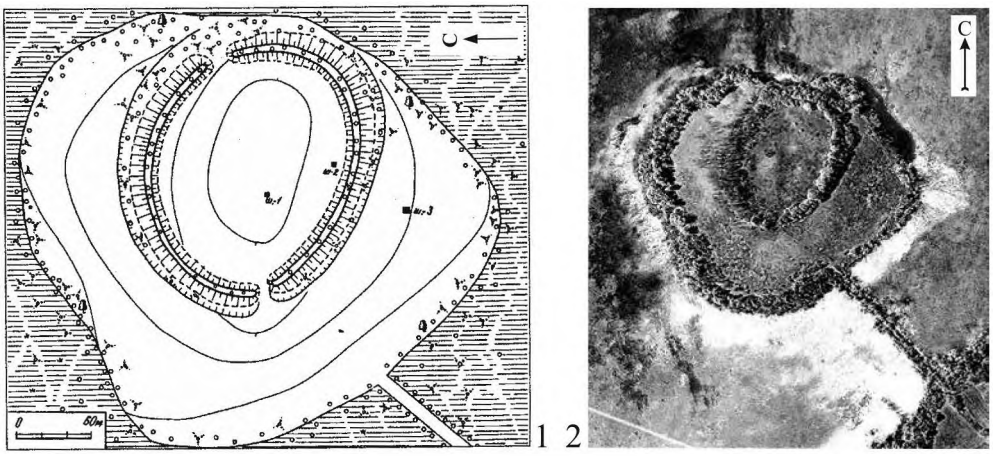

Рис. 92. Городище Петровка (летописный Баруч).
1 – план (по А. П. Моце); 2 – спутниковая съемка

место между взгорьями» (Нерознак, 1983, с. 17). Это реальная топография расположения городища между пологими склонами вторых речных террас. **Рис. 92.**

Оба городища соответствуют летописной оценке близкого размещения обоих городов, а 60-километровое расстояние от Переяславля не более дневного конного перехода налегке на короткие расстояния. Несмотря на обособленность крепостей от русского расселения, массив пригодных для земледелия тучных черноземов начинается в незначительном отдалении к югу и западу (Моргунов, 2000, с. 24, 28). По размерам укреплений городища относятся к статистической группе крупных крепостей, куда входят исключительно летописные города (Моргунов, 1990 а, с. 100). Островное расположение Баруча–Петровки с опорой на неприступное в безморозную пору болото позволяет счесть памятник вариантом двухрядно-концентрических укреплений с дополнительной полезной площадью между крепостными стенами и берегами останца.

Краткость летописного известия породила еще одну неубедительную локализацию: речь идет о существовании «другого» Воиня, упомянутого под 1079 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 204; т. 2, с. 195; т. 3, с. 18, 201). Традиционное толкование этого сюжета следует идее о приходе князя-изгоя Романа Ярославича к нижнесульскому Воиню, но из-за появления в Переяславле великого князя с войсками он послал на переговоры лишь половецких союзников. Всеволоду Ярославичу удалось разделить интересы Романа и ханов для заключения со степняками сепаратного мира у Переяславля. Ожидания князя-изгоя были обмануты, и он погиб в ходе выяснения отношений с недавними союзниками.

Новейший исследователь реанимировал давнюю гипотезу Н. П. Барсова и отождествил второй Воинь с упоминавшимся выше городищем у с. Виненцы (бывш. Войница). **Прим. 20.** Это небольшое городище (0,34 га) с двумя концентрическими валами и рвами с селищем площадью всего 2,4 га. Это действительно памятник, соответствующий современным представлениям об укрепленных поселениях «переяславских торков». Но размеры защищенной стенами площадки и «посада» несопоставимы с известными в летописных центрах, противоречат летописной дате и найденные на памятнике материалы. Вероятно, перед нами

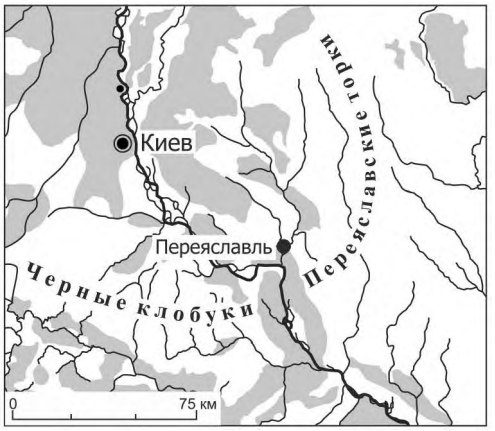

Рис. 93. Структура черноклобуцко-торческого защитного пояса

еще один пример устаревшего метода опоры локализации исключительно на созвучие древнего и позднего ойконимов (Барсов, 1865, с. 37; Кучера, отчет 1971 г., с. 7, 8; Кучера, 1978, с. 22, 23, 26; Колибенко, Колибенко, 2002. С 133; Вовкодав, Юрченко, 2016, с. 119, 120; Колыбенко, 2016, с. 235–241; Тетеря, Юрченко, 2016, с. 18–20).

В центральной части древней Переяславщины известны и другие городища этого времени, наделенные особенностями «степной» фортификации. Это Крехаев, Заворичи, Головуров, Ташань, Каленики, Бубновская Слободка и Золотоноша. **Прим. 21.**

Таким образом, в территориальном ядре Переяславской земли и прилегающем к нему супойском плато убежища-замки недавних выходцев из степей распределялись следующим образом. Их меньшее количество, 4 укрепления, размещались в лесистой зоне и были приурочены к обширным степным полянам с лугово-солончаковыми угодьями. При этом принадлежавшие ковуям летописный Саков и Головуров относились к киевским владениям. В этот период заселенность летописного Летского поля представлена лишь одним открытым (?) поселением и двумя кладами; укрепления появятся там позже. В северном отделе супойского плато существовало два летописных «города» торков, отделенных от земледельческих районов обширными незаселенными пространствами. Это еще один аргумент в пользу предположения о том, что поречье Супоя не входило в состав Переяславской волости.

Наибольшее количество оригинальных городищ размещалось в степной приднепровской части плато: они представлены пятью памятниками. Всего же крепостные сооружения оседавших на землю федератов западной и центральной части Переяславской земли представлены одиннадцатью городищами, среди которых было три летописных города. Это существенная поправка к этнической картине заселения этой территории: количество торческих укрепленных поселений-убежищ этого периода приближалось к восемнадцати устроенным в этом регионе синхронным общерусским крепостям.

Строительство торками крепостных укрытий было существенным явлением их жизни: утеря возможности кочевания заставила переходить к пастушеству на слабозасоленных землях, оставляя южнее свои семьи и имущество под защитой крепостных стен. Одновременно степняки включались в решение защитных задач Руси: там, где прежде Мономах встречал половецкие отряды, появились боеспособные формирования. Но и защитники приднепровских убежищ в случае опасности могли объединяться, если не для отпора, то для передачи известий в тыл, уничтожения отставших конников и погонь за уходившими с полоном кочевниками. Вероятно, для Руси последнее было более значимо, нежели возраставшее количество крепостиц своих федератов. На это указывает единообразная для обоих берегов Днепра структура расселения выходцев из степей, широкими дугами защитного пояса охватившая киевский регион с наиболее опасных сторон. **Рис. 93.**

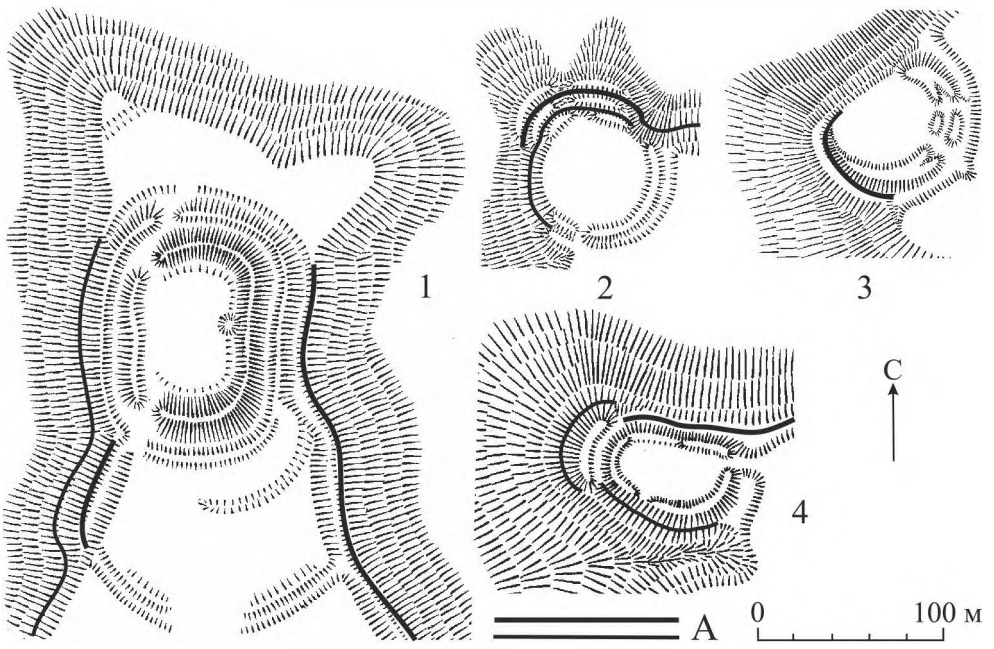

Рис. 94. Торческие «замки» Посулья XII–XIII вв.
с многорядными укреплениями и эскарповидными подрезками.
А – подрезки различной мощности.
1 – Бербеницы; 2 – Лохвица-2 (Высокие Лазирки);
3 – Бабаково; 4 – Великая Буримка-2 (Городок)

Между тем расселение тех, кто скрывался за именем «торки», не ограничивалось рассмотренными выше землями. Ощутимые следы их присутствия прослеживаются и на берегах Сулы: наиболее естественно их увидеть в пределах широкой полосы половецких путей. Так, из напластований Воиня происходит значительное количество обломков котлов из листовой меди и костяных кистеней, а среди остеологического материала – необычно высокий процент костей овец. Найденный там фрагмент выполненного в салтовских традициях красноглиняного кувшина еще раз напоминает о выводе из Шаруканя дочери ясского князя со свитой (Довженок и др., 1966, с. 86, 100, табл. 12, 3; 19, 7, 9, 10). Присущие кочевникам изделия происходят и из памятников Жовнина. **Прим. 22.**

Рядом с городищем летописного Римова расположено укрепление в уроч. Каминци: его площадка полукруглых очертаний (0,16 га) окружена низкими руинами стен. Менее выразительный въезд (следы потеряны?) устроен на южном краю площадки, а более пологий мысовой склон подрезан и снабжен дополнительным валом. **Рис. 94: *4***. Вероятно, это остатки защищенной стенами усадьбы торческого князька: недаром в тылу этого порубежного звена впускные погребения кочевников располагались вокруг массива лугово-солончаковой растительности между реками Золотоноша и Оржица. В XIX в. эта непаханая степь использовалась исключительно под пастбища (Выдрин, 1892, с. 19).

Севернее керамика степных образцов обнаружена на городище летописного Лукомля (Моргунов, 1996, рис. 33: *2*, *18*) и на Снепороде: она требует отдельных

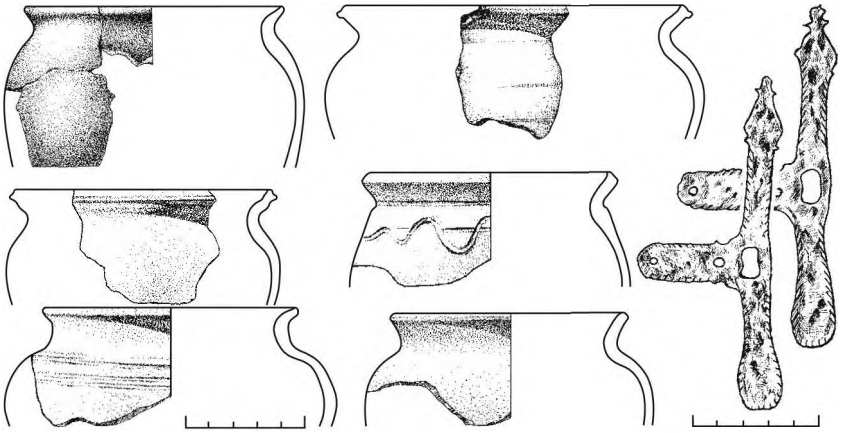

Рис. 95. Снепород: керамика степных типов и псалии

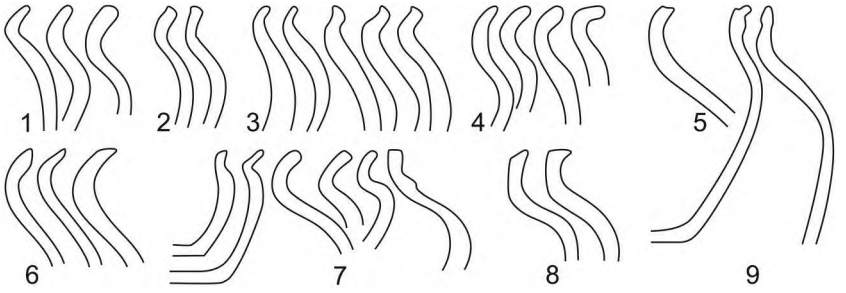

Рис. 96. Керамические формы, присущие восточным регионам.
1–3 – Холки; 4 – Животинное; 5, 9 – Семилуки; 6–8 – летописный Донец

уточнений и сравнительного анализа. **Рис. 95, 96. Прим. 23.** Там найдены и другие изделия степного происхождения. **Прим. 24.** Существенно, что они нередки и в обычных древнерусских постройках, но на детинце кочевнические артефакты не встретились, а на посаде признаки присутствия степного населения равномерно распределены по всей хронологической шкале существования памятника. Схожая поселенческая ситуация прослеживается на примере летописного г. Песочен на Супое. Там на одном из двух окружавших его открытых поселениях обнаружен обломок аскизского «крылатого» псалия, а на другом, в уроч. Дубина, медный половецкий котел, содержавший пять сулиц – черешковых наконечников метательных копий, а также обломки хозяйственных топоров (Чайка, 2011, рис. на с. 71, 73).

В интерпретации причин появления на поселении степных артефактов всё же нельзя исключить элемент случайности: более однозначно трактуются остатки построек. Так, в углубленных котлованах двух одноэтажных домов общерусского облика вместо глинобитных печей обнаружены нетипичные для Руси очаги. Подобные жилища были исследованы на оскольском городище Холки (Винников, Кудрявцева, 1998, с. 55, 56). **Рис. 97.** Особо оригинальны остатки жилища П-11 с турлучно-глинистыми стенами внутри углубленной части: из двух очагов круг-

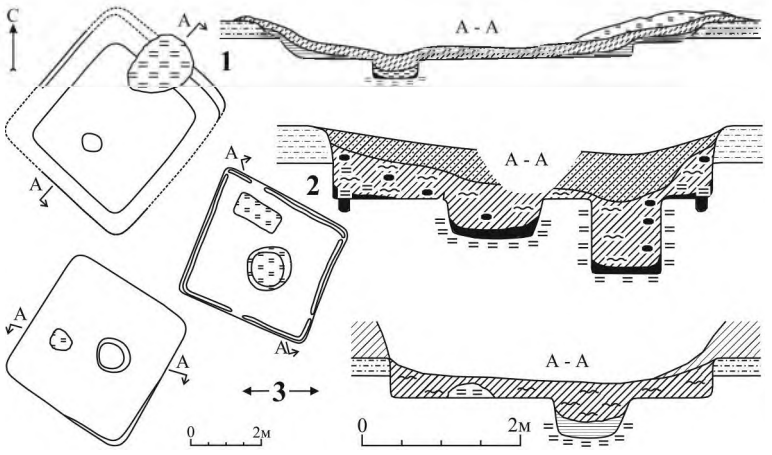

Рис. 97. Снепород: постройки П-1, П-11 и П-6 с очагами

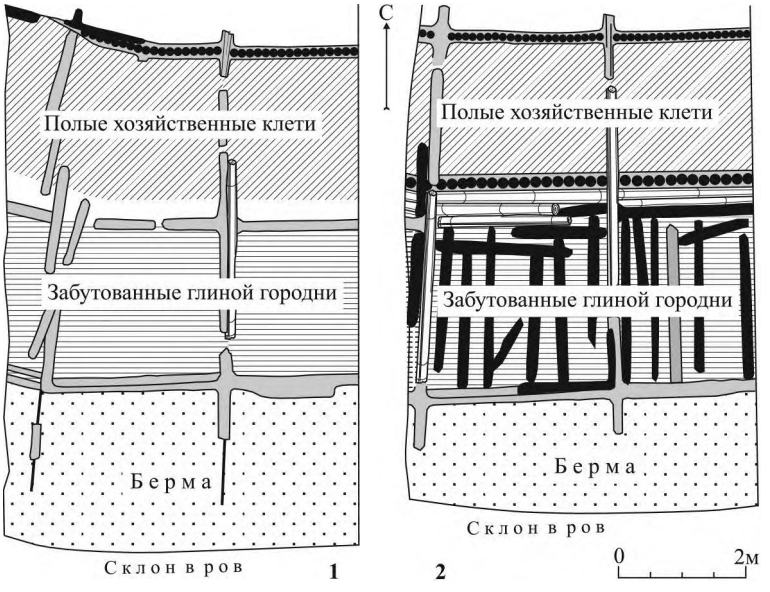

Рис. 98. Снепород: столбовое устройство стеновых клетей:
1 – реконструкция конца XI – начала XII в.; 2 – реконструкция середины XII в.

лый размещался посередине, а прямоугольный был ориентирован вдоль одной из стен. Подобные постройки характерны для салтово-маяцкого населения бассейнов Северского Донца и Дона. Со степными образцами совпадает конструкция стен, очагов, форма и размеры котлована (Плетнёва, 1967, с. 59–61; Нечаева, 1975, с. 28, 31). И это не всё: следы присутствия выходцев из степей прослеживаются и в элементах фортификации. Так, северный крутой городищенский склон снабжен неоправданно широкой подрезкой, а часть обычно срубных внутренних клетей крепостной стены заменена частокольной оградой. **Рис. 98. Прим. 25.**

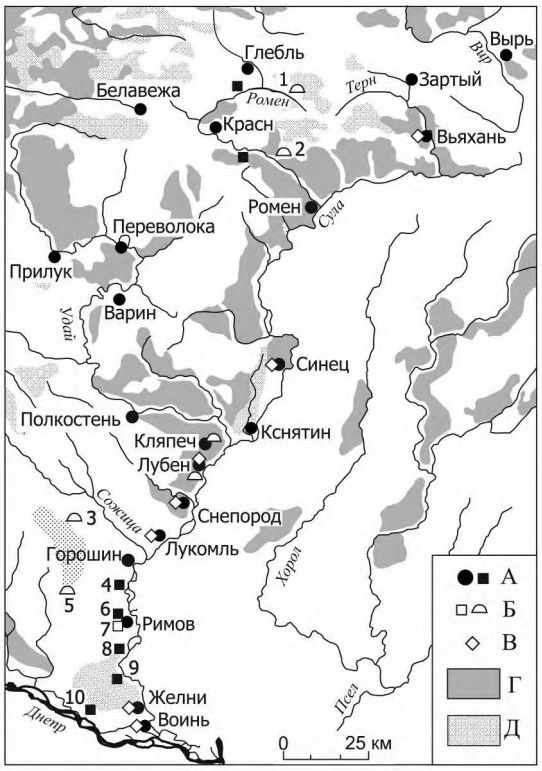

Рис. 99. Общерусские и торческие памятники Посулья к первой четверти XII в.
А – общерусские летописные города и городища;
Б – городища и погребения выходцев из степей;
В – отдельные следы присутствия кочевников на древнерусских поселениях;
Г – древние леса;
Д – слабозасоленные почвы с галофильной растительностью.
1 – Кошары; 2 – Медвежье; 3 – Круподеринцы; 4 – Чутовка; 5 – Старый Иржавец; 6 – Великая Буримка (Мисто); 7 – Великая Буримка (Каминци); 8 – Лящовка; 9 – Клещинцы; 10 – Веремеевка

Кроме того, атрибутика, свойственная недавним выходцам из степей, встречалась на Верхнем Валу в г. Лубны и в местном урочище Лысая Гора, на ныне уничтоженном городище у с. Клепачи, в поречье Ромена у сел Кошары и Медвежье. Схожую со степными аналогами имеет крепостная структура и название летописного Вьяханя, на Средней Суле неординарный характер имеет «земля Чабановская» лохвицко-кснятинского микрорегиона. **Рис. 99. Прим. 26.**

Таков неполный (из-за случайности большинства находок) набросок свидетельств о близком проживании недавних выходцев из степей с оседлым населением. Вероятно, такая близость проживания в массе демонстрирует несколько более позднюю фазу их обитания, нежели на Верхнем Супое. Как бы то ни было, перечень показывает, что на авангардно развернутом к степям Посулье недавние кочевники проживали в общерусских крепостях или рядом с ними, принимали участие в реконструкции их крепостных сооружений. Но их оригинальные укрепления были несколько оттянуты от рубежа в тыл: федераты были слабы к прямым лобовым ударам.

По размерным характеристикам торческие укрепления укладываются в три группы. Наименьшие, «полезной» площадью 0,13–0,2 га, представлены плотно разместившимися четырьмя городищами, – это Бабаково, Великая Буримка-3 (Каминци), Иванков и Каленики. Из них только последнее располагает открытым поселением площадью 25 га с обильным подъемным материалом. Шесть средних имеют площадь 0,3–0,45 га (Бербеницы, Бубновская Слободка, Виненцы, Высокие Лазирки, Золотоноша, Ташань). Из них более богаты находками только Ташань и Золотоноша. Это размерное деление может оказаться симптоматичным. Так, «полезные» площади наименьших укреплений близки к размерам боярских усадеб Киева и Новгорода (Кутовой, 1984, с. 66; Куза, 1985 а, с. 63; Козюба,

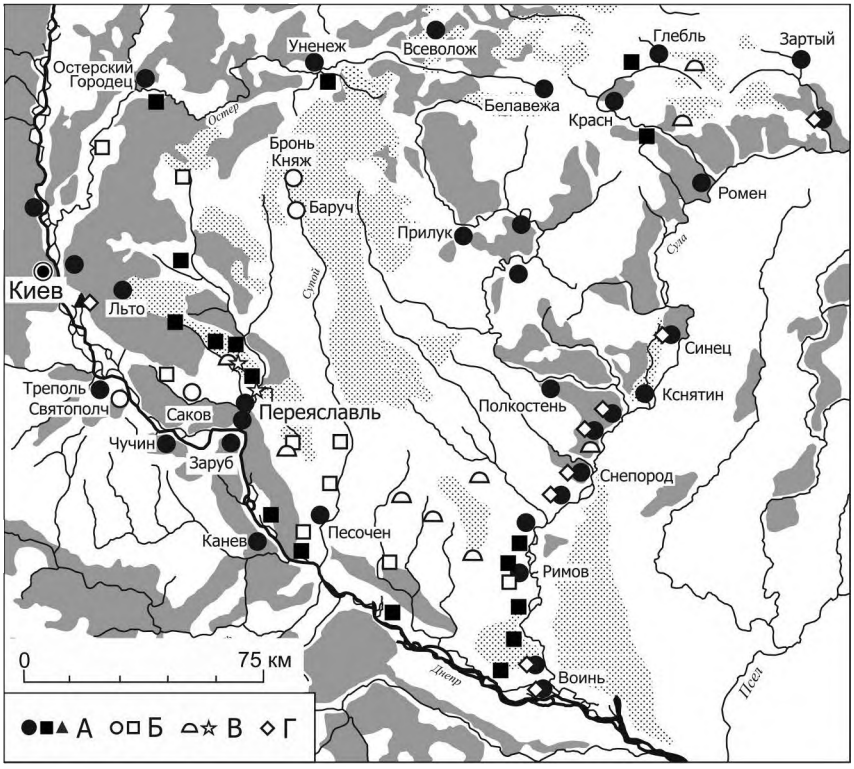

Рис. 100. Свод общерусского и торческого расселения Переяславской земли.
Условные обозначения:
А – общерусские летописные города, городища и открытые поселения;
Б – летописные города и городища выходцев из степей;
В – впускные погребения и клады торков;
Г – признаки проживания торков в общерусских укреплениях

2010, с. 125). Если такая параллель верна, то становится адекватным существующее в литературе сравнение подобных укреплений с замками-убежищами «переяславских торков» усадебного типа. В таком случае группу средних по площади укреплений можно отнести к аналогичным поселенческим средоточиям, но более высокого защитного уровня. К значительным крепостям можно отнести Бронь Княж (3,5 га), Баруч (1,6 га), возможно, Вьяхань (1,8 га с посадом площадью 55 га): недаром их имена попали на страницы летописей. Это действительно обширные крепости, наделенные запасом площади для укрывания от набегов множества окрестного населения.

В целом изучение остатков укреплений недавних кочевников указывает на значительную долю тюркского этноса в сложении расселения Переяславской земли. И если для западных областей княжества плотность торческих укреплений была близка к количеству общерусских крепостей, то на сульском рубеже этот существенный фактор замещался проживанием выходцев из степей в русских форпостах и поблизости от них. Приграничных укреплений торческой знати здесь было заметно меньше, тем не менее следы их проживания прослеживаются буквально на всех более или менее изученных памятниках. **Рис. 100.**

Со времен Владимира Святославича на Левобережье сложилась двухчастная оборонительная структура, разделенная обширным незаселенным супойским промежутком. Эта поселенческая лакуна создавала коммуникационные трудности, тормозила формирование устойчивой границы и позволяла прорвавшимся через Сулу кочевникам осуществлять бесконтрольное передвижение на русской территории. В этот период общерусское заселение могло развиваться лишь в лесистом междуречье Удая и Сулы, где оно включало летописный г. Ромен и охватывало площадь около 7 тыс. км^2. Судя по описанию событий 1125 г., этот регион в XII в. именовался Посульем.

Супойское расселение торков закрыло лакуну, и Переяславская земля становилась глубоко эшелонированным оборонительным щитом. Он слагался из трех в разной степени укрепленных поясов – днепровско-трубежского, супойского и посульского (Голубовский, 1884 б, с. 127).

Общерусский процесс трансформации юго-восточной защитной структуры в первую очередь был направлен на предотвращение нападений на столицу Руси. Новая оборонительная схема развивалась и на Правобережье Днепра: аналогом ближайшего к Киеву лесного стугненского участка являлся левобережный трубежско-остёрский пояс. Передний край пограничья начинает застраиваться крепостными сооружениями Посулья и Поросья, а между ними, на Супое и Перепетовом поле, одинаково размещались контингенты полукочевых федератов. Почти синхронно происходило их расселение и основные этапы развития регионов, более или менее сопоставимы и размеры выделенных степнякам земель. Благодаря несколько более раннему началу заселения Сулы и особым заботам Владимира Мономаха левобережное расселение степняков сначала развивалось несколько быстрее. Но Перепетово поле было ближе к Киеву, его защите и его обитателям стало придаваться всё более важное значение: там возникло и особое Поросское княжение. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что на эти представления влияло мнение киевских летописцев, которым события в Поросье были ближе и важнее, поэтому и освещались они источниками гораздо полнее (Моргунов, 2000, с. 32, 33).

Особенности ранней фазы укрепления порубежья

С конца XIX в. в изучении древностей Переяславской земли начала складываться заметная историографическая традиция, сместившая исследовательские акценты к памятникам степного порубежья. Она имела весомые основания: имя Сулы содержалось в «списке рек», укреплявшихся киевским князем Владимиром Святославичем. Кроме того, письменные источники полны фактами позднейших половецких нападений на Посулье, показавшими, что приречные летописные города были выстроены заметной невооруженным взглядом цепочкой. Опираясь на ранний «список рек» и отвлекаясь от позднейших летописных упоминаний «городов», П. В. Голубовский отнес создание «Посульской боевой линии» к этому периоду (1884 а, с. 125). Это мнение прижилось в литературе, хотя ничтожное количество реальных владимировых крепостей на упомянутых реках внушает сомнения в системном характере защитного градостроительства этого времени. Позже стало известно, что мероприятия Владимира на Суле носили скорее оградительный и дозорный характер и относились лишь к низовью реки: ее среднее течение было заселено летописными северянами.

Более эффективной стала защита восточного рубежа линией крепостных сооружений, но она началась значительно позже. А к началу XII в. появляются факты,

свидетельствующие об изменении прежней линейной структуры посульского рубежа. Так, появились «тыловые» укрепления на путях к метрополии, а также поселенческие комплексы из нескольких городищ, порой включавших и торческие укрепления оригинальной структуры.

Прежнюю линейную форму сохранили лишь укрепления степного нижнесульского участка, заключенного между Горошином и Воинем: его общая протяженность с учетом береговых изгибов составляет не менее 70 км. **Рис. 99**. Но при ближайшем рассмотрении и там угадывается цепочка локальных защитных зон, разделенных глубокими и протяженными оврагами. Так, 10-километровая южная доля Желни – Клещинцы на юге ограничена крутым склоном плато, на севере – оврагом 5-километровой длины. Между обоими укреплениями допустима визуальная связь. **Рис. 101**.

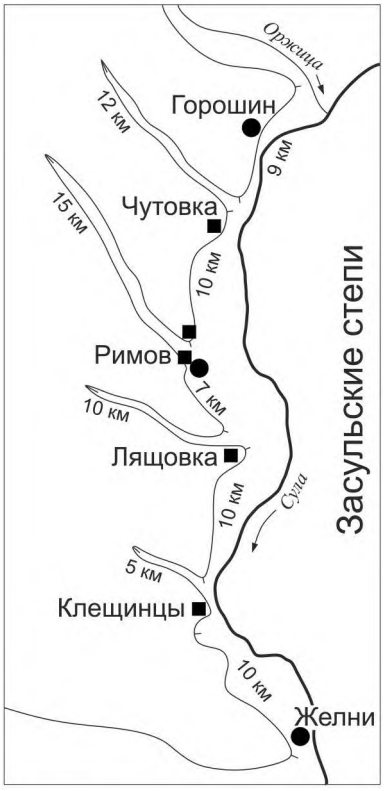

Рис. 101. Разделенные оврагами участки высокого плато Нижней Сулы

Укрепление в Лящовке также могло контролировать 10 километров берега, на севере ограниченного оврагом длиной около 10 км. Во главе 7-километрового берегового отрезка стоял и летописный Римов с двумя сопровождающими крепостями. Но поскольку северное укрепление в уроч. Мисто отделено от Римова еще более глубоким оврагом, оно могло принимать участие в защите следующего звена этой цепочки. Две северные составные части этого порубежного участка в большей степени близки к представлению о микрорегионах: протяженность ограничивающих их оврагов превышает длину пролегавшего между ними берегового склона. Существенно, что перечисленные овраги и протекавшие по ним ручьи до сих пор несут следы заболоченности, по крайней мере, в нижних течениях.

10-километровое звено Чутовка – Мисто ограничено 12- и 15-километровыми оврагами. Основным укреплением там могло быть чутовское: несмотря на скромные размеры детинца, его сопровождал обширный укрепленный посад с обильными находками и открытые поселения. Схожий характер имеет и горошинское звено, ограниченное оврагом и заболоченной поймой летописной р. Сожицы.

Таким образом, особенности размещения укреплений не вполне соответствуют представлению об объединенных усилиях «соседних гарнизонов при отражении набегов кочевников» (Коринный, 1992, с. 175). На самом деле открытые поселения эпохи Владимира Святославича и более поздние крепости были нацелены на индивидуальный контроль над ближайшим бродом, а позже на сходной основе сложились посульские микрорегионы. В лучше известных примерах они представляли собой компактные, ограниченные речными притоками округи, как минимум, с двумя лучше связанными между собой фронтальными летописными городами и тыловыми укреплениями на дорогах, уводящих в направлении столицы на

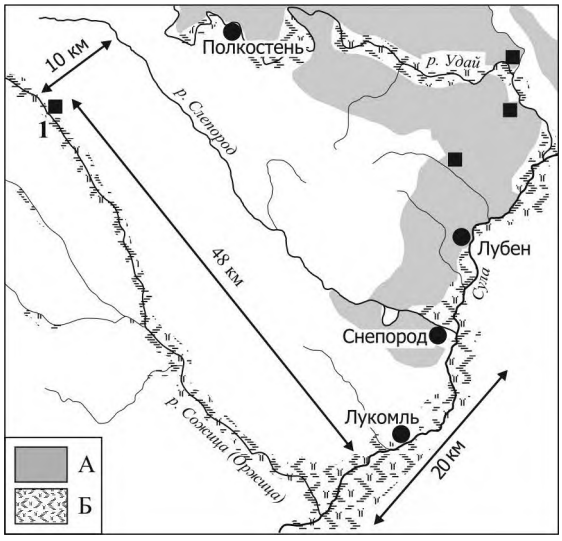

Рис. 102. Снепородско-лукомский микрорегион. А – древние леса; Б – пойменные болота. 1 – Гребенка

Трубеже. Конечно, конница могла прийти на помощь соседней крепости, но только в пределах ограниченных возможностей. Для длительных действий она нуждалась в обозах с оружием, продовольствием и ремонтной базой, а такое сопровождение вряд ли могло преодолеть глубокие овраги с крутыми склонами.

Затруднены были и обходные пути по прибрежному плато: расчлененный рельеф высокого правого берега Сулы препятствовал прокладке кратчайших торговых и военных трасс. Даже в более позднее время правобережным шоссе и железным дорогам приходилось далеко огибать глубокие прибрежные овраги. Поэтому не исключено налаживание сообщения между соседними и удаленными крепостями по низкому левому берегу реки. Именно таким образом в 1113 г. следовал Владимир Мономах, чтобы попасть от Ромена к Вырю. А в случае организации ближайшего отпора такой обходной маневр сулил дополнительную выгоду: русская конница заходила в тыл поднимающимся на кручи степнякам.

Исследования показали, что в этот период складывался снепородско-лукомский защитный микрорегион, контролировавший сульский отрезок протяженностью около 20 км. **Рис. 102**. С севера он ограничивался заболоченным течением Слепорода, с юга – столь же топкой поймой р. Оржицы. На западе в 48 км от Сулы единственным выходом из него является 10-километровая «горловина» между их верховьями, куда выходила «старая лукомская дорога». Позже доступ к ней с юга перекрыла крепость, остатки которой обнаружены в г. Гребенке, на броде через р. Гнилую Оржицу. Туда выводила упоминавшаяся выше «старая лукомская дорога».

Результаты половецких нападений на этот регион маркируют клады 1895, 1902 и 1903 гг., найденные в с. Великоселецкое, в 6 км ниже Лукомля по течению реки. Они содержали золотые слитки, кольца, серебряные монетные гривны и византийские монеты. Из последних золотые относились к чекану Василия II, Константина VIII и Константина IX (976/1025–1042/54 гг.), а позолоченная медная была изготовлена в правление императора Константина X (1059–1067 гг.). В одном случае местом находки обозначена усадьба казака С. И. Игнатенко, в другом – находка была сделана «при обработке поля». Поселения этого времени в селе и его окрестностях не обнаружены. Неподалеку от места находки известно неузнаваемо испорченное селитроварением городище, но синхронное кладам поселение не найдено (Корзухина, 1954, с. 93: № 38; Котляр, 1971, с. 39, 46).

На этом участке существовало два сульских брода. Современный «мацковский перекат» напротив озера Княжье просматривался со стен Снепорода. Вероятен и

пеший переход у Лукомля: на левом берегу к нему выходил разрыв в пойменных болотах. Но в первой половине XVII в. там уже появилась дамба для устройства мельницы: вызванное этим обводнение поймы к 1632 г. повлекло строительство моста, а в середине XVIII в. его заменил паром (Лазаревский, 1896 б, с. 119, 121; Шерстюк, 2008, с. 134, 135).

Обе крепости могли исполнять и дозорные функции. Экспериментально и по литературным свидетельствам установлено, что со стен Снепорода и Лукомля визуально различимы сёла берегов р. Хорола: прямая видимость левобережных степей составляла не менее 40 км. А столбы пыли, поднимаемые конскими копытами отряда кочевников, могли распознаваться и на большем расстоянии. С учетом приведенных материалов, совокупная площадь этой территории могла насчитывать немногим менее 800 км^2.

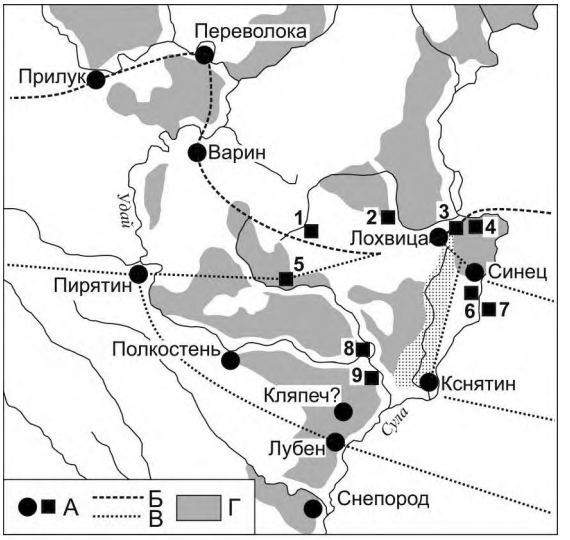

Рис. 103. Лубенский и лохвицко-кснятинский микрорегионы. А – летописные города и городища; Б – дорога (по Боплану); В – направление путей (по материалам XVII–XVIII вв.); Г – древние леса. 1 – Бербеницы; 2 – Безсалы; 3 – Лохвица (Высокие Лазирки); 4 – Гаевщина; 5 – Чернухи; 6 – Сенча (ур. Никольская Горка); 7 – Сенча (ур. Сампсониев Остров); 8 – Городище; 9 – Хитцы

В представление о приграничных микрорегионах укладывается и лубенский порубежный участок. **Рис. 103.** В тех местах междуречье Нижнего Удая и Слепорода в плане представляет собой равнобедренный треугольник со сторонами 40 км, основанием которого служит течение Сулы (20 км). На западе треугольника за Полкостенем прослеживается трехкилометровое сужение, сжатое болотистыми берегами Удая и Слепорода: за ним открываются пути в глубину оседлых земель. Если ограничиться этой горловиной, то площадь региона приближалась к 800 км^2. Западная половина треугольника представляет собой плоскую степную равнину. Это идеальное место для размещения торческого заслона на случай прорыва сульского кордона и для охраны оживленного военного и торгового пути. Действительно, из с. Клепачи (летописный Кляпечь?) происходят позднекочевнические погребения. Интересно, что, как и в других подобных примерах, это укрепление оттянуто от рубежа. Южнее расчлененная овражно-балочной сетью и покрытая лесами местность обладала благоприятными условиями для укрытия оседлого населения и слежения за левобережными степями (Моргунов, 2000, с. 33). Но и там обнаружены следы торческого расселения. Интересно, что торческие «замки» Посулья, возникшие несколько позже равнинных, создавались на высоких береговых мысах и дополнительно укреплялись давно вышедшими из русского фортификационного оборота эскарповидными подрезками. Соответственно, они не содержали материалов раннего

железного века или роменской культуры, для носителей которых это также был обычный защитный прием.

К северу от лубенского порубежного участка размещался лохвицкий микрорегион. На востоке и севере этот участок опирался на 39 км сульского течения, на севере и западе ограничивался впадающей р. Сухой Лохвицей, а на юге и юго-востоке пределы региона замкнуты Удаем и впадающей в него Многой. На западе, между оврагами истоков Сухой Лохвицы и Многи, расположен выход из региона шириной от 1 до 3 км. Расстояния между крайними укреплениями составляют: Лохвица – Чернухи – 26 км, Лохвица – Бербеницы – 21 км, Лохвица – Синец – 13 км, откуда до Кснятина еще 18 км. Таким образом, размеры этого гипотетического приграничного звена не превышали длины дневного перехода, а его площадь близка к 1 тыс. км^2.

В этих местах Сула пронизана старицами через заболоченную пойму шириной до 5 км с тремя твердыми бродами. Северный находится близ впадения Сухой Лохвицы: напротив него размещено торческое городище Высокие Лазирки, несколько в стороне от брода – городище Гаевщина. В тыл от них на 2 км был оттянут летописный г. Лохвица, устроенный на узком перешейке между поймой р. Сухой Лохвицы и заболоченным истоком р. Сулицы: крепость контролировала единственный узкий проход от этих бродов в метрополию. По Боплану, далее дорога следовала в направлении Варина, Переволоки и Прилук к Переяславлю.

Другой брод существует напротив летописного г. Синец и его пригородов: туда в XVIII в. из степей выходила почтовая дорога Синецкий шлях. Южный край этой степной прогалины между древними лесами при устье р. Сулице замыкали летописный г. Кснятин и ведущий через древний брод Нятин перевоз. Низкое размещение крепости компенсировал расположенный неподалеку 64-метровый Исачковский холм и нависавшая над кснятинским городищем Княжья гора (высота 36 м): с их вершин левый берег Сулы просматривается на десятки километров. От Кснятина возможна дорога только в направлении Синца вдоль течения заболоченной Сулицы (18 км) с поворотом к лохвицкой горловине (Моргунов, 2003, с. 169–176).

Таким образом, к началу XII в. былая оборонительная линия стала обращаться в глубоко эшелонированный рубеж. Думается, что появление подобных микрорегионов нельзя исключать и для остальной территории княжества. Начало XII в. – значимый этап в жизни Нижнего Посулья: размеры сопровождавших крепости селищ достигли площадей обширных открытых поселений эпохи Владимира Святославича и начали превышать их. Это свидетельство того, что на границе с кочевым миром установилась стабильность и относительная безопасность жизни населения (Моргунов, 2015, с. 294, 295).

Особый интерес вызывает и появление на Левобережье памятников нового типа: крепостей круглых и полукруглых в плане очертаний, представленных существенной долей укреплений этого периода.

Их важнейшей особенностью является слабая связь с рельефом окружающей местности или полное отсутствие этой связи. Это прогрессивное явление в средневековой фортификации: подобные оборонительные сооружения можно построить в местах, где нет высоких мысов с крутыми склонами, – на ровных плато, пологих береговых склонах и всхолмлениях среди болот. Это было актуально как в период массового освоения дробившейся государственной территории и сложения внутренних и внешних границ, так и для защиты уязвимых бродов[1]. Такой строй защитных стен имел минимальный периметр, что обеспечивало эко-

[1] Ярким исключением является вынесенная на низкий левый берег реки крохотная придорожная крепость Сампсониев Остров (Моргунов, 2003).

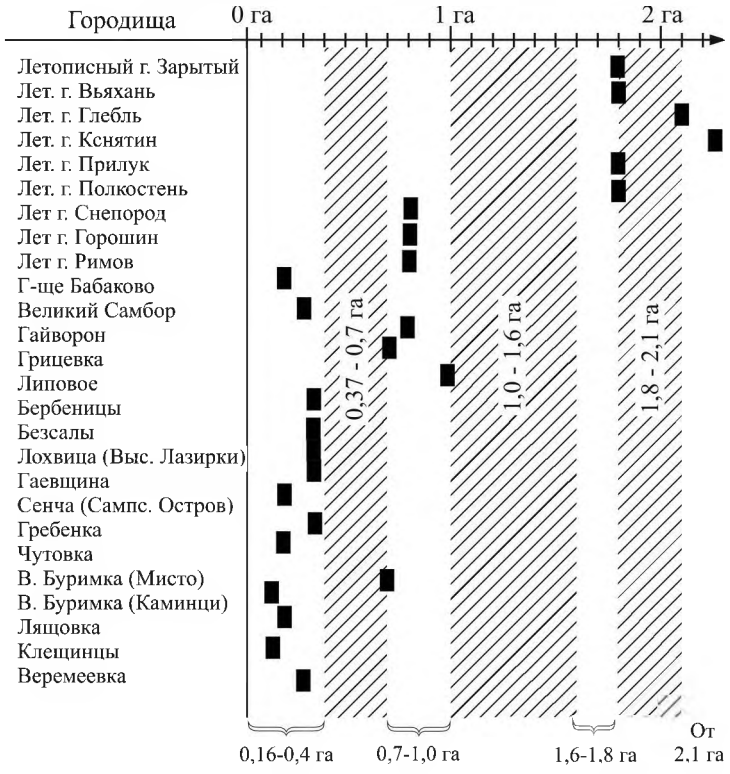

Рис. 104. Распределение «круглых» городищ Посулья по размерам площадок

номичность строительства и оптимальное распределение защитников при осаде. Новая плановая структура закрепила приоритет искусственных преград над естественными. С ними широко распространились крепостные стены двухсрубной конструкции. Они состояли из внешнего кольца взаимосвязанных засыпных городней и цепочки внутренних полых клетей, предназначенных для хозяйственных и реже – для жилых нужд (Моргунов, 2009, с. 22–24, 50).

Конструктивно подобные крепости делят на три типа. Простейшие частично связаны с рельефом местности: руины их стен в плане имеют форму полукруга с незащищенной или укрепленной прямолинейной стороной, опиравшейся на крутой склон. Ко второму типу относятся «болотные» городища, устроенные на останцах или низких мысах первых надпойменных террас. Функции их рвов выполняла заболоченная пойма – в безморозную пору года подобные укрепления были практически неприступными. Равнинные городища третьего типа объединены полным отсутствием связи с рельефом: они размещены на плато или надпойменных террасах и со всех сторон окружены валами и рвами. Их строили и на мысах, но защитные свойства рельефа в подобных примерах не использовали.

Из таблицы распределения круглых городищ по размерам защищенных стенами площадок следует, что они укладывались в компактные группы с четко очерченными промежуточными лакунами. **Рис. 104**. Это безымянные укрепления площадью 0,16–0,4 га, в интервал 0,7–1,0 га попали и небольшие летописные

города, а выше предела в 1,6 га разместились только летописные города. В литературе уже высказывались предположения о существовании древнерусских «градостроительных стандартов» (Моргунов, 1986, с. 113–118; 1990 а, с. 99–108; Лебедев, 1995, с. 94, 95). Представленная таблица подтверждает реальность этих ожиданий и вероятность строительства крепостей по заранее намеченному плану с заданным комплексом оборонительных требований и, вероятно, определенной социальной и оборонительной нагрузкой.

Попытка распространить этот опыт на все переяславские детинцы оказалась неудачной из-за разной методики замеров исследователями их площадей. Чаще подсчеты велись по гребням валов: если бы так делали все, это было бы приемлемо, но нередко в размеры детинцев включали и всю ширину валов и рвов. Подобный разнобой не отражает сути «полезной» площади укрытий. Я же исходил из опыта производства разрезов городищенских валов: обычно основания крепостных стен заходили от гребней валов не более чем на треть их внутренних склонов. При любой плотности застройки для быстрых перемещений защитникам была необходима прилегавшая к стенам свободная полоса шириной не менее 3 м. Она позволяла в пылу осады не сталкиваться воинам с лекарями и подносчиками сбрасываемых со стен кипятка, бревен или камней. Следовательно, размеры площадки внутри свободной полосы могут служить надежным критерием для оценки «полезной» площади детинца. Думается, что в широкой практике подсчетов с известными оговорками можно допустить и применение упрощенных подсчетов с учетом только горизонталей площадок: заходящие на них осыпи крепостных стен (внутренние склоны валов) обычно достаточно широки.

В свое время П. А. Раппопортом была намечена схема распространения подобных памятников по территории Руси: древнейшие округлые крепости известны на землях западных славян. В X в. они появились на юге Галицкой земли, во второй половине XI в. – в Среднем Поднепровье, а с середины XII в. – и на севере Руси. В Поднепровье представления об их высоких оборонительных качествах мог занести Владимир Мономах после его западных походов, а на север – много воевавший на юге Юрий Долгорукий (Раппопорт, 1952 а, с. 117; 1956, с. 46–48; 1959, с. 119; 1967, с. 195; Моргунов, 1986, с. 119, 120).

На появление левобережной практики строительства таких крепостей при Владимире Мономахе указывают даты упоминаний о летописных пунктах, отождествленных с круглыми городищами. В промежуток активной деятельности Мономаха укладывается и постройка множества аналогичных безымянных укреплений. В 1073 г. князь воевал на Волыни, затем выполнял поручения старших Ярославичей по отношениям с Польшей. В 1076 г. он четыре месяца ходил с Олегом Святославичем «ляхом в помочь на чехы» (ПСРЛ, т. 1, с. 199, 247). На Волыни и в западнославянских землях имел возможность убедиться в преимуществах таких укреплений. Позже его жизнь была связана с Переяславлем, Черниговом и Киевом; он мог способствовать внедрению нового типа укреплений в фортификацию этого края. Это хорошо согласуется со схемой П. А. Раппопорта и уточняет ее, локализуя на Левобережье недостающее звено в цепи распространения округлых укреплений по Руси (Моргунов, 1986; 2009, с. 22–24, 50).

В литературе обычны перечисления летописных городов Переяславской земли, наблюдения о существовании там института посадничества и множества летописных сел; даются сведения о городищах, которые принимали за укрепленные крепостными стенами поселения городского типа различной поселенческой и оборонительной значимости (Кучера, 1975, с. 135–142; Коринный, 1992,

с. 142–149; Толочко, 2000, с. 355–358). Между тем еще Д. Я. Самоквасов отмечал, что летописному термину «город» соответствовало множество значений, в корне отличавшихся от современных понятий. Во многих примерах так именовались даже крайне незначительные укрепления или ограждения, служившие защитой от неприятеля (Самоквасов, 1873, с. 33–40).

Тем не менее частично затронутые выше вопросы социальной стратиграфии «городов» продолжают вызывать интерес. Наиболее последовательно они освещены в работах П. А. Раппопорта и А. В. Кузы (Раппопорт, 1967, с. 186–194; Куза, 1985 в, с. 39–51; 1996, с. 28–37). Было установлено, что в каждом княжестве выделялись поселенческие центры, резко отличавшиеся своими размерами и сложной планировкой. Их полевые исследования раскрывают остатки каменных храмов, следы активной ремесленной деятельности, дальних торговых связей, письменности, ювелирного производства, предметов вооружения, христианского культа и т. д. В письменных источниках нередки сведения и о «младших» городах и укрепленных монастырях. Исследователи едины и во мнении о существовании частновладельческих городов, княжеских сторожевых крепостей, крепостей-убежищ, волостных центров и усадеб-замков. Эти категории были элементами социальной иерархии укрепленных поселений. Было бы заманчиво с опорой на эту классификацию еще до раскопок приблизительно представлять, городище какой категории предстоит исследовать. Но по большому счету это невозможно: за исключением уже изученных широкими раскопками крупнейших городов, эта иерархия остается довольно условной, критерии городищ других категорий пока не обнаружены. Это не всегда обусловлено плохой изученностью большинства городищ: возможно, не менее значимой является универсальность применения большинства находимых артефактов.

В этой связи крайне любопытен проведенный В. Ю. Ковалем опыт продолжения поисков археологических признаков «малых» городов. Он подтвердил, что к одному из их ведущих признаков можно отнести размеры города, включавшие не только площадки окруженного стенами детинца, но и окольного города с открытыми посадами.

Затем исследователь остановился на анализе городских признаков «малых» городов в соответствии с их оценкой А. В. Кузой[2]. Оказалось, что значительная часть признаков есть и на небольших городищах, на селищах и феодальных усадьбах, а полным набором «атрибутов города» обладали не только «большие города» XII–XIII вв., но и наиболее крупные из «малых». Для подавляющего же большинства «малых городов» совершенно нормально наличие лишь нескольких из этих признаков, а отсутствие других не может служить основанием для того, чтобы не признавать то или иное поселение городом. Соответственно, в городской иерархии наиболее важным автору представляется наличие развитой усадебно-дворовой планировки и уличной системы застройки. На втором месте по значению выступают признаки 1 и 4 (экономический и религиозный), однако признак 4 также требует корректировки: каменные храмы являются атрибутами прежде всего крупных (столичных) городов – в подавляющем большинстве «малые города» содержали деревянные церкви (Коваль, 2014, с. 76–79).

[2] 1. Наличие следов развитого ремесла, сельского хозяйства и торговли. 2. Свидетельства административного управления: актовые печати. 3. Предметы вооружения и воинского снаряжения. 4. Монументальное (каменное) зодчество. 5. Грамотность горожан и высокая книжная культура. 6. Овеществленное присутствие аристократии. 7. Развитая усадебно-дворовая планировка. 8. Плановая структура, включающая детинец, укрепленные и неукрепленные посады (Куза, 1989, с. 49, 51).

Позже исследователь проанализировал разницу в составе вещевых находок ведущих категорий укрепленных поселений. Оказалось, что отсутствие достоверных количественных данных об обнаруженных при раскопках разных типах древних вещей не позволяет проводить корректные сравнения малых и крупных городов, выявлять объективные различия между ними. Пожалуй, наиболее существенные отличия заключаются лишь в стоимости ассортимента дорогих вещей и общем уровне культуры, но подобные наблюдения носят лишь оценочный характер. Таким образом, материальная культура большого и малого городов средневековой Руси была достаточно однородной и имела глубинное сходство. Это объясняется тем, что различия в количестве так называемых «статусных» вещей (предметов дальнего импорта, изделий из драгоценных металлов, символов власти, кладов драгоценностей) определяются не столько размерами поселения, сколько наличием на нем усадеб аристократии и тем, попали ли участки таких усадеб в зону археологических раскопок.

Таким образом, обобщенное выделение «малых городов» в отдельную категорию В. Ю. Ковалю представляется искусственным. Их следует рассматривать в развитии: «малые города» не существовали «извечно», а возникали (а иногда и исчезали) в определенных исторических условиях. Они появились в XI в. с расширением городской сети, а в XII–XV вв. к числу «малых» относилось подавляющее большинство городов Руси. И в последующее время «малые города» оставались самыми многочисленными субъектами цивилизации, основным структурообразующим компонентом любого государства (Коваль, 2017, с. 246–250).

Приведенные выводы указывают на корни определенного перекоса в априорной оценке и других категорий древних городов. **Прим. 27**. Единых критериев их мониторинга также пока нет, тем более что в отличие от В. Ю. Коваля, анализировавшего небольшое количество довольно глубоко изученных памятников, в этой работе делается попытка составить общее представление о назначении множества не в пример хуже изученных памятников. Это вновь возвращает нас к вероятности классификации укреплений по размерам детинцев, их посадов и открытых селищ, если они сохранились и тщательно обмерены. Это скорее вынужденная мера, обусловленная слабой изученностью большинства памятников.

Распространение приведенного выше опыта табличного сопоставления размеров «круглых» городищ Посулья на памятники мысового типа вновь указывает на стандартизацию компактных групп крепостных сооружений, разделенных устойчивыми лакунами и на прямую связь размеров детинцев с упоминаниями крепостей в письменных источниках. **Рис. 105**.

Может показаться, что подобная стандартизация детинцев, обусловленная вложением в их строительство приблизительно равных средств, была связана с ведущей ролью княжеской власти в создании посульского рубежа. Действительно, крепости каждой группы могли создавать по заранее намеченному плану с учетом для каждой группы вероятности их дальнейшей социальной или оборонительной нагрузки. Приведенные наблюдения отметают предположение об уникальности посульской фортификации: намеченные А. В. Кузой (1996, с. 40) менее ощутимые размерные градации[3] отражают лишь разные методы подсчетов площадей разными исследователями.

Следующим шагом может быть создание сходной таблицы размеров летописных городов Переяславской земли с указанием размеров детинцев и сопрово-

[3] До 0,3 га, от 0,3 га до 0,5 га, от 0,5 до 1 га, от 1 до 2,5 га и т.д.

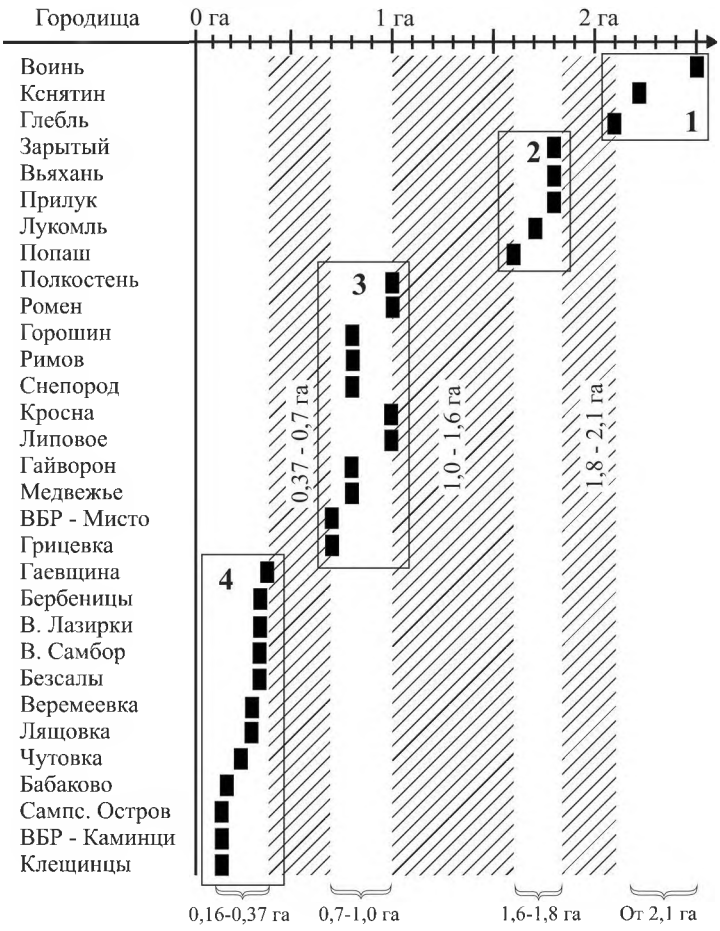

Рис. 105. Размеры разнотипных городищ Посулья (группы 1–4)

ждавших их поселений в гектарах. Хочется надеяться, что в таком виде иерархия укрепленных поселений станет несколько более отчетливой. **Рис. 106**.

Верхняя часть таблицы показывает, что реальными городами были далеко выходящие за ее пределы центры земель-княжений. Ниже нашли свое место городища площадью 2–3,5 га с окрестными поселениями площадью 20–23 га. Их не одинаковые размеры характерны для индивидуального развития городов: поселениями городского типа их считал М. П. Кучера (1984, с. 72), а П. П. Толочко к малым городам относил укрепления размерами 1–2,5 га (1989, с. 197). А. В. Куза памятниками городских центров называл городища размером не менее 2,5 га. Судя по его записям, он собирался снизить эту цифру до 2 га, но не решился или не успел это осуществить, хотя для них характерна значительная доля городских атрибутов (Куза, 1985 в, с. 47; 1989, с. 43). Любопытна картография их размещения: кроме Переяславля и Бронь Княжа, остальные крепости этой группы красной нитью пометили степной рубеж от Курска до Воиня: это были ключевые центры переяславской окраины.

Группа, объединяющая детинцы размерами 1,5–1,8 га с посадами площадью от 10 до 50 га, очень компактна, хотя нельзя не заметить ее близости к группе

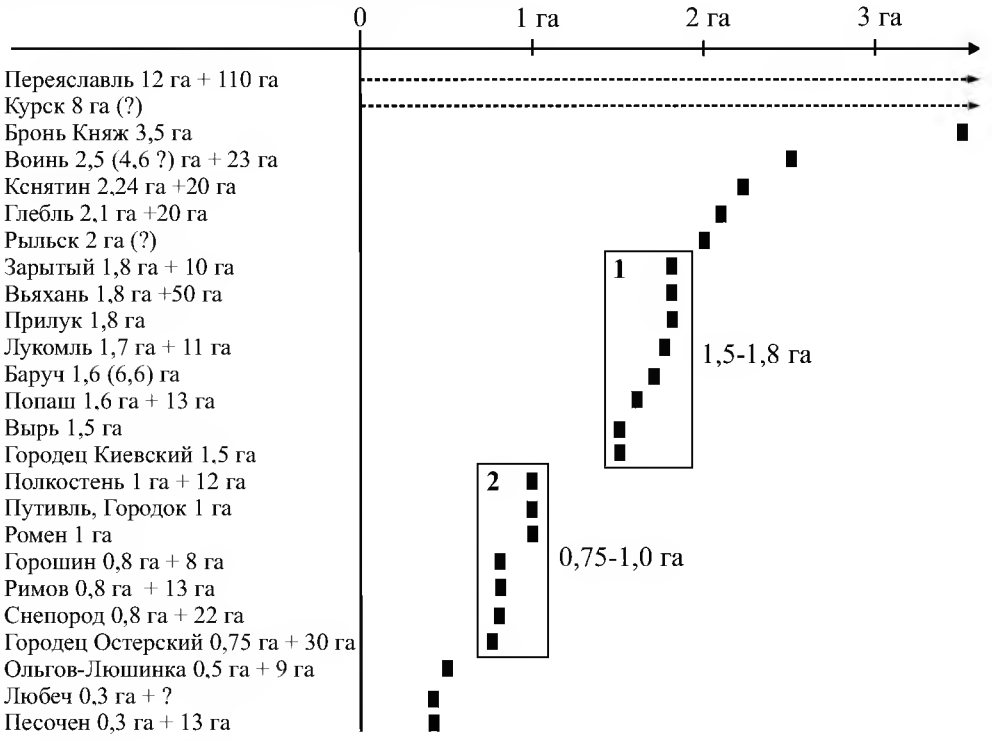

Рис. 106. Размеры летописных городов Переяславской земли

более значительных укреплений: их разделяет промежуток всего в 0,2 га. Социальная идентификация этих укреплений пока однозначно не определяется, но хотелось бы видеть в них малые княжеские города с полномочиями, зафиксированными найденными там актовыми печатями.

Столь же компактная группа объединяет укрепления с детинцами площадью 0,7–1,0 га и посадами размерами от 8 до 30 га. Разрастание их поселенческой базы в середине XII в. сделало Путивль и Остёрский Городец центрами обширных волостей, что указывает на определенную гибкость структурных изменений. Стационарными раскопками городища летописного г. Снепорода были изучены его мощные укрепления со сложной конструкцией въезда, но на исследованной трети площадки обнаружилась лишь отодвинутая от стен рассеянная кольцевая застройка. В каждый период существования крепости на ней размещалось всего от двух до четырех жилых построек, лишенных хозяйственных служб; по сравнению с посадом, напластования детинца отличались низкой насыщенностью.

Среди находок детинца и посада этого памятника нередки предметы вооружения, снаряжения коня и всадника, предметы импорта, ювелирные изделия с позолотой и перегородчатой эмалью; неоднократны предметы с граффити; в конце XII в. появилась и окруженная небольшим погостом деревянная церковь. Но следов резкого социального неравенства не обнаружено: это объясняет, почему Снепород скорее был сторожевой княжеской крепостью с проживанием на посаде «переяславских торков» и обширной сельскохозяйственной округой (Моргунов, 2012, с. 100–109, 116–120). Вероятно, такими могли быть и другие укрепления подобных размеров.

Группа наименьших городищ «полезной» площадью 0,16–0,37 га представляет собой остатки универсальных, экономичных при возведении укреплений: их можно было построить в любом месте и приспособить к несению множества функций. В подавляющем большинстве примеров их валы (руины защитных стен) невысоки, низка и насыщенность культурных напластований, укрепленные посады встречаются редко. За исключением «торческих» убежищ минимальных размеров, они размещались близ более крупных крепостей, среди скоплений открытых сельских поселений. Это могли быть сторожевые подорожные посты, сигнально-дозорные пункты, заставы над речными переправами и центры небольших сельскохозяйственных округ с функциями убежищ. Бедность напластований и отсутствие ярких следов постоянного проживания не позволяют видеть в них загородные усадьбы-замки правящей прослойки, но укрепленными дворами для сбора отчуждаемого продукта они могли быть. Впрочем, для их подавляющего большинства такая идентификация остается предположительной. **Прим. 28**.

Тем не менее среди наибольших из них прослеживается промежуточная группа, ярким представителем которой является княжеский замок Любеч. Размеры его детинца 0,3 га, двух недостаточно надежно датированных укрепленных посадов – 5 га, существовало и окружение из селищ. Даже в разграбленном виде его клады и богатство других находок живо напоминают опустошенное разгромом Игорево сельцо – «добрый двор», упомянутый в Ипатьевской летописи под 1146 г. «…Бѣ же тоу готовизни много в бретьяничахъ [бретяницех] и въ погребех вина и медовѣ; и что тяжкого товара всякого до желѣза и до мѣди не тягли бяхоуть от множества всякого того вывозити. Давыдовича же повѣлеста имати на возы собѣ и воемъ, и потом повѣлеста зажечи дворъ и церковь святаго Георгия, и гоумно его: в немже бѣ стогов 9 сот…» (ПСРЛ, т. 2, с. 333).

Подобным центром мог быть и летописный Ольгов на Сейме, отождествленный с городищем Люшинка: размеры его детинца 0,5 га, посада – 9 га (Стародубцев, 2008, с. 102–104; Стародубцев и др., 2008, с. 60–64). Вероятно, сходным памятником является летописный Песочен (с. Песчаное на р. Супой), размеры его детинца сопоставимы с Любечем, а площадь окружающих селищ – 16 га. Значимость этого памятника увеличивают находки анонимных византийских фолисов X в., сребреников и вислой печати переяславского князя Ярополка Владимировича (Прядко, 2015, с. 124–128). Любопытны и спутниковые снимки укреплений: рельеф мыса и изгибы окружающих городище улиц указывают на вероятность существования обширного укрепленного посада площадью не менее 13 га (http://wikimapia.org/#lang=ru&lat=50.481541&lon=32.849121&z=10&m=yh). Конструктивно сходным памятником может быть плохо изученное городище XII–XIII вв. Светильня на Трубеже с детинцем размерами 0,45 га (Кучера, 1978, с. 22–26). Его окружает полукольцо разрушенных укреплений посада площадью около 20 га. **Рис. 66: *1***. По размерам к ним близки торческие укрепления Бербеницы и Высокие Лазирки (Лохвица-2). Все эти укрепления можно было бы отнести к замкам, если бы не наблюдение Б. А. Рыбакова. Ученый считал, что замковый характер городища можно установить только после вскрытия всей площади памятника: только тогда их можно отличить от погостов или укрепленных сел (Рыбаков, 1985, с. 94).

Резюмируя приведенные выше материалы, можно заметить, что размеры детинцев могли определяться, как минимум, следующим фактором. Это цель их строительства, заключавшаяся в необходимости защитить конкретную географическую точку с достаточным количеством окрестного населения, способного обеспечить его оборону и снабдить его обитателей продукцией сельскохозяй-

ственного производства. Серьезным основанием для определения дальнейшей функциональной нагрузки крепости являлись и топографические условия окружавшей укрепление местности.

Согласно высказанным устно наблюдениям В. Ю. Коваля, уже при Владимире Святославиче градостроительство стало прерогативой княжеской администрации, т. е. перешло в разряд действий, получивших статус «государственных». Очевидно, что на территории, подчиненной княжеской администрации, с этого момента основание городов стало исключительным правом и функцией государства и не могло происходить стихийно, помимо княжеской воли. Казалось бы, из этой аксиомы выпадает множество так называемых «частновладельческих» городов, именовавшихся в притяжательной форме. Они могли свидетельствовать о существовании побочной линии городского развития, зарождавшегося из боярских выселков или загородных усадеб, а затем оказавшихся в гуще интенсивных урбанизационных процессов. Это означает, что появление городов не всегда определялось произволом князя, но оно не могло произойти и против этой воли.

Градостроительство на века вперед стало необходимым элементом государственного строительства, формирования административной системы государства, обеспечивавшей одновременно нужды торговли, ремесленного производства, культурного (церковного) обустройства подчиненной территории. Может быть, исключительно поэтому рамки «частновладельческих» городов столь расплывчаты.

В современной исследовательской базе интерес представляют раскопки остатков форпоста наименьшей размерной категории Сампсониев Остров на Средней Суле, охранявшего речной переход на подходе из степей к летописному Синцу. На его «полезной» площади всего в 0,18 га было изучено три четверти площадки детинца с инструментальной фиксацией всех датирующих носителей. Их анализ показал, что на площадке существовало всего две разновременные жилые зоны – усадьбы площадью по 180–200 м^2, включавшие один дом и 3–4 хозяйственные постройки. За пределами этих зон ожидались множественные находки инвентаря, обязательно терявшегося при скоплении укрывавшегося за стенами населения. Но в данном случае они ограничились лишь опиленным обломком оленьего рога и сверленым астрагалом мелкого рогатого скота.

Результаты этих раскопок позволяют сделать несколько выводов. С одной стороны, они подтверждают, что крепостица действительно предназначалась для защиты дороги из степей к речному переходу. Ее площадка не только никогда полностью не заселялась, но и не укрывала окрестное население от нападений: вероятно, люди уходили под защиту густой надпойменной растительности. Но и обороноспособных защитников не было много: они не оставили ярких следов присутствия на крепостных стенах и рядом с ними; не обнаружено печей и во внутренних клетях стены. Учитывая сгоревшие части стены и то, что половцы не любили или не умели штурмовать укрепленные поселения, можно предположить, что защитники Сампсониева Острова не занимали всего периметра укреплений, а скапливались лишь на опасном участке (Моргунов, 2003, с. 72–79, 164). Эта картина сходна с осадой Кончаком летописного Римова в 1185 г.: там часть укреплений рухнула из-за скопления защитников именно на ратной стороне стены.

Как известно, демографические подсчеты до сих пор остаются на уровне крайне широких обобщений, поскольку сплошное археологическое обследование более или менее обширных территорий – дело далекого будущего. Поучительным примером этого может служить вычисление Н. Н. Коринным населенности Переяславской земли по историко-демографической схеме Б. Ц. Урланиса, согласно которой плотность

заселения юга Руси не превышала 6 человек на 1 км^2. Между тем в 1941 г. демограф подчеркивал неточность определения размеров Южной Руси. К этому добавились серьезные ошибки Н. Н. Коринного: он не учитывал разную плотность заселения регионов Переяславщины, а также считал, что княжество простиралось вплоть до р. Орели (Коринный, 1983, с. 111, 112; 1992, с. 138–140; Урланис, 1941, с. 84, 85).

Современные демографические подсчеты более определенны. Так, для определения структуры малой семьи X–XIII вв. В. К. Козюба использовал комплексный подход, включавший статистическую обработку антропологических материалов, свидетельства письменных источников и историко-демографические наработки. Настаивая на условности выводов, применимых лишь для значительных поселенческих агломераций, исследователь вывел среднестатистический показатель численности малой семьи, равный 6,31 человека (Козюба, 2001, с. 29–41). Это значительный шаг вперед: в прежние времена эти цифры разными исследователями оценивались в пределах от 5 до 7 человек (Толочко, 1989, с. 195; Чижикова, 1988, с. 97).

Думается, что с известной осторожностью на этой основе можно прикинуть заселенность прилегавшего к укреплению открытого поселения Сампсониева Острова на конец XII в. Его хорошо фиксирующаяся площадь исчисляется цифрой, близкой к четырем гектарам, из которых сплошными раскопками было охвачено 3,5 тыс. м^2 с остатками восьми жилых построек этого времени. Поскольку в песчаном материке следы усадебного ограждения не сохранились, можно предположить, что в среднем за каждой семьей закреплялся участок площадью 445 м^2, или 4,5 сотки. Эти цифры близки к размерам средних городских усадеб, занимавших площадь 400–500 м^2. Исходя из размеров всего селища, допустимо предположение об одновременном существовании там до 90 усадеб. Если учесть, что каждая семья располагала не менее чем двумя взрослыми мужчинами (к примеру, отец и старший сын), то вооруженный костяк, состоящий из 180 защитников, приводил сельскую крепостицу из минимальных размеров в разряд существенной по оборонительным возможностям боевой единицы.

В случае экстремальной необходимости, которой, к примеру, мог являться дальний поход в степи, такое поселение могло выставить в состав княжеского войска не менее сотни взрослых ополченцев. И даже в этом случае контингент защитников крепости полностью не истощался: при нужде они могли бы занять даже все 150 м периметра заборол. Конечно, небольшой форпост был рассчитан на отражение небольших набегов: их количество было неизмеримо больше, чем известных по летописным источникам крупных рейдов. А при появлении серьезной угрозы на помощь могла прийти поддержка из расположенного неподалеку летописного Синца (Моргунов, 2003, с. 161–167).

Судя по поздним источникам, пожары нередко уничтожали значительные массивы городов с их плотной бревенчатой застройкой. Действительно, раскопками обнаруживаются следы мощных возгораний, разрушавших и стены крепостей. Их отличал толстый слой пепелищ с развалами обгоревших бревен и прокаленными глинистыми забутовками городней. Следы подобных катастроф распространялись и на прилегавшую часть площадки с уничтоженным жильем, сохранявшим следы неожиданной гибели.

Раскопки же данного городища показали, что за столетие его существования один пожар случился при въезде, а более мощным было охвачено 15–20 м обращенной к дороге части крепостной стены, где прослежены и следы трех последовательных реконструкций. Эти локальные возгорания нельзя отнести к следствиям победных осад или полного сожжения крепости (Моргунов, 2003, с. 50).

Это подвергает сомнению два летописных упоминания о том, что в 1185 г. после отхода князей половцы «гнаша отаи к Переяславлю и взяша всѣ городы по Сулѣ», а также что Кончак «снесе Сулу» (ПСРЛ, т. 1, с. 399; т. 2, с. 716).

Первый пример содержится в относительно кратком лаврентьевском варианте описания событий, содержащем, к примеру, известия о начале похода черниго-северских князей почему-то от Переяславля, об их стремлении идти за Дон к Лукоморью, о двукратном приходе Кончака на Русь и т. д. В летописной традиции Северо-Восточной Руси, куда южнорусские известия попадали через вторые и третьи руки, подобные погрешности нередки. Более конкретны сведения ипатьевского текста Киевского свода о нападении Кончака на Переяславль и Римов, очевидно, заимствованные из Переяславского летописца вскоре после похода князя Игоря. В них содержится логичное намерение Кончака стремительным набегом взять Переяславль и ударить по Киеву, столь же стремительно сохранить награбленное на Трубеже и донести его до степей.

Второй пример был введен в ипатьевский текст под 1201 годом: он является частью восхваления заслуг киевского князя Романа Мстиславича, убитого позже, 19 июня 1205 г. Центральное место в сюжете занимает поэтическая вставка о траве евшан (вид полыни), которую остававшийся в степях хан Сырчан послал с певцом-сказителем в Абхазию к хану Атраку, ранее откочевавшему туда под давлением дружин Владимира Мономаха. И Атрак вернулся, услышав половецкие песни и вспомнив ароматы степей. Если верить дальнейшему, родившийся от него Кончак не только «снесе Сулу», но и в отличие от других кочевников, «пѣшь хода, котелъ нося на плечеву». Похоже, что попавшее в этот легендарный ряд сообщение о разорении Посулья также недостаточно убедительно. И всё же некоторые ученые продолжают доверять подобным несуразностям (Мавродин, 1940, с. 257; Толочко, 2000, с. 361). Другие исследователи считают, что ремарки о Кончаке-пехотинце и якобы разрушенном им Посулье заимствованы из половецких эпических песен (Присёлков, 1996, с. 289; Рыбаков, 1971, с. 101).

В свое время широкие разведки с обильной шурфовкой посульских городищ не обнаружили в их культурных напластованиях следов обширных пожаров второй половины – конца XII в. – они могли быть уничтожены длительной распашкой поверхности памятников. Но следы мощных пожарищ не прослеживались и в разрезах городищенских валов, т.е. поселения не подвергались разорениям этого времени на всем протяжении рубежа. Напротив, эти наблюдения показали, что после локальных возгораний горелые слои участков стен без стерильных прослоек или погребенной почвы перекрывались новыми строительными горизонтами, дожившими до середины XIII в. Захватчикам не пришлось разрушать крепости, и в период татарской катастрофы население заблаговременно покидало места обитания (Корінний, Моргунов, 1984, с. 118–122).

В письменных источниках указания на протяженность осадных действий крайне редки. Некоторую информацию о них можно извлечь из «Сборника летописей» персидского историка и государственного деятеля рубежа XIII–XIV в. Рашида-ад-Дина, где был подробно описан ход монгольских завоеваний, в том числе встречаются и сведения о ходе разрушения отдельных русских крепостей. Вероятно, они относительно точны, поскольку воспоминания о победах еще не были забыты современниками.

Так, город Макар (Москва?) был завоеван за 5 дней, «город Владимира Великого» (?) – за 8 дней. Переяславль, «коренную область Везислава (Всеволода), монголы осаждали 5 дней. «В девять дней взяли большой город русских, которо-

му имя Манкер-кан. Потом они осадили город Учогул Уладмур и в три дня взяли его». В течение двух месяцев Батый со значительной частью своих войск безуспешно осаждал относительно небольшой Козельск, и только подоспевшая подмога смогла разрушить его за следующие три дня (Рашид-ад-Дин, 1960, с. 39, 44).

К 1185 году внешний посульский рубеж протяженностью по реке более 200 км между летописными городами Попашем и Воинем насчитывал около тридцати укреплений. К внешней линии крепостей примыкало еще около двух десятков тыловых крепостей. Вероятно, их также можно отнести к порубежным, т. к. размещенные на р. Удай города Полкостень и Прилук под 1125 и 1138 годами были отнесены летописцами к посульским. Это был слишком обширный регион для воинства Кончака, усеченного отходом Гзака. Основными целями Кончака были внезапные удары по Переяславлю и Киеву. Конечно, по мощи укреплений подавляющее большинство пограничных форпостов были несравнимы с Москвой, Залесским или Рязанским Переяславлями и тем более с Владимиром. Но и силы руководимой Кончаком части половецкого воинства были несравнимы с монгольскими; не располагал он и стенобитными орудиями или «живым огнем». Поэтому разрушение плотной оборонительной системы не выглядит реальным ни на пути стремительного отступления нагруженного полоном воинства Кончака в степи, ни во время его мифического «тайного возвращения» к Переяславлю. Более вероятным было сожжение одного г. Римова, который стоял на единственной в этих местах дороге к броду: вероятность княжеской погони не позволяла Кончаку обходить город.

«Пожарная» тема неразрывно связана с оценкой скорости возведения или реконструкции пограничных укреплений. Судя по летописным сведениям XVI–XVII вв., для большинства упоминаний характерен устойчивый оборот о завершении строительства «единого лета», но нередко «срублен [город] бысть вборзе». Последний вариант конкретики более типичен для небольших форпостов, создававшихся в срок от недели до 2–3 месяцев: но даже бревенчатые стены г. Владимира были возобновлены всего за 2 месяца (Раппопорт, 1961, с. 213). Основа для подсчета строительных трудозатрат появилась только в XIX в.: применение в ней ручного труда практически одинаковыми инструментами и 12-часового рабочего дня близки к производительности строительных работ домонгольской эпохи. Поэтому современные исследователи используют эти нормативы для оценки количества работников и времени возведения древних укреплений (Урочные положения, 1839; Носов, 2013, с. 253). Естественно, в прошлом, когда не было известно, что валы являются руинами крепостных стен, основное внимание исследователи уделяли процессу насыпки валов, а строительство стен по их гребням учитывалось лишь в случае их летописных упоминаний.

До настоящего времени наиболее обоснованными остаются расчеты, проведенные более полувека назад П. А. Раппопортом (1961, с. 214). В частности, он подробно вычислил трудозатраты на создание трех различных по мощности и в достаточной степени изученных крепостей: Юрьева-Польского, Мстиславля и Хабарова Городка. Попробуем использовать эти цифры применительно к Сампсониеву Острову: с Хабаровым Городком более или менее сравнимы их площади (0,28 и 0,18 га), высота валов (около 2 м) и периметры укреплений (212 и 150 м), а с Мстиславлем – конструкция стен. Следует уточнить, что бревенчатые сооружения, принимавшиеся прежде за «внутривальные», являются остатками крепостных стен, перекрытые руинами высоких засыпных городней. Ниже учтена и разница предшествующих подсчетов с современными: сейчас указывают высо-

ту вала от уровня площадки, а в прежние времена ее сравнивали с современной «дневной» глубиной рва, хотя в древности рвы были значительно глубже.

П. А. Раппопортом были учтены затраты на рубку леса и создание каркаса крепостных стен. По нормам «Урочного положения», для конструктивно близкого Мстиславля на эти нужды он отвел 5 200 человеко-дней (далее – ч/д). Но высота вала Сампсониева Острова в 2 раза ниже, а периметр укреплений меньше в 3,8 раза (150 против 565 м), поэтому объем работ на этой крепости уменьшаем до 684 ч/д. Для сопоставимого по параметрам Хабарова Городка на выемку грунта из рва, его переноску в городни и трамбовку исследователь отвел еще 1 800 ч/д. Получается, что всего на эти операции при постройке Сампсониева Острова могло быть затрачено 2 484 ч/д.

П. А. Раппопорт также считал, что нормы «Урочных положений» отразили гораздо более совершенную организацию труда, нежели в Древней Руси, и гораздо лучшее качество строительных инструментов, поэтому он предложил полученные цифры увеличить примерно вдвое. Это вызвало возражение К. С. Носова: мастерство землекопов и плотников обоих периодов было примерно одинаковым: эффективность топоров принципиально не увеличилась, а деревянные лопаты с железной окантовкой применялись в России и в первой половине XX в. (2013, с. 254). Это существенное замечание, но организация строительного процесса за 8 столетий должна была вырасти, иначе феодальный способ производства не отличался бы от капиталистического.

Отсюда будет не лишним увеличить результат полученных вычислений не вдвое, а на 50 %, и в итоге получить 3 726 ч/д. Теоретически это 20 дней работы для 180 боеспособных защитников крепости. Но работоспособные поселенцы могли заниматься возведением крепости только попеременно: летняя страда их кормила. Если допустить, что одновременно на стройке работали по 100 человек, то она завершилась бы через 37 дней.

В данном же примере Сампсониев Остров являлся частью обширной поселенческой агломерации летописного г. Синца, растянувшейся на 3 км вдоль правого берега Сулы. Рассматриваемая крепость закрывала подход к южному синецкому броду, расположенному всего в полукилометре от ближайшего поселения агломерации. Это позволяет допустить, что высокий уровень опасности этого порубежного участка должен был инициировать значительное пополнение стройки дополнительной рабочей силой со стороны, что резко сократило бы сроки строительства укреплений или их вероятную реконструкцию. Вероятность подобной поддержки усиливается тем обстоятельством, что пригодную для сооружения стен дубовую древесину можно было получить только из лесов, начинавшихся за противоположной, северной окраиной синецкого поселенческого комплекса.

Таким образом, интенсивность строительства этой крепости на фоне предшествующих наблюдений о скорости возведения сырцовых облицовок Белгорода и Заречья показывает существенно более высокую интенсивность древнерусского оборонительного строительства, нежели это представлялось ранее.

Другие владения переяславских князей

Территория Переяславской земли не ограничивалась ее древнейшей Переяславской волостью, супойско-днепровским плато и Посульем. Изначально в ее состав вошли окраинные области, которые порой называют «временными держаниями» переяславских князей. С угасанием половецкой опасности и наступлением феодальной раздробленности они начали менять владельческую принад-

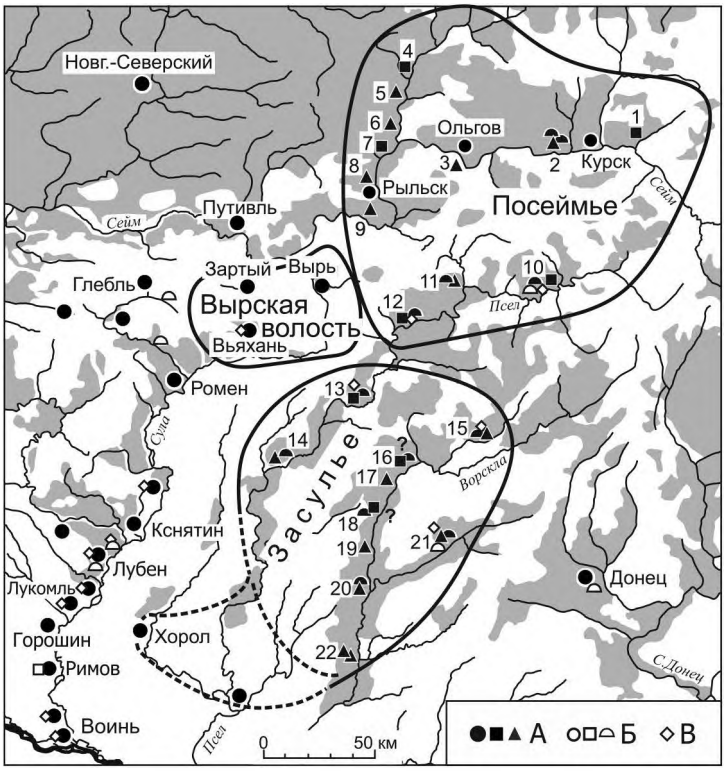

Рис. 107. Восточные ареалы Переяславской земли.
А – древнерусские летописные города, городища, открытые поселения;
Б – городища и погребения выходцев из степей;
В – другие признаки кочевнического расселения.
1 – Беседино; 2 – Липино; 3 – Сугрово; 4 – Старый Город; 5 – Арбузово; 6 – Моисеево; 7 – Капыстичи; 8 – Пригородная Слободка; 9 – Лещиновка; 10 – Гочево; 11 – Горналь; 12 – Зелёный Гай; 13 – Каменное; 14 – Броварки; 15 – Ницаха; 16 – Заречное-1; 17 – Старая Ивановка; 18 – Журавное; 19 – Куземин; 20 – Глинск; 21 – Городное; 22 – Полтава

лежность и со временем совсем отошли от прежней метрополии. Кроме того, по мере борьбы с кочевым миром княжение на Трубеже вновь начало постепенно и с переменным успехом овладевать древними северянскими землями так называемого Засулья, т. е. средних течений рек Псла и Ворсклы.

Вырская волость и курское Посеймье

Выше было показано, что летописный г. Ромен являлся крайним северо-восточным пунктом устойчивой переяславской территории. Промежуточным звеном между устойчивыми переяславскими землями и курским Посеймьем являлась территория, получившая в литературе название Вырской волости с летописными городами Вырь, Вьяхань и Зарытый. **Рис. 107**. Изначально прилегавшая к Вырю территория осваивалась Переяславлем, но интерес к этой дальней окраине проявляли и другие столы. На это указывает актовая печать Святослава Ярославича, найденная

на городище Зарытого: с 1054 г. он правил в Чернигове и владел киевским столом в 1073–1076 гг. Выделение Вырской волости в самостоятельную административную единицу могло осуществиться при Владимире Мономахе. В связи с чередой его черниговских и переяславских княжений он лучше других знал о междукняжеских оборонительных проблемах и демаркации сопредельных земель (Моргунов, 1994, с. 27). В дальнейшем заинтересованность во владении этой территорией вызвала длительную борьбу за нее обоих сопредельных княжений. Поводом к этому послужили решения Любечского съезда князей 1097 г. Эта борьба, в процессе которой волость попеременно принадлежала то Чернигову, то Переяславлю, закончилась только в конце 50-х годов XII в. окончательным присоединением Выря к Чернигово-Северской земле. В дальнейшем Вырская волость обратила в стройную оборонительную систему, имевшую глубокий стратегический смысл, но это тема следующей работы.

Очевидно, затянувшаяся дуэль за Вырский «укрепрайон» в XII в. происходила из-за его ключевого расположения на путях, но цели Чернигова и Переяславля были не всегда одинаковыми. Для Переяславля контроль над этой территорией означал контролирование водораздельного пути из Переяславля в подконтрольный ему Волго-Окский бассейн. Существенным было содержание на замке половецких путей и желание не допускать в Чернигов его степных союзников. Черниговские цели были обратными: «ключи от замка» должны были своевременно открывать «полю ворота» для прохода на Русь северных союзников и степных «сватов» в пору натиска претендентов на переяславские земли и киевский стол.

Так, если в 1127 г. переяславские посадники остановили проход ханов Селука и Таша через Вырь к Чернигову, то во второй половине XII в. вырский «замок» исправно открывался по велению северских князей. Этой же дорогой степняки являлись к Юрию Долгорукому в 1149 г. к Белавеже, в 1155 г. – на Супой; приходили они туда и в 1159 г. в помощь Изяславу Давыдовичу. Длительное время эта трасса служила границей черниговских и переяславских владений (Зайцев, 1975, с. 96, 97; Моргунов, 1987, с. 23, 24; Бородин, Моргунов, 2003, с. 83–86; Михайлова, 2010, с. 195–197).

На западе территория волости, вероятно, приближалась к истоку черниговской реки Ромен, на востоке граничила с курским Посеймьем. Южным пределом волости были верховья Сулы с летописным Попашем, северным – левобережье Сейма. Таким образом, ее площадь могла насчитывать около 3 тыс. км^2. Н. Н. Коринный рассматривал Вырскую волость значительно шире: он включал в ее состав часть исконно черниговского Среднего Посеймья и Задесенья, а также переяславский Ромен с Глинском на Суле (Коринный, 1992, с. 75; Коваленко, Моця, 1994, с. 25). В таком виде эта область действительно могла насчитывать площадь 8 тыс. км^2, но дальнейшие исследования исправили эту ошибку.

К северо-востоку от Вырской волости располагалась локальная область Посеймье: начиная с 1127 г. его летописные упоминания были неразрывно связаны с Курском. Она сформировалась в процессе присоединения Киевом восточной части племенных северянских земель и надолго сохраняла обособленность от «освоенной» Черниговом путивльской части этого племени. А. Н. Насонов не был уверен в принадлежности земель Верхнего Псла к «Русской земле» и оставил этот вопрос открытым. В свою очередь, А. В. Кучкин уверенно исключил Курск из состава этого раннего территориально-политического образования (Насонов, 1951, с. 29; Кучкин, 1995, с. 85).

Тем не менее до середины XI в. курское Посеймье, несомненно, оставалось за Киевом. Дальнейшая владельческая принадлежность области оценивалась историками не одинаково, хотя наиболее ранние упоминания Курска связаны с переяславской ветвью Ярославичей. Это известное по «Поучению Мономаха» бегство

князя Всеволода в Курск от половецкого разгрома 1068 г., указывающее на закрепление области за Переяславлем по «завещанию» Ярослава. Не противоречит этому и факт перемещения мономахова сына Изяслава Владимировича в 1096 г. из Курска на княжение в Муром. Но И. Б. Михайлова считает, что Изяслав оказался в Курске «проездом»: курская община того времени якобы не зависела от Чернигова или Переяславля (ПСРЛ, т. 1, с. 229, 247; т. 2, с. 220; Михайлова, 2010, с. 218).

После Любечского и Уветичского съездов (но не позже 1113 г.) Посеймье вплоть до 1127 г. принадлежало черниговскому князю Олегу Святославичу. Но, судя по летописным статьям 1126 и 1127 гг., все Посеймье было занято переяславскими посадниками, а в Курске княжил Изяслав, сын великого князя Мстислава Владимировича (ПСРЛ, т. 1, с. 296, 297, 298). Затем область переподчинялась Новгороду-Северскому и периодически возвращалась к Переяславлю. В середине XII в. к борьбе подключились и князья ростово-суздальской ветви Мономашичей. И только по смерти Юрия Долгорукого Посеймье окончательно отошло к Черниговской земле. По подсчетам А. К. Зайцева, за столетие после смерти Ярослава Мудрого Курск более 60 лет принадлежал Переяславлю, а около 40 лет Посеймье контролировали чернигово-северские князья (Зайцев, 1975, с. 70, 89–95, 110).

Изначально Посеймье служило Киеву и Переяславлю обширной базой людских и экономических ресурсов, подпитывавших возможность осуществления защитных мероприятий на всем восточном русском рубеже. В дальнейшем, в связи с перемещением половецких путей севернее, курские земли стали прямым заслоном на пути кочевников. Согласно наблюдению А. П. Моци, укрепления Псла и Свапы стали звеньями общерусского порубежья, протянувшегося от Воиня через укрепления Вырской волости в направлении Курска. Как и на Суле, они приняли форму цепочки из взаимосвязанных приграничных микрорегионов (Моця, 2007, с. 70). Не последнюю роль играла и возможность свободного перемещения к ростово-суздальскому анклаву в обход вятичских лесов. В экономическом плане регион представлял интерес и для чернигово-северских князей: им был необходим выход в степи в обход земель воинственных вятичей.

Внешние рубежи посеймского региона всесторонне изучались А. К. Зайцевым (1975, с. 96). В том числе он показал, что Курск и Путивль изначально относились к сопредельным, но владельчески отличным территориальным образованиям. На основании полевых исследований узкие участки юго-западного предела этого региона изучали Ю. Ю. Моргунов и В. В. Приймак, а в целостном виде новейшие представления о рубежах Верхнего Посеймья были закреплены В. В. Енуковым (Моргунов, 1994; Приймак, 1997 б; Енуков, 2005, с. 58–61).

Выстроившаяся таким образом территория включала земли верхнего течения Сейма с его правым притоком Свапой и памятники Верхнего Псла. Следует подчеркнуть, что последняя область могла войти в состав Посеймья только решением княжеской власти, т. е. в древнерусское время. В северянское же время эти составные части были разделены значительным незаселенным пространством (Шинаков, 1991, с. 82–84).

По основным рекам крайними юго-западными курскими пунктами были: на Сейме – городище Лещиновка, на Псле – Зелёный Гай и Гочево. Таким образом, к концу XI – началу XII в. курское Посеймье занимало площадь 17,3 тыс. км^2 и входило в число крупнейших составных частей первоначальной территории Переяславской земли.

Столицей Посеймья был неоднократно упоминавшийся выше Курск; не исключено, что довольно рано возник и впервые упомянутый под 1152 г. летопис-

ный Рыльск. Под 1152 г. в источниках упоминался город Ольгов: его отождествляют с расположенным неподалеку от Льгова городищем Люшинка, содержащим напластования, датирующиеся начиная от рубежа XI–XII вв. (ПСРЛ, т. 1, с. 456: Насонов, 1951, с. 227; Стародубцев и др., 2008).

В пределах Посеймья известно 9 безымянных укреплений, но время их возведения или возобновления нуждается в серьезном уточнении. Примером этого является городище Титово: первые исследователи считали памятник исключительно роменским (Узянов, Кашкин, 1990, с. 160, 161). Позже один из соавторов не совсем уверенно подтвердил сложившееся прежде представление. А через 6 лет его мнение кардинально изменилось: получалось, что в XI в. жизнь продолжилась на городище и половине ранних поселений (Кашкин, 2000, с. 171, 172; 2006 б, с. 21, 22).

В литературе сложилось представление о том, что в XI в. существовали укрепления Беседино–Рать, Капыстичи и Липино (Енуков, 2003 а, с. 8, 14; Зорин, 2003, с. 376; Енуков, 2004, с. 235, 236; Енуков, 2005, с. 277–292). В 1998 г. в составе экспедиции О. Н. Енуковой мной изучалась прилегавшая к валу часть площадки городища Липино. Репером для датировки возобновления укреплений стала прослойка щепы, оставшаяся от возведения древнерусской стены. По керамическим показателям, это произошло не ранее середины XII в., но это была не жилая крепость, а убежище: в достаточно большом раскопе следов древнерусского жилья не было; не были они обнаружены и раскопками 1951 г. (Засурцев, Лисицына, 1968, с. 46–54). Также исследования показали, что дневная поверхность в XII в. была испещрена воронками заплывших котлованов роменских построек: в древнерусское время ее не выравнивали. Известное своими размерами городище Старый город на Свапе полностью разрушено современным кладбищем, но материалы конца XI – начала XII в. там есть (Кашкин, 1998, с. 180, 181; Бородин, 2004, с. 103).

В силу подобных причин мог бы быть пополнен перечень городищ Верхнего Псла, но там большей частью изучались могильники: датировки появления укреплений остались приблизительными или спорными. Тем не менее в рассматриваемый период могли возобновиться оба укрепления в Гочеве и крепости Зелёного Гая.

Свидетельством вероятного продвижения устремлений чернигово-северских князей в степи в литературе считается появление на рубеже XI–XII вв. на правом берегу Верхнего Оскола укрепления Холки, содержавшего существенную примесь потомков алано-болгар (Плетнёва, 1964, с. 28, 29; Коринный, 1992, с. 74). С попытками дальнейшего освоения государством этой территории можно связать пополнение аборигенного населения выходцами из лежавших севернее территорий: свойственные им изделия происходят из Гочева и Зелёного Гая. Отдельные признаки характеризуют и присутствие выходцев из степей. **Прим. 29**.

«Засульская» область

Территорию, включавшую поречье Ворсклы и среднее течение Псла, условно можно назвать Засульем: от устойчивого переяславского порубежья ее отделяло от 50 до 60 км незаселенного пространства поречья р. Хорол. Столь же уверенно можно судить о существовании «нейтральной» зоны, разделявшей регион с лежавшим севернее курским Посеймьем: на Псле между достоверно курским Зелёным Гаем и лежавшим ниже по течению Каменным протянулось более 60 км. Местами эта лишенная укреплений полоса была не столь широкой: от хуже изученной Ворожбы до Каменного около 40 км. Хотя не исключено, что перед нами пример сужения нейтральной зоны к середине XII в. (Моргунов, 1994, с. 28).

Письменные источники содержат о Засулье этого периода мало сведений. Так, летом 1084 г. Владимир Мономах отгонял половцев, разоривших посульский Горошин, за р. Хорол – на 40 километров к востоку от Сулы. В 1095 г. пришедшие в Переяславль Итларь и Китан оставили свои вежи за р. Голтвой, левым притоком Нижнего Псла. Для захвата их имущества князья следовали через г. Римов, откуда до нижнего течения этой реки пролегает 90–110 км. В мае 1107 г. от г. Лубена половцев вновь гнали до р. Хорол: это кратчайшее расстояние между двумя водотоками, составляющее 25–30 км.

Не намного прояснило картину заселенности и подробное описание похода князей в 1111 г.: на Хороле войска оставили ненужные весенней распутицей сани, «на рѣцѣ Голтѣ» сделали остановку в ожидании подхода отставших войск. А на Ворскле «хрестъ цѣловаша и възложиша всю свою надежю на хрестъ со многими слезами» (ПСРЛ, т. 2, с. 266). В этих сведениях названы только реки, что соответствует первым представлениям о пустынности этого региона (Беляев, 1852, с. 19, 20; Барсов, 1873, с. 13, 18).

Обратим внимание на вероятное назначение этих остановок, необходимых при продолжительном движении войск. Так, сани, вероятно, следовало бы оставить под присмотром местного населения, и лучше в укрепленном поселении с присущим фортам этого времени резервом помещений во внутренних клетях крепостных стен. Войсковым лагерем могло быть и место сбора войск на Голтве. Несмотря на степной ландшафт низовий реки, там достаточно рельефных аномалий для размещения укреплений с запасами питания, фуража, с ремонтной базой для обслуживания войск, уходивших в степи. Да и ворсклинское крестоцелование могло быть не столь кратким, как это показано в письменном источнике.

Примерно так рассуждали прежние исследователи, убежденные в том, что в последнем сюжете упоминались летописные города, одноименные современным населенным пунктам. Поэтому стоянку на р. Хорол приурочивали к г. Хорол, а р. Голтву (Голта, Голтав) принимали за с. Голтву, раскинувшееся при впадении одноименной реки в Псёл. Они не сомневались в размещении за Сулой и других городков, оплотов русских отрядов. Разночтения касались лишь продолжительности их существования: по П. В. Голубовскому, низовья Ворсклы и Псла в это время были захвачены половцами. В. Г. Ляскоронский считал, что русское население все же сохранялось в издревле насиженных местах (Голубовский, 1884, с. 123–125; Ляскоронский, 1903, с. 153, 164). Современные исследователи также не сомневались в существовании там оседлого населения, помогавшего русским войскам во время степных походов и обеспечивавшего безопасность торговых караванов (Кучера, 1975, с. 124, 125; Коринной, 1992, с. 154).

Археологические материалы предоставляют больше сведений о населенности этой территории, но следует учитывать, что в подавляющем большинстве эта территория исследовалась выборочно. После публикации сведений Центрального статистического комитета 1873 г. и дальнейших опросов волостных старост наибольший интерес привлекали раскопки курганов. Инвентарь погребений и поныне пополняет музейные коллекции, а изучению ближайших к ним городищ уделяется меньше внимания. В свою очередь, промежутки между памятниками исследуются и вовсе редко.

Курганный инвентарь показал, что «окняжение» Киевом Засулья началось синхронно с другими левобережными провинциями, хотя нельзя исключать и того, что заселение этой территории многим обязано «народной колонизации» крестьянами, уходившими на свободные земли от феодальных тягот и поборов. К этому склоняет расположение некрополей среди древних лесных массивов, спасавших населе-

ние не только от нашествий, но и от княжеских вирников. Этим можно объяснить и затянувшееся до середины XII в. создание крепостных сооружений, закреплявших владения государства. В любом случае, курганные древности демонстрируют появление в XI в. захоронений, совершённых по общерусскому обряду.

В позднем Средневековье множество крепостных сооружений регулярных очертаний заняли удобные для обороны речные мысы, нависающие над устоявшимися переправами. Их строительство и кипение жизни неузнаваемо изменяли древний рельеф и перемешивали предшествующие напластования. Тем не менее в последние десятилетия исследователям всё чаще удается находить в подобных поселенческих средоточиях следы памятников домонгольского времени, на что указывают примеры древностей г. Хорола и с. Голтвы (Пуголовок, 2006, с. 142, 143; Мельникова, Сидоренко, 2017, с. 55–59; Супруненко, 2017, с. 23–39; Шерстюк, 2008, с. 230–234; Шерстюк, 2016). **Прим. 30**.

Не исключено, что эти пункты служили предтечей освоения государством предстепного Засулья, ставшего следствием первой серии княжеских походов, сопровождавшихся созданием укрепленных баз на основных путях в степи. Они могли служить и опорными пунктами государственного освоения Засулья, шире развернувшегося к середине XII в. Но незначительное число опубликованных к настоящему времени материалов не позволяет сделать более обоснованные выводы о появлении домонгольских крепостей на большинстве известных местонахождений. Керамические коллекции указывают на вероятность нового заселения около рубежа XI–XII вв. прежде покинутых северянами укреплений Каменного (Сухобоков, 2012, с. 250; Комар, 2012 д, с. 354), Заречного-1 (Сухобоков, 1992, с. 73; Приймак, 1990 б, с. 81), Журавного-2 (Третьяков, 1947, с. 128; Моця, 1998, с. 182–186; Берест, 2003, с. 84, 85) и Ницахи (Сухобоков, 1984 а, с. 165, 166; 1992, с. 73, 89, 152, 154, 155). К сожалению, исследователями не уточнялось время возникновения укреплений в Глинске и Городном. В начале XII в. в современной Полтаве наблюдается расширение открытых поселений. В последние годы подтвердилось появление в конце XI в. древнерусских напластований и на сожженном при Владимире Святославиче северянском городище на полтавской Соборной площади – Ивановой Горе (Супруненко, Пуголовок, 2013, с. 282). С точки зрения возобновления укреплений заслуживает внимания найденная там актовая печать Ярополка Владимировича (ПСРЛ, т. 1, с. 290; т. 2, с. 277; Алешковский, 1971, с. 19; Янин, Гайдуков, 1998, с. 25, 117).

В этом регионе прослеживаются следы вероятного пополнения местного населения выходцами из центральных и северных регионов Руси и степняками. **Прим. 31**. Из списка их находок обращают на себя внимание артефакты степного круга: возможно, их появление было связано не с торческим расселением, а с близостью со степями – со смешением соседствовавших этнических сообществ. Это означало бы сложение взаимовыгодного симбиоза культур в условиях административной нестабильности региона: кочевникам были необходимы продукты земледелия и ремесла. А оседлые земледельцы испытывали нужду в скотоводческой продукции и товарах посреднической торговли, находившейся в руках племенной верхушки кочевников (Коринный, 1992, с. 76; Сухобоков, 2012, с. 292, 304). В пользу такого представления свидетельствует увеличение количества степных артефактов к востоку, по мере удаления от посульского рубежа.

Письменные и археологические источники одинаковы в оценке изначально слабого контроля княжеской власти над «восточной территорией». Приведенные факты говорят о том, что дальние походы в степи, формирование государственной территории и защита границ – взаимосвязанные явления одного порядка, где

последнее вызревало в недрах первого. Отсутствие сети крепостных укреплений тормозило последний этап освоения государством этих земель (Кучера, 1975, с. 124, 125; Моргунов, 1998, с. 77, 78). Поэтому эту территорию нередко считают буферной с самоуправлявшимся населением, пребывавшим в относительно мирных отношениях с кочевыми племенами степного Поднепровья.

Внешние пределы Засульской области определяются исходя из размещения известных памятников с условным включением лесистого берега Среднего Псла. Между Каменным и Полтавой это средоточие неправильно-округлых очертаний имеет протяженность 120 км, а от Броварок до Ницахи насчитывается не более 80 км: площадь может насчитывать около 12 тыс. км^2. С известной долей условности к этому можно добавить и полосу, соединяющую гг. Хорол и Голтву с поселением Полтавы, площадью немногим более 3 тыс. км^2. Во времена серии дальних княжеских походов и отхода степняков от восточного рубежа Южной Руси степные ландшафты этой полосы стали более безопасными для ее заселения. С опорой на это обстоятельство общая площадь засульской зоны могла приближаться к 15 тыс. км^2.

К маршрутам походов 1103 и 1111 гг.

Как мы видели, этот период отличался резким увеличением количества сведений о проникновении половцев на переяславскую территорию: нередко это позволяло определить отдельные отрезки сухопутных путей внутри оседлых земель. В связи с предпринятой выше попыткой определения пределов Засульской области может вызывать интерес и прохождение степных путей, выходивших к нижнему и среднему Посулью. Прямых сведений о них нет, но их направление гипотетически можно реконструировать в обратном порядке, по летописным описаниям княжеских походов в степи. Информативные известия о них немногочисленны: из летописных статей под 1109, 1116 и 1120 годами можно узнать лишь о движении русских войск в направлении Северского Донца. Подробнее описаны лишь походы 1103 и 1111 годов.

В Ипатьевской летописи содержатся сведения о маршруте следования княжеских войск в 1111 году и скорости их перемещения на большие расстояния. Для данной темы более интересна начальная стадия этого похода (ПСРЛ, т. 2, с. 266). Так, 26 февраля объединенные княжеские силы выступили из Переяславля и третьего марта достигли Сулы. Затем по одному дню было затрачено на последовательное движение к переправам через реки Хорол, Псёл, Голтву и Ворсклу. Оттуда, «приидоша многи рѣки», русские рати достигли половецкого «города» Шаруканя.

Эти сведения изучались многими исследователями. Наиболее развернутый анализ пути принадлежит К. В. Кудряшову, принявшему маршрут и подсчет расстояний в верстах по Н. Я. Аристову (Кудряшов, 1948, с. 112–121; Аристов, 1877, с. 7). Направление первого отрезка исследователь наметил от Переяславля к Лукомлю, а дальнейший путь следовал к хорольскому броду на месте одноименного летописного города. Реку Псёл войскам было удобнее пересечь у современного с. Красногоровка, а р. Голтву – у с. Решетиловка: многовековая устойчивость этой трассы подчеркивается тем, что она эксплуатируется и в настоящее время. **Рис. 108**.

Менее определенны литературные представления о гипотетической точке форсирования Ворсклы. В жалованной грамоте 1571 г. упоминался Санчаровский перевоз на шляху татарском, расположенный ниже Полтавы у подножья городища XII–XIII вв. в современном с. Новые Санжары (Каманин, 1894, с. 12; Супруненко, 1999,

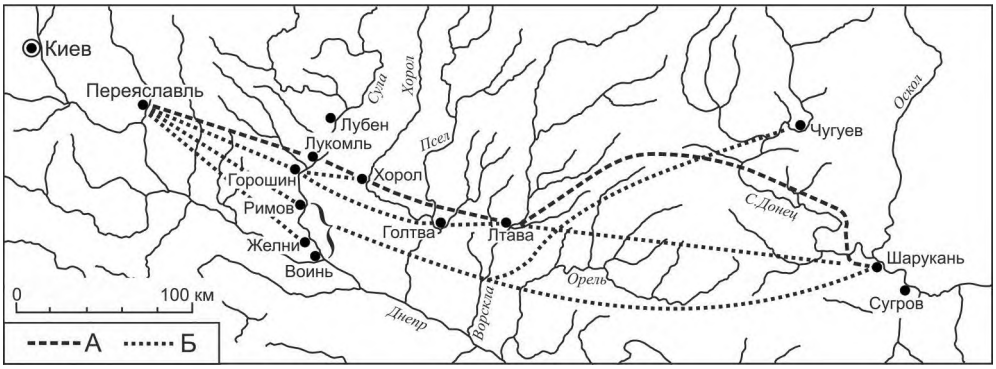

Рис. 108. Движение княжеских войск в походе 1111 г. в промежутке между Переяславлем и р. Северский Донец. А – маршрут, проложенный К. В. Кудряшовым; Б – возможные уточнения пути

с. 25). В. Г. Ляскоронский предпочел эту точку: за ней якобы открывалась удобная для войсковых передвижений ровная и открытая степь (Ляскоронский, 1907 б, с. 22). Вероятным считался и переход через Ворсклу бродом в современном г. Полтаве: далее путь следовал между заболоченными и залесенными левыми притоками Ворсклы: Коломаком и Мокрым Тагамлыком. В. Г. Ляскоронский отверг этот вариант из-за узких «рамок», стеснявших прохождение войск, а К. В. Кудряшов считал, что при заходе в чужие земли там можно было двигаться менее заметно. Движение войск древней трассой через полтавский брод более вероятно: над ним сначала нависала северянская крепость, затем удивительных размеров древнерусское открытое поселение, а позже возникла и крупнейшая поворсклинская крепость Лтава.

Казалось бы, с приближением к половецким кочевьям по открытой местности князьям следовало торопиться для нанесения внезапного удара. Но заворсклинские «рамки» притоков сильно удлинили путь в направлении избранной К. В. Кудряшовым точки размещения Шаруканя на Северском Донце близ впадения Оскола. Это может быть оправданным лишь желанием обосновать переход войск через летописные «многие реки».

Летописный текст позволяет предложить иные варианты перемещения войск в 1111 г. Дорога от Переяславля к Суле через Лукомль была обходной трассой: она широко огибала истоки рек Оржицы и Слепорода. Н. Я. Аристов допускал и движение мимо летописного Горошина: согласно событиям 1084 г., он лежал на прямом пути за р. Хорол. Этот путь был короче и ровнее обходного. Отмечу, что в другом месте монографии при прокладке Залозного пути К. В. Кудряшов это учел и проложил путь в направлении новосанжарского брода именно таким образом (Кудряшов, 1948, с. 107). Далее дорога могла направляться к хорольскому броду или обходить болотистые низовья Хорола к древнерусскому поселению в с. Голтва. К этому времени силы степняков уже были основательно подорваны: там могло возникнуть и укрепление. Далее трасса могла следовать полтавским бродом и гипотетическому Шаруканю через летописные «многие реки» – верховья правых притоков р. Орели.

Походный маршрут не исключает и движения войск древнейшей Приднепровской трассой. Для этого от Переяславля сначала надо было выдвинуться к бродам у нижнесульских крепостей Римова, Желни или Воиня, затем форсировать нижние течения Псла, Ворсклы и Орели. Минусом этого варианта является

то, что он обходил «многие реки» и затрагивал территорию кочевания орельских половцев. Другими словами, эта версия противоречила внезапности удара по донецким степнякам. Поэтому от междуречья Ворсклы – Орели можно было свернуть к северо-востоку, в направлении предполагавшегося С. А. Плетнёвой размещения городища Шаруканя в г. Чугуеве (1975, с. 270). По этой версии переход через задерживавшие движение войск переходы через «многие реки» вплоть до Северского Донца частично обрел реальность.

Впрочем, принадлежащие К. В. Кудряшову и С. А. Плетнёвой локализации военных действий 1111 г. на Северском Донце продолжают оставаться в области неподтвержденных гипотез. Не будем забывать, что в Ипатьевской летописной версии и «Поучении» Мономаха речь шла о более глубоком проникновении в Половецкую степь. После крестоцелования и облачения в брони на Ворскле дружины «поидоша к Донови», а после взятия Шаруканя и Сугрова они вполне логично «поидоша съ Дона». А размещение р. Северского Донца хорошо показано в описании движения Игоря Святославича в 1185 г.: двигаясь от Путивля на восток, он «перебреде Донѣць и тако приида [пріиде] ко Осколу». Соответственно, оказавшись в окружении, дружины намеревались вернуться: «вси сосѣдоша с кони, хотяхуть бо бьющеся доити рѣкы Донця» (ПСРЛ, т. 1, с. 250; т. 2, с. 266, 638, 641; Глухов, 1955, с. 28, 29; Рыбаков, 1958, с. 5–12; 1971, с. 230; Поляков, 2001, с. 137–139). В данном примере место нахождения Игоря Святославича в плену существенного значения не имеет: «поручившись» за плененного ханом Чилбуком князя, Кончак, естественно, увез его из владений поосколь ских половцев в свои кочевья.

Тем не менее подробности летописного описания похода 1111 г. позволяют определить и протяженность дневных войсковых переходов, хотя они и содержат определенные неточности. Последние связаны с тем, что подсчеты ограничены незнанием реального прохождения путей. Приходится измерять расстояния прямыми отрезками между соседними пунктами следования, подлинная же извилистость путей остается за скобками. По В. Б. Звагельскому, погрешность между подобными прямыми линиями и реальными трассами в среднем составляет 10–15 % (2010, с. 44). Но в подавляющем большинстве примеров «прямой» метод остается единственным выходом из ситуации, а его применение, что также существенно, соблюдает пропорции движения.

Рассматривая скорость следования войск в походе 1111 г., следует учесть, что движение по своей безопасной территории мог замедлять неторопливый сбор и ожидание подоспевавших ратей. Это объясняет, почему на 100-километровый переход от Переяславля к Горошину понадобилось целых 6 дней. За пределами сульского рубежа дневные переходы резко увеличились и выровнялись: Сула – Хорол = 40 км, Хорол – Псёл (у Красногоровки) = 36 км, Голтва – Ворскла = 34 км. Эти цифры отражают сложившиеся в литературе представления о протяженности войсковых переходов. Исключением является 26-километровый участок Псёл – Голтва: на стоянке у с. Голтвы войска дожидались подтягивавшиеся отряды.

Должно быть, условно контролировавшееся Русью междуречье Хорол – Ворскла все же было ей хорошо известно. Вероятность оставления на Хороле ненужных в распутицу саней может подтверждать скопление селищ в современном г. Хороле. Там могло происходить и первое крестоцелование, указывающее на знание предстоящей опасности: покидая Хорол, «хрестъ цѣлують» (ПСРЛ, т. 2, с. 266). Выше допускалась вероятность стоянки в с. Голтве, но она все же сомнительна: село расположено при впадении одноименной реки в Псёл, значит, остановки войск на Псле как бы и не было. Во-вторых, в источнике указана стоянка «на рѣцѣ Голтѣ».

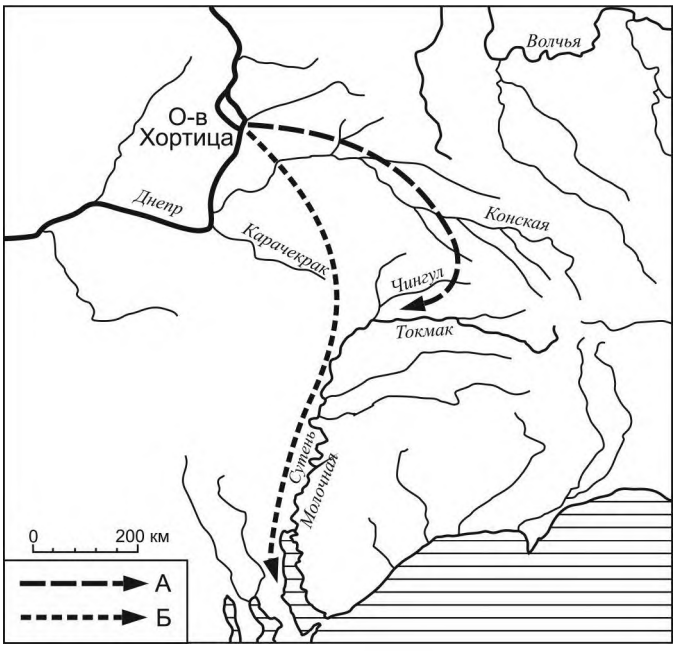

Рис. 109. Маршрут княжеских войск в походе 1103 г.
А – по К. В. Кудряшову; Б – более реальный путь

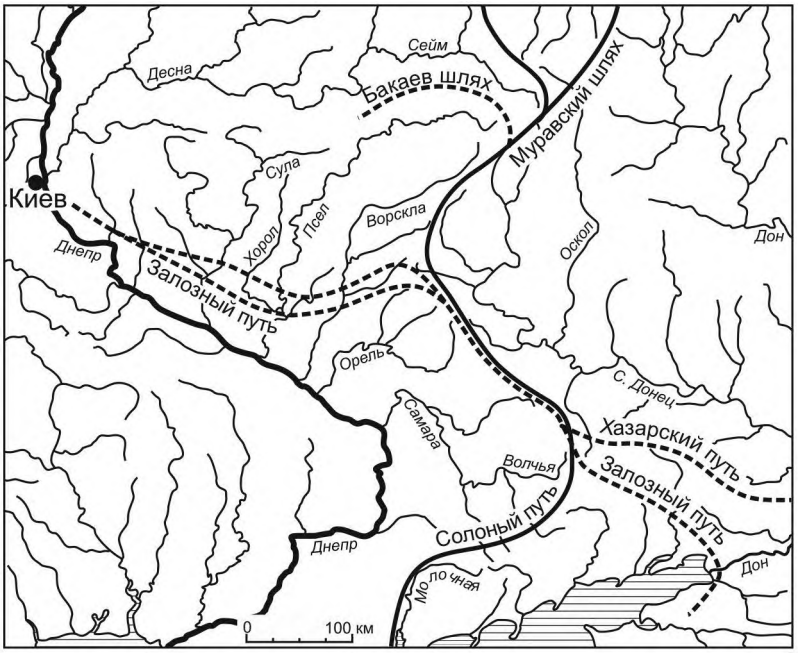

Рис. 110. Дальние степные пути
по древнерусским и позднесредневековым источникам

В-третьих, южное отклонение дает слишком протяженные дневные маршруты: Хорол – с. Голтва = 59 км; с. Голтва – Лтава = 52 км. Они противоречат необходимости беречь силы как пеших войск, так и конницы в преддверии будущих боев.

В 1103 г. объединенные силы князей совершили весенний поход на кочевавшее близ Азовского моря лукоморское объединение половцев. Из Переяславля войска «поидоша на конихъ и в лодьяхъ, и придоша ниже порогъ, и сташа в протолчехъ [и] в Хортичемъ островѣ. И всѣдоша на конѣ, и пѣши из лодеи вышедъ, идоша в поле 4 дни, и придоша на Сутѣнь» (в ИЛ: «Сутинъ». ПСРЛ, т. 1, с. 277, 278; т. 2. 253–255). Таким образом, пешие войска и конница могли следовать только приднепровской трассой.

Часть летописных топонимов известна. Ниже порогов на сужении Днепра размещалась Кичкасская (Крарийская – Константина Багрянородного) переправа, через которую в XVII в. следовало одно из ответвлений Муравского шляха, затем русло реки рассекал обширный остров Хортица. **Рис. 109**. Этот остров у брода на Протолчи–Протольчьи упоминался и среди событий 1223 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 506; т. 2, с. 742). Но древние и современные созвучные Сутени и Сутину гидронимы или топонимы в этой части Приднепровья неизвестны.

Наиболее плодотворно определением местоположения Сутени занимался К. В. Кудряшов (Кудряшов, 1948, с. 91–94). Исходя из путевых расчетов Н. Аристова (Аристов, 1877, с. 8), он принял величину совместного дневного перехода конницы и пехоты на дальние расстояния за 25 верст: в сумме это приближало дальнейший четырехдневный путь от о. Хортицы к 100 верстам. Сознавая, что войска могли следовать только на восток или юго-восток, исследователь предложил два вероятных варианта извилистого маршрута. Согласно одному, путь мог направляться правым берегом р. Конской (левый приток Днепра), затем перейти ее и приблизиться к р. Токмак (исток р. Молочной) близ впадения в него р. Чингул. **Рис. 109: *А***. По другому варианту, войска могли спуститься по Днепру и вдоль правого берега р. Карачекрак свернуть к Токмаку–Молочной. Таким образом, Сутень была логично отождествлена с р. Молочной, впадающей в Азовское море. Действительно, ареал обитания лукоморских половцев включал и течение этой реки. Позже в Книге Большому чертежу при описании Муравского шляха на Молочной было зафиксировано кочевание «ногаев» (Плетнёва, 1974, с. 21; КБЧ, 1950, с. 65).

К этому можно добавить лишь незначительное уточнение этого войскового маршрута. Так, первая версия К. В. Кудряшова менее вероятна. Движение войск замедляло множество мелких притоков, требовавших наведения переправ, а также неоправданно дугообразный изгиб пути, мешавший фактору внезапности удара. Более близка к реальности вторая версия движения войск водоразделом рек Конской и Карачекрака. Она представляется более логичной и в силу менее искривленного пути от Хортицы: войску предстояло форсировать только р. Конскую. **Рис. 109: *Б***.

Настораживает и весьма скромная протяженность дневных переходов даже для шедших налегке пеших воинов: войска сопровождали обозы с доспехами и вооружением. Так, по «Поучению» Мономаха: «и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхом оуслали наперед на повозѣх» (ПСРЛ, т. 2, с. 248). Поэтому можно предположить, что скорость хода рати была выше. Она могла колебаться от 35 км в день (движение торговых караванов) до 40 км, что близко к дневному переходу рейда 1111 г. (ср.: Моця, 2010, с. 36). В соответствии с этими колебаниями, за 4 дня войска могли преодолеть от 140 до 160 км. Это позволяло достигнуть не только начала, но и северной трети Молочного лимана – «луки моря» Лаврентьевской летописи и «Слова о полку Игореве». От устья р. Чингул в направлении Азова по правому

берегу Молочной нет притоков: именно так по Муравскому шляху в 1680 г. направлялся в Крым караван посольства Василия Тяпкина (Зотов, 1850, с. 23).

Устойчивость скупых летописных сведений о торговых и военных путях домонгольского времени оттеняется их использованием в более поздние времена. Так, путешественники, послы и войска в разное время двигались подробно описанным в Книге Большому чертежу Муравским шляхом (КБЧ, 1950, с. 59–65). Его ответвление в качестве трассы Киев – Полтава существует до настоящего времени. Продолжением был известный по источникам XVI–XVII вв. Коломацкий тракт в направлении летописного Донца, плавно соединявшийся с Муравским шляхом. От него приблизительно в верховьях рек Самары и Волчьей отходили два пути. К востоку вдоль истоков правых притоков Северского Донца отходил Хазарский путь на Саркел. Это северный отрог древнего Великого шелкового пути через Нижнюю Волгу в Хорезм и Среднюю Азию. Падение контролировавшей его Хазарии и половецкое владычество степями надолго прервали связи Руси с Востоком (Рыбаков, 1951 б, с. 335–337; Плетнёва, 1996, с. 148–155). Южнее к устью Дона ответвлялся реконструированный К. В. Кудряшовым Залозный путь: он уводил к Тмутаракани, власть над которой была утрачена Русью в конце XI в. (Кудряшов, 1948, с. 108, 109). **Рис. 110**.

С южным отрезком Муравского шляха и частью маршрута похода 1103 г. во многом совпадали Солоный путь и его современный выпрямленный аналог к азовскому Присивашью (Кудряшов, 1948, с. 103–106). Согласно показаниям Киево-Печерского патерика, на рубеже XI–XII вв. соль поставляли только из Юго-Западной Руси. Около 1097 г. киевский князь Святополк Изяславич не пустил купцов из Галича и Перемышля, поэтому «соли не бысть во всю Рускую землю» (Древнерусские патерики, 1999, с. 54). Таким образом, первая половецкая экспансия надолго затруднила торговое использование степных путей.

Не исключено, что последний сюжет, включающий некоторые сведения о степных путях, которые на рубеже XI–XII вв. практически не использовались, может показаться лишним. И все же думается, что он необходим в качестве своеобразного «мостика» к следующему периоду: он показывает, что память об этих путях не стерлась и к середине XII в. многие из них были возобновлены.

Успехи христианизации в конце XI – начале XII в.

Во второй половине XI в. наблюдаются успехи в христианизации населения. Они проявились широким взлетом церковного строительства в Переяславле, инициированного митрополитом Ефремом. С 1073 г. он стал переяславским епископом после возвращения из Константинополя и вскоре «поставленъ бысть митропълитомъ въ городѣ Переяславли» (Успенский сборник, 1971, с. 86). Вопросам, связанным с учреждением и отменой переяславской митрополии, посвящена обширная литература (Поппэ, 1968, с. 104–108; Щапов, 1989, с. 37–39, 56–61; Набок, Колибенко, 2007 б, с. 15–17; Назаренко, 2007, с. 100–103; Иоаннисян, 2008, с. 175, 178). В аспекте рассматриваемой тематики представляется более существенным ознакомление с материальными свидетельствами церковного строительства Ефрема и его последователей.

Первым в списке деяний епископа стоит окончание строительства, освящение и обустройство около 1089 г. кафедрального храма Переяславской земли – собора св. Михаила. «Юже бѣ создалъ велику сущю... и пристрои ю великою пристроєю. Оукрасивъ ю всякою красотою: церковныими ссуды» (ПСРЛ, т. 1, с. 209). Этот храм являлся и архитектурной доминантой епископского двора, воплотив-

шей лучшие киевские и византийские архитектурные традиции. При нем около 1118 г. епископ Сильстр начал вести переяславское летописание, ставшее основой владимиро-суздальского свода (ПСРЛ, т. 1, с. 286; Приселков, 1996, с. 95; Алешковский, 1971, с. 49–52; Кузьмин, 1977, с. 155–167). **Прим. 32**.

Одновременно со стеной упоминавшегося выше «каменного города» при Ефреме была возведена надвратная церковь Феодора Стратилата (ПСРЛ, т. 1, с. 209). **Прим. 33**. Последним из упомянутых в летописных источниках деяний Ефрема была закладка «святаго Андрѣя у цѣркве у воротъ». Идентифицированные с ней остатки храма были исследованы в 1956 г. в юго-восточной части детинца, т. е. вне епископского двора. От него сохранились лишь фундаментные рвы и отчасти нижние камни фундамента из камней на известково-цемяночном растворе. Его укладывали поверх деревянных лежней, закрепленных вбитыми в землю круглыми колышками и железными костылями. Судя по конфигурации, это была бесстолпная трехапсидная церковь размерами 16,7 × 14,2 м. При раскопках найдены обломки круглых оконных стекол (Раппопорт, 1982, с. 33, 34; Колибенко, 2007 а, с. 29–31).

Строительная деятельность Ефрема была продолжена Владимиром Мономахом. В 1098 г. он заложил «церковь камяну святой (ХП: святыа) Богородицѣ в Переяславли на княжѣ дворѣ» (ПСРЛ, т. 2, с. 248). **Прим. 34**. В Никоновской летописи сохранилось известие о постройке в 1008 г. митрополитом Иоаном каменной Воздвиженской церкви. Археологические следы этого храма, вероятно, находишегося на епископском дворе, не обнаружены (Колибенко, 2007 а, с. 27). В литературе по-разному трактуется назначение остатков храма конца XI в., известного в литературе как церковь «по ул. Советская, дом 7». Одни исследователи считают ее творением посадника Ратибора, другие церковью Успения Богородицы «на княжѣ дворѣ», третьи – домовой церковью или часовней княжеского двора, построенной во второй четверти XII в. **Прим. 35**.

Оценка размещения на детинце Переяславля гражданских и церковных построек конца XI – начала XII в. вызвала в литературе досадное недоразумение. В ряде работ А. В. Колыбенко выдвинул тезис о сложении городской поселенческой структуры еще в конце X в. По его мнению, в дальнейшем отдельные структурные изменения были вероятны, но размещение основных объектов якобы планировалось изначально (Колибенко, 2006, с. 6, 9). Однако известно, что детинец площадью 12 га строился «на вырост»: ранний культурный слой прослежен лишь на южной оконечности площадки (Комар, 2012 б, с. 364). Поэтому можно согласиться с тем, что город не мог существовать без ворот, основных улиц (или основной улицы), резиденции посадника (или наместника) и центральной незастроенной площади. Но в планировочную схему конца X в. не укладывается заложение земельного резерва для княжеского и епископского дворов, поскольку князя и епископа в городе еще не было. **Прим. 36**.

Вероятно, меньше земельных проблем с церковным строительством могло возникнуть в «окольном городе», который в рассматриваемый период не был ограничен крепостными стенами. Тем не менее остатки домонгольского храма-усыпальницы, найденные в 1953 г. экспедицией под руководством М. К. Каргера под поздней Спасской церковью, вызвали оживленную дискуссию относительно имени ее заказчика. **Прим. 37**.

Церковное строительство велось и за пределами Переяславля.

Под 1117 г. в письменных источниках содержится упоминание о закладке Владимиром Мономахом Борисоглебской каменной церкви на Льте, где он и умер (ПСРЛ, т. 1, с. 291, 294, 295; т. 2, с. 285; т. 9, с. 150). Вероятно, это была патрональная церковь на загородном дворе Мономаха (Каргер, 1953, с. 17–20; Раппопорт, 1982, с. 38). **Прим. 38**. Летописные источники не содержат сведений о времени возведе-

ния церкви архангела Михаила в Остёрском Городце. **Прим. 39**. Город был построен Владимиром Мономахом в 1098 г., под 1152 г. упоминалось о сожжении храма (ПСРЛ, т. 1, с. 149; т. 2, с. 248, 446). Тогда Городцом владел ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий, поэтому за храмом, размещенным на окраине современного г. Остра (с. Старогородка), в литературе закрепилось именование «Юрьевой божницы». В XVII в. в нем возобновили службы, с 1755 г. грунтовые подвижки заставляли периодически разбирать сооружение: к настоящему времени от него осталась лишь алтарная часть.

Логически появлению на рубеже XI–XII вв. столь значительного количества храмов должно соответствовать и увеличение в могильниках и на поселениях количества предметов личного благочестия: крестики-тельники начали появляться и в кладах, зарытых на рубеже XI и XII вв. (Корзухина, 1954, с. 26). Конечно, опубликованные к настоящему времени артефакты не дают исчерпывающей картины уровня христианизации этого региона, тем не менее общие показатели развития этого процесса уловимы.

Видимо, не случайно территориальное совпадение церковного строительства Владимира Мономаха в Остёрском Городце и случайной находки византийского энколпиона X–XII вв., распятия с греческими надписями (Корзухина, Пескова, 2003, с. 46, табл. 2, рис. 56). Почти напротив г. Остра, на городище Кашаны, был обнаружен крестик уже известного нам типа (XI–XII вв.) с утолщенными профилированными концами и косым крестом в средокрестии. Оттуда же происходит круглоконечный крестик с дугами в средокрестии и «ушками» (Экспозиция ОКМ, из колл. Н. Л. Переща; Археология, 1997, табл. 103, № 19, 29). **Рис. 111**.

Артефакт византийского производства X–XI вв. найден в с. Кучаков, в 12 км к востоку от Льто–Борисполя с его монастырем «Летьцом» и мономаховой церковью Бориса и Глеба. Это гравированный прямоконечный энколпион типа «Оранта» с расширяющимися концами (Корзухина, Пескова, 2003, с. 55, табл. 11).

Из Переяславля и села Пристромы, расположенного семнадцатью километрами севернее, происходит по трехлопастноконечному крестику с желтой выемчатой эмалью. Считается, что подобные изделия производились в Киеве и, возможно, в других южнорусских центрах. Большей частью они встречаются с вещами XI–XII вв., расцвет их производства относится к XII в. (Мальм, 1968, с. 113–117; Кутасов, Селезнев, 2010, с. 139; Бузян, Тетеря, 2012, с. 57–59). В Лепляве была найдена часть бронзового с серебряной инкрустацией равноконечного тельника с расширенными и трехчастно заостренными лопастями и плоскорельефным литым изображением. Его ближайшие аналогии, датирующиеся XI и XI–XII вв., часто украшали чернью (Макаренко, 1907, с. 88, рис. 60; Станюкович и др., 2003, с. 148; Кутасов, Селезнев, 2010, с. 76, №№ 65, 66).

С летописным Воинем связана находка нагрудного серебряного креста с закругленными концами, украшенного позолотой, чернью и обработанного резцом. В его центре изображен св. Георгий в хитоне и плаще, с крестом в правой руке; в круглые медальоны помещены погрудные изображения святых. На оборотной стороне вырезана благопожелательная греческая надпись в пять строк с именем Леона. Особенности эпиграфики позволили датировать изготовление раритета концом XI или рубежом XI–XII вв. В этот период в летописных источниках упоминался византиец Лев (Леон) – по мнению В. Г. Пуцко, он мог быть владельцем креста. К этому склоняет и обнаружение артефакта на территории Переяславской земли: княживший там Владимир Мономах выдал за Леона свою дочь Марицу (Довженок и др., 1966, табл. 16; 17; Пуцко, 1974, с. 209–214). Среди остатков

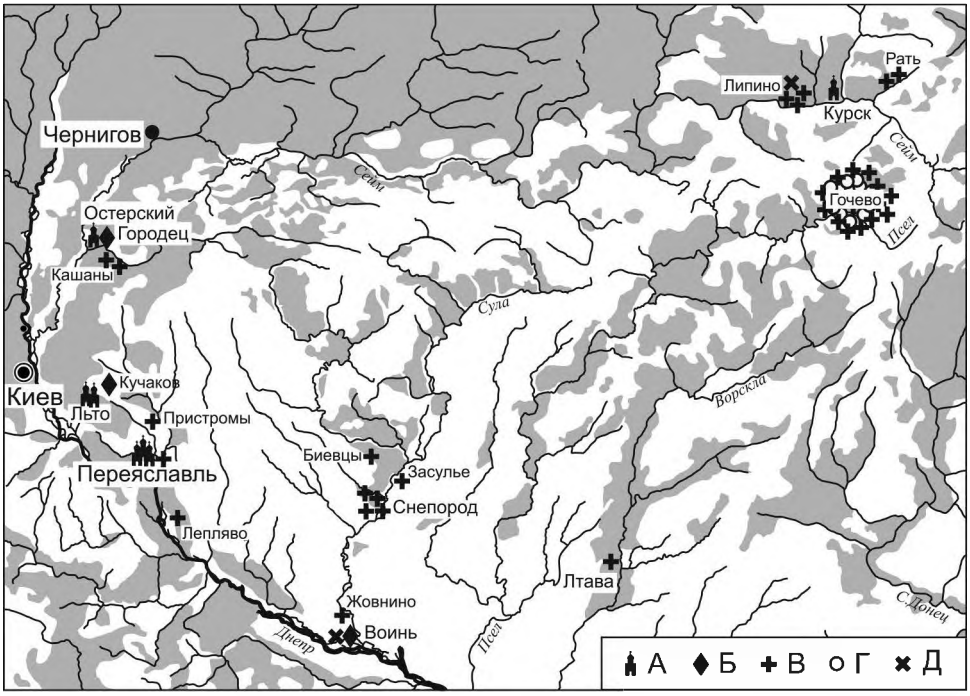

Рис. 111. Левобережные церкви и предметы личного благочестия.
А – церкви; Б – энколпионы и нагрудный крест;
В – металлические крестики и медальоны со святыми;
Г – брактеаты; Д – крестики-«корсунчики»

разрушенного погребения Жовнина находился крестик с Распятием раннего типа (Моця, 1993 б, с. 85, рис. 32; Моця, Халиков, 1997, с. 130–132; Мусин, 2002, с. 153).

В этот период крестики-тельники появляются и в летописном Снепороде. Там найдена аналогия леплявскому изделию с расширяющимися концами. В средокрестие помещен прямоугольник со скругленными углами и углублением в центре. Основания лопастей моделированы рельефными полосками, а на завершения помещены криновидные фигуры. В отличие от других, снепородский экземпляр не украшен чернью: возможно, это свидетельство некоторого хронологического запоздания (Моргунов, 2012 а, с. 248–250, рис. 137: *5, 6*). Также на городище Снепорода обнаружен целый и три обломка трехлопастноконечных изделий XI–XII вв. с выемчатой эмалью: на целом образце прямоугольные лотки залиты желтой эмалью, а медальоны – редко применявшейся синей.

Близ с. Засулье (левый берег Сулы напротив г. Лубны) при археологических наблюдениях за ходом углубления дна реки была обнаружена нижняя половина крестика с распятием типа 1 (Супруненко, 2012, с. 163, 164). Аналогичный тельник был обнаружен близ левого берега р. Удай на поселении Биевцы-1, уроч. Колодец (Супруненко и др., 2015, с. 112–117). Как и следовало ожидать, наибольшее число предметов личного благочестия и их дериватов происходит из курского Посеймья, где «окняжение» началось раньше других регионов. Благодаря обширным дореволюционным раскопкам погребальных древностей, больше всего по-

добных раритетов было обнаружено в Гочеве, отдельные находки происходят из Липина и Ратского (Бесединского) городища. **Прим. 40**.

На Руси были популярны и крестики из разноцветного мрамора, так называемые «корсунчики». Местом их производства традиционно считают г. Корсунь, где вытачивали равноконечные образцы небольших размеров с простым средокрестием. Их прямые концы имеют восьмигранное сечение, плоскости не декорированы. Возможно, позже их делали в Киеве (Николаева, Недошивина, 1997, с. 173; Кутасов, Селезнев, 2010, с. 264, 265). Сведения о находках ранних «корсунчиков» в литературе не всегда точны: авторы публикаций порой не указывают их точные формы, материал и поперечное сечение. Тем не менее к этому времени можно отнести изделия, встреченные при раскопках летописного Воиня и среди подъемного материала селища Липина (Довженок и др., 1966, с. 111; Щавелев С. П., 2005, с. 101).

В целом мы располагаем тридцатью восемью находками, распределенными по просторам переяславского Левобережья. В их размещении просматривается закономерность, соответствующая направлениям первоначальной христианизации и важнейшим путевым трассам. Более активно проходила связанная с государственным «освоением» христианизация курского средоточия памятников, которое со времен Владимира Святославича стало опорой киевских князей. Поэтому ко времени написания «Жития Феодосия Печерского» в позднем варианте его датировки курская округа действительно могла стать своеобразным христианским оазисом, куда приходили паломники из святых мест, где могли появиться церкви. К тому времени город сформировался как форпост на пересечении южных путей с дорогой в ростово-суздальские земли и трассой в направлении Киева, который местные купцы пополняли товарами и продовольствием.

Некоторым диссонансом этой идиллической картины служит замечание «Жития Феодосия Печерского» о том, что выпекание юным Феодосием просфор вызывало отрицательную реакцию сверстников: «вьси же съврьстьнии отроци его ругающеся ему, укаряхути ѝ о таковѣмь дѣлѣ» (Успенский сборник, с. 77). Другим кажущимся противоречием могла бы служить приведенная карта распространения христианских артефактов. Но это не столь очевидно: переяславское Левобережье настолько скудно охвачено стационарными раскопками, что Посеймье может служить эталоном изученности местных древностей.

На остальной периферийной территории более подробно изучены городища летописного Воиня и Снепорода. Конечно, в последнем пункте наметились некоторые успехи христианизации, с ними уживался колодец с ритуальными печами. Языческое капище было сожжено, возможно, при строительстве крепости, но вскоре его обновили (Моргунов, 2012 а, с. 96, 97, 172, 173). В первой половине XII в. на внешнем склоне крепостного рва была вырезана полусферическая печь без следов опор для навеса, а ее содержимое представлено кучкой обгоревших ивовых прутьев, недостаточной для приготовления пищи. Кроме того, на крутом склоне рва устройство не могло нести практической нагрузки. Подобные печи нередко служили для исполнения языческих обрядов, связанных с культом земледелия и почитанием огня (Русанова, 1992, с. 56–59; Моргунов, 2012 а, с. 170).

Таким образом, несмотря на успехи в крещении населения, во время княжений Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха были ощутимы и противоположные явления. По словам летописца, в это время те, кто считали себя христианами, на самом деле «поганьскы живуще». Дьявол привлекает их «трубами и скоморохы, гусльми и русальи [РА: и гуслеми и русальями]» на вытоптанных игрищах, а церкви стоят пустыми (ПСРЛ, т. 1, с. 170). Это возвращает нас к мнению древнерусских поборников

веры о том, что многие их современники-христиане жили в религиозном «двоеверии» (Щапов, 1995, с. 85–88; Хамайко, 2007, с. 86–114; Хамайко, 2010, с. 431–442).

С окончательным торжеством канонического христианства в литературе связывают появление безынвентарных грунтовых погребений (Седов, 1995, с. 77). Судя по материалам Липина, в Посеймье это произошло в середине XII в. (Енуков, Енукова, 1999, с. 181). Синхронно появилось бескурганное кладбище в Гочеве (Шинаков, 1982, с. 97). По подсчетам А. П. Моци, в XII – начале XIII в. резко уменьшается количество датированных курганных погребений в Липовом и Зелёном Гае. На последнем памятнике христианский некрополь второй половины XII в. возник поверх предшествующих напластований (Моця, Халиков, 1997, с. 105, 114, 117). В летописном Снепороде только к концу XII в. затек грунтом амфитеатр ступеней колодца и было уничтожено капище, а на рубеже XII–XIII вв. на их месте была построена бревенчатая церковь.

Примечания

1. «Банное строение» в Переяславле

Интерпретации этого сооружения неоднозначны: его принимали и за епископский дворец, и за заложенное Ефремом «строєньє баньноє [камено], сего же не бъсть преже в Руси». По-разному толковались и строительные традиции сооружения. А. В. Колыбенко считает, что оно следовало византийским нормам, сформировавшимся на основе греческих архитектурных наработок. Частично с этим согласился О. М. Иоаннисян: он уточнил, что подобные сооружения характерны для изысканного быта византийской столичной знати. Но отдельные детали – характер кладки и применение шифера – характерны для киевского зодчества. На полу постройки найдены вислая свинцовая печать епископа, наконечник копья, кистень, стеклянная и глиняная посуда. По заключению С. Иванова, в конце XI в. в Византии уже не воздвигали роскошных бань: Ефрему они не могли быть известными (ПСРЛ, т. 1, с. 209; Раппопорт, 1982, с. 34, 35; Колибенко, 2006, с. 5, 6; 2007 а, с. 26; Иванов, 2008, с. 226–228; Иоаннисян, 2008, с. 175).

2. Каменные стены Переяславля

Симптоматично, что об остатках каменных субструкций не упоминали источники XVIII–XIX в. или описания раскопок (Колибенко, Тетеря, 2013). Тем не менее в литературе встречаются мнения о том, что в конце XI в. Переяславль стал первым русским городом, укрепленным по периметру каменной стеной (Коринный, 1992, с. 101; Иоаннисян, 2008, с. 175). Однако прослеженная раскопками подобная ограда ответвлялась от связанного с ней воротно-храмового комплекса *внутри* вального окаймления детинца. Это заставляет склониться к ее толкованию как о стене епископского двора. Более того, летописные источники указывают лишь на закладку этого сооружения. Возможно, она не была закончена: в таком случае дальнейшее ее прохождение археологически прослежено отнюдь не из-за плотной застройки.

Не меньше вопросов вызывает устройство стен окольного города, упомянутого в Ипатьевской летописи под 1149 г. (ПСРЛ, т. 2, с. 381). П. А. Раппопорт считал, что их археологическая датировка так и осталась неопределенной, А. В. Куза писал об одновременном сооружении детинца и посада, А. Н. Кирпичников относил постройку стен окольного города к началу 40-х годов XII в. К подобной интерпретации склоняется и А. В. Колыбенко: исследования 1987 г. затронули остатки глинобитной части посадской стены, лежавшие поверх тонкой ленты культурного

слоя с керамикой XI в. Отсюда был сделан вывод о возведении укреплений в XII в. (Колибенко О., Колибенко О., 2012, с. 83).

Загадочность этого сооружения состоит в том, что мы не располагаем ни одним примером строительства крепостных стен с лицевыми сырцовыми кладками в XI и XII вв. Так, возведенные до середины XI в. укрепления «города Ярослава» содержали довольно много архаических элементов, но сырец уже не использовался. Сходным образом около середины XI в. при расчистке обветшавших стен Воиня в ров были сброшены обломки сырцового кирпича эпохи Владимира Святославича (Довженок и др., 1966, с. 26; Куза, 1985, с. 55; Моргунов, 2009, с. 262–265). Таким образом, датировка посадских укреплений Переяславля остается открытой.

3. Структура предградий Переяславля

Заальтицкое предградье площадью до 10 га размещалось на правом берегу Альты и Трубежа. Там обнаружены жилища, печи и керамика XI в. Предградье пересекала дорога от посада к зарубскому броду. Другая трасса уводила от Альтицких ворот вдоль правого берега в Киев. На размещенном на левом берегу Трубежа уроч. Оболонь (6–7 га) встречены керамика и остатки сооружений XI – первой половины XII в. В расположенном напротив основного трубежского брода уроч. Лагеря (2–3 га) содержались синхронные керамические материалы. Аналогичны находки и в уроч. Марченковы Луга (1,5 га) на левом берегу р. Поповки. Несколько позже, со второй половины XI в., заселялось поселение в уроч. Луг, размещенном на левом берегу Трубежа. Все эти поселения существовали непрерывно.

Вокруг Переяславля при основных дорогах существовало несколько курганных могильников с инвентарем, в том числе и конца XI–XII вв. В прошлом из них полнее исследовались три. Некрополь «Ярмарковщина» занимал останцеподобное возвышение правого берега р. Трубеж к северо-западу от детинца. К юго-западу от детинца размещался могильник «За тюрьмой» (уроч. Выгон) – иногда его называют Острожской группой, разместившейся на краю невысокого плато правого берега р. Альты. Южнее нее располагался «Альтицкий» могильник в уроч. Ветряная Гора. В последние годы в уроч. Луг исследуются остатки еще одного грунтового (?) могильника. Он содержит два многоразовых кострища с ямками от столбов и вытянутые на спине погребения западной ориентации в гробах и без них, совершённые в неглубоких прямоугольных ямах. В женских погребениях встречены шелковые ленты и воротники с золотым шитьем и другой инвентарь, датирующийся начиная от рубежа XI–XII вв. В заполнении могильных ям и вокруг встречены фрагменты керамики конца XI – начала XII в. Антропологические исследования показали, что обитатели прилегавшего к могильнику поселения генетически не были едины. Среди них были потомки как правобережного населения и северян, так и переселенцев из более северных территорий (Колибенко О. В., Колибенко О. В. 2005, с. 301–307; Колибенко, 2010, с. 130–137; Колибенко, Тетеря, 2013, с. 122–131; Товкайло и др., 2012, с. 215–221).

4. К локализации летописного г. Песочена

В связи с «грунтовой» основой имени города Н. М. Карамзин и П. В. Голубовский локализовали его на месте с. Песчаное на правом берегу нижнего Супоя у впадения в него ручья Коврай (Ковраец). Н. Н. Коринный счел, что там мог располагаться только город, упомянутый под 1172 г. Вслед за М. П. Погодиным он связал местоположение Песочена 1092 г. с селом Пески на левом берегу Средней Сулы, где Боплан указал на следы древнего укрепления и якобы существовало

древнерусское городище. Археологически остатки домонгольских оборонительных сооружений в обоих случаях не зафиксированы, а расположение города на левом, контролировавшемся половцами берегу Сулы проблематично (Карамзин, 1989, с. 100; Погодин, 1850, с. 265; Голубовский, 1884 а, с. 79; Коринный, 1992, с. 248). Впрочем, разноречивость источников и популярность «песчаных» топонимов не исключает разновременного существования одноименных крепостей.

М. П. Кучера отождествил Песочен с ныне затопленным городищем у с. Городище неподалеку от устья Трубежа. Основанием послужило именование местным населением южной части села «Песками», а северной окраины современного села – «Песчанкой». Памятник располагался в 9 км к югу от устья Трубежа на невысоком надпойменном мысу левого берега Днепра. Заселенная с рубежа X–XI вв. площадь насчитывала до 15 га. Поверх ранних напластований было возведено укрепление круглых очертаний диаметром 60 м, защищенное двухсрубной стеной с бермой, руины которой стали валом высотой около 3 м без следов въезда. Напластования городища толщиной 0,4 м крайне бедны, следы жилых построек не найдены.

На селище культурный слой также невелик (0,5–0,2 м), следы жилья не обнаружены, исследовано лишь 16 хозяйственных ям с немногочисленным материалом. Автор исследований считал, что это остатки крепости-убежища, где постоянно проживали лишь отвечавшие за ремонт и сохранность укреплений. В первой публикации гибель крепости в пожаре М. П. Кучера датировал концом XI – началом XII в. Это противоречит упоминанию города под 1172 г. И в позднейшей работе датировка была омоложена до XII в. (Кучера, 1970, с. 217–225; 1978, с. 29). Подобная локализация напоминает практику отождествлений XIX в. по созвучию разновременных ойконимов. Кроме того, маловероятно, что почти нежилая крохотная крепостица могла дважды попасть на страницы летописей.

Исследования 2015 г. заставили вернуться к гипотезе Н. М. Карамзина и П. В. Голубовского: на Супое к северу от с. Песчаное (Піщане) было обнаружено городище в уроч. Городище. Его площадка округлых очертаний также невелика (0,3 га), селище занимает площадь 16 га. Среди керамических сборов преобладают материалы XI–XII вв., встречена и вислая печать переяславского князя Ярополка Владимировича (Прядко, 2015 а, с. 124–128).

5. Летописные города поречья р. Удай

Размещенный на правом берегу р. Удай город Прилук упоминался в «Поучении» Мономаха среди событий 1085 г. Половцы сожгли его в 1092 г., но, судя по событиям 1139 г., он был восстановлен. Городище располагалось в центре современного г. Прилуки на краю высокого (20 м) плато. Древнейшие укрепления были уничтожены позднесредневековой крепостью регулярных очертаний: конфигурация древнейшей площадки угадывается по перепаду рельефа на месте раннего рва. С поправкой на параметры оборонительного вала площадка в плане имела форму полукруга, прилегавшего к обрывистому берегу реки, ее размеры 1,8 га. Домонгольский материал датируется второй половиной XI – серединой XIII в. (Моргунов, 1996, с. 79).

В том же источнике среди событий лета 1086 г. упомянут Варин. Начиная с М. П. Погодина, его традиционно отождествляют с обширным памятником в пгт. Варва, размещенном на высоком левом берегу Удай, где располагались остатки укреплений сотенного городка XVII–XVIII вв. Он известен по сведениям ЦСК 1873 г., опросным листам Полтавского губернского статистического комитета и плану с описанием В. Г. Ляскоронского. Археологически городище подробно не обследовалось: в 1978 г. осматривалось А. В. Шекуном (Моргунов, 1996, с. 82).

Под 1092 г. в ПВЛ содержится известие о сожжении половцами Переволоки. Относительная распространенность схожих топонимов породила в литературе несколько вариантов локализации этого пункта. Город 1092 года нельзя отождествлять с нижневорсклинской Переволокой, где по засоленным землям проходили кочевнические пути на Русь. Летописный сюжет об одновременном сожжении Переволоки с Прилуком, а также подробное историческое и географическое обоснование удайского варианта А. М. Лазаревским склоняют к мнению о том, что город, скорее, размещался близ с. Переволочная на правом берегу Удая. На наличие там древнерусского городища (?) указывал Н. Н. Коринный (Моргунов, 1996, с. 81).

6. Нелокализованные ойконимы переяславской округи

Летописные Уветичи (Ветичи), где происходил княжеский съезд 1100 г., М. Н. Карамзин вслед за В. Н. Татищевым отождествлял с южным городищем у с. Витичева, рядом с которым в 1095 г. был построен г. Святополч. Эта локализация имеет много последователей, хотя «Святополч» вряд ли за пять лет мог трансформироваться в «Уветичи». Вариантом этой локализации является отождествление Уветичей с Витичевым: как показано выше, он, скорее, погиб во время феодальной войны в 1015–1018 гг. Другие исследователи вслед за Н. П. Барсовым отождествляли ойконим с киевским укреплением на правобережной р. Вите (совр. с. Вита Почтовая). Столь же невероятной представляется гипотеза М. С. Грушевского о поисках Уветичей в черниговском междуречье Десны и Днепра близ с. Хотяновки, где известно уроч. Ветова Могила. Более логичной представляется локализация загадочных Уветичей на Левобережье близ границ Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств. Там происходили княжеские встречи в Городце на Радосыни, Золотче и Долобске (ПСРЛ, т. 1, с. 229, 273; т. 2, с. 219, 249; Карамзин, 1989, 2, с. 101, прим. 195; Грушевський, 1992, с. 271, 272; Писаренко, 2008, с. 184–185).

Золотча впервые упоминалась в летописных источниках при описании съезда князей в 1101 г., а Долобск в аналогичных обстоятельствах под 1103 г. (сведения о нем продублированы под 1111 г.). В качестве гидронимов они описаны среди событий 1151 г. Юрий Долгорукий с союзниками «хотящю поступити внизъ к витичевьскому броду, не смѣющимм же имъ пустити лодеи мимо Кыєвъ, но пустиша и в озеро Долобьскоє и оттуда волочиша и берегом в Золотчю, по Золотчи же внидоша в Днепръ лодьѣ ихъ». Из ипатьевской статьи под 1180 г. известно, что Игорь Святославич с половцами «лежали» по Долобску. Затем, после разгрома, Кончак с Игорем спаслись бегством в ладье, а множество половцев утонули в «Черторые». Последний поток упоминался в лаврентьевских статьях под 1147 и 1149 гг. В настоящее время днепровский пойменный рукав Черторой начинается ниже устья Десны и впадает в Днепр перед Дарницким мостом.

Думается, что съезды князей было бы логичнее устраивать под защитой крепостных стен, но в источниках речь шла лишь о гидронимах. Уже Н. М. Карамзин и Н. С. Арцыбашев локализовали Долобское озеро и р. Золотчу на левом берегу Днепра, что соответствует летописным ситуациям. Это не исключает существования в этом районе ныне утраченных одноименных укреплений (ПСРЛ, т. 1, с. 275, 277, 315, 328; т. 2, с. 265, 424, 621–623; Карамзин, 1989, с. 102, прим. 198; Арцыбашев, 1838, с. 58, прим. 345; с. 131, прим. 845; Погодин, 1850, с. 268, 269).

В «Поучении» Мономаха среди событий 1078 г. встречен некий «обров»: «и пакы идохом Переяславлю и стахом во обровѣ». Он находился на пути князя из Чернигова в Переяславль. М. Н. Карамзин допускал, что под этим именем скрывался обезличенный «окоп», но поиски М. П. Погодиным созвучного ойконима от-

влекли исследователей. Позже этимологические наблюдения показали, что под «обровом» действительно следует понимать не летописный город, а защищенную (обрытую) полевую стоянку войск (ПСРЛ, т. 1, с. 248; Карамзин, 1989, прим. 145, с. 36; Погодин, 1850, с. 263; Добродомов, Кучкин, 1979, с. 157).

Вороница упомянута в «Поучении» Мономаха среди событий 1096 г.: «и Смолиньску идохом с Давыдом смирившеся. Паки идохом другое с Вороницѣ. Тогда же и Торци придоша ко мнѣ ис Половець и Читѣевичи: идохом противу им на Сулу». Отсюда следует, что торки вышли к Владимиру из степей во время его пути с Вороницы. Это не означает, что князь находился близ Нижней Сулы, как понял этот сюжет В. Г. Ляскоронский, отождествив Вороницу с Воронинцами Чернобаевского района Черкасской обл., с чем согласился и Н. Н. Коринный. Л. Е. Махновец локализовал пункт с неизученным городищем в с. Вороньков на р. Икве, левом притоке Днепра. Из приведенного текста неясно, речь шла о городе или урочище, нет и его географической привязки (ПСРЛ, т. 1, с. 249; Беляев, 1852, с. 18; Ляскоронский, 1903, с. 161; Махновець, 1989, с. 545; Коринный, 1992, с. 253).

7. Безымянные городища рубежа XI–XII вв. и начала XII в.

Памятник у с. Русанов занимает низкий надпойменный мыс правого берега у брода Трубежа. Площадка округлых очертаний (0,22 га) окружена валом высотой до 1,5 м и заплывшим рвом, на северо-западе разрезанными въездом. В нарушениях вала прослежены следы дубовых городней. Культурные напластования мощностью 0,25 м содержат обломки круговой посуды XII–XIII вв. Больше находок встречено на селище (2,5 га), где есть и керамика XI в. В полевом отчете М. П. Кучера датировал возникновение поселения второй половиной XI в. Но в публикации отнес возведение укреплений ко времени Владимира Святославича (Кучера, отчет 1965/47, с. 1–8; 1978, с. 22–29; Моця, Халиков, 1997, с. 91, 92).

Площадка городища в с. Пристромы также имеет округлые очертания (0,2 га), вал высотой до 4 м и ров с двумя противолежащими проездами. Культурные напластования метровой мощности содержат круговую керамику рубежа X–XI – середины XIII в. Синхронны городищенским и напластования селища размерами 400 × 200 м. Обилие ранних материалов позволило М. П. Кучере отнести памятник к «градам» Владимира Святославича – тогда еще не было известно о существовании обширных открытых поселений рубежа X–XI вв. (Отчет 1971 г., с. 4, 5; 1978, с. 22–29). Это позволяет отнести возведение укреплений ко времени не ранее рубежа XI–XII вв.

Два аналогичных памятника этого времени размещены по течению р. Альты. На левом берегу ее болотистого истока известно городище в с. Любарцы (0,2 га) округлых очертаний. Его слабые следы прослеживаются на пониженном мысу северо-западной окраины села (Кучера, отчет 1971 г., с. 9; 1978, с. 23–30). Округлое городище в с. Веселиновка (0,35 га) расположено на краю надпойменной террасы левого берега Альты близ впадения в нее безымянного ручья. Кольцевидный вал высотой не более 1 м и ров подвергались намеренной перепланировке, поэтому следы въезда утрачены. Не обнаружено и открытое поселение (Кучера, отчет 1971 г., с. 8, 9; 1978, с. 23, 26).

Почти полностью уничтожен застройкой и памятник в с. Гайшин на Трубеже. Его очертания округлые, диаметр площадки между вершинами валов 75 м. На ней была воронка колодца, в валах прослежены остатки бревенчатого каркаса защитных стен. Укрепления возникли не ранее рубежа XI–XII вв. поверх напластований более раннего поселения (Кучера, отчет 1971 г., с. 5; 1978, с. 23, 24, 29).

Уничтоженное при строительстве железной дороги городище округлых очертаний у с. Лепляво размещалось на низком надпойменном мысу левого берега

безымянного рукава Днепра. Оно получило известность в связи с дореволюционными раскопками курганов и позднейшими сборами Ф. Лысаком разновременного подъемного материала, хранящегося в Национальном музее истории Украины (Щербаківський, 1925, с. 339; Выезжев, отчет 1949 г., с. 43, 44; Моргунов, 1999, с. 71; Шинаков, 2002, с. 240–241). М. П. Кучера считал, что крепость создавали на рубеже X–XI вв. (1984, с. 13), это противоречит наблюдениям о появлении «круглых» укреплений на Левобережье при Владимире Мономахе, о которых подробнее речь пойдет ниже. Поэтому защитные стены могли быть построены поверх напластований открытого поселения – дружинного лагеря не ранее рубежа XI–XII вв.

Городище в с. Бубнов располагается на берегу днепровского рукава Ореховки поблизости от сельской школы. Его размеры по гребню вала 70 × 65 м, задернованная площадка диаметром 45 м содержит воронку колодца; проезд обращен к югу, к реке. Укрепленный посад имеет размеры 9 га. Собранный материал включает керамику рубежа X–XI вв. и конца XI – середины XIII в., а также обломки крымских амфор (Прядко, 2016).

Хутор Железки (Залізки), размещенный в пойме левого берега Днепра невдалеке от впадения в него р. Золотоноши, был затоплен водами Кременчугского водохранилища. В 90-е годы всхолмленная зона размыва, расположенная в 1 км к северо-западу от хутора, обнажилась. Среди подъемного материала разных эпох весомо преобладали древнерусские материалы конца X – середины XII в. (Кургина, Шевченко, 1997, с. 233–236). Переяславский археолог А. О. Прядко обнаружил на старых картах свидетельство существования там городища округлых очертаний в уроч. Пташиные Острова.

8. Городище летописного г. Римова

В настоящее время множество исследователей согласны с предложением В. Г. Лясковского отождествлять город с одним из укреплений в с. Великая Буримка. Летописному описанию соответствует рассеченное проездами к броду кольцевидное городище Городок (0,8 га), размещенное на окруженном болотами мысовидном останце площадью 10 га: его стрелка полого спускается к броду. На городище и вблизи него прослежены следы мощного пожарища. Поверхность останца занята поселением конца X–XIII вв.; по его периметру прослеживался вал укрепленного посада. Следы селища есть и на краю берегового плато. На восточном краю останца сохранились остатки срезанной помещиком округлой насыпи с дубовым каркасом и бревенчатым накатом с пластом прокаленной глины на вершине. Это похоже на выдвинутую к пойме обзорно-сигнальную башню для подачи огневых (дымовых) сигналов соседним крепостям.

9. К локализации летописного Горошина

С конца X в. на месте городища в Тарасовке существовало обширное открытое поселение эпохи Владимира Святославича; во второй половине XI в. создание крепости активизировало затухавшую жизнь. Большинство отличающегося относительным богатством подъемного материала относится к XII – началу XIII в., среди него и обломки амфор с граффити. В середине XVIII в. через заливную пойму Сулы шириной до 30 км, по цепочке сухих всхолмлений и бродов к Тарасовке выходил «старинный перевоз горошинский» на ответвлении Муравского шляха к Переяславлю. В середине XIII в. опасность нового нашествия могла заставить жителей переселиться на 9 км в левобережную надпойму под защиту болот с густой растительностью. Они могли унести название летописного города на новое место, где в конце XVI в. поселение было обновлено, а в 1618 г. появилась и «новая осада».

10. О летописном г. Лукомле

Помимо скрупулезной детализации размещения разновременных культурных остатков, статью В. В. Шерстюка отличает хронологическая широта полученной им картины. По сути, это опыт глубокого анализа, основанный на археологических и исторических материалах: автор впервые сформировал всестороннее представление об укрепленном поселении, с перерывом существовавшем от истоков Киевской Руси вплоть до Нового времени.

Новейшие электронные средства, примененные автором для обмера мыса, позволили уточнить контуры мыса и указали на его размеры, близкие к 3 га (Шерстюк, 2018, с. 137). Казалось бы, разницей в 0,8 га по сравнению с моими обмерами 1980 г. (2,2 га) можно было бы пренебречь. Но в эту «погрешность» укладывается множество посульских городищ, в том числе и остатков летописных городов (Моргунов, 2012, рис. 129). Но на время от этого отвлечемся.

Дальнейшие наблюдения возвращают нас к планам В. Г. Ляскоронского и Ф. Б. Копылова, указывающим на двухчастную структуру мыса, где южная мысовая часть занимает около 1/3 его размеров, а напольная северная – 2/3. Оба предшественника зафиксировали на поверхности мыса остатки древних укреплений. Они состояли «как бы из двух круглых, окруженных валом укреплений, слившихся между собою[1]» (Ляскоронский, 1901, с. 442). Вероятно, это не случайно: особое внимание исследователя к округлости городищ прослеживается во всех его посульских чертежах. Принадлежавший ему план конца XIX в. указывает и на причину разобщения дуг этих сооружений в месте их вероятного стыка: это размещение между ними Успенской церкви 1792–1895 гг. В практике церковного строительства превалировало возобновление новых храмов поверх прежних обветшавших молелен. Соответственно, полоса вероятного смыкания укреплений поступательно разрушалась и каскадом сопровождавших их погостов.

Более того, на этом же месте микронивелировка В. В. Шерстюка зафиксировала слегка изогнутую (но не перпендикулярную оси мыса) аномальную полосу шириной 45–50 м, состоящую из двух поясов. Из них северная – это следы рва шириной 28–30 м с достаточно выразительными «вмятинами» на противоположных краях мыса, где ров вливался в края склонов. В таком виде ров не мог относиться к древнерусскому времени: его домонгольские аналоги на городищах подобных размеров редко превышают 15–20 м, а их очертания более дугообразны. В данном примере это или следствие обрушения краев рва от многолетней распашки, или итоги последовательного «наложения» разновременных укреплений. С юга ко рву примыкали остатки распаханного вала шириной 18–20 м: перепад высот между дном рва и гребнем остатков вала насчитывает 1,1 м. Причем реальность существования вала подчеркивается преобладанием суглинистых составляющих на фоне окружающих черноземных почв. Эти сооружения отсекали южную мысовую часть, которую новейший исследователь ошибочно принял за детинец летописного города.

Отсюда за рабочую гипотезу можно принять существование на мысу как минимум двух, возможно, разновременных укреплений.

Южная часть более характерна для позднесеверянских городищ с их мысовым размещением, относительно небольшими размерами и псевдоэскарпированием даже крутых береговых склонов. К этому обязывает и отрезок дополнительной подрезки с небольшим валом на склоне внешнего рва, отделившего мыс от

[1] Послевоенная распашка тяжелой тракторной техникой сгладила абрис площадки – эту округлость стали относить к неточностям некоторых глазомерных съемок В. Г. Ляскоронского.

его понижения. Обычно из всей площади распаханного напольного вала на долю крепостной стены приходилось не более 1/3–1/5 доли – остальное занимают ее осыпи и оплывы. А с учетом того обстоятельства, что валы по периметру площадки редко встречаются на северянских укреплениях, городище занимало всю треугольную с сильно скругленными углами часть мыса размерами не менее 0,6 га.

Как упоминалось выше, судя по плану В. Г. Ляскоронского, в северной части мыса ожидаемо размещение киеворусского детинца округлых очертаний. Отдельные отступления от регулярных очертаний сотенной крепости прослеживаются как на плане 1980 г., так и на чертеже В. В. Шерстюка. Особо убедительна близость этих «дуг» к выходящим на склоны краям рва: не исключено, что в домонгольское время ров имел более округлые очертания. Если это было так, то детинец летописного Лукомля на западе и востоке мог опираться на крутые склоны мыса, на юге – на прослеженный новейшим исследователем ров. В свою очередь, северный и северо-западный отрезки рва могли быть засыпанными при строительстве крепости XVII–XVIII вв. Подрезки склонов отношения к детинцу не имели: в древнерусское время, за исключением особых случаев (городища-«замки» черноклобуцко-торческой знати), эскарпирование вышло из фортификационного оборота.

Судя по отдельным наблюдениям, например, городище летописного Римова (Моргунов, 1989, рис. 1), детинцы порой «сдвигали» к основаниям мысов. В таком случае мысовой «треугольник» могло занимать селище, но, скорее, он все же исполнял функции оконтуренного валами «малого» посада.

Теоретически крепость XVII–XVIII вв. могла бы занимать всю поверхность мыса площадью около 3 га. Другой вопрос, достаточно ли было в сотенном местечке подготовленных, оснащенных оружием и боевыми навыками защитников для поддержания и обороны столь большой крепости? Следовало ли оставлять мысовой изгиб в обычном для этого времени стремлении выпрямить его для приведения укреплений к подобию вобановской системы, принятой в эпоху огнестрельного оружия? Не вписывается в это относительно позднее укрепление и подковообразный мысовой вал древнерусского типа. Думается, что скорее в качестве южного предела крепости использовался обнаруженный В. В. Шерстюком широкий и почти прямой ров, придававший ей подквадратные очертания и размеры 1,94 га.

Кроме этого памятника полтавскими исследователями поблизости было обнаружено обширное, около 10 га, надпойменное селище, откуда получено значительное количество интересных находок (Шерстюк, 2008, с. 129–149; Супруненко, Сидоренко, 2016, с. 47–49).

11. Привозные изделия Снепорода

Для южнорусского железоделательного производства было характерно изготовление поковок из цельностальных заготовок средне- и высокоуглеродистой стали с цементацией готовых изделий. На этом памятнике нередка и кузнечная продукция, изготовленная по северорусской технологической схеме, использовавшей трехслойные пакеты и стальные торцовые, косые и V-образные наварки. Этим отличались хозяйственные ножи, топоры, серпы и наконечники стрел (Завьялов, 2001, с. 88–97).

Для новгородских словен, кривичей и вятичей XI–XIV вв. типичны тройные витые петлеконечные браслеты XI–XIV вв., имеющие и новгородские параллели в слоях XI–XII вв. (Левашева, 1967, с. 222; Седова, 1997, с. 75). Исследователи считают типичными для инвентаря курганов радимичей (а шире – для населения севера и центра Руси) широкорогие литые лунницы из биллона X – середины XII в., украшенные имитирующими зернь рельефными линиями (Успенская, 1967, с. 103; Седова, 1997, с. 69).

Больше сведений дают результаты анализов цветных металлов. Две оковки были изготовлены из свинцовой бронзы, нехарактерной для южнорусской цветной металлообработки. Изделия из нее концентрируются среди материалов Прибалтики, Готланда и северо-запада Руси: среди бронз Новгорода изделия из свинцовых сплавов составляют около половины находок. Легирующим элементом в металле одиннадцати других предметов является цинк, иногда в довольно высоких концентрациях. Цинкосодержащие сплавы были характерны преимущественно для северных, северо-западных регионов Древней Руси и Прибалтики. На другой территории они встречаются редко, за исключением памятников X–XI вв. Высокое содержание цинка зафиксировано в металле вышеупомянутого витого и двух дротовых браслетов, пластинчатого перстня, язычка фибулы (Сарачева, 2012, с. 223–229).

На менее изученных памятниках связанные с переселенцами артефакты встречаются реже. Так, одно из погребений кургана в Глинске содержало широкосрединный «усатый» перстень. Подобные украшения являются характерным атрибутом финно-угорских племен: они известны в древностях Финляндии, Прибалтики, северо-западных областей Новгородской земли в XI–XII вв. (Равдина, 1988, с. 41; Седова, 1997, с. 77). Из могильника летописного Кснятина происходит пара «кудрявых» височных колец, возможно, занесенных туда с Запада. В Новгороде они найдены в слоях конца X в. и второй половины XIII в. (Моргунов, 1991 а, с. 42; Седова, 1997, с. 65).

Новгородское или рязанское происхождение имел фрагмент высококачественного керамического яйца-писанки первой группы. Он покрыт буро-черной поливой с металлическим блеском и датируется серединой XI – 30-ми годами XII в. (Макарова, 1966, с. 142–144). Возможно, не случайно в той же постройке находился обломок костяной пластины с орнаментальным поясом из «волчьего зуба».

За исключением прочных амфор, изготовлением керамической посуды занимались местные жители, в том числе и новые поселенцы. Выше упоминалось о том, что аналоги редкой на Левобережье гончарной посуды этого времени с вертикальными венчиками были широко распространены в Новгороде (Смирнова, 1963, с. 237, 239, 241; Розенфельдт, 1997, с. 26). Примером ее аномально высокой концентрации является летописный г. Глебль на р. Ромен, куда долго княживший на Севере Глеб Святославич мог перемещать обитателей новгородского региона. С северными регионами Руси и Прикамьем можно связать обломок «чашевидного» сосуда с вертикальной шейкой, горизонтально сформованным венчиком и раздутым книзу туловом (Макаров, 1983). Он обладает традиционной шероховатой поверхностью и заметно утолщенным черепком, но, судя по линейной орнаментации, сосуд мог быть изготовлен переселенцами на новом месте (Моргунов, 2012 а, с. 163–166).

В жовнинском могильнике содержалось сидячее погребение. Подобная погребальная традиция как элемент древнерусской курганной обрядности оформилась к XI в. в восточных районах Новгородской земли, а в XII в. распространилась на северо-запад, где стала одной из основ погребального обряда в курганах Ижорского плато (АЛЮР, 1899, № 12, с. 204; Лесман, 1981, с. 52–55).

12. Летописный Кснятин

В СРГ памятник известен как Сокнятин, а с начала XVII в. стало известно и городище, позже обследованное в 1896 г. В. Г. Ляскоронским. Раскопками Н. Е. Макаренко (1907 г.) там выявлен перемешанный культурный слой мощностью до 1 м, остатки двухсрубных стен к тому времени были сильно повреждены и окончательно уничтожены в 1979 г. Связь города с бродом косвенно подтверждается находками близ него двух древнерусских топоров. От брода открывался один

из двух безлесных проходов к синхронным крепостям среднего течения Удая. Из двух курганных могильников меньший был уничтожен в 50-е годы прошлого века. Другой, насчитывавший в конце XIX в. 1700 насыпей, содержал погребения второй половины XI–XII в.: к 1984 г. там сохранился 501 курган и более пятидесяти разбросаны по современному кладбищу (Пуголовок, Сидоренко, 2007, с. 92).

13. К летописному г. Глеблю

Судя по летописным сведениям, Глебль являлся первым черниговским городом для возвращавшихся от верховий Сулы или следовавших «водораздельной трассой. Поэтому его локализацию связывали с поречьем р. Ромен. Недостаток знаний об укреплениях региона надолго закрепил отождествление Глебля с городищем в с. Красный Колядин (Филарет, 1874, с. 387; Голубовский, 1903, с. 112–116; Зайцев, 1975, с. 62, 63). Это противоречит ситуации: при возвращении домой черниговские князья не могли отклоняться от прямого пути южнее – почти навстречу войскам Изяслава Мстиславича.

Сплошные исследований поречья Ромена показали, что значительным древнерусским памятником этого региона является и городище у с. Шевченково (бывш. Гиревка). Оно в традиционную локализацию не укладывалось, поскольку поздние источники именовали его «городище Пустая Торговица в пустой степи (и волости. – *Ю. М.*) Торговице». Под этим именем городище было известно и Боплану (Лазаревский, 1893 а, с. 238, 239; 1893 б, с. 79). Но древностей, синхронных «волости Торговице», на городище и селищах нет. В 1 км к западу от городища известна бифуркация, связывающая истоки речушки Торговицы и впадающей в Сейм р. Куколки: городищенский брод был единственным твердым переходом на одном из важнейших отрогов Муравского шляха к Чернигову.

14. Летописный г. Красн

Длительное время Глебль отождествляли с расположенным ниже по течению городищем в с. Красный Колядин, поскольку Павел Алеппский в середине XVII в. оставил красочное описание его укреплений, хотя и называл его «городом Красным». В актах начала – середины XVII в. поселение также называлось «Krasne», там существовала Краснянская сотня с краснянским «писарем городовым», а рядом протекает ручей Краснянка. Имя урядника Коляды к его названию было добавлено в конце XVII в. (Лазаревский, 1893 б, с. 6, 241; Стрижак, 1963, с. 76). Следовательно, отождествление Глебля с Красным Колядиным безосновательно.

Крепость Красн раньше локализовали на Правобережье Днепра, так как «Поучение Мономаха» по форме близко к периодически пополнявшемуся дневнику. Источник именовали и написанным после 1117 г. «Завещанием», что объясняет нередкие хронологические нестыковки сюжетов при компоновке давних воспоминаний и заметок в единое целое.

В данном же примере речь шла о левобережных событиях, происходивших во время черниговского княжения Мономаха. Единственной разрывающей текст вставкой является упоминание об оказании помощи на Правобережье: «И потомь на Святославль гонихом по половцих, и потом на Торческыи город, и потомь на Гюргев по половци». Продолжение рассказа отделено наречием «пакы» = «снова, опять»: «и пакы на той же сторонѣ оу Красна половци побѣдихом, и потомь с Ростиславом же оу Варина вежѣ взяхом» (ПСРЛ, т. 1, с. 248, 249). Следовательно, речь пошла не о продолжении правобережных боев, а снова «на той же сторонѣ»: у Прилук и Беловежи, у Красна, и «потомь» (последовательность) у Варина. Существен-

ной является и оговорка о защите порубежных городов вместе с братом, переяславским князем Ростиславом: «потомь с Ростиславом же». Если эти наблюдения верны, то летописный Красн размещался на пороменской границе черниговского Задесенья и его остатки могут быть отождествлены с городищем в с. Красный Колядин.

15. К летописному Ромену

Изначально некоторые сложности связывались с локализацией городища летописного г. Ромена. Согласно акту 1618 г., на территории современного г. Ромны существовали урочища «Stare i Nove Rumieńske», а в 1645 г. различались «замок Ромен» и хутора на «городище пустом» (Лазаревский, 1896 а, с. 122). В свое время вслед за В. Г. Ляскоронским я принимал шурфовавшийся мной южный мыс урочища Замок за «Пригородок» (Подгородок). Возможно, из-за ошибки в названии моя гипотеза о размещении летописного Ромена отметалась А. В. Комаром и О. В. Сухобоковым без аргументации. Неясно, почему они не обращали внимания на опубликованный мной план мыса с остатками укреплений. Через 20 лет его точность подтверждена публикацией Е. Н. Осадчего, который любезно исправил и мою ошибку в названии мыса: в позднесредневековое время он именовался «Замком» или «Малым острогом на осыпи». Центральное размещение на перешейке проезда типично для более поздней фортификации: это не означает отсутствия там укреплений домонгольского времени.

16. К поискам городища летописного г. Лубен

В 1591 г. на «врочище Любне» был построен замок Александров, поэтому вслед за А. М. Лазаревским в литературе утвердилось представление о том, что его возвели на древнерусском городище. Но в жалобе Раины Могилянки на Юрия Вишневецкого (1618 г.) написано, что последний отнял у нее «Stare i Njve Lubnie, Alexandrow zwane». По аналогии с Роменом, это создает впечатление, что замок создавался на свободном месте. В. Г. Ляскоронский связал с древним городом остатки мощных укреплений на отрогах высокого плато в уроч. Верхний Вал. Судя по высоте валов и слишком большой для домонгольского времени площади (550 × 75–120 м), это следы крепости Лубенского полка 1648–1781 гг., в подслое которой могли находиться руины домонгольского города. Небольшие раскопки Н. Кузнецова и сборы других исследователей указали на существование там севериянских и древнерусских напластований. Отождествление Лубена с этим городищем укоренилось в литературе в качестве крепости эпохи Владимира Святославича.

Раскопками О. В. Сухобокова там были обнаружены немногочисленные материалы позднепороменской культуры, древнерусские – конца XI – середины XIII в. и более поздние. Судя по стратиграфии круто «падающих» к реке напластований небольшого раскопа 1981–1982 гг., он был заложен не поверх коренных пород, а на многовековом смыве с площадки: возможно, это объясняет скудность полученных находок, другого места плотная застройка не допускала. Тем не менее исследователь решил, что Лубен возник на рубеже X–XI вв., затем плавно видоизменялся в древнерусский, а затем и в позднесредневековый город. Следы северянских укреплений не нашлись, а гончарная керамика датируется временем не ранее рубежа XI–XII вв. Это не помешало городу пышно отметить свое тысячелетие (Лазаревский, 1896 б, с. 122; Ляскоронский, 1901, с. 442; Сухобоков, 1988 а, с. 3, 4).

Этой локализации не противоречит и отсутствие летописного брода, где произошла битва 1107 г. В начале XX в. напротив Верхнего Вала глубина речного русла насчитывала до 3 саженей, а за ним лежала широкая заболоченная пойма. Ближайший брод известен в 6 км к северу от Верхнего Вала у Мгарского Спасо-Пре-

ображенского монастыря. Там «с запада от р. Сулы отделяется песчано-глинистая коса, выступающая в виде острова, на котором есть хутор, и по которому идет дорога из с. Песков» (Оппоков, 1905, с. 134). Вблизи монастыря был найден железный топорик, раскапывались древнерусские курганы; А. Б. Супруненко выявил там выходы древнерусского культурного слоя. Это послужило основой предположения о вероятности размещения города у этого брода, на месте «Старых Лубен». Их остатки могли дать основание князьям Вишневецким заложить монастырь на руинах древнего города с его церковными реликвиями и близ места битвы с «нечестивыми» половцами (Бочкарев, 1901, с. 20; Моргунов, 1996, с. 94–98).

С этим вариантом не согласился А. Б. Супруненко, указав, что древнерусские напластования у Мгарского монастыря не отличаются насыщенностью, достойной летописного города. Исследователь справедливо обратил внимание на упоминание В. Г. Ляскоронского о мысовидной Замковой Горе, расположенной на выступе плато северо-восточнее Верхнего Вала (современная ул. Лубенского полка). Это был отделенный ныне засыпанным узким перешейком «высокий холм, окруженный по своим контурам довольно значительной высоты валом, которому старались придать круговую форму» (Ляскоронский, 1901, с. 441, 442). Размеры этого городища (150 × 280 м) близки к площадям ранних древнерусских городов. Прямое расстояние от городища до Мгарского монастыря составляет всего 2–2,5 км, но, как и Клепачи, Замковая Гора недоступна для археологического изучения.

В 2011 г. в левобережной надпойме Сулы А. Б. Супруненко обнаружил древнерусское селище. Следы подобных поселений-хуторов встречаются нередко: это был удобный способ индивидуального выживания, укрытого от набегов густой пойменной растительностью. По мнению исследователя, поселение пересекала древняя дорога через пойму к сульскому броду, расположенному южнее устья р. Ольшанки и в 0,8–1,2 км от Замковой Горы (Супруненко, 2000, с. 214, 215; 2012, с. 164). Эта любопытная локализация брода 1107 г. могла бы отождествить место стоянки половцев с надпойменным всхолмлением близ современного с. Пески. Но нам неизвестен древний уровень Сулы: так, в конце XX в. по Суле ходили вереницы барж с песком и гравием. Но к лету 2009 г. река превратилась в ряд мелких озер, переходимых в любом месте. Поэтому неясно, древним ли был брод под Замковой Горой. Возможно, по этой причине в новейшей работе А. Б. Супруненко вернулся к прокладке пути от летописного г. Хорола к Лубену через брод у Мгарского монастыря (2017, с. 35).

17. Летописный г. Саков и древности с. Вишенки

Со времен М. П. Погодина местоположение Сакова связывали с селом Салковым, ныне вошедшим в состав с. Процев. Но оно слишком невелико (23 × 26 м) и не содержит столь ранних материалов. Для отождествления более подходит размещенное на высоком мысу левого берега Карани городище у с. Старое. Памятник подпрямоугольно-округлых в плане очертаний и размерами 100 × 80 м сильно попорчен позднесредневековой перестройкой и подрезкой юго-западного берегового склона для выпрямления края мыса в соответствии с фортификационными канонами эпохи огнестрельного оружия. В грамоте 1455 г. мыс назван «городищем Старым Бусурменским» (Погодин, 1850, с. 154; Стороженко, 1900, с. 74; Толочко, 1975, с. 7; Древнерусские поселения, 1984. № 310, с. 131).

В низовьях впадающей в Днепр летописной р. Золотчи, у с. Вишенки с его поздним сребреником Владимира Святославича, в XIX в. исследовались древнерусские курганы и собирались артефакты на песчаных выдувах в уроч. Княжий Стан, Царев Взвоз и Княжая. Оттуда происходит заимствованная от кочевников

железная гиря от кистеня XI–XIII вв.: это оружие было связано с конным боем, а наиболее компактно оно было распространено в Поросье и Волжской Болгарии. Возможно, это случайность, но там же нашли и височное серебряное кольцо больших размеров «с двумя шариками на окружности, покрытыми шипами». Такие украшения относили к «половецким типам»: кроме Поросья, эти изделия конца XI – первой трети XIII в. единичны, что позволило отнести их к черноклобуцким. Возможно, потомки турпеев дожили у Вишенок до конца XV в.: тогда «селищем» владел княжеский толмач Берендей (Александрович, 1881, с. 12; Каталог, 1902, с. 107, № 840; Кирпичников, 1966-2, с. 59–64; 138, 139; Армарчук, 2006, с. 201–204).

18. Переяславский клад 1912 г.

На южном краю этой степной поляны и несколько севернее городских стен Переяславля, в 1912 г. на берегу реки был найден клад конца XI в. с оковкой чаши из позолоченного серебра с орнаментальной надписью, подражающей куфическому шрифту. Из других предметов интересен медальон с изображением святителя Николая и греческой надписью, а также состоящая из двух половинок полая голова дракона. Предполагалось, что вещи принадлежали половцу и связаны с набегами и грабежами 1096–1110 гг. (Корзухина, 1954, с. 26, 27, 93, 94; Пуцко, 1993, с. 90–93). Такая трактовка сомнительна: во время набегов половцам было не до укрывания драгоценностей в земле. Вещи, скорее, принадлежали знатному торку, проживавшему в предградье: случайные обстоятельства нахождения клада не исключают, что он был укрыт в жилище.

19. К локализации торческих «городов» Баруча и Бронь Княжа

Ранние сведения о них полнее отражены в ЛЛ: «оуслышавше половци, яко умерлъ есть Володимеръ князь, присунушася вборзѣ и наворопиша изгоном къ Барочю (вар.: Баручу) и ко Бронь князю: хотящю полонити торкы, проклятыя, и с тѣми повоєвати Русску землю». Но переяславский князь Ярополк Владимирович «въгна торкы в городъ тое ночи», затем он догнал половцев у Полкостеня и разгромил их. По текстуально близкой ипатьевской версии, Ярополк велел «гнати люди и торкы в Баручь и въ прочая грады», а вместо Полкостеня в этом тексте обозначен возврат половцев к войне в Посулье, где они были разбиты князем. Из сообщения ИЛ под 1135 г. известно, что после занятия Юрием Долгоруким Переяславля, Ольговичи с половцами прошли по северу «переяславской волости», сожгли Городец Остёрский, Нежатин и Баруч. Близ Серебряного и Баруча степняки воевали и в 1174 г. (ПСРЛ, т. 1, с. 289, 290, 330; т. 2, с. 295, 296, 569).

Вероятно, оба города размещались почти рядом. Скорость передвижения («повелѣ гнати», «въгна») указывает на их относительную близость к Переяславлю. Этот путь не мог быть более дневного конного перехода, поскольку торков укрыли уже к ночи. Очевидно, их вежи соседствовали с этими городами, но основная масса земледельцев–«людей» не обязательно проживала вплотную к Баручу и Бронь Княжу. В отличие от обычных торческих «замков», упомянутые «города» должны были быть вместительнее или обладать дополнительными укреплениями, чтобы укрыть и торков, и «людей». Ну, а кратчайшая дорога убегавших в степи половцев проходила мимо удайского Полкостеня.

Большинство дореволюционных локализаций изначально учитывало лишь созвучие древних и современных топонимов, а на наличие тогда еще не датированных городищ стали обращать внимание позже. Поэтому поиски Бронь Княжа имеют несколько вариантов. Наименее обосновано его отождествление с крохотным

(0,2 га) городищем Пристромы на Трубеже (Стороженко, 1900, с. 41). Локализации не соответствует и размещенное среди лесов верховий Трубежа с. Княжичи. Якобы уничтоженное карьером городище окрестностей этого села оказалось остатками открытого поселения XIII–XIV вв. «Пустым селищем» считалось это село и в акте 1570 г. (Грамота, 1868. № 19, с. 39; Погодин, 1850, с. 271; Кучера, отчет 1979 г., с. 2).

Другие варианты локализации Баруча уложились в две группы в соответствии с близостью или удаленностью от Переяславля. По Н. С. Арцыбашеву и его последователям (1838, с. 408), это современный пгт. Барышевка. И хотя лингвистически древний ойконим не мог трансформироваться в современный (Стрижак, 1963, с. 36), исследователи и поныне «убедительно» связывают их, не утруждая себя дополнительной аргументацией (Махновець, 1989, с. 539; Колыбенко, 2016, с. 234). Осторожнее локализовал торческие «города» А. П. Моця, размещая их на правом берегу Трубежа (Моця, 2007, с. 41). Альтернативой стало предложение Н. П. Барсова искать Баруч в северной части Переяславской земли, к югу от Уненежа и к западу от Прилука (1873, с. 140). Это мнение поддержал ряд ученых (Аристов, 1877, с. 4; Ляскоронский, 1903, с. 143; Расовский, 1933, с. 59), но другие исследователи эту версию, похоже, не приняли.

Подойдем к поискам с другой стороны, двигаясь от Нежатина, входившего в состав «баручского треугольника» 1135 и 1174 гг., ограниченного Остёрским Городцом, Серебрянным и Полкостенем. Его отождествляли с достоверно черниговским Уненежем–Нежином (Арцыбашев, 1838, с. 466; Коринный, 1992, с. 57, 240), помещали на месте того же с. Княжичи (Максимович, 1854, с. 3; Махновець, 1989, с. 554), а также между Альтой и Супоем (Погодин, 1850, с. 273; Беляев, 1852, с. 92).

В 1147 г. киевский князь Изяслав Мстиславич с Ольговичами собрались выступить против Юрия Долгорукого. Не ведая об этом, он ожидал подхода черниговских сил и двинулся из Киева в верховья Супоя: через Льто и Нежатин в Русотину, а после известия об измене Ольговичей вернулся назад. Источники В. Н. Татищева уточнили точку возврата: это был Нежатин (ПСРЛ, т. 1, с. 315, 316; т. 2, с. 344, 345, 354; Татищев, 1995, т. 2–3, с. 173). В обратном порядке вероятный путь Изяслава на север угадывается по движению в том же году Глеба Юрьевича на юг через Курск, Вырь, Попаш и Вьяхань на Глебль и Всеволож. Близким маршрутом двигался на Переяславль Юрий Долгорукий в 1149 г. Из вятичей он прошел мимо Ярышева (?), у Белавежи месяц ждал половецкую помощь, на Супое ее дождался и двинулся на Переяславль (ПСРЛ, т. 2, с. 356, 376–378). Следовательно, для соединения с Ольговичами Изяславу Мстиславичу предстояло двигаться к пограничной реке Остёр, к летописным Уненежу или Белавеже. На этой реке был удобный брод и у с. Ивангород, который в XVII в. называли Ивангородищем (Лазаревский, 1893 а, с. 127, 128).

Думается, летописная Русотина размещалась слишком близко от черниговских пределов: после измены союзников размещение там войск Изяслава могло спровоцировать пограничный конфликт и разрушить шаткий мир. Именно так мог рассуждать И. Д. Беляев, размещая Русотину в верховьях Супоя (1852, с. 92). Других исследователей, начиная с М. А. Максимовича (1854, с. 3), пленяло созвучие имени летописного пункта с селом Русанов и наличие там небольшого городища. Между тем 20-километровый перегон между Льтом и Русановым не только пролегал среди лесов, но и перегораживался заболоченным притоком Трубежа. Таким образом, затянувшийся экскурс возвращает нас к гипотезе Барсова–Беляева о размещении Баруча на севере Переяславщины, к югу от Уненежа и к западу от Прилука, т. е. в пределах супойского ареала слабозасоленных земель (Моргунов, 2000, с. 26–28).

Старые краеведческие обозрения, материалы аэро- и спутниковой съемки и современные крупномасштабные карты показывают, что на этой территории много обвалованных руин, но ее слабая археологическая изученность тормозит поиски. Искомым городам могли соответствовать только два укрепления. Так, Бронь Княж с большой степенью вероятности отождествляется с посупойским городищем в с. Новый Быков.

В акте 1605 г. Новый Быков упомянут как «городище, называемое Быков, над рекою Супоем лежачое, ест в таком добром положенью на шляхох и преправах татарских» (Николайчик, 1900, с. 109). Поскольку эти сведения относились к началу позднесредневековой колонизации Левобережья, датировка памятника домонгольским временем несомненна. В середине XVII в. через Новый Быков проезжал в Московию антиохийский патриарх Макарий (Алеппский, 1897, с. 82). И что более интересно, в XVII в. мимо городища пролегал путь и в меридиональном направлении, вдоль течения Супоя (Лазаревский, 1896 а, с. 348). В силу этого отсутствие прямых топонимических аналогий логично: древние ойконимы редко сохраняются вблизи кочевнических путей. Оседлое население покидало окрестности подобных трасс в первую очередь, и через века монгольского ига некому было донести до нас имена старых поселений.

20. О «городе» Воине 1079 г.

Речь идет о месте замирения киевского князя Всеволода с половцами. Приведу это известие полностью: «Приде Романъ с половци къ Воину. Всеволодъ же ста оу Переяславля и створи миръ с Половци. И възвратися Романъ с половци въспять. И бывшю єму, оубиша и половци мѣсяца августа в 2 день». Это сообщение дословно дублируется в ЛЛ и ИЛ, а источникам обоих списков НПЛ было известно только об убийстве Романа. Первая редакция труда В. Н. Татищева содержит информацию о стремлении князя-изгоя к войне. Из более объемного рассказа второй редакции узнаем о желании Романа Святославича захватить Переяславль, о специальном приходе киевского князя с войском на берега Трубежа и об озлоблении Романа на половецкую измену, что послужило поводом для распри и его убийства (Татищев, т. 2–3, с. 94; т. 4, с. 159).

Подробности из труда великого историка настолько логично вытекают из событий последних лет жизни Романа, что их можно отнести к нередко встречающимся в его работах комментариям. В данном примере настораживает совпадение текстов ЛЛ и ИЛ на фоне отсутствия подробностей в новгородском источнике. Это может указывать на существование их протографа если не в переяславском, то в киевском летописании, а тамошние знатоки хорошо знали географию Переяславщины: другие известия о Воине однозначно связывают его размещение с юго-восточным рубежом. А после обнаружения В. Г. Ляскоронским городища нижнесульского Воиня и обширных раскопок на его детинце и посаде вопрос о его местоположении решился.

Новейший исследователь реанимировал давнюю гипотезу Н. П. Барсова и отождествил второй Воинь с городищем у с. Виненцы (бывш. Войница).

Городище Виненцы–Войница – это памятник укрепленного поселения, окруженного двумя концентрическими валами и рвами; его «полезная» площадь, заключенная внутри руин защитных стен, имеет диаметр 66 м, что составляет 0,34 га. Подробное изучение городища невозможно – оно занято кладбищем. На окружающем селище, трактуемом новейшим исследователем как «посад» площадью до 2,4 га, найдены обломки гончарной посуды XII–XIII вв. и обломок стеклянного браслета. Судя по размерам и многовальной защитной системе, это действительно было убежище-замок торческой кочевой знати. Но оно не соответствует сложившемуся

в литературе представлению о летописном городе: размеры защищенной стенами площадки несопоставимы с известными в летописных центрах. Посады летописных городов, значительной частью укрепленные, также обладали неизмеримо более обширными размерами, они содержали и отраженные находками материальные следы активной жизни и ремесленного производства, чего нет на «посаде» Виненцов.

Тем не менее А. В. Колыбенко считает, что это остатки «города», построенного в 1079 г. для степных федератов Переяславля. В этой связи следует подчеркнуть, что датировка нового материала, синхронного обнаруженному в 1971 г. М. П. Кучерой, не совпадает с летописной датой. Ошибиться тут трудно: профилировки венчиков посуды, близкой к летописной дате и датируемой XII–XIII веками, имеют существенные отличия.

21. Другие торческие городища запада Переяславской земли

Из других аналогичных древностей к торческим можно отнести расположенное на северо-западе переяславского региона крупное городище у с. Крехаев, приуроченное к обширной прогалине среди лесных массивов. Ландшафтная характеристика его окружения напоминает черниговское Задесенье, а двухрядно-концентрическое устройство укреплений нетипично для древнерусского времени. Ныне недоступный для изучения памятник размещен на левом берегу р. Рать (рукав Нижней Десны) на низком всхолмлении среди озер; ему сопутствовал курганный могильник. Городище упоминалось в жалованной грамоте киевского князя Владимира Ольгердовича (1362–1392) Ю. И. Половцу-Рожиновскому. Наиболее интересной случайной находкой является массивный лавролистный наконечник копья (рогатины) типа IVA, датируемого XII веком. Часть пера украшена золотой насечкой, а граненая тулья богато украшена накладным орнаментом (плакировкой) из золотой фольги (Филарет, 1874, кн. 5, с. 438, 439; Александрович, 1881, с. 10; Козловская, Розанов, отчет 1924 г., с. 21; НИМУ, № в-2824).

Расположенное юго-восточнее городище у с. Заворичи приурочено к границе обширной степной поляны и слабозасоленного черноземного массива верховьев Трубежа. Частично застроенная площадка округлых очертаний имела первоначальные размеры 90 × 75 м и окружалась ныне спланированными валом и рвом. Эскарпированный береговой склон с тропой к броду возвышается над поймой на высоту до 5 м. На площадке встречена древнерусская и позднесредневековая керамика; обломки посуды прилегающего селища датируются XI–XIII вв. (Кучера, отчет 1975 г., с. 20).

С севера почти прилегали к Переяславлю упоминавшиеся выше кочевнические древности поселения Подолье и клад 1912 г.

Поблизости от летописного Сакова на левом берегу р. Карани известно поврежденное карьером городище круглых очертаний у с. Головуров. Его площадка диаметром 38 м была окружена валом со следами бревенчатого каркаса стен, керамические материалы относят появление его укреплений к концу XI в. Осторожное предположение о его связи с расселением местного племени ковуев основано на свидетельствах актовых источников интервала 1455–1628 гг., где оно упоминалось как «городище старое Покалаурово» (Стороженко, 1900, с. 74, 115; Кучера, отчет 1971 г., с. 11; 1978, с. 22–30).

К востоку от городища Виненцы–Войницы, на правом берегу Супоя известно мысовое городище в с. Ташань. Его первоначальный облик был испорчен при строительстве позднесредневекового замка, склоны мыса эскарпированы. В западной части площадки прослеживаются сильно сглаженные следы укреплений округлых очертаний. Этимология этого ойконима восходит к степным прото-

типам, а рядом с ним в прошлом размещалось множество небольших курганов (Історичний опис, 1787, с. 210; Ляпушкин, 1961, с. 324, 325; Кучера, отчет 1971 г., с. 2–14; Кучера, 1978, с. 22–29; Кучера, отчет 1979 г., с. 10–18; Прядко, 2016, с. 11–16). Ниже по течению Супоя на плато правого берега Супоя у с. Каленики размещено небольшое (0,15 га) городище XI–XIII вв. Площадка округлых очертаний с воронкой колодца окружена двумя кольцевидными валами и рвами. Городище сопровождает обширное (25 га) селище. Это один из немногих торческих памятников с обильным подъемным материалом. В частности, оттуда происходят два сребреника Владимира Святославича. Один из них идентифицирован как относящийся к типу 3 (Шостопал, 2007, с. 48; Рублев, 2016, с. 281).

Недалеко от устья Супоя, на мысу высокого плато левого берега Днепра размещено городище у с. Бубновская Слободка, восходящее к концу XI – началу XII в. Его площадка с воронкой колодца и диаметром 70 м (0,3 га) защищена тремя линиями напольных валов и рвов. Крутой склон к пойме подрезан эскарпом с дополнительным валом. По М. П. Кучере, площадка памятника имеет округлые очертания, но план И. И. Ляпушкина и аэрофотосъемка 1978 г. показывают, что городище в плане подтреугольное со скругленными углами (Ляпушкин, 1961, с. 324–325; Кучера, отчет 1979 г., с. 9–18).

Последнее городище приднепровской полосы размещается к северо-востоку от исторической части г. Золотоноши на высоком (25–30 м) выступе плато левого берега р. Золотоношки (левый приток Днепра). Площадка округлых очертаний (0,31 га) содержит воронку колодца и с напольной стороны укреплена распаханным валом с остатками дубового каркаса стеновых городней. Невысокий вал сохранился в мысовой западной части, а ниже склоны мыса подрезаны двумя параллельными эскарпами. На городище и вокруг него в разные годы встречено множество обломков круговой посуды конца XI – середины XIII в., фрагменты овручского шифера, пряслица, железные ножи, проволочные перстни и наконечники стрел. Оттуда происходит и сребреник Владимира типа 4 (Рублев, 2016, с. 317). Памятник сопровождается тремя обширными селищами. В 3 км от городища в с. Згар был обнаружен клад анонимных византийских фолисов XI в. (Прядко, 2013, с. 53–57).

22. Древности торков из Жовнина

Среди подъемного материала размытого городища летописного г. Желни найдена костяная пластинка с чешуйчатым узором, характерным для носителей аскизской культуры Южной Сибири (Кызласов, 1983, с. 43). Встречено там бронзовое зеркало с отверстием для крепления железной ручки, а в одном из погребений – две бронзовые серьги с напускными бусинами (Рутковская, отчет 1972–1973 г., с. 9). Новейшие исследования костяных изделий показали, что найденный на городище в уроч. Палянивщина близ Жовнина полуфабрикат рогового кистеня имеет аналогии в Саркеле и среди кочевнических древностей Волжской Болгарии. Оттуда же происходит обломок кости с нарезками, характерный для салтовской культуры. Со степными традициями связаны и найденные там изделия из лопаток животных с отверстиями, футляр складного серпа и роговая подпружная петля (Сергєєва, 2015, с. 85, 86).

23. «Степная» керамика Снепорода и ее аналогии

Тулова части сосудов приближались к шарообразным, шейки плавно отгибались наружу и оканчивались простыми сужавшимися венчиками с заостренным или перпендикулярно срезанным краем. В других примерах на первый взгляд обычные вертикальные венчики, которые принято связывать с гончарством се-

верных и западных регионов Руси, обретали выраженный наклон наружу и также срезанный или скругленный простой венчик. Порой столь же простые венчики имели горизонтальный срез или плавно закруглялись. Подобные формы на Руси редки: их использование возрастало в предстепье. **Рис. 98.**

Так, на оскольском городище Холки среди посуды XI–XIII вв. значительная доля приходится на схожую керамику несколько архаичных типов 1 и 2. На этом фоне выделяются и венчики типа 7, напоминающие горшки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры с аналогичной примесью в тесте речного песка. На проживание древних потомков алано-болгар указывают и постройки с чертами, характерными для салтовских жилищ (Винников, Кудрявцева, 1998 а, с. 56–67). **Рис. 99: *1–3***. Эта посуда является прямым наследием предшествующих традиций, поэтому на других древнерусских памятниках абсолютно тождественные формы неизвестны, но встречаются переходные типы. Вероятно, подобно северянам, оседавшие на землю степняки быстро переходили на изготовление общерусской керамики, сохраняя лишь отдельные традиционные элементы прежних предпочтений.

На городище Животинное на Дону 12 % керамики XI–XIII вв. занимают горшки с просто оформленным, отогнутым наружу венчиком. Они также наследовали традиции раннегончарной керамики, но создавались по более совершенной технологии (Винников, Кудрявцева, 1998 б, с. 80–83, рис. 7: *1, 2, 4, 5*). **Рис. 99: *4***. Близки к ним и образцы, происходящие из донских Семилук, где преобладали сосуды с утолщенными венчиками (Пряхин, Цыбин, 1991, с. 97, рис. 5: *4*; рис. 4: *2, 7*). **Рис. 99: *5, 9***. Редкие для древнерусских памятников типы керамики встречались и в летописном Донце. Среди них обращают на себя внимание формы с заостренными, округленными и горизонтально срезанными завершениями венчиков (Дьяченко, 1985, с. 103–112, рис. 1: *2*; 2: *1–3, 5, 8, 9*; 4: *14, 15*). **Рис. 99: *6–8***.

24. Другие артефакты Снепорода степного происхождения

На посаде неоднократно встречались обломки бронзовых котлов оловянно-цинковой бронзы, подобной металлу Донецкого городища и Волжской Болгарии. Для уйгуров Саяно-Алтая, Монголии, кимаков степного Алтая и Западной Сибири в IX–X вв. были характерны и трехлопастные килевидные наконечники стрел (Худяков, 1986, с. 149, 183, 184). Аналоги наконечника бронебойной стрелы круглого сечения использовались федерацией кимаков Алтая и Западной Сибири еще в IX–X вв. (Худяков, 1986, с. 186). Из степей попадали в Снепород подпружные пятиугольные и прямоугольные пряжки с вогнутыми боковинами рамки (Федоров-Давыдов, 1966, с. 44, 46). В постройках встречались и кеглевидные псалии, совмещенные с накладкой для крепления нащечного ремня. Подобные атрибуты конской упряжи хорошо известны среди древностей середины XII — начала XIII в. в черновском периоде аскизской культуры Южной Сибири (Кызласов, 1983, с. 45–56).

25. Элементы степной фортификации Снепорода

Напротив северной четверти крепостных стен очень крутой береговой склон был подрезан мощным эскарпом с широкой горизонтальной площадкой. Эту техническую особенность нельзя связать с деятельностью потомков проживавших на Снепороде «окняженных» северян, которые подрезали только пологие склоны. На торческих укреплениях такие подрезки уступали древним образцам по качеству исполнения и оборонительной значимости. Очевидно, их защитные функции были условными: это скорее дань привнесенной традиции, чем жизненная необходимость (Моргунов, 2006, с. 166).

Участие степняков в реконструкции стен Снепорода подтверждается применением сопровождавших срубные стены столбовых элементов. Подобный прием обнаруживался и на городище летописного Святополча (Плетнёва, Макарова, 1965, с. 55–57, 60). На Снепороде технически не вполне оправданное применение столбовых стенок внутренних пустотелых клетей производилось при реконструкциях укреплений второго (конец XI – начало XII в.) и третьего (середина XII в.) строительных периодов. Это было возможно лишь при непосредственном участии федератов: столбовые устройства полых клетей не характерны для русского градостроительства (Моргунов, 2012 а, с. 135, 136, 140, 166, 167, 168, 169).

26. Артефакты кочевников на других памятниках Посулья

Свойственные кочевникам лазуритовые привески и бусы встречены на Верхнем Валу в г. Лубны. В 1883 г. в местном урочище Лысая Гора были также исследованы два впускных позднекочевнических погребения с конями. В 1997 г. поблизости был найден билоновый аспр с отверстием византийского императора Алексея I Комнина, чеканенный после реформы 1092 г. На основании ранее неизвестных архивных материалов погребения датированы концом XI–XII веками и отнесены к кругу печенежско-торческих древностей (Ляскоронский, 1892, табл. 1; Ляскоронский, 1903, с. 102; Супруненко, 2000, с. 219–227; Мироненко, 2002, с. 99–102).

На ныне уничтоженном городище у с. Клепачи в 70-х годах XIX в. было разрушено позднекочевническое захоронение, содержавшее снаряжение коня и всадника. Из них в Полтавском краеведческом музее сохранилось обнаруженное там же стремя с широкой овальной подножкой. В другом кургане найдена серебряная проволочная сережка с напускной биконической бусиной (Кулатова, 1999, с. 22–24; Супруненко, 2000, с. 104, 211–214; Армарчук, 2006, с. 201–212).

Выше описывалось сложение лохвицко-кснятинского микрорегиона: в рассматриваемое время там начал складываться небольшой торческий ареал. В законченном виде он сформировался позже, поэтому здесь достаточно беглого упоминания о нем. Вдоль обоих берегов Сулицы от Кснятина до Синца пролегала полоса слабозасоленных земель, хозяйственное использование которых более пригодно для пастушества. Видимо, поэтому в XVI в. там обозначилась «земля Чабановская на рубежи путивльском», а по статистике середины XIX в. в пределах этого почвенного ареала размещались крупнейшие конные заводы Лохвицкого уезда. В этом свете не случайной выглядит тюркоязычная основа имени летописного Синца и помещение митрополичьего города в среде, требующей особого отношения к христианизации населения. Это напоминает ситуацию 1095 г. с отправкой епископа Марина в новый город Святополч, куда были переведены недавние выходцы из степей. О расселении «переяславских торков» вдоль выходивших из степей дорог свидетельствуют и чуждые русскому градостроительству «степные» фортификационные особенности возникших несколько позже городищ Высокие Лазирки и Бербеницы.

Таким образом, торческая конница могла принимать непосредственное участие в контроле половецкого пути в глубину русской территории и на этом звене порубежья. Эта картина более похожа не на пассивную тактику «оборонительной линии», а на формирующийся в конце XI – начале XII в. элемент глубоко эшелонированной обороны. Об управлении им столицей на Трубеже свидетельствует происходящие из Синца и Клепачей актовые печати переяславского посадника Ратибора.

На Верхней Суле зеркальным отражением топографической ситуации Баруча – Петровки является городище летописного Вьяханя, построенного на острове-всхолмлении первой надпойменной террасы среди заболоченной поймы. Оно

близко к двухрядно-концентрической структуре укреплений кочевников. Название крепости имеет иноязычное, возможно, тюркское происхождение (Роспонд, 1972, с. 75; Нерознак, 1983, с. 54). Отсюда произошла зафиксированная источниками множественность вариантов неясного для земледельцев именования этого пункта: Вьяхань, Вьехань, Бьяхань, Бьехань и т. д. В его напластованиях встречается керамика «степных» типов, но в остальном, правда недостаточно обширные, материалы памятника не оставляют сомнения в его заселении общерусским населением (Моргунов, 1982, с. 237, 238, 240). По мнению Ю. Писаренко, ядром его населения были ираноязычные аланы–ясы Подонья (2008, с. 182, 183). И наконец, нельзя не упомянуть о позднекочевнических погребениях поречья р. Ромена у сел Кошары и Медвежье (Богданов, 1880, с. 352; Семенчик, 1928, с. 40; Русанова, 1966, с. 22, 37). Они также приурочены к массивам слабозасоленных земель поблизости от наезженных путевых трасс.

27. Недостатки традиционных представлений о социальной стратиграфии крепостных сооружений

К значительным городам Переяславской земли принято относить Переяславль, Воинь и Остёрский Городец, хотя разница между ними крайне велика: от 123–125 га с детинцем 12 га в Переяславле до Воиня с детинцем 2,5 га (по А. В. Кузе – 4,6 га) и окольным городом площадью 23 га. Меньшую площадь занимал детинец Остёрского Городца (0,75 га) и его укрепленные посады – около 30 га. При этом не учитываются менее изученные памятники: Петровка–Баруч с детинцем 1,6 га (его окрестности не изучались, а весь заселенный остров имеет площадь 6,6 га), Кснятин: 2,24 га + 20 га, Глебль: 2,1 га + 20 га, Вьяхань: 1,8 га + 50 га, Снепород: 0,8 га + 22 га. Таким образом, лидирующее место Остёрский Городец занял не благодаря его археологическим признакам, которые со временем неизбежно развивались. Более значимым было множество летописных упоминаний, связанных с борьбой черниговских Ольговичей за Переяславль и намерением Юрия Долгорукого занять киевский стол, а также наличие остатков каменной церкви.

Неточностью грешит и выделение частновладельческих городов: их выделяют лишь по притяжательной форме именований. К ним относят Пирятин, Малотин, Нежатин, Кснятин и т. д. Для археолога остается загадкой, какие находки из известного ассортимента артефактов могли бы указать его владельческую принадлежность. На этот вопрос ответа нет. Не исключено, что для данного примера следует учитывать мнение Б. А. Рыбакова, подчеркнувшего, что речь идет не о собственно частновладельческих городах, а о реальных городах, развившихся из частновладельческих дворов или замков (Рыбаков, 1985, с. 94).

Сторожевыми крепостями предлагали считать городища с двухсрубными стенами с полыми внутренними клетями, пригодными для жилья или хозяйственного использования. Позже оказалось, что с конца XI в. такими стенами окружали даже наименьшие укрепления, а количество жилых клетей в них незначительно: оказалось, такая конструкция – явление времени. Единственным признаком сторожевых крепостей по-прежнему остается их размещение вдоль границ и путей в точках вероятных нападений извне.

Противоречива исследовательская ситуация и с распознанием сельских «замков» и укрепленных усадеб небольших размеров, число которых достигает почти половины от общего числа городищ (Раппопорт, 1967, с. 192; Куза, 1996, с. 40). Но в литературе редко упоминается, что для малых городищ обычна крайне низкая насыщенность культурных напластований (Кучера, 1999, с. 184). Вся жизнь кон-

центрировалась на селищах, а детинцы редко были местом постоянного проживания феодалов. Последнее наблюдение применимо и к городищам средних категорий: культурные напластования их площадок также крайне бедны.

Исходя из этого, думается, что социальная стратиграфия городов нуждается в некоторой корректировке, устраняющей разницу между глубоко изученными памятниками и только ожидающими широких исследований. На этом пути также встречаются преграды. К примеру, исследователи не всегда могут установить истинные размеры окружающей детинцы поселенческой округи: это связано как с их утратой в процессе хозяйственного использования земель, так и с плотной современной застройкой. Нельзя умалчивать и о том, что размеры селищ прежде не вызывали у исследователей особого интереса. Не всегда сохраняются даже следы укрепленных посадов, поэтому в литературе, посвященной классификации древних городов, нередки разночтения в оценке памятников разных категорий.

28. К идентификации памятников наименьших размеров

Два памятника этой категории исследовались М. П. Кучерой: общим для них было наличие хорошо отличимых по керамическим материалам двух разновременных массивов культурных напластований, разделенных обширной хронологической лакуной. К их конструктивным особенностям также относится отсутствие следов сырцовых кладок и расположение валов поверх напластований эпохи Владимира Святославича. На относительно позднее появление детинцев указывает и то обстоятельство, что укрепления округлых очертаний появились на Левобережье не ранее второй половины XI в.

Тем не менее автор раскопок датировал появление этих крепостей рубежом X–XI вв. На детинце Веремеевки (0,3 га) в забутовке срубов крепостной стены встречена исключительно керамика рубежа X–XI вв., попавшая туда из окружавших строительную площадку ранних напластований. Согласно авторскому наблюдению, на селище размерами 25 га преобладали ранние материалы, а на городище обнаружено немного керамики XII–XIII вв.

В Клещинцах «полезная» площадь детинца всего 0,13 га, культурный слой крайне беден. При расчистке пола внутреннего ряда клетей было найдено несколько обломков керамики обоих хронологических массивов (Кучера, 1964, с. 103–118; 1999, с. 184). Другие исследования показали, что на селище керамика рубежа X–XI вв. очертила пределы обширного открытого поселения (до 6 га) времени Владимира Святославича, а материалы XII – начала XIII в. отложились на площади до 10 га уже после появления крепости.

29. Посеймские изделия выходцев из северных регионов Руси и степей.

Из Гочева происходят: ложноплетеное бронзовое украшение волго-камского типа со следами вторичного использования, птицевидная нашивка из серии «чудских древностей», широкосрединные усатые перстни, браслет с расширяющимися концами, витые браслеты со стерженьком в петельке и широкорогие лунницы. В целом потомкам вятичей, радимичей, дреговичей, финно-уграм, а также кочевникам принадлежало 14–15 % этноопределимых несеверянских женских погребений (Шинаков, 1982, с. 93–97; Моця, Халиков, 1997, с. 128–132). Биллоновые и бронзовые широкорогие лунницы с имитацией зерни находили в курганах Зелёного Гая (Орлов, 2003, с. 121–131). О древностях северо-запада Руси напоминают обнаруженные там же прорезные и коньковые подвески, а также серебряное кольцо с завязанными концами и напускной бусиной (Осадчий, 2003, с. 61).

На этих землях встречены и артефакты, которые можно связать с расселением выходцев из степей. Так, в посеймской Люшинке исследован курган с погребением кочевника XI–XII вв. (Стародубцев и др., 2008, с. 60). В гочевском курганном могильнике обнаружено 8 погребений с височными кольцами «половецкого» типа (Шинаков, 1991, с. 89), среди подъемного материала встречены ромбические лазуритовые подвески-амулеты X–XI вв. (Стародубцев, 2007, с. 197, 198). На селище встречалась и керамика «степных» типов (Сухобоков, Моця, альбом к отчету 1983/38 а); подобные формы находили и на городище Зелёного Гая.

30. Домонгольские древности Хорола и Голтвы

Несмотря на плотную современную застройку, в исторической части г. Хорол были обнаружены остатки городища площадью 0,4 га. Оно размещено на мысу, ограниченном эскарпированными склонами к старице р. Хорол с рекой Лагодинкой и узким пониженным напольным перешейком. Оттуда происходит гончарная керамика XII – начала XIII в., древнерусские топоры, гиря от кистеня и фрагмент светильника. Были определены и очертания синхронного посада площадью до 2,4 га. В ближайших окрестностях крепости стали известными и открытые поселения на плато и пониженной части мыса. Кроме керамических остатков, оттуда происходят наконечник стрелы XII–XIII вв. и бронзовая витая шпилька. Особо интересен железный портупейный крючок – деталь снаряжения кочевника этого времени. С ним хорошо сочетается найденный в 1,2 км к северу от городища (уроч. Муренька/Мурeньки на горе Шишаки) боевой топорик-чекан XI в. Он имеет аналогии не только в погребениях могильников Волжской Болгарии и аланских захоронениях Северского Донца и Оскола, но и на севере Руси и Европы, а также в Польше и Пруссии (Кирпичников, 1966-2, с. 35).

В последние годы в с. Голтва (уроч. Шар-гора), лежащем несколько южнее прямого вектора движения войск от Нижней Сулы к Ворскле, исследовались остатки сотенной крепости XVII–XVIII вв. В процессе разведочных работ там были обнаружены следы открытого поселения, существовавшего с рубежа XI–XII вв., площадью не менее 9 га. Среди остатков поздних укреплений регулярного строя подробной топографической съемкой были выявлены спланированные, выгнутые отрезки валов. Их очертания отличны от фортификационных канонов эпохи огнестрельного оружия: они напоминают следы дугообразной в плане напольной преграды мысового древнерусского городища (Шерстюк, 2008, с. 230–234; Шерстюк, 2016).

31. О вероятном пополнении населения Засулья

Не исключено, что в какой-то момент этого обширного и тревожного периода в Засульском регионе могли появиться и выходцы из центральных и северных регионов Руси. К сожалению, однозначно это утверждать преждевременно из-за широкого хронологического диапазона бытования большинства этноопределимых артефактов. И все же в курганах Журавного находили бронзовые широкорогие лунницы с имитацией зерни. Широкосрединные «усатые» перстни известны по раскопкам в Каменном, Глинске и Городном (Лыфарь и др., 1976, с. 351; Золотніцька, Супруненко, 1999, с. 196; Орлов, 2003, с. 121–131). В Каменном и Ницахе встречались витые трехпроволочные петлеконечные браслеты (Сухобоков, 2012, с. 227).

На фоне упоминавшихся выше древностей степного круга из окрестностей г. Хорола – их появление исследователи связывают со следствием военных столкновений – в регионе встречены и следы расселения кочевников. В Ницахе сере-

бряные височные кольца с биконическими бусинами обнаружены в 20 % исследованных женских погребений конца XI–XII вв., а могильник Городного содержал 15 % позднекочевнических захоронений (Шинаков, 1991, с. 88–90, 92). К половецким относит А. Г. Дьяченко и погребения у городища Карачевка, будущего летописного Донца (2005, с. 72).

32. Собор св. Михаила в Переяславле.

В 1124 г. церковь пострадала от землетрясения, тем не менее позже в ней хоронили переяславских князей. В 1949 и 1952–1954 гг. ее фундаменты и частично нижние части стен исследовались М. К. Каргером. Задержка публикации материалов вызвала в 1975 г. повторные раскопки В. А. Харламова, а в 1978 г. материалы раскопок М. К. Каргера были обработаны М. В. Малевской и П. А. Раппопортом.

Это был четырехстолпный пятинефный одноапсидный храм размерами 33 × 25,6–27 м с лестницей на хоры. Перед порталами к храму с трех сторон примыкали притворы; к северо-восточному углу собора примыкала небольшая бесстолпная крипта-часовня (5,8 × 4,4 м) с полукруглой апсидой, соединявшаяся промежуточным помещением с северным притвором собора. Затем к собору пристроили дополнительные усыпальницы и вспомогательные помещения («пристрои»). В них обнаружены погребения, количественно соответствующие известным по письменным источникам захоронениям переяславских князей. Фундаменты сложены из крупных валунов на растворе с цемянкой поверх субструкции из деревянных лежней. Стены толщиной 1,15–1,25 м сложены в смешанной технике: ряды кирпичной кладки чередовались со скрытым рядом из необработанных камней. Полы храма были устланы шиферными плитами с мозаичной инкрустацией; полы в притворах сделаны из поливных керамических плиток; стены расписаны фресками. При разборе завалов обнаружены обломки голосников, куски листового свинца от кровли, оконные стекла, разноцветная мозаичная смальта (Раппопорт, 1982, с. 32, 33; Коринный, 1992, с. 211, 212, 213; Колибенко, 2007 а, с. 19–25).

Характер кладки этого собора и некоторых других церквей аналогичен синхронной технике византийских или киевских мастеров. Поскольку Ефрем был связан с Константинополем и Киево-Печерским монастырем, строительство, скорее, велось греческим зодчим, а каменщики могли поступать из обоих центров. В результате в Переяславле формировалась первая после Киева самостоятельная архитектурная школа (Иоаннисян, 2008, с. 176, 178). В 1954 г. в одной из пристроек были обнаружены 3 актовые печати. Это навело исследователей на предположение о размещении там или в соседних помещениях епископского архива.

33. Надвратная церковь Феодора Стратилата

От нее на высоту 1,7 м сохранились стены прямоугольной в плане лестничной клетки-башни размером 6,2 × 4,4 м. Они сложены в смешанной технике на известково-цемяночном растворе поверх фундамента из крупных камней; толщина стен 0,8–0,9 м. На западной стороне помещения размещался дверной проем шириной 1,2 м. Его порог на 45 см возвышался над древней дневной поверхностью, а пол был вымощен плинфой. Восточная половина помещения отделялась более тонкой стенкой, вероятно, служившей опорой лестницы; от последней сохранились три вымощенные плинфой ступени шириной 1,2 м. Не исключено, что сооружение одновременно использовалось и в качестве колокольни.

Проезд епископских ворот был завален остатками бесстолпной надвратной церкви: это куски штукатурки с фресковой росписью, обломки поливных керами-

ческих плиток и круглого оконного стекла, фрагменты шиферных плит и свинцовых листов кровли толщиной 2 мм. Основанием храма служили мощные стены проезда с пилонами, создававшими прямоугольное пространство размерами приблизительно 5 × 2 м. Над ним располагался нартекс, а восточный пилон северной стены проезда определял размеры основного помещения храма (Раппопорт, 1982, с. 33; Колибенко, 2007 а, с. 28, 29; Лизогуб, 2011, с. 290).

34. Церковь Богородицы на княжьем дворе

Ее остатками могут быть руины конца XI в., исследованные в 1958 г. в северной части детинца на площади Воссоединения (современная пл. Переяславской Рады). Территориально они связаны с гипотетически очерченной территорией княжеского двора и рядом с одним из важнейших городских въездов. От храма уцелела лишь часть фундамента, сложенного из известняковых глыб Зарубского месторождения, и плинфовой кладки на типичном для этого времени известково-цемяночном растворе. Это была трехнефная четырехстолпная церковь размерами 20 × 12 м. При раскопках найдено множество поливных керамических плиток пола и обломков оконного стекла (Раппопорт, 1982, с. 35, 36; Колибенко, 2007 в, с. 46–49).

35. Остатки храма «по ул. Советской, дом 7»

От него сохранились фундаментные рвы и части кладки основания из валунов: нижние крупные камни были уложены насухо, а выше – на известковом растворе с цемянкой. Это остатки бесстолпной церкви размерами 15,8 × 10,2–10,5 м с полукруглой апсидой. В развале встречены поливные плитки пола, куски красного шифера и обломки штукатурки с остатками фресковой росписи. Не исключено, что храм построил на своем дворе посадник Ратибор (Раппопорт, 1982, с. 35; Колибенко, 2007 г, с. 43–45; 2007 д).

В 1888 г. при строительстве каменной Успенской церкви на месте одноименной деревянной были обнаружены и обследованы П. А. Лашкаревым остатки древнейшего храма. От него сохранились восточная половина на высоту 1 м и участок западной стены, но в полной мере планировка сооружения неопределима. В 1945 г. памятник и прилегающие участки обследовались Б. А. Рыбаковым. Фундамент постройки сложен из битой плинфы на известково-цемяночном растворе. Кирпичные стены выполнены в равнослойной технике. Найдены шиферные плиты с пазами для мозаичной инкрустации, смальта, обломки красного шифера и поливных керамических плиток. М. К. Каргер предположил, что шиферные плиты использовались вторично. Считается, что церковь была бесстолпной однонефной с полукруглой апсидой и одним куполом. Ее размеры 9,8 × 6,8 м, внутреннее пространство было квадратным со стороной 4,75 м. На внутренних сторонах стен не было лопаток, а наружные содержали пилястры с полуколоннами.

В силу церковной традиции о преемственности посвящения храмов Б. А. Рыбаков вслед за П. А. Лашкаревым связал эти руины с заложенной Мономахом в 1098 г. церковью Успения Богородицы «на княжѣ дворѣ». Согласно технике кладки, размеру кирпичей и профилировке пилястр, М. К. Каргер датировал памятник временем не ранее середины XII в. С ним согласился П. А. Раппопорт, но В. А. Харламов и Г. В. Трофименко сочли, что профилированные пилястры более характерны для архитектуры первой четверти XII в. В свою очередь, О. М. Иоаннисян предложил вернуться к датировке П. А. Лашкарева и Б. А. Рыбакова. По его мнению, обнаруженное на этом памятнике появление равнослойной кладки и элементов романской архитектуры прослеживается со времени черниговского княжения

Владимира Мономаха. Поэтому данный храм представляется ему Богородичной церковью, построенной князем по возвращении в Переяславль.

Итоги дискуссии были подведены А. В. Колыбенко. По его мнению, это миниатюрное сооружение на территории княжеского двора, размещавшееся в 80 м от реального храма Успения Богородицы, скорее являлось домовой церковью или часовней княжеского двора. Землетрясение 1124 г. вызвало падение купола Михайловского собора и повредило шиферно-мозаичные плиты пола его центрального нефа. В XII в. такие плиты уже не делали, поэтому из одного крупного обломка было изготовлено дно саркофага, размещенного в юго-восточной пристройке-усыпальнице собора. Еще один почти целый фрагмент шиферной плиты был найден П. А. Лашкаревым среди руин этого объекта. Его рисунок почти полностью совпадает с орнаментацией дна михайловского саркофага, что свидетельствует о вторичном использовании плиты после разрушений 1124 г. Это подтверждают наблюдения Д. Д. Ёлшина об особенностях формовки плинфы: ее так называемые «расчесы» встречены на образцах всех исследованных переяславских памятников конца XI – начала XII в. Исключение составляют лишь более поздние объекты, в том числе и церковь-часовня, обнаруженная под деревянным Успенским храмом в 1888 г. Таким образом, возвращается традиционная датировка сооружения второй четвертью XII в. (Раппопорт, 1982, с. 35; Колибенко О., 2007 в, с. 46–49).

36. К гипотезе А. В. Колыбенко о перспективной городской структуре Переяславля конца X в.

В данном примере не помогает ссылка А. В. Колыбенко на решения Вселенских соборов 451 и 680 гг. Эти постановления регламентировали выделение в новых городах церковных территорий. Хочется верить, что на русское градообразование они не повлияли хотя бы за давностью лет или за удаленностью Руси. Не убедительна и ссылка на работу А. В. Кузы, где рассматривалась устойчивость пределов усадеб древнерусских городов. Но вероятность земельных переделов при появлении в городах князей и епископов осталась за пределами внимания автора (Куза, 1985 а, с. 62). Думается, что образование новых княжений и епископских кафедр все же вызывало территориальные переделы в крупных городах. В Переяславле они облегчались наличием незастроенных участков детинца. Вряд ли эти «проплешины» были полностью заняты «мужами» Владимира Святославича и переселенцами эпохи Ярослава – их было не так много. Первые из них были более необходимы для освоения окрестностей города и удаленных северянских территорий. А вторые были нужны Ярославу для актуального восстановления Правобережья после разорительных усобиц и польской интервенции.

Вопрос о подобных земельных переделах не изучен. Тем не менее в литературе нет сомнений в том, что на Руси не было особых проблем в поиске земли для политически значимых городских резиденций и церквей. В других случаях только силовым методом могла решаться и в чем-то схожая проблема отселения обитателей открытых поселений при необходимости строительства крепостей на месте их проживания. Таким образом, при учете ряда поворотных событий в жизни городов и поселений заявление о стабильности пространственной городской структуры преждевременно.

37. Остатки посадской церкви-усыпальницы 1953 г.

Стены небольшой (15,3 × 8,1 м) двухстолпной одноапсидной церкви уцелели на высоту до 1,5 м. Порталы храма с двухступенчатыми пилястрами расположены

посреди северной и западной стен, углы здания отмечены лопатками. Фундамент сложен из рваного песчаника, валунов и битых кирпичей, внизу уложенных насухо, а выше залитых известково-цемяночным раствором. Стены сложены в смешанной технике из слоев плинфы и камня, на них сохранилась фресковая роспись. Пол храма выстлан разноцветными поливными плитками. В центре апсиды находился оштукатуренный кирпичный престол. В завале обрушений найдены обломки красноглиняных амфор от кладки сводов, куски свинцовой кровли (в том числе целый лист размерами 72 × 45 см). Встречены обломки оконного стекла, кованые гвозди, крепившие штукатурку. На полу церкви были обнаружены фрагменты бронзовых осветительных приборов, выполненные местными мастерами в византийской традиции.

Церковь являлась усыпальницей. Шиферный саркофаг установили до застилки пола шиферными плитками, а на уже выстланном ими полу затем поместили покрытую фресками гробницу из плинфы XII в. Позже поблизости соорудили и кирпичный саркофаг. При строительстве храма в северной стене создали аркосолий и отгородили его тонкой плинфовой стенкой. Еще одно погребение совершено в перекрытом плитой кирпичном склепе. В силу удаленности от детинца большинство исследователей склоняется к принадлежности храма боярской династии. Заказчиком его создания могла быть особо известная личность, выделявшаяся богатством, воинскими и административными заслугами. Только такой человек мог получить услуги мастеров, ранее обслуживавших потребности князей и церковных иерархов.

Имя заказчика и время создания церкви определяют по-разному. По технике смешанной кладки и формату плинфы М. К. Каргер датировал постройку второй половиной XI в., П. А. Раппопорт – концом этого столетия. В. А. Харламов и Г. В. Трофименко отнесли событие к концу XI – первой четверти XII в. Н. В. Новоселов и Д. Г. Хрусталев считали, что храмы, не упомянутые в письменных источниках, строили после смерти митрополита Ефрема, наступившей в 1104 г. Они сомневались и в строительстве церкви на неукрепленном посаде. Более реальным оно казалось после похода 1111 г., когда князья разгромили половецкое воинство. Другой тезис авторов основан на их представлении о том, что боярин Ратибор был единственным из упомянутых источниками именитых переяславских горожан, а его двор якобы располагался в окольном городе. Отсюда дату основания храма в 1111 г. они связали с биографией тысяцкого.

По В. К. Козюбе, размеры плинфы действительно отличают этот храм как самый поздний из переяславских сооружений, построенных в технике смешанной кладки. А многочисленные граффити на стенах церкви могли появиться не при камерном использовании усыпальницы на боярском дворе, а при его общедоступности, присущей монастырскому храму. Создание церкви он датировал 20–30-ми годами XII в. В свою очередь, А. В. Колыбенко напомнил о том, что кроме Ратибора в письменных источниках имеются сведения и о других именитых переяславских горожанах. Его выбор пал на боярина Орогостя, известного в качестве участника (вместе с Ратибором) Уветичского съезда князей и посла Мономаха к Давыду Игоревичу. Таким образом, он также около 1110 года мог быть заказчиком строительства храма (Каргер, 1954, с. 9–19; Раппопорт, 1982, с. 36, 37; Харламов, Трофименко, 1996, с. 49; Новоселов, Хрусталев, 2003, с. 73–78; Козюба, 2004, с. 26–29; Колибенко, 2007 в, с. 70–75; Архипова, 2008, с. 245–255).

38. Борисоглебская церковь на Льте

О фундаменте церкви было известно с середины XIX в.; часть его вскрывали и в 1925 г. В 1950 г. М. К. Каргер обнаружил там небольшие участки фундаментных

рвов и завалы руин. Фундамент сложен из песчаника без раствора, но с включением речного песка. От кладки стен сохранились обломки плинфы со следами цемянки, а также бруски песчаника со следами подобного раствора. Также встречались крупные обломки шиферных плит, квадратные поливные плитки, штукатурка с фресковой росписью, куски листового свинца, обломки оконных стекол и бронзового колокола.

39. «Юрьева божница» в Городце Остёрском

Двухстолпная церковь с хорами имела размеры 16 × 10,5 м, толщина стен с наружными плоскими лопатками 1,1 м. Три узких оконных проема с полуциркульными завершениями сохранились в большой полукруглой апсиде. Кирпичная кладка содержала скрытый ряд из необработанного песчаника на известково-цемяночном растворе. В завалах стен обнаружен крупный фрагмент упавшего свода, стены украшали фресковой живописью.

Первые исследователи храма датировали его эпохой Юрия Долгорукого, но М. К. Каргер по кладке «opus mixtum» со скрытым рядом настаивал на датировке церкви рубежом XI–XII вв. О. М. Иоаннисян отметил, что подобная кладка использовалась до конца первой трети XII в. В этом памятнике сочетается киевская техника кладки стен, черниговской формат и характер формовки кирпича с переяславским архитектурным типом и планом здания. Это признаки местной строительной традиции (Раппопорт, 1982, с. 38; Коринный, 1992, с. 223; Иоаннисян, 2008, с. 179, 180).

40. Церковные древности курского Посеймья

Из гочевского курганного могильника происходит крестик-тельник с изображением Распятия, находившегося в составе ожерелья (Моця, 1993 б, с. 85, рис. 32; Моця, Халиков, 1997, с. 130–132; Мусин, 2002, с. 153). Там же Д. Я. Самоквасов в 1915 г. обнаружил крестик «скандинавского» типа конца XI в. (Моця, Халиков, 1997, с. 132). Из двух других курганов (№ 27 из раскопок В. Н. Глазова и № 68 – П. С. Рыкова) происходит 15 серебряных монетовидных привесок с приклепанными ушками. Это брактеатные стилизации германских денариев X–XI вв. Как и на большинстве аналогичных монет, на них оттиснуты большие двойные кресты с кружочками на концах и с крестиками между концами этих крестов. Датировка этих погребений подтверждается наличием в погребениях серебряных очелий – одних из ранних «псевдосеверянских» украшений. Они начали бытовать уже после «окняжения» местных носителей роменской культуры (Равдина, 1988, с. 48; Шинаков, 1991, с. 90, 91).

В разные годы в этих курганах также нашли семь круглых литых образков Божьей Матери Знамение, два – св. Николая Угодника, по одному – св. Георгия и Пантелеймона. Оттуда происходит и медальон с изображением прямоконечного креста. По мнению исследователей, эти изделия связаны с вещевыми комплексами конца XI – начала XII в. (Шинаков, 1982, с. 93; Моця, Халиков, 1997, с. 132, 133). Встретились там и две прорезные кресто-включенные подвески XI–XII вв. Их кресты с криновидными концами были декорированы ложной зернью, по кольцу шел точечный орнамент (Кутасов, Селезнев, 2010, с. 19; Птицын, 2013, табл. 3; 7, 8).

На липинском селище в 1996 г. О. Н. Енуковой был найден крестик с Распятием, выполненный в несколько обобщенной технике (Щавелев С.П., 2005, с. 100, 101). Оттуда происходит и трехлопастноконечный крестик киевского производства с желтой выемчатой эмалью (Птицын, 2013, табл. 1; 13). В культурном слое Ратского (Бесединского) городища найден крестик с Распятием конца XI – первой трети XII в. и трехлопастноконечный крестик с желтой выемчатой эмалью (Птицын, 2013, табл. 1; 12, 13).

Заключение

Территориальное сложение Переяславской земли прошло долгий путь заселения пустовавших земель, включения в ее состав сопредельной северянской племенной общности и формирования на этой почве единого общерусского культурного единства.

Начальным импульсом сложения этой территории было начавшееся при Святославе Игоревиче освоение Киевом ближайшего к столице, практически необжитого региона левобережной лесостепи. Не исключено и создание этим князем посеймского анклава среди северянского расселения: по пути в Хазарию князю был необходим своеобразный плацдарм пополнения сил перед выходом в степи. В последние десятилетия X в. плавное эволюционное развитие Южной Руси было прервано печенежскими вторжениями, и с тех пор особую роль в жизни Левобережья стал играть оборонительный фактор.

Неопределенность территориальных рамок с кочевой степью позволила Владимиру Святославичу отодвинуть восточный предел Руси на берег Трубежа и установить рубеж условно контролируемого Русью поселенческого импульса на Нижней Суле: ее поселенцы оповещали Киев о приближении печенежской конницы. И однажды это сыграло существенную роль, позволив остановить нападение степняков и закрепить трубежский рубеж переяславской крепостью.

Основой нового, неуклонно заселявшегося территориального образования стало междуречье Днепра, Нижней Десны, Остра и Трубежа. Ретроспективные наблюдения не исключают вероятности пролегания его северного предела севернее современного г. Остра в виде гипотетически вероятного Змиева вала по р. Смолинке[1]. В таком случае размеры всего междуречья в виде первоначальной защитной киевской зоны могли насчитывать 6,7 тыс. км^2. Параллельно под сенью приднепровского и нижнесульских протяженных укреплений начал слагаться и поселенческий очаг, соединявший Переяславль с Сулой: в определенной мере он мог затруднять передвижения степняков традиционными трассами набегов во внутренние земли. В целом же в эпоху Владимира были заложены азы одинаковой защитной структуры на южном и восточном подходах к столице, поддержанные строительством «городов».

Небывалые по объему оборонительные меры, включавшие и ставшее традиционным пополнение южного порубежья населением из центральных и северных регионов Руси, требовало и иных форм притока материальных и людских ресурсов. Новым явлением стало «освоение» государством северянских регионов, где происходило уничтожение племенных убежищ и жречества, а общинники подлежали переселению в ближайшие подконтрольные власти поселения или использовались в более отдаленных местах для возведения противопеченежских укреплений. Параллельно делались и не всегда успешные попытки их первоначальной христианизации.

[1] Возможно, в связи с этим лежавшие на правом берегу Десны южные черниговские укрепления исчезают вплоть до начала притязаний Ольговичей на переяславскую Остёрщину в 30-е годы XII в.

Один из таких импульсов «окняжения» северян продвигался вверх по течению Сулы. Появление существовавших и в XI в. поселений на верхних притоках Сулы, ориентированных в направлении сеймского поселенческого анклава, можно отнести к следам направления другого, где к этому времени общерусский погребальный комплекс уже доминировал. Эта едва уловимая цепочка фиксирует и прохождение «водораздельной» киевской путевой трассы, существование которой при Святославе в направлении Болгара пока только декларировано. Трудно исполнимым было и срочное обновление прямого пути из Киева по лесам для наказания в Новгороде мятежного сына Ярослава, оно требовало мощения зараставших путей и устройства мостов. А вот налаживание Владимиром восточного сухопутного пути к его северным владениям в обход вятичских лесов более реально: на княжения в Ростов и Муром им могли неспешно уходить его младшие сыновья. Этой дорогой в Курск бежал от половцев и Всеволод Ярославич, а оттуда в Ростов направил малолетнего сына Владимира.

Феодальные войны за наследие Владимира Святославича привели во временный упадок едва зарождавшуюся левобережную защитную систему – в пору войн за наследие Владимира Святославича опасности с востока Киев не испытывал, более актуальным было восстановление разоренного Правобережья. Но с возникновением половецкой угрозы Киеву вновь потребовалась защита: новой волной кочевых нападений сначала были охвачены именно левобережные земли. Оборонительный фактор вернул внимание к переяславскому княжению и его политически активным князьям, последовательно занимавшим киевский стол.

По «завещанию» Ярослава Мудрого Киев оставил за собой ближайшую левобережную «полосу» площадью 1,3 тыс. км^2 с ключевыми крепостями на ведущих к столице дорогах. За этим исключением территориальным ядром Переяславской земли стала оставшаяся часть изначальной междуречной защитной зоны, летописная Переяславская волость площадью 5,4 тыс. км^2. С выделением нового княжения кристаллизовалась и демаркация северных владений Переяславля: к востоку от «рва засыпанного» по р. Смолянке и нежинского брода она следовала заболоченным левым берегом р. Остра, затем с юга широкой дугой огибала черниговскую Белавежу. Южнее этой линии остались достоверно переяславские города Прилук, Переволока, Варин и возникший позже Серебряный. **Рис. 112**.

Нарастание кочевой экспансии вызвало поступательное развитие крепостного строительства на неизмеримо более высоком уровне, нежели при Владимире Святославиче. На протяжении второй половины XI – начала XII в. в центральной части княжества возникло 18 крепостных сооружений и 16 фортов на Суле, где былая защитная «линия» становилась цепью взаимосвязанных микрорегионов, охранявших речные переходы и пути во внутренние области. Расселение «переяславских торков» закрепило и промежуточную, ранее пустынную Супойскую область размерами около 13 тыс. км^2. Теперь половцы уже не могли там появляться бесконтрольно, недавними степняками пополнялось и Посулье. В этот период возникло и 11 оригинальных укреплений, наделенных признаками «степной» фортификации. Вместе с обычными общерусскими крепостями это составляет 45 новых укрепленных поселений или 49 – вместе с возникшими прежде. На основе торческого расселения на Руси возник новый вид воинских подразделений – легковооруженная конница, по скорости передвижений и тактике ближнего боя близкая к половецкой. Это делало ее незаменимой для контролирования внутренних путей и в дальних степных походах.

Летописные сведения первой половины XII в. показали, что современники считали Посульем и лесистое междуречье Удая и Средней Сулы площадью

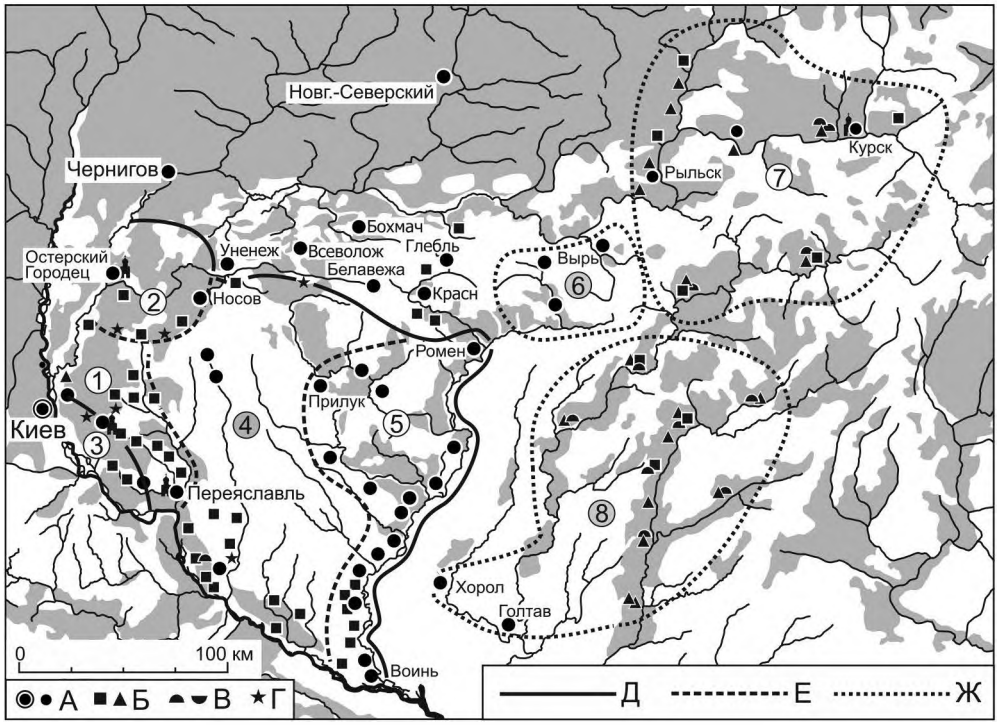

Рис. 112. Переяславская земля. Внутреннее деление и внешние рубежи. А – летописные города; Б – городища и открытые поселения; В – курганные и грунтовые могильники; Г – клады; Д – пределы устойчивой территории Переяславской земли; Е – гипотетические рубежи ее внутренних областей; Ж – очертания временных и условных держаний переяславских князей. 1 – Переяславское территориальное ядро-волость с Остёрской волостью (№ 2); 3 – киевские владения по «завещанию» Ярослава; 4 – степной «торческий» регион; 5 – летописное Посулье; 6 – Вырская волость; 7 – курское Посеймье; 8 – Засульская область

7 тыс. км^2. Таким образом, в период расцвета устойчивая территория Переяславской земли насчитывала более 25 тыс. км^2: она стала оборонительным щитом юга Руси, слагавшимся из трех защитных поясов: трубежского, супойского и посульского. В состав этого заслона на путях кочевников входили земли не менее плотно заселявшихся Вырской волости и курского Посеймья: на безлесных участках их крепости продолжали направление посульского рубежа и охватывали территории размерами, соответственно, 3 и 17,3 тыс. км^2. Эти держания переяславских князей увеличивали поселенческую, податную и оборонительную базу почти вдвое, до 45 тыс. км^2. Две ранние защитные формы – строительство крепостей и торческое расселение – стали залогом успешного применения более позднего явления – дальних походов и разгромов объединений кочевников.

Нам неизвестно, сколько сил и средств понадобилось для создания столь совершенной оборонительной системы. Но, например, Владимир Святославич располагал для этого всей экономикой и людскими ресурсами его «империи» и мог вкладывать в дело прибыль и плененных в походах на земли соседей. Обширные

северные, западные и центральные владения подпитывали и деятельность Всеволода Ярославича, «князя всея Руси». И наконец, в руках Владимира Мономаха и под властью его сыновей была сосредоточена значительная часть территории Руси. Он восполнял урон от набегов даже за счет войн и стычек с соседями, порой не оставляя побежденным «ни челядина, ни скотины». Эти наблюдения вполне соответствуют практической возможности князей делать огромные материальные вложения в строительство крепостной системы, производить обширные переселения и заниматься организацией совместных с другими князьями дальних рейдов.

Подобной картине противоречит существующее в литературе с дореволюционных времен ограниченное понимание роли Переяславской земли в судьбах Киевской Руси. Так, со времен П. В. Голубовского земли лесостепного Левобережья рассматривались как неуклонно разрушавшаяся кочевниками второстепенная окраина северянского мира. И поскольку чернигово-северский ареал со временем достиг определенного политического могущества, то территория более слабой и менее самостоятельной Переяславщины стала неким придатком политики киевских князей. Тем не менее в целом не отрицая такой картины, уже М. С. Грушевский отмечал, что Владимир Мономах сделал Переяславль преддверием Киева, обязательной ступенью для кандидатов на киевский стол (Грушевский, 1992, с. 339). В. В. Мавродин логично отмечал поступательное превращение этой области в форпост государства и значимый оплот в борьбе с кочевниками. Но это не помешало ему утверждать, что регион уже в XI веке перестал играть самостоятельную политическую роль (Мавродин, 2002, с. 247, 249).

Этому противоречит изучение иерархии перераспределения княжеских столов, перечислений участников дальних походов в зависимости от значимости их держаний, а также анализ княжеских списков «Хождения игумена Даниила». Они показали, что начиная с 1097 г. переяславские князья регулярно занимали второе место после киевского князя, а черниговские князья – только третье. Это значит, что к моменту Любечского съезда или на самом съезде в системе княжеской иерархии была признана значимость Переяславля в качестве второго после Киева удела (Янин, 1960 б, с. 121–129; Коринный, 1992, с. 65; Литвина А., Успенский Ф., 2008, с. 45; Колибенко О., Колибенко О., 2012, с. 79, 80).

В самом начале XII в. Русь перешла к наступлению на Степь, но еще до этого политическая обстановка неуловимым для нас образом стала меняться. К примеру, на это указывает заметное изменение статистики летописных упоминаний о защитном строительстве. Так, после длительного перерыва лишь под 1125 г. на страницах источников появились имена ранее неизвестных городов Баруча, Бронь, Княжа и Полкостеня. Перед нами пример явного замедления ранее весьма активного фортифицирования Переяславщины. А за оставшиеся три четверти XII в. на основной территории княжества возникло в разы меньше крепостей, чем в краткий предшествующий период половецкого натиска.

В свою очередь, с выделением Новгород-Северского княжения начался длительный процесс отторжения курского Посеймья и Вырской волости – лишения Переяславля его исконных владений и изменение рубежей между сопредельными княжествами. Так, изначальное направление киевского водораздельного пути через р. Ромен следовало бродами у летописного г. Красна или близ городища и могильника у с. Липовое, т.е. по «разделу» Ярослава округа нижнего течения Ромена была переяславской. Но после демаркаций сопредельных границ к Чернигову отошла вся цепочка пороменских укреплений. В итоге к середине XII в. черниговское укрепление Медвежье и переяславский Ромен разделило расстояние в

20 км по прямой, и около 30 – по дороге, огибавшей глубокие овраги. В меридиональном направлении, между переяславским г. Серебряным и городищем Липовое, пролегло 30 км. Такое же расстояние отделяло Ромен от вырского Попаша. Эти промежутки укладываются в довольно стабильную ширину «нейтральных» полос между соседними княжениями. Соответственно, связь переяславского Ромена с курскими и ростово-суздальскими окраинами стала осуществляться степной дорогой вдоль левого берега верховий Сулы. Именно в таком виде трассой Ромны – Сумы она закрепилась и в позднем Средневековье.

Таким образом, начатые Всеволодом Ярославичем и закрепленные деятельностью Владимира Мономаха три перечисленные выше формы укрепительных мер по созданию порубежного оборонительного щита длительное время обеспечивали высокую политическую роль Переяславского княжения. Позже она поддерживалась как местным князем Ярополком Владимировичем, так и держателем киевского стола Мстиславом Владимировичем. При них сохранялась устоявшаяся к рубежу XI–XII вв. традиция закрепления в Переяславле будущего наследника киевского стола. Но с переходом по смерти Мстислава в 1132 г. Ярополка Владимировича в Киев она начала постепенно разрушаться. Это было начало раздробления прежде единой переяславской территории с отпадением остёрских владений и многолетними колебаниями владельческой принадлежности Выря и Курска. Таким образом, угасание прямой половецкой угрозы привело к утрате актуальности оборонительного «щита» и предопределило закат политического значения Переяславского княжения.

Приложение

К методике датирования древнерусских городищ

Введение городищ в качестве самостоятельного источника в историко-географическое исследование обширного региона, похоже, дало положительные результаты. Вместе с тем, нельзя забывать, что раскопки городищ и датировка возникновения существовавших прежде на их месте укрепленных поселений отличается особой сложностью. Более того, если обучение в высшей школе предоставляет студентам-историкам возможность получить общие и первичные навыки методики археологических раскопок, то специальных знаний об особенностях раскопок городищ они почти не получают. Отсюда происходит запечатленная текущей археологической литературой масса ошибочных или неточных интерпретаций.

Представляемые заметки не претендуют на роль полноценной инструкции по полевому изучению городищенских укреплений. Ниже почти не отводится места и изучению культурных напластований площадок городищ: они практически не отличаются от методики раскопок открытых поселений. Этот раздел – лишь более или менее систематизированное обобщение накопившегося полевого опыта. Основное внимание будет отведено вопросам датировки возникновения и реконструкций укреплений крепостных сооружений, которые со временем обратились в городища.

Городища различного культурно-исторического облика – это особый тип археологических памятников. Их важнейшим атрибутом является наличие напольных или концентрических валов различной степени сохранности. Они являются надежным индикатором отличия открытых (незащищенных) поселений от укрепленных. Последние, в свою очередь, в зависимости от их экономической и политической значимости являются остатками древних городов, крепостей и даже загородных усадеб-замков.

Определение времени возникновения укрепленных поселений является довольно сложной задачей. Можно привести множество примеров датирования городищ исключительно по совокупности укрытых за валами жилых и хозяйственных сооружений, а также мест концентрации древних артефактов. В подобных случаях исследователи опираются на поиски фазы ощутимого увеличения их количества и качества. Нередко это приводит к неточной оценке времени появления крепости, поскольку стратиграфия остатков укреплений остается за пределами внимания исследователя. Между тем «огораживание» значительных поселений часто предшествовало их расцвету. Еще менее надежно применение этого метода к небольшим крепостицам с культурными напластованиями незначительной мощности.

В обоих случаях необходимо обратиться к изучению остатков защитной системы: только разрезы валов позволяют определить тот рубеж, когда поселенцам понадобилось оградиться искусственной преградой или реконструировать ее по мере обветшания. В других случаях изменение политической обстановки, путевых трасс или возникновение новой военной опасности заставляло возводить долговременные

укрепления на ранее не обжитом месте. Но в любом случае разнотипные крепости по тем или иным причинам со временем обращались в городища, а валы в их современном виде – это руины того, что обобщенно мы называем крепостными стенами.

В прежние времена раскопки городищенских валов чаще применяли для исследований конструкции защитных сооружений. Возможно, их современная удовлетворительная изученность отчасти повлияла на то, что в последние десятилетия наблюдается определенный спад интереса к раскопкам валов. Действительно, эти трудоемкие работы не сулят множества находок, а раскопки не горевших участков укреплений с почти полностью истлевшими бревенчатыми каркасами часто вообще непригодны для реконструктивных исследований.

Целью настоящего обзора является первичный обзор накопившихся методических наработок о получении хотя бы крупиц информации для определения времени возведения крепостных сооружений и их реконструкций. Основой предлагаемого анализа стали во многом лучше изученные южнорусские материалы. Это не случайно: эволюция и сложение древнерусских фортификационных канонов шло рука об руку со становлением государства. Только оно имело возможность апробации лучших образцов мирового опыта и его длительной адаптации к местным материалам и навыкам строительного дела, в первую очередь, срубного домостроительства. Этим объясняется зарождение оригинальных градостроительных форм в южнорусском культурном ареале. И только затем на доступном для натурного воплощения уровне опыт строительства долговременных укреплений распространялся по всем уголкам Руси.

Для начала ознакомимся с ключевыми вехами изучения бревенчатых укреплений, которым были посвящены значительные усилия уважаемых предшественников. Это позволит исследователям уже после появления первых следов дерева и грунтовых аномалий с высокой степенью вероятности оценить древний облик сооружений, чтобы в полевых условиях выбирать методику их изучения.

Историография вопроса. Валы древнерусских городищ периодически вскрывали на протяжении полутора сотен лет, но качественно новый уровень их изучения заслуженно связывают с именем П. А. Раппопорта. В отличие от прежних методов датировки городищ по всему объему раскопанных объектов или сборам подъемного материала, он широко применял частичную прорезку внутренних вальных склонов. Оказалось, что горизонталь основания руин укреплений стратиграфически отделяла «догородищенские» напластования от культурного слоя, образовавшегося после возведения крепостных стен. Этот анализ включал и отработанный ученым способ датировки городищенских напластований по сочетанию типологически различимых групп круговой керамики (Раппопорт, 1954, с. 183–186). Эти новации во многом опередили свое время и не сразу были оценены современниками.

Существенную поправку в прежние литературные суждения внес известный украинский исследователь М. П. Кучера: ранее считалось, что стены крупнейших древнерусских городов состояли из полых трехстенных срубов. Оказалось, что это результат неравномерного гниения остатков стен. При разрушении укреплений их внутренние стороны перекрывали значительно меньшие объемы стеновых руин, обеспечивая не в пример лучшее проникновение туда кислорода и атмосферных осадков. Тщательнее проведенные новые раскопки убедили исследователя в том, что основой стен были цепочки из четырехстенных срубов с плотной грунтовой засыпкой. В соответствии с летописными упоминаниями за ними за-

крепилось название «городни» (Кучера, 1969, с. 180–195). Эта работа осталась незамеченной многими российскими исследователями: в литературе и доныне встречается неверное мнение о трехстенных звеньях крепостных сооружений.

В дальнейшем ученый блестяще совмещал интерес к городищам с исследованиями былинных Змиевых валов Среднего Поднепровья. По сути, его работы в этом направлении ввели в литературу неизвестный ранее археологический источник: руины протяженных древо-земляных стен, конструктивно близких с крепостными. Венцом исследований стал подробный анализ более чем 700 южнорусских городищ (Кучера, 1987, 1999).

Продолжая исследования предшественников, в 70–80-е годы XX в. автор этой работы под руководством А. В. Кузы предпринял новое разведочное изучение городищ Посулья. Его основой стали прорезки внутренних склонов городищенских валов. Но на этот раз основное внимание уделялось и точной фиксации датирующих обломков керамических венчиков, их связи со стратиграфией разрезов (Моргунов, 1996).

Давно подмеченная сложность внутривальных устройств породила противоречивые мнения об их изначальном строе. Одни исследователи придерживались показаний письменных источников XVI–XVII вв. и Нового времени, закрепленных фольклористикой словаря В. И. Даля. Поэтому и древнерусские валы они считали самостоятельными и специально насыпавшимися преградами. Их бревенчатые основы принимали за скреплявшие насыпи каркасы, что позволяло валам служить фундаментами для возвышавшихся над ними бревенчатыми стенами.

Преувеличению защитной значимости валов противоречит то, что стены обладают неизмеримо более высокими защитными качествами. Для их штурма уже в домонгольское время нередко применяли осадные приемы, известные как летописные «приспы» и «приметы». Это массы грунта, который осаждающие присыпали к городским стенам для облегчения подъема на них: по сути, это аналогии внешних вальных склонов. В подавляющем большинстве ранних летописных сюжетов валы оценивались современниками лишь как топографические ориентиры. Но есть и отдельные примеры упоминаний о валах в качестве «осыпи земляной вместо городка» или «вала разрушенного города» (Спафарий, 1960, с. 205; Таннер, 1891, с. 67).

Это соответствует летописным уточнениям сути происходившего в процессе осад. Так, в 1238 г. в Козельске разрушенная камнеметами городская стена обратилась в вал, по которому татары ворвались в город. В сходной киевской ситуации 1240 г. один из ипатьевских вариантов трактовал руины укреплений как «избыть стѣны», на которую поднимались горожане для дальнейшего сопротивления (ПСРЛ, т. 2, с. 781, 785).

Не в пример большее количество летописных сведений известно о крепостных стенах, попутно указывалось и множество технических подробностей об их конструкции и защитной роли (Поппэ, 1962). Следовательно, современники событий считали защитными преградами не валы, а стены. Это легло в основу современной трактовки валов как руинированных остатков укреплений, которые принято называть крепостными стенами.

Особенности защитных конструкций домонгольского периода. Известно, что возможность определения древнего облика оборонительных сооружений во многом зависит от сохранности остатков их бревенчатых основ. В подавляющем большинстве их создавали из влагостойкого дуба, который наименее подвержен также и воздействию огня. На практике лучше распознаются участки со сгоревшими бревенчатыми устройствами.

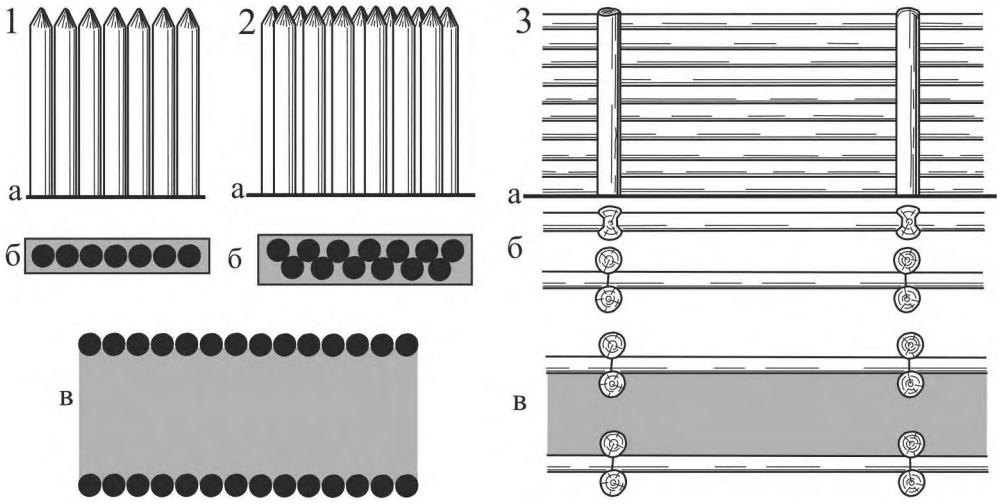

Рис. 113. Столбовые конструкции.
1 – однорядный частокол;
2 – однорядный частокол, устроенный в шахматном порядке;
3 – каркасно-столбовое сооружение (а – фронтальная проекция; б, в – вид сверху).
3 – двухрядный частокол с внутренней забутовкой (а – фронтальная проекция;
б – формы крепления бревен; в – вид конструкции сверху)

В IX–X вв. на позже «освоенных» Русью племенных землях преобладали защитные сооружения двух типов. Так, благодаря простоте воплощения с глубокой древности защитные укрепления состояли из рядов вкопанных в землю бревен. Гипотетически подразумевается, что жесткость такой стене придавали продольные лаги. От частокола в материке остается узкая полоса земляной выемки. **Рис. 113:** ***1, 2***. В публикациях упоминается и о существовании усложненного варианта подобных укреплений. Это два параллельных ряда частоколов с внутренней грунтовой засыпкой (Моргунов, 1996, с. 101, рис. 32). Подобные укрепления могли существовать лишь при скреплении частокольных рядов поперечными стяжками, которые препятствовали бы разрушению сооружения. Но свидетельства существования стяжек нашлись лишь среди конструктивно близких сооружений скифского времени (Моруженко, 1975, с. 143; 1985, с. 169).

Вероятно, такие стены были недолговечными из-за необходимого уплотнения забутовки и ее разбухания под воздействием осадков и атмосферной влаги. Это создавало направленное наружу внутреннее напряжение, осложненное загниванием дерева. Недолговечность подобных сооружений требовала множества ремонтных циклов уже на протяжении жизни одного поколения, что могло вызвать быстрое увеличение высоты валов за счет рассыпания внутренних забутовок. Не исключено, что это обстоятельство могло быть причиной появления исключительно высоких напольных валов на городищах роменской культуры летописных северян.

Другой, так называемый «каркасно-столбовой» тип, лучше известен по раскопкам жилых построек. Это стена из горизонтально уложенных друг на друга бревен, закрепленных между вертикальными стояками. От нее в материке остаются оттиски нижних бревен и ямы от вертикальной крепи. **Рис. 113:** ***3***.

Литературные воззрения не исключают, что их устанавливали на гребни намеренно насыпанных валов. Действительно, разрушение простейших видов укреплений не может оставить после себя вальных остатков, что подтверждает вероятность целеустремленной насыпки валов и из стерильного материка в культурах догосударственного периода истории. Нередко встречаются и следы двухрядных конструкций такого типа с грунтовой забутовкой. Отсюда следует, что столбовые конструкции каждый раз требуют внимательного изучения напластований и всего набора защитных конструкций этой культуры. Это позволит избежать нередких в литературе ошибочных интерпретаций предшествующих валов в качестве древнерусских.

Около середины X в. распространение срубного домостроительства среди славянского населения среднеднепровской лесостепи инициировало появление укреплений, состоявших из цепочек засыпных бревенчатых срубов-городней. А столбовые и каркасно-столбовые конструкции стали упоминаться в источниках как «заплоты» и «остроги» в составе посадских и временных полевых укреплений. В частности, из летописных статей под 1151 и 1161 гг. известно о киевском «столпие», ограждавшем Подол «от горы оли и до Днепра». Поскольку половцы подрубали его непосредственно во время битвы, такое ограждение, несомненно, отличалось от более прочного, срубного (ПСРЛ, т. 2, с. 428, 515; Моргунов, 2009, с. 235).

Исторический процесс сложился таким образом, что вплоть до последних десятилетий X в. у Руси не было серьезных причин для развития собственной фортификации. Поэтому начало печенежской агрессии вызвало спешные поиски возможностей использования зарубежного опыта, в первую очередь для упоминавшегося выше огораживания внешних пределов той части своей территории, которая была фронтально обращена к противнику. Памятниками этой защитной формы были протяженные укрепления, руины которых называют былинным термином Змиевы валы.

Один из участков Змиева вала у с. Вязивок на Суле был исследован продольным раскопом. В его песчанистой насыпи прослеживались лишь пятна древесного тлена, поэтому раскопки производились исключительно горизонтальными зачистками с инструментальной фиксацией каждого пятна, превышавшего размеры 5 × 2 см, на миллиметровых кальках. Итоговый результат был получен при наложении чертежей, выявивших 12-метровую цепочку из восьми взаимосвязанных стеновых срубов, «сплющенных» временем на высоту всего 0,5 м (Моргунов, 2008, с. 87). **Рис. 114: *1, 2***. Но эта картина оказалась не характерной для всей протяженности стены этого типа. Двумя километрами южнее уничтоженный пожаром отрезок этого укрепления имел иную конструкцию (Кучера, 1987, с. 141, рис. 114). Это подтверждает сложившееся в литературе представление о том, что соседние участки протяженных укреплений одновременно создавали разноэтничные артели со своими строительными традициями.

Соответственно, наиболее ранним применением зарубежного опыта в Змиевых валах стали секции стен «крюкового» (перекладного или решетчатого) устройства. Они типичны для защитной практики западных славян, выведенных Владимиром Святославичем из Польши. Крюковые конструкции однорядного типа в сечении напоминали стопку из множества разреженно уложенных друг на друга накатов из бревен разной толщины. Каждый следующий слой укладывали перпендикулярно по отношению к предшествующему помосту, а широкие промежутки между бревнами плотно забивали грунтом. Иногда конструкцию скрепляли коротко обрубленными суками-крючьями, а нижний ряд стволов

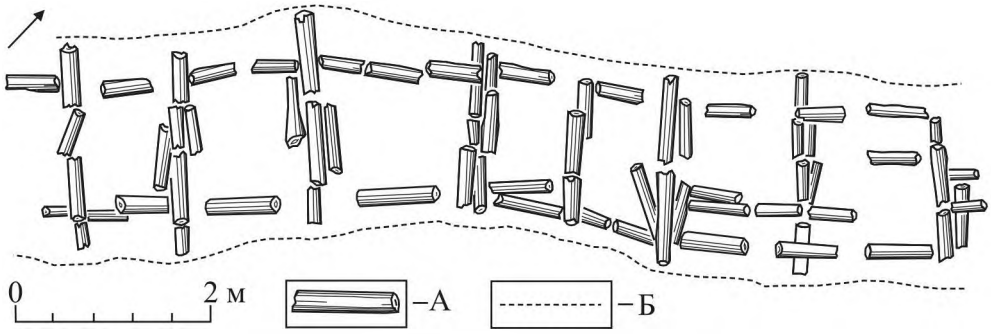

Рис. 114. Стеновые срубы Змиева вала у с. Вязивок на Суле.
А – пятна древесного тлена как обломки бревен;
Б – границы россыпи следов древесного тлена

прикрепляли к земле кольями. В конце XI – середине XIII в. волна конструктивных реплик подобного типа использовалась при строительстве стен городов Центральной и Северной Руси. **Рис. 10:** ***1 а, 1 б***. (Моргунов, 2009, с. 44, 45). Двухрядный тип представлен двумя более узкими стенками из «стопок» с промежутком, заполненным утрамбованным грунтом (Кучера, 1987, с. 84–86, 142–149). **Рис. 10:** ***2***. Это бревенчатая аналогия римских и византийских двухпанцирных каменных стен с забутовкой.

В разрезах же чуть позже появившихся городищенских валов прослеживаются лучше или хуже сохранившиеся цепочки засыпных бревенчатых срубов-городней. Ранним примером таких сооружений в условиях поиска пригодных для Руси оборонительных стандартов являются стены «городов» Владимира Святославича. Оставшиеся от них валы единообразно содержат примыкавшие к городням мощные лицевые панцири из многих рядов сырцовых кирпичей. **Рис. 10:** ***3***. Современная высота кладок насчитывает до 4 м в летописном городе Василеве на р. Стугне, где сырцом на высоту 9-10 м был укреплен и обрыв городищенского мыса (Раппопорт, 1953, с. 17–24).

Теоретически относительно быстрое разрушение подобных стен могло привести к появлению нового фортификационного канона, требующего непременной предварительной насыпки и уплотнения валов, как это могли делать в скифское время и действительно делали в позднем Средневековье. Но в настоящее время мы располагаем единственным исключением из представленной выше картины. Это уникальный для домонгольской фортификации единовременно насыпанный вал «города Ярослава», построенный к 1037 году. Эта был поднимавшийся на 12-метровую высоту насыпной фундамент для возвышавшейся над его гребнем скромной по размерам наземной стены высотой всего 2,24 м. В отличие от других насыпей, вал содержал бревенчатый каркас, по ширине насчитывавший 6 рядов небольших срубов (Моргунов, 2009, с. 52–110, 262–265).

Если срубные укрепления обычных типов не подвергались реконструкции, на городище «единственного строительного периода» в разрезе вала уже под дерном прослеживается цепочка плотных ядер городней. Они перекрыты сужающимися наружу с разными углами наклона книзу рыхлыми шлейфами разрушения. Стены длительно существовавших крепостей периодически разрушались в огне пожаров или в процессе их естественного ветшания, что заставляло их

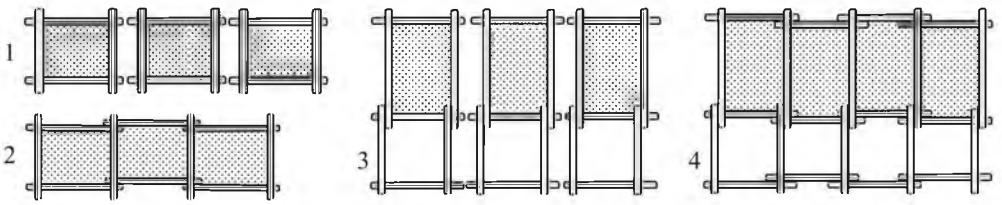

Рис. 115. Схемы срубных стен.
1 – цепь из невзаимосвязанных городней;
2 – взаимосвязанные городни; 3 – частично взаимосвязанная цепь из пар внешних засыпных городней и полых внутренних клетей;
4 – череда взаимосвязанных городней с внутренними клетями (по М. П. Кучере)

возобновлять. До реального разрушения дело, видимо, не доходило: обновление начиналось раньше. Для этого наиболее сыпучие компоненты расчищали, а новые городни ставили на выровненные до горизонтали плотные засыпки прежних срубных секций. Нередко укрепления возводили и на городищах одной из предшествующих культур поверх давно сложившегося вала. Это естественно: для оборонительного зодчества характерно стремление вознести укрепления на любое пригодное для этого возвышение. В любом случае со временем защитные преграды любых конструкций естественным образом руинировались в вальное поперечное сечение. Следует также подчеркнуть, что остатки дерева лучше сохраняются в нижних слоях руин: от воздействия воздуха и атмосферной влаги их надежно защищали постепенно уплотнявшиеся осыпи.

В целом совершенствование оборонительного комплекса представляется следующим образом. Для памятников конца X и частично XI в. характерно применение невзаимосвязанных между собой городней. **Рис. 115**. Но уже в киевском валу соседние городни были частично взаимосвязаны, исчезло применение крупных гвоздей, кантованных на 6 граней бревен и т. д. Примером для намеренной насыпки вала для зодчих могли быть обратившиеся к этому времени в реальные валы протяженных укреплений или развалины стен летописного Витичева и городища Заречье, разоренных феодальными войнами 1015–1018 гг. Уникальность киевского вала оправдана эпохой фортификационного перепутья: Русь отказывалась от болгаро-византийских канонов и создавала собственную школу оборонительного строительства. Отсутствие других примеров крепостного зодчества этого времени объясняется тем, что появление новых городов затормозилось: после разгрома печенегов массированная внешняя опасность исчезла вплоть до середины XI в.

Во второй половине этого столетия половецкая агрессия инициировала резкий всплеск появления крепостей с более развитым двухсрубным защитным комплексом, отделенным от береговых склонов горизонтальными полосами берм. Внешнюю линию составляли городни с материковыми забутовками; иногда мощность стен увеличивали устройством их дополнительного ряда. В свою очередь, внутренний ряд составляли цепочки одновременно рубленных с городнями полых помещений – их принято называть клетями. Они служили складскими и резервными помещениями, но встречаются и жилые, несколько больших размеров и с печами. Это классический комплексный тип защитных устройств домонгольского времени.

В ходе полевых исследований разного уровня применяется множество индивидуальных методических наработок, но всегда следует различать их смысловые задачи. Целью раскопочных мероприятий является получение исчерпывающей полноты исторических сведений о памятниках. Меньше требований к информации, которую ожидают от разведочных изысканий, но и она должна содержать ответы на ряд ключевых вопросов. Это описание очертаний и размеров объекта и поиски его места на широкой хронологической шкале путем сбора подъемного материала, если это возможно, зачистки обнажений и прирезки к ним, а отсутствие обнажений компенсирует многократная шурфовка.

Приложение несколько более серьезных усилий позволяет довольно убедительно установить и время огораживания поселений крепостными стенами. Это означает частичное изучение валов, неукоснительно соответствующее ключевым методическим требованиям. В первую очередь это тщательность раскопок с исключительно послойной горизонтальной выборкой грунта, с инструментальной фиксацией уровней исследовательских пластов. Их толщина насчитывает не более 20 см, но порой применяются и тонкие зачистки: это позволяет обнаружить границы цветовых переходов грунтового содержания пластов. В конечном итоге эти границы должны совпасть с их аналогами в стратиграфии вертикальных профилей бровок: единство горизонтальной и вертикальной графики играет решающую роль для определения характера изучаемой конструкции. И наконец, не менее существенна кропотливая фиксация обнаруженных при выемке грунта датирующих находок, это подчеркивают все существующие методические рекомендации.

Возможности разведочных изысканий. Переходя к этому разделу, приходится начинать с парадокса. Казалось бы, укрепления для того и создавали, чтобы защитить население или его элиту от внешней опасности. На самом деле давно замечено, что окруженные валами жилые площадки подавляющего большинства городищ (малого и среднего размеров[1]) никогда плотно не были заселены. Опыт показывает, что наиболее заселенными были прилегавшие к валам внутренние периметры площадок, поэтому особого смысла в закладке шурфов в их центрах нет. И в целом насыщенность находками напластований городищ этого уровня редко достигала их концентрации, прослеживаемой на прилегавших селищах или посадах. Обнаружения на площадках богатых находками усадеб и построек в массе ожидаемо только применительно к городищам значительных и только отчасти средних городищ.

В отличие от стационарных раскопок, для установления времени появления оборонительных сооружений в разведках допустимы частичные разрезы валов траншеями размером 2 × 6 м. Это позволяет трем опытным землекопам провести подобные исследования за два-три рабочих дня. Закладка траншей осуществляется перпендикулярно оси вала, и лучше, если разрезы ориентировать по сторонам света. Это облегчает фиксацию материала, а остатки конструкций обнажаются в виде, наиболее пригодном для дальнейшего анализа. Нелишним будет напомнить, что по окончании разведочных исследований все следы нарушений внешнего вида памятников следует тщательно засыпать.

Закладка траншеи «вслепую» не всегда результативна. На это указывает пример раскопок просуществовавшей столетие небольшой крепости Сампсониев

[1] Под малыми городищами понимается подавляющее большинство укреплений, имеющих площадки размерами 0,16–0,37 га и валы высотой до 1–1,5 м. Городища среднего размера – это памятники площадью 0,7–1,0 га с валами высотой до 3 м.

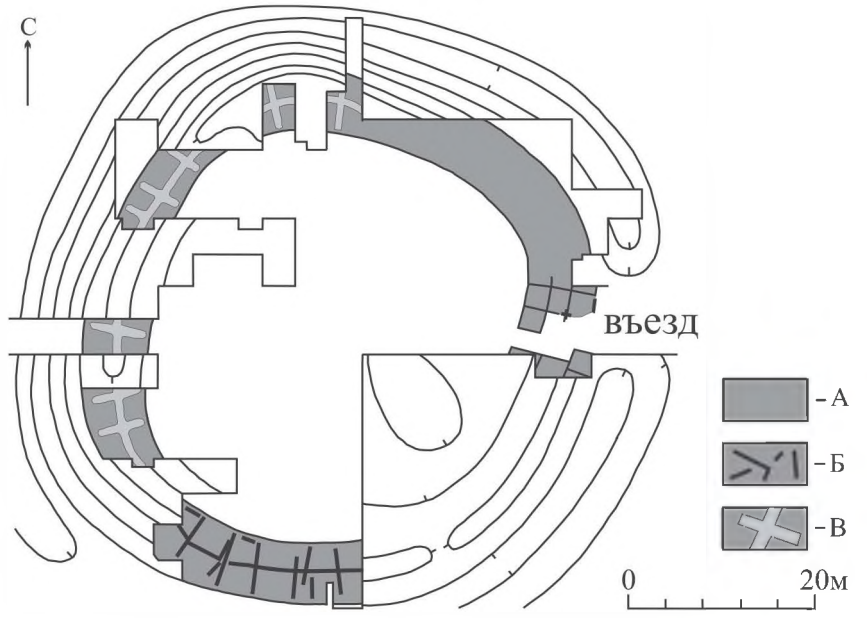

Рис. 116. Сохранность бревенчатой основы вала городища Сампсониев Остров. А – очертания валов; Б – обгоревшие бревна; В – полосы древесного тлена

Остров на Суле. Ее кольцевидный вал состоял из проницаемых для атмосферной влаги легких песчанистых грунтов. Поэтому на большей части периметра бревенчатые каркасы стен фиксировались лишь полосами древесного тлена или вовсе не прослеживались, оставляя исследователю лишь более насыщенные черноземом общие контуры руин. **Рис. 116**. Несравненно лучше прослеживалось устройство однажды горевшего въезда. А в южном сегменте крепости, обращенном к защищавшемуся ею броду, обнаружились следы трех мощных пожарищ и скорых возобновлений оборонительной системы (Моргунов, 2008, с. 88). Сходная ситуация прослежена на городище летописного г. Снепорода: в заложенной П. А. Раппопортом траншее на боковом участке вала следов пожарища не было. Отсюда следует, что предварительное изучение лучше начинать на «боевых» сторонах укреплений или поблизости от остатков въезда.

На малых городищах траншеи закладывают несколько выше середины внутренних склонов валов: это позволит затронуть остатки городней и оценить характер их наполнения. На городищах среднего уровня лучше сдвигать их несколько ниже во избежание лишней работы. В любом случае основную датирующую роль играет сопоставление материалов, лежавших ниже близкого к горизонтали основания крепостных стен, с находками из руин укреплений. Существенное значение имеет и анализ «догородищенских» напластований: это не только самостоятельный источник, он пополняет и результаты шурфовки площадки.

На случай обрушения бровок при разбивке траншеи следует с отступом в 0,5 м наружу выставить дополнительные пары реперов и тоже пронивелировать их глубину от нулевого репера. Нелишне вновь повторить, что насыпи вскрываются исключительно послойным методом с тщательной фиксацией очертаний грунтов и их пятен различной цветности.

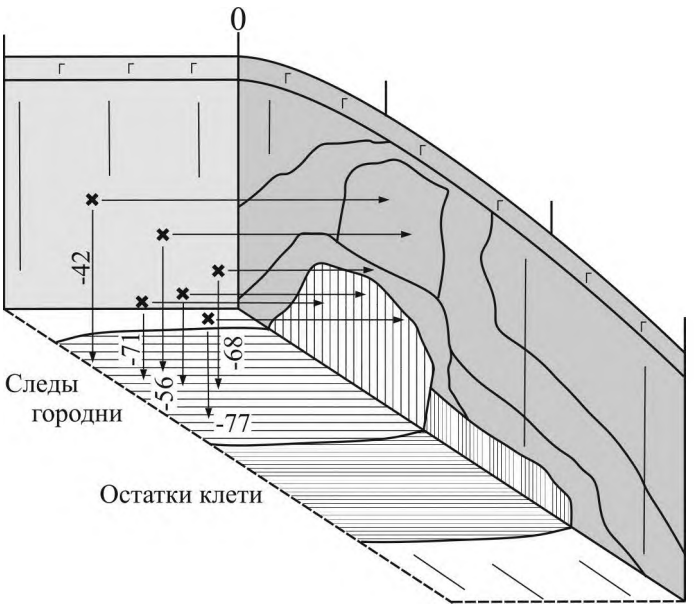

Рис. 117. Инструментальная фиксация находок внутри траншеи и их транспонирование на вертикальный профиль траншеи

Значимостью для датировки вскрытых сооружений обладают венчики гончарной посуды, а также их сочетания с находками лепной керамики предшествующих эпох. Глубина их залегания определяется нивелиром или теодолитом, а горизонтальное расположение строится в соответствии с заданной координатной сеткой. По окончании работ каждый венчик транспонируется по линиям схода на лучше сохранившийся вертикальный профиль. **Рис. 117**. При этом следует учитывать, что перемещенная в засыпку городни керамика утрачивает присущие ей датировки. Эта посуда была изготовлена порой значительно раньше: ее обломки уже отложились в предшествующих напластованиях, и только потом они вместе с грунтом стали забутовкой бревенчатой секции стены. Исходную датировку сохраняет лишь керамика из клетей, если, конечно, они были действительно жилыми: имели несколько большие размеры и сопровождались печами. В остальных случаях ведущее место занимает относительная хронология групп найденной керамики.

Так, на городище летописного города Вьяханя время строительства укреплений определяется широким промежутком между отложившейся по верху «догородищенских» напластований керамики рубежа X–XI – середины XI в. и материалом из засыпок стены второго строительного периода с венчиками первой половины XII в. **Рис. 118**. Следовательно, первоначальные укрепления могли появиться между второй половиной XI и серединой XII в. Но в верхней кромке «догородищенских» напластований обнаруживался не попавший в забутовки стен керамический материал конца XI в. Кроме того, на площадке городища была встречена сопровождавшая какой-то княжеский акт свинцовая печать Владимира Мономаха, датированная 1094–1113 гг. Подобные буллы крайне редко встречаются на открытых неукрепленных поселениях. Поэтому возникновение крепости можно смело отнести к концу XI в.

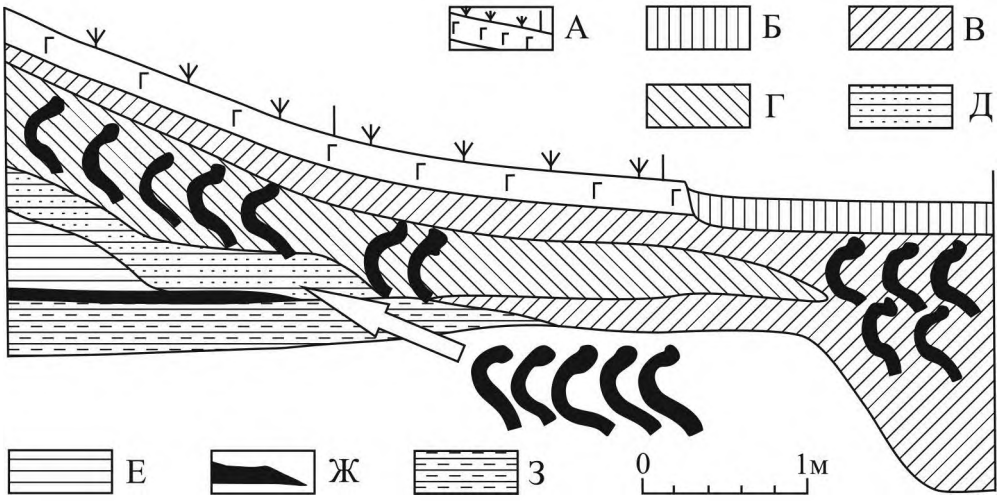

Рис. 118. Летописный г. Вьяхань. А – дерновый слой; Б – пахота; В, Г – черноземовидные напластования; Ж – углистая прослойка; Д, Е, З – засыпки городней на основе материкового суглинка с различными примесями

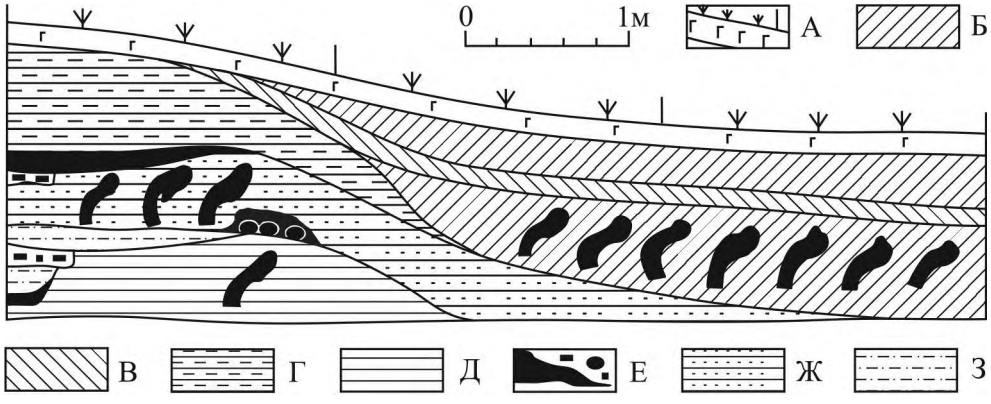

Рис. 119. Городище Чутовка. Б, В – напластования с преобладанием чернозема; Е – слои пожарищ с углем и остатками бревен городни. Остальное – осыпи руин на материковой основе

Не позже рубежа XI–XII вв. возникла небольшая крепость Чутовка на р. Суле: в материковую засыпку ее первоначальной городни был перенесен один венчик сосуда второй половины – конца XI в., а при следующей реконструкции в засыпку городни попал и венчик начала XI в. **Рис. 119**. Таким образом, профиль траншеи с перенесенными в его прослойки венчиками становятся основным источником для датировки возникновения крепости. В случае недостаточного

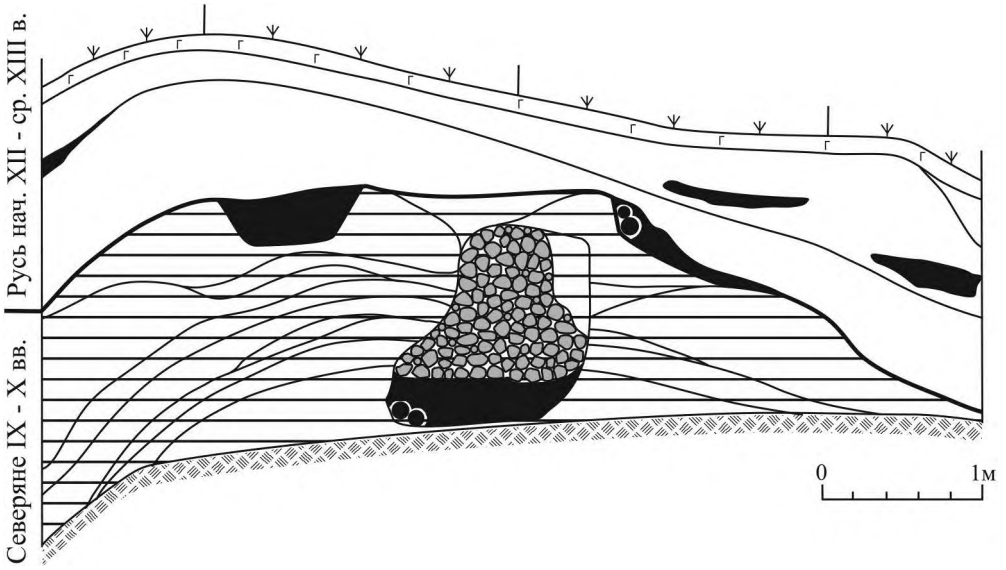

Рис. 120. Городище Гаевщина: установка древнерусских городней поверх руин укреплений городища роменской культуры. Заштрихованы остатки северянских укреплений

количества датирующего материала на перспективных участках допустимо и небольшое расширение разведочной траншеи прирезками размерами, скажем, 1 × 1 или 1 × 2 м.

Порой уточнить периодизацию помогают стратиграфические наблюдения. Так, в валу городища Гаевщина содержались следы укреплений позднероменской культуры и древнерусского времени. **Рис. 120**. Первоначальным укрытием являлась скрепленная глинистым раствором стена высотой 1,2 м, сложенная из желваков базальтового конгломерата на карбонатном цементе (вулканогенная осадочная порода, часто встречаемая на моренах). Эта стена была перекрыта руинами последующего древо-земляного роменского укрепления неясной структуры. Все наслоения этой хронологической фазы не содержали находок: укрепления строили на необжитом или недостаточно обжитом месте. Не исключается и вариант, что по традиции грунт переносили из окрестностей морены. В первой половине XII в. в гребне уплотнившегося от времени вала были сделаны выемки для установки одного ряда городней со следами пожарища и двумя обгоревшими нижними венцами срубов. Осыпь новых укреплений содержала лепную керамику роменской культуры и немного гончарной рубежа XI–XII вв. Следовательно, сначала в окрестностях роменского городища возникло открытое древнерусское поселение, а в начале XII в. внешние условия заставили вновь укреплять удобный останец.

В отдельных случаях достаточно красноречивым может быть профиль зачистки, вовсе не имеющей керамической поддержки. На городище Заречное-2 на р. Ворскле известны материалы роменского и в меньшей степени древнерусского периодов. Зачисткой № 3 обнаружилась врезанная в суглинисто-материковый

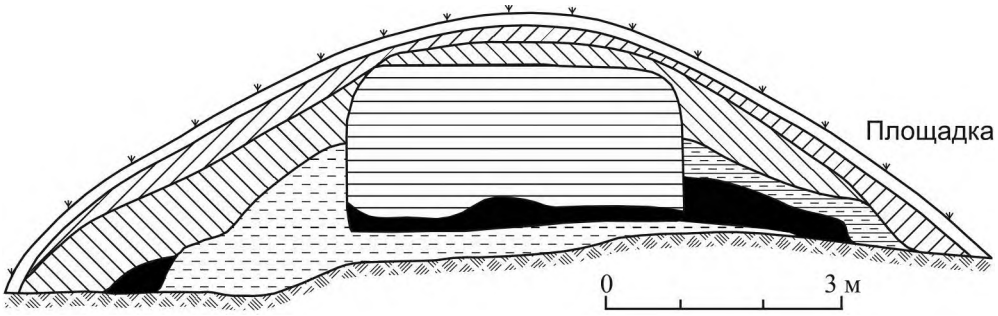

Рис. 121. Зачистка № 3 вала городища Заречное-2 (по Ю. М. Бересту и Е. Н. Осадчему). Пример врезки древнерусской стены в вал роменского времени

вал более поздняя конструкция (Берест, Осадчий, 2001, с. 104; рис. 6: *В*). **Рис. 121**. Известно, что в позднероменское время срубные укрепления начали применять, но эта стена создавалась в рамках широко распространенного древнерусского двухсрубного стандарта. Таким образом, даже разведочные работы небольшого объема позволили определить существование двух периодов существования оборонительного комплекса.

Новым разведочным методом является широкий сбор подъемного материала на распахиваемой поверхности прилегающего к городищу селища. Он несравненно эффективнее обычного вида подобных исследований. Основой метода является то наблюдение, что распашка переворачивает керамику, но далеко ее не разносит. Поэтому инструментальная фиксация больших серий подъемного материала, перенесенных на план поселения, позволяет определить площади отложений хронологически отличимых керамических групп. Другими словами, это фиксация масштаба и хронологии расширения размеров поселения на разных отрезках его существования. Она особенно эффективна на поселениях на полях с периодически изменявшимся севооборотом, поскольку выращивание различных культур требует распашки поля на разные глубины.

Подобные исследования можно разделить на несколько циклов, периодически возвращаясь на день-два для их продолжения. Для этого по краям поселения и вне зоны распашки устанавливают постоянные и прочно увязанные с ориентирами и между собой реперы для нивелира или теодолита. Сборами материала могут одновременно заниматься несколько помощников, наделенных бумагой для упаковки и записи номеров находок, – их называет руководитель, фиксирующий азимут и расстояние от репера до находок. При отдалении ареала поисков от прибора или в следующий заезд нивелир переносится на другой репер, а окончательная обработка полученных материалов производится в камеральных условиях.

В свое время этот метод отрабатывался на многих памятниках, но эталонным объектом стал упоминавшийся выше поселенческий комплекс Чутовка. Он интересен тем, что примыкавшее к маленькому городищу поселение отличалось высокой насыщенностью подъемного материала. Кроме того, на пахоте прослеживаются аномальные следы двух распаханных посадских валов, ограничивающих поселения размерами 1,5 и 24 га; они хорошо видны на аэро- и спутниковой

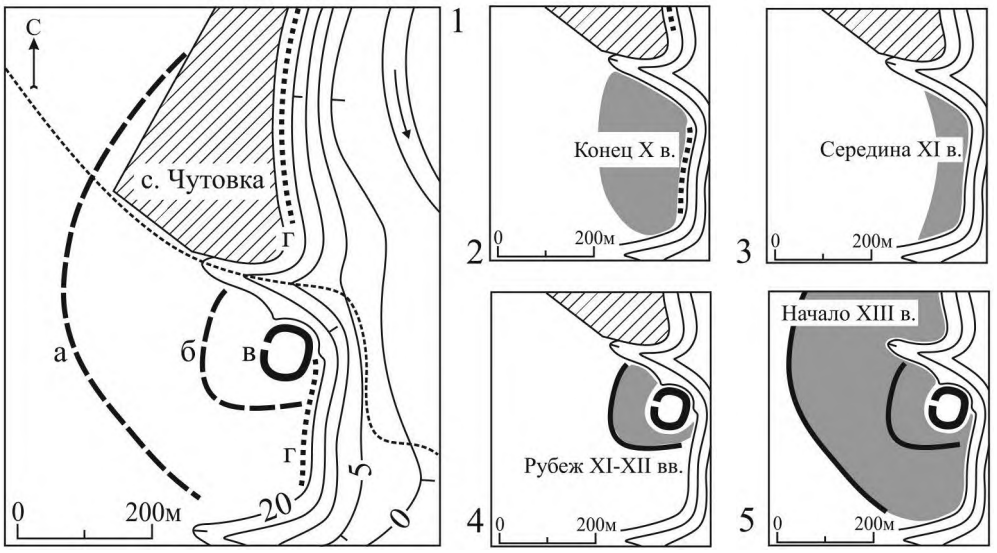

Рис. 122. Стадии заселения археологического комплекса Чутовка по подъемному материалу.
1 – объекты памятника
(а – остатки укреплений внешнего посада;
б – очертания укреплений внутреннего посада;
в – городище; г – линия Змиева вала);
2 – обширное поселение конца X в.; 3 – сокращение поселения в середине XI в.;
4 – возникновение форпоста с укрепленным посадом на рубеже XI–XII вв.;
5 – расширение открытого поселения и создание в начале XIII в. укреплений внешнего посада

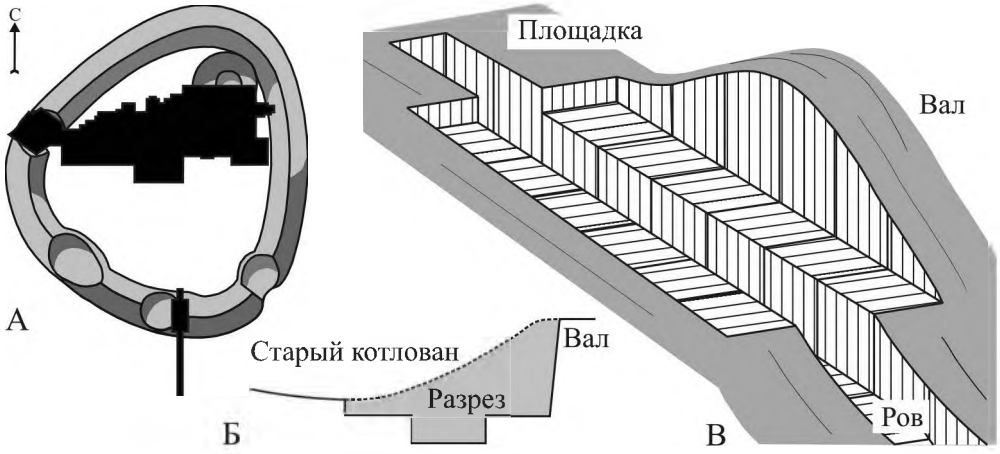

Рис. 123. Летописный г. Снепород. Выбор места для разреза вала.
А – схема раскопов на городище; Б – расположение разреза на склоне нарушения вала;
В – аксонометрия разреза: вид с юга

съемках. **Рис. 122**. Ранний массив керамики уложился очертаниями сопровождавшего Змиев вал и контролировавшего твердый брод раннего открытого поселения площадью 5 га[2]. К середине XI в. площадь отложения керамики сильно сократилась: заселение сконцентрировалось узкой полосой вдоль края образованного оврагами мыса. В этот относительно безопасный период приток на Левобережье владимировых «мужей лучших» прекратился, а оставшиеся колонисты осваивали более удобные для проживания урочища: синхронные поселки появились у подножия мыса и на пойменных всхолмлениях.

На рубеже XI–XII вв. на мысу была построена крепость со столь же небольшим укрепленным посадом. Разраставшееся селище к середине XII в. достигло размеров раннего открытого поселения и начало превышать его за счет расширения жилой зоны к северу от оврага. Оно продолжало увеличиваться и к началу XIII в. было обнесено внешней линией укреплений (Моргунов, 2009, с. 216–218, рис. 100). Таким образом, исследовательские объемы разведки, состоявшей из частичного разреза вала и сборов подъемного материала, сложились в обоснованную картину хронологии существования комплекса. Правда, на сборы и фиксацию керамики потребовалось еще два кратких заезда, но они делались во время установки полевого лагеря для раскопок другого памятника.

Стационарные исследования не в пример более информативны, хотя и требуют более значительных усилий. Закладка поперечной траншеи осуществляется по аналогии с требованиями, предъявляемыми к разведочным разрезам валов, но вал вскрывается полностью. Среди исключений существенное место занимает ширина траншеи, которая должна способствовать полному вскрытию хотя бы одной двухсрубной секции стены, т.е. не менее 4 м, что не исключает и создания прирезки. Но и этот участок должен послойно вскрываться с самого верха с полным набором требований к фиксации горизонтальной и вертикальной графики и, конечно, их сопровождения найденными артефактами. Кроме того, траншея должна как можно дальше заходить на площадку городища, где ее можно развернуть в обширный раскоп для сравнения с близлежащими жилыми и хозяйственными объектами.

В качестве незавершенного примера можно привести былые раскопки городища Новгорода-Северского, где в разрезе вала были прослежены два протяженных глинисто-древесных шлейфа, оставшихся от двух реконструкций укреплений. Заключенные между ними мощные напластования, датирующиеся практически всей протяженностью XI века, представляли собой закрытый комплекс. А. В. Куза собирался в следующем сезоне расширить этот участок для уточнения хронологии керамики этого до сих пор загадочного периода. Но не успел, а его научных наследников интересовала иная проблематика. В свою очередь, на площадке среднего по величине Липинского городища на р. Сейм за пределы вала почти на 20 м выходила сужавшаяся полоса древесного тлена от строительного мусора. На площадке она достоверно разделила напластования роменского и древнерусского периодов и показала, что на последнем этапе укрепления использовались лишь как нежилое убежище.

И наконец, противоположный конец траншеи непременно должен пересекать ров, хотя на этом участке допустимо и сужение траншеи. Это позволяет не

[2] О появлении на Левобережье Среднего Днепра подобных поселков конца X в. ранее не было известно: возможность их обнаружить в убедительных количествах предоставил только этот метод.

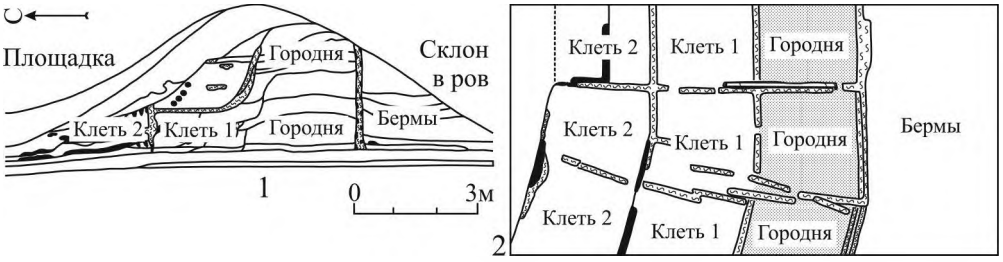

Рис. 124. Разрез вала Снепорода.
1 – схема профиля вала; 2 – план на уровне третьего строительного периода

только определить фазы расширения или углубления этой выемки, но и выявить сброшенные или затекшие туда остатки датированных находками стеновых засыпок. А затем сочетание элементов стратиграфии вала и рва неизбежно приведет к существенному уточнению общей картины существования и усложнения всей защитной системы.

Примером остатков двухсрубной стены могут служить следы ее слагающих в разрезе вала летописного г. Снепорода на Суле, вероятно, созданного около 70-х годов XI в.

Во избежание излишней порчи вала раскоп для его изучения размерами 12 × 6 м был заложен на склоне старого нарушения. **Рис. 123**. Работы проводились в три этапа: сначала насыпь послойно снималась до уровня погребенной почвы. Затем через середину раскопа была заложена траншея шириной 2 м, продленная на площадку и через ров. На последнем этапе вертикаль разреза вала была подрезана до 80° и подверглась консервации поликомплексом, не меняющим естественной окраски грунта. Благодаря этому разрез демонстрировал свою стратиграфию на протяжении более десяти лет.

Судя по профилю вертикальной бровки, под внешним склоном вала скрывалась изначально ровная полоса бермы, препятствовавшая подвижке конструкции в направлении рва. **Рис. 124**. В процессе каждого обновления стен («строительного периода») на нее сбрасывали часть отслуживших и более сыпучих субструкций и выравнивали их до горизонтали. Таким образом, каждое обновление укреплений приводило к повышению уровня бермы.

А поскольку после определенного уровня ров перестали углублять, защитный эффект достигался за счет как повышений уровней берм, так и увеличением высоты стены. При зачистке берм близ основания городней обнаруживали полосы скоплений чешуйчатых известковых частичек – следов многочисленных противопожарных побелок внешних фасов стен. Схожая картина наблюдалась и на городище Сампсониев Остров на Суле. Существенно, что у исследователя-историка, писавшего о традиции обмазки городских сооружений беленой глиной, вполне реальные примеры связаны с домостроительством. На этом фоне хорошо изученных археологических фактов обмазки крепостных стен нет, другие имеют скорее обобщенный характер. В целом же в работе больше внимания уделено эстетическому взгляду на города (Логвин, 1987, с. 163–168.). Таким образом, теоретически стены древнерусских городов всё же могли обмазывать глиной, но если и делали это, то мне незнакомы реальные и качественные при-

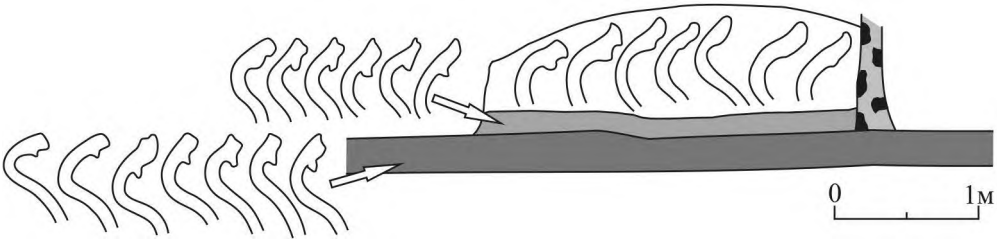

Рис. 125. Снепород: остатки первоначальной стены и образцы керамики ее сопровождения

меры этого. Побелка же имела тот же смысл: «всем миром» ее могли повторять после каждого ливня.

Городни на прямолинейных участках стен имели в плане прямоугольные очертания, а на изгибах обретали контуры трапеций. Несмотря на серию перестроек, внешний фас городней вплоть до гребня сохранял вертикаль, обозначенную древесным тленом и углями. В процессе всех реконструкций в забутовках городней также прослеживались слабые известковые разводы: это свидетельство уплотнения засыпанного в них грунта в увлажненном состоянии. Изначально в засыпках преобладал материковый суглинок. Около середины XII в. появились и засыпки из более рыхлых пород, отличающихся темной цветностью и обилием керамики, в том числе и принадлежавшей ранним эпохам существования поселения. Это свидетельство переноса в засыпки культурных напластований площадки: вероятно, подъем материкового грунта изо рва стал слишком трудоемким. Одиночные слои засыпок с визуально определимыми очертаниями или их группы, объединенные аналогичной керамикой, являются следами самостоятельных строительных периодов. Со стороны площадки городни каждого вышележащего цикла с заметным отступом внутрь опирались на плотное ядро предшествующей забутовки. Это приводило к постепенному уменьшению толщины более поздней стены (Кучера, 1999, с. 80–82).

Первоначальная стена Снепорода состояла из одного ряда взаимосвязанных городней. Их нижний, довольно тонкий слой заполнения – рыхлый и значительно более темный. В свое время П. А. Раппопортом было показано, что цветность ему придавала примесь дерна и предшествующих напластований: они попали туда вместе с покровным грунтом рва. Действительно, их материалы синхронны. **Рис. 125**. При расчистке одной из городней было сделано наблюдение о древней методике ее заполнения. Сначала сруб был разделен на неравные части врубленной в противоположные венцы и лежащей на ребре широкой плахой. Поверх нее возвышалось наслоение из разнородных слоистых субструкций. В одних прослойках преобладала керамика поздней бронзы, в других содержались измельченные обломки лепной посуды летописных северян. А одна содержала множество фрагментов позднескифской керамики, сложившейся в верхнюю половину горшка. Очевидно, это следы переноса грунта из разных участков предшествующего культурного слоя. Индивидуальная разборка этих слоев показала, что объем каждой из таких «порций» насчитывал от одного до полутора современных 8-литровых ведер (Моргунов, 2012, с. 68, 69). **Рис. 126**.

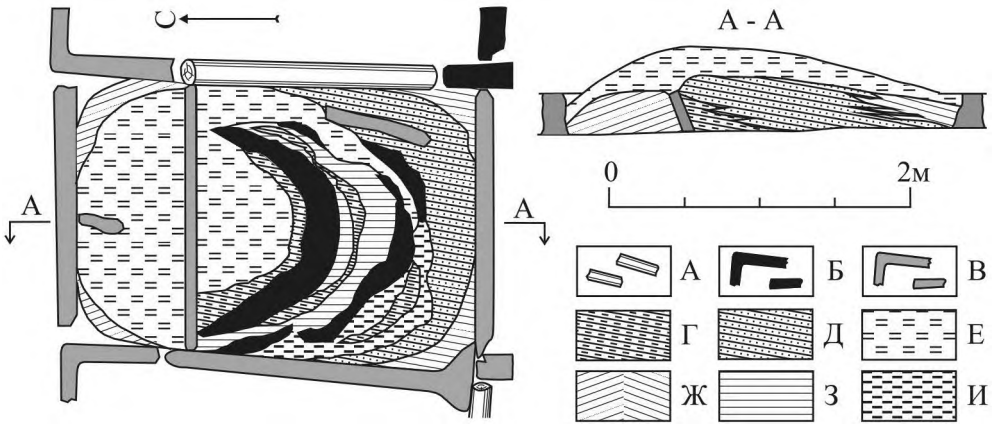

Рис. 126. Расчистка забутовки одной из городней первоначальной стены (объект «купол»).
А – остатки бревен; Б – обугленное дерево;
В – древесный тлен; Г, Д – слоистые суглинистые засыпки;
Е – обожженная глина;
Ж, З – слои материкового суглинка;
И – светло-коричневый суглинок

В процессе реконструкции на рубеже XI–XII вв. была создана двухсрубная стена: к внешней линии городней была прирублена цепочка полых клетей 1, стены которых имели столбовую конструкцию, типичную для техники выведенных из степей недавних кочевников. **Рис. 98: *1*, 127**. Похоже, что изначально бревна этих частоколов вбивали в грунт, но позже начали вкапывать. Около середины XII в. линию клетей 1 засыпали и разровняли: со стороны площадки к ним была пристроена клеть 2. **Рис. 98: *2***. При анализе керамики из сопровождения клетей обращает внимание ее значительное количество. Это создает обманчивое впечатление о жилом характере клетей: их размеры слишком невелики, не было там и печей.

На заключительном этапе существования крепости устройство укреплений было упрощено до одного ряда городней. **Рис. 128.** В середине XIII в. захватчики не осаждали крепость: защитники ее покинули, и руины со временем обветшавших укреплений перекрыли клеть 2. В дальнейшем городище не заселялось, чем и объясняется его блестящая сохранность (Моргунов, 2012, с. 66–77).

Естественно, столь полную картину удается проследить далеко не всегда, чаще наблюдается ее урезанный вид. Аналогией Снепорода по мощности и сохранности остатков является городище разрушенного в 1240 г. летописного г. Колодяжина на р. Случь. В профиле разреза вала также прослеживалось множество прослоек разной мощности, но публикаторов более интересовали остатки на тот период плохо изученных внутренних клетей. В результате нам остается довольствоваться неполной картиной характера укреплений (Юра, 1962, с. 60, 61). **Рис. 129**.

Это только предварительные наметки о некоторых новых методических наблюдениях. Несомненно, они нуждаются в дальнейшем углублении на более широком материале.

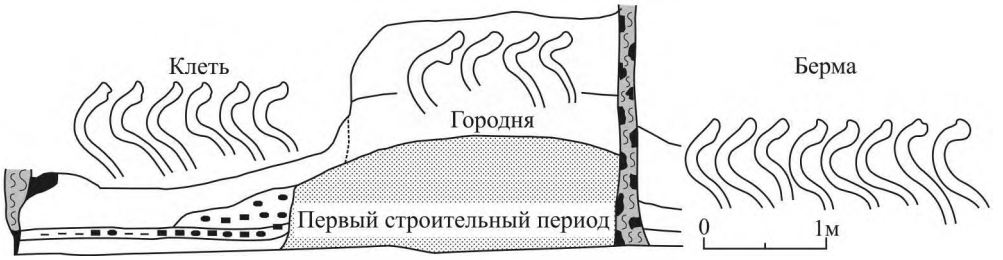

Рис. 127. Следы укреплений и керамические материалы второго строительного периода – первой реконструкции крепостной стены

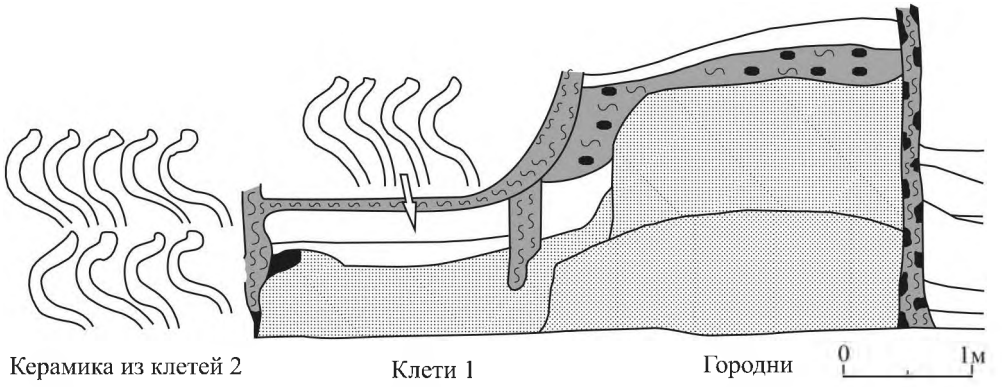

Рис. 128. Второе возобновление стены (третий строительный период) и керамика из заполнения клети и прилегающих к укреплению напластований площадки

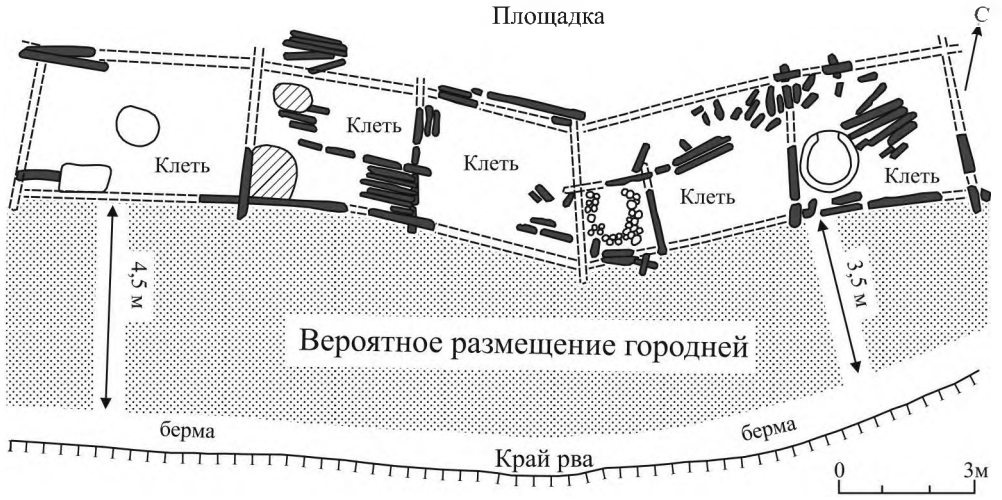

Рис. 129. Фрагмент остатков укреплений летописного г. Колодяжина (по Р. А. Юре)

Источники и литература

Опубликованные источники

Алеппский П., 1897. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / пер. с арабского Г. Муркоса. Вып. 2. М. 202 с.

Атлас Украинской и Молдавской ССР / под ред. В. Г. Бондарчук. М.: ГУГК, 1962. 90 с.

АЮЗР, 1886. Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов. Ч. VII, т. 1: Акты о заселении Юго-Западной России. Киев. 402 с.

Бибиков М. В., 1981. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) / отв. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1981. 151 с. (ДГ 1980).

Бибиков М. В., 2001. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб.: Алетейя. 315 с.

Большой советский Атлас мира. Т. 1. М.: ГУГК, 1939. С. 123, 124. [Карта растительности Европейской части Союза ССР. М 1 : 7 500 000].

Боплан, 1990. Гільом Левассер де Боплан. Опис Україні / под ред. В. А. Смолия. Київ: Наукова думка. 252 с.

Боплан, карта 1650 г. Delineatio specialis et accurata Ukrainae. Cum suis Palatinatibus ac Distictibq, Provincycq adiacentibus. Руан, 1660. URL: http://www.etoretro.ru/pic48587.htm (дата обращения: 10.08.2017).

Военно-топографические карты Российской империи / под рук. Ф. Ф. Шуберта и П. А. Тучкова. Масштаб 3 версты в дюйме. СПб., 1846–1863 гг.

Галл Аноним, 1961. Хроника и деяния князей или правителей польских / отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Изд-во АН СССР. 172 с.

Гильом де Рубрук, 1957. Путешествие в восточные страны / под ред. Н. П. Шастиной. М.: ГИЗ географической литературы. С. 87–195.

Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е. А., 1999. Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос. С. 408–557.

Государственная почвенная карта СССР / под ред. Л. И. Прасолова, И. П. Герасимова. М 1: 500 000. М., 1954.

Грамота Сигизмунда Августа, 1868 // Грамоты великих князей Литовских с 1390 по 1569 г. Киев.

Джаксон Т. Н., 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.) // Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы. М.: Ладомир. 296 с.

Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: Наука, 1999. (Литературные памятники).

Житие Феодосия Печерского, 1971. Успенский сборник, XII–XIII вв. / отв. ред. С. И. Котков. М.: Наука. 752 с.

Зотов Н., 1850. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бакчисарайского договора. Одесса. 284 с.

Зуев В., 1787. Путешественные записки Василья Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб.

Иаков, 1997. Память и похвала князю Русскому Владимиру Иакова Мниха // БЛДР. Т. 1: XI–XII века / под ред. Д. С. Лихачева. СПб.: Наука, 1997. 543 с.

Ибн-Фадлан, 1939. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент. А. П. Ковалевского; под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 228 с.

Илларион, 1997. Слово о законе и благодати митрополита Илариона // БЛДР. Т. 1: XI–XII века / под ред. Д. С. Лихачева. СПб.: Наука. 543 с.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. / под ред. А. А. Шахматова. М.: Языки славянской культуры, 2001. 938 с.

Історичний та географічний опис Київського намісництва 1787 р. // Описи Київського намісництва 70–80 років XVIII ст. / отв. ред. Н. С. Сохань. Київ: Наукова думка, 1989. 392 с.

Карта почв Украинской ССР / под ред. Н. К. Крупского. М.: ГУГК, 1973.

Каталог выставки XII АС в Харькове, 1902. Отдел исторических древностей / сост. Е. К. Редин. Харьков: Тип.-литогр. М. Зильберберга. 913 с.

Коллекция древностей из музея Е. Н. Скаржинской (г. Лубны Полтавской губ.). Зала 8. Печатается по постановлению Имп. московского исторического общества. М., б. г.

Книга Большому чертежу / отв. ред. К. Н. Сербина. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 230 с.

Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей: текст, перевод, комментарии / под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М.: Наука. 496 с.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку / под ред. Е. Ф. Карского М.: Языки славянской культуры. 2001. 496 с.

Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. 345 с. (ПСРЛ; т. 7).

Літопис руський, 1989. За Іпатським списком переклав Л. Є. Махновець / отв. ред. О. В. Мишанич. Київ: Дніпро, 1989. 591 с.

Московский летописный свод конца XV в. / под ред. М. Н. Тихомирова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 463 с. (ПСРЛ; т. 25).

Назаренко А. В., 1993. Титмар Мерзебургский. Хроника // Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков // Древнейшие источники по истории Восточной Европы / под ред. В. Л. Янина и др. М.: Наука. С. 131–206.

Назаренко А. В., 2003. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос. С. 259–407.

Николайчик Ф. Д., 1900. Материалы по истории землевладения князей Вишневецких на Левобережье Украины // ЧОНЛ. Кн. XIV. С. 84–192.

Никоновская летопись. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 9. СПб.: Издание Археографической комиссии, 1862. 256 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с. (ПСРЛ; т. 3).

Описание Остерского замка 1652 г. // АЮЗР. Ч. 7, т. 1. Киев, 1886. С. 592–597.

Письмо Бруно Кверфуртского к королю Генриху II, 1989 // Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия, IX – первая половина XII в. / сост. и пер. М. Б. Свердлова. М.; Л.: Ин-т истории СССР. 204 с.

Поло М., 2006. Книга о разнообразии мира / пер. И. М. Минаева. М.: Эксмо. 145 с.

Рапов О. М., Ткаченко Н. Г., 1980. Русские известия Титмара Мерзебургского // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 3. С. 57–67.

Рашид-ад-Дин, 1960. Сборник летописей / под ред. И. П. Петрушевского; пер. Ю. П. Верховского. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 252 с.

Рубрук Г., 1957. Путешествие в восточные страны в лето Благости 1253 / пер. А. И. Малеина; под ред. Н. П. Шастиной. М.: Гос. изд-во географич. лит-ры. 272 с.

Рыдзевская Е. А., 1978. Сага об Эймунде // ДГ 1978: Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. / отв. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука. С. 90–104.

Сказание, 1997. Сказание и страдание, и похвала мученикам святым Борису и Глебу // БЛДР. Т. 1: XI–XII вв. СПб. С. 329–351.

Соболевский А. И., 1888. Памятники древнерусской литературы, посвященные Владимиру св. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 2; отд. 2. Киев.

Список русских городов дальних и ближних, 2000 // ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.: Языки славянской культуры. С. 475–477.

Срезневский И. И., 1860. Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. СПб. 147 с.

Татищев В. Н. История Российская // Собрание сочинений. Т. 2–3, 4. М.: Ладомир, 1995. Т. 2–3. 334 с.; Т. 4. 556 с.

Урочные положения на все вообще работы, производящиеся в крепостях, гражданских зданиях и технических сооружениях. СПб.: Тип. Департамента военных поселений, 1839. 413 с.

Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. 752 с.

Устав Ярослава // Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XIII вв. / сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1952. С. 257–282.

Устав Ярослава // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. Л. В. Черегшин. М.: Наука, 1976. С. 85–139.

Цезарь, 1948. Гальская война // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о гальской войне, о гражданской войне, об африканской войне. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 559 с.

Чтения, 1916. Чтения о святых мучениках Борисе и Глебе // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / подг. к печати Д. И. Абрамович. Пг. (Памятники древнерусской литературы; вып. 2).

Rizzi Zannoni, 1772. Carte de la Pologne. P. 16 (Karta Granic Polski v Russyi) // ЦНБ Украины. Рукописный отдел. № С-3707.

Научная литература

Александрович А., 1881. Остерский уезд. Историческое описание. Ч. 1. Киев. 109 с.

Алешковский М. Х., 1971. Повесть временных лет: судьба литературного произведения в Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Наука. 134 с.

Андріяшев О., 1926. Нарис історії колонізації Київської землі до кінця XV віку // Київ та його околиці в історії і пам'ятках. Київ: Держ. вид. України. С. 33–79.

Андріяшев О., 1931. Нарис історії колонізації Переяславської землі до початку XVI ст. // Записки історико-філологічного відділу ВУАН. Кн. 26. Київ. С. 1–29.

Антонович В., 1884. Змиевы валы в пределах Киевской земли // КС. № 3. С. 253–270.

Аристов Н., 1877. О земле половецкой. Киев. 26 с.

Армарчук Е. А., 2006. «Половецкие серьги» // Средневековая археология евразийских степей: сб. ст. к юбилею проф. С. А. Плетнёвой. М.; Йошкар-Ола: Федеральное агентство по образованию; МарГУ. С. 201–216. (Материалы и исследования по археологии Поволжья; вып. 3).

Артамонов М. И., 1962. История хазар / под ред. Л. Н. Гумилева. Л.: Изд-во Гос. Эмитажа. 523 с.

Артамонов Ю. А., 2003. Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения // ДГ 2000: Проблемы источниковедения. М.: Вост. лит. С. 173–278.

Артюшенко М. М., Берест Ю. М., Приймак В. В., Осадчий Є. М., 2003. Святилище на Кукуєвому городищі біля с. Зарічне // Арх. та іст. північно-східного Лівобережжя: зб. наук. праць. Суми: Изд-во СДПУ. С. 38–45.

Арутюнова В. А., 1972. К вопросу о взаимоотношениях Византии с печенегами и половцами во время норманнской кампании // ВВ. Т. 33. С. 115–119.

Археологическая летопись Южной России. 1899. № 12. Киев.

Археология. Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука, 1997. 367 с.

Археология Украинской ССР. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды / отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1986. 575 с.

Архипова Е., 2008. Церковные осветительные приборы XI–XIII вв. из Переяслава Южного // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький. С. 244–257.

Арцыбашев Н. С., 1838. Повествование о России. Т. I, кн. I. М. 467 с.

Асеев Ю. С., Козін О. К., Сікорський М. І., Юра Р. О., 1962. Дослідження кам'яної споруди XI ст. в Переяславі-Хмельницькому // Вісник Академії будівництва і архітектури УРСР. № 4. С. 57–60.

Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. О., 1967. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком // СА. № 1. С. 199–214.

Афанасьев Г. Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.: Наука. 198 с.

Ахтырцев Б. П., 1968. Лесные почвы среднерусской лесостепи: автореферат дис. ... докт. биол. наук. Воронеж.

Ахтырцев Б. П., Щетинина А. С., 1969. Изменение серых лесных почв среднерусской лесостепи в процессе сельскохозяйственного освоения. Саранск. 164 с.

Байбурин А. К., 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука. 188 с.

Багалей Д. И., 1882. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев. 311 с.

Барсов Н. П., 1865. Материалы для историко-географического словаря России: географический словарь Русской земли. Вильна.

Барсов Н., 1873. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторевой) летописи. 1-е изд. Варшава. 178 с.

Барсов Н. П., 1885. Очерки русской исторической географии. География начальной (Несторевой) летописи. 2-е изд. Варшава. 371 с.

Башилов В. А., Куза А. В., 1977. Стратиграфические исследования на Большом Горнальском городище // КСИА. Вып. 150. С. 17–22.

Белецкий-Носенко А., 1898. «Змеевый вал» в Черниговской губ. // КС. Вып. 3. С. 95–97.

Беляев И. Д., 1852. О географических сведениях в древней России. СПб.: Изд-во РГО. С. 266.

Бенешевич В. Н., 1920. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2, вып. 1. Пг. 746 с.

Бережинский В. Г., Бороздина А. К., 2008. Военная организация печенегов (VII–XIII вв.) / отв. ред. М. Г. Ивануц. Киев: Украинский ин-т военной истории. 142 с.

Бережков Н. Г., 1963. Хронология русского летописания / отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.: Изд-во АН СССР. 374 с.

Березовец Д. Т., 1953. Археологические памятники летописных северян // КСИА АН УССР. Вып. 2. С. 25–27.

Березовець Д. Т., 1975. Лівобережжя Дніпра. Пам'ятки волицівського та роменського типу // Археологія Української РСР. Т. 3. Київ: Наукова думка.

Берест Ю. М., 2002. Історія вивчення пам'яток роменсько-давньо-руського часу у середній течії р. Ворскла // АЛЛУ. Ч. 1. С. 104–108.

Берест Ю. М., 2003. Роменські городища середньої течії р. Ворскла // Археологія та історія північно-східного Лівобережжя. Суми. С. 83–88.

Берест Ю. М., Осадчий О. М., 2001. Нові дані про дослідження Шпилівського та Заріченського археологічних комплексів // АЛЛУ. № 1. С. 103–106.

Бибиков М. В., 2005. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (19). С. 5–15.

Блажевич Н. В., 1989. Дніпровські броди XI–XIII ст. // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ: Наукова думка.

Блажевич Н. В., 1990. Святополч, Ходоров, Иван – сравнительный характер эволюции раннесредневековых городов // ТИАС «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» Чернигов. С. 31–33.

Бовкун І. В., Суховська І. В., 1991. Давньоруське городище в Нових Санжарах // Пам'ятки археології Полтавщини: зб. наук. ст. Полтава. С. 89–93.

Богданов А. П., 1880. Курганные жители северянской земли по раскопкам в Черниговской губ. // ИОЛЕАЭ. Т. XXXV. М.

Богданович А. В., 1877. Сборник сведений о Полтавской губернии. Полтава. 283 с.

Богусевич В. А., 1961. Споруда XI ст. у дворі київського митрополита // Археологія. Т. 13. С. 105–113.

Богусевич В. А., 1962. Остерский городок // КСИА. 1962. Вып. 12. С. 37–42.

Богушевский С. К., 1892. Переяславский уезд // Материалы к оценке земель Полтавской губ.: естественно-историческая часть: отчет Полтавскому губернскому земству. Вып. 13. СПб. 123 с.

Борисенков Е. П., Пасецкий В. М., 1983. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVIII вв. Л.: Гидрометиздат. 239 с.

Борисов А. В., 2014. Городище біля села Пекарі в урочищі Заводище // Міста Давньої Русі: зб. наук. праць пам'яті А. В. Кузи. Київ: Стародавній Світ. С. 460–468.

Боровков Д. А., 2016. Междукняжеские отношения на Руси конца X – первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. СПб.: Алетейя. 232 с.

Бородин Г. В., 2004. Работы курского разведочного отряда // АО-2003. М. С. 102.

Бородин Г. В., Моргунов Ю. Ю., 2003. К вопросу о переяславско-черниговском пограничье с кочевой степью в конце XI – середине XIII вв. // Археологія та історія Північно-східного Лівобережжя (I – початок II тис.): зб. наук. праць. Глухів, 2003. С. 75–93.

Бочкарев К. П., 1901. Очерки лубенской старины. Вып. 1. М.: Тип. А. А. Левенсон. 39 с.

Бошкович Д., 1974. Несколько слов об общей системе средневековых крепостей на Руси // Культура средневековой Руси / отв. ред. А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт. М.: Наука. С. 110, 111.

Брахнов В. М., 1957. Про місцеві назви Переяслав-Хмельницького району на Київщині // Мовознавство. Т. XIV. Київ. С. 40–51.

Бузян Г. М., Колибенко О. В., 1993. Дослідження Д. Я. Самоквасовим могильників Переяслава Руського // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченнного 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова. Чернігів. С. 54, 55.

Бузян Г. М., Роздобудько М. В., Тетеря Д. А., Товкайло М. Т., 2001. Матеріали X ст. з території посаду Переяславля Руського // АЛЛУ. Вып. 2. С. 57–60.

Бузян Г., Тетеря Д., 2012. Нові знахідки ставграфічних старожитностей давньоруського часу на території центральної Переяславщини // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 31. Переяслав-Хмельницький. С. 57–62.

Булкин В. А., Лебедев Г. С., 1974. Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л.: Наука. С. 11–18.

Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков / под ред. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ. 150 с.

Вампилова Л. Б., 2008. Региональный историко-географический анализ. Система методов исследования в исторической географии. Кн. 2. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. 148 с.

Васильевский В. Г., 1872. Византия и печенеги // ЖМНП. 1872. Ч. 164, отд 2. С. 116–165, 243–332.

Ведюшкина И. В., 1995. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // ДГ 1992–1993 / отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука. С. 101–116.

Веремейчик О. М., 2003. Лівобережне Полісся // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель) / отв. ред. О. П. Моця. Київ: Шлях. С. 26–46.

Веремейчик Е., 2008. Пирофиллитовые пряслица из сельских поселений черниговского Полесья // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький. С. 339–375.

Веретюшкин Р. С., 2005. Керамика средневекового Рыльска золотоордынской эпохи // РА. № 4. С. 159–167.

Вернандер Н. Б., Годлин М. М., Самбур Г. Н, Скорина С. А., 1951. Почвы УССР / под ред. М. М. Годлина. Киев; Харьков: Госиздатсельхозлит. 322 с.

Винников А. З., 1990. Городище Холки – крепость на юго-востоке Древней Руси // ТИАС «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Чернигов. С. 24–27.

Винников А. З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж: Изд-во ВГУ. 168 с.

Винников А. З., Кудрявцева Е. Ю., 1998 а. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Вопросы истории славян. Археология. Этнография: сб. науч. тр. Вып 12. Воронеж. С. 50–71.

Винников А. З., Кудрявцева Е. Ю., 1998 б. Древнерусское Животинное городище // Вопросы истории славян. Археология. Этнография: сб. науч. тр. Вып. 12. Воронеж. С. 80–83.

Вітрик І. С., 1991. Городища нижньої течії р. Сули // Археологія. № 1. С. 91–95.

Висоцький С. О., 1966. Графіті та спорудження київської Софії // УІЖ. № 7. С. 103–106.

Вовкодав С. М., 2015. Історія дослідження «змійових» валів Переяславщини // Український історичний збірник. Вип. 18. С. 354–367.

Вовкодав С. М., 2016. До проблеми пошуку знівельованих сегментів «змійових» валів Переяславщини // Краєзнавство Переяславщини: дослідження, проблеми, постаті: матеріали круглого столу. Переяслав-Хмельницький. С. 38–44.

Вовкодав С. М., 2017. До питання датування та функціонального призначення переяславських «змійових» валів // Український історичний збірник. Вип. 19. С. 24–40.

Вовкодав С., Юрченко О., 2016. Поселенська структура давньоруського часу долини р. Броварка на Переяславщині // Археологія & Фортифікація України: зб. матеріалів конференції. Кам'янець-Подільський. С. 115–122.

Вознесенская Г. А., Куза А. В., Соловьева Г. Ф., 1972. Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО-1971. М. С. 95, 96.

Войтович Л., 2006. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква: вид. О. В. Пшонківський. 782 с.

Воронин Н. Н., 1951. Средства и пути сообщения // ИКДР. Т. 1 / под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР С. 280–314.

Выдрин И. П., 1892. Материалы к оценке земель Полтавской губ.: естественнонаучная часть: отчет Полтавскому губернскому земству. Вып. XIV. СПб.

Выезжев Р. И., 1954. Новые материалы из раскопок Леплявского могильника // КСИА АН УССР. Вып. 3. С. 33–38.

Гайдуков П. Г., Калинин В. А., 2012. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 402–435.

Гензель В., 1959. Археологические исследования и проблема возникновения Польского государства // СА. № 2. С. 85–96.

Гиппиус А. А., 2012. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 36–63.

Глухов В. И., 1955. К вопросу о пути князя Игоря в Половецкую степь // ТОДРЛ. Т. XI / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 22–38.

Головко А. Б., 1988. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII в. / отв. ред. Н. Ф. Котляр. Киев: Наукова думка. 136 с.

Голубева Л. А., 1997. Амулеты // Археология. Древняя Русь. Быт и культура / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука. С. 153–165.

Голубинский Е., 1901. История русской церкви. 2-е изд. Т. 1. М.: Университетская тип. 968 с.

Голубовский П. В., 1881. История Северской земли до половины XIV ст. Киев: Университетская тип. 206 с.

Голубовский П. В., 1884 а. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях до нашествия татар. Киев: Университетская тип. 254 с.

Голубовский П. В., 1884 б. Об узах и торках // ЖМНП. 1884. Июль. С. 1–22.

Голубовский П. В., 1889. Половцы в Венгрии // Киевские университетские известия. № 12.

Голубовский П. В., 1902. С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором // Труды XI АС. Т. II. М. С. 72–79.

Голубовский П., 1903. Где находились существовавшие в домонгольский период города Воргол, Глебль, Зартый, Оргошь, Сновск, Уненеж, Хороборь? // ЖМНП. 1903. Май. С. 11–135.

Голубовский П. В., 1908. Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. // Труды XIII АС. Т. II. М. С. 1–50.

Горбаненко С. А., 2007. Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини І тис. н. е. Київ. URL: http://ukrmap.org.ua/Ukraine.htm (дата обращения: 22.07.2017).

Горбаненко С. А., Колода В. В., Пашкевич Г. О., 2009. Землеробство жителів салтівського селища Коробові Хутори // Археологія. № 3. С. 82–92.

Гордлевский В. А., 1941. Государство Сельджукидов Малой Азии // Труды института востоковедения / отв. ред. Н. К. Крачковский. Т. XXXIX. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 199 с.

Городище, 2013. Городище та селище Михайлівка II («Михайлівське городище») у с. Михайлівка Диканського району Полтавської обл.: облікова картка об'єкта археології / укл. М. М. Ієвлєв, О. Б. Супруненко, В. В. Шерстюк // Старожитності лівобережного Подніпров´я, 2013: зб. наук. праць. Київ; Полтава: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК.

Горский А. А., 2013. Система властвования на Руси в середине X в.: русские «крепости» Константина Багрянородного // Слов'яни і Русь: археологія та історія: зб. праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя / отв. ред. Г. Ю. Ивакин. Київ: Стародавній Світ. С. 56–61.

Гречко Д. С., Свистун Г. С., 2004. Захісні споруди городища біля с. Водяне на Харківщині // АВУ 2002–2003 рр. Вип. 6. Київ. С. 112–114.

Григорьев А. В., 1983. Поселение у села Горбово // КСИА. Вып. 175. С. 67–74.

Григорьев А. В., 1988. О роменской культуре в Среднем Подесенье // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: сб. науч. тр. Киев. С. 73, 74.

Григорьев А. В., 1989. Городище у с. Хитцы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: тезисы докл. второго областного научно-практического семинара. Полтава. С. 69–72.

Григорьев А. В., 1990. Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры // Проблемы археологии Южной Руси: материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев. С. 50–55.

Григорьев А. В., 1991. О датировке Полтавского клада // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею: матеріали ювілейної наукової конференції. Ч. 2: Археологія Полтавщини. Полтава. С. 85–88.

Григорьев А. В., 1993 а. О границе Руси и Северы в Подесенье // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова: матеріали історико-археологічного семінару, присвяченнного 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова. Чернігів. С. 98, 99.

Григорьев А. В., 1993 б. О роменской и древнерусской керамике на Левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі: матеріали з історико-археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.». Чернігів. С. 76–81.

Григорьев А. В., 2000. Северская земля в VIII – начале X века по археологическим данным. Тула. 261 с.

Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 207 с.

Григорьев А. В., 2006. Древнерусское поселение в окрестностях Новгорода-Северского // Археология Верхнего Поволжья: к 80-летию К. И. Комарова / под ред. А. В. Кашкина. М.: ИА РАН. С. 92–104.

Григорьев А. В., 2012 а. На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 367–380.

Григорьев А. В., 2012 б. Население междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI в. // ДГ 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Наука. С. 94–122.

Григорьев А. В., 2014. Раскоп X на городище «Замок» г. Новгорода-Северского // Міста Давньої Русі: зб. наук. праць пам'яті А. В. Кузи. Київ. С. 398–403.

Григор'єв О. В., Кулатова І. М., 1999. Нові матеріали археологічних досліджень давньоруської Лтави (за розкопками 1990 р.) // ПАЗ–1999 / отв. ред. О. Б. Супруненко. Полтава: Археологія. С. 44–49.

Григорьев, А. В., Сарачев И. Г., 1999. О времени гибели роменской культуры // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5: История и культура древних и средневековых славян. М. С. 341–352.

Григорьев В., 1875. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. Т. CLXXVIII. 1875. Март. С. 1–237.

Грушевский М., 1891. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев. 538 с.

Грушевський М. С., 1992. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / отв. ред. П. С. Сохань. Т. 2. Київ: Наукова думка. 736 с.

Даль В. И., 2000. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.

Даркевич В. П., 1962. Остерская находка // КСИА. Вып. 87. С. 88–91.

Даркевич В. П., 1994. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X–XIII вв.). Вопросы истории. № 10. С. 43–60.

Демкин В. А., 1997. Палеопочвоведение и археология: интеграция и изучение истории природы и общества. Пущино: Пущино ПНЦ РАН. 212 с.

Дзембас А. В., 1993. Работы отряда археологической экспедиции Ужгородского университета // АДУ 1991 року / отв. ред. Д. Н. Козак. Луцк: Надстир'я. С. 25, 26.

Дмитриев Л. А., 1997. Подготовка текста, перевод и комментарии к «Сказанию и страданию, и похвале мученикам святым Борису и Глебу // БЛДР. Т. 1: (XI–XII вв.). СПб.: Наука. С. 527–531.

Добродомов И. Г., Кучкин В. А., 1979. Этимология и старые географические объекты // ВГ. Сб.110 / отв. ред. Е. В. Поспелов. М.: Мысль. С. 157–162.

Добрушкин Е. М., 1977. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. 1976. М.: Наука, 1977. С. 76–97.

Добрушкин Е. М., Лурье Я. С., 1970. Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева) // Русская литература: ист.-лит. журнал. № 2. С. 219–224.

Довженок В. Й., 1952. Розкопки біля с. Волинцевого, Сумської області // АП. 1952. Т. 3. С. 251–270.

Довженок В. И., 1967. Древнерусские городища на Среднем Днепре // СА. № 4. С. 260–273.

Довженок В. И., 1968. Сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь / под ред. Е. И. Крупнова / М.: Наука. С. 37–45.

Довженок и др., 1966. Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь / под ред. Д. И. Блифельда. Київ: Наукова думка. 146 с.

Довідник, 1982. Сидоренко Г. О., Махно Є. В., Телегін Д. Я. Довідник з археології України: Полтавська область. Київ: Наукова думка. 107 с.

Докучаев В. В., 1889. Методы иследования вопроса: были ли леса в южной степной России? // Труды Вольного экономического общества. № 1.

Докучаев В. В., 1953. Наши степи прежде и теперь. М.: Сельхозгиз. 152 с.

Долженко Ю. В., 2010. Населення Чернігова і округи за доби середньо-віччя (антропологічний аспект) // Археологія, 2010. № 1. С. 42–49.

Долженко Ю., Прядко О., 2016. Населення давньоруського міста Желні за краніологічними матеріалами // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 38. Переяслав-Хмельницький. С. 3–22.

Дулов А. В., 1983. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). М.: Наука. 257 с.

Дьяченко А. Г., 1983. Славянские памятники VIII – середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: автореферат дис. ... канд. истор. наук. М. С. 6–14.

Дьяченко А. Г., 1985. Гончарное ремесло древнерусского города Донца // Археологические памятники Юго-Восточной Европы (железный век и эпоха Средневековья): сб. науч. ст. Курск: Курский ГПИ. С. 100–112.

Дьяченко А. Г., 1990. Хотмыжское городище // Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке: тезисы докл. Белгород. С. 28–30.

Дьяченко А. Г., 2005. Древнерусское Харьковское городище и «Жилой город» Харьков середины XVII в. (к проблеме исторической преемственности в процессе возрождения восточнославянских городов эпохи раннего Средневековья) // Археология Юго-Востока Руси: материалы IV науч. конф. Елец. С. 65–74.

Дьяченко А. Г., 2008 а. Культурная динамика и хронология роменского поселения на Хотмыжском городище // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего Средневековья: материалы науч. конф. Воронеж, 2008. С. 84–96.

Дьяченко А. Г., 2008 б. Северско-донецкая окраина юго-восточной Руси в картографическом труде середины XII в. // Проблемы археологии Восточной Европы: к 80-летию Бориса Андреевича Шрамко. Харьков: ХГУ. С. 83–91.

Дьяченко А. Г., 2012. Городище Крапивное – город-крепость на юго-восточном пограничье Руси // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В. Й. Довженка. Київ; Чернігів. С. 102–105.

Дяденко В. Д., Моця А. П., 1986. Жовнинський могильник XI–XIII ст. // Археологія, 54. С. 82–90.

Дяченко О. Г., 1993. Давньоруське місто Хотмисль (деякі підсумки розкопок 1983 та 1990–92 рр.) // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі: матеріали семінару. Суми. С. 33–35.

Енуков В. В., 1998. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. М.: Памятники исторической мысли. С. 82–91.

Енуков В. В., 1999. Процессы урбанизации на территории Посемья в X–XIII вв. // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: тезисы докл. науч. конф. Липецк. С. 175–179.

Енуков В. В., 2003 а. Некоторые вопросы обороны Курского княжения // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя (I – початку II тис.): зб. наук. праць. Суми. С. 93–111.

Енуков В. В., 2003 б. Русь и бывшие племенные территории (на примере Посемья) // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя. Суми. С. 7–14.

Енуков В. В., 2004. Феномен средневекового социума «Посемье» в свете последних исследований // Ученые записки Курского госуниверситета. Серия гуманитарные науки. № 1. Курск. С. 235–237.

Енуков В. В., 2005. Славяне до Рюриковичей // Курский край: научно-популярная серия: в 20 т. Т. 3. Курск. 350 с.

Енуков В. В., 2006. Клад восточных монет X в. из музея г. Дмитриева // Ю. А. Липкинг и археология Курского края: материалы межрегиональной науч. конф. Курск.

Енуков, 2008 а. Возникновение древнерусского Курска в контексте историко-арехеолого-нумизматических реалий региона // Древности эпохи Средневековья евразийской лесостепи: сб. науч. тр. Воронеж. С. 129–146.

Енуков В. В., 2008 б. О хронологии русского освоения Посемья // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего Средневековья: матер. науч. конф., посв. памяти А. Н. Москаленко. Воронеж. С. 85–87.

Енуков В. В., 2009. Начальные этапы истории Курска. Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск.

Енуков В. В., 2010. Топография укреплений Курского городища в древнерусское время // Исторический вестник Курского государственного университета. 2010. № 1. С. 6–9, рис. 3.

Енуков В. В., 2011. О косых острогах северян Посемья // РА. 2011. № 4. С. 89–101.

Енуков В. В., Енукова О. Н., 1993. Оборонительные сооружения славян Посемья (по материалам Ратского городища) // Археология и история Юго-Востока Древней Руси: (материалы науч. конф.). Воронеж. С. 47–51.

Енуков В. В., Енукова О. Н., 1999. «Городы посемьские»: древнее Липино // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. А. Ломоносова. М. С. 179–182.

Енуков В. В., Енукова О. Н., 2011. Стратиграфия Курского городища (по материалам раскопов 5 и 6) // Труды III (XIX) Всероссийского АС. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород: Новгородский технопарк. С. 141.

Енуков В. В., Лебедев В. П., 2010. Волобуевский клад куфических дирхемов X в. из курского Посемья // РА. № 1. С. 94–103.

Енуков В. В., Раздорский А. И., 2015. О времени основания и первого упоминания древнерусского Курска // Российская история. 2015. № 2. С. 39–59.

Енукова О. Н., 2005. Жилая постройка средневекового г. Рыльска // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. Тула: ИНФРА. С. 145–158.

Енукова О. Н., 2007. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск: Изд-во Курского госуниверситета. 219 с.

Енукова О. Н., 2011. Ювелирные изделия древнего Курска // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского ГУ. Вып. 1 (17). Курск. URL: http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=18 (дата обращения: 19.05.2017).

Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі, 1985. Сост.: Железняк М.И., Корепанова А. П., Масенко Л. Т., Стрижак О. С.; под ред. О. С. Стрижака. Київ: Наукова думка. 256 с.

Жарнов Ю. Э., 1998. Гнёздовские курганы с остатками трупоположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 92–103.

Желєзняк І. М., Корепанова А. П., Масенко Л. Г., Неподкупний А. П., Стрижак О. С., Франко З. Т., 1981. Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв`язках / под ред. О. С. Стрижака. Київ: Наукова думка. 263 с.

Жекулин В. С., 1972. Историческая география ландшафтов. Новгород: Изд-во пединститута. 228 с.

Жекулин В. С., 1982. Историческая география: предмет и методы. Л.: Наука. 224 с.

Завьялов В. И., 2001. Технологические особенности железных изделий из древнерусских памятников Посулья // РА. № 1. С. 88–97.

Загорульский Э. М., 1982. Возникновение Минска. Минск: Изд-во БГУ. 358 с.

Зайцев А. К., 1975. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука. С. 57–117.

Замысловский Е. К., 1903. Пути сообщения // Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. В. П. Семенова. Т. VII: Малороссия. СПб. С. 218–288.

Засурцев П. И., Лисицына Н. К., 1968. Липинское городище // Славяне и Русь. М. С. 46–54.

Звагельский В. Б., 2010. Історична географія Лівобережної України доби Середньовіччя (в контексті досліджень «Слова о полку Ігоревім») / отв. ред. Н. Ф. Котляр. Київ; Суми: Изд-во пединститута. 236 с.

Звагельский В. Б., 2014. О локализации летописного Римова // Международный журнал экспериментального образования. Вып. 1. С. 61–65.

Звіздецький Б. А., Сєров О. В., 1988. Пам'ятки давньоруського часу поблизу с. Миколаївка на Росі // Археологія. Вип. 61. С. 67–75.

Звіздецький Б. А., 2004. Про деякі особливості древлянських городищ VIII–X ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.: зб. наук. праць / отв. ред. А. В. Петраускас. Київ: Корвін Пресс. С. 41–50.

Звіздецький Б. А., 2008. Городища IX–XIII ст. на території літописних древлян / отв. ред. О. П. Моця. Київ: ИА НАНУ. 176 с.

Золотніцька Т. М., Супруненко О. Б., 1999. Глинський курганний некрополь // ПАЗ–1999. До 1100-ліття м. Полтави за результатами археологічних досліджень: зб. наук. праць. Полтава. С. 188–197.

Зорин А. В., 2003. Укрепления северян и осадная тактика киевских дружин в X – начале XI вв. (по материалам городища Капыстичи) // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. Т. 1: Природа. Археология. Музейное дело. Тула. С. 371–378.

Зорин А. В., 2012. Жилая постройка первой половины XI в. в Закурной части Курска // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы Международной конф. СПб. С. 120–124.

Зоценко В. Н., 1992. Волжская система путей сообщений в истории Южной Руси // Путь из Булгара в Киев: сб. науч. ст. и материалов по итогам науч. конф. в Казани. С. 47–54.

Ивакин Г. Ю., 2000. Русь в XI ст. // Давня історія України. Т. 3: Слов'яно-руська доба / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: ИА НАН Украины. С. 287–305.

Ивакин И. М., 1901. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М.: Университетская тип. 326 с.

Иванов С., 2008. Ефремова баня в Переяславле и ее византийский контекст // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький. С. 226–228.

Іванченко Л. І., 1988. Охоронні роботи в літописному Богуславлі // Археологія. № 61. С. 100–103.

Іванченко Л., Моця О., 2008. Посулля і Поросся – «руський парадокс» // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький. С. 48–52.

Иевлев М. М., 1993. Особенности размещения древнерусского торгового поселения у с. Зеленый Гай // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі: матеріали семінару. Суми. С. 6, 7.

Иевлев М. М., Моця А. П., 1992. «Русский» участок пути Булгар – Киев (особенности поселений и маршрута) // Путь из Булгара в Киев. Межреспубликанский сб. науч. ст. по итогам науч. конф. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН; ИА АН УССР, 1992. С. 23–30.

Ильин Н. Н., 1957. Летописная статья 6523 г. и ее источник / отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Изд-во АН СССР. 210 с.

Иоаннисян О., 2008. Зодчество древнего Переяславля XI–XII веков и его место в общей картине развития зодчества Древней Руси // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький. С. 174–201.

Каждан А. П., 1967. Внешнеполитическое положение империи в первой половине и середине XII в. // История Византии / отв. ред. А. П. Каждан. Т. 2. М.: Наука.

Казаков А. Л., 1996. Остерський Городець (етапи формування міста) // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба: матеріали церковно-історичної конф. / отв. ред. В. П. Коваленко. Чернігів: Сіверянська думка. С. 91–93.

Казаков А. Л., 2010. Літописна «сівера» і літописні міста Чернігово-Сіверщини // Археологія і давня історія України. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Київ: Наукова думка. С. 109–115.

Казаков А. Л., 2013. Чернігів – Любеч: південно-західний кордон літописних сіверян // Слов'яни і Русь: археологія та історія: зб. праць на пошану дійсного члена НАН України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ. С. 85–89.

Казаков А. Л., Гребень П. Н., Потапов П. М., 1989. Нові досліди Остерського Городця // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: тези доповідей конф. / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: Наукова думка. С. 88–91.

Калинина Т. М., 1976. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // ДГ 1975 / отв. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1976. С. 90–101.

Каманин И. М., 1894. Материалы по истории казацкого землевладения (1494–1668) // ЧОНЛ. Т. 8, отд. 3. С. 3–28.

Карамзин Н. М., 1818. История государства Российского. 2-е изд. Т. 2. СПб.: Тип. Н. Греча. 260 с.

Карамзин Н.М., 1989. История государства Российского / под ред. А. Н. Сахарова. Т. 1. М.: Наука. 643 с.

Каргер М. К., 1954. Памятники древнерусского зодчества в Переяславе-Хмельницком // Зодчество Украины. Киев: Изд-во Академии архитектуры УССР.

Каргер М. К., 1953. «Летская божница» Владимира Мономаха // КСИИМК. Вып. 49. С. 13–20.

Каргер М. К., 1954. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1952–1953 рр. // Археологія. Т. 9. С. 3–29.

Каталог, 1902. Каталог выставки XII АС в Харькове / сост. Е. К. Редин. Харьков. 79 с.

Кашкин А. В., 1998. Археологическая карта России: Курская область / под ред. Ю. А. Краснова. Ч. 1. М.: ИА РАН. 297 с.

Кашкин А. В., 2000. Археологическая карта России: Курская область / отв. ред. Ю. А. Краснов. Ч. 2. М.: ИА РАН. 239 с.

Кашкин А. В., 2005. Влияние географических факторов на формирование поселенческих структур в конце 1 тыс. н. э. // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья: сб. ст. / отв. ред. А. З. Винников. Воронеж: Тип. «Истоки». С. 118–122.

Кашкин А. В., 2006 а. Курское Посемье и Брянское Подесенье в IX–XIII вв. (сравнительная характеристика) // Археология Юго-Востока Руси / отв. ред. А. Д. Прялхин. Елец: Елецкий гос. университет. С. 133–141.

Кашкин А. В., 2006 б. От отдельных памятников – к археологическим комплексам (от разведок Ю. А. Липкинга до разведок наших дней) // Ю. А. Липкинг и археология Курского края: материалы межрегиональной науч. конф. Курск. С. 20–22.

Кашкин А. В., 2012. Краткий очерк рыльской археологии // Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре / Ред.-сост. А. И. Раздорский. Рыльск: РАТКГА. С. 8–11.

Кашкин А. В., 2014. Горналь. Племенной центр или город? // Міста Давньої Русі: зб. наук. праць пам'яті А. В. Кузи / под ред. П. П. Толочко. Київ: Стародавній Світ. С. 251–258.

Кашкин А. В., Стародубцев Г. Ю., 2009. Гочевский археологический комплекс на р. Псёл // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: материалы Международной науч. конф., посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009. С. 3–17.

Кашкин А. В., Узянов А. А., 1989. Северо-восточный рубеж Посеймья // Проблеми археології Сумщини: тез. докл. обл. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. С. Терентьев. Суми. С. 66–68.

Кашкин А. В., Узянов А. А., 1994. Об одном «несостоявшемся городе» на Верхнем Пле // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: матеріали наук. конф. Білопілля: ИА НАНУ, 1994. С. 16–18.

Кашкин А. В., Узянов А. А., 2006. Следы прерванного процесса градообразования на Верхнем Пле в эпоху формирования Древнерусского государства // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М.: ИА РАН. С. 122–130.

Кедун І. С., Черненко О. Є., 2014. Давньоруські пам'ятки Ніжина та його околиць // Міста Давньої Русі: зб. наук. праць пам'яті А. В. Кузи / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: Стародавній Світ. С. 259–264.

Кілієвич С. Р., 1965. Археологічні розкопки біля с. Жовнин // Археологія, XIX. С. 189–195.

Кирпичников А. Н., 1966-2. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. М.; Л.: Наука. 143 с. (САИ; Е1-36).

Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 139 с. (САИ; Е1-36).

Клепатский П. Г., 2007. Очерки по истории Киевской земли. Литовский период. Репринт издания 1912. Белая Церковь: Изд. О. Пшонковский. 478 с.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1989. 512 с.

Коваленко В. П., Моця А. П., 1989. Новгород-Северский в X–XIII вв. // Новгороду-Северскому – 1000 лет: тез. докл. науч.-практ. конф. Чернигов; Новгород-Северский. С. 25–30.

Коваленко В. П., Моця О. П., 1994. Літописний Вир в контексті проблеми формування «градів» на дніпровському Лівобережжі // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля. С. 24–29.

Коваленко В. П., Моця О. П., Скороход В. М., 2009. Археологічна розвідка по «шляху Мономаха» // АДУ 2008. Київ: ИА НАН Украины. С. 117–121.

Коваленко В. П., Ситий Ю. М., 2004. «Свої погані» чернігівських князів // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.: зб. наук. праць / гл. ред.: А. П. Моця. Київ: ПП Корвін Пресс. 320 с.

Коваль В. Ю., 2014. Малые города средневековой Руси: основные отличительные особенности // Труды IV (XX) АС в Казани. Т. I / отв. ред. П. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Казань: Отечество. С. 76–79.

Коваль В. Ю., 2017. «Малые города» средневековой Руси: особенности материальной культуры // Труды V (XXI) АС в Барнауле. Т. II / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ. С. 246–251.

Козлов В. И., 1995. Фортификация в социально-политическом пространстве Первого болгарского царства // Фортификация в древности и средневековье: (материалы методологического семинара ИИМК). СПб.: ИИМК. С. 80–84.

Козюба В. К., 2001. Історико-демографічна характеристика давньо-руської сім'ї (за матеріалами історичних та археологічних джерел) // Археологія. № 1. С. 29–41.

Козюба В., 2004. Давньоруські храми «окольного града» Переяслава (датування, стильові особливості, інтерпретації) // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 15. Переяслав-Хмельницький. С. 25–31.

Козюба В. К., 2010. Вивчення давньоруської садиби Південної Русі: короткі підсумки та нові завдання // Археологія і давня історія України. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології / отв. ред. Г. Ю. Ивакин. Київ: ІА НАНУ. С. 124–129.

Колибенко О. В., 1999. Про походження Переяславля Руського // Археологія. Вип. 1. С. 47–59.

Колибенко О., 2001. Єпископський двір Переяславля Руського // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 12. Переяслав-Хмельницький. С. 27–37.

Колибенко О., 2000. Міські брами Переяславля Руського // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 10. Переяслав-Хмельницький. С. 16–21.

Колибенко О., 2002. Про чисельність Переяславля Руського (спроба реконструкції) // Ruthenica. Вип. 1. Київ. С. 164–174.

Колибенко О. В., 2004. Оборонні укріплення Переяславля Руського // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. Вип. 15. Переяслав-Хмельницький. С. 19–25.

Колибенко О., 2005. Основні результати та перспективи археологічних досліджень Переяславля Руського // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст., присвячений пам'яті В. В. Сєдова / П-Х ДПУ; гл. ред. В. П. Коцур. Вип. 16. Пер.-Хм. С. 134–141.

Колибенко О., 2006. Двори середньовічного Переяслава (кінець X – середина XIII ст.) // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 18. Переяслав-Хмельницький; Тернопіль: Астон. С. 3–19.

Колибенко О., 2007 а. Єпископський двір Переяславля Руського (церква св. Михаїла, церква св. Феодора, єпископський палац, церква Воздвиження) та церква Андрія біля воріт // Набок Л. М., Колибенко О. В. Православні храми Переяславщини: історія, дослідження, сучасність / отв. ред. О. П. Моця. Київ. С. 19–32.

Колибенко О., 2007б. Літописне «Льто» та походження назви міста Борисполя: історико-археологічний та топонімічний аспекти // Історико-географічні дослідження в Україні. Вип. 10. Київ. С. 181–200.

Колибенко О., 2007 в. Спаська церква-усипальниця // Набок Л. М., Колибенко О. В. Православні храми Переяславщини: історія, дослідження, сучасність / отв. ред. О. П. Моця. Київ. С. 70–75.

Колибенко О., 2007г. Успенська церква // Набок Л. М., Колибенко О. В. Православні храми Переяславщини: історія, дослідження, сучасність / отв. ред. О. П. Моця. Київ. С. 46–50.

Колибенко О., 2007 д. Церква на вулиці Радянській // Набок Л. М., Колибенко О. В. Православні храми Переяславщини: історія, дослідження, сучасність / отв. ред. О. П. Моця. Київ. С. 43–45.

Колибенко О. В., 2010. Історико-археологічне вивчення Переяславля Руського та Переяславщини (середньовічної переяславської волості): сучасний стан і перспективи // Археологія і давня історія України. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Київ. С. 130–137.

Колыбенко А. В., 2012. Летописное «Льто» и происхождение названия города Борисполя: историко-археологический и топонимический аспекты // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. А. Беляев. Рязань: Рязанский историко-культурный музей-заповедник. С. 251–258.

Колибенко О., Колибенко О., 1999. Некрополі Переяславля Руського // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. IX. Переяслав-Хмельницький. С. 16–19.

Колибенко О., Колибенко О., 2002. Давньоруські топоніми Переяславщини // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 13. П-Х. С. 128–137.

Колибенко О., Колибенко О., 2004. До питання про час виникнення Переяславля Руського // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.: зб. наук. праць. Київ. С. 153–158.

Колибенко О. В., Колибенко О. В. Археологічні досліди на південно-східній околиці м. Переяслава // Проблемы археологии Среднего Поднепровья. К 15-летию образования Фастовского государственного краеведческого музея. Киев; Фастов, 2005. С. 301–307.

Колибенко О., Колибенко О., 2006. «Свої погані» Переяславщини (до проблеми локалізації місць поселень переяславських торків) // Слов'янські обрії. Вип. 1. Київ. С. 111–117.

Колибенко О. В., Колибенко О. В., 2008. До питання про літописне «Льто» або знову про Бориса та Гліба // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради: зб. наук. праць. Т. 1. Коростень. С. 169–177.

Колибенко О. В., Колибенко О. В., 2008. Нові предмети особистого благочестя в колекції НІЕЗ «Переяслав» та деякі проблеми атрибуції підвісок зі знаками Рюриковичів // Дьнѣслово: зб. праць на пошану дійсного члена НАН України П. П. Толочка з нагоди його 70-річчя / отв. ред. Г. Ивакин. Київ: Корвінпрес. С. 118–125.

Колибенко О. В., Колибенко О. В., 2010. «Чему хотель еси сести Переяславли» // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 24. Переяслав-Хмельницький. С. 3–9.

Колибенко О., Колибенко О., 2011. Переяславці в історії: боярин Ратибор // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 23. Переяслав-Хмельницький. С. 21–28.

Колибенко О., Колибенко О., 2012. Переяславський князь Андрій Добрий // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 31. Переяслав-Хмельницький. С. 77–86.

Колибенко О., Колибенко О., 2014. Перший князь Переяславля Руського Всеволод Ярославич // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. Вип. 35. Переяслав-Хмельницький. С. 14–19.

Колибенко О., Павленко С., 2007. Вали дитинця середньовічного Переяслава (до історії нищення археологічної пам'ятки) // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 19. Тернопіль: Астон. С. 42–52.

Колибенко О. В., Тетеря Д. А., 2013. Вали дитинця Переяславля Руського у світлі археологічних досліджень // Слов'яни і Русь: археологія та історія: зб. праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ. С. 122–131.

Коллекция древностей из музея Е. Н. Скаржинской (г. Лубны Полтавской губ.). Зала 8. М., [б. г.].

Колода В. В., 2003. Работы на средневековых памятниках в с. Городное // АВУ 2001–2002 рр. Київ: Наукова думка. С. 129–131.

Колода В. В., 2005. Слов'яно-хозарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Дінця // АЛЛУ. Вып. 1–2. Полтава. С. 72–82.

Колода В. В., 2007. Створення оборонних споруд мохначанського городища та динаміка заселення його округи // Археологія. № 2. С. 9–15.

Колода В. В., 2010. Картографирование средневековых городищ Днепро-Донского междуречья как метод определения этапов славяно-кочевнических отношений // Древности 2010: Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 9. С. 178–197.

Колода В. В., Колода Т. А., 2005–2009. Керамика раннеславянского городища Водяное на Харьковщине // Stratum plus. № 5. С. 249–254.

Колода В. В., 2007. Створення оборонних споруд мохначанського городища та динаміка заселення його округи // Археологія. № 2. С. 9–14.

Колода В. В., 2012. Жилища роменского городища Водяное // Проблеми історії та археології України: матеріали VIII Міжнародної наук. конф. Харків. С. 68–72.

Колчин Б. А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА. № 2. С. 92–111.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник «50 лет раскопок Новгорода». М.: Наука. С. 156–177.

Колыбенко А. В., 2012. Летописное «Льто» и происхождение названия города Борисполя: историко-археологический и топонимический аспекты // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур: сб. науч. ст. Рязань. С. 251–258.

Колыбенко О. В., 2016. Переяславль Русьский и Переяславль Залесский. Славяно-русские, тюркские и финно-угорские взаимосвязи и параллели // Historia kluczem do zrozumienia współczesnych relacji międzysąsiedzkich. Bydgoszcz. С. 233–247.

Комар А. В., 2012 а. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 301–333.

Комар А. В., 2012 б. Переяславская земля в X в. // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 362–364.

Комар А. В., 2012 в. Поляне и северяне // ДГ 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Университет Дмитрия Пожарского. С. 128–191.

Комар А. В., 2012 г. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 334–365.

Комар А. В., 2012 д. Хронология могильника у с. Каменное. Приложение 3 // Сухобоков О. В. «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X–XIII вв. по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное / отв. ред. А. П. Моця. Киев. С. 335–355.

Комар А. В., 2012 е. Хронология волынцевской и роменской культур: принципы и практика // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы Международной конф., посвященной 110-летию со

дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина / сост., ред. О. А. Щеглова, В. М. Горюнова. СПб.: СОЛО. С. 92, 93.

Комар А. В., Сухобоков О. В., 2004. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.: зб. наук. праць. Київ. С. 159–172.

Коновалова И. Г., 1999. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси // Древнейшие источники по истории Восточной Европы / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Восточная литература РАН. 254 с.

Коновалова И. Г., 2003. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос. С. 169–258.

Копилов Ф. Б., 1949. Посульська експедиція 1945–1946 рр. // АП. Т. 1. Київ. С. 253–256.

Копилов Ф. Б., 1952. Посульська експедиція // АП. Т. 3. Київ. С. 307–314.

Копилов Ф. Б., Одинцова С. М., Шапошникова О. Г., 1952. Археологічні розвідки в районі нижньої течії р. Десни // АП. Т. 3. С. 85–98.

Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 226 с.

Корзухина Г. Ф., Пескова А. А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии X–XIII вв. // Труды ИИМК РАН. Т. 7. СПб.: Петербургское востоковедение. 432 с.

Коринный Н. Н., 1983. О размещении и численности населения Переяславского княжества в начале XII в. // Древнерусское государство и славяне: материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Минск: Наука и техника. 1983. С. 110–112.

Коринный Н. Н., 1992. Переяславская земля, X – первая половина XIII века / отв. ред. Ф. П. Шевченко. Киев: Наукова думка. 312 с.

Корінний М. М., Моргунов Ю. Ю., 1984. До питання про руйнування Кончаком переяславського Посулля в 1185 р. // УІЖ. № 7. С. 118–122.

Коробейников А. В., 2005. Историческая реконструкция по данным археологии. Ижевск: ИПМ УрО РАН. 180 с.

Королев А. С., 2000. История междукняжеских отношений на Руси в 40–70-е годы X века. М.: Прометей. 296 с.

Короткий список, 1966. Археологічні пам'ятки УРСР: короткий список / отв. ред. Д. Я. Телегин. Київ: Наукова думка. 463 с.

Коротя О. В., Осадчий Є. М., 2010. Селітроварна майстерня першої половини XVII ст. на території Юрьєвого городища // Буринський краєзнавчий вісник. Вип. 1. Суми. С. 46–48.

Корякин О. О., 2003. На перехресті шляхів Булгар-Київ та Чернігів–Тмуторокань // Археологія та історія північно-східного Лівобережжя. Суми: СумДПУ ім. А. С. Макаренка. С. 50–54.

Котляр М. Ф., 1971. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ: Наукова думка. 187 с.

Котляр Н. Ф., 1990. Святополк – «окаянный»? // Котляр Н. Ф., Смолий В. А. История в жизнеописаниях. Киев: Наукова думка. 256 с.

Котляр М. Ф., 1996. Структура влади на Русі в другій половині XI ст. // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба / отв. ред. В. П. Коваленко. Чернігів: Сіверянська думка. С. 64–67.

Котляр М. Ф., 2012. Південноруські літописні повісті XII ст. // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присв. 100-літтю від дня народж. В. Й. Довженка / под ред. П. П. Толочко. Чернігів: ЧНПу імені Т. Г. Шевченка. С. 179–182.

Кравченко Р., 2011. До питання про типологію укріплень літописних сіверян // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: матеріали X Міжнародної студентської наук. археологічної конф. Чернігів. С. 108–110.

Кудрявцева Е. Ю., 2001. О северо-западных пределах половецкой земли // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15: Средневековые древности европейских степей. Воронеж. С. 183–185.

Кудряшов К. В., 1948. Половецкая степь / под ред. Л. С. Берга. М.: ОГИЗ–ГЕОГРАФГИЗ. 170 с.

Куза А. В., 1977. Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.) // СА. № 3. С. 121–129.

Куза А. В., 1981. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М. С. 6–39.

Куза А. В., 1983. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 6. М. С. 33, 34.

Куза А. В., 1985. Важнейшие города Руси // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука. С. 66–94. (Археология СССР).

Куза А. В., 1985 а. Древнерусские города // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука. С. 51–66. (Археология СССР).

Куза А. В., 1985 б. Неукрепленные поселения // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука. С. 96–107. (Археология СССР).

Куза А. В., 1985 в. Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука. С. 39–51. (Археология СССР).

Куза А. В., 1985 г. Фортификация // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука. С. 167–170. (Археология СССР).

Куза А. В., 1989 а. Малые города Древней Руси / под ред. А. А. Медынцевой. М. 168 с.

Куза А. В., 1989 б. Новгород-Северский – стольный город Игоря Святославича // Новгороду-Северскому – 1000 лет: тез. докл. науч.-практ. конф. Чернигов; Новгород-Северский. С. 20–22.

Куза А. В., 1996. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников) / отв. ред. А. К. Зайцев. М.: Христианское изд-во. 256 с.

Куза А. В., Коваленко В. П., Моця А. П., 1996. Новгород-Северский: итоги и перспективы исследований // На Юго-Востоке Древней Руси. Воронеж. С. 3–20.

Кузнєцов М., 1948. Розвідувальні розкопи в Лубнах // Археологія. Т. 2. Київ. С. 145–151.

Кузьмин А. Г., 1977. Начальные этапы русского летописания. М.: Изд-во МГУ. 394 с.

Кулатова И., 1999. Давньоруські некрополі поблизу с. Клепачі на Лубенщині // Християнські старожитності Лівобережної України: зб. наук. праць. Полтава. С. 21–25.

Кулатова І. М., Гейко А. В., Золотницька Т. М., Мироненко К. М., Супруненко О. Б., 1998. Дослідження Глинського археологічного комплексу // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. Київ. С. 91–202.

Кулатова І. М., Мироненко К. М., Приймак В. В., Супруненко О. Б., 1999. Житлово-господарські комплекси X–XIV ст. з роскопок посаду літописної Лтави 1998 р. // АЛЛУ. Ч. 1. С. 47–64.

Кургина Т. С., Шевченко П. А. Подъемный археологический материал X–XIII вв. с поселения Железки-2 // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених: наукові матеріали. Київ, 1997. С. 233–237.

Курилов И. А., 1898. Роменская старина. Ромны. С. 17–28.

Кутасов С. Н., Селезнев А. Б., 2010. Нательные кресты, крестовключенные подвески и крестовидные подвески X–XV веков / под ред. А. К. Станюковича. М.: Группа Искатели. 320 с.

Кутовой А. И., 1984. Усадьбы как основной элемент градостроительной структуры древнерусского города // Древнерусский город: (материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева) / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 65–66.

Кучера М. П., 1962. Древньоруське городище в хут. Миклашевському // Археологія. № 14. С. 89–108.

Кучера М. П., 1964. Давньоруські городища біля хутора Кизивер // Археологія. Т. XVI. С. 103–118.

Кучера М. П., 1968. До питання про древньоруське місто Устя на р. Трубіж // Археологія. Т. XXI.

Кучера М. П., 1969. Про один конструктивний тип давньоруських укріплень в Середньому Подніпров'ї // Археологія. Т. 22. С. 180–195.

Кучера М. П., 1970. Давньоруське городище біля с. Городище під Переяславом-Хмельницьким // Археологія. Т. XXIV. С. 217–225.

Кучера М. П., 1972. Процівське городище на Київщині // Археологія. Вип. 5. С. 109–113.

Кучера М. П., 1975. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука. С. 118–143.

Кучера М. П., 1976. Давньоруські городища на Правобережжі Київщини // Дослідження з слов'яно-руської археології / отв. ред. В. І. Довженок. Київ: Наукова думка. С. 176–197.

Кучера М. П., 1978. Давньоруські городища в західній частині Переяславщини // Археологія. № 25. С. 21–31.

Кучера М. П., 1984. Размеры древнерусского города по данным городищ на территории Украинской ССР // Древнерусский город (материалы Всесоюзной археологической конф., посвященной 1500-летию города Киева). Киев. С. 69–72.

Кучера М. П., 1986. Керамика // Археология Украинской ССР. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды / отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 446–455.

Кучера М. П., 1987. Змиевы валы Среднего Поднепровья / отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка. 208 с.

Кучера М. П., 1988. Исследование Змиевых валов на Суле // АО-1986. М. С. 302–303.

Кучера М. П., 1998. Про деякі маловідомі типи кераміки на давньоруських пам'ятках // Історія Руси-України (історико-археологічний збірник) / отв. ред. О. П. Моця. Київ: ІА НАНУ. С. 160–165.

Кучера М. П., 1999. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем / отв. ред. А. П. Моця. Київ: ИА НАНУ. 252 с.

Кучера М. П., Іванченко Л. І., 1987. Давньоруська оборонна лінія в Пороссі // Археологія. Вип. 59. С. 67–78.

Кучкин В. А., 1971. «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60–70-х годов XI в. // Советское славяноведение. 1971. № 2. С. 21–34.

Кучкин В. А., 1995. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГ 1992–1993. М. С. 74–100.

Кучкин В. А., 2003. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX–XIII веках // Отечественная история. 2003. № 3. С. 71–80.

Кызласов И. Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М. 128 с. (САИ; вып. Е3-18).

Лазаревский А. М., 1893 а. Нежинский полк // Описание старой Малороссии: материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 2. Киев. 521 с.

Лазаревский А. М., 1893 б. Прилуцкий полк // Описание Старой Малороссии: материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. 3. Киев. 426 с.

Лазаревский А. М., 1896 а. Исторические очерки полтавской Лубенщины XVII–XVIII вв. // ЧОНЛ. Кн. XI, отд. II. С. 34–203.

Лазаревский А. М., 1896 б. Лубенщина и князья Вишневецкие // КС. Т. 52, февраль. Киев. С. 115–127.

Ланько А. І., Шищенко П. Г., 1982. Грунтово-рослинний покрив і тваринний світ // Маринич О. М., Ланько А. І., Щербань М. І., Тищенко П. Г. Фізична географія Української ССР / під ред. О. М. Маринича. Київ: Вища школа. 1982. С. 68–101.

Лебедев Г. С., 1995. «Градки» на пути из варяг в греки (к проблеме фортификации как фактора древнерусской урбанизации IX–XI вв.) // Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб.: ИИМК. С. 94–97.

Левашова В. П., 1967. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия. С. 207–252. (Труды ГИМ; вып. 43).

Леонтьев А. Е., 1997. Ростов в X–XI вв. // Славянский средневековый город. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М.

Леонтьев А. Е., Носов Е. Н., 2012. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 382–401.

Лерберг А. Х., 1819. Исследования, служащие к объяснению русской истории. СПб.: Тип. Деп. народного просвещения. 397 с.

Лесман Ю. М., 1981. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках // КСИА. Вып. 164. С. 52–57.

Лесман Ю. М., 1995. Новгородские привески – источник для реконструкции динамики христианизации // Восточная Европа в древности и средневековье: язычество, христианство, церковь: чтения памяти В. Т. Пашуто: тез. докл. / отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: ИИ РАН. С. 33–35.

Лесман Ю., 2008. Переяславский курганный могильник «за тюрьмой» в раскопках В. М. Щербаковского: некоторые наблюдения над хронологией могильника // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький. С. 124–146.

Лизогуб Н., 2011. До питання історії та перспектив дослідження єпископської брами Переяславля Руського // Переяславіка: наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав»: зб. наук. ст. Вип. 5 (7). Переяслав-Хмельницький. С. 288–291.

Липкинг Ю. А., 1968. Про призначення роменських городищ // Матеріали II Подільської історико-краєзнавчої конференції. Львів.

Липкинг Ю. А., 1969. Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Ученые записки КГПИ. Т. 60. Курск. С. 176–195.

Липкинг Ю. А., 1971. Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж: Центр.-Черноземн. изд-во. 158 с.

Литаврин Г. Г., 1967. Внутренняя и внешняя политика Византии в 1025–1045 гг. // История Византии: в 3 т. / отв. ред. тома А. П. Каждан. Т. 2. М.: Наука. С. 262–277.

Литвина А., Успенский Ф., 2008. Имитация и подражание. Топонимика и антропонимика как предмет семиотической игры в Древней Руси и странах Север-

ной Европы // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. Переяслав-Хмельницький: Астон. Вип. 20. С. 41–47.

Лихачев Д. С., 1950. Комментарии // Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 558 с.

Лихачев Д. С., 1975. Повесть временных лет // Великое наследие. М. С. 22–111.

Логвин Г. Н., 1987. О внешнем облике древнерусских городов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 3, вып. 2 а, секция VI. М.: ИА РАН. С. 163–168.

Лучицкий И., 1884. Сборник материалов для истории общины и общественных земель Левобережной Украины XVIII в. Киев: Университетская тип. 43 с.

Лыфарь Т. П., Косиков В. А., Моруженко А. А., 1976. Исследование древнерусских памятников у с. Городное // АО-1975. М. С. 351.

Любомиров П. Г., 1923. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII–XI вв. // Ученые записки СГУ. Т. I, вып. 3. Саратов. С. 5–38.

Ляпушкин И. И., 1949. Из истории Левобережной Украины в эпоху железа (по материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы) // СА. Сб. XI. С. 385–395.

Ляпушкин И. И., 1958. Городище Новотроицкое / отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: Наука. 327 с. (МИА; № 74).

Ляпушкин И. И., 1961. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа / отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: Наука. 383 с. (МИА; № 104).

Ляпушкин И. И., 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства / отв. ред. М. И. Артамонов. Л.: Наука. 186 с. (МИА; № 152).

Ляскоронский В. Г., 1892. Археологические раскопки близ г. Лубен, Полтавской губернии, в урочище Лысая гора // КС. Т. XXXIX. Киев. Март (№ 3). С. 263–278.

Ляскоронский В. Г., 1893. Остатки древнего Лукомльского городища в м. Лукомье, Лубенского уезда, Полтавской губ. // КС. Т. XLIII. Сентябрь. С. 426–437.

Ляскоронский В. Г., 1901. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы // Труды XI АС. Т. I. М. С. 404–457.

Ляскоронский В. Г., 1903. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII ст. 2-е изд. Киев. 422 с.

Ляскоронский В. Г., 1905. К вопросу о переяславльских торках // ЖМНП. Т. 358, апрель. СПб. С. 278–302.

Ляскоронский В. Г., 1907 а. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы // Труды XIII АС в Екатеринославе. Т. I. М. С. 158–210.

Ляскоронский В. Г., 1907 б. Русские походы в степь в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 г. // ЖМНП, новая серия. Ч. 8, март. СПб.: Сенатская тип. С. 1–37.

Ляскоронский В. Г., 2007 в. Змиевы валы в пределах Южной России, их отношение к курганам-майданам и приблизительная эпоха их возникновения // Труды XIII АС. Т. I. М. С. 199–210.

Ляскоронский В. Г., 1911. Городища, курганы, майданы и длинные (змиевые) валы в области Днепровского Левобережья // Труды XIV АС в Чернигове. М. С. 1–82.

Мавродин В. В., 1945. Образование Древнерусского государства / под ред. В. И. Равдоникаса. Л.: Изд-во ЛГУ. 431 с.

Мавродин В. В., 2002. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.) / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб.: Наука. 415 с.

Макаренко Н. Е., 1906. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. // ИАК. Вып. 19. СПб.

Макаренко Н. Е., 1907. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. // ИАК. Вып. 22. СПб. С. 38–90.

Макаренко Н. Е., 1911. Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. Вып. 43. СПб. С. 108–121.

Макаренко Н. Е., 1917. Городища и курганы Полтавской губернии (сб. топографических сведений). Полтава: Изд-во ПУАК. 105 с.

Макаренко Н. Е., 1925. Городище Монастырище // ВУАК. Науковий збірник за рік 1924. Т. XIX. Київ. С. 3–23.

Макаренко М., 1927. Археологічні розшуки та розкопи на Прилуччині // Коротке звідомлення ВУАКу УАН за рік 1926. Київ: Друк. Української Академії наук. С. 106–117.

Макарий, 1857. История русской церкви. Т. 2. СПб.: Тип. имп. Академии наук. 292 с.

Макаров Н. А., 1983. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района // КСИА. Вып. 175. С. 18–25.

Макаров Н. А., 1991. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (погребения с крестами и образками Белозерья и Каргополья) // КСИА. Вып. 205. С. 11–20.

Макаров Н. А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2. С. 41–56.

Макаров Н. А., 2005. Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII века: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 5–10.

Макаров Н. А., 2012. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 448–459.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2014. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI веков // Труды IV (XX) АС в Казани. Т. III / отв. ред. П. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Казань: Отечество. С. 173–179.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2015. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. Вып. 238. С. 115–131.

Макарова Т. И., 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 4. Славянские древности. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 127–134.

Макарова Т. И., 1966. О производстве писанок на Руси // Культура Древней Руси / отв. ред. А. Л. Монгайт. М.: ИА АН СССР. С. 141–145.

Максимов Е. В., 1990. Вековой ритм и его воздействие на географическую оболочку // География и современность: межвузовский сб. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Максимович М. А., 1854. О десяти городах и некоторых селах древней Украины (письмо к М. П. Погодину) // Московитянин. Т. 1. № 1. Отд. VIII. С. 1–5.

Максимович М. А., 1877. Собрание сочинений. Т. 2. Отдел историко-топографический, археологический и этнографический. Киев: Тип. М. П. Фрица. 524 с.

Малевская-Малевич М. В., 2005. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. // Труды ИИМК РАН. Т. XVII / отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Нестор-История. 160 с.

Малеев Ю. Н., 1987. Летописный Василев и его роль в защите древнерусской столицы // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 2 б. Секция VI: Архитектура, искусство, духовная культура. М.: Наука. С. 5–11.

Мальм В. А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия. С. 149–190. (Труды ГИМ; вып. 43).

Мальм В. А., 1968. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М. С.: Наука. 113–117.

Марков В. И., 2016. Тюркский след в истории Украины X–XVII вв. СПб.: Евразия. 378 с.

Материалы, 1889–1892. Материалы к оценке земель Полтавской губернии. Вып. I–XV. СПб.

Маринич О. М., 1982. Геоморфологічна будова // Маринич О. М., Ланько А. І., Щербань М. І., Тищенко П. Г. Фізична географія Української ССР / под ред. О. М. Маринича. Київ: Вища школа. С. 9–30.

Маринович Л. П., Кошеленко Г. А., 2000. О боспорских валах // Древности Боспора: сб. науч. тр. Вып. 3. М. С. 31–135.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. М.: Наука. 154 с. (САИ; вып. Е1-36).

Медынцева А. А., Моргунов Ю. Ю., 1986. Надпись на корчаге с Полтавщины // КСИА. Вып. 187. С. 55–58.

Мезенцева Г. Г., 1986. Белгород // Археология Украинской ССР / отв. ред. В. Д. Баран. Т. 3. Киев: Наукова думка. С. 314–319.

Мельникова І., 2011. Речовий комплекс давньоруського часу із Тарасівського городища в Посуллі // Переяславіка. Наукові записки НІЕЗ «Переяслав»: зб. наук. ст. Вип. 5 (7). С. 345–348.

Мельникова І. С., Сидоренко О. В, 2017. Давньоруська реліквія в історії хорольського краю // Хорольщина: від давнини до сьогодення: зб. наук. праць та мат-лів конф. Київ; Полтава: ЦП НАН України і УТОПІК. С. 55–59.

Мец Н. Д., 1953. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем за 1945–1952 гг.) // КСИИМК. Вып. 52. С. 113–120.

Милорадович В., 1903. Средняя Лубенщина // КС. 1903. Т. 40 (сентябрь). С. 245–296; Т. 41 (октябрь). С. 1–36; Т. 41 (ноябрь). С. 209–240; Т. 41 (декабрь). С. 518–539.

Мильков Ф. Н., 1947. О возрасте лесостепного ландшафта и его природе // ВГ. Сб. 4. М.: Географгиз. С. 83–106.

Мильков Ф. Н., 1950. Лесостепь Русской равнины. Опыт ландшафтной характеристики. М.: Изд-во АН СССР. 296 с.

Минцевич, 1851. Черниговская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XII, ч. 2. СПб.: Тип. Генерального штаба. 183 с.

Мироненко К. М., 1998. Давньоруські поселення Нижнього Поворскля // АЛЛУ. Ч. 1–2. С. 66–70.

Мироненко К. М., 2002. Некрополь конфедератів Русі під Лубнами (за матеріалами розкопок Ф. І. Камінського 1885 р.) // АЛЛУ. Ч. 1. С. 99–102.

Мироненко К. М., 2011. Типолого-хронологічні особливості давньо-руської кераміки з посаду літописної Лтави // Старожитності лівобережного Подніпров´я. Київ; Полтава. С. 120–149.

Мисевский А. П., 1878. О трех городищах в Козелецком уезде // Труды III АС. Т. I. Киев. С. 237–243.

Михайлова И. Б., 2010. Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII века // Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 3. СПб. 288 с.

Михеев С. М., 2005. Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: к проблеме варяжских источников древнерусских текстов // Славяноведение. № 2. С. 28–42.

Мовчан І. І., 1989. Китаєвський археологічний комплекс у Києві // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: тези доповідей / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: Наукова думка. С. 144, 145.

Мовчан І. І., 1993. Давньокиївська околиця / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: Наукова думка. 174 с.

Моисеенко Н. С., 2014. Пополнение числа кладов с древнерусскими монетами X–XI веков / Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–IX вв. Старая Ладога. С. 84–95.

Моисеенко Н., 1015. Новые данные о топографии сребреников Святополка // Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки: тези доповідей. Кіровоград; Київ; Переяслав-Хмельницький. С. 33–36.

Моисеенко Н. С., Сотникова М. П., 2014. Изучение сребреников на примере работы с одним частным собранием // Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. Старая Ладога. С. 213–219.

Мокляк О. В., 1991. До археологічної карти Новосанжарського району // Пам'ятки археології Полтавщини: зб. наук. ст. / отв. ред. О. Б. Супруненко. Полтава: ПКМ. С. 67–79.

Моргунов Ю. Ю., 1975. Новый вариант печати Владимира Мономаха // КСИА. Вып. 144. С. 104–106.

Моргунов Ю. Ю., 1982 а. Два городища XI–XIII вв. на р. Ромен в Посулье // КСИА. Вып. 171. С. 65–71.

Моргунов Ю. Ю., 1982 б. Летописный город Вьяхань // СА. Вып. 2. С. 237–245.

Моргунов Ю. Ю., 1983. Древнерусские городища течения р. Ромен // КСИА. Вып. 175. С. 73–82.

Моргунов Ю. Ю., 1985. Летописный город Попаш // СА. № 1. С. 241–249.

Моргунов Ю. Ю., 1986. Круглые городища Левобережья Днепра // СА. № 2. С. 110–120.

Моргунов Ю. Ю., 1987. «Полю ворота» по археологическим данным // «Слово о полку Игореве» и Путивльщина: тез. докл. науч. конф. Путивль. С. 23, 24.

Моргунов Ю. Ю., 1988 а. Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы // СА. № 2. С. 194–205.

Моргунов Ю. Ю., 1988 б. О формировании степной границы на Переяславском Посулье // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. Киев: Наукова думка. С. 285–289.

Моргунов Ю. Ю., 1989 а. К изучению летописного города Римова // СА. № 1. С. 206–217.

Моргунов Ю. Ю., 1989 б. Про місцеположення літописного Горошина // Тези доповідей і повідомлень 1 Полтавської наук. конф. з іст. краєзнавства. Полтава. С. 114–116.

Моргунов Ю. Ю., 1990 а. Функциональное назначение пограничных городищ Юго-Восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине: к 100-летию Полтавского краеведческого музея: сб. науч. тр. Полтава. С. 95–108.

Моргунов Ю. Ю., 1990 б. Предварительные данные о летописном городе Ромене // Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи: тези доповідей наук. конф. Суми; Ромни. С. 61–63.

Моргунов Ю. Ю., 1991 а. Летописньй город Кснятин и его некрополь на Суле // КСИА. Вып. 205. С. 38–44.

Моргунов Ю. Ю., 1991 б. Находки из Жовнина в музеях Полтавщины и Черкасщины // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею: матеріали ювілейної наук. конф. Ч. 2. Полтава. С. 97–100.

Моргунов Ю. Ю., 1994. О юго-восточной границе черниговo-северских земель в XII в. // Проблеми ранньослов'янської та давньоруської археології Посейм'я. Білопілля. С. 27–29.

Моргунов Ю. Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы // Матер. и иссл. по арх. Днепровского Левобережья. Вып. 2. Курск: Курский гос. обл. музей археологии. 160 с.

Моргунов Ю. Ю., 1998. Посульская граница: этапы формирования и развития // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья / отв. ред. А. К. Зайцев. Вып. 3. Курск. 126 с.

Моргунов Ю. Ю., 1999. О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // РА. № 3. С. 69–78.

Моргунов Ю. Ю., 2000. Еще раз о «переяславских торках» // РА. № 1. С. 23–36.

Моргунов Ю. Ю., 2003. Сампсониев Остров: пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. / отв. ред. А. М. Обломский. М.: Наука. 187 с.

Моргунов Ю. Ю., 2005 а. К проблематике изучения южнорусских змиевых валов // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 253–268.

Моргунов Ю. Ю., 2005 б. К вопросу о разделе южнорусских земель в 1026 г. «по Днепр» // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст., присвячений пам'яті В. В. Сєдова / П-Х ДПУ. Вип. 16. Переяслав-Хмельницкий. С. 221–227.

Моргунов Ю. Ю., 2006. Городища кочевников приграничья Южной Руси // Археология Юго-Восточной Руси: материалы IV науч. конф. / под ред. Н. А. Макарова. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина. С. 159–172.

Моргунов Ю. Ю., 2008. О следах «косых острогов» X в. на городищах Курской области // РА. № 3. С. 35–44.

Моргунов Ю. Ю., 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Наука. 302 с.

Моргунов Ю. Ю., 2010. Древняя Русь и кочевники Причерноморья // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М.: Наука. С. 62–76.

Моргунов Ю. Ю., 2011. О начале «окняжения» Русью юго-западной окраины племенной территории летописных северян // Переяславіка. Наук. зап. НІЕЗ «Переяслав»: зб. наук. ст. Вип. 5 (7). Переяслав-Хмельницький. С. 258–274.

Моргунов Ю. Ю., 2012 а. Летописный город Снепород и его округа, X–XIII вв. / отв. ред. А. В. Чернецов. СПб.: Изд-во филологического ф-та СПбГУ. 252 с. (Archaeologica Varia).

Моргунов Ю. Ю., 2012 б. Поросский и болоховский регионы Южной Руси // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих культур: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. А. Беляев. Рязань: Изд-во РИАМЗ. С. 200–211.

Моргунов Ю. Ю., 2012 в. Еще раз о защитных акциях Владимира Святославича на переяславском Левобережье // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 31. Переяслав-Хмельницький. С. 63–75.

Моргунов Ю. Ю., 2014 а. Еще раз о северянских «протогородах» // Міста Давньої Русі: зб. наук. праць пам´яті А. В. Кузи / под ред. П. П. Толочко. Київ: Стародавній Світ. С. 116–131.

Моргунов Ю. Ю., 2014 б. К локализации летописного города Горошина // КСИА. Вып. 236. С. 139–142.

Моргунов Ю. Ю., 2015 а. Заметки о «русском» отрезке пути Киев – Болгар // Наукові записки з української історії / П-Х ДПУ. Вип. 37. Переяслав-Хмельницький. С. 3–13.

Моргунов Ю. Ю., 2015 б. Сложение территории Переяславского княжества // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера. С. 331–339.

Моргунов Ю. Ю., 2015 в. Сложение посульского рубежа Переяславской земли // КСИА, 241. С. 284–296.

Моргунов Ю. Ю., 2016. Начало христианизации Переяславской земли // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 39. Переяслав-Хмельницький. С. 25–30.

Моргунов Ю. Ю., 2018. «Русская» часть трассы Киев – Болгар // Filo Ariadne. 2018. № 2.

Моргунов Ю. Ю., 2018 б. Археологические исследования летописного Любеча // Институт археологии РАН: сто лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 169 – 172.

Моргунов Ю. Ю., Сидоренко А. В., 2012. Новые находки на городище летописного Снепорода // Моргунов Ю. Ю. Летописный город Снепород и его округа, X–XIII вв. СПб. Приложение 7. С. 246–250.

Моргунов Ю., Шерстюк В., 2016 а. Тарасівка 1: давньоруське літописне місто «Горошин», комплекс у складі городища, укріпленого посаду та селищ // Полтавський краєзнавчий музей: маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток: зб. наук. ст. Вип. XI. Полтава, 2016. С. 404–410.

Моргунов Ю., Шерстюк В., 2016 б. Чутівка 1: комплекс у складі городища, укріпленого посаду, селищ та моги льника давньоруського часу // Полтавський краєзнавчий музей: маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток: зб. наук. ст.: Вип. XI. Полтава, 2016. С. 410–416.

Морозов О. С., 1995. Археологічні пам'ятки Ніжина та околиць (нові знахідки) // Археологічні старожитності Подесення: матеріали історико-археологічного семінару. Чернігів. С. 102–104.

Морозов О., 2005. Нариси з історії стародавнього Ніжина // Ніжинська старовина: Історико-культорогічний збірник. Вип. 1 (4). Ніжин. С. 26–34.

Моруженко А. А., 1975. Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху // Скифский мир. Киев. С. 133–146

Моруженко А. А., 1976. Исследование древнерусских памятников у с. Городное // АО-1975. М. С. 330.

Моруженко А. А., 1977. Исследования в бассейне Ворсклы // АО-1976. М.

Моруженко А. А., 1985. Городища лесостепных племен Днепро-Донецкого междуречья VII–III вв. до н. э. // СА. № 1. С. 160–178.

Моруженко А. А., Косиков В. А., 1977. Курганы у с. Городное // СА. № 1. С. 281–288.

Москаленко А. Н., 1965. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж: Изд-во Воронежского университета. 310 с.

Мохов А. С., 2005. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами (1046–1053 гг.) // Известия Уральского государственного университета. № 39. Екатеринбург. С. 15–26.

Моця А. П., 1983. Сведения об этническом составе летописного Желни по данным могильника // Древнерусское государство и славяне: материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева / под ред. Л. Д. Поболя. Минск: Наука и техника. С. 82–84.

Моця А. П., 1985. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (история и археология): сб. науч. тр. / отв. ред. П. П. Толочко. Киев. С. 131–133.

Моця А. П., 1987 а. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев: Наукова думка. 172 с.

Моця А. П., 1987 б. К проблеме градообразования на Левобережье Днепра в XI–XII вв. // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1, вып. 2 а. Секция II: Происхождение и эволюция раннесредневекового города. М. С. 164–168.

Моця А. П., 1990. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев: Наукова думка. 288 с.

Моця А. П., 1992. Общие закономерности торгово-экономических взаимоотношений Киева и Булгара в IX–XIII вв. // Путь из Булгара в Киев: сб. науч. ст. по итогам науч. конф. Казань. С. 6–12.

Моця А. П., 1993 а. Археологический комплекс Журавное – опорный центр Руси на границе со степью // Археология и история Юго-Востока Древней Руси: материалы науч. конф. Воронеж. С. 77–80.

Моця О. П., 1993 б. Населення Південно-Руських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів) / под ред. М. П. Кучеры. Київ: ИА НАНУ. 160 с.

Моця А. П., 1995. Становлення Новгорода-Сіверського в контексті теорії бінарних опозицій // Археологічні старожитності Подесення. Матер. історико-археологічного семінару. Чернігів. С. 104, 105.

Моця О. П., 1998. Матеріали журавнівського комплексу в контексті дослідження проблеми давньоруського міста // Історія Руси-України (історико-археологічний збірник). Київ. С. 182–186.

Моця О. П., 1999. Протистояння Русі Полю (за матеріалами межиріччя Сули і Сіверського Дінця). АЛЛУ. Ч. 1. Полтава. С. 7–11.

Моця А. П., 2000 а. Етнічний склад населення південноруських земель // Давня історія України. Т. 3: Слов'яно-руська доба / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: ИА НАНУ. С. 497–505.

Моця А. П., 2000 б. Князювання Володимира Святославича // Давня історія України. Т. 3: Слов'яно-руська доба / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: ИА НАНУ. С. 274–287.

Моця О. П., 2001. Київська Русь: етапи формування державної території // Археологія. № 1. С. 45–50.

Моця А. П., 2006. Об одной группе протогородов днепровского Левобережья // Русский сборник. Брянск. С. 118–125. (Труды кафедры истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского; вып. 2–3).

Моця О. П., 2007. Південна «Руська земля». Київ: Корвін-Пресс. 264 с.

Моця О. П., 2010. Шляхи часів Київської Русі: темпи руху на «путехъ» // Археологія. № 2. С. 30–42.

Моця А. П., Петрашенко В. А., 1988. Работы Днепровской древнерусской экспедиции // АО-1986. М. С. 313:

Моця А. П., Покас П. М., 1998. Яблуновські кургани: хронологія та етнічна приналежність населення // Археологія. № 2. С. 62–72.

Моця А. П., Халиков А. Х., 1997. Булгар – Киев. Пути – связи – судьбы / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: ИА НАНУ. 191 с.

Мургулия М. П., Шушарин В. П., 1998. Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН. 334 с.

Мурзин В. Ю., Ролле Р., 1998. Большие городища лесостепной Скифии // Історія Русі – України (історико-археологічний збірник) / отв. ред. О. П. Моця. Київ: ИА НАНУ. С. 34–41.

Мусин А. Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальний обряд и христианские древности // Труды ИИМК РАН. Т. V / отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение». 272 с.

Мэнуку-Адамештяну Г., 2000. Нашествия печенегов на Нижнем Дунае (1027–1048 гг.) // Stratum plus. № 6. С. 345–361.

Набок Л. М., Колибенко О. В., 2007 а. Православні храми Переяславщини: історія, дослідження, сучасність / Под. ред. О. П. Моци. Київ. 170 с.

Набок Л. М., Колибенко О. В., 2007 б. Переяславська митрополія // Православні храми Переяславщини: історія, дослідження, сучасність / под ред. О. П. Моци. Київ. С. 15–19.

Назаренко А. В., 1981. События 1017 г. в немецкой хронике начала XI в. и в русской летописи // ДГ 1980. М. С. 175–184.

Назаренко А. В., 1984. О датировке Любечской битвы // Летописи и хроники: сб. ст. 1984 г. М. С. 13–19.

Назаренко А. В., 1993. Титмар Мерзебургский. Хроника // Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков // Древнейшие источники по истории Восточной Европы / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Наука. С. 131–205.

Назаренко А. В., 2003. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос. С. 259–407.

Назаренко А. В., 2007. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 40–48.

Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства / отв. ред. В. К. Яцунский. М.: Изд-во АН СССР. 261 с.

Насонов А. Н., 1969. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука. 508 с.

Недошивина Н. Г., 1983. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра. СА. № 4. С. 222–225.

Недошивина Н. Г., 1990. Об одном типе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии / отв. ред. С. В. Студзицкая. М. С. 102–106. (Труды ГИМ; вып. 74).

Недошивина Н. Г., 1995. Металлические кресты-тельники домонгольской Руси // Церковная археология: материалы Первой Всероссийской конф. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура / отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.; Псков: ИИМК. С. 69–71.

Непомящих В. Ю., 2014. Нові дані про оборонні споруди Білгорода Київського // Міста Давньої Русі: збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: Стародавній Світ. С. 424–437.

Нерознак В. П., 1983. Названия древнерусских городов / отв. ред.: Д. С. Лихачев. М.: Наука. 207 с.

Нечаева Л. Г., 1975. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке // Древнее жилище народов Восточной Европы / отв. ред. М. Г. Рабинович. М.: Наука. С. 7–49.

Нечитайло В. В., 2011. Каталог монет Древнерусского государства III–XIII вв. Киев: Киевская книжно-журнальная фабрика. 78 с.

Николаева Т. В., Недошивина Н. Г., 1997. Предметы христианского культа // Археология. Древняя Русь. Быт и культура / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука. С. 166–179.

Николайчик Ф. Д., 1900. Материалы по истории землевладения кн. Вишневецких на Левобережье Украины // ЧОНЛ. Кн. XIV. Отдел III. Киев. С. 84–90.

Новоселов Н. В., Хрусталев Д. Г., 2003. Спасская церковь Переяславля Русского и воевода Ратибор // Староладожский сборник. Вып. 6. СПб.: Изд-во ИИ РАН «Нестор-История». С. 73–80.

Новосельцев А. П., 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука. 264 с.

Носов К. С., 2013. Русские средневековые крепости. М.: Эксмо. 352 с.

Обозрение, 1847. Статистическое обозрение коннозаводства России. СПб.: Управление государственного коннозаводства. 348 с.

Оппоков Е. В., 1905. Речные долины Полтавской губернии. Ч. 2. СПб.: Тип. Товарищества худож. печати. 437 с.

Орлов А. С., 1946. Владимир Мономах. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 192 с.

Орлов Р. С., 2003. Сільське ювелірне ремесло // Село Київської Русі (за матеріалами південно-руських земель) / отв. ред. О. П. Моця. Київ: Шлях. С. 121–131.

Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М., 1985. Исследования летописного Юрьева и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 30–61.

Орлов Р. С., Погорілий В. І., 1977. Поховання кочівника поблизу с. Поділля на Київщині // Археологія. № 24. С. 87–89.

Осадчий Є. М., 2003. Типи і елементи поховального обряду Зелено-гайського археологічного комплексу та їх співвідношення // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя (I – початку II тис.): збірник наукових праць. Суми. С. 48–64.

Осадчий Е. Н., 2016. Роменская крепость в X–XVIII вв. // Gardarika, Т. 1. С. 54–70.

Оустерхаут Р., 2005. Византийские строители / Пер. Л. А. Беляев, ред. и коммент. Л. А. Беляев, Г. Ю. Ивакин. Киев; М.: Корвин Пресс. 332 с.

Падалка Л. В., 1905. Древние земельные сооружения в пределах Полтавской губернии. Ч. I. О древних городках, городищах и насыпанных валах // Труды ПУАК. Вып. I. Полтава. 155 с.

Падалка Л. В., 1914. Прошлое Полтавской губернии и ее заселение. Полтава. 330 с.

Панова Т. Д., 1995. Нательные кресты в погребальной практике русского средневековья (XI–XVI вв.) // Церковная археология: материалы Первой Всероссийской конф. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура / отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.; Псков: ИИМК. С. 72, 73.

Пассек В., 1839. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов // РИС. Т. 3. Кн. 2. М.

Пассек В., 1840. Окрестности Переяславля // Очерки России. Кн. 4. М.: Тип. Н. Степанова.

Пашуто В. Т., 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука. 474 с.

Петрашенко В. О., Поселення Канівського Придніпров'я // Південноруське село IX–XIII ст. (нові пам'ятки матеріальної культури). Київ: ІЗМН. С. 114–143.

Петрашенко В. О., 1998. Канівський мікрорегіон і проблема заселення Подніпров'я в давньоруський час // Історія Руси-України (історико-археологічний збірник) / отв. ред. О. П. Моця. Київ: ИА НАНУ. С. 208–216.

Петрашенко В. О., 2003 а. Кераміка та гончарна справа // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель) / отв. ред. О. П. Моця. Київ: Шлях. С. 111–121.

Петрашенко В., 2003 б. Хронологія та походження середньодніпровської кружальної кераміки VIII – початку XI ст. // Дружинні старожитності Центрально–Східної Європи VIII–X ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару. Чернігів. С. 125–131.

Петрашенко В. А., 2005. Древнерусское село по материалам поселений у с. Григоровка. Киев. 263 с.

Петрашенко В. О., Козюба В. К., 1999. Узбережжя Канівського водосховища (каталог археологічних пам'яток). Київ: Наукова думка. 329 с.

Петрухин В. Я., 1989. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // ДГ 1987. М.: Наука. С. 27–29.

Петрухин В. Я., 1995. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГ 1992–1993 / отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука. С. 117–124.

Петрухин В. Я., 2006. Крещение Руси: от язычества к христианству. М.: Астрель. 222 с.

Петрухин В. Я., Пушкина Т. А., 1979. К предыстории древнерусского города // История СССР. № 4. С. 100–112.

Пештич С. Л., 1946. О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года // ИЗ. Т. 18. М. С. 327–335.

Писаренко Ю., 2008 а. К древнеруской топонимии. Увѣтичи // Ruthenica. Вип. 7. Київ. С. 184–187.

Писаренко Ю., 2008 б. К древнеруской топонимии. Вьяхань // Ruthenica. Вип. 7. Київ. С. 182–184.

Плетнёва С. А., 1964. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА. Вып. 99. С. 24–33.

Плетнёва С. А., 1967. От кочевий к городам / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. 200 с.

Плетнёва С. А., 1973. Древности Черных Клобуков. М.: Наука. 96 с. (САИ; вып. Е1-19).

Плетнёва С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука. 200 с. (САИ; вып. Е4-2).

Плетнёва С. А., 1975. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука. С. 260–300.

Плетнёва С. А., 1981. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / гл. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. С. 213–221.

Плетнёва С. А., 1990. Половцы / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. 208 с.

Плетнёва С. А., 1993. История одного хазарского поселения // РА. № 2. С. 48–69.

Плетнёва С. А., 1996. Саркел и «Шёлковый путь». Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ. 170 с.

Плетнёва С. А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья / отв. ред. А. З. Винников. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ. 248 с.

Плетнёва С. А., 2006. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ. 388 с.

Плетнёва С. А., Макарова Т. И., 1965. Южное городище у с. Витачева // КСИА. Вып. 104. С. 54–61.

Погодин М. П., 1848. Древние русские княжества с 1054 по 1240 г. Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств // ЖМВД. Т. 23, кн. 7. СПб. С. 3–27.

Погодин М. П., 1850. Исследования, замечания, лекции о русской истории. Т. IV. М. 448 с.

Погодин М. П., 1871. Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1. М.: Синодальная тип. 401 с.

Покас П. М., 1987. До антропології середньовічного населення басейну р. Псел // Археологія. № 58. С. 94–99.

Покас П. М., 1993. До антропології зеленогайського археологічного комплексу // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Матеріали семінару. Суми. С. 46–48.

Покас П. М., 1994. До антропології середньовічного населення Посейм'я // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Матеріали наукової конференції. Білопілля. С. 49–50.

Покас П. М., Осадчий Є. М., Приймак В. В., 2007. Зелений Гай І. Полтава: Техсервіс. 88 с.

Полтавщина, 1992. Енциклопедичний довідник / под ред. А. В. Кудрицкого. Київ: Українська енциклопедія. 1024 с.

Поляков А. Н., 2001. В граде Игореве. Новгород-Северский в конце X – начале XIII веков / под ред. И. Я. Фроянова. СПб.: ист. фак. СПбГУ. 149 с.

Поппэ А., 1962. Материалы для терминологического словаря древнерусского строительного дела X–XV вв. Вроцлав; Варшава; Краков. 96 с.

Поппэ А. В., 1968. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI ст. // ВВ. Т. 28 / отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука. С. 85–108.

Поппэ А. В., 1969. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI ст. // ВВ. Т. 29 / отв. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука. С. 93–105.

Поппэ А., 2011. Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря // Ruthenica, 2011. Т. 13. Киев. 150 с.

Пресняков А. Е., 1993. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории / отв. ред. В. И. Буганов. М.: Наука. 635 с.

Приймак В. В., 1990 а. Давньоруське місто Вир і його округа // Питання археології Сумщини. Матер. наук.-практ. конф. «Проблеми вичення і охорони пам'яток археології Сумщини» / отв. ред. В. С. Терентьев. Суми. С. 104–108.

Приймак В. В., 1990 б. Охранные исследования памятников VIII–X вв. в Верхнем Поворсклье // Археологические исследования на Полтавщине: сб. науч. тр. Полтава. С. 76–86.

Приймак В. В., 1993 а. Археологічні дані про включення території межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли до Київської держави // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченнного 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова. Чернігів. С. 96–98.

Приймак В. В., 1993 б. Динаміка розвитку міських центрів VIII–XIV ст, середньої течії р. Псёл // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Матеріали семінару. Суми. С. 10–13.

Приймак В. В., 1993 в. Пам'ятки роменської культури нижньої течії р. Клевень // Старожитності Південної Русі. Матеріали історико-археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.». Чернігів. С. 162–164.

Приймак В. В., 1994. Деякі підсумки вивчення давньоруського міста Вир і Вирівської волості // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Матеріали наукової конференції. Білопілля. С. 38–42.

Приймак В. В., 1997 а. Роменська культура в межиріччі Десни і Ворскли. Дискусійні питання, нові матеріали. Полтава–Суми. 35 с.

Приймак В. В., 1997 б. Формування територіальної структури давньо-руських па'яток на Північному Сході Лівобережної України // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі / отв. ред. П. П. Толочко. Чернігів: Сіверянська думка. С. 109–115.

Приймак В. В., 1998. Дослідження зеленогайського та шпилівського археологічних комплексів // АВУ 1997–1998 рр. Київ. С. 129–132.

Приймак В. В., 1999 а. Деякі аспекти історії Дніпровського Лівобережжя X–XI ст. у світлі досліджень літописної Лтави // ПАЗ–1999 / отв. ред. О. Б. Супруненко. Полтава: Археологія. С. 28–44.

Приймак В. В., 1999 б. Регіональні особливості роменської культури // АЛЛУ. Ч. 1. С. 11–19.

Приймак В. В. 2006. Дослідження роменсько-давньоруських пам'яток на шляху із Чернігова у Тмуторокань // Археологія. Вип. 3. С. 65–72.

Приймак В. В., 2007. Путивльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини. Полтава. 179 с.

Приймак В. В., Поряднева В. О., 2002. Населені пункти на шляху з Чернігова до Білої Вежі й Тмуторокані // Археологія, 3. С. 108–114.

Приймак В. В., Осадчий Є. М., Берест Ю. М., 2003. Дев'ятнадцятий сезон Сумської археологічної експедиції // АВУ 2001–2002. С. 231, 232.

Приймак В. М., Приймак В. В., 2003. Урбанізаційний процес в середній течії Псла у VIII–XVII ст. (місто Суми і його попередники) // Археологія та історія північно-східного Лівобережжя. Суми. С. 26–33.

Прилукский уезд, 1891. Сборник по хозяйственной статистике Полтавской губ. Т. IX. Полтава. 285 с.

Приселков М. Д., 1996. История русского летописания XI–XV вв. / отв. ред. Я. С. Лурье. СПб.: Дмитрий Буланин. 325 с.

Пріцак О., 1997. Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісладських саг). Т. 1. Київ: Обереги. 1072 с.

Прядко О., 2013. Давньоруське городище поблизу міста Золотоноша. Нові археологічні та нумізматичні знахідки // Переяслав-Хмельницький ДПУ. Наук. зап. з укр. історії: зб. наук. ст. Вип. 33. Переяслав-Хмельницький. С. 53–57.

Прядко О., 2015 а. Давньоруське городище Піщане на р. Супій // Археологія і фортифікація України: збірник матеріалів V Всеукраїнської науково-практичної конференції. Кам'янець-Подільський. С. 124–128.

Прядко О. О., 2015 б. Нове давньоруське городище Кропивна на Лівобережжі Середнього Придніпров'я // Праці Центру памяткознавства: зб. наук. праць. Вип. 28. Київ. С.106–114.

Прядко О., 2016 а. Давньоруське городище Гельмязів на р. Супій // Археологія & Фортифікація України: збірник матеріалів VI Міжнародної науково-практичної конференції. Кам'янець-Подільський. С. 134–138.

Прядко О., 2016 б. Ташанське городище на р. Супій // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 39. Переяслав-Хмельницький, 2016. С. 11–16.

Прядко О. Давньоруське городище Бубнів на Лівобережжі Середнього Подніпров'я. В печати.

Пряхин А. Д., Тропин Н. А., 2008. Исследования славянского горизонта на многослойном воргольском городище в 2007 г. // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья: (материалы науч. конф.) / отв. ред. А. З. Винников. Воронеж: Истоки. С. 98–101.

Пряхин А. Д., Цыбин М. В., 1991. Древнерусское семилукское городище XII–XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж. С. 93–105.

Птицын В. С., 2013. Христианизация населения Курской волости-княжения по материалам предметов благочестия // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского госуниверситета. 2013. Исторические науки и археология. № 3 (27). Том 1. Электронный ресурс: http://www.scientific-notes.ru/pdf/031-003.pdf

Пуголовок Ю., 2006. Сокира давньоруського часу з околиць м. Хорол // Середньовічні старожитності Південної та Східної Європи: тез. доп. Міжнар. наук. конф. Чернігів: Сіверян. думка, 2006. С. 142, 143.

Пуголовок Ю., 2010. Сировинна база житлового будівництва сіверян (за матеріалами південно-східної групи пам'яток) // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи. Матеріали IX Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. Чернігів.

Пуголовок Ю. О., 2012. Дослідження на посаді Глинського городища на Ворсклі // АДУ 2011. Київ. С. 370, 371.

Пуголовок Ю. О., 2013. Характеристика та основні будівельні рішення городищ літописних сіверян // Слов'яни і Русь: археологія та історія // Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ. С. 262–270.

Пуголовок Ю. О., 2014. Дослідження глинського археологічного комплексу в 2013 р. // АДУ 2013. С. 213, 214.

Пуголовок Ю. О., Сидоренко О. В., 2007. Знахідки сокир давньоруського часу з Посулля // АЛЛУ. № 1–2. С. 92.

Пуголовок Ю. О., Супруненко О. Б., 2011. Дослідження на Миколаївській гірці в м. Полтава // АДУ 2010. Київ-Полтава. С. 278, 279.

Пузикова А. И., 2012. Многослойное поселение Переверзево-2 в Посеймье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 4: Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего Средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой): сб. науч. тр. Курск. С. 23–73.

Пуцко В. Г., 1974. Греческая надпись из Воиня // Нумизматика и эпиграфика, Т. 11. С. 209–214.

Пуцко В. Г., 1993. Переяславский клад 1912 г. КСИА. Вып. 208. С. 90–94.

Пушкина Т. А., 1997. Воск и свечи в древнерусских погребениях // Погребальний обряд: археологический сборник. М.: Изд-во ГИМ. С. 122–133. (Труды ГИМ; вып. 93).

Пчёлов Е. В., 2001. Генеалогия древнерусских князей. IX – начало XI в. / отв. ред. О. М. Медушевская. М.: РГГУ. 262 с.

Равдина Т. В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси / отв. ред. М. В. Седова. М.: Наука. 151 с.

Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // Московская керамика: новые данные по хронологии. М.: ИА АН СССР. С. 4–13. (Материалы и исследования по археологии Москвы; т. 5).

Раздорский А. И., 2015. О времени существования современного Курска (к вопросу о хронологических разрывах в истории некоторых русских городов) // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конференции с международным участием. Сургут: Изд-во СурГУ. С. 190–201.

Рапов О. М., 1977. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Изд-во МГУ. 260 с.

Раппопорт П. А., 1952 а. Заметки о датировке некоторых городищ Поднепровья // КСИИМК. Вып. XLVIII. С. 107–115.

Раппопорт П. А., 1952 б. Обстеження городищ в районі Києва у 1950 р. // Археологія. Вып. VII. С. 142–149.

Раппопорт П. А., 1953. Древнерусские оборонительные конструкции с применением сырцовой кладки // КСИИМК. Вып. 52. С. 17–24.

Раппопорт П. А., 1954 а. Археологические заметки о двух русских оборонительных сооружениях XII века // КСИИМК. Вып. 54. С. 180–186.

Раппопорт П. А., 1954 б. К вопросу о системе обороны Киевской земли // КСИА АН УССР. Вып. 3. С. 21–26.

Раппопорт П. А., 1955 а. Города Болоховской земли // КСИИМК. Вып. 57. С. 52–59.

Раппопорт П. А., 1955 б. Конструкции древнерусских оборонительных сооружений X–XIII вв.// КСИА АН УССР. Вып. 4. С. 21, 22.

Раппопорт П. А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 184 с. (МИА; № 52).

Раппопорт П. А., 1959. Круглые и полукруглые городища Северо-Восточной Руси // СА. № 1. С. 115–123.

Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АНА СССР. 242 с. (МИА; № 105)

Раппопорт П. А., 1967. Военное зодчество западнорусских земель. Л.: Наука. 241 с. (МИА; № 140).

Раппопорт П. А., 1982. Русская архитектура X–XIII вв.: каталог памятников // Л.: Наука. 136 с. (САИ; вып. Е1-47).

Раппопорт П. А., 1994. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.: Наука. 159 с.

Расовский Д. А., 1927. О роли черных клобуков в истории Древней Руси // SK. T. I. Prague. С. 93–109.

Расовский Д. А., 1933. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // SK. T. VI. Praga. С. 3–64.

Расовский Д. А., 1935. Половцы. I: Происхождение половцев // SK. T. VII. Praha. С. 245–261.

Расовский Д. А., 1936. Половцы. II: Расселение половцев // SK. T. VIII. Praha. С. 161–182.

Раунер Ю. Л., 1985. Реконструкция экстремальных климатических явлений исторического прошлого // Методы реконструкции палеоклиматов / отв. ред. А. А. Величко. М.: Наука.

Рашев Р., 1979. Валовете в Добруджа (към въпроса за хронологията и предназначението им) // Археология. Кн. 1. София. С. 11–20.

Рашев Р., 1981. Земленaта укрепителна система на Първото Българско царство // Плиска-Преслав. Т. 2. Прабългарската култура: материали от бълг.-съв. среща. Шумен, 1976. София. С. 99–103.

Рашев Р., 1995. Фортификация Первого болгарского царства (681–1018 гг.) // Фортификация в древности и средневековье: (материалы методологического семинара ИИМК). СПб. С. 79, 80.

Ренський М. Д., 1925. Розшуки та розкопи на Лохвиччині // Бюллетень кабінету антропології та етнології ім. Х в. Вовка. Ч. 1. Київ. С. 39, 40.

Ричка В. М., 1993. Чернигів і Переяслав у X–XII ст. (про деякі закономірності й особливості політичного розвитку) // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова: матеріали історико-археологічного семінару. Чернігів, 1993. С. 52, 53.

Ричка В. М., 2007. «И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю» (першопричини і далекосяжні наслідки) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: зб. наук. праць / отв. ред. О. Б. Коваленко. Чернігів: Деснянська правда, 2007. С. 160–165.

Роздобудько М. В., 2007. «Змійові» вали Переяславщини» // Переяслав у віках. Київ: Світ успіху. С. 54–58.

Роздобудько М. В., Тетеря Д. А., 1996. До питання про так зване Каратульське городище // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи: збірник наукових праць. Полтава. С. 233, 234.

Роздобудько М. В., Тетеря Д. А., 1997. Матеріали для датування переяславських «змійових» валів // Археологія. № 3. С. 139–141.

Розенфельдт Р. Л., 1964. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. № 4. С. 220–223.

Розенфельдт Р. Л., 1997. Керамика // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М. С. 22–28.

Роспонд С., 1972. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М. С. 9–89.

Россия, 1903. Полное географическое описание нашего отечества. Т. VII: Малороссия / под ред. В. П. Семенова. СПб. 518 с.

Роэсдаль Э., 2001. Мир викингов: викинги дома и за рубежом. СПб.: Всемирное слово. 178 с.

Рублев А. И., 2016. Монеты древнерусской чеканки, конец X – начало XI в.: период княжений Владимира Святославича, Святополка Владимировича и Ярослава Владимировича. Б. м., б. и. 386 с.

Рудинський М., 1928. Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник, присвячений 35-річчю музею. Т. 1. Полтава. С. 29–62.

Рудич Т., 2008. До питання про антропологічний склад населення Лівобережної України давньоруської доби (за матеріалами з могильника на околиці м. Переяслава-Хмельницького) // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький. С. 96–103.

Рудич Т. О., 2009. Населення лівобережної України давньоруської доби за матеріалами антропології // Археологія. № 4. С. 16–25.

Рудич Т. О., 2011. Населення правобережжя Среднього Подніпров'я давньоруської доби за матеріалами антропології // Археологія. № 1. С. 22–32.

Русанова И. П., 1966. Курганы полян X–XII вв. М.: Наука. 47 с. (САИ; вып. Е1–24).

Русанова И. П., 1992. Культовые места и языческие святилища VI–XIII вв. // РА. № 4. С. 50–67.

Русанова И. П., Тимощук Б. А., 1993. Языческие святилища древних славян / под ред. С. А. Плетнёвой. М.: АРХЭ. 144 с.

Русина О., 2005. Студії з історії Києва та Київської землі / отв. ред. В. А. Смолий. Київ: ИИ НАН Украины. 346 с.

Рутковская Л. М., 1971. Раскопки в Жовнино // АО-1970. М. С. 288.

Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси / отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР. 792 с.

Рыбаков Б. А., 1949. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. // АП. Т. 1. Київ. С. 21–25.

Рыбаков Б. А., 1951 а. Карта населенных пунктов Древней Руси // ИКДР / под ред. Б. Д. Грекова и М. А. Артамонова. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Вклейка между с. 30 и 31.

Рыбаков Б. А., 1951 б. Торговля и торговые пути // ИКДР / под ред. Б. Д. Грекова и М. А. Артамонова. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 315–369.

Рыбаков Б. А., 1952. Русские земли по карте Идриси 1154 года // КСИИМК. Вып. XLIII. С. 3–44.

Рыбаков Б. А., 1958. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве» // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. № 1. С. 5–12.

Рыбаков Б. А., 1960 а. Раскопки в Любече в 1957 г. // КСИИМК. Вып. 79. С. 27–34.

Рыбаков Б. А., 1964. Первые века русской истории. М.: Наука. 242 с.

Рыбаков Б. А., 1965. Владимировы крепости на Стугне // КСИА. Вып. 100. С. 126–129.

Рыбаков Б. А., 1966. Раскопки в Путивле // АО-1965. М.: Наука. С. 154, 155.

Рыбаков Б. А., 1969. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы: к семидесятилетию А. П. Смирнова / отв. ред. Л. А. Евтюхова. М.: Наука. С. 189–196. (МИА; № 169).

Рыбаков Б. А., 1971. «Слово о полку Игореве» и его современники / отв. ред. А. Г. Кузьмин. М.: Наука. 293 с.

Рыбаков Б. А., 1972. Государственная оборонительная система Киевской Руси // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наукова думка. С. 17–19.

Рыбаков Б. А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука. 589 с.

Рыбаков Б. А., 1987. Язычество Древней Руси. М. 782 с.

Рыбаков В. В., 2008. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии // Ин-т всеобщ. истории РАН, Центр истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур. 336 с.

Рыдзевская Е. А., 1978. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М.: Наука. 240 с. (ДГ 1978).

Савчук А. П., Костенко Ю. В., 1977. Дослідження археологічних пам'яток у Баришівському районі Київської обл. // Археологія. № 22. С. 106–109.

Сагайдак М. А., 1989. К истории хозяйственного освоения киевской территории в конце I – начале II тысячелетия // Древние славяне и Киевская Русь / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 124–129.

Сагайдак М. А., 1991. Давньокиївський Поділ / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: Наукова думка. 170 с.

Сагайдак М. А., 1998. Городець на Радосині // Історія Руси-України (історико-археологічний збірник). Київ: ИА НАНУ. С. 229–236.

Самойловський І. М., 1971. Переяславькі змійові вали // УІЖ. № 3. С. 101, 102.

Самоквасов Д. Я., 1873. Древние города России. СПб. 190 с.

Самоквасов Д. Я., 1878. Историческое значение городищ // Труды III АС. Т. I. Киев. 225–235.

Самоквасов Д. Я., 1908 а. Могилы Русской земли. М.: Синодальная тип. 271 с.

Самоквасов Д. Я., 1908 б. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М.: Синодальная тип. 119 с.

Самоквасов Д. Я., Уварова П. С., 1906. О находках денежных кладов и других древностей // Тр. московского предв. комитета XIV АС в Чернигове / под ред. В. К. Трутовского. М., 1908. С. 41–69.

Сапегін С. В., Гейко А. В., 2001. Гончарне горно з Черкащини // АЛЛУ. Вып. 2. С. 95–97.

Сарачев И. Г., 2000 а. Типология венчиков древнерусских горшков днепровского Левобережья // Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К⁰. Приложение 1. С. 225–236.

Сарачев И. Г., 2000 б. Древнерусская круговая керамика в комплексах роменской культуры (по материалам раскопок в г. Полтаве в 1990 г.) // Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К⁰, 2000. Приложение 2. С. 237–242.

Сарачева Т. Г., 2012. Результаты изучения химического состава цветного металла находок из Снепорода // Моргунов Ю. Ю. Летописный город Снепород и его округа, X–XIII вв. СПб. Приложение 4. С. 223–230.

Сахаров А. Н., 1978. Страницы русской дипломатии начала X в. // Восточная Европа в древности и средневековье: сб. ст. / отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука. С. 267–281.

Сборник по хозяйственной статистике Полтавской губ. Т. IX: Прилукский уезд. Полтава. 1891. 451 с.

Свиньин П., 1826. Извлечение из археологического путешествия по России Павла Свиньина в 1825 г. // Труды и записки Общества истории и древностей российских. Ч. 3, кн. 1. М. С. 196–198.

Свирин К. М., 2007. Конструкция языческих святилищ Восточной Европы VI–XIII вв. (к постановке проблемы) // Вестник МГУ. Серия 8: История. № 1. С. 119–133.

Свирин К. М., 2008. Языческие ритуальные объекты в археологических исследованиях: к вопросу о терминологии // Труды II (XVIII) Всероссийского АС в Суздале. Т. III / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 176–176.

Свирин К. М., 2011. Языческие святилища Восточной Европы: опыт реконструктивного анализа // Труды III (XIX) Всероссийского АС. Великий Новгород – Старая Русса. Т. II / отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород. С. 95–98.

Седов В. В., 1978. Городища Смоленской земли // Древняя Русь и славяне / отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука. С. 143–149.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне VI–XIII вв. М. 326 с.

Седов, 1987. Распространение христианства в Древней Руси // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси: сб. тезисов / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука. С. 40–43.

Седов В. В., 1995. Становление христианства в Смоленской земле (по курганным материалам) // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь: чтения памяти В. Т. Пашуто: тез. докл. / отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: ИРИ РАН. С. 77–79.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука. 196 с.

Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Археология. Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука. С. 63–79.

Семенов В. А., 2000. Святилище – священная территория – мифологизированное пространство // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: материалы тематической науч. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 183–187.

Семёнова-Тян-Шанская А. М., 1957. Изменение растительного покрова лесостепи русской равнины в XVI–XVIII вв. под влиянием деятельности человека // Ботанический журнал. Т. XLII. № 9.

Семенчик М. М., 1927. Звідомлення за 1926 р. // Короткі звідомлення ВУАК УАН за рік 1926. Київ.

Сергєєва М. С., 2015. Майстри з обробки дерева та кістки давньоруского міста Воїнь / отв. ред. О. П. Моця. Київ; Харків: Майдан. 232 с.

Сєров О. В., 1997. Давньоруські селища X – середини XIII ст. Київського Подніпров'я // Південноруське село IX–XIII ст. (нові пам'ятки матеріальної культури) / отв. ред. О. П. Моця. Київ: ІЗМН. С. 99–113.

Сидоренко О. В., Мироненко К. М., 2007. Знахідка давньоруської печатки «від Ратибора» в околицях літописного «міста» Синець // АЛЛУ. Ч. 1–2. Полтава. С. 46, 47.

Сидоренко О. Ф., 1991. Торгівля лісом та її вплив на формування екологічного середовища на Україні (за актовими джерелами XVI–XVII ст.) // Проблеми історичної географії України / отв. ред. Ф. П. Шевченко. Київ: Наукова думка. С. 96–105.

Сиромятников О. К., 2003. Нововиявлені пам'ятники археології Київщини // АВУ 2001–2002 рр. Київ. С. 259–260.

Сікорський М. І., 1976. Склоробна майстерня XI ст. у Переяславі-Хмельницькому // Дослідження з слов'яно-руської археології / отв. ред. В. І. Довженок. Київ: Наукова думка. С. 146–150.

Сікорський М. І., Савчук А. П., 1971. Знахідки в с. Козинці Переяслав-Хмельницького району // Археологія. № 4. С. 65–73.

Склярук В. И., 1988. К биографии Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Т. 41. Л.: Наука. С. 317–323.

Скороход В. М., Мироненко Л. П., 2012. Дослідження на посаді виповзівського городища // АДУ 2011 / отв. ред. Д. Н. Козак. Київ: ИА НАН Украины. С. 511–514.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12 / гл. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1987. 381 с.

Смирнова Г. П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М.; Л.: Наука. С. 228–248. (МИА; т. 55).

Смиленко А. Т., Юренко С. П., 1990. Роменская культура: хронология, периодизация // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка.

Сотникова М. П., 1995. Древнейшие русские монеты X–XI веков: каталог и исследование. М.: Банки и биржи. 317 с.

Сотникова М. П., Спасский И. Г., 1983. Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI вв. Л.: Искусство, 1983. 239 с.

Спафарий Н. М., 1960. Сибирь и Китай. Кишинев: Изд-во Молдовеняскэ. 528 с.

Спутник по Днепру, 1909. Спутник по Днепру и его притокам: историко-археологический очерк Приднепровского бассейна / под ред. А. Хребтова. Киев. 129 с.

Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М., 2003. Тысячелетие креста. М. 62 с.

Стародубцев Г. Ю., 2001. Изображение оборонительных сооружений Гочевского археологического комплекса на свинцовой отливке // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: события, памятники, традиции: труды конф. Тула. С. 52–57.

Стародубцев Г. Ю., 2006 а. Охранные исследования Гочевского археологического комплекса в 1994–2005 гг. // Русский сборник. Брянск. С. 162–169. (Труды кафедры истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского).

Стародубцев Г. Ю., 2006 б. Охранные исследования посада Гочевского археологического комплекса (летописного Римова) в 2003–2004 гг. // Археология Юго-Востока Руси: материалы IV науч. конф. Елец. С. 229–235.

Стародубцев Г., 2007. Находки лазуритовых подвесок на Гочевском археологическом комплексе // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів. С. 197, 198.

Стародубцев Г. Ю., 2008. Предметы вооружения, снаряжения и конской упряжи из раскопок Люшинского археологического комплекса // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего Средневековья: (материалы науч. конф.). Воронеж. С. 102–104.

Стародубцев Г. Ю., 2009. Средневековый замок (городище «Царский Дворец») на верхнем Псле // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: материалы Международной науч. конф., посвящённой 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск. С. 101–110.

Стародубцев Г. Ю., 2012 а. Арабские монеты и подражания дирхемам с поселения Жидеевка Курской области // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 4: Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего Средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой): сб. науч. тр. Курск. С. 220–226.

Стародубцев Г. Ю., 2012 б. Городище Царский Дворец – замок Великого княжества Литовского на границе с Золотой Ордой (находки в ходе исследований 1997–2010-х гг.) // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 317–325.

Стародубцев Г. Ю., 2013. Сребреник с поселения Жидеевка Курской области // Русский сборник. Брянск: РИО БГУ. С. 220–222. (Труды кафедры отечественной истории Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского).

Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В., 2008. Исследования средневекового замка (городища «Царский дворец») // Труды II (XVIII) АС в Суздале. Т. II / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 512–517.

Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В., 2011. «Дроголево городище»: попытка атрибутации памятника и коллекции из фондов Курского государственного областного музея археологии // Русский сборник. Вып. 6. Брянск: РИО БГУ. С. 103–107. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского; вып. 20).

Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В., Остроухов С. А., 2008. Люшинский археологический комплекс и летописный Ольгов // Русский сборник. Вып. 4. Брянск: РИО БГУ. С. 60–64. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского; вып. 9).

Статистическое обозрение коннозаводства России. СПб.: Управление гос. коннозаводства, 1847. 348 с.

Стороженко А. В., 1900. Очерки Переяславской старины. Киев: Тип. Г. Л. Францкевича. 236 с.

Стрижак О. С., 1962. Про походження назв населенних пунктів Полтавщини XIV–XVI ст. // Питання топоніміки та ономастики. Київ. С. 80–95.

Стрижак О. С., 1963. Назви річок Полтавщини. Київ: Изд-во АН УССР. 112 с.

Сулейменов О., 1975. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы. 304 с.

Супруненко О. Б., 1998 а. На землі Полтавській. Пам'ятки археології Полтави та околиць. Полтава. С. 79–103.

Супруненко О. Б., 1998 б. Стулка близькосхідного енколпіону з околиць Градизька // АЛЛУ. № 1–2. С. 100–102.

Супруненко О. Б., 1999 а. Літописна Лтава (до 1100-річчя міста Полтави – за даними археологічних досліджень) // ПАЗ–1999 / отв. ред. О. Б. Супруненко. Полтава: Археологія. С. 9–28.

Супруненко О. Б., 1999 б. Про давньруські центри Нижнього Поворскля // АЛЛУ. Ч. 1. Полтава. С. 21–24.

Супруненко О. Б., 2000. Археологія в діяльності першого приватного музею України (Лубенський музей К. М. Скаржинської) / под ред. П. П. Толочко. Київ; Полтава: Археологія. 391 с.

Супруненко О. Б., 2012. Археологічні спостереження за днопоглибленням у заплаві Сули навпроти Лубен // Полтавський краєзнавчий музей. Маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток: зб. наук. ст. Вип. 7. Полтава: Дивісвіт. С. 131–182.

Супруненко О. Б., 2017. Археологічні пам'ятки Хоролу: до визначення території археологічного ареалу // Хорольщина: від давнини до сьогодення: збірник наук. праць та мат-лів конф. / отв. ред. О. Б. Супруненко. Київ; Полтава: ЦП НАНУ і УТОПІК. С. 23–38.

Супруненко О. Б., Кулатова І. М., Приймак В. В., 2001. Піздньороменські комплеси з посаду літописної Лтави (за розкопками 1997–1998 рр.) // АЛЛУ. № 1. С. 54–75.

Супруненко О. Б., Кулатова І. М., Тітков О. В., 2003. Рештки городища літописного міста Синець та знахідки у Посуллі // АВУ 2001–2002 рр. Київ. С. 40–43.

Супруненко О. Б., Мироненко К. М., Пуголовок Ю. О., Шерстюк В. В., 2008. Дослідження посаду літописної Лтави. Миколаївська гірка. Київ; Полтава. 136 с.

Супруненко О. Б., Пуголовок Ю. О., Мироненко К. М., Шерстюк В. В., 2009 а. Дослідження посаду літописної Лтави. Інститутська гора. Ч. 1. Київ; Полтава. 140 с.

Супруненко О. Б., Пуголовок Ю. О., Мироненко К. М., Ткаченко О. М., Шерстюк В. В., Яремченко В. А., 2009 б. Дослідження посаду літописної Лтави. Інститутська гора. Ч. 2. Київ; Полтава. 132 с.

Супруненко О. Б., Пуголовок Ю. О., 2013. Дослідження на Соборному майдані у Полтаві // Археологічні дослідження 2012: збірник наукових праць. Київ: ІА НАНУ. С. 282, 283.

Супруненко О. Б., Пуголовок Ю. О., 2015. Дослідження літописної Лтави: Іванова гора. Ч. 1. Київ. 180 с.

Супруненко О. Б., Сидоренко О. В., Пономаренко Я. Я., 2015. Про деякі пам'ятки і нові знахідки з території Полтавщини // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2015: зб. наук. праць / отв. ред. О. Б. Супруненко. Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. С. 111–173.

Супруненко О. Б., Пуголовок Ю. О., 2015. Дослідження літописної Лтави: Іванова гора. Ч. 2. Київ. 192 с.

Супруненко О., Сидоренко О., 2016. Деякі пам'ятки і нові матеріали з Посулля у колекції Полтавського краєзнавчого музею імені Василя Кричевського // Полтавський краєзнавчий музей: маловідомі сторінки історії, музеєзнавство, охорона пам'яток: збірник наукових ст. Вип. XI. Полтава. С. 40–54.

Сухобоков О. В., 1975. Славяне днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев: Наукова думка. 166 с.

Сухобоков О. В., 1984 а. Левобережье Днепра // Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта) / под ред. В. Д. Барана. Киев: Наукова думка. С. 103–176.

Сухобоков О. В., 1984 б. К возникновению и ранней истории Путивля // Древнерусский город: (материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева) / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 120–123.

Сухобоков О. В., 1986. Путивль // Археология Украинской ССР. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев: Наукова думка. С. 310–313.

Сухобоков О. В., 1988 а. Археологические исследования к юбилею г. Лубны (раннеславянское поселение Засулье и древнерусский город Лубен // 1000-летие города Лубны: тез. докл. областной научно-практической конференции / отв. ред. Б. С. Ванцак. Лубны. С. 3–5.

Сухобоков О. В., 1988 б. Археологические исследования путивльского Посемья // Древнерусский город Путивль: тез. докл. науч. конф. / отв. ред. А. В. Луговской. Путивль. С. 9–11.

Сухобоков О. В., 1988 в. Исследования древнерусских городищ на Сейме // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Чернигов: Десна. С. 30–32.

Сухобоков О. В., 1988 г. Левобережная Украина в VII–XIII вв. // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: сб. науч. тр. / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 46–56.

Сухобоков О. В., 1988 д. Население бассейнов Псла, Ворсклы и Северского Донца в эпоху Киевской Руси // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: тез. докл. областного научно-практического семинара. Полтава. С. 36, 37.

Сухобоков О. В., 1988 е. Украинское Днепровское Левобережье в VII–XIII вв. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2 / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 307–312.

Сухобоков О. В., 1990. Древнерусский Путивль и его округа (по материалам археологических исследований). Путивль. 152 с.

Сухобоков О. В., 1991. Некоторые итоги археологических исследований в Путивле // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж: Вор. ГПУ. С. 70–77.

Сухобоков О. В., 1992. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.). Київ: Наукова думка. 215 с.

Сухобоков О. В., 1993. Про час заснування та локалізацію давньоруського міста Ромен // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова: матеріали історико-археологічного семінару, присвяченнного 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова. Чернігів. С. 46, 47.

Сухобоков О. В., 1994. Хазарский каганат и славяне Днепро-Донского междуречья // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археологі Посейм'я: матеріали наукової конференії. Білопілля. С. 12–16.

Сухобоков О. В., 1998. Деякі питання етнокультурної історії лівобережної України останньої третини I – початку II тис. н. е. // АЛЛУ. № 1–2. С. 66–71.

Сухобоков О., 2002. Древнерусский Ромен: археология и летопись // А се єго срєбро: збірник праць на пошану М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя / отв. ред. В. П. Смолий. Київ: II НАНУ. С. 25–32.

Сухобоков О. В., 2004. Розкопки у літописному Ромні (до 100-річчя роменської археологічної культури) // Археологія. № 4. С. 72–80.

Сухобоков О. В., 2010. Северяне посульского пограничья Древней Руси IX–XI вв. // Археологія і давня історія України. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології / отв. ред. Г. Ю. Ивакин. Київ: ИА НАНУ. С. 563–572.

Сухобоков О. В., 2012. «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X–XIII вв. по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное / отв. ред. А. П. Моця. Киев: Аграр Медіа Груп. 376 с.

Сухобоков О. В., Моця О. П., 1987. Давньоруські пам'ятки поблизу хутора Зелений Гай Сумсько області // Археологія. Вип. 58. С. 83–94.

Сухобоков О. В., Юренко С. П., 1999. Історія Лівобережної України I тис. н. є. в етнокультурно-археологічному аспекті // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. Київ; Львів. С. 277–289.

Сытый Ю. Н., 1990. К истории изучения черниговского Задесенья // Проблемы археологии Южной Руси: материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 62–66.

Сычева С. А., 2002. Многовековая ритмичность почво- и рельефообразования на Среднерусской возвышенности в голоцене // Известия АН. Серия географическая. № 3. С. 87–97.

Таннер Б., 1891. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Перевод и комментарии И. Ивакина. М.: Университетская тип. 202 с.

Творогов О.В., 1987а. Нестор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 274–278.

Творогов О. В., 1987 б. Феодосий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. С. 457–459.

Творогов О. В., 1994. Древняя Русь. События и люди / отв. ред. Ю. Г. Алексеев. СПб.: Наука. 220 с.

Терещенко О., 2006. Піхота і кавалерія у військах Давньої Русі X – XI ст. // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст.: матеріали Міжнародного польового археологічного семінару. Чернігів: Сіверянська думка, 2006. С. 187–191.

Тетеря Д., Прядко О., 2016. Знахідка візантійської монети на території південно-західної Переяславщини // Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки: тези доповідей IV міжнародної науково-практичної конференції, 22–23 червня 2016 р. Кіровоград; Київ; Переяслав Хмельницький. С. 26–29.

Тетеря Д., Юрченко О., 2016 Знахідки давньоруських сокир на території південно-західної Переяславщини // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст. / П-Х ДПУ. Вип. 39. Переяслав-Хмельницький. С. 18–22.

Тимофеев Е. И., 1961. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. № 3. С. 56–75.

Тихомиров М. Н., 1956. Древнерусские города. 2-е изд. М.: Госполитиздат. 477 с.

Тихомиров М. Н., 1952. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. Т. 40. М.: Изд-во АН СССР. С. 233, 234.

Тищенко М., 1928. Нариси історії торгівлі Лівобережної України з Кримом у XVIII ст. // Історико–географічний збірник Історично-філологічного відділу УАН. Т. 2. Київ. С. 87–133.

Ткачев М. А. и др., 1987. Ткачев М. А., Колединский Л. В., Бубунько Т. С. Средневековый Витебск // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 3 / отв. ред. В. В. Седов. Вып. 1б. Секция V. М.: ИА РАН. С. 80–89.

Товкайло Н. Т., Бузян Г. Я., Тетеря Д. А., Юрченко А. В., 2012. Грунтовый могильник на окраине Переяславля Русского // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур: сб. науч. ст. Рязань. С. 215–221.

Толочко П. П., 1969. До історії будівництва «города Ярослава» та Софії київської // Археологія. Т. XXII. С. 196–202.

Толочко П. П., 1975. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука. С. 5–56.

Толочко П. П., 1980. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. Киев: Наукова думка. 224 с.

Толочко П. П., 1983. Древний Киев. Киев: Наукова думка. 328 с.

Толочко П. П., 1985. Происхождение древнейших восточнославянских городов // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. Киев. С. 5–18.

Толочко П. П., 1987. Древняя Русь. Киев: Наукова думка. 246 с.

Толочко П. П., 1989. Древнерусский феодальный город. Киев: Наукова думка. 255 с.

Толочко П. П., 1992. Киевская Русь и Волжская Болгария // Путь из Булгара в Киев: межреспубликанский сб. науч. ст. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН; ИА АН УССР. С. 3–6.

Толочко П. П., 1996. Володимир Святий. Ярослав Мудрий. Киев: Артэк. 215 с.

Толочко П. П., 1996. Київська Русь. Київ: Абрис, 1996. 360 с.

Толочко П. П., 1999 а. Історична довідка про 1100-літній вік Полтави // ПАЗ – 1999 / отв. ред. О. Б. Супруненко. Полтава: Археологія. С. 5, 6.

Толочко П. П., 1999 б. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетейя. 160 с.

Толочко П. П., 2000. Переяславське князівство // Давня історія України. Т. 3: Слов'яно-руська доба // отв. ред. П. П. Толочко. Київ: ИА НАН Украины. С. 355–367.

Толочко П. П., 2003. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб.: Алетейя. 304 с.

Толочко П. П., 2008 а. Любечская битва в источниках и историографии // Київ і Русь: вибрані твори 1998–2008 рр. Київ: Академперіодика. С. 127–139.

Толочко П. П., 2008 б. Пути-дороги Древней Руси // Київ і Русь: вибрані твори 1998–2008 рр. С. 316–330.

Топальський В., 2003. Дороги у Київській Русі // Дружинні старожитності Центрально–Східної Європи VIII–X ст.: матеріали Міжнародного польового археологічного семінару. Чернігів. С. 163–169.

Третьяков П., 1947. Стародавні слов'янські городища у Верхній течії Ворскла // Археологія. Т. 1. С. 123–139.

Трубачев О. Н., 1968. Названия рек Правобережной Украины. М.: Наука. 289 с.

Турчанович Л. Ф., 1950. Леса Европейской части СССР в прошлом // Землеведение: сборник Московского общества испытателей природы / отв. ред. В. Н. Сукачев. Новая серия. Т. III (XLIII). М. 80–106.

Турчин І., 2010. Хистиянізація Русі та Скандинавії: загальні тенденції та регіональні відмінності // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: матеріали IX Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. Чернігів. С. 266, 267.

Тыпкова-Заимова В., 1978. Тюркские кочевники, византийская администрация и местное население на Нижнем Дунае (XI–XII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье: сб. ст. / отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука. С. 67–72.

Узянов А. А., 1981. Переверзевское II городище // АО-1980. М. С. 85, 86.

Узянов А. А., 1982. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств / отв. ред. А. К. Станюкович. М.: Наука.

Узянов А. А., 1983 а. Динамика заселения долины реки Тускарь (диахронный анализ приуроченности поселений к различным этапам природных геосистем) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.

Узянов А. А., 1983 б. Памятники роменской культуры на р. Тускарь // АО-1981. М. С. 93.

Узянов А. А., 1987. Хронология и хорология роменских поселений (новые данные о памятниках верховьев Сейма и Псла) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. Всесоюзной конференции. М. С. 256, 257.

Узянов А. А., 1988. Курское Посеймье в IX – первой четверти XI вв. (некоторые новые данные о хронологии и топографии роменских поселений) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 2. Секция 4 / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка. С. 313–316.

Узянов А. А., 1990. Керамический комплекс роменской культуры: подходы к хронологической диагностике // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12 пятилетке: тез. докл. и сообщений Второй межвузовской науч. конф. Белгород: БелГПУ. С. 87–89.

Узянов А. А., 1991. Специфика урбанизационного процесса в условиях пограничных зон в раннем средневековье (к проблеме дифференцированного подхода к уровням и формам процесса) // Методические проблемы исследования, становления и развития города. М. С. 144, 145.

Узянов А. А., 1993. Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем Средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М. С. 81–93.

Узянов А. А., Кашкин А. В., 1990. Историческая динамика размещения населения на юго-восточной границе Черниговской земли // Тезисы докл. историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Чернигов. С. 159–162.

Узянов А. А., Смирнов Ю. А., Верещинский Л. И., 1979. Мешковские курганы и городище // АО-1978. М.: Наука. С. 98, 99.

Урланис Б. Ц., 1941. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М.: ОГИЗ – Госполитиздат. 436 с.

Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия. С. 88–132. (Труды ГИМ; вып. 43).

Успенский Ф., 1879. Образование второго Болгарского царства. Одесса. 253 с.

Фасмер Р., 1914. Куфические монеты Переяславского клада // ИАК. Вып. 51. Пг. С. 17–66.

Федоров Г. Б., 1964. Работа Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции в 1962 году // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея в 1962 г. Одесса: Маяк. С. 67–81.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ. 276 с.

Фетисов А. А., 2004. Формирование территории «Русской земли» по археологическим данным // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь пятая. К 100-летию со дня рождения Ю. А. Липкинга. Курск. С. 30–32.

Фехнер М. В., 1968. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М. С. 210–214.

Филарет (Д. Г. Данилевский), 1857. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 2: уезды Харьковский и Валковский. М.: Тип. В. Готье. 307 с.

Филарет (Д. Г. Данилевский), 1873. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 7. Чернигов. 439 с.

Филарет (Д. Г. Данилевский), 1874. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. Чернигов: Губернская тип. 444 с.

Флеров В. С., 1996. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: ИА РАН. 100 с.

Фоменко В. Г., 1964. Южные пути Киевской Руси на Запорожье // Археографический ежегодник за 1963 г. М. С. 23–32.

Фомин А. В., 2000. Монеты из раскопок поселения у с. Горбово // Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале X века по археологическим данным. Тула. Приложение 3. С. 243, 244.

Франклин С., Шепард Д., 2009. Начало Руси, 750–1200. СПб.: Дмитрий Буланин. 671 с.

Фролов М. В., 1991. Раскопки в Рыльске // Археология и история юго-востока Руси: тезисы докл. науч. конф. Курск. С. 83, 84.

Фролов М. В., 1994. Заключение по результатам археологических исследований 1982–1992 годов города Рыльска и его округи // Хрестоматия для провинциального юношества по истории города Рыльска. Ч. 1 / сост. О. Н. Щеголев. Курск: Информпечать. С. 301–309.

Фролов М. В., 2009. Стратиграфия и хронология древнего Рыльска. Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск. С. 96–100.

Фроянов И. Я., 2007. Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм. 336 с.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю., 1988. Города-государства Древней Руси. Л. 269 с.

Хабургаев Г. А., 1979. Этнонимия «Повести временных лет». М.: Изд-во МГУ. 382 с.

Хамайко Н. В., 2007. Древнерусское «двоеверие»: происхождение, содержание и адекватность термина // Ruthenica. Т. VI. Киев. С. 86–114.

Хамайко Н. В., 2010. Від язичництва до християнства крізь призму археології: сучасні тенденції історіографії // Археологія і давня історія України. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології / отв. ред. П. П. Толочко. Київ: вид. ІА НАН України. С. 431–442.

Харламов В. А., Трофименко Г. В., 1996. Архитектура Переяславля Русского XI – первой половины XII века // Проблемы изучения древнерусского зодчества: сб. ст. (по материалам архитектурно-археологических чтений, посвященных памяти П. А. Раппопорта). СПб.: Изд-во ГЭ. С. 47–51.

Хорошев А. С., 1997 а. Замки, ключи и замочные принадлежности // Археология. Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука. С. 14–17.

Хорошев А. С., 1997 б. Новгородские усадьбы X–XV вв. // Славянский средневековый город: труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М.: Наука. С. 411–425.

Худяков Ю. С., 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение. 272 с.

Цветков М. А., 1957. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М.: Изд-во АН СССР. 214 с.

Чайка С. О., 2011. Пісочен на Супої. Черкаси: Вертикаль, вид. ПП Кандич С. Г. 150 с.

Чельцов М., 1879. Полемика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI–XII вв. СПб.: Тип. Ф. Г. Елеонского. 405 с.

Чендеев Ю. Г., Шатохин И. Т., 1990. Антропогенное преобразование лесов в лесостепной части днепровского лесостепного Левобережья (по материалам XVI–XX вв.) // Археологические исследования в Центральном Черноземье в двенадцатой пятилетке: тез. докл. Белгород. БелГПУ. С. 96–98.

Черных П. Я., 2007. Историко-этимологический словарь современного русского языка в двух томах. 8-е изд. М.: Русский язык; Медиа. 621 и 560 с.

Чижов М. П., 1961. Український лісостеп. Київ: Ранянська школа. 204 с.

Шахматов А. А., 1916. Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг.: Изд-во Археографической комиссии. 403 с.

Шахматов А. А., 2001. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Разыскания о летописях. Жуковский: Кучково поле. 880 с.

Шафонский А. Ф., 1851. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев. 697 с.

Швецов М. Л., 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. № 2. С. 192–202.

Шелгунов Н., 1857. История русского лесного законодательства. СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ. 378 с.

Шерстюк В. В., 2008. Літописний Голтов у Нижньому Попсіллі та його округа // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради: збірник наукових праць. Т. 2. Коростень. С. 230–234.

Шерстюк В. В., 2012. Місто Синець-Сенча давньоруського і козацького часу та його округа // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2012: збірник наукових праць. Київ; Полтава. С. 160–176.

Шерстюк В. В. Дослідження біля с. Приліпка на Полтавщині у 2014 р. // АДУ–2014 / гл. ред. Ю. В. Болтрик. Київ: СтародавнІй Світ. С. 194–196.

Шерстюк В. В., 2015. Археологічні розвідки на території Полтавської області у 2014 р. // АДУ-2014 / гл. ред. Ю. В. Болтрик. Київ: Стародавній Світ. С. 192, 193.

Шерстюк В. В., 2008. Лукімське городище в Нижньому Посуллі // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2018: зб. наук. праць пам'яті Г. О. Сидоренко (1918—1984). Київ: ЦП НАН України і УТОПІК; Полтава: Дивосвіт. С. 129–149.

Шерстюк В. В., Прядко О. О., 2016. Чутівське городище на Сулі // Старожитності Посулля: збірник наукових праць пам'ті Ф. І. Каминського (1845–1891). Київ: Центр пам'яткознавства НАН України та УТОПІК. С. 148–150.

Шинаков Е. А., 1980. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. № 3. С. 110–127.

Шинаков Е. А., 1981. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой половины XIII века: автореферат дис. ... канд. истор. наук. М. 24 с.

Шинаков Е. А., 1982. Население верхнего течения реки Псёл в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Серия 8. История, 1982. № 2. С. 90–97.

Шинаков Е. А., 1991. «Восточные территории» Древней Руси в конце X–XIII вв. (Этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока: материалы межвузовской науч. конф. / отв. ред. А. Г. Дьяченко. Воронеж: Изд-во Воронежского пединститута, 1991. С. 82–93.

Шинаков Е. А., 2002. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск: Изд-во БГУ. 487 с.

Шинаков Е. А., 2004. Дружинные лагеря // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.: збірка наукових праць / гл. ред. О. П. Моця. Київ: Корвін Пресс. С. 307–311.

Шнитников А. В., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки Географического общества СССР. Т. 16. Новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 339 с.

Шнитников А. В., 1985. Теоретические основы многовековой изменчивости общей увлажненности и состояние озер – современное и вероятное будущее // Проблемы исследования крупных озер СССР / отв. ред. О. А. Алекин. Л.: Наука. С. 5–22.

Шостопал А., 2007. Скарби Черкащини. Черкаси: Изд-во В. П. Андрощук. 120 с.

Шпилев А. Г. 2003. Курские клады куфических монет и северянское Посеймье // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. 1. Тула. С. 334–362.

Шпилев А. Г., 2008. Северянское Посемье // Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск: График. С. 183–266.

Шпилев А. Г., 2009. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура: материалы Международной науч. конф., посвящённой 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск : Изд-во АПИИТ «ГИРОМ». С. 232–250.

Шпилев А. Г., 2010. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII – конец X вв.) // Stratum plus. 2010. № 5. С. 221–274.

Шпилев А. Г., 2012. Новые находки предметов круга «скандинавских древностей» из Курской области // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 4: Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего Средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой): сб. науч. тр. Курск. С. 227–240.

Шрамко Б. А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во ХГУ. 404 с.

Шрамко Б. А., 1967. Исследование лесостепной полосы УССР // АО-1966. М.: Наука. С. 199.

Шрамко Б. А., 1991. Хорошевское городище // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж: Изд-во ВорГПУ. С. 50–59.

Штыхов Г. В., 1986. Ворота XII в. в Минске // Метрострой. № 6.

Шугаевский В. А., 1912. Новое приобретение Черниговского соединенного исторического музея // ИАК. Прибавление к выпуску 44. СПб. С. 74, 75.

Шушарин В. П., 1961. Русско-венгерские отношения в XI в. // Международные связи России до XVII века. М.: Изд-во АН СССР. С. 131–180.

Щавелев А. С., 2002 а. Камерные погребения Гочевского могильника (вопросы атрибуции, социокультурной интерпретации) // Русский сборник: сб. науч. тр., посвященный 25-летию исторического факультета Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского. Брянск: Изд-во БГУ. С. 209–213.

Щавелев А. С., 2002 б. Сага о Йомсвикингах // Русский сборник: сб. науч. тр., посвященный 25-летию исторического факультета Брянского гос. университета им. акад. И. Г. Петровского. Брянск: Изд-во БГУ. С. 258–264.

Щавелев С. П., 1992. Первый опыт массового учета археологических памятников России // РА. Вып. 1. С. 255–263.

Щавелев С. П., 1994. Возраст личности и история общества: новое прочтение курской биографии Феодосия Печерского // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.; Курск: Изд-во Курского пединститута. С. 23–29.

Щавелев С. П., 2005. Лунница и крест: христианизация юго-востока Руси (по материалам Курского Посеймья) // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья: сб. ст. Воронеж: Изд-во «Истоки». С. 94–110.

Щавелёв С. П., 2006. Мстислав Лютый – основатель житийно-летописного города Курска (к вопросу о славянских, варяжских, касожских участниках строительства Древнерусской державы) // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст.: матеріали Міжнародного польового археолоічного семінару. Чернігів. С. 227–232.

Щавелев С. П., 2013. «Мой личный край Посеймье» // Дань Мнемозине: рецензии и отзывы. Кн. 1. Курск: Изд-во КГМУ. 480 с.

Щавелев С. П., 2014. Археологические реалии жития Феодосия Печерского // Труды IV (XX) АС в Казани. Т. III / отв. ред. П. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Казань: Отечество. С. 203–207.

Щавелева Н. И., 1990. Польские латиноязычные средневековые источники / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Наука. 208 с.

Щапов Я. Н., 1989. Государство и церковь в Древней Руси (конец X – первая половина XIII в.) // Введение христианства на Руси / отв. ред. А. Д. Сухов. М.: Мысль. С. 124–137.

Щапов Я. Н., 1995. Оказывало ли христианство влияние на древнерусское язычество? // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь: чтения памяти В. Т. Пашуто: тезисы докл. / отв. ред. А. Н. Новосельцев. М.: ИРИ РАН. С. 85–88.

Щапова Ю. Л., 1966. Результати спектрального аналізу скляних виробів з Воїня // Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воінь / отв. ред. Д. І. Бліфельд. Київ: Наукова думка. С. 112–118.

Щербаківський В., 1925. Ліплявський могильник // Niederlův sborník. Ročnik IV. Praha. С. 339–348.

Щербань М. І., 1982. Лісостепова зона // Маринич О. М., Ланько А. І., Щербань М. І., Тищенко П. Г. Фізична географія Української ССР / гл. ред. О. М. Маринич. Київ: Вища школа. С. 131–149.

Юра Р. А., Кучера М. П., 1986 а. Воинь // Археология Украинской ССР. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды / гл. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка. С. 328–334.

Юра Р. А., Кучера М. П., 1986 б. Переяславль // Археология Украинской ССР. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды / гл. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка. С. 283–286.

Юшко А. А., 1998. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / под ред. Т. А. Пушкиной. М.: Памятники исторической мысли. С. 323–335.

Юшков С. В., 1939. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 253 с.

Янин В. Л., 1956. Денежно-весовые системы русского Средневековья. Домонгольский период // Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. Репринт. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 9–234.

Янин В. Л., 1960 а. О печатях Ратибора // СА. № 2. С. 270–275.

Янин В. Л., 1960 б. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождения игумена Даниила» // ТОДРЛ. № 16. С. 112–131.

Янин В. Л., 1970. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М.: Наука. 325 с.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 1998. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. М.: Интрада. 496 с.

Янина С. А., 1963. Второй Неревский клад куфических монет X в. // Новые методы в археологии. Труды Новгородской экспедиции. Т. 3. М.: Наука. С. 287–331. (МИА. № 117).

Słownik, 1974. Bogdanowski J., Holcer Z., Kornecki M., Swaryc-zewski A. Mały słownik terminologiczny dawnej architektury obronnej w Polsce // Teka Komisji Urbanistyki i Architektury Oddziału Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. T. VIII. Kraków, 1974. 126 c.

Отчетные и архивные материалы

Белозерский Н. М., 1884. О змиевых и других валах // ЦНБ. Рукописный отдел. № I. 7854-а.

Березовец Д. Т. Отчет о работе Сеймско-Славянского отряда Сеймско-Деснянской экспедиции в 1950 г. // НА ИА НАНУ. 1950/2 а. ФЭ. № 1147.

Бузян Г. М., Колибенко О. В., Товкайло М. Т., Тетеря Д. А. Звіт про роботу Переяслав-Хмельницької археологічної експедиції за 1992 р. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1992/43.

Воевода В. Ф., 1970. Отчет об археологической разведке в Бобровицком и Носовском районах Черниговской обл. в 1970 г. // НА ИА АН УССР. ФЭ. 1970/109. № 8626.

Выезжев Р. И., отчет 1949 г. Отчет о полевых исследованиях Каневского отряда Пороссой экспедиции в 1949 г. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1949/35. № 927.

Коваленко В. П., отчет 1981 г. Отчет об исследовании летописных городов на Черниговщине в 1981 г. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1981/31. № 1044.

Козловская В. Е., Розанов А. Г., отчет 1924 г. // Листування ВУАКа, 1924 р. НА ИА НАНУ. Фонд ВУАК. № 17.

Копилов Ф. Б., 1947. Слов´янські городища сточища Сули // Плановая тема 1947 г. НА ИА НАНУ. Фонд 12. № 223.

Копилов Ф. Б. Південні кордони Київської Русі на території УРСР за археологічними даними: рукопись канд. дис., 1953–1954 гг. // НА ИА НАНУ. Фонд 12. № 365.

Кучера М. П., отчет 1965/47. Отчет о разведках древнерусского городища в с. Русанов на Трубеже // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1965/47. № 4508.

Кучера М. П., отчет 1971 г. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщини у 1971 р. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1971/17. № 5950.

Кучера М. П. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщини у 1972 р. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1972/24.

Кучера М. П., отчет 1973 г. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщини у 1973 р. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1973/18а. № 6799.

Кучера М. П., отчет 1975 г. Звіт про розвідку городищ у 1975 р. / НА ИА НАНУ. ФЭ. 1975/27. № 7829.

Кучера М. П., отчет 1979 г. Отчет о работе экспедиции по изучению змиевых валов в 1979 г. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1979/24. № 9747.

Кучера М. П., 1986. Отчет о работе экспедиции «Змиевы валы» в 1986 г. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1986/10. № 2186.

Кучера М. П., 1987. Отчет о работе экспедиции «Змиевы валы» в 1987 г. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1987/12. № 22425.

Кучера М. П., Сухобоков О. В., отчет 1971 г. Звіт про роботу Лівобережного розвідзагону ІА АН УРСР за 1971 р. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1971/17-а. № 5994.

Ляпушкин И. И., отчет 1948 г. Отчет о работе Днепровской Левобережной экспедиции в 1948 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1948. № 91–97.

Ляпушкин И. И. Отчет о работе Днепровской экспедиции ИИМК АН СССР 1948 г. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1948/23.

Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе Посульской разведочной группы ИА АН СССР в 1980 г. на территории Сумской, Черниговской и Полтавской областей УССР // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1980/65. № 9685.

Моргунов Ю. Ю. Отчет о работе Посульской разведочной группы ИА АН СССР в 1981 г. на территории Сумской, Полтавской, Черкасской областей УССР // НА ИА РАН. Р-1. № 8442.

Моця А. П. Отчет об археологической разведке по пути «Киев – Болгар» в 1990 г. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1990/28 в.

Роздобудько М. В., Юрченко О. В. Звіт про охоронні дослідження лівобережжя Канівського водосховища за 2002–2003 рр. // НА ИА НАН Украины.

Рутковская Л. М., 1972–1973. Отчет Жовнинского отряда о раскопках могильника в ур. Пристань в с. Жовнино // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1972–1973/113. № 6936.

Савчук А. П., 1981. Отчет за полевые исследования в 1981 г. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1981/78.

Семенчик М. М., 1928. Короткий опис археологічних пам`яток Верхнього Посулля року 1928 // Архив Роменского краеведческого музея. Без №.

Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В., альбом к отчету 2004 г. Альбом к отчету об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2004 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25432.

Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В., альбом к отчету 2005 г. Альбом к отчету об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2005 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 32281.

Стародубцев Г. Ю., альбом к отчету 2007 г. Альбом к отчету об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 48885.

Стародубцев Г. Ю., альбом к отчету 2008 г. Альбом к отчету об охранных раскопках Гочевского археологического комплекса (с. Гочево Беловского района Курской области) в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 43742.

Сухобоков О. В., Моця А. П., отчет 1983/38 а. Отчет о раскопках роменско-древнерусского комплекса памятников у с. Зеленый Гай Сумского района и обл. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1983/38 а. № 20906.

Сухобоков О. В., Юренко С. П., Приймак В. В., Пеняк С. П., 1986. Исследования роменского и древнерусского комплекса памятников близ с. Ницаха Тростянецкого райна Сумской обл. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1986/31. № 2232.

Фролов М. В. Отчет об археологических исследованиях памятников г. Рыльска в 1984 г. // НА ИА РАН, р-1. № 11198.

Фролов М. В. Отчет об археологических исследованиях 1989 г. Городище Ивана Рыльского // НА ИА РАН, р-1.

Шекун А. В., отчет 1980 г. Отчет Черниговской археологической разведочной экспедиции 1980 г. // НА ИА НАНУ. ФЭ. 1980/89. № 9726.

Шинаков Е. А., 1980 а. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой половине XIII в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1980 // РГБ. Отдел диссертаций. Дк 82-7/771.

Коллекции

Борисполь: НМІУ. Фонды. Раскопки В. Козловской 1925 г. (в-4534/58 62, 77, нож и керамика XI–XIII вв.); Государственный Эрмитаж. Фонд ОИПК. Оп. № 1. Коллекция разведок И. И. Ляпушкина.

Кашаны: ОКМ. Фонды и экспозиция (коллекция Н. Л. Переща); ИА НАНУ. Фонды. Коллекция № 558.

Крехаев. Находки из Крехаева: НМІУ. № в-4562/1, № в-2824; ОКМ. Фонды. № Д-426.

Медвежье. Макаренко Н. Е.: Государственный Эрмитаж. Фонд ОИПК. № 824/13-16; РКМ. Фонды. Планшеты. № 11, 18, 22, 23.

Кучера М. П., Сухобоков О. В. Материалы разведок левобережных городищ 1971 г.: Фонды ИА НАНУ. Коллекция № 660.

Ляпушкин И. И. Броварки. Материалы разведки 1948 г.: Государственный Эрмитаж. Фонд ОИПК. Оп. 1. Р 48, Бр.

Фонды НМІУ. Археологический отдел. Инв. №№ в-4637, в-4534/64, в-2824.

Список сокращений

АВУ – Археологічні відкриття в Україні.
АДУ – Археологічні дослідження в Україні.
АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України.
АО – Археологические открытия.
АП УРСР – Археологічні пам'ятки України.
АС – Археологический съезд.
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси.
ВВ – Византийский временник.
ВГ – Вопросы географии.
ВГУ – Воронежский государственный университет.
ВУАК – Всеукраинский археологический комитет.
ГИЗ – Государственное издательство.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГУГК – Государственное управление геодезии и картографии.
ДГ – Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования.
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ИА АН УССР – Институт археологии АН УССР.
ИАК – Известия археологической комиссии.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины.
ИКДР – История культуры Древней Руси.
ИЛ – Ипатьевская летопись.
ИОЛЕАЭ – Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.
ИЯЛИ – Институт языка, литературы, истории.
КГМУ – Курский государственный музей археологии.
КГПИ – Курский государственный педагогический институт.
КНЦ РАН – Казанский научный центр РАН.
КС – Киевская старина.
КСИА – Краткие сообщения института археологии РАН.
КСИА АН УССР – Краткие сообщения института археологии АН УССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
ЛЛ – Лаврентьевская летопись.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НА – Научный архив.
НАН України – Національна академія наук України.
НІЕЗ – Національний історико-етнографічний заповідник.
НМІУ – Національний музей історії України.
НПЛ – Новгородская первая летопись.
ОКМ – Остерський краєзнавчий музей.
ПАЗ – Полтавський археологічний збірник. Збірник наукових праць.

ПВЛ – Повесть временных лет.
ПКМ – Полтавський краєзнавчий музей.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
ПУАК – Полтавская ученая архивная комиссия.
П-Х ДПУ – Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет ім. Григорія Сковороди.
РА – Российская археология.
РАН – Российская академия наук.
РГБ – Российская государственная библиотека.
РГО – Русское географическое общество.
РИС – Русский исторический сборник.
РКМ – Роменський краєзнавчий музей.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СГУ – Саратовский государственный университет.
СДПУ – Сумський державний педагогічний університет ім. А. С. Макаренка.
СРГ – Список русских городов.
ТИАС – Тезисы историко-археологического семинара.
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.
УАН – Українська академія наук.
УІЖ – Український історичний журнал.
УрО РАН – Уральское отделение РАН.
УТОПІК – Українське товариство охорони пам'яток історії та культури.
ФЭ – Фонд экспедиций.
ЦНБ – Центральная научная библиотека Национальной академии наук Украины.
ЧОНЛ – Чтения в историческом обществе Нестора-летописца.
SK – Seminarium Kondakovianum.

Оглавление

Введение ... 3
Источники и историография ... 6
Письменные источники ... 6
Археологические источники ... 7
Изучение памятников летописных северян ... 14
Историко-географическое изучение Переяславской земли ... 16
Физико-географическая характеристика региона ... 21
К реконструкции древних ландшафтов ... 24
Среднее Поднепровье в эпоху Святослава Игоревича ... 30
Киевское ядро во времена Святослава ... 30
Расселение летописных северян ... 36
Сухопутные пути эпохи Святослава ... 45
Древности эпохи Владимира Святославича ... 50
Расширение и огораживание южных пределов Руси ... 50
Строительство «городов» Владимира Святославича ... 67
Северянские «протогорода» ... 73
Присоединение Русью восточносеверянских земель ... 88
Сухопутные военные и торговые пути ... 105
Христианизация окраин Руси ... 119
Заселенность левобережных киевских владений ... 124
Примечания ... 137
Ключевые вехи княжения Ярослава Мудрого ... 152
Раздел «Русской земли» по Днепр ... 156
Возобновление Поросского рубежа ... 160
Христианство и язычество ... 164
Выделение и заселенность Переяславской земли ... 167
Примечания ... 178
Княжения Всеволода Ярославича – Ярополка Владимировича ... 182
Краткий обзор военно-политической истории ... 182
Русские укрепления центра Переяславской земли ... 193
К расселению кочевых федератов Руси ... 221
Особенности ранней фазы укрепления порубежья ... 238
Другие владения переяславских князей ... 254
К маршрутам походов 1103 и 1111 гг. ... 261
Успехи христианизации в конце XI – начале XII в. ... 266
Примечания ... 271
Заключение ... 298
Приложение. К методике датирования древнерусских городищ ... 303
Источники и литература ... 322
Опубликованные источники ... 322
Научная литература ... 324
Отчетные и архивные материалы ... 370
Коллекции ... 372
Список сокращений ... 373

Научное издание

Юрий Юрьевич МОРГУНОВ

Историческая география Переяславской земли

(Святослав Игоревич – Ярополк Владимирович)

Подписано в печать 02.04.2019. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 30,55. Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Древности Севера»
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48
Тел. / факс (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru
URL: http://drevnostisevera.ru

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3

Юрий Юрьевич Моргунов (1947–2018) – известный российский археолог, крупный специалист в области славяно-русской археологии, полвека проработавший в Институте археологии РАН. Юрий Юрьевич – опытный полевик, разработавший передовую методику полевого изучения древнерусской фортификации, особенно востребованную в наши дни. Особое внимание Ю. Ю. Моргунов уделял публикации своих исследований. Его монографии стали настольной книгой не только специалистов по археологии Южной Руси, но всех археологов-медиевистов. «Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков» (2009) заставили совершенно по-новому увидеть древнерусскую фортификацию, пересмотреть устоявшиеся оценки и интерпретации. Однако главной, досконально проработанной темой его исследований является историческая география Переяславской земли, одного из ключевых государственных образований на территории Древней Руси. Ее расположение на южном пограничье русских земель неизбежно заставляло изучать отношения Руси с народами степей, поэтому русско-степные и русско-восточные (в широком смысле) взаимоотношения всегда находились в центре внимания исследователя, составляя одну из важных тем его публикаций, без которых историографию данного вопроса представить уже невозможно.

ISBN 978-5-93061-131-1